[КЛАССИКИ ПЕДАГОГИКИ]

АНТОН
МАКАРЕНКО

МОЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Антон Макаренко – гениальный педагог и воспитатель. По мнению специалистов ЮНЕСКО только четыре педагога в мире, определивших способ педагогического мышления в XX веке, получили международное признание. Это – Джон Дьюи, Георг Кершенштейнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко. Система воспитания Макаренко основана на трех основных принципах – воспитание трудом, игра и воспитание коллективом. И в России имя Антона Семеновича Макаренко уже давно стало нарицательным и ассоциируется с человеком, способным найти правильный подход к самому сложному ребенку…

В 2016 году исполняется 80 лет «Педагогической поэме», отдельное издание которой в трех частях появилось в 1936 году. В настоящем издании публикуется полностью восстановленный текст.

- А. С. Макаренко
  - ○
  - ○
  - ○ От составителя
    - ■ «Поэма всей моей жизни…»
  - ○ Часть первая
    - ■ [1] «Разговор с завгубнаробразом»
    - ■ [2] Бесславное начало колонии имени Горького
    - ■ [3] Характеристика первичных потребностей
    - ■ [4] Операции внутреннего характера
    - ■ [5] Дела государственного значения
    - ■ [6] Завоевание железного бака
    - ■ [7] «Ни одна блоха не плоха»
    - ■ [8] Характер и культура
    - ■ [9] «Есть еще лыцари на Украине»
    - ■ [10] «Подвижники соцвоса»
    - ■ [11] Сражение на ракитном озере
    - ■ [12] Триумфальная сеялка
    - ■ [13] На педагогических ухабах
    - ■ [14] Братченко и райпродкомиссар
    - ■ [15] Осадчий
    - ■ [16] Чернильницы по-соседски
    - ■ [17] «Наш – найкращий»
    - ■ [18] Габерсуп
    - ■ [19] Шарин на расправе
    - ■ [20] «Смычка» с селянством

- [21] Игра в фанты
- [22] О живом и мертвом
- [23] Вредные деды
- [24] Ампутация
- [25] Сортовые семена
- [26] Хождение Семена по мукам
- [27] Командирская педагогика
- [28] Изверги второй колонии
- [29] Завоевание комсомола
- [30] Начало фанфарного марша

○ Часть вторая
- [1] Кувшин молока
- [2] Отченаш
- [3] Доминанты
- [4] Театр
- [5] Кулацкое воспитание
- [6] Стрелы Амура
- [7] Пополнение
- [8] Водолечебница девятого отряда
- [9] Четвертый сводный
- [10] Свадьба
- [11] Лирика
- [12] Осень
- [13] Гримасы любви и поэзии
- [14] Не пищать!
- [15] Трудные люди
- [16] Запорожье
- [17] Как нужно считать
- [18] Боевая разведка

○ Часть третья
- [1] Гвозди
- [2] Передовой сводный
- [3] Бытие
- [4] «Все хорошо»
- [5] Идиллия
- [6] Пять дней
- [7] Триста семьдесят третий бис
- [8] Гопак
- [9] Преображение
- [10] У подошвы Олимпа
- [11] Первый сноп
- [12] Жизнь покатилась дальше
- [13] «Помогите мальчику»
- [14] Награды

        - [15] Эпилог
    - Вклейка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

А. С. Макаренко
Моя система воспитания. Педагогическая поэма

© С. С. Невская, составление, вступительная статья, примечания, комментарии, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

К 80-летию выхода в свет «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко

От составителя

«Поэма всей моей жизни…»

Перед вами, дорогой читатель, удивительная книга – «Педагогическая поэма», внимательно читая которую проникаешь в глубины сознания тонкого знатока человеческой психологии Антона Семеновича Макаренко, масштаб личности которого вызывает глубокое чувство уважения.

В 2016 году исполняется 80 лет «Педагогической поэме», отдельное издание которой в трех частях появилось в 1936 году. «Поэма» имеет необычную десятилетнюю историю создания, но прежде чем раскрыть эту историю, обратимся к малоизвестным широкому кругу читателей страницам биографии А. С. Макаренко – великого педагога XX века.

Страницы жизни и деятельности А. С. Макаренко

А. С. Макаренко родился 13 (1 по ст. ст.) марта 1888 года в г. Белополье (ныне Сумская область Украины).

Брат Виталий Семенович воспоминал, что отец, Семен Григорьевич, работал в железнодорожных мастерских (мастер-моляр). Сиротское детство наложило на характер отца свой след: «он всегда был немного замкнутым, скорее молчаливым, с небольшим налетом грусти»[1]. Родился Семен Григорьевич в Харькове, где говорили на самом красивом русском языке.

Мать, Татьяна Михайловна, «и подавно не знала “украинской мовы” – ее родные были выходцы из Орловской губ.»[2]. «Ее отец, Михаил Дергачев, служил небольшим чиновником в Крюковском интендантстве и имел в Крюкове довольно приличный дом. Мать происходила из дворян, но из обедневшей дворянской семьи»[3].

В семье С. Г. Макаренко было четверо детей: старшая дочь Александра, старший сын Антон, младший – Виталий и младшая дочь Наташа, которая умерла в детском возрасте от тяжелой болезни. Татьяна Михайловна была заботливой матерью и хозяйкой.

Виталий Макаренко признавался, что семья была патриархальной, как и большинство семей в ту эпоху. «Отец каждое утро и каждый вечер совершал перед иконой короткую молитву. В Белополье он даже был церковным старостой. Характеры у родителей были разные, но спокойные и у отца, и у матери. Мама была шутница, вся пронизана украинским юмором, подмечавшим у людей смешные стороны»[4].

Семен Григорьевич свободно писал, выписывал газету и журнал «Нива». Приложения к журналу содержал в строгом порядке; «здесь были полные собрания сочинений А. Чехова, Данилевского, Короленко, Куприна, а из иностранных писателей… Бьернстерне Бьернсон, С. Лагерлеф, Мопассан, Сервантес и др.»[5].

Старшего сына Антона отец научил читать в пять лет. Виталий Семенович в своих воспоминаниях подчеркивал, что Антон «обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограниченна. Без преувеличения можно сказать, что в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 тысяч населения»[6]. Читал книги по философии, социологии, астрономии, естествознанию, художественной критике, «но, конечно, больше всего он читал художественные произведения, где прочел буквально все, начиная от Гомера и кончая Гамсуном и Максимом Горьким»[7].

По признанию брата, Антон Семенович особенно увлекался русской историей. Виталию Семеновичу запомнились имена известных историков Ключевского, Платонова, Костомарова, Милюкова; читал «Историю Украины» Грушевского, книги Шильдера «Александр 1», «Николай 1».

Из всеобщей истории, вспоминал Виталий, его интересовала история Рима («он прочитал всех древних римских историков»), а также история французской революции, «по которой он прочел несколь ко трудов, из них довольно солидный в 3-х томах, перевод с французского (“Французская революция”) – имя автора я не запомнил»[8].

По количеству прочитанных юным Антоном книг, отмечал Виталий, далее шла философия («особенно увлекался Ницше и Шопенгауэром»). «Большое впечатление на него также произвели произведения В. Соловьева и Э. Ренара и книга Отто Вайнингера «Пол и характер». Появление этой последней книги в то время было настоящим литературным событием»[9]. Читал буквально все, что появлялось на книжном рынке из художественной литературы. «Бесспорными “кумирами” этой эпохи были Максим Горький и Леонид Андреев, и из иностранных писателей – Кнут Гамсун. Затем последовали Куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Аверченко, Найденов, Сургучев, Тэффи и др. Из поэтов А. Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гиппиус, Городецкий и др. Из иностранных авторов, кроме Гамсуна, назову: Г. Ибсен, А. Стриндберг, О. Уайльд, Д. Лондон, Г. Гауптман, Б. Келлерман, Г. Д’Аннунцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие»[10]. «Антон читал внимательно, поразительно быстро, не пропуская ничего, и

спорить с ним о литературе было совершенно бесполезно». Не пропускал сборники «Знание», «Шиповник», «Альциона», выписывал журнал «Русское богатство», петербургский сатирический журнал «Сатирикон» и московскую газету «Русское слово», покупал иллюстрированные журналы «Столица и усадьба», «Мир искусства». Книги и сборники не хранил, «вся библиотека Антона состояла из 8 томов Ключевского – «Курс русской истории», и 22 томов «Большой энциклопедии», которую он купил в кредит в 1913 г.»[11].

В 1901 г. семья С. Г. Макаренко переехала в Крюков. В 1904 г. старший сын Антон с отличием окончил Кременчугское 4-классное городское училище, а в 1905 г. – педагогические курсы при нем: работал учителем Крюковского 2-классного железнодорожного начального училища, затем учителем железнодорожного училища на станции Долинская (1911–1914 гг.).

Работу А. С. Макаренко в Долинском железнодорожном училище наблюдал народный учитель Л. Степанченко. Он вспоминал: «А. С. Макаренко был всего тремя годами старше меня, но своей эрудированностью он удивлял и поначалу прямо-таки угнетал меня. (…) Обнаружив в моей голове литературный вакуум, советует мне прочесть Лескова, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Толстого Л. Н., Бальзака, Джека Лондона, Горького…» И далее: «Ученическая любовь к нему была всеобщей. И не удивительно: он все время был с детьми. Осень и весна – мяч, городки, канат-перетяжка. Веселье, смех, и бодрость! И всюду он организующий, веселящийся вместе с ребятами. Зима – ученические вечера: интересные, красочно оформленные, с массой участников»[12].

В 1914 году в 27-летнем возрасте А. С. Макаренко поступил в Полтавский учительский институт. В октябре 1916 г. был призван в армию и рядовым направлен в Киев. Весной 1917 г. его сняли с военного учета из-за близорукости. В том же году он окончил учительский институт с золотой медалью, а с 9 сентября 1917 г. преподавал в образцовом училище при Полтавском институте. После революции А. С. Макаренко возглавил Крюковское железнодорожное училище.

С приходом в 1919 году в Крюков армии Деникина Антон Семенович вернулся в Полтаву, где получил должность заведующего вторым городским начальным училищем имени Куракина. С осени 1919 г. А. С. Макаренко был членом правления городского профсоюза учителей русских школ, избирался заместителем начальника отдела трудовых колоний при Полтавском губнаробразе.

События Гражданской войны коснулись и семьи Макаренко. Отец умер еще в 1916 году, а брат Виталий, поручик, вынужден был эмигрировать (без жены и ребенка) в 1920 году. Решение А. С. Макаренко поменять работу с обычными детьми на работу с несовершеннолетними правонарушителями, возможно, было вызвано сложными семейными проблемами. Антон Семенович приступил к работе в колонии в м. Трибы в 6 км от Полтавы.

Некоторое время (с 1922 г.) братья переписывались. В. С. Макаренко по памяти (письма сгорели) восстановил одно из писем Антона Семеновича: «“…Мама живет у меня. Она очень грустит по тебе и называет меня иногда Витей. Она постарела, но еще очень бодра и сейчас читает уже 3-й том “Войны и мира” Толстого…”. “…После твоего ухода наш дом был разграблен, то, что называется до нитки. Не только унесли мебель, но даже забрали дрова и уголь в сарае…” “… Я страшно жалею, что ты не со мной. У нас очень много мещан и до ужаса мало энтузиастов…”… “…Я думаю, что тебе рано еще возвращаться на родину. Разбушевавшееся море еще не совсем успокоилось…”»[13]

В 1920 г. А. С. Макаренко принял руководство детским домом для несовершеннолетних правонарушителей под Полтавой, позже получившим название детской трудовой колонии им. М. Горького (1920–1928 гг.). Этот период его жизни и деятельности изображен в «Педагогической поэме». Первую часть «Поэмы» («Горьковской истории») он начал писать в 1925 г. С этого года Антон Семенович и его колонисты переписывались со своим шефом Алексеем Максимовичем Горьким.

Еще после окончания Полтавского учительского института А. С. Макаренко сделал попытку поступить в Московский университет, но ему, как уже получавшему государственную стипендию, в этом было отказано (надо было отработать положенный срок). В 1922 г. Антон Семенович осуществил свою мечту и стал студентом Московского Центрального института организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса. Неиссякаемая жажда знаний преследовала педагога всю жизнь. Вот что он писал в то время в документе «Вместо коллоквиума»:

«…История – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию

знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По социологии, кроме социологических этюдов указанных исторических писателей, знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина.

*По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм. (*Курсивом выделен текст, не вошедший в Педагогические сочинения А. С. Макаренко. – С. Н.*)*

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей – в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением

вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области – педагогике много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев»[14].

11 ноября 1922 г. А. С. Макаренко-студент выступает с докладом «Гегель и Фейербах», а 27 ноября пишет заявление: «Вследствие полученных мною сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии для морально-дефективных, которую я организовал и вел в течение двух лет, я считаю себя обязанным немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс распада колонии. О моем возвращении телеграфировал мне и Губсоцвос…».

Таким образом, учиться пришлось только с 14 октября по 27 ноября. Из-за разлада в колонии им. М. Горького Антон Семенович оставил учебу и вернулся в Полтаву. Педагогу не только удалось наладить жизнь колонии, но и превратить ее в образцовую. В 1926 г. колония им. М. Горького была переведена в Куряж (под Харьковом).

С 1927 г. А. С. Макаренко совмещал работу в колонии с организацией детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В 1928 г. он вынужден был уйти из колонии им. М. Горького. До 1932 г. Макаренко являлся заведующим, а с 1932 по 1935 гг. – начальником педагогической части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

В 1934 г. А. С. Макаренко был принят в Союз писателей. В 1932–1936 гг. при поддержке М. Горького были изданы художественные произведения А. С. Макаренко: «Марш 30 года», «Педагогическая поэма», пьеса «Мажор».

Летом 1935 г. Антона Семеновича отозвали из коммуны в Киев, назначив заместителем начальника Отдела трудовых колоний НКВД Украины, где он руководил учебно-воспитательной частью. Но и в новой должности педагог взял на себя (по совместительству) руководство колонией несовершеннолетних правонарушителей № 5 в Броварах под Киевом.

В начале 1937 г. А. С. Макаренко переехал в Москву, посвятив себя литературной и общественно-педагогической деятельности. В 1937–1939 гг. были опубликованы его произведения: «Книга для родителей» (ж. «Красная новь, 1937, № 7 10), повесть «Честь» (ж. «Октябрь», 1937, № 11–12, 1938, № 5 6), «Флаги на башнях» («Красная новь», 1938, № 6,7,8), статьи, очерки, рецензии и т. д.

30 января 1939 г. А. С. Макаренко был награжден орденом Трудового Красного Знамени «за выдающиеся успехи и достижения в области развития советской художественной литературы».

1 апреля 1939 г. Антон Семенович Макаренко скоропостижно скончался от сердечного приступа. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Перестало биться сердце непревзойденного педагога-мастера, тончайшего психолога, талантливого писателя, сценариста, драматурга, литературного критика.

За свою недолгую жизнь А. С. Макаренко совершил главный свой подвиг: он дал путевку в жизнь бывшим несовершеннолетним правонарушителям, воспитал их, приобщил к культуре, дал образование, научил быть счастливыми! Он стал им отцом!

Еще при жизни Антона Семеновича представители педагогического «Олимпа», наблюдая за его питомцами, говорили: «Набрали хороших детей, одели и показывают. Вы возьмите настоящих беспризорных!»

На подобные реплики педагог отвечал: «До того все перевернулось в этих головах, что пьянство, воровство и дебош в детском учреждении они уже стали считать признаками успеха воспитательной работы и заслугой ее руководителей… То, что являлось прямым результатом разума, практичности, простой любви к детям, наконец, результатом многих усилий и моего собственного каторжного труда, то, что должно было ошеломляюще убедительным образом вытекать из правильности организации и доказывать эту правильность, – все это объявлялось просто не существующим. Правильно организованный детский коллектив, очевидно, представлялся таким невозможным чудом, что в него просто не верили, даже когда наблюдали его в живой действительности… Коротко я отметил в своем сознании, что по всем признакам у меня нет никакой надежды убедить олимпийцев в моей правоте. Теперь уже было ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будет вражда и ненависть ко мне и к моему делу. Во всяком случае, я понял, что моя ставка на аргументацию опытом была бита: опыт объявлялся не только не существующим, но и невозможным в реальной действительности».

Эти строки взяты из рукописи 14-й главы третьей части «Педагогической поэмы», но, как и другие высказывания, реплики, сценки и даже целые главы, при первых изданиях книги были исключены и восстановлены только в новом издании 2003

года. А. С. Макаренко писал: «Это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее, представляется мне чем-то “священным”».

До появления в печати «Поэмы» он успел опубликовать «Марш 30 года» и написать повесть «ФД 1», которая при его жизни не была опубликована и, в связи с этим, частично была потеряна. Первый редактор Антона Семеновича Юрий Лукин писал: «“Марш 30-го года” был своего рода литературным экспериментом А. С. Макаренко. После того, как этот опыт увенчался неожиданным для скромного автора успехом, создается новая, тоже экспериментальная в этом же смысле работа “ФД 1”… Книга “ФД 1” не была издана в то время. Рукопись ее, к сожалению, уцелела лишь частично… Это примерно половина рукописи. “Фд 1”, по сути, продолжает повествование “Марша 30-го года”. Здесь показан новый этап в трудовом воспитании коммунаров, точнее говоря – переход от воспитания трудового к производственному»[15].

История создания «Педагогической поэмы»

«Педагогическая поэма» А. С. Макаренко создавалась 10 лет. Началом работы над книгой сам Антон Семенович называл 1925 год. Однако писать приходилось в редкие минуты отдыха. Педагог был не просто руководителем колонии им. М. Горького. Он – ее создатель, мозг, душа! Колонисты между собой называли своего завкола «Антон». Соратник и друг Макаренко К. С. Кононенко вспоминал, что, поступив на работу в коммуну имени Дзержинского в марте 1932 г., не застал там Макаренко (тот был в отпуске). Но именно его отсутствие особенно резко дало понять значимость А. С. Макаренко для коммуны. Именем «Антон» был насыщен воздух коммуны, везде и по всякому поводу произносили это слово. «И было в этом что-то такое, что невольно обращало на себя внимание… Здесь в слове “Антон” было что-то неизмеримо большее… было столько уважения, безыскусственной восторженности, столько теплоты…»[16] Так было в коммуне в 1930-годы, но так было и в колонии в 1920-годы: сыновья любовь, уважение, восторженность. Колонисты видели в нем отца – строгого, требовательного и справедливого.

В 1927 г. в жизни А. С. Макаренко произошли резкие перемены. Его педагогическая система не устраивала педагогический «Олимп», но он категорически отказался от каких бы то ни было перемен в своей работе. Именно в это сложное для него время пришло решение создать свою семью. Встреча с

Галиной Стахиевной Салько перевернула всю его жизнь: она стала в те трудные годы его путеводной звездой, его музой. Они познакомились, когда Галине Стахиевне было 34 года, а Антону Семеновичу – 39 лет. Г. С. Салько – председатель комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома. А. С. Макаренко полюбил эту женщину, полностью ей доверял. В самый трудный (потерял колонию) и счастливый (полюбил) год своей жизни писал «своей музе» письма о своей любви, о своих тревогах и планах. Так, 3 октября 1928 г. он признавался:

«…Я думаю о том, как по неожиданному, какому-то новому закону в моей жизни случились две огромные вещи: я полюбил Вас и я потерял колонию Горького. Об этих двух вещах я думаю очень много и напряженно. Мне хочется, чтобы моя жизнь продолжала вертеться вокруг новой таинственной оси, как она вертится вот уже второй год.

Ничего подобного в моей жизни никогда не было. Дело тут не в том, что я потерпел неудачу или удачу. Удачи и неудачи в моей жизни и раньше бывали, но они были логичны, были связаны стальными тяжами со всеми имеющимися законами жизни и, особенно, с моими собственными законами и привычками. Я привык стоять на твердой позиции твердого человека, знающего себе цену, и цену своему делу, и цену каждой шавке, которая на это дело лает… Мне казалось, что в моей жизни заключена самая веселая, самая умная, самая общественно ценная философия настоящего человека.

Сколько годов создавалась эта моя история? Я уже успел приблизиться к старости, я был глубоко убежден, что нашел самую совершенную форму внутренней свободы и внутренней силы, силы при этом совершенно неуязвимой во всем великолепии своего спокойствия.

А вот пришел 27 год, и все в какие-нибудь две недели полетело прахом»[17].

Заботливое отношение А. С. Макаренко к Г. С. Салько и ее сыну Леве отразились в переписке. В письме от 10 октября 1928 года он решительно настаивал доверить ему сына: «Говорю прямо: Леву нужно взять из его теперешнего окружения, иначе из него выйдет полуграмотный дилетант и советский чиновник, ко всему относящийся с ни к чему не обязывающей иронией. Разве это не так? Что Лева может потерять в коммуне? Самое опасное, о чем можно было бы говорить – это образование. Но какое? Не то ли, какое дается в наших семилетках? Мы дадим ему совершенно новый и интересный мир: производства, машины, уменья, ловкости и уверенности. В области грамотности, простите,

Солнышко, но наша теперешняя пятая группа, куда попадет Лева, гораздо грамотнее его, я сужу по его письмам… Одним словом, я Леву забираю и кончено…»[18]

В июле 1927 г. Галина Стахиевна подарила Антону Семеновичу свою фотографию (фото 1914 г.). А. С. Макаренко заключил фотографию в рамку, а на обороте сделал следующую надпись: «Бывает так с человеком: живет, живет на свете человек и так привыкает к земной жизни, что впереди уже ничего не видит, кроме Земли. И вдруг он находит… месяц. Вот такой, как “на обороте сего”. Месяц, со спокойным удивлением взирающий и на Человека и на Землю. Ясному месяцу посылает человек новый привет, совсем не такой, какие бывают на Земле. А. Макаренко. 5/7 1927». Эта фотография стояла на его письменном столе.

А через пять дней Антон Семенович пишет письмо, в котором раскрывает близкому человеку свой внутренний мир, который всегда оберегал от других, следуя словам любимого поэта Тютчева «молчи, скрывайся и таи и мысли и мечты свои»:

«Сейчас 11 часов. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты, и одинокий вступаю в храм моей тайны. В храме жертвенник, на котором я хочу распластать весь мир. Да, именно весь мир. Если Вы читали ученые книги, Вы должны знать, что мир очень удобно вмещается в каждом отдельном сознании. Будьте добры, не думайте, что такой мир – очень мало. Мой мир в несколько мириадов раз больше вселенной Фламариона и, кроме того, в нем отсутствуют многие ненужные вещи фламарионовского мира, как то: африканский материк, звезда Сириус, или альфа Большого Пса, всякие горы и горообразования, камни и грунты, Ледовитый океан и многое другое. И зато в моем мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не поймает и не изменит при помощи самых лучших своих трубок и стеклышек…»[19]

Заканчивается письмо такими словами:

«Я еще знаю, что мне не дано изобретать закон моей любви, что я во власти ее стихии и что я должен покориться. И я знаю, что сумею благоговейно нести крест своего чувства, что я сумею торжественно истлеть и исчезнуть со всеми своими талантами и принципами, что я сумею бережно похоронить в вечности свою личность и свою любовь. Может быть, для этого нужно говорить и говорить, а может быть, забиться в угол и молчать, а может быть, разогнавшись, расшибиться о каменную стенку Соцвоса, а может быть, просто жить. “Все благо”. Но что я непременно обязан делать – это благодарить Вас за то, что Вы живете на свете, и за то, что Вы не прошли мимо случайности – меня. За то, что Вы украсили мою жизнь смятением и величием, покорностью и

взлетом. За то, что позволили мне взойти на гору и посмотреть на мир. Мир оказался прекрасным»[20].

В другом письме Антон Семенович делает еще одно признание, открывая и обнажая свой внутренний мир:

«Каждое слово, сказанное сейчас или написанное, кажется мне кощунством, но молчать и смотреть в черную глубину одиночества невыносимо. Каждое мгновение сегодня – одиночество. (…) Я стою перед созданным мною в семилетнем напряжении моим миром, как перед ненужной игрушкой. Здесь столько своего, что нет сил отбросить ее, но она вдруг сломана, и для меня не нужно уже ее поправить.

Сегодня я не узнаю себя в колонии. У меня нет простоты и искренности рабочего движения – я хожу посреди ребят со своей тайной, и я понимаю, что она дороже для меня, чем они, чем все то, что я строил в течение семи лет. Я как гость в колонии.

Я всегда был реалистом. И сейчас я трезво сознаю, что мой колонийский период нужно окончить, потому что я выкован кем-то наново. Мне нужно перестроить свою жизнь так, чтобы я не чувствовал себя изменником самому себе…»[21]

В своих откровенных письмах-исповедях А. С. Макаренко не только раскрывает душу и сердце, он передает в них свой «благоговейный трепет перед даром судьбы»: неожиданным счастьем любить и быть любимым. С этого момента Антон Семенович будет утверждать, что человека нужно воспитывать счастливым, это счастье (ответственность за свое и чужое счастье) в руках каждого человека.

Через десять месяцев – май 1928 года – горьковский период его жизни разобьется о «каменную стену» соцвоса. В письме (в ночь с 12 на 13 мая 1928 г.) Галине Стахиевне Антон Семенович сообщает: «Сейчас только закончился педсовет, на котором я объявил о моем уходе. Решили, что наш педсовет своего кандидата в заведующие не оставляет. Вообще большинство, вероятно, уйдет в ближайшие месяцы. Я собственно собрал педсовет для того, чтобы установить общую тактику по отношению к воспитанникам. Хочу, чтобы мой уход прошел безболезненно. Прежде всего нужно добиться, чтобы никаких ходатайств или депутаций о моем возвращении не было. Эта пошлость повела бы только к новым оскорблениям меня и колонии. Настроение у наших педагогов даже не подавленное, а просто шальное, тем не менее, все единодушно одобряют мое решение, всем очевидно, что другого решения быть не могло»[22].

В это сложное время А. С. Макаренко поделился своими писательскими мечтами с Г. С. Салько: «Вообще: писать книгу, то

только такую, чтобы сразу стать в центре общественного внимания, завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому сказать нужное сильное слово». Эти слова оказались пророческими – рождается поэма всей его жизни!

Итак, цель была поставлена высокая, но путь к ней оказался долгим и тернистым.

В общем плане «Педагогической поэмы», составленном в 1930–1931 гг., А. С. Макаренко указал, что фоном для предполагаемых 4-х частей книги является развитие русской революции.

На *фоне первой части* планировалось отразить «последние громы гражданской войны. Бандитизм, махновщина, догорающие остатки старого мещанства и старой интеллигенции, пафос победы и разрушения…»[23] *Вторая часть* – период первого нэпа: «открытые магазины и витрина. Водка. Заработки рабочих и оздоровление крестьянства. Крестьяне строятся. Крестьянские свадьбы. Пахнет чем-то дореволюционным…». *Фон третьей части*: «Время правых и левых уклонов и оппозиций. Время новых кризисов и испытаний, время постепенной, медленной гибели от задушья всяких нэпманов и частников, время многоразличной растерянности и непонимания, куда нужно клонить голову и за кого голосовать. Время проявления всякого лакейства и разложения…». *Фон четвертой части*: «лихорадочная перестройка общественных рядов на новый пафос коллективной работы. В расширенном темпе новой стройки вносятся как раз те мотивы, на которых настаивала все время колония. Сюда относятся: коллективное соревнование, большая осведомленность коллектива о своем собственном движении, большой интерес к органическому строению коллектива, большой интерес к роли личности в коллективе и, самое главное, большой подъем и большее требование от личности. Пятилетка и индустриализация отнюдь не должны быть показаны как бессомненные величины. Как раз наоборот, многие персонажи романа могут и должны сомневаться в правильности отдельных деталей. В этой части должно быть больше новых людей, новых строителей, новых энергий и обязательно больше рабочих – все они представляют одну сторону общества, но живой остается и другая сторона – сторона безответственных вредителей-болтунов и слепых человечишек. И совершенно еще не ясно, на чьей стороне окажется победа, но совершенно ясно, что победа будет решена только качеством человеческого состава, и вся последняя часть идет под знаком пересмотра или, по крайней мере, попыток к пересмотру этого состава…. Сюда входит и всякая чистка, и

новые способы подбора, и новые идеи в экономике человеческого коллектива. В частности, это отражается на спорах о бирже труда, о значении профсоюза и прочее. Болтающие, разумеется, сопротивляются и в самом человеческом пересмотре они тоже принимают участие»[24].

В общем плане к «Педагогической поэме», как в зеркале, отражена десятилетняя история молодой Страны Советов. Но на этом А. С. Макаренко не останавливается. Он дает замечательную *зарисовку развития коллектива*, который был создан силой его мысли и воли. *На фоне первой части* «в таком же хаотическом и несколько глупом порядке образуется колония правонарушителей», «образуются первые скрепы коллектива, главным образом под давлением воли и призыва, под давлением насилия». Постепенно «проглядывают первые движения нового коллектива», появляется «первая человеческая гордость». *На фоне второй части* «крепнет и богатеет, обрастает культурой коллектив колонии, восстановление кончено, мир с селянами, театр. Образование комсомола. Накапливается энергия у ребят. Слава гремит о колонии. Тесно в провинциальном захолустье, подрастают старики, выделяются рабочие, свадьбы, появились рабфаковцы. В колонии не раскол, а живое разделение на омещанившихся, стремящихся к собственному заработку и сохранивших коллективный пафос общего стремления. Поиск выхода. Мечта, остров, Запорожье, Куряж. Мечты эти не могут быть поняты болтающейся интеллигенцией». На *фоне третьей главы* «внутреннее кипение энергии колонии выливается в ее широком наступлении на море разгильдяйства и грязи, то, что называется трудовым корпусом». «Внутренний пафос колонии растворяется на мелкую борьбу. Внутри себя обессиленная колония встречает удары менее стойко, чем можно ожидать. Обилие нового анархического народа делает усилия старой части малосостоятельными, но борьба продолжается с упорством. Много всяких посещений, ревизий, сплетен, заседаний. Хозяйственная жизнь колонии идет все же своим порядком, и колония даже пускается на очень рискованные дела. Расширяются мастерские, колония готовится к приему шефа, но в это как раз время ей и наносят последний удар. Начинается отступление основной части и кадров в коммуну ГПУ». *На фоне четвертой* части линия развития коллектива колонии изображается следующим образом: «Так называемый изумрудик продолжает жить здоровой и радостной жизнью, но этот отдых для боевого коллектива уже нужно закончить. Появляются старые члены коллектива, одни из них рабочие, другие заканчивают ВУЗ. У многих из них чешутся руки для новой большой работы. Работа

коммуны освещается широкими производственными планами. Новыми «производственными» идеями в воспитании и старыми привычными симпатиями к веселой дисциплине коллектива. Коммуна должна умереть как временное мобилизационное пристанище коллектива. Роман заканчивается сборами старых и новых членов коллектива, выросшего и оздоровленного… на новую большую и трудную работу. Изумрудик остается на руках младшего коллектива и новых верующих, остается как прекрасное на память»[25].

Вот на такой ноте завершается история развития горьковского коллектива. Однако в общем плане «Поэмы» А. С. Макаренко отмечает еще две темы: развитие лица А. (самого Макаренко) и развития лица Б. (представительница Наркомпроса Галина Стахиевна Салько, с 1935 г. – Макаренко, супруга Антона Семеновича).

В конце общего плана А. С. Макаренко сделал важную пометку, завершающую описание развития лица Б. – самого Макаренко и его музы – Галины Стахиевны: «Развитие этой жизни точно так же характеризуется преобладанием и силой мажорных тонов, презрением к пустомелям и верой в будущего человека и его жизнь… Ее любовь к А. – это не только любовь к мужчине, но и целая система гармонического мироощущения. Вот почему в последней части нет двух жизней, а есть одна сверкающая гармония двух людей, представляющих целое, единственное живое целое, ценное на Земле. Эта мысль о великом значении пары людей есть мысль о новой семье, о новом человеке, о новом элементе человеческого коллектива. Эта мысль должна оттеняться рисунком еще двух-трех человеческих культурных пар, способных понять в каждом своем движении, что счастье людей не должно исключать счастья и благополучия человечества»[26].

Известно, что в «Педагогической поэме» отсутствует личная тема: нет развития лица А. и лица Б. Тем не менее А. С. Макаренко вернулся к этому плану в 1938–1939 годы, когда писал новый роман «Пути поколения», который остался не завершенным. В общем плане педагог отразил главное – свое отношение к рождающемуся новому обществу, которое он олицетворяет с коллективом колонии им. М. Горького, то есть тем самым «изумрудиком» – первым ростком нового гуманного общества. Путь к этому новому обществу, к новому человеку-гражданину лежит долгий и трудный, требующий «глубокого сознания длительности постройки человеческой культуры», «человеческого разума, количества и качества «работающих коллективов», «перестройкой представлений о мире, основанной

на неожиданно новой теме ценности личности в ценном коллективе»[27]. И что удивительно, Макаренко вручает этот «изумрудик» в руки младшего коллектива как «прекрасное на память». Не есть ли это признание свидетельством того, что время для коммунистического общества еще не наступило?!

А. С. Макаренко самозабвенно, жертвуя отпуском, кратковременным отдыхом, чаще всего урывками между делами, под ребячий гомон, в походах, в поездах, по ночам писал горьковскую историю, историю трудового воспитательного коллектива – первого ростка гуманного общества. Результатом явилось удивительно цельное художественное полотно, своего рода гимн человеческому разуму, воле, уму, доброте!

Появлению в печати «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко обязан А. М. Горькому. Без Алексея Максимовича, его моральной и материальной поддержки, требовательности не появились бы вторая и третья части «Поэмы».

Заочное знакомство колонистов-горьковцев и А. С. Макаренко с А. М. Горьким произошла летом 1925 г.

А. С. Макаренко отправил 8 июля 1925 г. письмо в Италию. Письмо без точного адреса дошло до Алексея Максимовича. Началась заочная дружба колонистов с Горьким. Они души не чаяли в своем шефе, считали писателя своим самым большим другом, приглашали в гости, писали искренние письма, почти наизусть знали его произведения. Алексей Максимович тоже знал о них все по их подробным письмам и фотографиям. Так, например, М. П. Хрущ сообщил о трагедии: был убит Кондратьев. Об этом событии колонисты рассказали с такими подробностями, что можно только удивляться, как это письмо (как, впрочем, и другие) могла «дойти» до Горького. А что же пережил Ан тон Семенович от этой и других трагедий внутри колонии?! Вспоминая тяжелые события того времени, он писал: «Да. Есть еще трагедии в мире и еще очень далеко до ослепительной свободы совершенного человеческого общества… А я должен сделать не паровоз и не консервы, а настоящего советского человека, а наробразовские идеалисты требуют не меньше как «человека-коммуниста». Из чего? Из Аркадия Ужикова? С малых лет Аркадий Ужиков валяется на большой дороге, и все колесницы истории и географии прошлись по нем кованными колесами…» («Педагогическая поэма», часть третья.)

Трагические «события» в колонии совпали с назначением А. С. Макаренко 20 октября 1927 г. на должность заведующего Детской трудовой коммуной им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ УССР. 50 мальчиков и 10 девочек из колонии были переведены в

коммуну 25–28 декабря. Они стали ядром коллектива дзержинцев. Официально открытие коммуны состоялось 29 декабря – день десятилетия ВЧК-ОГПУ.

Для Макаренко смыслом жизни и главной целью были его воспитанники, борьба за человеческое в каждом из них. Ему в высшей степени были свойственны великая любовь к Человеку, вера в его созидательные силы и оптимизм.

Июнь 1928 года прошел в колонии под знаком ожидания приезда Горького. А. С. Макаренко сообщал писателю, что и думы, и разговоры, и работа направлены только на то, чтобы Алексей Максимович увидел эту работу и жизнь горьковцев.

Встреча А. С. Макаренко и его воспитанников с А. М. Горьким в макаренковедении освещена подробно. Однако мало кому известно, что до конца своей жизни Алексей Максимович поддерживал педагога-писателя, высоко оценивал его педагогическое подвижничество. Достаточно только перелистать страницы его писем к разным адресатам, чтобы убедиться в этом. Например, 9 апреля 1927 года он писал жившему в эмиграции Далмату Александровичу Лутохину:

«Под Харьковом существует колония имени Вашего покорного слуги, в ней 350 “социально опасных” подростков, они обладают тысячью десятин земли, у них беркширы, свиньи – 70 ш[тук], 30 коров, – теперь уже больше, птица, овцы, лошади и т. д. Я говорю они обладают, ибо действительными и полными хозяевами колонии являются 24 выборных колониста, начальствующих отрядами: сельскохозяйст[венным], кузнечным и слесарным, портняжным, сапожным, скотоводным и т. д. Есть даже свой оркестр, а капельмейстер – девица, кажется, б[ывшая] воровка. В руках этих 24-х все ключи и вся работа. Вновь присылаемых не спрашивают, за что они осуждены, и о прошлом, вообще, не принято разговаривать, так что оно быстро забывается. Каждый – почти – месяц я получаю 24 письма – в одном пакете – от начальников отрядов, в письмах они мне рассказывают, как у них идет работа, чего они хотят, чего уже достигли. За шесть лет бытия колонии уже десятка два, три колонистов ушли в рабфак, в сельскохоз[яйственные] институты. И вот по этим письмам я вижу, с какой невероятной быстротою развивается наша молодежь, – “подпроченная”, заметьте! Это – удивительно. Руководит колонией такой же героический человек, каков Виктор Ник[олаевич] Сорин “Республики Шкид”. Его фамилия – Макаренко. Изумительной энергии человек»[28].

В роковой для Макаренко 1928 год А. М. Горький проявил максимум внимания и заботы к его судьбе. В письме П. Н. Крючкову 5 декабря он писал: «Прилагаю мое письмо

Погребинскому вместе с письмом Макаренко, которое Вы прочитаете. Прошу Вас лично поговорить с П., а если этого мало, попросите Ек. Пав. побеседовать с Г. Г. Ягодой. Разрушением колонии очень огорчен»[29].

С 1928 года Горький оказывает систематическую помощь Макаренко. Так, 6 декабря он сообщает А. Б. Халатову: «А Куряжская колония имени Горького – разрушается, убрали из нее заведующего, Макаренко, и ребята, которые получше, «разбрелись разно». Инициатором сего прелестного поступка является Украинский соцвос. С изумительной педагогической проницательностью четырем сотням воришек, бродяг, маленьких проституток было заявлено: “Вас эксплуатировали, теперь Вас будут учить”. После этого трудовая дисциплина удалилась ко всем чертям»[30].

22 ноября 1928 года Макаренко написал Алексею Максимовичу, что почти закончил книгу, которая в художественной форме раскрывает «историю работы и гибели колонии, свою воспитательную систему». Книгу он назвал «Педагогическая поэма» и попросил разрешения посвятить ее Горькому. 6 декабря 1928 года Алексей Максимович ответил ему: «За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую – в Москве. Пошлите рукопись П. П. Крючкову по адресу: Москва, Госиздат. Он Вам устроит печатанье быстро и хорошо. Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать»[31].

После этого письма Антон Семенович регулярно сообщал писателю о ходе работы над «Поэмой».

Писательская деятельность и работа в коммуне подорвали здоровье А. С. Макаренко. 8 декабря 1932 года в письме С. А. Калабалину (в «Поэме» Семен Карабанов) – бывшему колонисту и большому другу семьи Макаренко – Галина Стахиевна сообщила о желании приехать с Антоном Семеновичем к нему в Ленинград, где он заведовал колонией, поздравила с Новым 1933 годом и попросила о такой помощи: написать Горькому письмо о болезни Макаренко. Просьба была немедленно выполнена. 30 января 1933 года Горький написал Макаренко: «… Я, стороною, узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря – мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтоб из Москвы Вам выслали денег… А. Пешков»[32].

Макаренко был удивлен и тронут такой заботой Горького. Антон Семенович так и не узнал о том, что по просьбе Галины Стахиевны его любимец Семен Калабалин обратился к Горькому с просьбой о помощи для своего Учителя.

В письме П. П. Крючкову от 28 июля 1933 года Макаренко сообщил о своем трудном положении и желании найти работу в Москве: «Деньги Алексея Максимовича, которые я получил от Вас, лежат у меня на моей совести, и я по-прежнему буквально падаю в этой каторжной работе и конца ей не вижу. День и ночь, без вечеров для отдыха, без выходных дней, часто без перерыва на обед, все это можно выносить, если работа дает результаты. Но время создавания результатов уже минуло. Совершенно исключительный коллектив коммунаров Дзержинского сейчас сделался предметом потребления в самых разнообразных формах: то для создания капитала, то для производственного эффекта в порядке приложения разнообразного самодурства, то в виде неумных и вредных опытов. Вся моя энергия уходит на мелкие заплаты и нечеловеческие усилия сохранить хотя бы внешнюю стройность. Вы не подумайте чего: я ни с кем не ссорюсь и все мною даже довольны. Но я больше не могу растрачивать себя на пустую работу, и у меня иссякают последние силы, а самое главное, я терплю последние надежды подытожить свой опыт и написать ту книгу, необходимость которой утверждает Алексей Максимович.

Я могу отсюда уйти, но меня тащат в новые коммуны, я сейчас не в силах за них бороться, я четырнадцать лет без отдыха, отпуска. И вот я к Вам с поклоном: дайте мне работу в одном из Ваших издательств или нечто подобное. Мне нужно побывать среди культурных людей, среди книг, чтобы я мог восстановить свое человеческое лицо – а тут я могу просто запсиховать. Имейте в виду, что я человек очень работоспособный и Вы будете мною довольны, тем более, что и характер у меня хороший.

Я в начале сентября приеду в Москву, но очень прошу сейчас ответить, можете ли Вы мне помочь? Если не можете, буду искать других выходов. P.S. В Сочи буду с коммуной до 13 августа»[33].

25 августа Антон Семенович писал Горькому: «Получил Ваше письмо. Поверьте, нет в моем запасе таких выразительных слов, при помощи которых я смог бы благодарить Вас. Если я вырвусь из моей каторги, я всю свою оставшуюся жизнь отдам для того, чтобы другим людям можно было вести воспитательную работу не в порядке каторги. Это очень печально: для того, чтобы

воспитать человека, нужно забыть, что ты тоже человек и имеешь право на совершенствование и себя и своей работы.

Отсюда вырваться без Вашей помощи мне не удалось бы никогда.

Сейчас я выпустил 45 человек в вузы и для моей совести сейчас легче расстаться с коллективом. Вырваться от начальства гораздо труднее, оно очень привыкло к безграничной щедрости, с которой здесь я растрачивал свои силы, растрачивал при этом не столько на дело, сколько на преодоление самых разнообразных предрассудков…»[34].

А. С. Макаренко получил двухмесячный отпуск и в сентябре 1933 года поехал в Москву, куда позже приедет и Галина Стахиевна – сразу же после лечения от туберкулеза горла в санатории.

В Москве состоялась встреча Макаренко с Алексеем Максимовичем. Горький прочитал «Педагогическую поэму» и дал положительный отзыв.

В начале 1934 г. первая часть увидела свет в альманахе «Год XVII», кн. 3 (год указали 1933); а вторая и третья части в альманахе «Год XVIII», кн. 5 и кн. 8 – в 1935 г. (в это время Антона Семеновича перевели на работу в Киев в качестве заместителя начальника трудовых колоний НКВД Украины).

По словам А. С. Макаренко, вторую, а затем третью части «Поэмы» он писал в 1934–1935 годы.

В письме Горькому от 7 марта 1934 г. Антон Семенович признается: «Благодаря вашему вниманию, поддержке, а может быть, и защите моя “Педагогическая поэма” увидела свет… Для меня выход “Поэмы” – важнейшее событие в жизни… И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой? Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4-х печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места; мне, как, вероятно, и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них “Поэма” много в своей цельности теряет.

Писать ли вторую часть или не стоит?.. Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевания Куряжа.

Вторая часть для меня труднее, чем первая. Я не представляю себе, как я справлюсь с такой трудной задачей: описывать целый

коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не притушить их яркости. Одним словом, боюсь.

Не знаю также, уместно ли разбавлять повествование теоретическими отступлениями по вопросам, у меня есть такой зуд, – хорошо ли это?

И еще одно затруднение. Ваш приезд – это кульминационный пункт развития коллектива горьковцев, но это и его конец. До Вашего еще приезда мне удалось спасти 60 человек в коммуне Дзержинского. Эти 60 человек и продолжают традиции горьковцев уже на новом месте…»[35].

14 марта Горький сообщает Антону Семеновичу, что рукопись «Поэмы» сокращена по недоразумению – «недосмотрел». И предупреждает: «Очень огорчен тем, что Вы еще не принимались работать над второй частью, и очень Вас прошу: начинайте! Первая часть хорошо удалась Вам, все, кто читал ее, читали с наслаждением и все говорят: нет конца?»[36]

До конца своей жизни А. М. Горький поддерживает А. С. Макаренко. Петр Петрович Крючков – секретарь писателя – также оказывает немалую услугу Макаренко.

7 марта 1934 г. Антон Семенович пишет благодарственное письмо Крючкову: «Недавно получил альманах “Год XVII”. Я очень много обязан Вам в том, что моя “поэма” вышла в печати, к сожалению, не имею возможности лично поблагодарить Вас. В конце октября я заходил к Вам, но узнал, что Вы уехали в Крым, а через два дня меня вызвала коммуна в Харьков. Вторую часть “Педагогической поэмы” не начал, и не знаю, когда и начну: коммуна не оставляет ни времени, ни души для литературной работы.

Нужно сейчас побывать в Москве, как-нибудь кончить дело с “поэмой”. Мне очень жаль, что из-за недостатка мест в альманахе выбросили несколько глав, по моему мнению, ценных. Говорили тогда в редакции альманаха, что эти главы будут восстановлены в отдельном издании, а я до такой степени провинциал, что толком даже не знаю, кто это будет заниматься отдельным изданием, или это я сам должен кому-то сказать об этом. А может быть, это неудобно?

На днях в Москве будет тов. Салько, моя жена, я поручил ей зайти к Вам посоветоваться. Очень прошу Вас принять ее и помочь мне как-нибудь в литературных вопросах».

В следующем письме к П. П. Крючкову Антон Семенович информирует о своих делах: «Получил письмо от Алексея Максимовича, в котором он требует, чтобы я приступил ко второй части «Педагогической поэмы». Как ни нагружен мой день, приступил, приходится работать ночью, боюсь за качество.

Алексей Максимович пишет еще, что нужно издавать отдельное издание и что в этом деле поможете Вы. Простите, что я причиняю Вам столько хлопот…»[37]

А. М. Горький не оставляет в покое Макаренко. В своих письмах (1934 год) отмечает: «…Огорчен тем, что вторая часть “Педагогической поэмы” Вашей подвигается медленно. Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей»[38].

Антон Семенович оправдывается:

«О второй части у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей. Писал я ее в ужасных условиях, во время большой напряженной работы в коммуне, в летнем походе коммунаров: в вагоне, на улицах городов, в передышках между торжественными маршами… Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза… но как-нибудь основательно переделать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой.

Я очень прошу Вашего внимания к следующему:

Моя педагогическая вера: педагогика – вещь, прежде всего, диалектическая – не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным…

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития…

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе – триста куряжан… В третьей же части я хочу изобразить и

сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй части я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы). Это моя схема…»[39].

26 января 1935 года Макаренко сообщает Горькому: «…Начал третью часть “Педагогической поэмы”, которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей…»[40].

К концу сентября 1935 года А. С. Макаренко закончил работу над третьей частью «Поэмы». Последними письмами Макаренко и Горький обменялись в сентябре – октябре 1935 года.

28 сентября Антон Семенович информирует Алексея Максимовича, что авиапочтой выслал третью часть «Поэмы»:

«Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватало совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД…

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключи тельно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы…

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка, этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою

жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте…»[41].

Ответ А. М. Горького был замечательным:

«Дорогой Антон Семенович – третья часть “Поэмы” кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: “У подошвы Олимпа” и “Помогите мальчику” – нельзя исключить.

Хорошую вы себе “душу” нажили, отлично, умело она любит и ненавидит…

Если Вас тяготит “бюрократическая” работа и Вы хотели бы освободиться от нее – давайте хлопотать. Я могу написать т. Б. или П. П. Постышеву, могу просить Ягоду, чтоб Вас возвратили к ребятам. Ну – что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю…»[42]

Это последнее письмо Горького к Макаренко было написано в Тессели, где в то время он жил и лечился. Письмо без даты, но условно можно указать 8 октября 1935 года.

25 октября Алексей Максимович написал благодарное письмо редактору «Поэмы» Елене Марковне Коростелевой: «Уважаемая Елена Марковна – разрешите сердечно благодарить вас за работу по чтению и правке рукописи Макаренко. Меня так утомляет чтение рукописи, что я все хуже вижу ошибки авторов. Я очень рад, что Вы так удачно почистили высокоценную работу Макаренко, и усердно прошу Вас исправить нелепости текста, отмеченные Вами. Сам я, не имея рукописи пред глазами, мог только выбросить подчеркнутое Вашей рукою, а это едва ли правильно. Будьте здоровы и еще раз – спасибо. М. Горький»[43].

А. М. Горький умер 18 июня 1936 года. В 1938 году не стало П. П. Крючкова и М. С. Погребинского – людей, которые по просьбе Алексея Максимовича помогали Антону Семеновичу Макаренко. История создания «Педагогической поэмы» подошла к концу.

* * *

При жизни А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» издавалась по частям в горьковском альманахе, а также отдельными изданиями, в том числе и на украинском языке. После смерти педагога «Поэма» была опубликована в 1-м томе первого (1950–1952) и второго (1957–1958) Академических

Собраний сочинений А. С. Макаренко в 7 томах.

В 2003 г. читатель впервые смог прочитать педагогический роман-поэму в восстановленном виде[44]. Основой для восстановления текста послужило издание «Педагогической поэмы» во втором семитомном академическом издании сочинений А. С. Макаренко (1957–1958 гг.), по которому в течение полувека переиздавалась «Поэма» и по которому она вошла в третий том Педагогических сочинений А. С. Макаренко в 8 томах (1983–1986 гг.).

В новом издании «Педагогической поэмы» текст еще раз проверен, уточнены все нюансы, которые связаны с восстановлением отдельных небольших авторских высказываний. Все восстановленные тексты даны курсивом, что позволило сохранить уже привычный для читателей текст знаменитой «Педагогической поэмы».

С. С. Невская

Москва, 2016 г.

С преданностью и любовью нашему шефу, другу и учителю Максиму Горькому

Часть первая

[1] «Разговор с завгубнаробразом»

В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом[45] вызвал меня к себе и сказал:

– Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно… вот что твоей школе[46] дали это самое… губсовнархоз…

– Да как же не ругаться? Тут не только заругаешься, – взвоешь: какая там трудовая школа? Накурено, грязно! Разве это похоже на школу?

– Да… Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое, и столы не такие. Нету у вас этого самого вот… огня, знаешь, такого – революционного. Штаны у вас навыпуск!

– У меня как раз не навыпуск.

– Ну, у тебя не навыпуск… Интеллигенты паршивые!.. Вот ищу, ищу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек – по улице пройти нельзя, и по квартирам лазят. Мне говорят: это ваше дело, наробразовское… Ну?

– А что – «ну»?

– Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю – руками и ногами: зарежут, говорят, вам бы это кабинетик, книжечки… Очки вон надел.

Я рассмеялся:

– Смотрите, уже и очки помешали!

– Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы это самое: зарежет меня живой человек. Интеллигенты!

Завгубнаробразом сердито покалывал меня маленькими черными глазами и из-под ницшевских усов изрыгал хулу на всю нашу педагогическую братию. Но ведь он был не прав, этот завгубнаробразом.

– Вот послушайте меня…

– Ну, что «послушайте», что «послушайте»? Ну, что ты можешь такого сказать? Скажешь: вот если бы это самое… как в Америке! Я недавно по этому случаю книжонку прочитал, – подсунули. Реформаторы… или как там, стой!.. Ага! Реформаториумы[47]. Ну, так этого у нас еще нет.

– Нет, вы послушайте меня.

– Ну, слушаю.

– Ведь и до революции с этими босяками справлялись. Были колонии малолетних преступников…

– Это не то, знаешь… До революции это не то.

– Правильно. Значит, нужно нового человека по-новому делать.

– По-новому, это ты верно.

– А никто не знает – как.

– И ты не знаешь?

– И я не знаю.

– А вот у меня это самое… есть такие в губнаробразе, которые знают…

– А за дело браться не хотят.

– Не хотят, сволочи, это ты верно.

– А если я возьмусь, так они меня со света сживут. Что бы я ни сделал, они скажут: не так.

– Скажут, стервы, это ты верно.

– А вы им поверите, а не мне.

– Не поверю им, скажу: было б самим браться!

– Ну, а если я и в самом деле напутаю?

Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:

– Да что ты мне: напутаю, напутаю!.. Ну, и напутаешь. Чего ты от меня хочешь? Что я, не понимаю, что ли? Путай, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое… не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание[48]… Нам нужен такой человек вот… наш человек! Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо.

– А место есть? Здания все-таки нужны.

– Есть, брат. Шикарное место. Как раз там и была колония малолетних преступников. Недалеко – верст шесть. Хорошо там: лес, поле, коров разведешь…

– А люди?

– А людей я тебе сейчас из кармана выну. Может, тебе еще и автомобиль дать?

– Деньги?..

– Деньги есть. Вот получи.

Он из ящика стола достал пачку.

– Сто пятьдесят миллионов[49]. Это тебе на всякую организацию. Ремонт там, мебелишка какая нужна…

– И на коров?

– С коровами подождешь, там стекол нет. А на год смету составишь.

– Неловко так, посмотреть бы не мешало раньше.

– Я уже смотрел… что ж, ты лучше меня увидишь? Поезжай –

и все.

– Ну, добре, – сказал я с облегчением, потому что в тот момент ничего страшнее комнат губсовнархоза для меня не было.

– Вот это молодец! – сказал завгубнаробразом. – Действуй! Дело святое!

[2] Бесславное начало колонии имени Горького

В шести километрах от Полтавы на песчаных холмах – гектаров двести соснового леса, а по краю леса – большак на Харьков, скучно поблескивающий чистеньким булыжником.

В лесу поляна гектаров в сорок. В одном из ее углов поставлено пять геометрически правильных кирпичных коробок, составляющих все вместе правильный четырехугольник. Это и есть новая колония для правонарушителей.

Песчаная площадка двора спускается в широкую лесную прогалину, к камышам небольшого озера, на другом берегу которого плетни и хаты кулацкого хутора. Далеко за хутором нарисован на небе ряд старых берез, еще две-три соломенных крыши. Вот и все.

До революции здесь была колония малолетних преступников. В 1917 году она разбежалась, оставив после себя очень мало педагогических следов. Судя по этим следам, сохранившимся в истрепанных журналах-дневниках, главными педагогами в колонии были дядьки, вероятно, отставные унтер-офицеры, на обязанности которых было следить за каждым шагом воспитанников как во время работы, так и во время отдыха, а ночью спать рядом с ними, в соседней комнате. По рассказам соседей-крестьян можно было судить, что педагогика дядек не отличалась особой сложностью. Внешним ее выражением был такой простой снаряд, как палка.

Материальные следы старой колонии были еще незначительнее. Ближайшие соседи колонии перевезли и перенесли в собственные хранилища, называемые каморами и клунями, все то, что могло быть выражено в материальных единицах: мастерские, кладовые, мебель. Между всяким добром был вывезен даже фруктовый сад. Впрочем, во всей этой истории не было ничего, напоминающего вандалов. Сад был не вырублен, а выкопан и где-то вновь насажен, стекла в домах не разбиты, а аккуратно вынуты, двери не высажены гневным топором, а по-хозяйски сняты с петель, печи разобраны по кирпичику. Только буфетный шкаф в бывшей квартире директора остался на месте.

– Почему шкаф остался? – спросил я соседа, Луку Семеновича Верхолу, пришедшего с хутора поглядеть на новых хозяев.

– Так что, значится, можно сказать, что шкафик етой нашим людям без надобности. Разобрать его, – сами ж видите, что с него? А в хату, можно сказать, в хату он не войдёт – и по

высокости, и поперек себя тоже.

В сараях по углам было свалено много всякого лома, но дельных предметов не было. По свежим следам мне удалось возвратить кое-какие ценности, утащенные в самые последние дни. Это были: рядовая старенькая сеялка, восемь столярных верстаков, *падающих в обморок при одной мысли о столярной работе, и так* еле на ногах державшихся, конь – мерин, когда-то бывший киргизом, в возрасте тридцати лет, и медный колокол.

В колонии я уже застал завхоза Калину Ивановича. Он встретил меня вопросом:

– Вы будете заведующий педагогической частью?

Скоро я установил, что Калина Иванович выражается с украинским прононсом, хотя принципиально украинского языка не признавал. В его словаре было много украинских слов, и «г» он произносил всегда на южный манер. Но в слове «педагогический» он почему-то так нажимал на литературное великорусское «г», что у него получалось, пожалуй, даже чересчур сильно.

– Вы будете заведующий педакокической частью?

– Почему? Я заведующий колонией…

– Нет, – сказал он, вынув изо рта трубку, – вы будете заведующий педакокической частью, а я – заведующий хозяйственной частью.

Представьте себе врубелевского «Пана»[50], совершенно уже облысевшего, только с небольшими остатками волос над ушами. Сбрейте Пану бороду, а усы подстригите по-архиерейски. В зубы дайте ему трубку. Это будет уже не Пан, а Калина Иванович Сердюк. Он был чрезвычайно сложен для такого простого дела, как заведывание хозяйством детской колонии. За ним было не менее пятидесяти лет различной деятельности. Но гордостью его были только две эпохи: был он в молодости гусаром лейб-гвардии Кексгольмского ее величества полка, а в восемнадцатом году заведывал эвакуацией города Миргорода во время наступления немцев.

Калина Иванович сделался первым объектом моей воспитательной деятельности. В особенности меня затрудняло обилие у него самых разнообразных убеждений. Он с одинаковым вкусом ругал буржуев, большевиков, русских, евреев, нашу неряшливость и немецкую аккуратность. Но его голубые глаза сверкали такой любовью к жизни, он был так восприимчив и подвижен, что я не пожалел для него небольшого количества педагогической энергии. И начал я его воспитание в первые же дни, с нашего первого разговора:

– Как же так, товарищ Сердюк, не может же быть без заведующего колония? Кто-нибудь должен отвечать за все.

Калина Иванович снова вынул трубку и вежливо склонился к моему лицу:

– Так вы желаете быть заведующим колонией? И чтобы я вам в некотором роде подчинялся?

– Нет, это не обязательно. Давайте, я вам буду подчиняться.

– Я педакокике не обучался, что не мое, то не мое. Вы еще молодой человек и хотите, чтобы я, старик, был на побегушках? Так тоже нехорошо! А быть заведующим колонией – так, знаете, для этого ж я еще малограмотный, да и зачем это мне…

Калина Иванович неблагосклонно отошел от меня. Надулся. Целый день он ходил грустный, а вечером пришел в мою комнату уже в полной печали:

– Я вам здеся поставив столик и кроватку, какие нашлись…

– Спасибо.

– Я думав, думав, как нам быть с этой самой колонией. И решив, что вам, конешно, лучше быть заведующим колонией, а я вам буду как бы подчиняться.

– Помиримся, Калина Иванович.

– Я так тоже думаю, что помиримся. Не святые горшки леплять, и мы дело наше сделаем. А вы, как человек грамотный, будете как бы заведующим.

Мы приступили к работе. При помощи «дрючков» тридцатилетняя коняка была поставлена на ноги. Калина Иванович взгромоздился на некоторое подобие брички, любезно предоставленной нам соседом, и вся эта система двинулась в город со скоростью двух километров в час. Начался организационный период.

Для организационного периода была поставлена вполне уместная задача – концентрация материальных ценностей, необходимых для воспитания нового человека. В течение двух месяцев мы с Калиной Ивановичем проводили в городе целые дни. В город Калина Иванович ездил, а я ходил пешком. Он считал ниже своего достоинства пешеходный способ, а я никак не мог примириться с теми темпами, которые мог обеспечить бывший киргиз.

В течение двух месяцев нам удалось при помощи деревенских специалистов кое-как привести в порядок одну из казарм бывшей колонии: вставили стекла, поправили печи, навесили новые двери. В области внешней политики у нас было единственное, но зато значительное достижение: нам удалось выпросить в опродкомарме Первой запасной[51] сто пятьдесят пудов ржаной муки. Иных материальных ценностей нам не повезло «сконцентрировать».

Сравнив все это с моими идеалами в области материальной

культуры, я увидел: если бы у меня было во сто раз больше, то до идеала оставалось бы столько же, сколько и теперь. Вследствие этого я принужден был объявить организационный период законченным. Калина Иванович согласился с моей точкой зрения:

– Что ж ты соберешь, когда они, паразиты, зажигалки делають? Разорили, понимаешь ты, народ, а теперь как хочешь, так и организуйся. Приходится, как Илья Муромець…

– Илья Муромец?

– Ну да. Был такой – Илья Муромець, – может, ты чув, – так они его, паразиты, богатырем объявили. А я так считаю, что он был просто бедняк и лодырь, летом, понимаешь ты, на санях ездил.

– Ну что же, будем, как Илья Муромец, это еще не так плохо. А где же Соловей-разбойник?

– Соловьев-разбойников, брат, сколько хочешь.

Прибыли в колонию две воспитательницы: Екатерина Григорьевна и Лидия Петровна. В поисках педагогических работников я дошел было до полного отчаяния: никто не хотел посвятить себя воспитанию нового человека в нашем лесу – все боялись «босяков», и никто не верил, что наша затея окончится добром. И только на конференции работников сельской школы, на которой и мне пришлось витийствовать, нашлись два живых человека. Я был рад, что это женщины. Мне казалось, что «облагораживающее женское влияние» счастливо дополнит нашу систему сил.

Лидия Петровна была очень молода – девочка. Она недавно окончила гимназию и еще не остыла от материнской заботы. Завгубнаробразом меня спросил, подписывая назначение:

– Зачем тебе эта девчонка? Она же ничего не знает.

– Да я именно такую и искал. Видите ли, мне иногда приходит в голову, что знания сейчас не так важны. Эта самая Лидочка – чистейшее существо, я рассчитываю на нее вроде как на прививку.

– Не слишком ли хитришь? Ну, хорошо…

Зато Екатерина Григорьевна была матерый педагогический волк. Она ненамного раньше Лидочки родилась, но Лидочка прислонялась к ее плечу, как ребенок к матери. У Екатерины Григорьевны на серьезном красивом лице прямились почти мужские черные брови. Она умела носить с подчеркнутой опрятностью каким-то чудом сохранившиеся платья, и Калина Иванович правильно выразился, познакомившись с нею:

– С такой женщиной нужно очень осторожно поступать…

Итак, все было готово.

Четвертого декабря в колонию прибыли первые шесть воспитанников и предъявили мне какой-то сказочный пакет с пятью огромными сургучными печатями. В пакете были «дела». Четверо имели по восемнадцати лет, были присланы за вооруженный квартирный грабеж, а двое были помоложе и обвинялись в кражах. Воспитанники наши были прекрасно одеты: галифе, щегольские сапоги. Прически их были последней моды. Это вовсе не были беспризорные дети. Фамилии этих первых: Задоров, Бурун, Волохов, Бендюк, Гуд и Таранец.

Мы их встретили приветливо. У нас с утра готовился особенно вкусный обед, кухарка блистала белоснежной повязкой; в спальне, на свободном от кроватей пространстве, были накрыты парадные столы; скатертей мы не имели, но их с успехом заменили новые простыни. Здесь собрались все участники нарождающейся колонии. Пришел и Калина Иванович, по случаю торжества сменивший серый измазанный пиджачок на курточку зеленого бархата.

Я сказал речь о новой, трудовой жизни, о том, что нужно забыть о прошлом, что нужно идти все вперед и вперед. Воспитанники мою речь слушали плохо, перешептывались, с ехидными улыбками и презрением посматривали на расставленные в казарме складные койки – «дачки», покрытые далеко не новыми ватными одеялами, на некрашеные двери и окна. В середине моей речи Задоров вдруг громко сказал кому-то из товарищей:

– Через тебя влипли в эту бузу!

Остаток дня мы посвятили планированию нашей дальнейшей жизни. Но воспитанники с вежливой небрежностью выслушивали мои предложения, – только бы скорее от меня отделаться.

А наутро пришла ко мне взволнованная Лидия Петровна и сказала:

– Я не знаю, как с ними разговаривать… Говорю им: надо за водой ехать на озеро, а один там, такой – с прической, надевает сапоги и прямо мне в лицо сапогом: «Вы видите, сапожник пошил очень тесные сапоги!»

В первые дни они нас даже не оскорбляли, просто не замечали нас. К вечеру они свободно уходили из колонии и возвращались утром, сдержанно улыбаясь моему проникновенному соцвосовскому[52] выговору. Через неделю Бендюк был арестован приехавшим агентом губрозыска за совершенное ночью убийство и ограбление. Лидочка насмерть была перепугана этим событием, плакала у себя в комнате и выходила только затем, чтобы у всех спрашивать:

– Да что же это такое? Как же это так? Пошел и убил?..

Екатерина Григорьевна, серьезно улыбаясь, хмурила брови:

– Не знаю, Антон Семенович, серьезно, не знаю… Может быть, нужно просто уехать… Я не знаю, какой тон здесь возможен…

Пустынный лес, окружавший нашу колонию, пустые коробки наших домов, десяток «дачек» вместо кроватей, топор и лопата в качестве инструмента и полдесятка воспитанников, категорически отрицавших не только нашу педагогику, но всю человеческую культуру, – все это, правду говоря, нисколько не соответствовало нашему прежнему школьному опыту.

Длинными зимними вечерами в колонии было жутко. Колония освещалась двумя пятилинейными лампочками: одна – в спальне, другая – в моей комнате. У воспитательниц и у Калины Ивановича были «каганцы» – изобретение времен Кия, Щека и Хорива[53]. В моей лампочке верхняя часть стекла была отбита, а оставшаяся часть всегда закопчена, потому что Калина Иванович, закуривая свою трубку, пользовался часто огнем моей лампы, просовывая для этого в стекло половину газеты.

В тот год рано начались снежные вьюги, и весь двор колонии был завален сугробами снега, а расчистить дорожки было некому. Я просил об этом воспитанников, но Задоров мне сказал:

– Дорожки расчистить можно, но только пусть зима кончится: а то мы расчистим, а снег опять нападет. Понимаете?

Он мило улыбнулся и отошел к товарищу, забыв о моем существовании. Задоров был из интеллигентной семьи – это было видно сразу. Он правильно говорил, его лицо отличалось той молодой холеностью, какая бывает только у хорошо кормленных детей. Волохов был другого порядка человек: широкий рот, широкий нос, широко расставленные глаза, все это с особенной мясистой подвижностью, – лицо бандита. Волохов всегда держал руки в карманах галифе, и теперь он подошел ко мне в такой позе:

– Ну, сказали ж вам…

Я вышел из спальни, обратив свой гнев в какой-то тяжелый камень в груди. Но дорожки нужно было расчистить, а окаменевший гнев требовал движения. Я зашел к Калине Ивановичу:

– Пойдем снег чистить.

– Что ты! Что ж, я сюда черноробом наймался? А эти что? – кивнул он на спальни. – Соловьи-разбойники?

– Не хотят.

– Ах, паразиты! Ну, пойдем!

Мы с Калиной Ивановичем уже оканчивали первую дорожку, когда на нее вышли Волохов и Таранец, направляясь, как всегда, в

город.

– Вот хорошо! – сказал весело Таранец.

– Давно бы так, – поддержал Волохов.

Калина Иванович загородил им дорогу:

– То есть как это – «хорошо»? Ты, сволочь, отказался работать, так думаешь, я для тебя буду? Ты здесь не будешь ходить, паразит! Полезай в снег, а то я тебя лопатой…

Калина Иванович замахнулся лопатой, но через мгновение его лопата полетела далеко в сугроб, трубка – в другую сторону, и изумленный Калина Иванович мог только взглядом проводить юношей и издали слышать, как они ему крикнули:

– Придется самому за лопатой полазить!

Со смехом они ушли в город.

– Уеду отседова к черту! Чтоб я тут работал! – сказал Калина Иванович и ушел в свою квартиру, бросив лопату в сугробе.

Жизнь наша сделалась печальной и жуткой. На большой дороге на Харьков каждый вечер кричали:

– Рятуйте!..[54]

Ограбленные селяне приходили к нам и трагическими голосами просили помощи.

Я выпросил у завгубнаробразом наган для защиты от дорожных рыцарей, но положение в колонии скрывал от него. Я еще не терял надежды, что придумаю способ договориться с воспитанниками.

Первые месяцы нашей колонии для меня и моих товарищей были не только месяцами отчаяния и бессильного напряжения, – они были еще и месяцами поисков истины. Я во всю жизнь не прочитал столько педагогической литературы, сколько зимою 1920 года.

Это было время Врангеля[55] и польской войны. Врангель где-то был близко, возле Новомиргорода; совсем недалеко от нас, в Черкасах, воевали поляки, по всей Украине бродили батьки, вокруг нас многие находились в блакитно-желтом очаровании[56]. Но мы в нашем лесу, подперев голову руками, старались забыть о громах великих событий и читали педагогические книги.

У меня главным результатом этого чтения была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах. Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я все равно не мог применить к делу, а немедленный анализ и немедленное действие.

Нас властно обступал хаос мелочей, целое море элементарнейших требований здравого смысла, из которых каждое

способно было вдребезги разнести всю нашу мудрую педагогическую науку.

Педагогическую науку?

Всем своим существом я чувствовал, что мне нужно спешить, что я не могу ожидать ни одного лишнего дня. Колония все больше и больше принимала характер «малины» – воровского притона, в отношениях воспитанников к воспитателям все больше определялся тон постоянного издевательства и хулиганства. При воспитательницах уже начали рассказывать похабные анекдоты, грубо требовали подачи обеда, швырялись тарелками в столовой, демонстративно играли финками и глумливо расспрашивали, сколько у кого есть добра:

– Всегда, знаете, может пригодиться… в трудную минуту.

Они решительно отказывались пойти нарубить дров для печей и в присутствии Калины Ивановича разломали деревянную крышу сарая. Сделали они это с дружелюбными шутками и смехом:

– На наш век хватит!

Калина Иванович рассыпал миллионы искр из своей трубки и разводил руками:

– Что ты им скажешь, паразитам? Видишь, какие алегантские холявы! И откуда это они почерпнули, чтоб постройки ломать? За это родителей нужно в кутузку, паразитов…

И вот свершилось: я не удержался на педагогическом канате.

В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-веселый ответ.

– Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на «ты».

В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял ее и снова надел. Я, вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

– Простите, Антон Семенович…

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей, Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

– Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!

И вышел из спальни.

Пройдя к сараю, в котором хранились наши инструменты, я взял топор и хмуро посматривал, как воспитанники разбирали топоры и пилы. У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес – не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно: они получили все, что им полагалось. Все равно. Я был готов на все, я решил, что даром свою жизнь не отдам. У меня в кармане был еще и револьвер.

Мы пошли в лес. Калина Иванович догнал меня и в страшном волнении зашептал:

– Что такое? Скажи на милость, чего это они такие добрые?

Я рассеянно глянул в голубые очи Пана и сказал:

– Скверно, брат, дело… Первый раз в жизни ударил человека.

– Ох, ты ж, лышенько! – ахнул Калина Иванович. – А если они жалиться будут?

– Ну, это еще не беда…

К моему удивлению, все прошло прекрасно. Я проработал с ребятами до обеда. Мы рубили в лесу кривые сосенки. Ребята в общем хмурились, но свежий морозный воздух, красивый лес, убранный огромными шапками снега, дружное участие пилы и топора сделали свое дело.

В перерыве мы смущенно закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом:

– А здорово! Ха-ха-ха-ха!..

Приятно было видеть его смеющуюся румяную рожу, и я не мог не ответить ему улыбкой:

– Что – здорово? Работа?

– Работа само собой. Нет, а вот как вы меня съездили!

Задоров был большой и сильный юноша, и смеяться ему, конечно, было уместно. Я и то удивлялся, как я решился тронуть такого богатыря.

Он залился смехом и, продолжая хохотать, взял топор и направился к дереву:

– История, ха-ха-ха!..

Обедали мы вместе, с аппетитом и шутками, но утреннего события не вспоминали. Я себя чувствовал все же неловко, но уже решил не сдавать тона и уверенно распорядился после обеда. Волохов ухмыльнулся, но Задоров подошел ко мне с самой серьезной рожей:

– Мы не такие плохие, Антон Семенович! Будет все хорошо.

Мы понимаем…

[3] Характеристика первичных потребностей

На другой день я сказал воспитанникам:

– В спальне должно быть чисто! У вас должны быть дежурные по спальне. В город можно уходить только с моего разрешения. Кто уйдет без отпуска, пусть не возвращается, – не приму.

– Ого! – сказал Волохов. – А может быть, можно полегче?

– Выбирайте, ребята, что вам нужнее. Я иначе не могу. В колонии должна быть дисциплина. Если вам не нравится, расходитесь, кто куда хочет. А кто останется жить в колонии, тот будет соблюдать дисциплину. Как хотите. «Малины» не будет.

Задоров протянул мне руку.

– По рукам – правильно! Ты, Волохов, молчи. Ты еще глупый в этих делах. Нам все равно здесь пересидеть нужно, не в допр[57] же идти.

– А что, и в школу ходить обязательно? – спросил Волохов.

– Обязательно.

– А если я не хочу учиться?.. На что мне?..

– В школу обязательно. Хочешь ты или не хочешь, все равно. Видишь, тебя Задоров сейчас дураком назвал. Надо учиться – умнеть.

Волохов шутливо завертел головой и сказал, повторяя слова какого-то украинского анекдота:

– От ускочив, так ускочив!

В области дисциплины случай с Задоровым был поворотным пунктом. Нужно правду сказать, я не мучился угрызениями совести. Да, я избил воспитанника. Я пережил всю педагогическую несуразность, всю юридическую незаконность этого случая, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук – дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мной задачей. Я твердо решил, что буду диктатором, если другим методом не овладею. Через некоторое время у меня было серьезное столкновение с Волоховым, который, будучи дежурным, не убрал в спальне и отказался убрать после моего замечания. Я на него посмотрел сердито и сказал:

– Не выводи меня из себя. Убери!

– А то что? Морду набьете? Права не имеете!..

Я взял его за воротник, приблизил к себе и зашипел в лицо совершенно искренно:

– Слушай! Последний раз предупреждаю: не морду набью, а

изувечу! А потом ты на меня жалуйся, сяду в допр, это не твое дело!

Волохов вырвался из моих рук и сказал со слезами:

– Из-за такого пустяка в допр нечего садиться. Уберу, черт с вами!

Я на него загремел:

– Как ты разговариваешь?

– Да как же с вами разговаривать? Да ну вас к…!

– Что? Выругайся…

Он вдруг засмеялся и махнул рукой.

– Вот человек, смотри ты… Уберу, уберу, не кричите!

Нужно, однако, заметить, что я ни одной минуты не считал, что нашел в насилии какое-то всесильное педагогическое средство. Случай с Задоровым достался мне дороже, чем самому Задорову. Я стал бояться, что могу броситься в сторону наименьшего сопротивления. Из воспитательниц прямо и настойчиво осудила меня Лидия Петровна. Вечером того же дня она положила голову на кулачки и пристала:

– Так вы уже нашли метод? Как в бурсе[58], да?

– Отстаньте, Лидочка!

– Нет, вы скажите, будем бить морду? И мне можно? Или только вам?

– Лидочка, я вам потом скажу. Сейчас я еще сам не знаю. Вы подождите немного.

– Ну, хорошо, подожду.

Екатерина Григорьевна несколько дней хмурила брови и разговаривала со мной официально-приветливо. Только дней через пять она меня спросила, улыбнувшись серьезно:

– Ну, как вы себя чувствуете?

– Все равно. Прекрасно себя чувствую.

– А вы знаете, что в этой истории самое печальное?

– Самое печальное?

– Да. Самое неприятное то, что ведь ребята о вашем подвиге рассказывают с упоением. Они в вас даже готовы влюбиться, и первый Задоров. Что это такое? Я не понимаю. Что это, привычка к рабству?

Я подумал немного и сказал Екатерине Григорьевне:

– Нет, тут не в рабстве дело. Тут как-то иначе. Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить Задорова, как неисправимого, в комиссию[59], мог причинить им

много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них. Все-таки они люди. Это важное обстоятельство.

– Может быть, – задумалась Екатерина Григорьевна.

Но задумываться нам было некогда. Через неделю, в феврале 1921 года, я привез на мебельной линейке полтора десятка настоящих беспризорных и по-настоящему оборванных ребят. С ними пришлось много возиться, чтобы обмыть, кое-как одеть, вылечить чесотку. К марту в колонии было до тридцати ребят. В большинстве они были очень запущены, дики и совершенно не приспособлены для выполнения соцвосовской мечты. Того особенного творчества, которое якобы делает детское мышление очень близким по своему типу к научному мышлению, у них пока что не было.

Прибавилось в колонии и воспитателей. К марту у нас был уже настоящий педагогический совет. Чета из Ивана Ивановича и Натальи Марковны Осиповых, к удивлению всей колонии, привезла с собою значительное имущество: диваны, стулья, шкафы, множество всякой одежды и посуды. Наши голые колонисты с чрезвычайным интересом наблюдали, как разгружались возы со всем этим добром у дверей квартиры Осиповых.

Интерес колонистов к имуществу Осиповых был далеко не академическим интересом, и я очень боялся, что все это великолепное переселение может получить обратное движение к городским базарам. Через неделю особый интерес к богатству Осиповых несколько разрядился прибытием экономки. Экономка была старушка очень добрая, разговорчивая и глупая. Ее имущество хотя и уступало осиповскому, но состояло из очень аппетитных вещей. Было там много муки, банок с вареньем и еще с чем-то, много небольших аккуратных мешочков и саквояжиков, в которых прощупывались глазами наших воспитанников разные ценные вещи.

Экономка с большим старушечьим вкусом и уютом расположилась в своей комнате, приспособила свои коробки и другие вместилища к разным кладовочкам, уголкам и местечкам, самой природой назначенным для такого дела, и как-то очень быстро сдружилась с двумя-тремя ребятами. Сдружились они на договорных началах: они доставляли ей дрова и ставили самовар, а она за это угощала их чаем и разговорами о жизни. Делать экономке в колонии было, собственно говоря, нечего, и я удивлялся, для чего ее назначили.

В колонии не нужно было никакой экономки. Мы были невероятно бедны.

Кроме нескольких квартир, в которых поселился персонал, из всех помещений колонии нам удалось отремонтировать только одну большую спальню с двумя утермарковскими печами[60]. В этой комнате стояло тридцать «дачек» и три больших стола, на которых ребята обедали и писали. Другая большая спальня и столовая, две классных комнаты и канцелярия ожидали ремонта в будущем.

Постельного белья было у нас полторы смены, всякого иного белья и вовсе не было. Наше отношение к одежде выражалось почти исключительно в разных просьбах, обращенных к наробразу и к другим учреждениям.

Завгубнаробразом, так решительно открывший колонию, уехал куда-то на новую работу, его преемник колонией мало интересовался, – были у него дела поважнее.

Атмосфера в наробразе меньше всего соответствовала нашему стремлению разбогатеть. В то время губнаробраз представлял собой конгломерат очень многих комнат и комнаток и очень многих людей, но истинными выразителями педагогического творчества здесь были не комнаты и не люди, а столики. Расшатанные и облезшие, то письменные, то туалетные, то ломберные, когда-то черные, когда-то красные, окруженные такими же стульями, эти столики изображали разнообразные секции, о чем свидетельствовали надписи, развешанные на стенах против каждого столика. Значительное большинство столиков всегда пустовало, потому что дополнительная величина – человек – оказывался в существе своем не столько заведующим секцией, сколько счетоводом в губраспреде. Если за каким-нибудь столиком вдруг обнаруживалась фигура человека, посетители сбегались со всех сторон и набрасывались на нее. Беседа в этом случае заключалась в выяснении того, какая это секция, и в эту ли секцию должен обратиться посетитель или нужно обращаться в другую, и если в другую, то почему и в какую именно; а если все-таки не в эту, то почему товарищ, который сидел за тем вон столиком в прошлую субботу, сказал, что именно в эту? После разрешения всех этих вопросов заведующий секцией снимался с якоря и с космической скоростью исчезал.

Наши неопытные шаги вокруг столиков не привели, конечно, ни к каким положительным результатам. Поэтому зимой двадцать первого года колония очень мало походила на воспитательное учреждение. Изодранные пиджаки, к которым гораздо больше подходило блатное наименование «клифт», кое-как прикрывали человеческую кожу, очень редко под «клифтами» оказывались

остатки истлевшей рубахи. Наши первые воспитанники, прибывшие к нам в хороших костюмах, недолго выделялись из общей массы: колка дров, работа на кухне, в прачечной делали свое, хотя и педагогическое, но для одежды разрушительное дело. К марту все наши колонисты были так одеты, что им мог бы позавидовать любой артист, исполняющий роль мельника в «Русалке»[61].

На ногах у очень немногих колонистов были ботинки, большинство же обвертывали ноги портянками и завязывало веревками. Но и с этим последним видом обуви у нас были постоянные кризисы.

Пища наша называлась кондёром. *Кажется, кондёр – одно из национальных русских блюд, и поэтому я от дальнейших объяснений воздерживаюсь.* Другая пища бывала случайна. В то время существовало множество всяких норм питания: были нормы обыкновенные, нормы повышенные, нормы для слабых и для сильных, нормы дефективные, санаторные, больничные. При помощи очень напряженной дипломатии нам иногда удавалось убедить, упросить, обмануть, подкупить своим жалким видом, запугать бунтом колонистов, – и нас переводили, к примеру, на санаторную норму. В норме было молоко, пропасть жиров и белый хлеб. Этого, разумеется, мы не получали, но некоторые элементы кондёра и ржаной хлеб начинали привозить в большем размере. Через месяц-другой нас постигало дипломатическое поражение, и мы вновь опускались до положения обыкновенных смертных и вновь начинали осторожную и кривую линию тайной и явной дипломатии. Иногда нам удавалось производить такой сильный нажим, что мы начинали получать даже мясо, копчености и конфеты, но тем печальнее становилось наше житье, когда обнаружилось, что никакого права на эту роскошь дефективные морально не имеют, а имеют только дефективные интеллектуально.

Иногда нам удавалось совершать вылазки из сферы узкой педагогики в некоторые соседние сферы, например в губпродком или в опродкомарм первой запасной, или в отдел снабжения какого-нибудь подходящего ведомства. В наробразе категорически запрещали подобную партизанщину, и вылазки нужно было делать втайне.

Для вылазки необходимо было вооружиться бумажкой, в которой стояло только одно простое и выразительное предложение:

«Колония малолетних преступников просит отпустить для питания воспитанников сто пудов муки».

В самой колонии мы никогда не употребляли таких слов, как

«преступник», и наша колония никогда так не называлась. В то время нас называли морально дефективными. Но для посторонних миров последнее название мало подходило, ибо от него слишком несло запахом воспитательного ведомства.

Со своей бумажкой я помещался где-нибудь в коридоре соответствующего ведомства, у дверей кабинета. В двери эти входило множество людей. Иногда в кабинет набивалось столько народу, что туда уже мог заходить всякий желающий. Через головы посетителей нужно было пробиться к начальству и молча просунуть под его руку нашу бумажку.

Начальство в продовольственных ведомствах очень слабо разбиралось в классификационных хитростях педагогики, и ему не всегда приходило в голову, что «малолетние преступники» имеют отношение к просвещению. Эмоциональная же окраска самого выражения «малолетние преступники» была довольно внушительна. Поэтому очень редко начальство взирало на нас строго и говорило:

– Так вы чего сюда пришли? Обращайтесь в свой наробраз.

Чаще бывало так – начальство задумывалось и произносило:

– Кто вас снабжает? Тюремное ведомство?

– Нет, видите ли, тюремное ведомство нас не снабжает, потому что это же дети…

– А кто же вас снабжает?

– До сих пор, видите ли, не выяснено…

– Как это – «не выяснено»?.. Странно!

Начальство что-то записывало в блокнот и предлагало прийти через неделю.

– В таком случае дайте пока хоть двадцать пудов.

– Двадцать я не дам, получите пока пять пудов, а я потом выясню.

Пяти пудов было мало, да и завязавшийся разговор не соответствовал нашим предначертаниям, в которых никаких выяснений, само собой, не ожидалось.

Единственно приемлемым для колонии имени М. Горького был такой оборот дела, когда начальство ни о чем не расспрашивало, а молча брало нашу бумажку и чертило в углу: «Выдать».

В этом случае я сломя голову летел в колонию:

– Калина Иванович!.. Ордер!.. Сто пудов! Скорее ищи дядьков и вези, а то разберутся там…

Калина Иванович радостно склонялся над бумажкой:

– Сто пудов? Скажи ж ты!.. А откедова ж такое?

– Разве не видишь? Губпродком губюротдела[62]…

– Кто их разберет!.. Та нам все равно: хоть черт, хоть бис, абы

яйца нис, хе-хе-хе!..

Первичная потребность у человека – пища. Поэтому положение с одеждой нас так не удручало, как положение с пищей. Наши воспитанники всегда были голодны, и это значительно усложняло задачу их морального перевоспитания. Только некоторую, небольшую часть своего аппетита колонистам удавалось удовлетворять при помощи частных способов.

Одним из основных видов частной пищевой промышленности была рыбная ловля. Зимой это было очень трудно. Самым легким способом было опустошение ятерей (сеть, имеющая форму четырехгранной пирамиды), которые на недалекой речке и на нашем озере устанавливались местными хуторянами. Чувство самосохранения и присущая человеку экономическая сообразительность удерживали наших ребят от похищения самих ятерей, но нашелся среди наших колонистов один, который нарушил это золотое правило.

Это был Таранец. Ему было шестнадцать лет, он был из старой воровской семьи, был строен, ряб, весел, остроумен, прекрасный организатор и предприимчивый человек. Но он не умел уважать коллективные интересы. Он украл на реке несколько ятерей и притащил их в колонию. Вслед за ним пришли и хозяева ятерей, и дело окончилось большим скандалом. Хуторяне после этого стали сторожить ятеря, и нашим охотникам очень редко удавалось что-нибудь поймать. Но через некоторое время у Таранца и у некоторых других колонистов появились собственные ятеря, которые им были подарены «одним знакомым в городе». При помощи этих собственных ятерей рыбная ловля стала быстро развиваться. Рыба потреблялась сначала небольшим кругом лиц, но к концу зимы Таранец неосмотрительно решил вовлечь в этот круг и меня.

Он принес в мою комнату тарелку жареной рыбы.

– Это вам рыба.

– Вижу, только я не возьму.

– Почему?

– Потому что неправильно. Рыбу нужно давать всем колонистам.

– С какой стати? – покраснел Таранец от обиды. – С какой стати? Я достал ятеря, я ловлю, мокну на речке, а давать всем?

– Ну и забирай свою рыбу: я ничего не доставал и не мок.

– Так это мы вам в подарок…

– Нет, я не согласен, мне все это не нравится. И неправильно.

– В чем же тут неправильность?

– А в том: ятерей ведь ты не купил. Ятеря подарены?

– Подарены.

– Кому? Тебе? Или всей колонии?

– Почему – «всей колонии»? Мне…

– А я так думаю, что и мне и всем. А сковородки чьи? Твои? Общие. А масло подсолнечное вы выпрашиваете у кухарки – чье масло? Общее. А дрова, а печь, а ведра? Ну, что ты скажешь? А я вот отберу у тебя ятеря, и кончено будет дело. А самое главное – не по-товарищески. Мало ли что – твои ятеря! А ты для товарищей сделай. Ловить же все могут.

– Ну, хорошо, – сказал Таранец, – хай будет так. А рыбу вы все-таки возьмите.

Рыбу я взял. С тех пор рыбная ловля сделалась нарядной работой по очереди, и продукция сдавалась на кухню.

Вторым способом частного добывания пищи были поездки на базар в город. Каждый день Калина Иванович запрягал Малыша – киргиза – и отправлялся за продуктами или в поход по учреждениям. За ним увязывались два-три колониста, у которых к тому времени начинала ощущаться нужда в городе: в больницу, на допрос в комиссию, помочь Калине Ивановичу, подержать Малыша. Все эти счастливцы обыкновенно возвращались из города сытыми и товарищам привозили кое-что. Не было случая, чтобы кто-нибудь на базаре «засыпался». Результаты этих походов имели легальный вид: «тетка дала», «встретился со знакомым». Я старался не оскорблять колониста грязным подозрением и всегда верил этим объяснениям. Да и к чему могло бы привести мое недоверие? Голодные, грязные колонисты, рыскающие в поисках пищи, представлялись мне неблагодарными объектами для проповеди какой бы то ни было морали по таким пустяковым поводам, как кража на базаре бублика или пары подметок.

В нашей умопомрачительной бедности была и одна хорошая сторона, которой потом у нас уже никогда не было. Одинаково были голодны и бедны и мы, воспитатели. Жалованья тогда мы почти не получали, довольствовались тем же кондёром и ходили в такой же приблизительно рвани. У меня в течение всей зимы не было подметок на сапогах, и кусок портянки всегда вылезал наружу. Только Екатерина Григорьевна щеголяла вычищенными, аккуратными, прилаженными платьями.

[4] Операции внутреннего характера

В феврале у меня из ящика пропала целая пачка денег – приблизительно мое шестимесячное жалованье.

В моей комнате в то время помещались и канцелярия, и учительская, и бухгалтерия, и касса, ибо я соединял в своем лице все должности. Пачка новеньких кредиток исчезла из запертого ящика без всяких следов взлома.

Вечером я рассказал об этом ребятам и просил возвратить деньги. Доказать воровство я не мог, и меня свободно можно было обвинить в растрате. Ребята хмуро выслушали и разошлись. После собрания, когда я проходил в свой флигель, на темном дворе ко мне подошли двое: Таранец и Гуд. Гуд – маленький, юркий юноша.

– Мы знаем, кто взял деньги, – прошептал Таранец, – только сказать при всех нельзя: мы не знаем, где спрятаны. А если объявим, он подорвет[63] и деньги унесет.

– Кто взял?

– Да тут один…

Гуд смотрел на Таранца исподлобья, видимо не вполне одобряя его политику. Он пробурчал:

– Бубну ему нужно выбить… Чего мы здесь разговариваем?

– А кто выбьет? – обернулся к нему Таранец. – Ты выбьешь? Он тебя так возьмет в работу…

– Вы мне скажите, кто взял деньги. Я с ним поговорю, – предложил я.

– Нет, так нельзя.

Таранец настаивал на конспирации. Я пожал плечами:

– Ну, как хотите.

Ушел спать.

Утром в конюшне Гуд нашел деньги. Их кто-то бросил в узкое окно конюшни, и они разлетелись по всему помещению. Гуд, дрожащий от радости, прибежал ко мне, и в обеих руках у него были скомканные в беспорядке кредитки.

Гуд от радости танцевал по колонии, ребята все просияли и прибегали в мою комнату посмотреть на меня. Один Таранец ходил, важно задравши голову. Я не стал расспрашивать ни его, ни Гуда об их действиях после нашего разговора.

Через два дня кто-то сбил замки в погребе и утащил несколько фунтов сала – все наше жировое богатство. Утащил и замок. Еще через день вырвали окно в кладовой, – пропали конфеты, заготовленные к празднику февральской революции, и несколько банок колесной мази, которой мы дорожили, как

валютой.

Калина Иванович даже похудел за эти дни; он устремлял побледневшее лицо к каждому колонисту, дымил ему в глаза махоркой и уговаривал:

– Вы ж только посудите! Все ж для вас, сукины сыны, у себя ж крадете, паразиты!

Таранец знал больше всех, но держался уклончиво, в его расчеты почему-то не входило раскрывать это дело. Колонисты высказывались очень обильно, но у них преобладал исключительно спортивный интерес. Никак они не хотели настроиться на тот лад, что обокрадены именно они.

В спальне я гневно кричал:

– Вы кто такие? Вы люди или…

– Мы урки[64], – послышалось с какой-то дальней «дачки».

– Уркаганы!

– Врете! Какие вы уркаганы! Вы самые настоящие сявки[65], у себя крадете. Вот теперь сидите без сала, ну и черт с вами! На праздниках – без конфет. Больше нам никто не даст. Пропадайте так!

– Так что же мы можем сделать, Антон Семенович? Мы не знаем, кто взял. И вы не знаете, и мы не знаем.

Я, впрочем, с самого начала понимал, что мои разговоры лишние. Крал кто-то из старших, которых все боялись.

На другой день я с двумя ребятами поехал хлопотать о новом пайке сала. Мы ездили несколько дней, но сало выездили. Дали нам и порцию конфет, хотя и ругали долго, что не сумели сохранить. По вечерам мы подробно рассказывали о своих похождениях. Наконец сало привезли в колонию и водворили в погребе. В первую же ночь оно было украдено.

Я даже обрадовался этому обстоятельству. Ожидал, что вот теперь заговорит коллективный, общий интерес и заставит всех с большим воодушевлением заняться вопросом о воровстве. Действительно, все ребята опечалились, но воодушевления никакого не было, а когда прошло первое впечатление, всех вновь обуял спортивный интерес: кто это так ловко орудует?

Еще через несколько дней из конюшни пропал хомут, и нам нельзя было даже выехать в город. Пришлось ходить по хутору, просить на первое время.

Кражи происходили уже ежедневно. Утром обнаруживалось, что в том или ином месте чего-то не хватает: топора, пилы, посуды, простыни, чересседельника, вожжей, продуктов. Я пробовал не спать ночью и ходил по двору с револьвером, но больше двух-трех ночей, конечно, не мог выдержать. Просил подежурить одну ночь Осипова, но он так перепугался, что я

больше об этом с ним не говорил.

Из ребят я подозревал многих, в том числе и Гуда и Таранца. Никаких доказательств у меня все же не было, и свои подозрения я принужден был держать в секрете.

Задоров раскатисто смеялся и шутил:

– А вы думали как, Антон Семенович, трудовая колония, трудись и трудись – и никакого удовольствия? Подождите, еще не то будет! А что вы сделаете тому, кого поймаете?

– Посажу в тюрьму.

– Ну, это еще ничего. Я думал, бить будете.

Как-то ночью он вышел во двор одетый.

– Похожу с вами.

– Смотри, как бы воры на тебя не взъелись.

– Нет, они же знают, что вы сегодня сторожите, все равно сегодня не пойдут красть. Так что же тут такого?

– А ведь признайся, Задоров, что ты их боишься?

– Кого? Воров? Конечно, боюсь. Так не в том дело, что боюсь, а ведь согласитесь, Антон Семенович, как-то не годится выдавать.

– Так ведь вас же обкрадывают.

– Ну, чего ж там – меня? Ничего тут моего нет.

– Да ведь вы здесь живете.

– Какая там жизнь, Антон Семенович! Разве это жизнь? Ничего у вас не выйдет с этой колонией. Напрасно бьетесь. Вот увидите, раскрадут все и разбегутся. Вы лучше наймите двух хороших сторожей и дайте им винтовки.

– Нет, сторожей не найму и винтовок не дам.

– А почему? – поразился Задоров.

– Сторожам нужно платить, мы и так бедны, а самое главное, вы должны быть хозяевами.

Мысль о том, что нужно нанять сторожей, высказывалась многими колонистами. В спальне об этом происходила целая дискуссия.

Антон Братченко, лучший представитель второй партии колонистов, доказывал:

– Когда сторож стоит, никто красть не пойдет. А если и пойдет, можно ему в это самое место заряд соли всыпать. Как походит посоленный с месяц, больше не полезет.

Ему возражал Костя Ветковский, красивый мальчик, специальностью которого «на воле» было производить обыски по подложным ордерам. Во время этих обысков он исполнял второстепенные роли, главные принадлежали взрослым. Сам Костя – это было установлено в его деле – никогда ничего не крал и увлекался исключительно эстетической стороной операций. Он всегда с презрением относился в ворам. Я давно отметил

сложную и тонкую натуру этого мальчика. Меня больше всего поражало то, что он легко уживался с самыми дикими парнями и был общепризнанным авторитетом в вопросах политических. Костя доказывал:

– Антон Семенович прав. Нельзя сторожей! Сейчас мы еще не понимаем, а скоро поймем все, что в колонии красть нельзя. Да и сейчас уже многие понимают. Вот мы скоро сами начнем сторожить. Правда, Бурун? – неожиданно обратился он к Буруну.

– А что ж, сторожить, так сторожить, – сказал Бурун.

В феврале наша экономка прекратила свое служение колонии, я добился ее перевода в какую-то больницу. В один из воскресных дней к ее крыльцу подали Малыша, и все ее приятели и участники философских чаев деятельно начали укладывать многочисленные мешочки и саквояжики на сани. Добрая старушка, мирно покачиваясь на вершине своего богатства, со скоростью все тех же двух километров в час выехала навстречу новой жизни.

Малыш возвратился поздно, но возвратилась с ним и старушка и с рыданиями и криками ввалилась в мою комнату: она была начисто ограблена. Приятели ее и помощники не все сундучки, саквояжики и мешочки сносили на сани, а сносили и в другие места, – грабеж был наглый. Я немедленно разбудил Калину Ивановича, Задорова и Таранца, и мы произвели генеральный обыск во всей колонии. Награблено было так много, что всего не успели как следует спрятать. В кустах, на чердаках сараев, под крыльцом, просто под кроватями и за шкафами найдены были все сокровища экономки. Старушка и в самом деле была богата: мы нашли около дюжины новых скатертей, много простынь и полотенец, серебряные ложки, какие-то вазочки, браслет, серьги и еще много всякой мелочи.

Старушка плакала в моей комнате, а комната постепенно наполнялась арестованными – ее бывшими приятелями и сочувствующими.

Ребята сначала запирались, но я на них прикрикнул, и горизонты прояснились. Приятели старушки оказались не главными грабителями. Они ограничились кое-какими сувенирами вроде чайной салфетки или сахарницы. Выяснилось, что главным деятелем во всем этом происшествии был Бурун. Открытие это поразило многих и прежде всего меня. Бурун с самого первого дня казался солиднее всех, он был всегда серьезен, сдержанно-приветлив и лучше всех, с активнейшим напряжением и интересом учился в школе. Меня ошеломили размах и солидность его действий: он запрятал целые тюки старушечьего добра. Не было сомнений, что все прежние кражи в

колонии – дело его рук.

Наконец-то дорвался до настоящего зла! Я привел Буруна на суд народный, первый суд в истории нашей колонии.

В спальне, на кроватях и на столах, расположились оборванные черные судьи. Пятилинейная лампочка освещала взволнованные лица колонистов и бледное лицо Буруна, тяжеловесного, неповоротливого, с толстой шеей, похожего на Мак-Кинлея[66], президента Соединенных Штатов Америки.

В негодующих и сильных тонах я описал ребятам преступление: ограбить старуху, у которой только и счастья, что в этих несчастных тряпках, ограбить, несмотря на то, что никто в колонии так любовно не относился к ребятам, как она, ограбить в то время, когда она просила помощи, – это значит действительно ничего человеческого в себе не иметь, это значит быть даже не гадом, а гадиком. Человек должен уважать себя, должен быть сильным и гордым, а не отнимать у слабых старушек их последнюю тряпку.

Либо моя речь произвела сильное впечатление, либо и без того у колонистов накипело, но на Буруна обрушились дружно и страстно. Маленький вихрастый Братченко протянул обе руки к Буруну:

– А что? А что ты скажешь? Тебя нужно посадить за решетку, в допр посадить! Мы через тебя голодали, ты и деньги взял у Антона Семеновича.

Бурун вдруг запротестовал:

– Деньги у Антона Семеновича? А ну, докажи!

– И докажу.

– Докажи!

– А что, не взял? Не ты?

– А что, я?

– Конечно, ты.

– Я взял деньги у Антона Семеновича? А кто это докажет?

Раздался голос Таранца:

– Я докажу.

Бурун опешил. Повернулся в сторону Таранца, что-то хотел сказать, потом махнул рукой:

– Ну, что же, пускай и я. Так я же отдал?

Ребята на это ответили неожиданным смехом. Им понравился этот увлекательный разговор. Таранец глядел героем. Он вышел вперед.

– Только выгонять его не надо. Мало чего с кем не бывало. Набить морду хорошенько – это, действительно, следует.

Все примолкли. Бурун медленно повел взглядом по рябому лицу Таранца.

– Далеко тебе до моей морды. Чего ты стараешься? Все равно завколом[67] не будешь. Антон набьет морду, если нужно, а тебе какое дело?

Ветковский сорвался с места:

– Как – «какое дело»? Хлопцы, наше это дело или не наше?

– Наше! – закричали хлопцы. – Мы тебе сами морду набьем получше Антона!

Кто-то уже бросился к Буруну. Братченко размахивал руками у самой физиономии Буруна и вопил:

– Пороть тебя нужно, пороть!

Задоров шепнул мне на ухо:

– Возьмите его куда-нибудь, а то бить будут.

Я оттащил Братченко от Буруна. Задоров отшвырнул двух-трех. Насилу прекратили шум.

– Пусть говорит Бурун! Пускай скажет! – крикнул Братченко.

Бурун опустил голову.

– Нечего говорить. Вы все правы. Отпустите меня с Антоном Семеновичем, – пусть накажет, как знает.

Тишина. Я двинулся к дверям, боясь расплескать море зверского гнева, наполнявшее меня до краев. Колонисты шарахнулись в обе стороны, давая дорогу мне и Буруну.

Через темный двор в снежных окопах мы прошли молча: я – впереди, он – за мной.

У меня на душе было отвратительно. Бурун казался последним из отбросов, который может дать человеческая свалка. Я не знал, что с ним делать. В колонию он попал за участие в воровской шайке, значительная часть членов которой – совершеннолетние – была расстреляна. Ему было семнадцать лет.

Бурун молча стоял у дверей. Я сидел за столом и еле сдерживался, чтобы не пустить в Буруна чем-нибудь тяжелым и на этом покончить беседу.

Наконец Бурун медленно поднял голову, пристально глянул в мои глаза и сказал медленно, подчеркивая каждое слово, еле-еле сдерживая рыдания:

– Я… больше… никогда… красть не буду.

– Врешь! Ты это обещал уже комиссии.

– То комиссии, а то – вам! Накажите, как хотите, только не выгоняйте из колонии.

– А что для тебя в колонии интересно?

– Мне здесь нравится. Здесь занимаются. Я хочу учиться. А крал потому, что жрать хочется.

– Ну, хорошо. Отсидишь три дня под замком, на хлебе и воде. Таранца не трогать!

– Хорошо.

Трое суток отсидел Бурун в маленькой комнатке возле спальни, в той самой, в которой в старой колонии жили дядьки. Запирать я его не стал, дал он честное слово, что без моего разрешения выходить не будет. В первый день я ему действительно послал хлеб и воду, на второй день стало жалко, принесли ему обед. Бурун попробовал гордо отказаться, но я заорал на него:

– Какого черта, ломаться еще будешь!

Он улыбнулся, передернул плечами и взялся за ложку.

Бурун сдержал слово: он никогда потом ничего не украл ни в колонии, ни в другом месте.

[5] Дела государственного значения

В то время когда наши колонисты почти безразлично относились к имуществу колонии, нашлись посторонние силы, которые относились к нему сугубо внимательно.

Главные из этих сил располагались на большой дороге на Харьков. Почти не было ночи, когда бы на этой дороге кто-нибудь не был ограблен. Целые обозы селян останавливались выстрелом из обреза, грабители без лишних разговоров запускали свободные от обрезов руки за пазухи жен, сидящих на возах, в то время как мужья в полной растерянности хлопали кнутовищами по холявам и удивлялись:

– Кто ж его знал? Прятали гроши в самое верное место, жинкам за пазуху, а они – смотри! – прямо за пазуху и полезли.

Такое, так сказать, коллективное ограбление почти никогда не бывало делом «мокрым». Дядьки, опомнившись и простоявши на месте назначенное грабителями время, приходили в колонию и выразительно описывали нам происшествие. Я собирал армию, вооружал ее дрекольем, сам брал револьвер, мы бегом устремлялись к дороге и долго рыскали по лесу. Но только один раз поиски наши увенчались успехом: в полуверсте от дороги мы наткнулись на группу людей, притаившихся в лесном сугробе. На крики хлопцев они ответили одним выстрелом и разбежались, но одного из них все-таки удалось схватить и привести в колонию. У него не нашлось ни обреза, ни награбленного и он отрицал все на свете. Переданный нами в губрозыск, он оказался, однако, известным бандитом, и вслед за ним была арестована вся шайка. От имени губисполкома колонии имени Горького была выражена благодарность.

Но и после этого грабежи на большой дороге не уменьшились. К концу зимы хлопцы стали находить уже следы «мокрых» ночных событий. Между соснами в снегу вдруг видим торчащую руку. Откапываем и находим женщину, убитую выстрелом в лицо. В другом месте, возле самой дороги, в кустах – мужчина в извозчичьем армяке с разбитым черепом. В одно прекрасное утро просыпаемся и видим: с опушки леса на нас смотрят двое повешенных. Пока прибыл следователь, они двое суток висели и глядели на колонистскую жизнь вытаращенными глазами.

Колонисты ко всем этим явлениям относились без всякого страха и с искренним интересом. Весной, когда стаял снег, они разыскивали в лесу обглоданные лисицами черепа, надевали их на палки и приносили в колонию со специальной целью попугать

Лидию Петровну. Воспитатели и без того жили в страхе и ночью дрожали, ожидая, что вот-вот в колонию ворвется грабительская шайка и начнется резня. Особенно перепуганы были Осиповы, у которых, по общему мнению, было что грабить.

В конце февраля наша подвода, ползущая с обычной скоростью из города с кое-каким добром, была остановлена вечером возле самого поворота в колонию. На подводе были крупа и сахарный песок, – вещи, почему-то грабителей не соблазнившие. У Калины Ивановича, кроме трубки, не нашлось никаких ценностей. Это обстоятельство вызвало у грабителей справедливый гнев: они треснули Калину Ивановича по голове, он свалился в снег и пролежал в нем, пока грабители не скрылись. Гуд, все время состоявший у нас при Малыше, был простым свидетелем. Приехав в колонию, и Калина Иванович и Гуд разразились длинными рассказами. Калина Иванович описывал события в красках драматических, Гуд – в красках комических. Но постановление было вынесено единодушное: всегда высылать навстречу нашей подводе отряд колонистов.

Мы так и делали в течение двух лет. Эти походы на дорогу назывались у нас по-военному: «Занять дорогу».

Отправлялось человек десять. Иногда и я входил в состав отряда, так как у меня был наган. Я не мог его доверить всякому колонисту, а без револьвера наш отряд казался слабым. Только Задоров получал от меня иногда револьвер и с гордостью нацеплял его поверх своих лохмотьев.

Дежурство на большой дороге было очень интересным занятием. Мы располагались на протяжении полутора километров по всей дороге, начиная от моста через речку до самого поворота в колонию. Хлопцы мерзли и подпрыгивали на снегу, перекликались, чтобы не потерять связи друг с другом, и в наступивших сумерках пророчили верную смерть воображению запоздавшего путника. Возвращавшиеся из города селяне колотили лошадей и молча проскакивали мимо ритмически повторяющихся фигур самого уголовного вида. Управляющие совхозами и власти пролетали на громыхающих тачанках и демонстративно показывали колонистам двустволки и обрезы, пешеходы останавливались у самого моста и ожидали новых путников.

При мне колонисты никогда не хулиганили и не пугали путешественников, но без меня допускали шалости, и Задоров скоро даже отказался от револьвера и потребовал, чтобы я бывал на дороге обязательно. Я стал выходить при каждой командировке отряда, но револьвер отдавал все же Задорову, чтобы не лишить его заслуженного наслаждения.

Когда показывался наш Малыш, мы его встречали криком:

– Стой! Руки вверх!

Но Калина Иванович только улыбался и с особенной энергией начинал раскуривать свою трубку. Раскуривания трубки хватало ему до самой колонии, потому что в этом случае применялась известная формула:

– Сим вэрст крэсав, не вчувсь, як и выкрэсав.

Наш отряд постепенно сворачивал за Малышом и веселой толпой вступал в колонию, расспрашивая Калину Ивановича о разных продовольственных новостях.

Этою же зимою мы приступили и к другим операциям, уже не колонистского, а общегосударственного значения. В колонию приехал лесничий и просил наблюдать за лесом: порубщиков много, он со своим штатом не управляется.

Охрана государственного леса очень подняла нас в собственных глазах, доставила нам чрезвычайно занятную работу и, наконец, приносила значительные выгоды.

Ночь. Скоро утро, но еще совершенно темно. Я просыпаюсь от стука в окно. Смотрю: на оконном стекле туманятся сквозь ледяные узоры приплюснутый нос и взлохмаченная голова.

– В чем дело?

– Антон Семенович, в лесу рубят!

Зажигаю ночник, быстро одеваюсь, беру револьвер и двустволку и выхожу. Меня ожидают у крыльца особенные любители ночных похождений – Бурун и Шелапутин, совсем маленький ясный пацан, существо безгрешное.

Бурун забирает у меня из рук двустволку, и мы входим в лес.

– Где?

– А вот послушайте…

Останавливаемся. Сначала я ничего не слышу, потом начинаю различать еле заметное среди неуловимых ночных звуков и звуков нашего дыхания глухое биение рубки. Двигаемся вперед, наклоняемся, ветки молодых сосен царапают наши лица, сдергивают с моего носа очки и обсыпают нас снегом. Иногда стуки топора вдруг прорываются, мы теряем направление и терпеливо ждем. Вот они опять ожили, уже громче и ближе.

Нужно подойти совершенно незаметно, чтобы не спугнуть вора. Бурун по-медвежьи ловко переваливается, за ним семенит крошечный Шелапутин, кутаясь в свой клифт. Заключаю шествие я.

Наконец мы у цели. Притаились за сосновым стволом. Высокое стройное дерево вздрагивает, у его основания – подпоясанная фигура. Ударит несмело и неспоро несколько раз, выпрямится, оглянется и снова рубит. Мы от нее шагах в пяти.

Бурун наготове держит двустволку дулом вверх, смотрит на меня и не дышит. Шелапутин притаился за мной и шепчет, повисая на моем плече:

– Можно? Уже можно?

Я киваю головой. Шелапутин дергает Буруна за рукав.

Выстрел гремит, как страшный взрыв, и далеко раскатывается по лесу.

Человек с топором рефлективно присел. Молчание. Мы подходим к нему. Шелапутин знает свои обязанности, топор уже в его руках. Бурун весело приветствует:

– А-а, Мусий Карпович, доброго ранку!

Он треплет Мусия Карповича по плечу, но Мусий Карпович не в состоянии выговорить ответное приветствие. Он дрожит мелкой дрожью и для чего-то стряхивает снег с левого рукава.

Я спрашиваю:

– Конь далеко?

Мусий Карпович по-прежнему молчит, отвечает за него Бурун:

– Да вон же и конь!.. Эй, кто там? Заворачивай!

Только теперь я различаю в сосновом переплете лошадиную морду и дугу.

Бурун берет Мусия Карповича под руку:

– Пожалуйте, Мусий Карпович, в карету скорой помощи.

Мусий Карпович наконец начинает подавать признаки жизни. Он снимает шапку, проводит рукой по волосам и шепчет, ни на кого не глядя:

– Ох, ты ж, боже мой!..

Мы направляемся к саням.

Так называемые «рижнати» – сани – медленно разворачиваются, и мы двигаемся по еле заметному глубокому и рыхлому следу. На коняку чмокает и печально шевелит вожжами хлопец лет четырнадцати в огромной шапке и сапогах. Он все время сморкает носом и вообще расстроен. Молчим.

При выезде на опушку леса Бурун берет вожжи из рук хлопца.

– Э, цэ вы не туды поихалы. Цэ, як бы с грузом, так туда, а коли з батьком, так ось куды…

– На колонию? – спрашивает хлопец, но Бурун уже не отдает ему вожжей, а сам поворачивает коня на нашу дорогу.

Начинает светать.

Мусий Карпович вдруг через руку Буруна останавливает лошадь и снимает другой рукой шапку.

– Антон Семенович, отпустите! Первый раз. Дров нэма… Отпустите!

Бурун недовольно стряхивает его руку с вожжей, но коня не

погоняет, ждет, что я скажу.

– Э, нет, Мусий Карпович, – говорю я, – так не годится. Протокол нужно составить: дело, сами знаете, государственное.

– И не первый раз вовсе, – серебряным альтом встречает рассвет Шелапутин. – Не первый раз, а третий: один раз ваш Василь поймался, а другой…

Бурун перебивает музыку серебряного альта хриплым баритоном:

– Чего тут будем стоять? А ты, Андрию, лети домой, твое дело маленькое. Скажешь матери, что батько засыпался. Пускай передачу готовит.

Андрей в испуге сваливается с саней и летит к хутору. Мы трогаем дальше. При въезде в колонию нас встречает группа хлопцев.

– О! А мы думали, что вас там поубивали, хотели на выручку.

Бурун смеется:

– Операция прошла с головокружительным успехом.

В моей комнате собирается толпа. Мусий Карпович, подавленный, сидит на стуле против меня, Бурун – на окне с ружьем, Шелапутин шепотом рассказывает товарищам жуткую историю ночной тревоги. Двое ребят сидят на моей постели, остальные – на скамьях, внимательно наблюдают процедуру составления акта.

Акт пишется с душераздирающими подробностями.

– Земли у вас двенадцать десятин? Коней трое?

– Та яки там кони? – стонет Мусий Карпович. – Там же лошичка… два роки тилько…

– Трое, трое, – поддерживает Бурун и нежно треплет Мусия Карповича по плечу.

Я пишу дальше:

– «…в отрубе шесть вершков…»

Мусий Карпович протягивает руки:

– Ну что вы, бог с вами, Антон Семенович? Де ж там шесть? Там же и четырех нэма.

Шелапутин вдруг отрывается от повествования шепотом, показывает руками нечто, равное полуметру, и нахально смеется в глаза Мусию Карповичу:

– Вот такое? Вот такое? Правда?

Мусий Карпович отмахивается от его улыбки и покорно следит за моей ручкой.

Акт готов. Мусий Карпович обиженно подает мне руку на прощанье и протягивает руку Буруну, как самому старшему.

– Напрасно вы это, хлопцы, делаете: всем жить нужно.

Бурун перед ним расшаркивается:

– Нет, отчего же, всегда рады помочь… – Вдруг он вспоминает: – Да, Антон Семенович, а как же дерево?

Мы задумываемся. Действительно, дерево почти срублено, завтра его все равно дорубят и украдут. Бурун не ожидает конца нашего раздумья и направляется к дверям. На ходу он бросает вконец расстроенному Мусию Карповичу:

– Коня приведем, не беспокойтесь. Хлопцы, кто со мной? Ну вот, шести человек довольно. Веревка там есть, Мусий Карпович?

– До рижна[68] привязана.

Все расходятся. Через час в колонию привозят длинную сосну. Это премия колонии. Кроме того, по старой традиции, в пользу колонии остается топор. Много воды утечет в нашей жизни, а во время взаимных хозяйственных расчетов долго еще будут говорить колонисты:

– Было три топора. Я тебе давал три топора. Два есть, а третий где?

– Какой «третий»?

– Какой? А Мусия Карповича, что тогда отобрали.

Не столько моральные убеждения и гнев, сколько вот эта интересная и настоящая деловая борьба дала первые ростки хорошего коллективного тона. По вечерам мы и спорили, и смеялись, и фантазировали на темы о наших похождениях, роднились в отдельных ухватистых случаях, сбивались в единое целое, чему имя – колония Горького.

[6] Завоевание железного бака

Между тем наша колония понемногу начала развивать свою материальную историю. Бедность, доведенная до последних пределов, вши и отмороженные ноги не мешали нам мечтать о лучшем будущем. Хотя наш тридцатилетний Малыш и старая сеялка мало давали надежд на развитие сельского хозяйства, наши мечты получили именно сельскохозяйственное направление. Но это были только мечты. Малыш представлялся двигателем, настолько мало приспособленным для сельского хозяйства, что только в воображении можно было рисовать картину: Малыш за плугом. Кроме того, голодали в колонии не только колонисты, голодал и Малыш. С большим трудом мы доставали для него солому, иногда сено. Почти всю зиму не ездили, а мучились с ним, и у Калины Ивановича всегда болела правая рука от постоянных угрожающих верчений кнута, без которых Малыш просто останавливался.

Наконец, для сельского хозяйства не годилась самая почва нашей колонии. Это был песок, который при малейшем ветре перекатывался дюнами.

И сейчас я не вполне понимаю, каким образом, при описанных условиях, мы проделали явную авантюру, которая, тем не менее, поставила нас на ноги.

Началось с анекдота.

Вдруг нам улыбнулось счастье: мы получили ордер на дубовые дрова. Их нужно было свезти прямо с рубки. Это было в пределах нашего сельсовета, но в той стороне нам до сего времени бывать ни разу не приходилось.

Сговорившись с двумя нашими соседями-хуторянами, мы на их лошадях отправились в неведомую страну. Пока возчики бродили по рубке, взваливали на сани толстые дубовые колоды и спорили, «поплывэ чи не поплывэ» с саней такая колода в дороге, мы с Калиной Ивановичем обратили внимание на ряд тополей, поднимавшихся над камышами замерзшей речки.

Перебравшись через лед и поднявшись по какой-то аллейке в горку, мы очутились в мертвом царстве. До десятка больших и маленьких домов, сараев и хат, служб и иных сооружений находились в развалинах. Все они были равны в своем разрушении: на местах печей лежали кучи кирпича и глины, запорошенные снегом; полы, двери, окна, лестницы исчезли. Многие переборки и потолки тоже были сломаны, во многих местах разбирались уже кирпичные стены и фундаменты. От огромной конюшни остались только две продольных кирпичных

стены, и над ними печально и глупо торчал в небе прекрасный, как будто только что окрашенный железный бак. Он один во всем имении производил впечатление чего-то живого, все остальное казалось уже трупом.

Но труп был богатый: в сторонке высился двухэтажный дом, новый, еще не облицованный, с претензией на стиль. В его комнатах, высоких и просторных, еще сохранились лепные потолки и мраморные подоконники. В другом конце двора – новенькая конюшня пустотелого бетона. Даже и разрушенные здания при ближайшем осмотре поражали основательностью постройки, крепкими дубовыми срубами, мускулистой уверенностью связей, стройностью стропильных ног, точностью отвесных линий. Мощный хозяйственный организм не умер от дряхлости и болезней: он был насильственно прикончен в полном расцвете сил и здоровья.

Калина Иванович только крякал, глядя на все это богатство:

– Ты ж глянь, что тут делается: тут тебе и речка, тут тебе и сад, и луга вон какие!..

Речка окружала имение с трех сторон, обходя случайную на нашей равнине довольно высокую горку. Сад спускался к реке тремя террасами: на верхней – вишни, на второй – яблони и груши, на нижней – целые плантации черной смородины.

На втором дворе работала большая пятиэтажная мельница. От рабочих мельницы мы узнали, что имение принадлежало братьям Трепке. Трепке ушли с деникинской армией, оставив свои дома наполненными добром. Добро это давно ушло в соседнюю Гончаровку и по хуторам, теперь туда же переходили и дома.

Калина Иванович разразился целой речью:

– Дикари, ты не понимаешь, мерзапцы, адиоты! Тут вам такое добро – палаты, конюшни! Живи ж, сукин сын, сиди, хозяйствуй, кофий пей, а ты, мерзавец, такую вот раму сокирою бьёшь. А почему? Потому что тебе нужно галушки сварить, так нет того – нарубить дров… Чтоб ты подавился тою галушкою, дурак, адиот! И сдохнет таким, понимаешь, никакая революция ему не поможет… Ах, сволочи, ах, подлецы, остолопы проклятые!.. Ну, что ты скажешь?.. А скажите, пожалуйста, товарищ, – обратился Калина Иванович к одному из мельничных, – а от кого это зависит, ежели б тот бачок получить? Вон тот, что над конюшней красуется. Все равно ж он тут пропадает без последствий.

– Бачок тот? А черт его знает! Тут сельсовет распоряжается.

– Ага! Ну, это хорошо, – сказал Калина Иванович, и мы отправились домой.

На обратном пути, шагая по накатанной предвесенней дороге

за санями наших соседей, Калина Иванович размечтался: как хорошо было бы этот самый бак получить, перевезти в колонию, поставить на чердак прачечной и таким образом превратить прачечную в баню.

Утром, отправляясь снова на рубку, Калина Иванович взял меня за пуговицу:

– Напиши, голубчик, бумажку этим самым сельсоветам. Им бак нужный, как собаке боковой карман, а у нас будет баня…

Чтобы доставить удовольствие Калине Ивановичу, я бумажку написал. К вечеру Калина Иванович возвратился взбешенный:

– Вот паразиты! Они смотрят только теорехтически, а не прахтически. Говорят, бак этот самый – чтоб им пусто было! – государственная собственность. Ты видав таких адиотов? Напиши, я поеду в волисполком.

– Куда ты поедешь? Это же двадцать верст. На чем ты поедешь?

– А тут один человечек собирается, так я с ним и прокачусь.

Проект Калины Ивановича строить баню очень понравился всем колонистам, но в получение бака никто не верил.

– Давайте как-нибудь без бака этого. Можно деревянный устроить.

– Эх, ничего ты не понимаешь! Люди делали железные баки, значит, они понимали. А этот бак я у них, паразитов, с мясом вырву…

– А на чем вы его довезете? На Малыше?

– Довезем! Было б корыто, а свиньи будут.

Из волисполкома Калина Иванович возвратился еще злее и забыл все слова, кроме ругательных.

Целую неделю он, под хохот колонистов, ходил вокруг меня и клянчил:

– Напиши бумажку в уисполком.

– Отстань, Калина Иванович, есть другие дела, важнее твоего бака.

– Напиши, ну что тебе стоит? Чи тебе бумаги жалко, чи што? Напиши, – вот увидишь, привезу бак.

И эту бумажку я написал Калине Ивановичу. Засовывая ее в карман, Калина Иванович наконец улыбнулся:

– Не может того быть, чтоб такой дурацкий закон стоял: пропадает добро, а никто не думает. Это ж тебе не царское время.

Из волисполкома Калина Иванович приехал поздно вечером и даже не зашел ни ко мне, ни в спальню. Только утром он пришел в мою комнату и был надменно-холоден, аристократически подобран и смотрел через окно в какую-то далекую даль.

– Ничего *из этих паразитов большевиков* не выйдет, – сказал

он сухо, протягивая мне бумажку.

Поперек нашего обстоятельного текста на ней было начертано красными чернилами коротко, решительно и до обидного безапелляционно: «Отказать».

Калина Иванович страдал длительно и страстно. Недели на две исчезло куда-то его милое старческое оживление.

В ближайший воскресный день, когда уже здорово издевался март над задержавшимся снегом, я пригласил некоторых ребят пойти погулять по окрестностям. Они раздобыли кое-какие теплые вещи, и мы отправились… в имение Трепке.

– А не устроить ли нам здесь нашу колонию? – задумался я вслух.

– Где «здесь»?

– Да вот в этих домах.

– Так как же? Тут же нельзя жить…

– Отремонтируем.

Задоров залился смехом и пошел штопором по двору.

– У нас вон еще три дома не отремонтированы. Всю зиму не могли собраться.

– Ну, хорошо, а если бы все-таки отремонтировать?

– О, тут была бы колония! Речка ж и сад, и мельница.

Мы лазили среди развалин и мечтали: здесь спальни, здесь столовая, тут клуб шикарный, это классы.

Возвратились домой уставшие и энергичные. В спальне шумно обсуждали детали будущей колонии. Перед тем как расходиться, Екатерина Григорьевна сказала:

– А знаете что, хлопцы, нехорошо это – заниматься такими несбыточными мечтами. Это не по-большевистски.

В спальне неловко притихли.

Я с остервенением глянул в лицо Екатерины Григорьевны, стукнул кулаком по столу и сказал:

– А я вам говорю: через месяц это имение будет наше! По-большевистски это будет?

Хлопцы взорвались хохотом и закричали «ура». Смеялся и я, смеялась и Екатерина Григорьевна.

Целую ночь я просидел над докладом в губисполком.

Через неделю меня вызвал завгубнаробразом.

– Хорошо придумали, – поедем, посмотрим.

Еще через неделю наш проект рассматривался в губисполкоме. Оказывалось, что судьба имения давно беспокоила власть. А я имел случай рассказать о бедности, бесперспективности, заброшенности колонии, в которой уже родился живой коллектив.

Предгубисполкома сказал:

– Там нужен хозяин, а здесь хозяева ходят без дела. Пускай берут.

И вот я держу в руках ордер на имение, бывшее Трепке, а к нему шестьдесят десятин пахотной земли и утвержденная смета на восстановление. Я стою среди спальни, я еще с трудом верю, что это не сон, а вокруг меня взволнованная толпа колонистов, вихрь восторгов и протянутых рук.

– Дайте ж и нам посмотреть!

Входит Екатерина Григорьевна. К ней бросаются с пенящимся задором, и Шелапутин пронзительно звенит:

– Это по-большевицкому или по-какому? Вот теперь скажите.

– Что такое, что случилось?

– Это по-большевицкому? Смотрите, смотрите!..

Больше всех радовался Калина Иванович:

– Ты молодец, ибо, як там сказано у попов: просите – и обрящете, толцыте и отверзется, и дастся вам[69]…

– По шее, – сказал Задоров.

– Как же так – «по шее»? – обернулся к нему Калина Иванович. – Вот же ордер.

– Это вы «толцыте» за баком, и вам дали по шее. А здесь дело, нужное для государства, а не то что мы выпросили.

– Ты еще молод разбираться в Писании, – пошутил Калина Иванович, так как сердиться в эту минуту он не мог.

В первый же воскресный день он со мной и толпой колонистов отправился для осмотра нового нашего владения. Трубка его победоносно дымила в физиономию каждого кирпича трепкинских остатков. Он важно прошелся мимо бака.

– Когда же бак перевозить, Калина Иванович? – серьезно спросил Бурун.

– А на что его, паразита, перевозить? Он и здесь пригодится. Ты ж понимаешь: конюшня по последнему слову заграничной техники.

[7] «Ни одна блоха не плоха»

Наше торжество по поводу завоевания наследства братьев Трепке не так скоро мы могли перевести на язык фактов. Отпуск денег и материалов по разным причинам задерживался. Самое же главное препятствие было в маленькой, но вредной речушке Коломак. Коломак, отделявший нашу колонию от имения Трепке, в апреле проявил себя как очень солидный представитель стихии. Сначала он медленно и упорно разливался, а потом еще медленнее уходил в свои скромные берега и оставлял за собою новое стихийное бедствие: непролазную, непроезжую грязь.

Поэтому «Трепке», как у нас тогда называли новое приобретение, продолжало еще долго оставаться в развалинах. Колонисты в это время предавались весенним переживаниям. По утрам, после завтрака, ожидая звонка на работу, они рядком усаживались возле амбара и грелись на солнышке, подставляя его лучам свои животы и пренебрежительно разбрасывая клифты по всему двору. Они могли часами молча сидеть на солнце, наверстывая зимние месяцы, когда у нас трудно было нагреться и в спальнях.

Звонок на работу заставлял их подниматься и нехотя брести к своим рабочим точкам, но и во время работы они находили предлоги и технические возможности раз-другой повернуться каким-нибудь боком к солнцу.

В начале апреля убежал Васька Полещук. Он не был завидным колонистом. В декабре я наткнулся в наробразе на такую картину: толпа народу у одного из столиков окружила грязного и оборванного мальчика. Секция дефективных признала его душевнобольным и отправляла в какой-то специальный дом. Оборванец протестовал, плакал и кричал, что он вовсе не сумасшедший, что его обманом привезли в город, а на самом деле везли в Краснодар, где обещали поместить в школу.

– Чего ты кричишь? – спросил я его.

– Да вот, видишь, признали меня сумасшедшим…

– Слышал. Довольно кричать, едем со мной!

– На чем едем?

– На своих двоих. Запрягай!

– Ги-ги-ги!..

Физиономия у оборванца была действительно не из интеллигентных. Но от него веяло большой энергией, и я подумал: «Да все равно: ни одна блоха не плоха…»[70]

Дефективная секция с радостью освободилась от своего

клиента, и мы с ним бодро зашагали в колонию. Дорогою он рассказал обычную историю, начинающуюся со смерти родителей и нищенства. Звали его Васька Полещук. По его словам, он был человек «ранетый» – участвовал во взятии Перекопа.

В колонии на другой же день он замолчал, и никому – ни воспитателям, ни хлопцам – не удавалось его разговорить. Вероятно, подобные явления и побудили ученых признать Полещука сумасшедшим.

Хлопцы заинтересовались его молчанием и просили у меня разрешения применить к нему какие-то особые методы: нужно обязательно перепугать, тогда он сразу заговорит. Я категорически запретил это. Вообще я жалел, что взял этого молчальника в колонию.

Вдруг Полещук заговорил, заговорил без всякого повода. Просто был прекрасный теплый весенний день, наполненный запахами подсыхающей земли и солнца. Полещук заговорил энергично, крикливо, сопровождая слова смехом и прыжками. Он по целым дням не отходил от меня, рассказывая о прелестях жизни в Красной армии и о командире Зубате.

– Вот был человек! Глаза такие, аж синие, такие черные, как глянет, так аж в животе холодно. Он как в Перекопе был, так аж нашим было страшно.

– Что ты все о Зубате рассказываешь? – спрашивают ребята. – Ты его адрес знаешь?

– Какой адрес?

– Адрес, куда ему писать, ты знаешь?

– Нет, не знаю. А зачем ему писать? Я поеду в город Николаев, там найду…

– Да ведь он тебя прогонит…

– Он меня не прогонит. Это другой меня прогнал. Говорит: нечего с дурачком возиться. А я разве дурачок?

Целыми днями Полещук рассказывал всем о Зубате, о его красоте, неустрашимости и что он никогда не ругался матерной бранью. Ребята прямо спрашивали:

– Подрывать собираешься?

Полещук поглядывал на меня и задумывался. Думал долго, и когда о нем уже забывали и ребята увлекались другой темой, он вдруг тормошил задавшего вопрос:

– Антон будет сердиться?

– За что?

– А вот если я подорву?

– А ты ж думаешь, не будет? Стоило с тобой возиться!..

Васька опять задумывался.

И однажды после завтрака прибежал ко мне Шелапутин.

– Васьки в колонии нету… И не завтракал – подорвал. Поехал к Зубате.

На дворе меня окружили хлопцы. Им было интересно знать, какое впечатление произвело на меня исчезновение Васьки.

– Полещук – таки дернул…

– Весной запахло…

– В Крым поехал…

– Не в Крым, а в Николаев…

– Если пойти на вокзал, можно поймать…

И незавидный был колонист Васька, а побег его произвел на меня очень тяжелое впечатление. Было обидно и горько, что вот не захотел человек принять нашей небольшой жертвы, пошел искать лучшего. И знал я в то же время, что наша колонистская бедность никого удержать не может. Ребятам я сказал:

– Ну и черт с ним! Ушел – и ушел. Есть дела поважнее.

В апреле Калина Иванович начал пахать. Это событие совершенно неожиданно свалилось на нашу голову. Комиссия по делам несовершеннолетних поймала конокрада, несовершеннолетнего. Преступника куда-то отправили, но хозяина лошади сыскать не могли. Комиссия неделю провела в страшных мучениях: ей очень непривычно было иметь у себя такое неудобное вещественное доказательство, как лошадь. Пришел в комиссию Калина Иванович, увидел мученическую жизнь и грустное положение ни в чем не повинной лошади, стоявшей посреди мощенного булыжником двора, – ни слова не говоря, взял ее за повод и привел в колонию. Вслед ему летели облегченные вздохи членов комиссии.

В колонии Калину Ивановича встретили крики восторга и удивления. Гуд принял в трепещущие руки от Калины Ивановича повод, а в просторы своей гудовской души такое напутствие:

– Смотри ж ты мине! Это тебе не то, как вы один з одним обращаетесь! Это животная – она языка не имеет и ничего не может сказать. Пожалиться ей, сами знаете, невозможно. Но если ты ей будешь досаждать и она тебе стукнет копытом по башке, так к Антону Семеновичу не ходи. Хочь – плачь, хочь – не плачь, я тебе все равно споймаю. И голову провалю.

Мы стояли вокруг этой торжественной группы, и никто из нас не протестовал против столь грозных опасностей, угрожавших башке Гуда. Калина Иванович сиял и улыбался сквозь трубку, произнося такую террористическую речь. Лошадь была рыжей масти, еще не стара и довольно упитанна.

Калина Иванович с хлопцами несколько дней провозился в сарае. При помощи молотков, отверток, просто кусков железа,

наконец, при помощи многих поучительных речей ему удалось наладить нечто вроде плуга из разных ненужных остатков старой колонии.

И вот благословенная картина: Бурун с Задоровым пахали. Калина Иванович ходил рядом и говорил:

– Ах, паразиты, и пахать не умеют: вот тебе огрих; вот огрих, вот огрих…

Хлопцы добродушно огрызались:

– А вы бы сами показали, Калина Иванович. Вы, наверное, сами никогда не пахали.

Калина Иванович вынимал изо рта трубку, старался сделать зверское лицо:

– Кто, я не пахав? Разве нужно обязательно самому пахать? Нужно понимать. Я вот понимаю, что ты огрихив сделав, а ты не понимаешь.

Сбоку же ходили Гуд и Братченко. Гуд шпионил за пахарями, не издеваются ли они над конем, а Братченко просто влюбленными глазами смотрел на Рыжего. Он пристроился к Гуду в качестве добровольного помощника по конюшне.

В сарае возились несколько старших хлопцев у старой сеялки. На них покрикивал и поражал их впечатлительные души кузнечно-слесарной эрудицией Софрон Головань.

Софрон Головань имел несколько очень ярких черт, заметно выделявших его из среды прочих смертных. Он был огромного роста, замечательно жизнерадостен, всегда был выпивши и никогда не бывал пьян, обо всем имел свое собственное и всегда удивительно невежественное мнение. Головань был чудовищное соединение кулака с кузнецом: у него были две хаты, три лошади, две коровы и кузница. Несмотря на свое кулацкое состояние, он все же был хорошим кузнецом, и его руки были несравненно просвещеннее его головы. Кузница Софрона стояла на самом харьковском шляху, рядом с постоялым двором, и в этом ее географическом положении был запрятан секрет обогащения фамилии Голованей.

В колонию Софрон пришел по приглашению Калины Ивановича. В наших сараях нашелся кое-какой кузнечный инструмент. Сама кузница была в полуразрушенном состоянии, но Софрон предлагал перенести сюда свою наковальню и горн, прибавить кое-какой инструмент и работать в качестве инструктора. Он брался даже за свой счет поправить здание кузницы. Я удивлялся, откуда это у Голованя такая готовность идти к нам на помощь.

Недоумение мое разрешил на «вечернем докладе» Калина Иванович.

Засовывая бумажку в стекло моего ночника, чтобы раскурить трубку, Калина Иванович сказал:

– А этот паразит Софрон недаром к нам идет. Его, знаешь, придавили мужички, так он боится, как бы кузницу у него не отобрали, а тут он, знаешь, как будто на совецькой службе будет считаться.

– Что ж нам с ним делать? – спросил я Калину Ивановича.

– А что ж нам делать? Кто сюда пойдет? Где мы горн возьмем? А струмент? И квартир у нас нету, а если и есть какая халупа, так и столярей же нужно звать. И знаешь, – прищурился Калина Иванович, – нам што: хочь рыжа, хочь кирпата, абы хата богата. Што ж с того, што он кулак, работать же он будет все равно, как и настоящий человек. *Мало ли чего эти большевики говорят, так не все ж на правду переводится.*

Калина Иванович задумчиво дымил в низкий потолок моей комнаты и вдруг заулыбался:

– Мужики эти, паразиты, все равно у него отберут кузню, а толк какой с того? Все равно проведуть без дела. Так лучше пускай у нас кузня будет, а Софрону все равно пропадать. Подождем малость – дадим ему по шапке: у нас совецькая учреждения, а ты што ж, сукин сын, мироедом був, кров человеческую пил, хе-хе-хе!..

Мы уже получили часть денег на ремонт имения, но их было так мало, что от нас требовалась исключительная изворотливость. Нужно было все делать своими руками. Для этого нужна была кузница, нужна была и столярная мастерская. Верстаки у нас были, на них кое-как можно было работать, инструмент купили. Скоро в колонии появился и инструктор-столяр, – *настоящий советский человек. Это было видно из того, что в самый день приезда в колонию, когда кто-то из колонистов пытался подшутить над инструктором, он недвусмысленно пообещал:*

– Потише, а то я поступлю с тобою по-флотски.

Как это «поступить по-флотски», до конца нашей истории осталось тайной, но ребятам тогда показалось, что это нечто внушительное. Сам Елисов не обладал, впрочем, никакой внушительностью: маленький человечек с черными усиками, и столярное дело он знал неважно, но у него была настоящая охота принять участие в наших подвигах, и к работе, к задачам нашим, удачам и неудачам он всегда относился с весёлой страстью. Под его руководством хлопцы энергично принялись распиливать привезенные из города доски и клеить окна и двери для новой колонии. К сожалению, ремесленные познания наших столяров были столь ничтожны, что процесс приготовления для будущей жизни окон и дверей в первое время был очень мучительным.

Кузнечные работы, – а их нужно было немало, – сначала тоже не радовали нас. Софрон не особенно стремился к скорейшему окончанию восстановительного периода в советском государстве. Жалованье его как инструктора выражалось в цифрах ничтожных: в день получки Софрон демонстративно все полученные деньги отправлял с одним из ребят к бабе-самогонщице с приказом:

– Три бутылки первака.

Я об этом узнал не скоро. И вообще в то время я был загипнотизирован списком: скобы, навесы, петли, щеколды. Вместе со мной все были увлечены вдруг развернувшейся работой, из ребят уже выделились столяры и кузнецы, в кармане у нас стала шевелиться копейка.

Нас прямо в восторг приводило то оживление, которое принесла с собою кузница. В восемь часов в колонии раздавался веселый звук наковальни, в кузнице всегда звучал смех, у ее широко раскрытых ворот то и дело торчали два-три селянина, говорили о хозяйских делах, о продразверстке, о председателе комнезама[71] Верхоле, о кормах и о сеялке. Селянам мы ковали лошадей, натягивали шины, ремонтировали плуги. С незаможников мы брали половинную плату, и это обстоятельство сделалось отправным пунктом для бесконечных дискуссий о социальной справедливости и о социальной несправедливости.

Софрон предложил сделать для нас шарабан. В неистощимых на всякий хлам сараях колонии нашелся какой-то кузов. Калина Иванович привез из города пару осей. По ним в течение двух дней колотили молотами и молотками в кузнице. Наконец Софрон заявил, что шарабан готов, но нужны рессоры и колеса. Рессор у нас не было, колес тоже не было. Я долго рыскал по городу, выпрашивал старые рессоры, а Калина Иванович отправился в длительное путешествие в глубь страны. Он ездил целую неделю, привез две пары новеньких ободьев и несколько сот разнообразных впечатлений, среди них главное было:

– Вот не люблю я, знаешь, этих мужиков. У них нет того, чтобы для всех было, а только бы ему, паразиту. Сидит, понимаешь, зробыв соби колеса, а другой так пускай на чем хочет ездит. От некультурный народ эти мужики.

Софрон привел с хутора Козыря. Козырю было сорок лет, он осенял себя крестным знамением при всяком подходящем случае, был очень тих, вежлив и всегда улыбчиво оживлен. Он недавно вышел из сумасшедшего дома и до смерти дрожал при упоминании имени собственной супруги, которая и была виновницей неправильного диагноза губернских психиатров. Козырь был колесник. Он страшно обрадовался нашему предложению сделать для нас четыре колеса. Особенности его

семейной жизни и блестящие задатки подвижничества подтолкнули его на чисто деловое предложение:

– Знаете, что, товарищи, спаси господи, позвали меня, старика, – знаете, что я вам скажу? Я у вас тут и жить буду.

– Так у нас же негде.

– Ничего, ничего, вы не беспокойтесь, я найду, и господь бог поможет. Теперь лето, а на зиму соберемся как-нибудь, вон в том сарайчике я устроюсь, я хорошо устроюсь…

– Ну, живите.

Козырь закрестился и немедленно расширил деловую сторону вопроса:

– Ободьев мы достанем. То Калина Иванович не знали, а я все знаю. Сами привезут, сами привезут мужички, вот увидите, господь нас не оставит.

– Да нам же больше не нужно, дядя.

– Как «не нужно», как «не нужно», спаси Бог?.. Вам не нужно, так людям нужно: как же может мужичок без колеса? Продадите – заработаете, мальчикам на пользу будет.

Калина Иванович рассмеялся и поддержал домогательство Козыря:

– Да черт с ним, нехай останется. В природе, знаешь, все так хорошо устроено, что и человек на что-нибудь пригодится.

Козырь сделался общим любимцем колонистов. К его религиозности относились как к особому виду сумасшествия, очень тяжелого для больного, но нисколько не опасного для окружающих. Даже больше: Козырь сыграл определенно положительную роль в воспитании отвращения к религии.

Он поселился в небольшой комнате возле спален. Здесь он был прекрасно укрыт от агрессивных действий его супруги, которая отличалась действительно сумасшедшим характером. Для ребят сделалось истинным наслаждением защищать Козыря от пережитков его прошлой жизни. Козыриха появлялась в колонии всегда с криком и проклятиями. Требуя возвращения мужа к семейному очагу, она обвиняла меня, колонистов, советскую власть и «этого босяка» Софрона в разрушении ее семейного счастья. Хлопцы с нескрываемой иронией доказывали ей, что Козырь ей в мужья не годится, что производство колес – гораздо более важное дело, чем семейное счастье. Сам Козырь в это время сидел, притаившись в своей комнате, и терпеливо ожидал, когда атака окончательно будет отбита. Только когда голос обиженной супруги раздавался уже за озером и от посылаемых ею пожеланий долетали только отдельные обрывки: «…сыны… чтоб вам… вашу голову…», только тогда Козырь появлялся на сцене:

– Спаси Христос, сынки! Такая неаккуратная женщина…

Несмотря на столь враждебное окружение, колесная мастерская начинала приносить доход. Козырь, буквально при помощи одного крестного знамения, умел делать солидные коммерческие дела; к нам без всяких хлопот привозили ободья и даже денег немедленно не требовали. Дело в том, что он действительно был замечательный колесник, и его продукция славилась далеко за пределами нашего района.

Наша жизнь стала сложнее и веселее. Калина Иванович все-таки посеял на нашей поляне десятин пять овса, в конюшне красовался Рыжий, на дворе стоял шарабан, единственным недостатком которого была его невиданная вышина: он поднимался над землей не меньше как на сажень, и сидящему в его корзинке пассажиру всегда казалось, что влекущая шарабан лошадь помещается хотя и впереди, но где-то далеко внизу.

Мы развили настолько напряженную деятельность, что уже начинали ощущать недостаток в рабочей силе. Пришлось наскоро отремонтировать еще одну спальню-казарму, и скоро к нам прибыло подкрепление. Это был совершенно новый сорт.

К тому времени ликвидировалось многое число атаманов и батьков, и все несовершеннолетние соратники разных Левченок и Марусь, военная и бандитская роль которых не шла дальше обязанностей конюхов и кухонных мальчиков, присылались в колонию. Благодаря именно этому историческому обстоятельству в колонии появились имена: Карабанов, Приходько, Голос, Сорока, Вершнев, Митягин и другие.

[8] Характер и культура

Приход новых колонистов сильно расшатал наш некрепкий коллектив, и мы снова приблизились к «малине».

Наши первые воспитанники были приведены в порядок только для нужд самой первой необходимости. Последователи отечественного анархизма[72] еще менее склонны были подчиняться какому бы то ни было порядку. Нужно, однако, сказать, что открытое сопротивление и хулиганство по отношению к воспитательскому персоналу в колонии никогда не возрождалось. Можно думать, что Задоров, Бурун, Таранец и другие умели сообщить новеньким краткую историю первых горьковских дней. И старые и новые колонисты всегда демонстрировали уверенность, что воспитательский персонал не является силой, враждебной по отношению к ним. Главная причина такого настроения безусловно лежала в работе наших воспитателей, настолько самоотверженной и, очевидно, трудной, что она, естественно, вызывала к себе уважение. Поэтому колонисты, за очень редким исключением, всегда были в хороших отношениях с воспитателями, признавали необходимость работать и заниматься в школе, в сильной мере понимали, что все это вытекает из общих наших интересов. Лень и неохота переносить лишения у нас проявлялись в чисто зоологических формах и никогда не принимали формы протеста.

Мы отдавали себе отчет в том, что все это благополучие есть чисто внешняя форма дисциплины и что за ним не скрывается никакая, даже самая первоначальная культура.

Вопрос, почему колонисты продолжают жить в условиях нашей бедности и довольно тяжелого труда, почему они не разбегаются, разрешался, конечно, не только в педагогической плоскости. 1921 год для жизни на улице не представлял ничего завидного. Хотя наша губерния не была в списке голодающих[73], но в самом городе все же было очень сурово и, пожалуй, голодно. Кроме того, в первые годы мы почти не получали квалифицированных беспризорных, привыкших к бродяжничеству на улице. Большею частью наши ребята были детьми из семьи, только недавно порвавшими с нею связь.

На городских окраинах, в запущенных бандитских селах за время войны и революции скопились многочисленные образования, оставшиеся после разложения семьи. В значительной мере это были старые уголовные семьи, которые еще при старом режиме поставляли пополнения в уголовные кадры, много было семей, ослабевших во время войны, много завелось продуктов социального

разложения, как следствие смертей, эвакуаций, экзекуций, передвижений. Многие ребята привыкли бродить за полками: царскими, белыми, красными, петлюровскими, махновскими[74]*. Это были авантюристы разных пошибов. Они приобрели большие навыки в употреблении упрощенно-анархистской логики, в презрении ко всякой собственности, в пренебрежении к жизни и к человеческой личности, к чистоте, к порядку, к закону.*

Но среди этих привычек все же не было привычки одинокого бродяжничества, того, что потом составило главное содержание беспризорщины. Поэтому выход из колонии для многих колонистов был возможен только в форме перехода в какой-нибудь определенный коллектив, хотя бы и воровской, во всяком случае – не просто на улицу. А найти такой коллектив, связаться с ним под бдительным вниманием угрозыска было все же трудно. Поэтому кадры нашей колонии почти не терпели убыли.

Хлопцы наши представляли в среднем комбинирование очень ярких черт характера с очень узким культурным состоянием. Как раз таких и старались присылать в нашу колонию, специально предназначенную для трудновоспитуемых. Подавляющее большинство их было малограмотно или вовсе неграмотно, почти все привыкли к грязи и вшам, по отношению к другим людям у них *сложились постоянные защитно-угрожающие отношения, по отношению к себе наивысшим фасоном была* поза примитивного героизма.

Выделялись из всей этой толпы несколько человек более высокого интеллектуального уровня, как Задоров, Бурун, Ветковский, Братченко, а из вновь прибывших – Карабанов и Митягин. Остальные только очень постепенно и чрезвычайно медленно приобщались к приобретениям человеческой культуры, тем медленнее, чем мы были беднее и голоднее.

В первый год нас особенно удручало их постоянное стремление к ссоре друг с другом, страшно слабые коллективные связи, разрушаемые на каждом шагу из-за первого пустяка. В значительной мере это проистекало даже не из вражды, а все из той же позы героизма, не корректированной никаким политическим самочувствием. Хотя многие из них побывали в классово-враждебных лагерях, у них не было никакого ощущения принадлежности к тому или другому классу. Детей рабочих у нас почти не было, пролетариат был для них чем-то далеким и неизвестным, к крестьянскому труду большинство относилось с глубоким презрением, – не столько, впрочем, к труду, сколько к крестьянскому быту, крестьянской психике. Оставался, следовательно, широкий простор для всякого своеволия, для проявления одичавшей, припадочной в своем одиночестве

личности.

Картина в общем была тягостная, но все же зачатки коллектива, зародившиеся в течение первой зимы, потихоньку зеленели в нашем обществе, и эти зачатки во что бы то ни стало нужно было спасти, нельзя было новым пополнениям позволить приглушить эти драгоценные зеленя. Главной своей заслугой я считаю, что тогда я заметил это важное обстоятельство и по достоинству его оценил. Защита этих первых ростков потом оказалась таким невероятно трудным, таким бесконечно длинным и тягостным процессом, что, если бы я знал это заранее, я, наверное, испугался бы и отказался от борьбы. Хорошо было то, что я всегда ощущал себя накануне победы, для этого нужно было быть неисправимым оптимистом.

Каждый день моей тогдашней жизни обязательно вмещал в себя и веру, и радость, и отчаяние.

Вот идет все как будто благополучно. Воспитатели закончили вечером свою работу, прочитали книжку, просто побеседовали, поиграли, пожелали ребятам спокойной ночи и разошлись. Хлопцы остались в мирном настроении, приготовились укладываться спать. В моей комнате отбиваются последние удары дневного рабочего пульса, сидит еще Калина Иванович и по обыкновению занимается каким-нибудь обобщением, торчит кто-нибудь из любопытных колонистов, у дверей Братченко с Гудом приготовились к очередной атаке на Калину Ивановича по вопросам фуражным, и вдруг с криком врывается пацан:

– В спальне хлопцы режутся!

Я – бегом из комнаты. В спальне содом и крик. В углу две зверски ощерившиеся группы. Угрожающие жесты и наскоки перемешиваются с головокружительной руганью; кто-то кого-то «двигает» в ухо, Бурун отнимает у одного из героев финку, а издали ему кричат:

– А ты чего мешаешься? Хочешь получить мою расписку?

На кровати, окруженный толпой сочувствующих, сидит раненый и молча перевязывает куском простыни порезанную руку.

Я никогда не разнимал дерущихся, не старался их перекричать.

За моей спиной Калина Иванович испуганно шепчет:

– Ой, скорийше, скорийше, голубчику, бо вони ж, паразиты, порежут один одного…

Но я стою молча в дверях и наблюдаю. Постепенно ребята замечают мое присутствие и замолкают. Быстро наступающая тишина приводит в себя и самых разъяренных. Прячутся финки и опускаются кулаки, гневные и матерные монологи прерываются

на полуслове. Но я продолжаю молчать: внутри меня самого закипают гнев и ненависть ко всему этому дикому миру. Это – ненависть бессилия, потому что я очень хорошо знаю: сегодня не последний день.

Наконец в спальне устанавливается жуткая, тяжелая тишина, утихают даже глухие звуки напряженного дыхания.

Тогда вдруг взрываюсь я сам, взрываюсь и в приступе настоящей злобы и в совершенно сознательной уверенности, что так нужно:

– Ножи на стол! Да скорее, черт!..

На стол выкладываются ножи: финки, кухонные, специально взятые для расправы, перочинные и самоделковые, изготовленные в кузнице. Молчание продолжает висеть в спальне, *подавленное молчание обессиленной толпы*. Возле стола стоит и улыбается Задоров, прелестный, милый Задоров, который сейчас кажется мне единственным родным, близким человеком. Я еще коротко приказываю:

– Кистени!

– Один у меня, я отнял, – говорит Задоров.

Все стоят, опустив головы.

– Спать!..

Я не ухожу из спальни, пока все не укладываются.

На другой день ребята стараются не вспоминать вчерашнего скандала. Я тоже ничем не напоминаю о нем.

Проходит месяц-другой. В течение этого времени отдельные очаги вражды в каких-то тайных углах слабо чадят, и если пытаются разгореться, то быстро притушиваются в самом коллективе. Но вдруг опять разрывается бомба, и опять разъяренные, потерявшие человеческий вид колонисты гоняются с ножами друг за другом.

В один из вечеров я увидел, что мне необходимо прикрутить гайку, как у нас говорят. После одной из драк я приказываю Чоботу, одному из самых неугомонных рыцарей финки, идти в мою комнату. Он покорно бредет. У себя я ему говорю:

– Тебе придется оставить колонию.

– А куда я пойду?

– Я тебе советую идти туда, где позволено резаться ножами. Сегодня ты из-за того, что товарищ не уступил тебе место в столовой, пырнул его ножом. Вот и ищи такое место, где споры разрешаются ножом.

– Когда мне идти?

– Завтра утром.

Он угрюмо уходит. Утром, за завтраком, все ребята обращаются ко мне с просьбой: пусть Чобот останется, они за

него ручаются.

– Чем ручаетесь?

Не понимают.

– Чем ручаетесь? Вот если он все-таки возьмет нож, что вы тогда будете делать?

– Тогда вы его выгоните.

– Значит, вы ничем не ручаетесь? Нет, он пойдет из колонии.

Чобот после завтрака подошел ко мне и сказал:

– Прощайте, Антон Семенович, спасибо за науку…

– До свиданья, не поминай лихом. Если будет трудно, приходи, но не раньше как через две недели.

Через месяц он пришел, исхудавший и бледный.

– Я вот пришел, как вы сказали.

– Не нашел такого места?

Он улыбнулся.

– Отчего «не нашел»? Есть такие места… Я буду в колонии, я не буду брать ножа в руки.

Колонисты любовно встретили нас в спальне:

– Все-таки простили! Мы ж говорили.

[9] «Есть еще лыцари на Украине»

В один из воскресных дней напился Осадчий. Его привели ко мне потому, что он буйствовал в спальне. Осадчий сидел в моей комнате и, не останавливаясь, нес какую то пьяно-обиженную чепуху. Разговаривать с ним было бесполезно. Я оставил его у себя и приказал ложиться спать. Он покорно заснул.

Но, войдя в спальню, я услышал запах спирта. Многие из хлопцев явно уклонялись от общения со мной. Я не хотел подымать историю с розыском виновных и только сказал:

– Не только Осадчий пьян. Еще кое-кто выпил.

Через несколько дней в колонии снова появились пьяные. Часть из них избегала встречи со мной, другие, напротив, в припадке пьяного раскаяния приходили ко мне и слезливо болтали и признавались в любви.

Они не скрывали, что были в гостях на хуторе.

Вечером в спальне поговорили о вреде пьянства, провинившиеся дали обещание больше не пить, я сделал вид, будто до конца доволен развязкой, и даже не стал никого наказывать. У меня уже был маленький опыт, и я хорошо знал, что в борьбе с пьянством нужно бить не по колонистам – нужно бить кого-то другого. Кстати, и этот другой был недалеко.

Мы были окружены самогонным морем. В самой колонии очень часто бывали пьяные из служащих и крестьян. В это же время я узнал, что Головань посылал ребят за самогоном. Головань и не отказывался:

– Да что ж тут такого?

Калина Иванович, который сам никогда не пил, раскричался на Голованя *прокурорской речью*:

– Ты понимаешь, паразит, что значит советская власть? Ты думаешь, советская власть для того, чтобы ты самогоном наливался?

Головань неловко поворачивался на шатком и скрипучем стуле и оправдывался:

– Да что ж тут такого? Кто не пьет, спросите… У всякого аппарат, и каждый пьет, сколько ему по аппетиту. Пускай советская власть сама не пьет…

– Какая советская власть?

– Да кажная. И в городе пьют, и у хохлов пьют.

– Вы знаете, кто здесь продает самогонку? – спросил я у Софрона.

– Да кто его знает, я сам никогда не покупал. Нужно – пошлешь кого-нибудь. А вам на что? Отбирать будете?

– А что же вы думаете? И буду отбирать…

– Хе, сколько уже милиция отбирала, и то ничего не вышло.

Он наклонился ко мне и зашептал:

– И милиция пьет, за две бутылки первача кажного купить можно.

На другой же день я в городе добыл мандат на беспощадную борьбу с самогоном на всей территории нашего сельсовета. Вечером мы с Калиной Ивановичем совещались. Калина Иванович был настроен скептически:

– Не берись ты за это грязное дело. Я тебе скажу, тут у них лавочка: председатель свой, понимаешь, Гречаный. А на хуторах, куда ни глянь, все Гречаные да Гречаные. Народ, знаешь, того, на конях не пашут, а все – волики. От ты посчитай: Гончаровка у них вот где! – Калина Иванович показал сжатый кулак. – Держуть, паразиты, и ничего не сделаешь.

– Не понимаю, Калина Иванович. А при чем тут самогонка?

– Ой, и чудак же ты, а еще освиченный[75] человек! Так власть же у них вся в руках. Ты их краще не чипай[76], а то заедят. Заедят, понимаешь?

В спальне я сказал колонистам:

– Хлопцы, прямо говорю вам: не дам пить никому. И на хуторах разгоню эту самогонную банду. Кто хочет мне помочь?

Большинство замялось, но другие накинулись на мое предложение со страстью. Карабанов сверкал черными, огромными, как у коня, глазами:

– Это дуже[77] хорошее дело. Дуже хорошее. Этих граков[78] нужно трохи той… прижмать.

Я пригласил на помощь троих: Задорова, Волохова и Таранца. Поздно ночью в субботу мы приступили к составлению диспозиции. Вокруг моего ночника склонились над составленным мною планом хутора, и Таранец, запустивши руки в рыжие патлы, водил по бумаге веснушчатым носом и говорил:

– Нападем на одну хату, так в других попрячут. Троих мало.

– Разве так много хат с самогоном?

– Почти в каждой: у Мусия Гречаного варят, у Андрия Карповича варят, и у самого председателя Сергия Гречаного варят. Верхолы, так они все делают, и в городе бабы продают. Надо больше хлопцев, а то, знаете, понабивают нам морды – и все.

Волохов молча сидел в углу и зевал.

– Понабивают – как же! Возьмем одного Карабанова, и довольно. И пальцем никто не тронет. Я этих граков знаю. Они нашего брата боятся.

Волохов шел на операцию без увлечения. Он и в это время

относился ко мне с некоторым отчуждением: не любил парень дисциплины. Но он был сильно предан Задорову и шел за ним, не проверяя никаких принципиальных положений.

Задоров, как всегда, спокойно и уверенно улыбался; он умел все делать, не растрачивая своей личности и не обращая в пепел ни одного грамма своего существа. И, как и всегда, я никому так не верил, как Задорову: так же, не растрачивая личности, Задоров может пойти на любой подвиг, если к подвигу его призовет жизнь.

И сейчас он сказал Таранцу:

– Ты не егози, Федор, говори коротко, с какой хаты начнем и куда дальше. А завтра видно будет. Карабанова нужно взять, это верно, он умеет с граками разговаривать, потому что и сам грак. А теперь идем спать, а то завтра нужно выходить пораньше, пока на хуторах не перепились. Так, Грицько?

– Угу, – просиял Волохов.

Мы разошлись. По двору гуляли Лидочка и Екатерина Григорьевна, и Лидочка сказала:

– Хлопцы говорят, что пойдете самогонку трусить? Ну на что это вам сдалось? Что это, педагогическая работа? Ну на что это похоже?

– Вот это и есть педагогическая работа. Пойдемте завтра с нами.

– А что ж, думаете, испугалась? И пойду. Только это не педагогическая работа…

– Так вы идете?

– Иду.

Екатерина Григорьевна отозвала меня в сторону:

– Ну для чего вы берете этого ребенка?

– Ничего, ничего, – закричала Лидия Петровна, – я все равно пойду!

Таким образом у нас составилась комиссия из пяти человек.

Часов в семь утра мы постучали в ворота Андрея Карповича Гречаного, ближайшего нашего соседа. Наш стук послужил сигналом для сложнейшей собачьей увертюры, которая продолжалась минут пять.

Только после увертюры началось самое действие, как и полагается.

Оно началось выходом на сцену деда Андрея Гречаного, мелкого старикашки с облезлой головой, но сохранившего аккуратно подстриженную бородку. Дед Андрей спросил нас неласково:

– Чего тут добиваетесь?

– У вас есть самогонный аппарат, мы пришли его

уничтожить, – сказал я. – Вот мандат от губмилиции…

– Самогонный аппарат? – спросил дед Андрей растерянно, бегая острыми взглядами по нашим лицам и живописным одеждам колонистов.

Но в этот момент бурно вступил фортиссимо собачий оркестр, потому что Карабанов успел за спиной деда продвинуться ближе к заднему плану и вытянуть предусмотрительно захваченным «дрючком» рыжего кудлатого пса, ответившего на это выступление оглушительным соло на две октавы выше обыкновенного собачьего голоса.

Мы бросились в прорыв, разгоняя собак. Волохов закричал на них властным басом, и собаки разбежались по углам двора, оттеняя дальнейшие события маловыразительной музыкой обиженного тявканья. Карабанов был уже в хате, и когда мы туда вошли с дедом, он победоносно показывал нам искомое: самогонный аппарат.

– Ось![79]

Дед Андрей топтался по хате и блестел, как в опере, новеньким молескиновым пиджачком.

– Самогон вчера варили? – спросил Задоров.

– Та вчера, – сказал дед Андрей, растерянно почесывая бородку и поглядывая на Таранца, извлекающего из-под лавки в переднем углу полную четверть розовато-фиолетового нектара.

Дед Андрей вдруг обозлился и бросился к Таранцу, оперативно правильно рассчитывая, что легче всего захватить его в тесном углу, перепутанном лавками, иконами и столом. Таранца он захватил, но четверть через голову деда спокойно принял Задоров, а деду досталась издевательски открытая, обворожительная улыбка Таранца:

– А что такое, дедушка?

– Як вам не стыдно! – с чувством закричал дед Андрей. – Совести на вас нету, по хатам ходите, грабите! И дивчат с собою привели. Колы вже покой буде людям, колы вже на вас лыха годына посядэ?

– Э, да вы, диду, поэт, – сказал с оживленной мимикой Карабанов и, подпершись дрючком, застыл перед дедом в декоративно-внимательной позе.

– Вон из моей хаты! – закричал дед Андрей и, схвативши у печи огромный рогач, неловко стукнул им по плечу Волохова.

Волохов засмеялся и поставил рогач на место, показывая деду новую деталь событий:

– Вы лучше туда гляньте.

Дед глянул и увидел Таранца, слезающего с печи со второй четвертью самогона, улыбающегося по-прежнему искренно и

обворожительно. Дед Андрей сел на лавку, опустил голову и махнул рукой.

К нему подсела Лидочка и ласково заговорила:

– Андрию Карповичу! Вы ж знаете: запрещено ж законом варить самогонку. И хлеб же на это пропадает, а кругом же голод, вы же знаете.

– Голод у ледаща[80]. А хто робыв, у того не буде голоду.

– А вы, диду, робылы? – звонко и весело спросил Таранец, сидя на печи. – А може, у вас робыв Степан Нечипоренко?

– Степан?

– Ага ж, Степан. А вы его выгнали и не заплатили и одежи не далы, так он в колонию просится.

Таранец весело щелкнул языком на деда и соскочил с печи.

– Куда все это девать? – спросил Задоров.

– Разбейте все на дворе.

– И аппарат?

– И аппарат.

Дед не вышел на место казни, – он остался в хате выслушивать ряд экономических, психологических и социальных соображений, которые с таким успехом начала перед ним развивать Лидия Петровна. Хозяйские интересы на дворе представляли собаки, сидевшие по углам, полные негодования. Только когда мы выходили на улицу, некоторые из них выразили запоздавший бесцельный протест.

Лидочку Задоров предусмотрительно вызвал из хаты:

– Идите с нами, а то дед Андрий из вас колбас наделает…

Лидочка выбежала, воодушевленная беседой с дедом Андреем:

– А вы знаете, он все понял! Он согласился, что варить самогон – преступление.

Хлопцы ответили смехом. Карабанов прищурился на Лидочку:

– Согласился? От здорово! Як бы вы посидели с ним подольше, то он и сам разбил бы аппарат? Правда ж?

– Скажите спасибо, что бабы его дома не было, – сказал Таранец, – до церкви пошла, в Гончаровку. Про то вам еще с Верхолыхой поговорить придется.

Лука Семенович Верхола часто бывал в колонии по разным делам, и мы иногда обращались к нему по нужде: то хомут, то бричка, то бочка. Лука Семенович был талантливейший дипломат, разговорчивый, услужливый и вездесущий. Он был очень красив и умел холить курчавую ярко-рыжую бороду. У него было три сына: старший, Иван, был неотразим на пространстве радиусом десять километров, потому что играл на трехрядной

венской гармонике и носил умопомрачительные зеленые фуражки. Лука Семенович встретил нас приветливо:

– А, соседи дорогие! Пожалуйте, пожалуйте! Слышал, слышал, самовары шукаете? Хорошее дело, хорошее дело. Сидайте! Молодой человек, сидайте ж на ослони ось. Ну, как? Достали каменщиков для Трепке? А то я завтра поеду на Бригадировку, так привезу вам. Ох, знаете, и каменщики ж!.. Та чего ж вы, молодой человек, не сидаете? Та нэма в мэнэ аппарата, нэма, я таким делом не займаюсь. Низзя! Что вы, как можно? Раз совецкая власть сказала – низзя, я ж понимаю, как же… Жинко, ты ж там не барыся, – дорогие ж гости!

На столе появилась миска, до краев полная сметаны, и горка пирогов с творогом. Лука Семенович не упрашивал, не лебезил, не унижался. Он ворковал приветливым открытым басом, у него были манеры хорошего хлебосольного барина. Я заметил, как при виде сметаны дрогнули сердца колонистов: Волохов и Таранец глаз не могли отвести от дорогого угощения, Задоров стоял у двери и, краснея, улыбался, понимая полную безвыходность положения. Карабанов сидел рядом со мной и, улучив подходящий момент, шептал:

– От и сукин же сын!.. Ну, що ты робытымешь? Ий-богу, прийдеться исты. Я не вдержусь, ий-богу, не вдержусь!

Лука Семенович поставил Задорову стул:

– Кушайте, дорогие соседи, кушайте! Можно было б и самогончику достать, так вы ж по такому делу…

Задоров сел против меня, опустил глаза и закусил полпирога, обливая свой подбородок сметаной; у Таранца до самых ушей протянулись сметанные усы; Волохов пожирал пирог за пирогом без видимых признаков какой-либо эмоции.

– Ты еще подсыпь пирогов, – приказал Лука Семенович жене. – Сыграй, Иване.

– Та в церкви ж служиться, – сказала жинка.

– Это ничего, – возразил Лука Семенович, – для дорогих гостей можно.

Молчаливый, гладкий красавец Иван заиграл «Светит месяц». Карабанов лез под латку от смеха:

– От так попали в гости!..

После угощения разговорились, Лука Семенович с великим энтузиазмом поддерживал наши планы в имении Трепке и готов был прийти на помощь всеми своими хозяйскими силами:

– Вы не сидить тут, в лесу. Вы скорийше туды перебирайтесь, там хозяйского глазу нэма. И берить мельницу, берить мельницу. Этой самый комбинат – он не умееть этого дела руководить. Мужики жалуются, дуже жалуются. Надо бывает крупчатки

змолоть на Пасху, на пироги ж, так месяц целый ходишь-ходишь, не добьешься. Мужик любит пироги исты, а яки ж пироги, когда нету самого главного – крупчатки?

– Для мельницы у нас еще пороху мало, – сказал я.

– Чего там «мало»? Люди ж помогут… Вы знаете, как вас тут народ уважает. Прямо все говорят: вот хороший человек…

В этот лирический момент в дверях появился Таранец, и в хате раздался визг перепуганной хозяйки. У Таранца в руках была половина великолепного самогонного аппарата, самая жизненная его часть – змеевик. Как-то мы и не заметили, что Таранец оставил нашу компанию.

– Это на чердаке, – сказал Таранец, – там и самогонка есть. Еще теплая.

Лука Семенович захватил бороду кулаком и сделался серьезен – на самое короткое мгновение. Он сразу же оживился, подошел к Таранцу и остановился против него с улыбкой. Потом почесал за ухом и прищурил на меня один глаз:

– С этого молодого человека толк будет. Ну, что ж, раз такое дело, ничего не скажу, ничего… и даже не обижаюсь. Раз по закону, значить – по закону. Поломаете, значить? Ну что ж… Иван, ты им помоги…

Но Верхолыха не разделила лояльности своего мудрого супруга. Она вырвала у Таранца змеевик и закричала:

– Та хто вам дасть, хто вам дасть ломать?! Зробите, а тоди – ломайте! Босяки чертови, иды, бо як двыну по голови…

Монолог Верхолыхи оказался бесконечно длинен. Притихшая до того в переднем углу Лидочка пыталась открыть спокойную дискуссию о вреде самогона, но Верхолыха обладала замечательными легкими. Уже были разбиты бутылки с самогоном, уже Карабанов железным ломом доканчивал посреди двора уничтожение аппарата, уже Лука Семенович приветливо прощался с нами и просил заходить, уверяя, что он не обижается, уже Задоров пожал руку Ивана, и уже Иван что-то захрипел на гармонике, а Верхолыха все кричала и плакала, все находила новые краски для характеристики нашего поведения и для предсказания нашего печального будущего. В соседних дворах стояли неподвижные бабы, выли и лаяли собаки, прыгая через протянутые во дворе проволоки, и вертели головами хозяева, вычищая в конюшнях.

Мы выскочили на улицу, и Карабанов повалился на ближайший плетень.

– Ой, не можу, ий-богу, не можу! От гости, так гости!.. Так як вона каже? Щоб вам животы попучило вид тией сметаны? Як у тебя с животом, Волохов?

В этот день мы уничтожили шесть самогонных аппаратов. С нашей стороны потерь не было. Только выходя из последней хаты, мы наткнулись на председателя сельсовета, Сергея Петровича Гречаного. Председатель был похож на казака Мамая[81]: примасленная черная голова и тонкие усы, закрученные колечками. Несмотря на свою молодость, он был самым исправным хозяином в округе и считался очень разумным человеком. Председатель крикнул нам еще издали:

– А ну, постойте!

Постояли.

– Драствуйте, с праздником… А как же это так, разрешите полюбопытствовать, на каком мандате основано такое самовольное втручение[82], что разбиваете у людей аппараты, которые вы права не имеете?

Он еще больше закрутил усы и пытливо рассматривал наши незаконные физиономии.

Я молча протянул ему мандат на «самовольное втручение». Он долго вертел его в руках и недовольно возвратил мне:

– Это, конечно, разрешение, но только и люди обижаются. Если так будет делать какая-то колония, тогда совецкой власти будет нельзя сказать, чтобы благополучно могло кончиться. Я и сам борюсь с самогонением.

– И у вас же аппарат есть, – сказал тихо Таранец, разрешив своим всевидящим гляделкам бесцеремонно исследовать председательское лицо.

Председатель свирепо глянул на оборванного Таранца:

– Ты! Твое дело – сторона. Ты кто такой? Колоньский? Мы это дело доведем до самого верху, и тогда окажется, почему председателя власти на местах без всяких препятствий можно оскорблять разным преступникам.

Мы разошлись в разные стороны.

Наша экспедиция принесла большую пользу. На другой день возле кузницы Задоров говорил нашим клиентам:

– В следующее воскресенье мы еще не так сделаем: вся колония – пятьдесят человек – пойдет.

Селяне кивали бородами и соглашались:

– Та оно, конешно, что правильно. Потому же и хлеб расходуется, и раз запрещено, так оно правильно.

Пьянство в колонии прекратилось, но появилась новая беда – картежная игра. Мы стали замечать, что в столовой тот или иной колонист обедает без хлеба, уборка или какая-нибудь другая из неприятных работ совершается не тем, кому следует.

– Почему сегодня ты убираешь, а не Иванов?

– Он меня попросил.

Работа по просьбе становилась бытовым явлением, и уже сложились определенные группы таких «просителей». Стало увеличиваться число колонистов, уклоняющихся от пищи, уступающих свои порции товарищам.

В детской колонии не может быть большего несчастья, чем картежная игра. Она выводит колониста из общей сферы потребления и заставляет его добывать дополнительные средства, а единственным путем для этого является воровство. Я поспешил броситься в атаку на этого нового врага.

Из колонии убежал Овчаренко, веселый и энергичный мальчик, уже успевший сжиться с колонией. Мои расспросы, почему убежал, ни к чему не привели. На другой день я встретил его в городе на толкучке, но, как его ни уговаривал, он отказался возвратиться в колонию. Беседовал он со мной в полном смятении.

Карточный долг в кругу наших воспитанников считался долгом чести. Отказ от выплаты этого долга мог привести не только к избиению и другим способам насилия, но и к общему презрению.

Возвратившись в колонию, я вечером пристал к ребятам:

– Почему убежал Овчаренко?

– Откуда же нам знать?

– Вы знаете.

Молчание.

В ту же ночь, вызвав на помощь Калину Ивановича, я произвел общий обыск. Результаты меня поразили: под подушками, в сундучках, в коробках, в карманах у некоторых колонистов нашлись целые склады сахару. Самым богатым оказался Бурун: у него в сундуке, который он с моего разрешения сам сделал в столярной мастерской, нашлось больше тридцати фунтов. Но интереснее всего была находка у Митягина. Под подушкой, в старой барашковой шапке, у него было спрятано на пятьдесят рублей медных и серебряных денег.

Бурун чистосердечно и с убитым видом признался:

– В карты выиграл.

– У колонистов?

– Угу!

Митягин ответил:

– Не скажу.

Главные склады сахару, каких-то вещей, кофточек, платков, сумочек хранились в комнате, в которой жили три наших девочки: Оля, Раиса и Маруся. Девочки отказались сообщить, кому принадлежат запасы. Оля и Маруся плакали, Раиса отмалчивалась.

Девушек в колонии было три. Все они были присланы комиссией за воровство в квартирах. Одна из них, Оля Воронова, вероятно, попалась случайно в неприятную историю – такие случайности часто бывают у малолетних прислуг. Маруся Левченко и Раиса Соколова были очень развязны и распущенны, ругались и участвовали в пьянстве ребят и в картежной игре, которая главным образом и происходила в их комнате. Маруся отличалась невыносимо истеричным характером, часто оскорбляла и даже била своих подруг по колонии, с хлопцами тоже всегда была в ссоре по всяким вздорным поводам, считала себя «пропащим» человеком и на всякое замечание и совет отзывалась однообразно:

– Чего вы стараетесь? Я – человек конченый.

Раиса была очень толста, неряшлива, ленива и смешлива, но далеко не глупа и сравнительно образованна. Она когда-то была в гимназии, и наши воспитательницы уговаривали ее готовиться на рабфак. Отец ее был сапожником в нашем городе, года два назад его зарезали в пьяной компании, мать пила и нищенствовала. Раиса утверждала, что это не ее мать, что ее в детстве подбросили к Соколовым, но хлопцы уверяли, что Раиса фантазирует:

– Она скоро скажет, что ее папаша принц был.

Мать Раисы как-то пришла в колонию, узнала, что дочка отказывается от дочерних чувств, и напала на Раису со всей страстью пьяной бабы. Ребята насилу выставили ее.

Раиса и Маруся держали себя независимо по отношению к мальчикам и пользовались с их стороны некоторым уважением, как старые и опытные «блатнячки». Именно поэтому им были доверены важные детали темных операций Митягина и других.

С прибытием Митягина блатной элемент в колонии усилился и количественно и качественно.

Митягин был квалифицированный вор, ловкий, умный, удачливый и смелый. При всем том он казался чрезвычайно симпатичным. Ему было лет семнадцать, а может быть, и больше.

В его лице была неповторимая «особая примета» – ярко-белые брови, сложенные из совершенно седых густых пучков. По его словам, эта примета часто мешала успеху его предприятий. Тем не менее ему и в голову не приходило, что он может заняться каким-либо другим делом, кроме воровства. В самый день своего прибытия в колонию он очень свободно и дружелюбно разговаривал со мной вечером:

– О вас хорошо говорят ребята, Антон Семенович.

– Ну, и что же?

– Это славно. Если ребята вас полюбят, это для них легче.

– Значит, и ты меня должен полюбить.

– Да нет… я долго в колонии жить не буду.

– Почему?

– Да на что? Все равно буду вором.

– От этого можно отвыкнуть.

– Можно, да я считаю, что незачем отвыкать.

– Ты просто ломаешься, Митягин.

– Ничуточки не ломаюсь. Красть интересно и весело. Только это нужно умеючи делать, и потом – красть не у всякого. Есть много таких гадов, у которых красть сам бог велел. А есть такие люди – у них нельзя красть.

– Это ты верно говоришь, – сказал я Митягину, – только беда главная не для того, у кого украли, а для того, кто украл.

– Какая же беда?

– А такая: привык ты красть, отвык работать, все тебе легко, привык пьянствовать, остановился на месте: босяк – и все. Потом в тюрьму попадешь, а там еще куда…

– Будто в тюрьме не люди. На воле много живут хуже, чем в тюрьме. Этого не угадаешь.

– Ты слышал об Октябрьской революции?

– Как же не слышал! Я и сам походил за Красной гвардией.

– Ну вот, теперь людям будет житье не такое, как в тюрьме.

– Это еще кто его знает, – задумался Митягин. – Сволочей все равно до черта осталось. Они свое возьмут не так, так иначе. Посмотрите, кругом колонии какая публика! Ого!

Когда я громил картежную организацию колонии, Митягин отказался сообщить, откуда у него шапка с деньгами.

– Украл?

Он улыбнулся.

– Какой вы чудак, Антон Семенович!.. Да, конечно же, не купил. Дураков еще много на свете. Эти деньги все дураками снесены в одно место, да еще с поклонами отдавали толстопузым мошенникам. Так чего я буду смотреть? Лучше я себе возьму. Ну, и взял. Вот только в вашей колонии и спрятать негде. Никогда не думал, что вы будете обыски устраивать…

– Ну, хорошо. Деньги эти я беру для колонии. Сейчас составим акт и заприходуем. Пока не о тебе разговор.

Я заговорил с ребятами о кражах:

– Игру в карты я решительно запрещаю. Больше вы играть в карты не будете. Играть в карты – значит обкрадывать товарища.

– Пусть не играют.

– Играют по глупости. У нас в колонии многие колонисты голодают, не едят сахара, хлеба. Овчаренко из-за этих самых карт ушел из колонии, теперь ходит – плачет, пропадает на толкучке.

– Да, с Овчаренко… это нехорошо вышло, – сказал Митягин.

Я продолжал:

– Выходит так, что в колонии защищать слабого товарища некому. Значит, защита лежит на мне. Я не могу допускать, чтобы ребята голодали и теряли здоровье только потому, что подошла какая-то дурацкая карта. Я этого не допущу. Вот и выбирайте. Мне противно обыскивать ваши спальни, но когда я увидел в городе Овчаренко, как он плачет и погибает, так я решил с вами не церемониться. А если хотите, давайте договоримся, чтобы больше не играть. Можете дать честное слово? Я вот только боюсь… насчет чести у вас, кажется, кишка тонка: Бурун давал слово…

Бурун вырвался вперед:

– Неправда, Антон Семенович, стыдно вам говорить неправду!.. Если вы будете говорить неправду, тогда нам… Я про карты никакого слова не давал.

– Ну, прости, верно, это я виноват, не догадался сразу с тебя и на карты взять слово, потом еще на водку…

– Я водки не пью.

– Ну, добре, кончено. Теперь как же?

Вперед медленно выдвигается Карабанов. Он неотразимо ярок, грациозен и, как всегда, чуточку позирует. От него несет выдержанной в степях воловьей силой, и он как будто ее нарочно сдерживает.

– Хлопцы, тут дело ясное. Товарищей обыгрывать нечего. Вы хоть обижайтесь, хоть что, я буду против карт. Так и знайте: ни в чем не засыплю, а за карты засыплю, а то и сам возьму за вязы, трохы подержу. Потому что я бачив Овчаренка, когда он уходил, – можно сказать, человека в могилу загоняем: Овчаренко, сами знаете, без воровского хисту[83]. Обыграли его Бурун с Раисой. Я считаю: нехай идут и шукают, и пусть не приходят, пока не найдут.

Бурун горячо согласился.

– Только на биса мне Раиса? Я и сам найду.

Хлопцы заговорили все сразу. Всем было по сердцу найденное соглашение. Бурун собственноручно конфисковал все карты и бросил в ведро. Калина Иванович весело отбирал сахар:

– Вот спасибо! Экономию сделали.

Из спальни меня проводил Митягин:

– Мне уйти из колонии?

Я ему грустно ответил:

– Нет, чего ж, поживи еще.

– Все равно красть буду.

– Ну и черт с тобой, кради. Не мне пропадать, а тебе.

Он испуганно отстал.

На другое утро Бурун отправился в город искать Овчаренко. Хлопцы тащили за ним Раису. Карабанов ржал на всю колонию и хлопал Буруна по плечам:

– Эх, есть еще лыцари на Украине!

Задоров выглядывал из кузницы и скалил зубы. Он обратился ко мне, как всегда, по-приятельски:

– Сволочной народ, а жить с ними можно.

– А ты кто? – спросил его свирепо Карабанов.

– Бывший потомственной скокарь[84], а теперь кузнец трудовой колонии имени Максима Горького, Александр Задоров, – вытянулся он.

– Вольно! – грассируя, сказал Карабанов и гоголем прошелся мимо кузницы.

К вечеру Бурун привел Овчаренко, счастливого и голодного.

[10] «Подвижники соцвоса»

Таковых, считая в том числе и меня, было пятеро. *Назвал нас «подвижниками соцвоса» товарищ Гринько*[85]. Сами мы не только так никогда себя не называли, но никогда не думали, что мы совершаем подвиг. Не думали так в начале существования колонии, не думали и тогда, когда колония праздновала свою восьмую годовщину.

Слова Гринько имели в виду не только работников колонии имени Горького, поэтому в глубине души мы считали эти слова крылатой фразой, необходимой для поддержания духа работников детских домов и колоний.

В то время много было подвига в советской жизни, в революционной борьбе, а наша работа слишком была скромна и в своих выражениях и в своей удаче.

Люди мы были самые обычные, и у нас находилась пропасть разнообразных недостатков. И дела своего мы, собственно говоря, не знали: наш рабочий день полон был ошибок, неуверенных движений, путаной мысли. А впереди стоял бесконечный туман, в котором с большим трудом мы различали обрывки контуров будущей педагогической жизни.

О каждом нашем шаге можно было сказать что угодно, настолько наши шаги были случайны. Ничего не было бесспорного в нашей работе. А когда мы начинали спорить, получалось еще хуже: в наших спорах почему-то не рождалась истина.

Были у нас только две вещи, которые не вызывали сомнений: наша твердая решимость не бросать дела, довести его до какого-то конца, пусть даже и печального. И было еще вот это самое «бытие» – у нас в колонии и вокруг нас.

Когда в колонию приехали Осиповы, они очень брезгливо отнеслись к колонистам. По нашим правилам, дежурный воспитатель обязан был обедать вместе с колонистами. И Иван Иванович и его жена решительно мне заявили, что они обедать с колонистами за одним столом не будут, потому что не могут пересилить своей брезгливости.

Я им сказал:

– Там будет видно.

В спальне во время вечернего дежурства Иван Иванович никогда не садился на кровать воспитанника, а ничего другого здесь не было. Так он и проводил свое вечернее дежурство на ногах. Иван Иванович и его жена говорили мне:

– Как вы можете сидеть на этой постели! Она же вшивая.

Я им говорил:

– Это ничего, как-нибудь образуется: вши выведутся, или еще как-нибудь…

Через три месяца Иван Иванович не только уплетал за одним столом с колонистами, но даже потерял привычку приносить с собой собственную ложку, а брал обыкновенную деревянную из общей кучи на столе и проводил по ней для успокоения пальцами.

А вечером в спальне в задорном кружке хлопцев Иван Иванович сидел на кровати и играл в «вора и доносчика». Игра состояла в том, что всем играющим раздавались билетики с надписями: «вор», «доносчик», «следователь», «судья», «кат»[86] и так далее. Доносчик объявлял о выпавшем на его долю счастье, брал в руки жгут и старался угадать, кто вор. Все протягивали к нему руки, и из них нужно было ударом жгута отметить воровскую руку. Обычно он попадал на судью или следователя, и эти обиженные его подозрением честные граждане колотили доносчика по вытянутой руке согласно установленному тарифу за оскорбление. Если за следующим разом доносчик все-таки угадывал вора, его страдания прекращались, и начинались страдания вора. Судья приговаривал: пять горячих, десять горячих, пять холодных. Кат брал в руки жгут, и совершалась казнь.

Так как роли играющих все время менялись и вор в следующем туре превращался в судью или ката, то вся игра имела главную прелесть в чередовании страдания и мести. Свирепый судья или безжалостный кат, делаясь доносчиком или вором, получал сторицею и от действующего судьи, и от действующего ката, которые теперь вспоминали ему все приговоры и все казни.

Екатерина Григорьевна и Лидия Петровна тоже играли в эту игру с хлопцами, но хлопцы относились к ним по-рыцарски: назначали в случае воровства три-четыре холодных, кат делал во время казни самые нежные рожи и только поглаживал жгутом нежную женскую ладонь.

Играя со мной, ребята в особенности интересовались моей выдержкой, поэтому мне ничего другого не оставалось, как бравировать. В качестве судьи я назначал ворам такие нормы, что даже каты приходили в ужас, а когда мне приходилось приводить в исполнение приговоры, я заставлял жертву терять чувство собственного достоинства и кричать:

– Антон Семенович, нельзя же так!

Но зато и мне доставалось: я всегда уходил домой с опухшей левой рукой; менять руки у мужчин считалось неприличным, а правая рука нужна была мне для писания.

Иван Иванович малодушно демонстрировал женскую линию тактики, и ребята к нему относились сначала деликатно. Я сказал как-то Ивану Ивановичу, что такая политика неверна: наши хлопцы должны расти выносливыми и смелыми. Они не должны бояться опасностей, тем более физического страдания. Иван Иванович со мной не согласился.

Когда в один из вечеров я оказался в одном круге с ним, я в роли судьи приговорил его к двенадцати горячим, а в следующем туре, будучи катом, безжалостно дробил его руку свистящим жгутом. Он обозлился и отомстил мне. Кто-то из моих «корешков» не мог оставить такое поведение Ивана Ивановича без возмездия и довел его до перемены руки.

Иван Иванович в следующий вечер пытался увильнуть от участия в «этой варварской игре», но общая ирония колонистов пристыдила его, и в дальнейшем Иван Иванович с честью выдерживал испытание, не подлизывался, когда бывал судьей, и не падал духом в роли доносчика или вора.

Часто Осиповы жаловались, что много вшей приносят домой. Я сказал им:

– Со вшами нужно бороться не дома, а в спальнях…

Мы и боролись. С большими усилиями мы добились двух смен белья, двух костюмов. Костюмы эти составляли «латку на латке», как говорят украинцы, но все же они выпаривались, и насекомых оставалось в них минимальное количество. Вывести их совершенно нам удалось не так скоро благодаря постоянному прибытию новеньких, общению с селянами и другим причинам.

Официальным образом работа воспитателей делилась на главное дежурство, рабочее дежурство и вечернее дежурство. Кроме того, по утрам воспитатели занимались в школе.

Главное дежурство представляло собой каторгу от пяти часов утра до звонка «спать». Главный дежурный руководил всем днем, контролировал выдачу пищи, следил за выполнением работы, разбирал всякие конфликты, мирил драчунов, уговаривал протестантов, выписывал продукты и проверял кладовую Калины Ивановича, следил за сменой белья и одежды. Работы главному дежурному было так много, что уже в начале второго года в помощь воспитателю стали дежурить старшие колонисты, надевая красные повязки на левый рукав.

Рабочий дежурный воспитатель просто принимал участие в какой-нибудь работе, обыкновенно там, где работало более всего колонистов или где было больше новеньких. Участие воспитателя в работе было участием реальным, иначе в наших условиях было бы невозможно. Воспитатели работали в мастерских, на заготовках дров, в поле и в огороде, по ремонту.

Вечернее дежурство оказалось скоро простой формальностью: вечером в спальнях собирались все воспитатели – и дежурные, и не дежурные. Это не было тоже подвигом: нам некуда было пойти, кроме спален колонистов. В наших пустых квартирах было и неуютно и немного страшно по вечерам при свете наших ночников, а в спальнях после вечернего чая нас с нетерпением ожидали знакомые остроглазые веселые рожи колонистов с огромными запасами всяких рассказов, небылиц и былей, всяких вопросов: злободневных, философских, политических и литературных, с разными играми, начиная от «кота и мышки» и кончая «вором и доносчиком». Тут же разбирались и разные случаи нашей жизни, подобные вышеописанным, перемывались косточки соседей-хуторян, проектировались детали ремонта и будущей нашей счастливой жизни во второй колонии.

Иногда Митягин рассказывал сказки. Он был удивительный мастер на сказки, рассказывал их умеючи, с элементами театральной игры и богатой мимикой. Митягин любил малышей, и его сказки доставляли им особенное наслаждение. В его сказках почти не было чудесного: фигурировали глупые мужики и умные мужики, растяпы-дворяне и хитроумные мастеровые, удачливые, смелые воры и одураченные полицейские, храбрые, победительные солдаты и тяжелые, глуповатые попы.

Вечерами в спальнях мы часто устраивали общие чтения. У нас с первого дня образовалась библиотека, для которой книги я покупал и выпрашивал в частных домах. К концу зимы у нас были почти все классики и много специальной политической и сельскохозяйственной литературы. Удалось собрать в запущенных складах губнаробраза много популярных книжек по разным отраслям знания.

Читать книги любили многие колонисты, но далеко не все умели осиливать книжку. Поэтому мы и вели общие чтения вслух, в которых обыкновенно участвовали все. Читали либо я, либо Задоров, обладавший прекрасной дикцией. В течение первой зимы мы прочитали многое из Пушкина, Короленко, Мамина-Сибиряка, Вересаева и в особенности Горького[87].

Горьковские вещи в нашей среде производили сильное, но двойственное впечатление. Карабанов, Таранец, Волохов и другие восприимчивее были к горьковскому романтизму и совершенно не хотели замечать горьковского анализа. Они с горящими глазами слушали «Макара Чудру», ахали и размахивали кулаками перед образом Игната Гордеева и скучали над трагедией «Деда Архипа и Леньки». Карабанову в особенности понравилась сцена, когда старый Гордеев смотрит на уничтожение ледоходом своей «Боярыни». Семен напрягал все мускулы лица и голосом трагика

восхищался:

– Вот это человек! Вот если бы такие все люди были!

С таким же восторгом он слушал историю гибели Ильи в повести «Трое».

– Вот молодец, так молодец! Вот это смерть: головою об камень…

Митягин, Задоров, Бурун снисходительно посмеивались над восторгом наших романтиков и задирали их за живое:

– Слушаете, олухи, а ничего не слышите.

– Я не слышу?

– А то слышишь? Ну, чего такого хорошего – головою об камень? Илья этот самый – дурак и слякоть… Какая-то там баба скривилась на него, так он и слезу пустил. Я на его месте еще б одного купца задавил, их всех давить нужно, и твоего Гордеева тоже.

Обе стороны сходились только в оценке Луки «На дне». Карабанов вертел башкой:

– Нет, такие старикашки – вредные. Зудит-зудит, а потом взял и смылся, и нет его. Я таких тоже знаю.

– Лука этот умный, стерва, – говорит Митягин. – Ему хорошо, он все понимает, так он везде свое возьмет: там схитрит, там украдет, а там прикинется добрым. Так и живет.

Сильно поразили всех «Детством» и «В людях». Их слушали, затаив дыхание, и просили читать «хоть до двенадцати». Сначала не верили мне, когда я рассказал действительную историю жизни Максима Горького, были ошеломлены этой историей и внезапно увлеклись вопросом:

– Значит, выходит, Горький вроде нас? Вот, понимаешь, здорово!

Этот вопрос их волновал глубоко и радостно.

Жизнь Максима Горького стала как будто частью нашей жизни. Отдельные ее эпизоды сделались у нас образцами для сравнений, основаниями для прозвищ, транспарантами для споров, масштабами для измерения человеческой ценности.

Когда в трех километрах от нас поселилась детская колония имени В. Г. Короленко, наши ребята недолго им завидовали. Задоров сказал:

– Маленьким этим как раз и хорошо называться Короленками. А мы – Горькие.

И Калина Иванович был того же мнения:

– Я Короленко этого видав и даже говорив с ним: вполне приличный человек. А вы, канешно, и теорехтически босяки и прахтически.

Мы стали называться колонией имени Горького без всякого

официального постановления и утверждения. Постепенно в городе привыкли к тому, что мы так себя называем, и не стали протестовать против наших новых печатей и штемпелей с именем писателя. К сожалению, списаться с Алексеем Максимовичем мы не смогли так скоро, потому что никто в нашем городе не знал его адреса. Только в 1925 году в одном иллюстрированном еженедельнике мы прочитали статью о жизни Горького в Италии; в статье была приведена итальянская транскрипция его имени: Massimo Gorky. Тогда наудачу мы послали ему первое письмо с идеально лаконическим адресом: Italia. Massimo Gorky.

Горьковскими рассказами и горьковской биографией увлекались и старшие и малыши, несмотря на то, что малыши почти все были неграмотны.

Малышей, в возрасте от десяти лет, у нас было человек двенадцать. Все это был народ живой, пронырливый, вороватый на мелочи и вечно донельзя измазанный. Приходили в колонию они всегда в очень печальном состоянии: худосочные, золотушные, чесоточные. С ними без конца во зилась Екатерина Григорьевна, добровольная наша фельдшерица и сестра милосердия. Они всегда липли к ней, несмотря на ее серьезность. Она умела их журить по-матерински, знала все их слабости, никому не верила на слово (я никогда не был свободен от этого недостатка), не пропускала ни одного преступления и открыто возмущалась всяким безобразием.

Но зато она замечательно умела самыми простыми словами, с самым человеческим чувством поговорить с пацаном о жизни, о его матери, о том, что из него выйдет – моряк, или красный командир, или инженер; умела понимать всю глубину той страшной обиды, какую проклятая, глупая жизнь нанесла пацанам. Кроме того, она умела их и подкармливать: втихомолку, разрушая все правила и законы продовольственной части, легко преодолевала одним ласковым словом свирепый педантизм Калины Ивановича.

Старшие колонисты видели эту связь между Екатериной Григорьевной и пацанами, не мешали ей и благодушно, покровительственно всегда соглашались исполнить небольшую просьбу Екатерины Григорьевны: посмотреть, чтобы пацан искупался как следует, чтобы намылился как нужно, чтобы не курил, не рвал одежды, не дрался с Петькой и так далее.

В значительной мере благодаря Екатерине Григорьевне в нашей колонии старшие ребята всегда любили пацанов, всегда относились к ним, как старшие братья: любовно, строго и заботливо.

[11] Сражение на ракитном озере

Через месяц после разрушения самоваров[88] *я послал колониста Гуда с чертежами в имение Трепке – у нас к этому времени вошло в обыкновение говорить: «во вторую колонию».*

Во второй колонии еще никто не жил, работали плотники да на ночь приходил наемный сторож. Иногда туда приезжал из города наш техник, нарочно приглашенный для руководства ремонтом. Вот к нему я и отправил Гуда с чертежами. Только что выйдя из колонии и обойдя озеро, Гуд встретил компанию: председателя сельсовета, Мусия Карповича и Андрия Карповича.

Компания по случаю праздника Преображения была в веселом настроении.

Председатель остановил Гуда:

– Ты что несешь?

– Чертеж.

– А ну, иди сюда! Обрез у тебя есть?

– Какой обрез?

– Молчи, бандит, давай обрез!

Дед Андрий схватил Гуда за руку, и это решило вопрос о дальнейшем направлении событий. Гуд вырвался из дедовых объятий и свистнул.

В таких случаях колонистами руководит какой-то непонятный для меня, страшно тонкий и точный инстинкт. Если бы Гуд просто совершал прогулку вокруг озера и ему вздумалось бы засвистеть вот этим самым разбойничьим свистом, просто засвистеть для развлечения, никто бы на этот свист не обратил внимания.

Но теперь на свист Гуда сбежались колонисты. Начался разговор в тонах настолько повышенных, насколько может быть возмутительным подозрение, что у колониста есть обрез.

Несмотря, однако, на высоту тона, собеседование окончилось бы благополучно, если бы не Приходько. Узнав, что у озера что-то произошло, что Гуда кто-то назвал бандитом, что конфликт сомнений не вызывает, Приходько выхватил из плетня кол и бросился защищать честь колонии. Решив, очевидно, что дипломатические переговоры кончены и наступил момент действовать, Приходько ураганом налетел на враждебную сторону и опустил кол на голову деда Андрия, а потом на голову председателя. «Преображенская компания» беглым шагом отступила и скрылась за неприступными воротами владений деда. Удар Приходько всем показался правильным делом. Двор Андрия Карповича окружили, началась правильная осада.

Я узнал о недоразумениях, происшедших на границе, только через полчаса. Придя к месту военных действий, я увидел интересную картину. Приходько, Митягин, Задоров и другие сидели на травке против ворот. Вторая группа во главе с Буруном наблюдала за тылом. Малыши дразнили собак, просовывая палки в подворотню, собаки честно исполняли свой долг: их лай, визг и рычанье сливались в сложнейшую какофонию. Враги притаились за заборами или в хате.

Я набросился на колонистов:

– Это что такое?

– Что, он будет нас называть бандитами и преступниками, а мы будем спускать?

Это говорил Задоров. Я его не узнал: красный, взлохмаченный, разъяренный, брызжет слюной, размахивает руками…

– Задоров, неужели и ты потерял голову?

– Э, что с вами говорить!..

Он бросился к воротам:

– Эй вы! Вылезайте наружу, а то все равно подпалим…

Я увидел, что тут действительно пахнет порохом.

– Ребята! Я с вами согласен до конца. Этого дела спустить нельзя. Идемте в колонию, там поговорим. Так нельзя делать, как вы. Как это так – «подпалим»? Идем в колонию.

Задоров что-то хотел сказать, но я закричал на него:

– Дисциплина! Я тебе приказываю! Понимаешь?

– Извините, Антон Семенович.

Пацаны последний раз дернули палками в подворотне, и мы все двинулись к колонии.

Нас остановил голос сзади. Мы оглянулись. В воротах стоял председатель.

– Товарищ заведующий, идите сюда!

– Чего я к вам пойду?

– Идите сюда, нам нужно вам сказать о важном деле.

Я направился к воротам. Хлопцы тоже зашагали, но председатель закричал:

– Нехай они стоят на месте, нехай не идут…

– Подождите меня, ребята, здесь.

Карабанов предупредил:

– В случае чего мы наготове.

– Добре.

Председатель встретил меня чрезвычайно немилостиво:

– Значит, как я представитель власти, идем сейчас в колонию и будем делать обыск. Бить меня по голове, а также и больного старика, который совсем не может выдержать такого обращения! Вам, как заведующему, безусловно, надо на это обратить

внимание, а что касается этих бандитов, так мы докажем и разберемся, кто им потворствует.

За моей спиной уже стояли чрезвычайно заинтересованные колонисты, и Задоров страстно предложил:

– В колонию? Идем в колонию!.. Идемте обыск производить!..

Я сказал председателю:

– Обыска я не позволю делать, искать нечего, а если хотите поговорить, то приходите, когда проспитесь. Сейчас вы пьяны. Если ребята виноваты, я их накажу.

Из толпы колонистов выступил Карабанов и мастерски имитировал русский язык с великолепным московским выговором:

– Не можете ли вы сказать, товарищ, кто именно из каланистов ударил па галаве вас и этава бальнова старика?

Приходько со своим дрючком выразительно расположился на авансцене и принял позу Геракла Праксителя[89]*. Он ничего не говорил, но на его щеке один мускул ритмически повторял одну и ту же фразу:*

– Интересно, что скажет председатель?

Председатель глянул на Карабанова и Приходько и малодушно сделал ложный шаг:

– Это мы потом разберем – мне так показалось.

– Вам паказалось, что вас ударили па галаве? – спросил Карабанов.

Председатель выразительно глянул в глаза Карабанова.

– До свидания, – сказал Карабанов.

Ребята галантно стащили с кудлатых голов некоторые подобия картузов, заложили руки в дырявые карманы брюк, и мы все двинулись домой, сопровождаемые прежним лаем собак и негодованием председателя.

Дома мы немедленно начали совещание.

Задоров обрисовал расположение военных сил на Ракитном озере:

– Все было благополучно, знаете, но вот та дылда прибежала с палочкой.

– Ну, положим, не с палочкой, а дрючком.

– Извините, – сказал Задоров, – это не установлено. Да, прибежал с палочкой и тихонько постучал по котелкам. Только и всего.

– Слушайте ребята, – сказал я. – Это дело серьезное: ведь он председатель. Если вы били его палкой по голове, то нам влетит здорово.

Карабанов закричал:

– Да кто его бил? Выдумали с пьяных глаз. Кто его бил? Ты, Приходько?

Приходько замотал головой:

– На черта он мне сдался!

– Да нет, никто его не бил. Я потом с Приходько поговорю, да с ним и говорить не нужно.

В управлении делами губисполкома в один день получилось два донесения: одно – председательсовета, другое – колонии имени Максима Горького. В последнем было написано, что пьяная компания с участием председателя оскорбила колониста, называла всех колонистов бандитами, что колония не может ручаться за дальнейшее и просит обратить внимание.

Разбирать это дело приехал сам заведующий отделом управления. В колонию пришел председатель и его свидетели.

Вопрос о том, был ли нанесен удар палкой, остался открытым. Приходько дико смотрел на председателя:

– Да я там и не был! Я пришел, когда все ушли к деду.

Зато был глубоко разработан вопрос о том, были пьяны или не были пьяны наши противники. Ребята с особенной экспрессией показывали:

– Да вы же на ногах не держались.

Задоров, показывая образец искреннего выражения лица, прибавил:

– Вы назвали меня бандитом и замахнулись, помните?

Председатель удивлялся:

– Замахнулся?

– Вспомнили? Замахнулись, не удержались и упали. Помните, еще из кармана у вас папиросы выпали, кто их поднял? – Задоров оглянулся.

– Да я ж их собрал на земле и вам отдал, – скромно сказал Карабанов. – Три папиросы. Вы их не могли поднять, все падали.

Селяне хлопали себя по штанам и поражались наглости колонистов:

– Брешут, все брешут! – кричал председатель.

Следователь улыбался, откинувшись на спинку стула, и трудно было разобрать, чему он улыбается: затруднительному положению председателя или нашей талантливости.

– Вот же свидетель, – показывал председатель на прибранного, расчесанного, как покойник, Мусия Карповича.

Мусий Карпович выступил вперед и откашлялся перед начальством, но колонисты единодушно расхохотались:

– Этот? – сказал со смехом Таранец. – Ну, этот совсем «папа-мама» не выговаривал. Больше сидел на земле и под нос себе все бурчал: «Нам не нужно бандитов».

Мусий Карпович укоризненно покачал головой и ничего не сказал.

Карта наших врагов была бита.

Через неделю мы узнали результат следствия: председатель Гончаровского сельсовета Сергей Петрович Гречаный был снят. Мусий Карпович, приехав в колонию ковать коней, был приветливо встречен колонистами:

– А-а, Мусий Карпович, ну как дела?

– Э, хлопцы, нехорошо так, недобре так, опаскудили человека: када ж я сидев и папа-мама не говорив?

– Ша, дядя, – сказал Задоров. – Лучше никогда не пей: от водки память портится.

[12] Триумфальная сеялка

Все больше и больше становилось ясным, что в первой колонии нам хозяйничать трудно. Все больше и больше наши взоры обращались ко второй колонии, туда, на берега Коломака, где так буйно весной расцветали сады и земля лоснилась матерым черноземом.

Но ремонт второй колонии подвигался необычайно медленно. Плотники, нанятые за гроши, способны были строить деревенские хаты, но становились в тупик перед каким-нибудь сложным перекрытием. Стекла мы не могли достать ни за какие деньги, да и денег у нас не было. Два-три крупных дома были все-таки приведены в приличный вид уже к концу лета, но в них нельзя было жить, потому что они стояли без стекол. Несколько маленьких флигелей мы отремонтировали до конца, но там поселились плотники, каменщики, печники, сторожа. Ребят переселять смысла не было, так как без мастерских и хозяйства им делать было нечего.

Колонисты бывали во второй колонии ежедневно, значительную часть работы исполняли они. Летом десяток ребят жили в шалашах, работая в саду. Они присылали в первую колонию целые возы яблок и груш. Благодаря им трепкинский сад принял если не вполне культурный, то во всяком случае приличный вид.

Жители села Гончаровки были очень расстроены появлением среди трепкинских руин новых хозяев, да еще столь мало почтенных, оборванных и ненадежных. Наш ордер на шестьдесят десятин неожиданно для меня оказался ордером почти дутым: вся земля Трепке, в том числе и наш участок, была уже с семнадцатого года распахана крестьянами. В городе на наше недоумение улыбнулись:

– Если ордер у вас, то и земля, значит, ваша: выезжайте и работайте.

Но Сергей Петрович Гречаный, председатель сельсовета, был другого мнения:

– Вы понимаете, что значит, когда трудящий крестьянин получил землю по всем правильностям закона. Так он, значит, и будет пахать. А если кто пишет ордера разные и бумажки, то, безусловно, он против трудящихся нож в спину. И вы лучше не лезьте с этим ордером.

Пешеходные дорожки во вторую колонию вели к реке Коломаку, которую нужно было переплывать. Мы устроили на Коломаке свой перевоз и держали всегда дежурного лодочника,

колониста. С грузом же и вообще на лошадях во вторую колонию можно было проехать только кружным путем, через гончаровский мост. В Гончаровке нас встречали достаточно враждебно. Парубки при виде нашего небогатого выезда насмехались:

– Эй вы, ободранцы! Вы нам вшей на мосту не трусите! Даром сюда лазите; все одно выженэм[90] з Трепке.

Мы осели в Гончаровке не мирными соседями, а непрошеными завоевателями. И если бы в этой военной поэзии мы не выдержали тона, показали бы себя неспособными к борьбе, мы обязательно потеряли бы и землю и колонию. Крестьяне понимали, что спор будет решен не в канцеляриях, а здесь, на полях. Они уже три года пахали трепкинскую землю, у них уже была какая-то давность, на которую они и опирались в своих протестах. Им во что бы то ни стало нужно было продлить эту давность, в этой политике заключалась вся их надежда на успех.

Точно так же для нас единственным выходом было как можно скорее приступить к фактическому хозяйству на земле.

Летом приехали землемеры намечать наши межи, но выйти в поле с инструментами побоялись, а показали нам на карте, по каким канавам, ярам и зарослям мы должны отсчитать нашу землю. С землемерским актом поехал я в Гончаровку, взяв с собой старших хлопцев.

Председатель сельсовета был теперь наш старый знакомый, Лука Семенович Верхола. Он нас встретил очень любезно и предложил садиться, но на землемерский акт даже не посмотрел.

– Дорогие товарищи, ничего не могу сделать. Мужички давно пашут, не могу обидеть мужичков. Просите в другом поле.

Когда на наши поля крестьяне выехали пахать, я вывесил объявление, что за вспашку нашей земли колония платить не будет.

Я сам не верил в значение принимаемых мер, не верил потому, что меня замораживало сознание: землю нужно отнимать у крестьян, у трудящихся крестьян, которым эта земля нужна, как воздух.

Но в один из ближайших вечеров в спальне Задоров подвел ко мне постороннего селянского юношу. Задоров был чем-то сильно возбужден.

– Вот вы послушайте его, вы только послушайте!

Карабанов в тон ему выделывал какие-то гопаковские па и орал на всю спальню:

– О-о! Дайте мне сюда Верхолу!

Колонисты обступили нас.

Юноша оказался комсомольцем с Гончаровки.

– Много комсомольцев на Гончаровке?

– Нас только три человека.

– Только три?

– Вы знаете, нам очень трудно, – сказал он. – Село кулацкое, хутора, знаете, верх ведут. Ребята послали к вам – перебирайтесь скорийше, куда дело пойдет, ого! У вас же хлопци – боевые хлопци. Як бы нам таких!

– Да вот с землей беда.

– Ось же я про землю и пришел. Берите силою. Не смотрите на этого рыжего черта – Луку. Вы знаете, у кого та земля, что вам назначена?

– Ну?

– Кажи, кажи, Спиридон!

Спиридон начал загибать пальцы:

– Гречаный Андрий Карпович…

– Дед Андрий? Так он же здесь имеет поле.

– Як бачите… Гречаный Петро, Гречаный Оноприй, Стомуха, три, шо биля церквы… ага, Серега… Стомуха Явтух, та сам Лука Семенович. От и все. Шесть человек.

– Да что вы говорите! Как же это случилось? А комнезам ваш где?

– Комнезам у нас маленький, *комнезаму заткнуть роть самогонкою, тай годи*. А случилось так: земля ж та осталась при усадьбе, собирались же там что-то делать. А сельсовет свой, поразбирали. Тай годи!

– Ну, теперь дело пойдет веселей! – закричал Карабанов. – Держись, Лука!

В начале сентября я возвращался из города. Было часа два дня. Трехэтажный наш шарабан не спеша подвигался вперед, сонно журчал рассказ Антона о характере Рыжего. Я и слушал его, и думал о разных колонистских вопросах.

Вдруг Братченко замолчал, пристально глянул вдаль по дороге, приподнялся, хлестнул по лошади, и мы со страшным грохотом понеслись по мостовой. Антон колотил Рыжего, чего с ним никогда не бывало, и что-то кричал мне. Я наконец разобрал, в чем дело.

– Наши… с сеялкой!

У поворота в колонию мы чуть не столкнулись с летящей карьером, издающей странный жестяной звук сеялкой. Пара гнедых лошадок в беспамятстве перла вперед, напуганная треском непривычной для них колесницы. Сеялка с грохотом скатилась с каменной мостовой, зашуршала по песку и вновь загремела уже по нашей дороге в колонию. Антон нырнул с шарабана на землю и погнался за сеялкой, бросив вожжи мне на руки. На сеялке, на концах натянутых вожжей, каким-то чудом

держались Карабанов и Приходько. Насилу Антон остановил странный экипаж. Карабанов, захлебываясь от волнения и утомления, рассказал нам о совершившихся событиях:

– Мы кирпичи складывали на дворе. Смотрим, выехали, важно так, сеялка и человек пять народу. Мы до них: забирайтесь, говорим. А нас четверо: был еще Чобот и… кто ж?

– Сорока, – сказал Приходько.

– Ага, и Сорока. Забирайтесь, говорю, все равно сеять не будете. А там черный такой, мабудь цыган… та вы его знаете… бац кнутом Чобота! Ну, Чобот ему в зубы. Тут, смотрим, Бурун летит с палкой. Я хватил коня за уздечку, а председатель меня за грудки…

– Какой председатель?

– Да какой же! Наш – рыжий, Лука Семенович. Ну, Приходько его как брыкнет сзади, он и покатился прямо в рылю носом. Я кажу Приходьку: сидай сам на сеялку – и пайшли и пайшли! В Гончаровку вскочили, там парубки на дороге, так куды?.. Я по коням, так галопом и вынесли на мост, а тут уже на мостовую выехали… Там остались наших трое, мабудь их здорово дядьки помолотили.

Карабанов весь трепетал от победного восторга. Приходько невозмутимо скручивал цыгарку и улыбался. Я представил себе дальнейшие главы этой занимательной повести: комиссии, допросы, выезды…

– Черт бы вас побрал, опять наварили каши!

Карабанов был несказанно обескуражен моим недовольным видом:

– Так они ж первые…

– Ну, хорошо, поезжайте в колонию, там разберем.

В колонии нас встретил Бурун. На его лбу торчал огромный синяк, и ребята хохотали вокруг него. Возле бочки с водой умывались Чобот и Сорока.

Карабанов схватил Буруна за плечи:

– Що, втик? От молодец!

– Они за сеялкой бросились, а потом увидели, что ихнее не варит, так за нами. Ой, и бежали ж!

– А они где?

– Мы в лодке переплыли, так они на берегу ругались. Мы их там и бросили.

– Ребята остались в колонии? – спросил я.

– Там пацаны: Тоська и еще двое. Тех не тронут.

Через час в колонию пришли Лука Семенович и двое селян. Хлопцы встретили их приветливо:

– Что, за сеялкой?

В кабинете нельзя было повернуться от толпы заинтересованных граждан. Положение было затруднительным. Лука Семенович уселся за стол и начал:

– Позовите тех хлопцев, которые вот избили меня и еще двух человек.

– Вот что, Лука Семенович, – сказал я ему. – Если вас избили, жалуйтесь куда хотите. Сейчас я никого звать не буду. Скажите, что еще вам нужно и чего вы пришли в колонию?

– Вы, значит, отказываетесь позвать?

– Отказываюсь.

– Ага! Значит, отказываетесь? Значит, будем разговаривать в другом месте.

– Хорошо.

– Кто отдаст сеялку?

– Кому?

– А вот хозяину.

Он показал на человека с цыганским лицом, черного, кудлатого и сумрачного.

– Это ваша сеялка?

– Моя.

– Так вот что: сеялку я отправлю в район милиции, как захваченную во время самовольного выезда на чужое поле, а вас прошу назвать свою фамилию.

– Моя фамилия? Гречаный Оноприй. На какое чужое поле? Мое поле. И было мое…

– Ну, об этом не здесь разговор. Сейчас мы составим акт о самовольном выезде и об избиении воспитанников, работавших на поле.

Бурун выступил вперед:

– Это тот самый, что меня чуть не убил.

– Та кому ты нужен?.. Убивать тебя? Хай ты сказився!

Беседа в таком стиле затянулась надолго. Я уже успел забыть, что пора обедать и ужинать, уже в колонии прозвонили спать, а мы сидели с селянами и то мирно, то возбужденно-угрожающе, то хитроумно-иронически беседовали.

Я держался крепко, сеялки не отдавал и требовал составления акта. К счастью, у селян не было никаких следов драки, колонисты же козыряли синяками и царапинами. Решил дело Задоров. Он хлопнул ладонью по столу и произнес такую речь:

– Вы бросьте, дядьки! Земля наша, и с нами вы лучше не связывайтесь. На поле мы вас не пустим, *нужно будет – и за ножи возьмемся*. Нас пятьдесят человек, и хлопцы боевые.

Лука Семенович долго думал, наконец погладил свою бороду

и крякнул:

– Да… Ну, черт с вами! Заплатите хоть за вспашку.

– Нет, – сказал я холодно. – Я предупреждал.

Еще молчание.

– Ну что ж, давайте сеялку.

– Подпишите акт землемеров.

– Та… давайте акт.

Осенью мы все-таки сеяли жито во второй колонии. Агрономами были все. Калина Иванович мало понимал в сельском хозяйстве, остальные понимали еще меньше, но работать за плугом и за сеялкой была у всех охота, кроме Братченко. Братченко страдал и ревновал, проклинал и землю, и жито, и наши увлечения:

– Мало им хлеба, жита захотели!

Восемь десятин в октябре зеленели яркими всходами. Калина Иванович с гордостью тыкал палкой с резиновым наперстком на конце куда-то в восточную часть неба и говорил:

– Надо, знаешь, там чачавыцю посеять. Хорошая вещь – чачавыця.

Рыжий с Бандиткой трудились над яровым клином, и Задоров по вечерам возвращался усталый и пыльный.

– Ну его к бесу, трудная эта граковская работа. Пойду опять в кузницу.

Снег захватил нас на половине работы. Для первого раза это было сносно.

[13] На педагогических ухабах

Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям.

Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался мало влиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш получался только в той мере, в какой работа отнимала время и вызывала некоторую полезную усталость. Как постоянное правило, при этом наблюдалось, что воспитанники наиболее работоспособные в то же время с большим трудом поддавались моральному влиянию. Хорошая работа сплошь и рядом соединялась с грубостью, с полным неуважением к чужой вещи и к другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, что исполненная работа освобождает от каких бы то ни было нравственных обязательств. Обычно такая трудолюбивость завершалась малым развитием, презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее.

Я обратил внимание на обстоятельство, что, вопреки первым моим впечатлениям, колонисты вовсе не ленивы. Большинство из них не имели никакого отвращения к мускульному усилию, очень часто ребята показывали себя как очень ловкие работники, в труде были веселы и заразительно оживлены. Городские воришки в особенности были удачливы во всех трудовых процессах, которые нам приходилось применять. Самые заядлые ленивцы, действительные лежебоки и обжоры, в то же время совершенно были неспособны ни к какому преступлению, были страшно неповоротливы и неинициативны. Один такой, Галатенко, прошел со мной всю историю колонии, никогда не крал и никого ничем не обидел, но пользы от него всегда мало. Он был ленив классическим образом, мог заснуть с лопатой в руке, отличался поразительной изобретательностью в придумывании поводов и причин к отказу от работы, и даже в моменты больших коллективных подъемов, в часы напряженной авральной работы всегда ухитрялся отойти в сторону и незаметно удрать.

Нейтральность трудового процесса очень удивила наш педагогический коллектив. Мы слишком привыкли поклоняться трудовому принципу, становилась необходимой заботой более тщательная проверка нашего старого убеждения.

Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни,

чем-то подобным ходьбе или дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно.

Такой закон представился нам несомненным, во всяком случае по отношению к неквалифицированному труду, какого тогда очень много было в колонии. В то время самообслуживание было очередной педагогической панацеей.

Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание. По своей бедности, правда, наша колония еще долго его практиковала, но наши педагогические взоры уже не обращались на него с надеждой. Мы тогда решили, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений мы обратились к мастерским. К концу первого года в колонии были кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою первоначальные кустарные примитивы. Работа в мастерских оказалась более деятельным фактором в деле образования новых мотиваций поведения. Самый процесс труда в мастерских более ограничен: он составляется из последовательных моментов развития и, стало быть, имеет свою внутреннюю логику. Ремесленный труд, связанный с более заметной ответственностью, в то же время приводит к более очевидным явлениям ценности. В то же время ремесленный труд дает основания для возникновения группы мотиваций, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта в результате ремесленного обучения оказался очень невзрачным. Мы увидели, что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и к женщине и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию.

Зачатки всех этих качеств мы очень рано стали наблюдать у наших сапожников, столяров, кузнецов.

Как только мальчик начинал квалифицироваться, как только он основательно прикреплялся к своему верстаку, он уже делался и в меньшей мере коммунаром.

Интересно, что в очень многих колониях, строивших свой мотивационный баланс на ремесле, я всегда наблюдал один и тот же результат. Именно такие ребята, сапожники в душе, винопийцы, украшенные чубами и цигарками, выходят их этих колоний и вносят мелкобуржуазные, вздорные и невежественные начала в жизнь нашей рабочей молодежи.

Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился в наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания. В начале второго года выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стоят впереди «мастеровых». Нужно небольшое усилие с нашей стороны, чтобы увидеть: улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством.

Однако вот это самое небольшое усилие было сделать не так легко. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддается анализу со стороны своего педагогического значения. Сначала в хозяйстве мы склонны были видеть сельское хозяйство и слепо подчинились тому старому положению, которое утверждает, что природа облагораживает.

Это положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое и вылощенное место для прогулок и тургеневских переживаний[91]*, писания стихов и размышлений о божьем величии.*

Природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разобрать, поломанного воза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание.

Невольно мы обратили внимание на действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон во время таких событий.

Вечером в спальне, после всяких культурных и не очень культурных разговоров, нечаянно вспоминаешь:

– Сегодня в городе с колеса скатилась шина. Что это за история?

Разнообразные силы колонии немедленно начинают

чувствовать обязанность отчитываться.

– Я воз осматривал в понедельник и говорив конюхам, чтоб подкатили воз к кузнице, – говорит Калина Иванович, и его трубка корчится в агонии в отставленной возмущенной руке.

Гуд поднимается на цыпочки и через головы других горячится:

– Мы кузнецам сказали еще раньше, – в субботу сказали.

Где-то на горизонте виднеется весьма заинтересованная положением вытянутая физиономия Антона Братченко. Задоров старается предотвратить конфликт и весело бросает:

– Да сделаем…

Но его перебивает ищущий правды баритон Буруна:

– Ну, так что же, что сказали, а шинное железо где?

Братченко экстренно мобилизуется и задирает голову – Бурун гораздо выше его:

– А вы кому говорили, что у вас шинное железо вышло?

– Как кому говорили? Что ж, на всю колонию кричать?

Вот именно в этот момент вопрос можно снять с обсуждения, даже обязательно нужно снять. Я говорю Братченко:

– Антон, отчего это сегодня у тебя прическа такая сердитая?

Но Братченко грозит сложенным вдвое кнутом кому-то в пространство и демонстрирует прекрасного наполнения бас:

– Тут не в прическе дело.

Без всякого моего участия завтра и послезавтра в хозяйстве, в кузнице, в подкатном сарае произойдет целая куча разговоров, споров, вытаскивания возов, тыканья в нос старым шинным железом, шутливых укоров и серьезных шуток. Колесо, с шиной или без шины, в своем движении захватит множество вопросов, вплоть до самых общих:

– Вы тут сидите возле горна, как господа какие. Вам принеси, да у вас спроси.

– А что? К вам ходить спрашивать: не нужно ли вам починить чего-нибудь. Мы не цыгане…

– Не цыгане. А кто?

– Кто? Колонисты…

– Колонисты. Вы не знаете, что у вас железа нет. Вам нужно няньку…

– Им не няньку, а барина. Барина с палкой…

– Кузнецам барина не нужно, это у конюхов барин бывает, у кузнецов не бывает барина…

– У таких, как вы, бывает.

– У таких, как мы?

– А вот не знают, есть ли у них железо. А может, у вас и молота нет, барин не купил.

Все рычаги, колесики, гайки и винты хозяйственной машины,

каждый в меру своего значения, требуют точного и ясного поведения, точно определяемого интересами коллектива, его честью и красотой. Кузнецы, конечно, обиделись за «барина», но и конюхам в городе было стыдно за свою колонию, ибо по словам тех же кузнецов:

– Хозяева, тоже. Они себе катят, а шина сзади отдельно катится. А они, хозяева, на ободе фасон держат.

Смотришь на этих милых оборванных колонистов, настолько мало «облагороженных», что так и ждешь от них матерного слова, смотришь и думаешь:

«Нет, вы действительно хозяева: слабые, оборванные, бедные, нищие, но вы настоящие, без барина, хозяева. Ничего, поживем, будет у нас шинное железо, и говорить научимся без матерного слова, будет у нас кое-что и большее».

Но как мучительно трудно было ухватить вот этот неуловимый завиток новой человеческой ценности. В особенности нам, педагогам, под бдительным оком педагогических ученых.

В то время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кощунство», чтобы решиться на исповедования такого догмата:

– Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здорового хозяина-колониста, худосочный инспектор из наробраза ослепшими от чтения глазами водил по блокноту и, заикаясь, спрашивал колонистов:

– А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колонистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспомнить худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило.

А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону? Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, то есть без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать». Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступил к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колонистов, родились и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни; с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадежно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика – линию правильную и желательную – со стороны новых влияний вносились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом, и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и о коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались, как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика[92].

Найти деловую, настоящую советскую линию, реальную линию было очень трудно. Новая мотивационная природа нашего

коллектива создавалась очень медленно, почти незаметно для глаза, а в это время нас разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной стороны, нас порабощал старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания. С другой стороны, нас поедом ели проповеди свободного воспитания[93]*, полного непротивления*[94] *и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представлявшие припадки крайнего индивидуализма, который мы так доверчиво пустили в советский педагогический огород.*

Нет, я не мог уступить. Я еще не знал, я только отдаленно предчувствовал, что и дисциплинирование отдельной личности, и полная свобода отдельной личности – не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива – к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна.

Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения – это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны.

И только. Никакой мистики нет. И нет никакой хитрости. Все ясно, все доступно моему здравому смыслу.

Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной. В проступке для меня становилось важным не столько его содержание, сколько игнорирование требования коллектива. Проступок, самый плохой, если он никому неизвестен, в своем дальнейшем влиянии все равно умрет, задавленный новыми, общественными привычками и навыками. Но проступок обнаруженный должен был вызвать мое сопротивление, должен был приучить коллектив к сопротивлению, это тоже был мой педагогический хлеб.

Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих преступлениях горьковцев, которые тогда оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к этим замечательным первым горьковцам за то, что они умели так

хорошо заметать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива.

Нет, товарищ инспектор, история наша будет продолжаться в прежнем направлении. Будет продолжаться, может быть, мучительно и коряво, но это только оттого, что у нас нет еще педагогической техники. Остановка только за техникой.

[14] Братченко и райпродкомиссар

Развитие нашего хозяйства шло путем чудес и страданий. Чудом удалось Калине Ивановичу выпросить при каком-то расформировании старую корову, которая, по словам Калины Ивановича, была «яловая от природы»; чудом достали в далеком от нас ультрахозяйственном учреждении не менее старую вороную кобылу, брюхатую, припадочную и ленивую; чудом появились в наших сараях возы, арбы и даже фаэтон. Фаэтон был для парной запряжки, очень красивый по тогдашним нашим вкусам и удобный, но никакое чудо не могло помочь нам организовать для этого фаэтона соответствующую пару лошадей.

Нашему старшему конюху, Антону Братченко, занявшему этот пост после ухода Гуда в сапожную мастерскую, человеку очень энергичному и самолюбивому, много пришлось пережить неприятных минут, восседая на козлах замечательного экипажа, но в запряжке имея высокого худощавого Рыжего и приземистую кривоногую Бандитку, как совершенно незаслуженно окрестил Антон вороную кобылу. Бандитка на каждом шагу спотыкалась, иногда падала на землю, и в таких случаях нашему богатому выезду приходилось заниматься восстановлением нарушенного благополучия посреди города, под насмешливые реплики извозчиков и беспризорных. Антон часто не выдерживал насмешек и вступал в жестокую битву с непрошеными зрителями, чем еще более дискредитировал конюшенную часть колонии имени Горького.

Антон Братченко ко всякой борьбе был страшно охоч, умел переругиваться с любым противником, и для этого дела у него был изрядный запас словечек, оскорбительных полутонов и талантов физиономических.

Антон не был беспризорным. Отец его служил в городе пекарем, была у него и мать, и он был единственным сыном у этих почтенных родителей. Но с малых лет Антон возымел отвращение к пенатам, дома бывал только ночью и свел крупное знакомство с беспризорными и ворами в городе. Он отличился в нескольких смелых и занятных приключениях, несколько раз попадал в допр и наконец очутился в колонии. Ему было всего пятнадцать лет, был он хорош собой, кучеряв, голубоглаз, строен. Антон был невероятно общителен и ни одной минуты не мог пробыть в одиночестве. Где-то он выучился грамоте и знал напролет всю приключенческую литературу, но учиться ни за что не хотел, и я принужден был силой усадить его за учебный стол. На первых порах он часто уходил из колонии, но через два-три

дня возвращался и при этом не чувствовал за собой никакой вины. Стремление к бродяжничеству он и сам старался побороть и меня просил:

– Вы со мною построже, пожалуйста, Антон Семенович, а то я обязательно босяком буду.

В колонии он никогда ничего не крал, любил отстаивать правду, но совершенно не способен был понять логику дисциплины, которую он принимал лишь постольку, поскольку был согласен с тем или иным положением в каждом отдельном случае. Никакой обязанности *для себя* в порядках колонии он не признавал и не скрывал этого. Меня он немного боялся, но и мои выговоры никогда не выслушивал до конца, прерывал меня страстной речью, непременно обвиняя своих многочисленных противников в различных неправильных действиях, в подлизывании ко мне, в наговорах, в бесхозяйственности, грозил кнутом отсутствующим врагам, хлопал дверью и, негодующий, уходил из моего кабинета. С воспитателями он был невыносимо груб, но в его грубости всегда было что-то симпатичное, так что наши воспитатели и не оскорблялись. В его тоне не было ничего хулиганского, даже просто неприязненного, настолько в нем всегда преобладала человечески страстная нотка, – он никогда не ссорился из-за эгоистических побуждений.

Поведение Антона в колонии скоро стало определяться его влюбленностью в лошадей и в дело конюха. Трудно было понять происхождение этой страсти. По своему развитию Антон стоял гораздо выше многих колонистов, говорил правильным городским языком, только для фасона вставлял украинизмы. Он старался быть подтянутым в одежде, много читал и любил поговорить о книжке. И все это не мешало ему день и ночь толочься в конюшне, вычищать навоз, вечно запрягать и распрягать, чистить шлею или уздечку, плести кнут, ездить в любую погоду в город или во вторую колонию – и всегда жить впроголодь, потому что он никогда не поспевал ни на обед, ни на ужин, и если ему забывали оставить его порцию, он даже и не вспоминал о ней.

Свою деятельность конюха он всегда перемежал с непрекращающимися ссорами с Калиной Ивановичем, кузнецами, кладовщиками и обязательно с каждым претендентом на поездку. Приказ запрягать и куда-нибудь ехать он исполнял только после длинной перебранки, наполненной обвинениями в безжалостном отношении к лошадям, воспоминаниями о том, когда Рыжему или Малышу натерли шею, требованиями фуража и подковного железа. Иногда из колонии нельзя было выехать просто потому, что не находилось ни Антона, ни лошадей и никаких следов их

пребывания. После долгих поисков, в которых участвовало полколонии, они оказывались или в Трепке, или на соседском лугу.

Антона всегда окружал штаб из двух-трех хлопцев, которые были влюблены в Антона в такой же мере, в какой он был влюблен в лошадей. Братченко содержал их в очень строгой дисциплине, и поэтому в конюшне всегда царил образцовый порядок: всегда было убрано, упряжь развешана в порядке, возы стояли правильными шеренгами, над головами лошадей висели дохлые сороки, лошади вычищены, гривы заплетены и хвосты подвязаны.

В июне, поздно вечером, прибежали ко мне из спальни:

– Козырь заболел, совсем умирает…

– Как это – «умирает»?

– Умирает: горячий и не дышит.

Екатерина Григорьевна подтвердила, что у Козыря сердечный припадок, необходимо сейчас же найти врача. Я послал за Антоном. Он пришел, заранее настроенный против любого моего распоряжения.

– Антон, немедленно запрягай, нужно скорее в город…

Антон не дал мне кончить.

– И никуда я не поеду, и лошадей никуда не дам!.. Целый день гоняли лошадей – посмотрите, еще и доси не остыли… Не поеду!

– За доктором, ты понимаешь?

– Наплевать мне на ваших больных! Рыжий тоже болен, так к нему докторов не возят.

Я взбеленился:

– Немедленно сдай конюшню Опришко! С тобой невозможно работать!..

– Ну и сдам, что ж такого! Посмотрим, как вы с Опришко наездите. Вам кто ни наговорит, так вы верите: болен, умирает. А на лошадей никакого внимания, – пусть, значит, дохнут… Ну и пускай дохнут, а я лошадей все равно не дам.

– Ты слышал? Ты уже не старший конюх, сдай конюшню Опришко. Немедленно!

– Ну и сдам… Пусть кто хочет сдает, а я в колонии жить не хочу.

– Не хочешь – и не надо, никто не держит!

Антон со слезами в глазах полез в глубокий карман, вытащил связку ключей, положил на стол. В комнату вошел Опришко, правая рука Антона, и с удивлением уставился на плачущего начальника. Братченко с презрением посмотрел на него, хотел что-то сказать, но молча вытер рукавом нос и вышел.

Из колонии он ушел в тот же вечер, не зайдя даже в спальню. Когда ехали в город за доктором, видели его шагающим по шоссе; он даже не попросился, чтобы его подвезли, а на приглашение отмахнулся рукой.

Через два дня вечером ко мне в комнату ввалился плачущий, с окровавленным лицом Опришко. Не успел я расспросить, в чем дело, прибежала вконец расстроенная Лидия Петровна, дежурная по колонии.

– Антон Семенович, идите в конюшню: там Братченко, просто не понимаю, такое выделывает…

По дороге в конюшню мы встретили второго конюха, огромного Федоренко, ревущего на весь лес.

– Чего ты?

– Да як же… хиба ж можна так? Взяв нарытники и як размахнеться прямо по морди…

– Кто? Братченко?

– Та Братченко ж…

В конюшне я застал Антона и еще одного из конюхов за горячей работой. Он неприветливо со мной поздоровался, но, увидев за моей спиной Опришко, забыл обо мне и накинулся на него:

– Ты лучше сюда и не заходи, все равно буду бить чересседельником! Ишь, охотник нашелся кататься! Посмотрите, что он с Рыжим наделал!

Антон схватил одной рукой фонарь, а другой потащил меня к Рыжему. У коня действительно была отчаянно стерта холка, но на ране уже лежала белая тряпочка, и Антон любовно ее поднял и снова положил на место.

– Ксероформом присыпал, – сказал он серьезно.

– Все-таки какое же ты имел право самовольно прийти в конюшню, устраивать здесь расправы, драться?..

– Вы думаете, это ему все? Пусть лучше не попадается мне на глаза: все равно бить буду!

В воротах конюшни стояла толпа колонистов и хохотала. Сердиться на Антона у меня не нашлось силы: уж слишком он сам был уверен в своей и лошадиной правоте.

– Слушай, Антон, за то, что ты побил хлопцев, отсидишь сегодня вечер под арестом в моей комнате.

– Да когда же мне?

– Довольно болтать! – закричал я на него.

– Ну, ладно, еще и сидеть там где-то…

Вечером он, сердитый, сидел у меня и читал книжку.

Зимой 1922 года для меня и Антона настали тяжелые дни. Овсяное поле, засеянное Калиной Ивановичем на сыпучем песке

без удобрения, почти не дало ни зерна, ни соломы. Луга у нас еще не было. К январю мы оказались без фуража. Кое-как перебивались, выпрашивали то в городе, то у соседей, но и давать нам скоро перестали. Сколько мы с Калиной Ивановичем ни обивали порогов в продовольственных канцеляриях, все было напрасно.

Наконец наступила и катастрофа. Братченко со слезами повествовал мне, что лошади второй день без корма. Я молчал. Антон с плачем и ругательствами чистил конюшню, но другой работы у него уже и не было. Лошади лежали на полу, и на это обстоятельство Антон особенно напирал.

На другой день Калина Иванович возвратился из города злой и растерянный.

– Что ты будешь делать? Не дают… Что делать?

Антон стоял у дверей и молчал.

Калина Иванович развел руками и глянул на Братченко:

– Чи грабить идти, чи што? Что ты будешь делать?.. Ведь животная бессловесная.

Антон круто нажал на двери и выскочил из комнаты. Через час мне сказали, что он из колонии ушел.

– Куда?

– А кто ж его знает!.. Никому ничего не сказал.

На другой день он явился в колонию в сопровождении селянина с возом соломы. Селянин был в новом серяке и в хорошей шапке. Воз ладно постукивал хорошо пригнанными втулками, кони лоснились *жиром и прекрасным настроением*. Селянин признал в Калине Ивановиче хозяина.

– Тут хлопец на дороге сказал, что продналог принимается…

– Какой хлопец?

– Да тут же був… Разом прийшов…

Антон выглядывал из конюшни и делал мне какие-то непонятные знаки. Калина Иванович смущенно ухмыльнулся в трубку и отвел меня в сторону:

– Что ж ты будешь делать? Давай примем у него этот возик, а там видно будет.

Я уже понял, в чем дело.

– Сколько здесь?

– Да пудов двадцать будет. Я не важил[95].

Антон появился на месте действия и возразил:

– Сам говорил дорогою – семнадцать, а теперь двадцать? Семнадцать пудов.

– Сваливайте. Зайдете в канцелярию за распиской.

В канцелярии, то есть в небольшом кабинетике, который я для себя к этому времени выкроил среди колонистских

помещений, я преступной рукой написал на нашем бланке, что у гражданина Ваця Онуфрия принято в счет причитающегося с него продналога объемного фуража – овсяной соломы – семнадцать пудов. Подпись. Печать.

Ваць Онуфрий низко кланялся и за что-то благодарил.

Уехал. Братченко весело действовал со всей своей компанией в конюшне и даже пел. Калина Иванович потирал руки и виновато посмеивался:

– Вот, черт, попадет тебе за эту штуку, но что ж ты будешь делать? Не пропадать же животному. Она же государственная, все едино…

– А чего это дядько такой веселый уехал? – спросил я у Калины Ивановича.

– Да, а как же ты думаешь? То ему в город, на гору ехать, да там еще в очереди стоять, а тут он, паразит, сказал – семнадцать пудов, никто и не проверил, а может, там пятнадцать.

Через день к нам во двор въехал воз с сеном.

– Ось продналог. Тут Ваць у вас здавав…

– А ваша как фамилия?

– Та и я ж з Вацив, тоже Ваць, Стэпан Ваць.

– Сейчас.

Пошел я искать Калину Ивановича посоветоваться. На крыльце встретил Антона.

– Вот показал дорогу с продналогом, а теперь…

– Принимайте, Антон Семенович, оправдаемся.

Принимать было нельзя, не принимать тоже нельзя. Почему, спрашивается, у одного Ваця приняли, а другому отказали?

– Иди, принимай сено, я пока расписку напишу.

И еще приняли мы воза два объемного фуража и пудов сорок овса.

Ни жив ни мертв ожидал я расправы. Антон внимательно на меня поглядывал и еле-еле улыбался одним углом рта. Зато он перестал сражаться со всеми потребителями транспортной энергии, охотно выполнял все наряды на перевозки и в конюшне работал, как богатырь.

Наконец я получил краткий, но выразительный запрос:

«Предлагаю немедленно сообщить, на каком основании колония принимает продналог.

Райпродкомиссар *Агеев*»

Я даже Калине Ивановичу не сказал о полученной бумажке. И отвечать не стал. Что я мог ответить?

В апреле в колонию влетела на паре вороных тачанка, а в мой кабинет – перепуганный Братченко.

– Сюда идет, – сказал он, задыхаясь.

– Кто это?

– Мабудь, насчет соломы… Сердитый.

Он присел за печкой и притих.

Райпродкомиссар был обыкновенный: в кожаной куртке, с револьвером, молодой и подтянутый.

– Вы заведующий?

– Я.

– Вы получили мой запрос?

– Получил.

– Почему вы не отвечаете? Что это такое, я сам должен ехать! Кто вам разрешил принимать продналог?

– Мы принимали продналог без разрешения.

Райпродкомиссар соскочил со стула и заорал:

– Как это так – «без разрешения»? Вы знаете, чем это пахнет? Вы сейчас будете арестованы, знаете вы это?

Я это знал.

– Кончайте как-нибудь, – сказал я райпродкомиссару глухо, – ведь я не оправдываюсь и не выкручиваюсь. И не кричите. Делайте то, что вы находите нужным.

Он забегал по диагонали моего бедного кабинета.

– Черт знает что такое! – бурчал он как будто про себя и фыркал, как конь.

Антон вылез из-за печки и следил за сердитым, как горчица, райпродкомиссаром. Неожиданно он низким альтом, как жук, загудел:

– Всякий бы не посмотрел, чи продналог, чи что, если четыре дня кони не кормлены. Если бы вашим вороным четыре дня газеты читать, так бы вы влетели в колонию?

Агеев остановился удивленный:

– А ты кто такой? Тебе здесь что надо?

– Это наш старший конюх, он лицо более или менее заинтересованное, – сказал я.

Райпродкомиссар снова забегал по комнате и вдруг остановился против Антона:

– У вас хоть заприходовано? Черт знает что!..

Антон прыгнул к моему столу и тревожно прошептал:

– Заприходовано ж, Антон Семенович?

Засмеялись и я и Агеев.

– Заприходовано.

– Где вы такого хорошего парня достали?

– Сами делаем, – улыбнулся я.

Братченко поднял глаза на райпродкомиссара и спросил серьезно, приветливо:

– Ваших вороных покормить?
– Что ж, покорми.

[15] Осадчий

Зима и весна 1922 года были наполнены страшными взрывами в колонии имени Горького. Они следовали один за другим и почти без передышки, и в моей памяти сейчас сливаются в какой-то общий клубок несчастья.

Однако несмотря на всю трагичность этих дней, они были днями роста и нашего хозяйства, и нашего здоровья. Как логически совмещались эти явления, я сейчас не могу объяснить, но совмещались. Обычный день в колонии был и тогда прекрасным днем, полным труда, доверия, человеческого, товарищеского чувства и всегда – смеха, шутки, подъема и очень хорошего, бодрого тона. И почти не проходило недели, чтобы какая-нибудь совершенно ни на что не похожая история не бросала нас в глубочайшую яму, в такую тяжелую цепь событий, что мы почти теряли нормальное представление о мире и делались больными людьми, воспринимающими мир воспаленными нервами.

Неожиданно у нас открылся антисемитизм. До сих пор в колонии евреев не было. Осенью в колонию был прислан первый еврей, потом один за другим еще несколько. *Эти первые евреи были очень неудачны. В большинстве это были парни глупые, нечистоплотные и неактивные.* Один из них почему-то раньше работал в губрозыске, и на него первого обрушился дикий гнев наших старожилов.

В проявлении антисемитизма я сначала не мог даже различить, кто больше, кто меньше виноват. Вновь прибывшие колонисты были антисемитами просто потому, что нашли безобидные объекты для своих хулиганских инстинктов, старшие же имели больше возможности издеваться и куражиться над евреями.

Фамилия первого была Остромухов.

Привел его милиционер как раз во время обеденного перерыва в холодный и вьюжный, неприветливый день. Остромухову не повезло с самого начала. Только что он со своим конвоиром вышел из лесу на нашу поляну, их заметил Карабанов. Присмотрелся внимательно и узнал: тот самый Остромухов, который когда-то из губрозыска водил его к следователю. Этого оскорбления не могло забыть его бандитское сердце: вот такой маленький, незаметный, чахоточный Остромухов осмелился конвоировать его, Карабанова, «з дида, з прадида» казака.

Увидев Остромухова, Карабанов взвел курок и закричал:

– О, держите меня, я его убью!

Услышав боевой возглас Карабанова, Остромухов, забыв о милиционере, моментально повернулся и побежал в лес. Растерявшийся милиционер схватился за револьвер, но Карабанов сказал ему с особенным выражением бандитской экспрессии:

– Брось, на черта он тебе сдался! Без одного жида будэ ярмарка.

Остромухов лесом пробрался в город и заявил, что он в колонию не хочет идти: он боится Карабанова. Но настойчивая комиссия не сжалилась над ним, и Остромухова, трепещущего в предсмертной тоске, привели в колонию.

Остромухова стали бить по всякому поводу и без всякого повода. Избивать, издеваться на каждом шагу: отнять хороший пояс или целую обувь и дать взамен их негодное рванье, каким-нибудь хитрым способом оставить без пищи или испортить пищу, дразнить без конца, поносить разными словами и, самое ужасное, всегда держать в страхе и презрении, – вот что встретило в колонии не только Остромухова, но и Шнайдера, и Глейсера, и Крайника. Бороться с этим оказалось невыносимо трудно. Все делалось в полной тайне, очень осторожно и почти без риска, потому что евреи прежде всего запугивались до смерти и боялись жаловаться. Только по косвенным признакам, по убитому виду, по молчаливому и несмелому поведению можно было строить догадки, да просачивались самыми отдаленными путями, через дружеские беседы наиболее впечатлительных пацанов с воспитателями, неуловимые слухи.

Все же совершенно скрыть от педагогического персонала регулярное шельмование целой группы колонистов было нельзя, и пришло время, когда разгул антисемитизма в колонии ни для кого уже секретом не был. Установили и список насильников. Все это были старые наши знакомые: Бурун, Митягин, Волохов, Приходько, но самую заметную роль в этих делах играли двое: Осадчий и Таранец.

Живость, остроумие и организационные способности давно выдвинули Таранца в первые ряды колонистов, но приход более старших ребят не давал Таранцу простора. Теперь наклонность к преобладанию нашла выход в пуганье евреев и в издевательствах над ними. Осадчий был парень лет шестнадцати, угрюмый, упрямый, сильный и очень запущенный. Он гордился своим прошлым, но не потому, что находил в нем какие-либо красоты, а просто из упрямства, потому что это его прошлое и никому никакого дела нет до его жизни.

Осадчий имел вкус к жизни и всегда внимательно следил за тем, чтобы его день не проходил без радости. К радостям он был очень неразборчив и большей частью удовлетворялся прогулками

на село Пироговку, расположенное ближе к городу и населенное полукулаками-полумещанами. Пироговка в то время блистала обилием интересных девчат и самогона; эти предметы и составляли главную радость Осадчего. Неизменным его спутником бывал известный колонистский лодырь и обжора Галатенко.

Осадчий носил умопомрачительную холку, которая мешала ему смотреть на свет божий, но, очевидно, составляла важное преимущество в борьбе за симпатии пироговских девчат. Из-под этой холки он всегда угрюмо и, кажется, с ненавистью поглядывал на меня во время моих попыток вмешаться в его личную жизнь: я не позволял ему ходить на Пироговку и настойчиво требовал, чтобы он больше интересовался колонией.

Осадчий сделался главным инквизитором евреев. Осадчий едва ли был антисемитом. Но безнаказанность *обидчиков* и беззащитность евреев давали ему возможность блистать в колонии первобытным остроумием и геройством.

Поднимать явную, открытую борьбу против шайки наших изуверов нужно было осмотрительно: она грозила тяжелыми расправами прежде всего для евреев; такие как Осадчий в крайнем случае не остановились бы и перед ножом. Нужно было или действовать исподволь и очень осторожно, или прикончить дело каким-нибудь взрывом.

Я начал с первого. Мне нужно было изолировать Осадчего и Таранца. Карабанов, Митягин, Приходько, Бурун относились ко мне хорошо, и я рассчитывал на их поддержку. Но самое большее, что мне удалось, – это уговорить их не трогать евреев. *Карабанов при этом кокетничал и доказывал, что ненавидит он Остромухова не потому, что он еврей, а потому, что «не можу забыть, як эта блоха водила меня под конвоем».*

– От кого их защищать? От всей колонии?

– Не ври, Семен. Ты знаешь – от кого.

– Что с того, что я знаю? Я пойду на защиту, так не привяжу к себе Остромухова, – все равно поймают и набьют еще хуже.

Митягин сказал мне прямо:

– Я за это дело не берусь – не с руки, а трогать не буду: они мне не нужны.

Задоров больше всех сочувствовал моему положению, но он не умел вступить в прямую борьбу с такими как Осадчий.

– Тут как-то нужно очень круто повернуть, не знаю. Да от меня все это скрывают, как и от вас. При мне никого не трогают.

Положение с евреями становилось тем временем все тяжелее. Их уже можно было ежедневно видеть в синяках, но при опросе они отказывались назвать тех, кто их избивает. Осадчий ходил по

колонии гоголем и вызывающе посматривал на меня и на воспитателей из-под своей замечательной холки.

Я решил идти напролом и вызвал его в кабинет. Он решительно все отрицал, но всем своим видом показывал, что отрицает только из приличия, а на самом деле ему безразлично, что я о нем думаю.

– Ты избиваешь их каждый день.

– Ничего подобного, – говорил он неохотно.

Я пригрозил отправить его из колонии.

– Ну что ж. И отправляйте!

Он очень хорошо знал, какая это длинная и мучительная история – отправить из колонии. Нужно было долго хлопотать об этом в комиссии, представлять всякие опросы и характеристики, раз десять послать самого Осадчего на допрос да еще разных свидетелей.

Для меня, кроме того, не сам по себе Осадчий был занятен. На его подвиги взирала вся колония, и многие относились к нему с одобрением и с восхищением. Отправить его из колонии значило бы законсервировать эти симпатии в виде постоянного воспоминания о пострадавшем герое Осадчем, который ничего не боялся, никого не слушал, бил евреев, и его за это «засадили». Да и не один Осадчий орудовал против евреев. Таранец не был так груб, как Осадчий, но гораздо изобретательнее и тоньше. Он никогда их не бил и на глазах у всех относился к евреям даже нежно, но по ночам закладывал тому или другому между пальцами ног бумажки и поджигал их, а сам укладывался в постель и представлялся спящим. Или, достав машинку, уговаривал какого-нибудь дылду вроде Федоренко остричь Шнайдеру полголовы, а потом имитировать, что машинка испорчена, и куражиться над бедным мальчиком, когда тот ходит за ним и просит со слезами окончить стрижку.

Спасение во всех этих бедах пришло самым неожиданным и самым позорным образом.

Однажды вечером отворилась дверь моего кабинета, и Иван Иванович ввел Остромухова и Шнайдера, обоих окровавленных, плюющих кровью, но даже не плачущих от привычного страха.

– Осадчий? – спросил я.

Дежурный рассказал, что Осадчий за ужином приставал к Шнайдеру, бывшему дежурным по столовой, заставлял его переменять порцию, подавать другой хлеб, и, наконец, за то, что Шнайдер, подавая суп, нечаянно наклонил тарелку и коснулся пальцами супа, Осадчий вышел из-за стола и при дежурном, и при всей колонии ударил Шнайдера по лицу. Шнайдер, пожалуй, и промолчал бы, но дежурство оказалось не из трусливых, да у

нас никогда и не было драк при дежурном. Иван Иванович приказал Осадчему выйти из столовой и пойти ко мне доложить. Осадчий из столовой направился к дверям, но в дверях остановился и сказал:

– Я к завколу пойду, но раньше этот жид у меня попоет!

Здесь произошло небольшое чудо. Остромухов, бывший всегда самым беззащитным из евреев, вдруг выскочил из-за стола и бросился к Осадчему:

– Я тебе не дам его бить!

Все это кончилось тем, что тут же, в столовой, Осадчий избил Остромухова, а выходя, заметил притаившегося в сенях Шнайдера и ударил его так сильно, что у того выскочил зуб. Ко мне Осадчий идти отказался.

В моем кабинете Остромухов и Шнайдер размазывали кровь по лицам грязными рукавами, но не плакали и, очевидно, прощались с жизнью. Я тоже был уверен, что если сейчас не разрешу до конца все напряжение, то евреям нужно будет немедленно спасаться бегством или приготовиться к настоящим мукам. Меня подавляло и прямо замораживало то безразличие к побоям в столовой, которое проявили все колонисты, даже такие как Задоров. Я вдруг почувствовал, что сейчас я так же одинок, как в первые дни колонии. Но в первые дни я и не ожидал поддержки и сочувствия ниоткуда, это было естественное и заранее учтенное одиночество, а теперь я уже успел избаловаться и привыкнуть к постоянному сотрудничеству колонистов.

В кабинете вместе с потерпевшими находились несколько человек. Я сказал одному из них:

– Позови Осадчего.

Я был почти уверен, что Осадчий закусил удила и откажется прийти, и твердо решил в крайнем случае привести его сам, хотя бы и с револьвером.

Но Осадчий пришел, ввалился в кабинет в пиджаке внакидку, руки в карманах, по дороге двинул стулом. Вместе с ним пришел и Таранец. Таранец делал вид, что все страшно интересно и он пришел только потому, что ожидается занимательное представление.

Осадчий глянул на меня через плечо и спросил:

– Ну, я пришел… Чего?

Я показал ему на Остромухова и Шнайдера:

– Это что такое?

– Ну, что ж такое! Подумаешь!.. Два жидка. Я думал, вы что покажете.

И вдруг педагогическая почва с треском и грохотом провалилась подо мною. Я очутился в пустом пространстве.

Тяжелые счеты, лежавшие на моем столе, вдруг полетели в голову Осадчего. Я промахнулся, и счеты со звоном ударились в стену и скатились на пол.

В полном беспамятстве я искал на столе что-нибудь тяжелое, но вдруг схватил в руки стул и ринулся с ним на Осадчего. Он в панике шарахнулся к дверям, но пиджак свалился с его плеч на пол, и Осадчий, запутавшись в нем, упал.

Я опомнился: кто-то взял меня за плечи. Я оглянулся, – на меня смотрел Задоров и улыбался:

– Не стоит того эта гадина!

Осадчий сидел на полу и начинал всхлипывать. На окне притаился бледный Таранец, у него дрожали губы.

– Ты тоже издевался над этими ребятами!

Таранец сполз с подоконника.

– Даю честное слово, никогда больше не буду!

– Вон отсюда!

Он вышел на цыпочках.

Осадчий наконец поднялся с полу, держа пиджак в руке, а другой рукой ликвидировал последний остаток своей нервной слабости – одинокую слезу на грязной щеке. Он смотрел на меня спокойно, серьезно.

– Четыре дня отсидишь в сапожной на хлебе и на воде.

Осадчий криво улыбнулся и, не задумываясь, ответил:

– Хорошо, я отсижу.

На второй день ареста он вызвал меня в сапожную и попросил:

– Я не буду больше, простите.

– О прощении будет разговор, когда отсидишь свой срок.

Отсидев четыре дня, он уже не просил прощения, а заявил угрюмо:

– Я ухожу из колонии.

– Уходи.

– Дайте документ.

– Никаких документов!

– Прощайте.

– Будь здоров.

[16] Чернильницы по-соседски

Куда ушел Осадчий, мы не знали. Говорили, что он отправился в Ташкент, потому что там все дешево и можно прожить весело, другие говорили, что у Осадчего в нашем городе дядя, а третьи поправляли, что не дядя, а знакомый извозчик.

Я никак не мог прийти в себя после нового педагогического падения. Колонисты приставали ко мне с вопросами, не слышал ли я чего-нибудь об Осадчем.

– Да что вам Осадчий? Чего вы так беспокоитесь?

– Мы не беспокоимся, – сказал Карабанов, – а только лучше, если бы он был здесь. Вам было б лучше…

– Не понимаю.

Карабанов глянул на меня мефистофельским глазом:

– Мабудь, нехорошо у вас там, на душе…

Я на него раскричался:

– Убирайтесь от меня с вашими душевными разговорами! Вы что вообразили? Уже и душа в вашем распоряжении?..

Карабанов тихонько отошел от меня.

В колонии звенела жизнь, я слышал здоровый и бодрый тон колонии, под моим окном звучали шутки и проказы между делом (все почему-то собирались под моим окном), никто ни на кого не жаловался. И Екатерина Григорьевна однажды сказала мне с таким выражением, будто я тяжелобольной, а она сестра милосердия:

– Вам нечего мучиться, пройдет.

– Да я и не мучусь. Пройдет, конечно. Как в колонии?

– Я и сама не знаю, как это объяснить. В колонии сейчас хорошо, человечно как-то. Евреи наши – прелесть: они немного испуганы всем, прекрасно работают и страшно смущаются. Вы знаете, старшие за ними ухаживают. Митягин, как нянька, ходит: заставил Глейзера вымыться, остриг, даже пуговицы пришил.

Да. Значит, все было хорошо. Но какой беспорядок и хлам заполняли мою педагогическую душу! Меня угнетала одна мысль: неужели я так и не найду, в чем секрет? Ведь вот, как будто в руках было, ведь только ухватить оставалось. Уже у многих колонистов по-новому поблескивали глаза… и вдруг все так безобразно сорвалось. Неужели все начинать сначала?

Меня возмущали безобразно организованная педагогическая техника и мое техническое бессилие. И я с отвращением и злостью думал о педагогической науке:

«Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский![96]

Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то *вековое* шарлатанство».

Об Осадчем я думал меньше всего. Я его вывел в расход, записал в счет неизбежных в каждом производстве убытков и брака. Его кокетливый уход еще меньше меня смущал.

Да, кстати, он скоро вернулся.

На нашу голову свалился новый скандал, при сообщении о котором я, наконец, узнал, что это значит, когда говорят, что волосы встали дыбом.

В тихую морозную ночь шайка колонистов-горьковцев с участием Осадчего вступила в ссору с пироговскими парубками. Ссора перешла в драку: с нашей стороны преобладало холодное оружие – финки, с их стороны горячее – обрезы. Бой кончился в нашу пользу. Парубки были оттеснены с того места, где собирается улица, а потом позорно бежали и заперлись в здании сельсовета. К трем часам здание сельсовета было взято приступом, то есть выломаны двери и окна, и бой перешел в энергичное преследование. Парубки повыскакивали в те же двери и окна и разбежались по домам, а колонисты возвратились в колонию с великим торжеством.

Самое ужасное было в том, что сельсовет оказался разгромленным вконец, и на другой день в нем нельзя было работать. Кроме окон и дверей были приведены в негодность столы и лавки, разбросаны бумаги и разбиты чернильницы.

Бандиты утром проснулись, как невинные младенцы, и пошли на работу. В полдень пришел ко мне пироговский председатель и рассказал о событиях минувшей ночи.

Я смотрел с удивлением на этого старенького, щупленького, умного селянина: почему он со мною еще разговаривает, зачем он не зовет милицию, не берет под стражу всех этих мерзавцев и меня вместе с ними?

Но председатель повествовал обо всем не столько с гневом, сколько с грустью и больше всего беспокоился о том, исправит ли колония окна и двери, исправит ли столы и не может ли колония сейчас выдать ему, пироговскому председателю, две чернильницы?

Я прямо обалдел от удивления и никак не мог понять, чем объяснить такое «человеческое» отношение к нам со стороны власти. Потом я решил, что председатель, как и я, еще не может вместить в себя весь ужас событий: он просто бормочет кое-что, чтобы хоть как-нибудь «реагировать».

Я по себе судил: я сам был только способен кое-что

бормотать:

– Ну, хорошо… конечно, мы все исправим… А чернильницы? Да вот эти можно взять.

Председатель взял чернильницы и осторожно собрал в левой руке, прижимая к животу. Это были обыкновенные невыливайки.

– Так мы все исправим. Я сейчас же пошлю мастера. Вот только со стеклом придется подождать, пока привезем из города.

Председатель посмотрел на меня с благодарностью.

– Да нет, можно и завтра. Тогда, знаете, как стекло будет, можно все сразу сделать…

– Ага… Ну хорошо, значит, завтра.

Отчего же он все-таки не уходит, этот шляпа-председатель?

– Вы домой сейчас? – спросил я его.

– Да.

Председатель оглянулся, достал из кармана желтый платок и вытер им совершенно чистые усы. Подвинулся ближе ко мне.

– Тут, понимаете, такое дело… Там вчера ваши хлопцы забрали… Та там, знаете, народ молодой… и мой там мальчишка. Ну, народ молодой, для баловства, ни для чего другого, боже борони… Как товарищи, знаете, заводят, ну и себе ж нужно… Я вже говорил: время такое, правда… что у каждого есть…

– Да в чем дело? – спросил я его. – Простите, не понимаю.

– Обрез, – сказал в упор председатель.

– Обрез?

– Обрез же.

– Так что?

– Ах ты, Господи, та ж кажу: ну баловались, чи што, ну… отож вчера произошло… Так ваши забрали… у моего, и еще там не знаю, може, и потерял кто, бо, знаете, народ выпивший… И где они самогонку эту достают?

– Кто народ выпивший?

– Ах ты, Господи, да кто ж… Да разве там разберешь? Я ж там не був, а разговоры такие, что ваши были все пьяные…

– А ваши?

Председатель замялся:

– Та я ж там не був… Што оно, правда, вчера воскресенье. Та я ж не про то. Дело, знаете, молодое, шо ж, и ваши мальчики, я ж ничего, ну, там… побились, никого ж и не убили и не поранили. Може, с ваших кого? – спросил он вдруг со страхом.

– Да с нашими я еще не говорил.

– Я не чув… а кто говорит, что были будто выстрелы, два чи три, те вже, мабудь, як тикалы, потому что ваши ж, знаете, народ горячий, а наши деревенские, конешно ж, пока повернулись туда-сюда… Хэ-хэ-хэ-хэ!..

Смеется старик и глазки сощурил, ласковый такой и родной-родной. Таких стариков «папашами» всегда называют. Смеюсь и я, глядя на него, а в душе беспорядок невыносимый.

– Значит, по-вашему, ничего страшного, – подрались и помирятся?

– Вот именно, вот именно, помирятся. Хиба ж, як я молодой був, хиба ж так за девок бились? Моего брата, Якова, так и до смерти прибили парубки. Вы вот хлопцев позовите, поговорите с ними, чтоб, знаете, больше такого не было.

Я вышел на крыльцо.

– Позови тех, кто был вчера на Пироговке.

– А где они? – спросил меня шустрый пацан, пробегавший по каким-то срочным делам по двору.

– Не знаешь разве, кто был вчера на Пироговке?

– О, вы хитрый… Я вам лучше Буруна позову.

– Ну, зови Буруна.

Бурун явился на крыльцо.

– Осадчий в колонии?

– Пришел, работает в столярной.

– Скажи ему вот что: вчера наши надебоширили на Пироговке, и дело очень серьезное.

– Да, у нас говорили хлопцы.

– Так вот, скажи сейчас Осадчему, чтобы все собрались ко мне, тут председатель сидит у меня. Да чтобы не брехали, может очень печально кончиться.

В кабинете набилось «пироговцев» полно: Осадчий, Приходько, Чобот, Опришко, Галатенко, Голос, Сорока, еще кто-то, не помню. Осадчий держался свободно, как будто у нас с ним ничего не было. При постороннем я не хотел вспоминать старое.

– Вы вчера были на Пироговке, были пьяные, хулиганили, вас хотели утихомирить, так вы побили парней, разгромили сельсовет. Так?

– Не совсем так, как вы говорите, – выступил Осадчий. – Это действительно, что хлопцы были на Пироговке, а я там три дня жил, потому ж, знаете… Пьяные не были, это неправда. Вот ихний Панас еще днем гулял с Сорокой, и Сорока действительно был выпивши… немножко, да. Голосу кто-то поднес по знакомству. А так все были как следует. И ни с кем мы не заедались, гуляли, как и все. А потом подходит один там, Харченко, ко мне и кричит: «Руки вверх!», а сам обрез на меня. Ну, я ему, правда, и дал по морде. Ну, тут и пошло… Они злы на нас, что девчата с нами больше…

– Что ж пошло?

– Да ничего, подрались. Если бы они не стреляли, ничего и не

было бы. А Панас выстрелил, и Харченко тоже, ну, за ними и погнались. Мы их бить не хотели, только обрезы поотнимать, а они заперлись. Так Приходько – вы ж знаете его – как двинет…

– Двинет! Надвигали! Обрезы где? Сколько?

– Два.

Осадчий обернулся к Сороке:

– Принеси.

Принесли обрезы. Хлопцев я отпустил в мастерские. Председатель мялся возле обрезов:

– Так как же, можно забрать?

– Зачем же? Ваш сын не имеет права ходить с обрезом, и Харченко тоже. Я не имею права отдавать.

– Да нет, на что они мне? И не отдавайте, пусть у вас останутся, може, там в лесу когда попугать воров придется. Я к тому, знаете, вы вже не придавайте этому делу… Дело молодое, знаете.

– Это… чтобы я никуда не жаловался?

– Ну, конешно ж…

Я рассмеялся:

– Да зачем же? Мы по-соседски.

– Во-во, – обрадовался дед, – по-соседски… Чего не бывает! Да если все до начальства…

Ушел председатель, отлегло от сердца.

Собственно говоря, я еще обязан был всю эту историю размазать на педагогическом транспаранте. Но и я и хлопцы так были рады, что все кончилось благополучно, что обошлось без педагогики на этот раз. Я их не наказывал; они мне слово дали на Пироговку без моего разрешения не ходить и наладить отношения с пироговскими парубками.

[17] «Наш – найкращий»

К зиме 1922 года в колонии было шесть девочек. К тому времени выровнялась и замечательно похорошела Оля Воронова. Хлопцы заглядывались на нее не шутя, но Оля была со всеми одинаково ласкова, недоступна, и только Бурун был ее другом. За широкими плечами Буруна Оля никого не боялась в колонии и могла пренебрежительно относиться даже к влюбленности Приходько, самого сильного, самого глупого и бестолкового человека в колонии. Бурун не был влюблен, у них с Олей была действительно хорошая юношеская дружба; и это обстоятельство много прибавляло уважения среди колонистов и к Буруну, и к Вороновой. Несмотря на свою красоту, Оля не была сколько-нибудь заметной. Ей очень нравилось сельское хозяйство; работа на поле, даже самая тяжелая, ее увлекала, как музыка, и она мечтала:

– Как вырасту, обязательно за грака замуж выйду.

Верховодила у девчат Настя Ночевная. Прислали ее в колонию с огромнейшим пакетом, в котором много было написано про Настю: и воровка, и продавщица краденого, и содержательница «малины». И поэтому мы смотрели на Настю как на чудо. Это был исключительно честный и симпатичный человек. Насте не больше пятнадцати лет, но отличалась она дородностью, белым лицом, гордой посадкой головы и твердым характером. Она умела покрикивать на девчат без вздорности и визгливости, умела одним взглядом привести к порядку любого колониста и прочитать ему короткий внушительный выговор:

– Ты что это хлеб наломал и бросил? Богатым стал или у свиней техникум окончил? Убери сейчас же!..

И голос у Насти был глубокий, грудной, отдававший сдержанной силой.

Настя подружилась с воспитательницами, упорно и много читала и без всяких сомнений шла к намеченной цели – к рабфаку. Но рабфак был еще за далеким горизонтом для Насти, так же как и для других людей, стремившихся к нему: Карабанова, Вершнева, Задорова, Ветковского. Слишком уж были малограмотны наши первенцы и с трудом осиливали премудрости арифметики и политграмоты. Образованнее всех была Раиса Соколова, и ее мы отправили на киевский рабфак осенью 1921 года.

Собственно говоря, *это представлялось безнадежным предприятием*, но уж очень хотелось нашим воспитательницам иметь в колонии рабфаковку. Цель прекрасная, но Раиса мало

подходила для такого святого дела. Целое лето она готовилась на рабфак, но к книжке ее приходилось загонять силой, потому что Раиса ни к какому образованию не стремилась.

Задоров, Вершнев, Карабанов – все люди, обладавшие вкусом к науке, – очень были недовольны, что на рабфаковскую линию выходит Раиса. Вершнев, колонист, отличавшийся замечательной способностью читать в течение круглых суток, даже в то время, когда он дует мехом в кузнице, большой правдолюб и искатель истины, всегда ругался, когда вспоминал о светозарном Раисином будущем. Заикаясь, он говорил мне:

– Как эттого нне пппонять? Раиса ввсе равно в ттюрьме кончит.

Карабанов выражался еще определеннее:

– Никогда не ожидал от вас такой дурости.

Задоров, не стесняясь присутствием Раисы, брезгливо улыбался и безнадежно махал рукой:

– Рабфаковка! Приклеили горбатого до стены.

Раиса кокетливо и сонно улыбалась в ответ на все эти сарказмы, и хотя на рабфак не стремилась, но была довольна: ей нравилось, что она поедет в Киев.

Я был согласен с хлопцами. Действительно, какая из Раисы рабфаковка! Она и теперь, готовясь на рабфак, получала из города какие-то подозрительные записки, тайком уходила из колонии; а к ней так же скрытно приходил Корнеев, неудавшийся колонист, пробывший в колонии всего три недели, обкрадывавший нас сознательно и регулярно, потом попавшийся в краже в городе, постоянный скиталец по угрозыскам, существо в высшей степени гнилое и отвратительное, один из немногих людей, от которых я отказывался с первого взгляда на них. *Он и физически разлагался, носил в себе остатки всех венерических болезней, даром что было ему не больше восемнадцати. Корнеев был обилен многими достоинствами квалифицированного блатника: прыщавая и фатоватая физиономия, жиденькие волосики, примазанные по последней моде, хриплый, с присвистом тенорок и белые холёные руки.*

Колонисты возненавидели Корнеева с первого дня. За свое недолговечное пребывание в колонии он не сделал, кажется, ни одного дельного движения, больше лежал на кровати и прикладывал примочки к своим прыщам. Вечно у него были болезни, освобождавшие его от работы, а дармоедов колонисты научились ненавидеть очень рано.

Однажды Задоров, возвратившись с работы из второй колонии, увидел, что малыш Тоська, чаще называвшийся у нас «Антоном Семеновичем», принес Корнееву ужин в спальню. В это

время у нас была уже приведена в порядок столовая в одном из домиков, и есть в спальне не разрешалось. Корнеев, по обыкновению, лежал на кровати и милостиво принял от «Антона Семеновича» миску с супом.

Задоров был одним из немногих, которые не боялись блатницкой готовности Корнеева немедленно хвататься за нож.

Задоров спросил «Антона Семеновича»:

– Это что такое?

– Так он сказал.

Задоров взял миску и вылил суп за окно.

– Не большой барин.

Корнеев вскочил с кровати, но Задоров треснул его кулаком по голове и сказал:

– Слушай, ты, каракатица, уходи из колонии сегодня же, ничего из твоих затей не выйдет.

Сделал это Задоров потому, что во второй колонии выяснил: Корнеев организует в городе шайку для генерального ограбления кладовой колонии, подговаривает кое-кого из ребят, и только для этого и сидит у нас.

Корнеев собирался, кажется, еще подумать над советом Задорова, но ночью Задоров и его постоянный друг Волохов надели на Корнеева его франтовскую фуражку, вывели в лес, «стукнули по шее», по выражению Задорова, и только утром подробно поведали мне о принятых ими мерах. Я возражать не нашел нужным.

Корнеев продолжал оставаться покровителем Раисы. Он приходил в колонию поздно ночью, когда мог быть уверенным, что колония спит, условным сигналом вызывал Раису из спальни. На этой почве было еще столкновение, о котором я узнал очень не скоро. Хлопцы проведали о ночных визитах Корнеева, захватили его в лесу во время свидания с Раисой и крепко избили. Во время столкновения Карабанов отнял у Корнеева “браунинг”. Это и было причиной того, что от меня случай скрыли: иметь “браунинг” было для Карабанова делом чести.

Связь Раисы с Корнеевым, вечная таинственность ее ночных приключений очень нервировали и пугали наших девочек. Даже Маруся Левченко, к этому времени наладившая свой характер и переставшая толковать о своей кончености, говорила:

– Раиска, выходи замуж за Корнеева, не погань колонии.

Настя Ночевная, спокойно улыбаясь, грозила:

– Я тебя не пущу в спальню когда-нибудь. Просто возьму веник и выгоню. Ты этого дождешься.

Поэтому все девочки были рады, когда Раиса наконец уехала в Киев.

Экзамен на рабфаке Раиса выдержала. Но через неделю после

этого счастливого известия наши откуда-то узнали, что Корнеев тоже отправился в Киев.

– Вот теперь начнется настоящая наука, – сказал Задоров.

Проходила зима. Раиса изредка писала, но ничего нельзя было разобрать из ее писем. То казалось, что у нее все благополучно, то выходило, что с ученьем очень трудно, и всегда не было денег, хотя она и получала стипендию. Раз в месяц мы посылали ей двадцать-тридцать рублей. Задоров уверял, что на эти деньги Корнеев хорошо поужинает, и это было похоже на правду. Больше всего доставалось воспитательницам, инициаторам киевской затеи.

– Ну, вот, каждому человеку видно, что это не годится, а вам не видно. Как же это может быть: нам видно, а вам не видно?

В январе Раиса неожиданно приехала в колонию со всеми своими корзинками и сказала, что отпущена на каникулы. Но у нее не было никаких отпускных документов, и по всему ее поведению было видно, что возвращаться в Киев она не собирается. На мой запрос киевский рабфак сообщил, что Раиса Соколова перестала посещать институт и выехала из общежития неизвестно куда.

Вопрос был выяснен. Нужно отдать справедливость ребятам: они Раису не дразнили, не напоминали о неудачном рабфаке и как будто даже забыли обо всем этом приключении. В первые дни после ее приезда посмеялись всласть над Екатериной Григорьевной, которая и без того была смущена крайне, но вообще *сделали такой вид*, что случилась самая обыкновенная вещь, которую они и раньше предвидели.

В марте ко мне обратилась Осипова с тревожным сомнением: по некоторым признакам, Раиса беременна.

Я похолодел. *В то время еще не забылись старые, привычные глупости о бесчестном рождении ребенка, еще не совсем прошли проклятые времена незаконнорожденных.* Мы находились в положении усложненном: подумайте, в детской колонии воспитанница беременна. Я ощущал вокруг нашей колонии, в городе, в наробразе присутствие очень большого числа тех добродетельных ханжей, которые обязательно воспользуются случаем и поднимут страшный визг: в колонии половая распущенность, в колонии мальчики живут с девочками. Меня пугала и самая обстановка в колонии, и затруднительное положение Раисы как воспитанницы. Я просил Осипову поговорить с Раисой «по душам».

Раиса решительно отрицала беременность и даже обиделась:

– Ничего подобного! Кто это выдумал такую гадость? И откуда это пошло, что и воспитательницы стали заниматься

сплетнями?

Осипова, бедная, в самом деле почувствовала, что поступила нехорошо. Раиса была очень полна, и кажущуюся беременность можно было объяснить просто нездоровым ожирением, тем более, что на вид действительно определенного ничего не было. Мы Раисе поверили.

Но через неделю Задоров вызвал меня вечером во двор, чтобы поговорить наедине.

– Вы знаете, что Раиса беременна?

– А ты откуда знаешь?

– Вот чудак! Да что же, не видно, что ли? Это все знают, – я думал, что и вы знаете.

– Ну, а если беременна, так что?

– Да ничего… Только чего она скрывает это? Ну, беременна – и беременна, а чего вид такой делает, что ничего подобного. Да вот и письмо от Корнеева. Тут… видите? – «дорогая женушка». Да мы это и раньше знали.

Беспокойство усилилось и среди педагогов. Наконец меня вся история начала злить.

– Ну чего так беспокоиться? Беременна, значит, родит. Если теперь скрывает, то родов нельзя же будет скрыть. Ничего ужасного нет, будет ребенок, вот и все.

Я вызвал Раису к себе и спросил:

– Скажи, Раиса, правду: ты беременна?

– И чего ко мне все пристают? Что это такое, в самом деле, – пристали все, как смола: беременна да беременна! Ничего подобного, понимаете или нет?

Раиса заплакала.

– Видишь ли, Раиса, если ты беременна, то не нужно этого скрывать. Мы тебе поможем устроиться на работу, хотя бы и у нас в колонии, поможем и деньгами. Для ребенка все нужно же приготовить, пошить и все такое…

– Да ничего подобного! Не хочу я никакой работы, отстаньте!

– Ну, хорошо, иди.

Так ничего в колонии и не узнали. Можно было бы отправить ее к врачу на исследование, но по этому вопросу мнения педагогов разделились. Одни настаивали на скорейшем выяснении дела, другие поддерживали меня и доказывали, что для девушки такое исследование очень тяжело и оскорбительно, что, наконец, и нужды в таком исследовании нет, – все равно рано или поздно вся правда выяснится, да и куда спешить: если Раиса беременна, то не больше как на пятом месяце. Пусть она успокоится, привыкнет к этой мысли, а тем временем и скрывать уже станет трудно.

Раису оставили в покое.

Пятнадцатого апреля в городском театре было большое собрание педагогов, на этом собрании я читал доклад о дисциплине. В первый вечер мне удалось закончить доклад, но вокруг моих положений развернулись страстные прения, пришлось обсуждение доклада перенести на второй день. В театре присутствовали почти все наши воспитатели и кое-кто из старших колонистов. Ночевать мы остались в городе.

Колонией в то время уже заинтересовались не только в нашей губернии, и на другой день народу в театре было видимо-невидимо. Между прочими вопросами, какие мне задавали, был и вопрос о совместном воспитании. Тогда совместное воспитание в колониях для правонарушителей было запрещено законом; наша колония была единственной в Союзе, проводившей опыт совместного воспитания.

Отвечая на вопрос, я мельком вспомнил о Раисе, но даже возможная беременность ее в моем представлении не меняла ничего в вопросе о совместном воспитании. Я доложил собранию о полном благополучии у нас в этой области.

Во время перерыва меня вызвали в фойе. Я наткнулся на запыхавшегося Братченко: он верхом прилетел в город и не захотел сказать ни одному из воспитателей, в чем дело.

– У нас несчастье, Антон Семенович. У девочек в спальне нашли мертвого ребенка.

– Как – мертвого ребенка?!

– Мертвого, совсем мертвого. В корзинке Раисиной. Ленка мыла полы и зачем-то заглянула в корзинку, может, взять что хотела, а там – мертвый ребенок.

– Что ты болтаешь?

Что можно сказать о нашем самочувствии? Я никогда еще не переживал такого ужаса. Воспитательницы, бледные и плачущие, кое-как выбрались из театра и на извозчике поехали в колонию. Я не мог ехать, так как мне еще нужно было отбиваться от нападений на мой доклад.

– Где сейчас ребенок? – спросил я Антона.

– Иван Иванович запер в спальне. Там, в спальне.

– А Раиса?

– Раиса сидит в кабинете, там ее стерегут хлопцы.

Я послал Антона в милицию с заявлением о находке, а сам остался продолжать разговоры о дисциплине.

Только к вечеру я был в колонии. Раиса сидела на деревянном диване в моем кабинете, растрепанная и в грязном переднике, в котором она работала в прачечной. Она не посмотрела на меня, когда я вошел, и еще ниже опустила голову.

На том же диване Вершнев обложился книгами: очевидно, он искал какую-то справку, потому что быстро перелистывал книжку за книжкой и ни на кого не обращал никакого внимания.

Я распорядился снять замок на дверях спальни и корзинку с трупом перенести в бельевую кладовку. Поздно вечером, когда все разошлись спать, я спросил Раису:

– Зачем ты это сделала?

Раиса подняла голову, посмотрела на меня тупо, как животное, и поправила фартук на коленях.

– Сделала – и все.

– Почему ты меня не послушала?

Она вдруг тихо заплакала.

– Я сама не знаю.

Я оставил ее ночевать в кабинете под охраной Вершнева, читательская страсть которого гарантировала его совершеннейшую бдительность. Мы все боялись, что Раиса над собой что-нибудь сделает.

Наутро приехал следователь, следствие заняло немного времени, допрашивать было некого. Раиса рассказала о своем преступлении в скупых, но точных выражениях. Родила она ребенка ночью, тут же в спальне, в которой спали еще пять девочек. Ни одна из них не проснулась. Раиса объяснила это, как самое простое дело:

– Я старалась не стонать.

Немедленно после родов она задушила ребенка платком. Отрицала преднамеренное убийство:

– Я не хотела так сделать, а он стал плакать.

Она спрятала труп в корзинку, с которой ездила на рабфак, и рассчитывала в следующую ночь вынести его и бросить в лесу. Думала, что лисицы его съедят и никто ничего не узнает. Утром пошла на работу в прачечную, где девочки стирали свое белье. Завтракала и обедала со всеми колонистами, была только «скучная», по словам хлопцев.

Следователь увез Раису с собой, а труп распорядился отправить в трупный покой одной из больниц для вскрытия.

Педагогический персонал этим событием был деморализован до последней степени. Думали, что для колонии настали последние времена.

Колонисты были в несколько приподнятом настроении. Девочек пугала вечерняя темнота и собственная спальня, в которой они ни за что не хотели ночевать без мальчиков. Несколько ночей у них в спальне торчали Задоров и Карабанов. Все это кончилось тем, что ни девочки, ни мальчики не спали и даже не раздевались. Любимым занятием хлопцев в эти дни стало

пугать девчат: они являлись под окнами в белых простынях, устраивали кошмарные концерты в печных ходах, тайно забирались под кровать Раисы и вечером оттуда пищали благим матом.

К самому убийству хлопцы отнеслись, как к очень простой вещи. При этом все они составляли оппозицию воспитателям в объяснении возможных побуждений Раисы. Педагоги были уверены, что Раиса задушила ребенка в припадке девичьего стыда: в напряженном состоянии среди спящей спальни действительно нечаянно запищал ребенок, – стало страшно, что вот-вот проснутся.

Задоров разрывался на части от смеха, выслушивая эти объяснения слишком психологически настроенных педагогов.

– Да бросьте эту чепуху говорить! Какой там девичий стыд! Заранее все было обдумано, потому и не хотела признаться, что скоро родит. Все заранее обдумали и обсудили с Корнеевым. И про корзинку заранее, и чтобы в лес отнести. Если бы она от стыда сделала, разве она так спокойно пошла бы на работу утром? Я бы эту самую Раису, если бы моя воля, завтра застрелил бы. Гадиной была, гадиной всегда и останется. А вы про девичий стыд! Да у нее никакого стыда никогда не было.

– В таком случае какая же цель, зачем это она сделала? – ставили педагоги убийственный вопрос.

– Очень простая цель: на что ей ребенок? С ребенком возиться нужно – и кормить и все такое. Очень нужен им ребенок, особенно Корнееву.

– Ну-у! Это не может быть…

– Не может быть? Вот чудаки! Конечно, Раиса не скажет, а я уверен, если бы ее взять в работу, так там такое откроется…

Ребята были согласны с Задоровым без малейших намеков на сомнение. Карабанов был уверен в том, что «такую штуку» Раиса проделывает не в первый раз, что еще до колонии, наверное, что-нибудь было.

На третий день после убийства Карабанов отвез труп ребенка в какую-то больницу. Возвратился он в большом воодушевлении:

– Ой, чого я там тилько не бачив! Там в банках понаставлено всяких таких пацанов, мабудь, десятка три. Там таки страшни: з такою головою, одно – ножки скрючило и не разберешь, чи чоловик, чи жаба якая. Наш – куди! Наш – найкращий.

Екатерина Григорьевна укоризненно покачала головой, но и она не могла удержаться от улыбки:

– Ну что вы говорите, Семен, как вам не стыдно!

Кругом хохочут ребята, им уже надоели убитые, постные физиономии воспитателей.

Через три месяца Раису судили. В суд был вызван весь педсовет колонии имени Горького. В суде царствовали психология и теория девичьего стыда. Судья укорял нас за то, что мы не воспитали правильного взгляда. Протестовать мы, конечно, не могли. Меня вызвали на совещание суда и спросили:

– Вы ее снова можете взять в колонию?

– Конечно.

Раиса была приговорена условно на восемь лет и немедленно отдана под ответственный надзор в колонию.

К нам она возвратилась как ни в чем не бывало, принесла с собою великолепные желтые полусапожки и на наших вечеринках блистала в вихре вальса, вызывая своими полусапожками непереносимую зависть наших прачек и девчат с Пироговки.

Настя Ночевная сказала мне:

– Вы Раису убирайте с колонии, а то мы ее сами уберем. Отвратительно жить с нею в одной комнате.

Я поспешил устроить ее на работу на трикотажной фабрике.

Я несколько раз встречал ее в городе. В 1928 году я приехал в этот город по делам и неожиданно за буфетной стойкой одной из столовых увидел Раису и сразу ее узнал: она раздобрела и в то же время стала мускулистее и стройнее.

– Как живешь?

– Хорошо. Работаю буфетчицей. Двое детей и муж хороший – *партиец*.

– Корнеев? *Партиец?*

– Э, нет, – улыбнулась она, – старое забыто. Его зарезали на улице давно… А знаете что, Антон Семенович?

– Ну?

– Спасибо вам, тогда не утопили меня. Я как пошла на фабрику, с тех пор старое выбросила.

[18] Габерсуп

Весною нагрянула на нас новая беда – сыпной тиф. Первым заболел Костя Ветковский. *Его влияние в колонии было огромно: он был самый культурный колонист, умен, приветлив, очень вежлив. Но в то же время он умел, не теряя достоинства, быть хорошим товарищем и очень много помогал ребятам в их школьных делах. Его все любили.*

Врача в колонии не было. Екатерина Григорьевна, побывавшая когда-то в медицинском институте, врачевала в тех необходимых случаях, когда и без врача обойтись невозможно и врача приглашать неловко. Ее специальностью уже в колонии сделалась чесотка и скорая помощь при порезах, ожогах, ушибах, а зимой, благодаря несовершенству нашей обуви, у нас много было ребят с отмороженными ногами. Вот, кажется, и все болезни, которыми снисходительно болели колонисты, – они не отличались склонностью возиться с врачами и лекарствами.

Я всегда относился к колонистам с глубоким уважением именно за их медицинскую непритязательность и сам многому у них в этой области научился. У нас сделалось совершенно привычным не считаться больным при температуре в тридцать восемь градусов, и соответствующей выдержкой мы один перед другим щеголяли. Впрочем, это было почти необходимым просто потому, что врачи к нам очень неохотно ездили.

Вот почему, когда заболел Костя и у него оказалась температура под сорок, мы отметили это как новость в колонистском быту. Костю уложили в постель и старались оказать ему всяческое внимание. По вечерам у его постели собирались приятели, а так как к нему многие относились хорошо, то его вечером окружала целая толпа. Чтобы не лишать Костю общества и не смущать ребят, мы тоже у кровати больного проводили вечерние часы.

Дня через три Екатерина Григорьевна тревожно сообщила мне о своем беспокойстве: очень похоже на сыпной тиф. Я запретил ребятам подходить к его постели, но изолировать Костю как-нибудь по-настоящему было все равно невозможно: приходилось и заниматься в той же комнате и собираться вечером.

Еще через день, когда Ветковскому стало очень плохо, мы завернули его в ватное одеяло, которым он укрывался, усадили в фаэтон, и я повез его в город.

В приемной больницы ходят, лежат и стонут человек сорок. Врача долго нет. Видно, что тут давно сбились с ног и что

помещение больного в больницу ничего особенно хорошего ему не сулит. Наконец приходит врач. Лениво подымает рубашку у нашего Ветковского, старчески кряхтит и лениво говорит записывающему фельдшеру:

– Сыпной. В больничный городок.

За городом, в поле, от войны осталось десятка два деревянных бараков. Я долго брожу между сестрами, больными, санитарами, выносящими закрытые простынями носилки. Говорят, что больного должен принять дежурный фельдшер, но никто не знает, где он, и никто не хочет его найти. Я, наконец, теряю терпение и набрасываюсь на ближайшую сестру, употребляя слова: «безобразие», «бесчеловечно», «возмутительно». Мой гнев приносит пользу: Костю раздевают и куда-то ведут.

Возвратясь в колонию, я узнал, что слегли с такой же температурой Задоров, Осадчий и Белухин. Задорова, впрочем, я застал еще на ногах в тот самый момент, когда он отвечал на уговор Екатерины Григорьевны лечь в постель.

– И какая вы женщина странная! Ну, чего я лягу? Я вот сейчас пойду в кузницу, там меня Софрон моментально вылечит…

– Как вас Софрон вылечит? Что вы говорите глупости!..

– А вот тем самым, что и себя лечит: самогон, перец, соль, олеонафт и немного колесной мази! – заливается Задоров по обыкновению выразительно и открыто.

– Смотрите, Антон Семенович, до чего вы их распустили? – обращается ко мне Екатерина Григорьевна. – Он будет лечиться у Софрона! Ступайте, укладывайтесь!

От Задорова несло страшным жаром, и было видно, что он еле держится на ногах. Я взял его за локоть и молча направил в спальню. В спальне уже лежали в кроватях Осадчий и Белухин. Осадчий страдал и был недоволен своим состоянием. Я давно заметил, что такие «боевые» парни всегда очень трудно переносят болезнь. Зато Белухин, по обыкновению, был в радужном настроении.

Не было в колонии человека веселее и радостнее Белухина. Он происходил из столбового рабочего рода в Нижнем Тагиле; во время голода отправился за хлебом, в Москве был задержан при какой-то облаве и помещен в детский дом, оттуда убежал и освоился на улице, снова был задержан и снова убежал. Как человек предприимчивый, он старался не красть, а больше спекулировал, но сам потом рассказывал о своих спекуляциях с добродушным хохотом: так они были всегда смелы, своеобразны и неудачны. Наконец Белухин убедился, что он для спекуляции не годится, и решил ехать на Украину.

Белухин когда-то учился в школе, знал обо всем понемножку,

парень был разбитной и бывалый, но на удивление и дико неграмотный. Бывают такие ребята: как будто всю грамоту изучил, и дроби знает, и о процентах имеет понятие, но все это у него удивительно коряво и даже смешно получается. Белухин и говорил на таком же корявом языке, тем не менее умном и с огоньком.

Лежа в тифу, он был неистощимо болтлив, и, как всегда, его остроумие удваивалось случайно-комическим сочетанием слов:

– Тиф – это медицинская интеллигентность, так почему она прицепилась к рабочему от природы? Вот когда социализм уродится, тогда эту бациллу и на порог не пустим, а если, скажем, ей приспичит по делу: паек получить или что, потому что и ей же, по справедливости, жить нужно, так обратись к моему секретарю – писателю. А секретарем приклепаем Кольку Вершнева, потому он с книжкой, как собака с блохой, не разлучается. Колька интеллигентность совершит, и ему – что блоха, что бацилла – соответствует по демократическому равносилию.

– Я буду секретарем, а ты что будешь делать при социализме? – спрашивает Колька Вершнев, заикаясь.

Колька сидит в ногах у Белухина, по обыкновению с книжкой, по обыкновению взлохмаченный и в изодранной рубашке.

– А я буду законы писать, как вот тебя одеть, чтобы у тебя приспособленность к человечеству была, а не как к босяку, потому что это возмущает даже Тоську Соловьева: какой же ты читатель, если ты на обезьяну похож? Да и то, не у всякого обезьянщика такая обезьяна черная выступает. Правда ж, Тоська?

Хлопцы хохотали над Вершневым. Вершнев не сердился и любовно посматривал на Белухина серыми добрыми глазами. Они были большими друзьями, пришли в колонию вместе и рядом работали в кузнице, только Белухин уже стоял у наковальни, а Колька предпочитал дуть мехом, чтобы иметь одну свободную руку для книжки.

Тоська Соловьев, чаще называвшийся Антоном Семеновичем, – были мы с ним двойные тезки – имел от роду только десять лет. Он был найден Белухиным в нашем лесу умирающим от голода и уже в беспамятстве. На Украину он выехал из Самарской губернии вместе с родителями, в дороге потерял мать, а что потом было, и не помнит. У Тоськи хорошенькое, ясное детское лицо, и оно всегда обращено к Белухину. Тоська, видимо, прожил свою маленькую жизнь без особенно сильных впечатлений, и его навсегда поразил и приковал к себе этот веселый, уверенный зубоскал Белухин, который органически не мог бояться жизни и всему на свете знал

цену.

Тоська стоит в головах у Белухина, и его глазенки горят любовью и восхищением. Он звенит взрывным дискантным смехом ребенка:

– Черная обезьяна!

– Вот Тоська у меня будет молодец, – Белухин вытаскивает его из-за кровати.

Тоська в смущении склоняется на белухинский живот, покрытый ватным одеялом.

– Слушай, Тоська, ты книжки не так читай, как Колька, а то, видишь, он всякую сознательность заморочил себе.

– Не он книжки читает, а книжки его читают, – сказал Задоров с соседней кровати.

Я сижу рядом за партией в шахматы с Карабановым и думаю. «Они, кажется, забыли, что у них тиф».

– Кто-нибудь там, позовите Екатерину Григорьевну.

Екатерина Григорьевна приходит в образе гневного ангела.

– Это что за нежности? Почему здесь Тоська вертится? Вы соображаете что-нибудь? Это ни на что не похоже!

Тоська испуганно срывается с кровати и отступает. Карабанов цепляется за его руку, приседает и в паническом ужасе дурашливо отшатывается в угол:

– И я боюсь…

Задоров хрипит:

– Тоська, так ты же и Антона Семеновича возьми за руку. Что же ты его бросил?

Екатерина Григорьевна беспомощно оглядывается среди радостной толпы.

– Совершенно так, как у зулусов.

– Зулусы – это которые без штанов ходят, а для продовольствия употребляют знакомых, – говорит важно Белухин. – Подойдет этак к барышне: «Позвольте вас сопроводить». Та, конечно, рада: «Ах, зачем же, я сама проводюся». – «Нет, как же можно, разве можно, чтобы самой?» Ну, до переулка доведет и слопает. И даже без горчицы.

Из дальнего угла раздается заливчатый дискант Тоськи. И Екатерина Григорьевна улыбается:

– Там барышень едят, а здесь малых детей пускают к тифозному. Все равно.

Вершнев находит момент отомстить Белухину:

– Зззулусы нне едят ннникаких ббарышень. И, конечно, кккультурнее ттебя. Ззаразишь Тттоську.

– А вы, Вершнев, почему сидите на этой кровати? – замечает его Екатерина Григорьевна. – Немедленно уходите отсюда!

Вершнев смущенно начинает собирать свои книжки, разбросанные на кровати Белухина.

Задоров вступается:

– Он не барышня. Его Белухин не будет шамать.

Тоська уже стоит рядом с Екатериной Григорьевной и говорит как будто задумчиво:

– Матвей не будет есть черную обезьяну.

Вершнев под одной рукой уносит целую кучу книг, а под другой неожиданно оказывается Тоська, дрыгает ногами, хохочет. Вся эта группа сваливается на кровать Вершнева, в самом дальнем углу.

Наутро глубокий воз, изготовленный по проекту Калины Ивановича и немного похожий на гроб, наполнен до отказа. Завернутые в одеяла, сидят на дне подводы наши тифозные. На края гроба положена доска, и на ней возвышаемся мы с Братченко. На душе у меня скверно, потому что предчувствую повторение той же канители, которая встретила Ветковского. И нет у меня никакой уверенности, что ребята едут именно лечиться. *В общей свалке несчастья они меньше всех могут надеяться на счастливый случай, а тем более на чью-либо заботу.*

Осадчий лежит на дне и судорожно стягивает одеяло на плечах. Из одеяла выглядывает черно-серая вата, у моих ног я вижу ботинок Осадчего, корявый и истерзанный. Белухин надел одеяло на голову, построил из него трубку и говорит:

– Народы эти подумают, что попы едут. Зачем такую массу попов везут?

Задоров улыбается в ответ, и по этой улыбке видно, как ему плохо.

В больничном городке прежняя обстановка. Я нахожу сестру, которая работает в палате, где лежит Костя. Она с трудом затормаживает стремительный бег по коридору.

– Ветковский? Кажется, в этой палате…

– В каком он состоянии?

– Еще ничего неизвестно.

Антон за ее спиной дергает кнутом по воздуху:

– Вот еще: неизвестно! Как же это – неизвестно?

– Это с вами мальчик? – сестра брезгливо смотрит на отсыревшего, пахнущего навозом Антона, к штанам которого прицепились соломинки.

– Мы из колонии имени Горького, – начинаю я осторожно. – Здесь наш воспитанник Ветковский. А сейчас я привез еще троих, кажется, тоже с тифом.

– Так вы обратитесь в приемную.

– Да в приемной толпа. А кроме того, я хотел бы, чтобы

ребята были вместе.

– Мы не можем всяким капризам потурать!

Так и сказала: «потурать». И двинулась вперед.

Но Антон у нее на дороге:

– Как же это? Вы же можете поговорить с человеком!

– Идите в приемную, товарищи, нечего здесь разговаривать.

Сестра рассердилась на Антона, рассердился на Антона и я:

– Убирайся отсюда, не мешай!

Антон никуда, впрочем, не убирается. Он удивленно смотрит на меня и на сестру, а я говорю сестре тем же раздраженным тоном:

– Дайте себе труд выслушать два слова. Мне нужно, чтобы ребята выздоровели обязательно. За каждого выздоровевшего я уплачиваю два пуда пшеничной муки. Но я бы желал иметь дело с одним человеком. Ветковский у вас, устройте так, чтобы и остальные ребята были у вас.

Сестра обалдевает, вероятно, от оскорбления.

– Как это – «пшеничной муки»? Что это – взятка? Я не понимаю!

– Это не взятка – это премия, понимаете? Если вы не согласны, я найду другую сестру. Это не взятка: мы просим некоторого излишнего внимания к нашим больным, некоторой, может быть, добавочной работы. Дело, видите ли, в том, что они плохо питались, и у них нет, понимаете, родственников.

– Я без пшеничной муки возьму их к себе, если вы хотите. Сколько их?

– Сейчас я привез троих, но, вероятно, еще привезу.

– Ну, идемте.

Я и Антон идем за сестрой. Антон хитро щурит глаза и кивает на сестру, но, видимо, и он поражен таким оборотом дела. Он покорно принимает мое нежелание отвечать его гримасам.

Сестра нас проводит в какую-то комнату в дальнем углу больницы. Антон привел наших больных.

У всех, конечно, тиф. Дежурный фельдшер несколько удивленно рассматривает наши ватные одеяла, но сестра убедительным голосом говорит ему:

– Это из колонии имени Горького, отправьте их в мою палату.

– А разве у вас есть места?

– Это мы устроим. Двое сегодня выписываются, а третью кровать найдем, где поставить.

Белухин весело с нами прощается:

– Привозите еще, теплее будет.

Его желание мы исполнили через день: привезли Голоса и Шнайдера, а через неделю еще троих.

На этом, к счастью, и кончилось.

Несколько раз Антон заезжал в больницу и узнавал у сестры, в каком положении наши дела. Тифу не удалось ничего поделать с колонистами.

Мы уже собирались кое за кем ехать в город, как вдруг в звенящий весенний полдень из лесу вышла тень, завернутая в ватное одеяло. Тень прямо вошла в кузницу и запищала:

– Ну, хлебные токари, как вы тут живете? А ты все читаешь? Смотри, вон у тебя мозговая нитка из уха лезет…

Ребята пришли в восторг: Белухин, хоть и худой и почерневший, был по-прежнему весел и ничего не боялся в жизни.

Екатерина Григорьевна накинулась на него: зачем пришел пешком, почему не подождал, пока приедут?

– Видите ли, Екатерина Григорьевна, я бы и подождал, но очень уж по шамовке соскучился. Как подумаю: там же наши житный хлеб едят, и кондёр едят, и кашу едят по полной миске, – так, понимаете, такая тоска у меня по всей психологии распространяется… не могу я наблюдать, как они этот габерсуп… ха-ха-ха-ха!..

– Что за габерсуп?

– Да это, знаете, Гоголь такой суп изобразил, так мне страшно понравилось[97]. И в больнице этот габерсуп полюбили употреблять, а я как увижу его, так такая смешливость в моем организме, – не могу себя никак приспособить: хохочу, и все. Аж сестра уже ругаться начала, а мне после того еще охотнее – смеюсь и смеюсь. Как вспомню: габерсуп… А есть никак не могу: только за ложку – умираю со смеху. Так я и ушел от них… У вас что, обедали? Каша, небось, сегодня?

Екатерина Григорьевна достала где-то молока: нельзя же больному сразу кашу!

Белухин радостно поблагодарил:

– Вот спасибо, уважили умирающего.

Но молоко все же вылил в кашу. Екатерина Григорьевна махнула на него рукой.

Скоро возвратились и остальные.

Сестре Антон отвез на квартиру мешок белой муки.

[19] Шарин на расправе

Забывался постепенно «наш найкращий», забывались тифозные неприятности, забывалась зима с отмороженными ногами, с рубкой дров и «ковзалкой», но не могли забыть в наробразе моих «аракчеевских[98]» формул дисциплины. Разговаривать со мной в наробразе начали тоже почти по-аракчеевски:

– Мы этот ваш жандармский опыт прихлопнем. Нужно строить соцвос, а не застенок.

В своем докладе о дисциплине я позволил себе усомниться в правильности общепринятых в то время положений, утверждающих, что наказание воспитывает раба, что необходимо дать полный простор творчеству ребенка, нужно больше всего полагаться на самоорганизацию и самодисциплину. Я позволил себе выставить несомненное для меня утверждение, что, пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и должен не отказываться от принуждения. Я утверждал также, что нельзя основывать все воспитание на интересе, что воспитание чувства долга часто становится в противоречие с интересом ребенка, в особенности так, как он его понимает. Я требовал воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу, и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива.

В итоге, я отстаивал линию создания сильного, если нужно, и сурового, воодушевленного коллектива, и только на коллектив возлагал все надежды; мои противники тыкали мне в нос аксиомами педологии[99] и танцевали только от «ребенка».

Я был уже готов к тому, что колонию «прихлопнут», но злобы дня в колонии – посевная кампания и все тот же ремонт второй колонии – не позволяли мне специально страдать по случаю наробразовских гонений. Кто-то меня, очевидно, защищал, потому что меня не прихлопывали очень долго. А чего бы, кажется, проще: взять и снять с работы.

Но в наробраз я старался не ездить: слишком неласково и даже пренебрежительно со мной там разговаривали. Особенно заедал меня один из инспекторов, Шарин – очень красивый, кокетливый брюнет с прекрасными вьющимися волосами, победитель сердец губернских дам. У него толстые, красные и влажные губы и круглые подчеркнутые брови. Кто его знает, чем он занимался до 1917 года, но теперь он великий специалист как раз по социальному воспитанию. Он прекрасно усвоил несколько

сот модных терминов и умел бесконечно низать пустые словесные трели, убежденный, что за ними скрываются *замечательные* педагогические и революционные ценности.

Ко мне он относился высокомерно-враждебно с того дня, когда я не удержался от действительно неудержимого смеха.

Заехал он как-то в колонию. В моем кабинете увидел на столе барометр-анероид.

– Что это за штука? – спросил он.

– Барометр.

– Какой барометр?

– Барометр, – удивился я, – погоду у нас предсказывает.

– Предсказывает погоду? Как же он может предсказывать погоду, когда он стоит у вас на столе? Ведь погода не здесь, а на дворе.

Вот в этот момент я и расхохотался неприлично, неудержимо. Если бы Шарин не имел такого ученого вида, если бы не его приват-доцентская шевелюра, если бы не его апломб ученого!

Он очень рассердился:

– Что вы смеетесь? А еще педагог. Как вы можете воспитывать ваших воспитанников? Вы должны мне объяснить, если видите, что я не знаю, а не смеяться.

Нет, я не способен был на такое великодушие – я продолжал хохотать. Когда-то я слышал анекдот, почти буквально повторявший мой разговор с Шариным о барометре, и мне показалось удивительно забавным, что такие глупые анекдоты повторяются в жизни и что в них принимают участие инспектора губнаробраза.

Шарин обиделся и уехал.

Во время моего доклада о дисциплине он меня «крыл» беспощадно:

– Локализованная система медико-педагогического воздействия на личность ребенка, поскольку она дифференцируется в учреждении социального воспитания, должна превалировать настолько, насколько она согласуется с естественными потребностями ребенка и насколько она выявляет творческие перспективы в развитии данной структуры – биологической, социальной и экономической. Исходя из этого, мы констатируем…

Он в течение двух часов, почти не переводя духа и с полузакрытыми глазами, давил собрание подобной ученой резиной, но закончил с чисто житейским пафосом:

– Жизнь есть веселость.

Вот этот самый Шарин и нанес мне сокрушительный удар весною 1922 года.

Особый отдел Первой запасной прислал в колонию воспитанника с требованием обязательно принять. И раньше Особый отдел и ЧК[100], случалось, присылали ребят. Принял. Через два дня меня вызвал Шарин.

– Вы приняли Евгеньева?

– Принял.

– Какое вы имели право принять воспитанника без нашего разрешения?

– Прислал Особый отдел Первой запасной.

– Что мне Особый отдел? Вы не имеете права принимать без нашего разрешения.

– Я не могу не принять, если присылает Особый отдел. А если вы считаете, что он присылать не может, то как-нибудь уладьте с ним этот вопрос. Не могу же я быть судьей между вами и Особым отделом.

– Немедленно отправьте Евгеньева обратно.

– Только по вашему письменному распоряжению.

– Для вас должно быть действительно и мое устное распоряжение.

– Дайте письменное распоряжение.

– Я ваш начальник и могу вас сейчас арестовать на семь суток за неисполнение моего устного распоряжения.

– Хорошо, арестуйте.

Я видел, что человеку очень хочется использовать свое право арестовать меня на семь суток. Зачем искать другие поводы, когда уже есть повод?

– Вы не отправите мальчика?

– Не отправлю без письменного приказа. Мне выгоднее, видите ли, быть арестованным товарищем Шариным, чем Особым отделом.

– Почему Шариным выгоднее? – серьезно заинтересовался инспектор.

– Знаете, как-то приятнее. Все-таки по педагогической линии.

– В таком случае вы арестованы.

Он ухватил телефонную трубку.

– Милиция?.. Немедленно пришлите милиционера взять заведующего колонией Горького, которого я арестовал на семь суток… Шарин.

– Мне что же? Ожидать в вашем кабинете?

– Да, вы будете здесь ожидать.

– Может быть, вы меня отпустите на честное слово? Пока придет милиционер, я получу кое-что в складе и отправлю мальчика в колонию.

– Вы никуда не пойдете отсюда.

Шарин схватил с вешалки плюшевую шляпу, которая очень шла к его черной шевелюре, и вылетел из кабинета. Тогда я взял телефонную трубку и вызвал предгубисполкома. Он терпеливо выслушал мой рассказ:

– Вот что, голубчик, не расстраивайтесь и поезжайте домой спокойно. Впрочем, лучше подождите милиционера и скажите, чтобы он вызвал меня.

Пришел милиционер.

– Вы заведующий колонией?

– Я.

– Так, значит, идемте.

– Предгубисполкома распорядился, что я могу ехать домой. Просил вас позвонить.

– Я никуда не буду звонить, пускай в районе начальник звонит. Идемте.

На улице Антон с удивлением посмотрел на меня в сопровождении конвоя.

– Подожди меня здесь.

– А вас скоро выпустят?

– Ты откуда знаешь, что меня можно выпустить?

– А тут черный проходил, так сказал: поезжай домой, заведующий не поедет. А бабы вышли какие-то в шапочках, так говорят: ваш заведующий арестован.

– Подожди, я сейчас приду.

В районе пришлось ожидать начальника. Только к четырем часам он выпустил меня на свободу.

Подвода была нагружена доверху мешками и ящиками. Мы с Антоном мирно ползли по Харьковскому шоссе, думали о своих делах, он, вероятно, – о фураже и выпасе, а я – о превратностях судьбы, специально приготовленных для завколов. Несколько раз останавливались, поправляли расползавшиеся мешки, вновь взбирались на них и ехали дальше.

Антон уже дернул левую вожжу, поворачивая на дорогу к колонии, как вдруг Малыш хватил в сторону, вздернул голову, попробовал вздыбиться: с дороги к колонии на нас налетел, загудел, затрещал, захрипел и пронесся к городу автомобиль. Промелькнула зеленая плюшевая шляпа, и Шарин растерянно глянул на меня. Рядом с ним сидел и придерживал воротник пальто усатый Черненко, председатель РКИ[101].

Антон не имел времени удивляться неожиданному наскоку автомобиля: что-то напутал Малыш в сложной и неверной системе нашей упряжи. Но и я не имел времени удивляться: на нас карьером неслась пара колонистских лошадей, запряженная в громыхающую гарбу, набитую до отказа ребятами. На передке

стоял и правил лошадьми Карабанов, втянув голову в плечи и свирепо сверкая черными цыганскими глазами вдогонку удирающему автомобилю. Гарба с разбегу пронеслась мимо нас, ребята что-то кричали, соскакивали с воза на землю, останавливали Карабанова, смеялись. Карабанов наконец очнулся и понял, в чем дело. На дорожном перекрестке образовалась целая ярмарка.

Хлопцы обступили меня. Карабанов, видимо, был недоволен, что все это так прозаически кончилось. Он даже не слез с гарбы, а со злобой поворачивал лошадей и ругался:

– Да, повертайся ж, сатана! От, черты б тебе, позаводылы кляч!..

Наконец он с последним взрывом гнева перетянул правую и галопом понесся в колонию, стоя на передке и угрюмо покачиваясь на ухабах.

– Что у вас случилось? Что это за пожарная команда? – спросил я.

– Чого вы як показылысь? – спросил Антон.

Перебивая друг друга и толкаясь, ребята рассказали мне о том, что случилось. Представление о событии у них было очень смутное, несмотря на то, что все они были его свидетелями. Куда они летели на парной гарбе и что собирались совершить в городе, для них тоже было покрыто мраком неизвестности, и мои вопросы на этот счет они встречали даже удивленно.

– А кто его знает? Там было бы видно.

Один Задоров мог связно поведать о происшедшем:

– Да вы знаете, это все как-то быстро произошло, прямо налетело откуда-то. Они проехали на машине, мало кто и заметил, работали все. Пошли к вам, там что-то делали, ну, кое-кто из наших проведал, говорит – в ящиках роются. Что такое? Хлопцы сбежались к вашему крыльцу, а тут и они вышли. Слышим, говорят Ивану Ивановичу: «Принимайте заведывание». Ну, тут такое заварилось, ничего не разберешь: кто кричит, кто уже за грудки берется, Бурун на всю колонию орет: «Куда Антона девали?» Настоящий бунт. Если бы не я и Иван Иванович, там бы до кулаков дело дошло, у меня даже пуговицы поотрывали. Черный, тот здорово испугался да к машине, а машина тут же. Они очень быстро тронули, а ребята бегом за машиной да кричат, руками размахивают, черт знает что. И как раз же Семен из второй колонии с пустой гарбой.

Мы вошли в колонию. Успокоенный Карабанов у конюшни распрягал лошадей и отбивался от наседавшего Антона:

– Вам лошади – все равно как автомобиль, смотри – запарили.

– Ты понимаешь, Антон, тут было не до коней. Понимаешь? – весело блестел зубами и глазами Карабанов.

– Да еще раньше тебя, в городе, понял. Вы тут обедали, а нас по милициям водили.

Воспитателей я нашел в состоянии последнего испуга. Иван Иванович был такой – хоть в постель укладывай.

– Вы подумайте, Антон Семенович, чем это могло кончиться? Такие свирепые рожи у всех, – я думал, без ножей не обойдется. Спасибо Задорову: один не потерял головы. Мы их разбрасываем, а они, как собаки, злые, кричат… Фу-у!..

Я ребят не расспрашивал и вообще сделал вид, что ничего особенного не случилось, и они меня тоже ни о чем не пытали. Это было для них, пожалуй, и неинтересно: горьковцы были большими реалистами, их могло занимать только то, что непосредственно определяло поведение.

В наробраз меня не вызывали, по своему почину я тоже не ездил. Через неделю пришлось мне зайти в губРКИ. Меня пригласили в кабинет к председателю. Черненко встретил меня, как родственника:

– Садись, голубь, садись, – говорил он, потрясая мою руку и разглядывая меня с радостной улыбкой. – Ах, какие у тебя молодцы! Ты знаешь, после того, что мне наговорил Шарин, я думал, встречу забитых, несчастных, ну, понимаешь, жалких таких… А они, сукины сыны, как завертелись вокруг нас: черти, настоящие черти. А как за нами погнались, черт, такое дело! Шарин сидит и все толкует: «Я думаю, они нас не догонят». А я ему отвечаю: «Хорошо, если в машине все исправное». Ах, какая прелесть! Давно такой прелести не видел. Я тут рассказал кой-кому, животы рвали, под столы полезли…

С этого дня началась у нас дружба с Черненко.

[20] «Смычка» с селянством

Ремонт имения Трепке оказался для нас невероятно громоздкой и тяжелой штукой. Домов было много, все они требовали не ремонта, а почти полной перестройки. С деньгами было всегда напряженно. Помощь губернских учреждений выражалась главным образом в выдаче нам разных нарядов на строительные материалы, с этими нарядами нужно было ездить в другие города – Киев, Харьков. Здесь к нашим нарядам относились свысока, материалы выдавали в размере десяти процентов требуемого, а иногда и вовсе не выдавали. Полвагона стекла, которое нам после нескольких путешествий в Харьков удалось все же получить, были у нас отняты на рельсах, в самом нашем городе, гораздо более сильной организацией, чем колония.

Недостаток денег ставил нас в очень затруднительное положение с рабочей силой, на наемных рабочих надеяться почти не приходилось. Только плотничьи работы мы производили при помощи артели плотников.

Но скоро мы нашли источник денежной энергии. Это были старые, разрушенные сараи и конюшни, которых во второй колонии было видимо-невидимо. Трепке имели конный завод; в наши планы производство племенных лошадей пока что не входило, да и восстановление этих конюшен для нас оказалось бы не по силам, – «не к нашему рылу крыльцо», как говорил Калина Иванович.

Мы начали разбирать эти постройки и кирпич продавать селянам. Покупателей нашлось множество: всякому порядочному человеку нужно и печку поставить, и погреб выложить, а представители племени кулаков, по свойственной этому племени жадности, покупали кирпич просто в запас.

Разборку производили колонисты. В кузнице из разного старого барахла наделали ломиков, и «работа закипела».

Так как колонисты работали половину дня, а вторую половину проводили за учебными столами, то в течение дня ребята отправлялись во вторую колонию дважды: первая и вторая смены. Эти группы курсировали между колониями с самым деловым видом, что, впрочем, не мешало им иногда отвлекаться от прямого пути в погоне за какой-нибудь классической «зозулястой[102] куркой», доверчиво вышедшей за пределы двора подышать свежим воздухом. Поимки этой курки, а тем более полное использование всех калорий, в ней заключающихся, были операциями сложными и требовали энергии, осмотрительности, хладнокровия и энтузиазма. Операции эти усложнялись еще и

потому, что наши колонисты все-таки имели отношение к истории культуры и без огня обходиться не могли.

Походы на работу во вторую колонию вообще позволяли колонистам стать в более тесные отношения с крестьянским миром, причем, в полном согласии с положениями исторического материализма, раньше всего колонистов заинтересовала крестьянская экономическая база, к которой они и придвинулись вплотную в описываемый период. Не забираясь далеко в рассуждения о различных надстройках, колонисты прямым путем проникали в каморки и погреба и, как умели, распоряжались собранными в них богатствами. Вполне правильно ожидая сопротивления своим действиям со стороны мелкособственнических инстинктов населения, колонисты старались проходить историю культуры в такие часы, когда инстинкты эти спят, то есть по ночам. И в полном согласии с наукой колонисты в течение некоторого времени интересовались исключительно удовлетворением самой первичной потребности человека – в пище. Молоко, сметана, сало, пироги – вот краткая номенклатура, которая в то время применялась колонией имени Горького в деле «смычки» с селом.

Пока этим столь научно обоснованным делом занимались Карабановы, Таранцы, Волоховы, Осадчие, Митягины, я мог спать спокойно, ибо эти люди отличались полным знанием дела и добросовестностью. Селяне по утрам после краткого переучета своего имущества приходили к заключению, что двух кувшинов молока не хватает, тем более что и сами кувшины стояли тут же и свидетельствовали о своевременности переучета. Но замок на погребе находился в полной исправности и даже был заперт непосредственно перед переучетом, крыша была цела, собака ночью «не гавкав», и вообще все предметы, одушевленные и неодушевленные, глядели на мир открытыми и доверчивыми глазами.

Совсем другое началось, когда к прохождению курса первобытной культуры приступило молодое поколение. В этом случае замок встречал хозяина с перекошенной от ужаса физиономией, ибо самая жизнь его была, собственно говоря, ликвидирована неумелым обращением с отмычкой, а то и с ломиком, предназначенным для дела восстановления бывшего имения Трепке. Собака, как вспомнил хозяин, ночью не только «гавкав», но прямо-таки «разрывався на части», и только хозяйская лень была причиной того, что собака не получила своевременного подкрепления. Неквалифицированная, грубая работа наших пацанов привела к тому, что скоро им самим пришлось переживать ужас погони разъяренного хозяина,

поднятого с постели упомянутой собакой или даже с вечера поджидавшего непрошеного гостя. В этих погонях заключались уже первые элементы моего беспокойства. Неудачливый пацан бежал, конечно, в колонию, чего никогда бы не сделало старшее поколение. Хозяин приходил тоже в колонию, будил меня и требовал выдачи преступника. Но преступник уже лежал в постели, и я имел возможность наивно спрашивать:

– Вы можете узнать этого мальчика?

– Да как же я его узнаю? Видел, как сюды побигло.

– А может быть, это не наш? – делал я еще более наивный ход.

– Как же – не ваш? Пока ваших не было, у нас такого не водилось.

Потерпевший начинал загибать пальцы и отмечать фактический материал, имевшийся в его распоряжении:

– Вчора в ночи у Мирошниченка молоко выпито, позавчора поломано замка у Степана Верхолы, в ту субботу пропало двое курей у Гречаного Петра, а за день перед тем… там вдова живет Стовбина, може, знаете, так приготовила на базарь два глечика сметаны, пришла, бедная женщина, в погреб, а там все чисто перевернуто и сметану попсувало[103]. А у Василия Мощенко, а у Якова Верхолы, а у того горбатого, як его… Нечипора Мощенка…

– Да какие же доказательства?

– Да какие же доказательства? Вот я ж пришел, бо сюды побигло. Да больше и некому. Ваши ходять в Трепке и все подглядывают…

В то время я далеко не так добродушно относился к событиям. Жалко было и селян, досадно и тревожно было ощущать свое полное бессилие. Особенно неуютно было мне оттого, что я даже не знал всех историй, и можно было подозревать что угодно. А в то время, благодаря событиям зимы, у меня немного расшатались нервы.

В колонии на поверхности все представлялось благополучным. Днем все ребята работали и учились, вечером шутили, играли, на ночь укладывались спать и утром просыпались веселыми и довольными жизнью. А как раз ночью и происходили экскурсии на село. Старшие хлопцы встречали мои возмущенные и негодующие речи покорным молчанием. На некоторое время жалобы крестьян утихали, но потом снова возобновлялись, разгоралась их вражда к колонии.

Наше положение осложнялось тем обстоятельством, что на большой дороге грабежи продолжались. Они приняли теперь несколько иной характер, чем прежде: грабители забирали у селян не столько деньги, сколько продукты, и при этом в самом

небольшом количестве. Сначала я думал, что это не наших рук дело, но селяне в интимных разговорах доказывали:

– Ни, це, мабудь, ваши. От когось спаймают, прибьют, тогда увидите.

Хлопцы с жаром успокаивали меня:

– Брешут граки! Может быть, кто-нибудь из наших и залез куда в погреб, ну… бывает. Но чтоб на дороге – так это чепуха!

Я увидел, что хлопцы искренно убеждены, что на дороге наши не грабят, видел и то, что такой грабеж старшими колонистами оправдан не будет. Это несколько уменьшало мое нервное напряжение, но только до первого слуха, до ближайшей встречи с селянским активом.

Вдруг, однажды вечером, в колонию налетел взвод конной милиции. Все выходы из наших спален были заняты часовыми, и начался повальный обыск. Я тоже был арестован в своем кабинете, и это как раз испортило всю затею милиции. Ребята встретили милиционеров в кулаки, выскакивали из окон, в темноте уже начали летать кирпичи, по углам двора завязались свалки. На стоявших у конюшни лошадей налетела целая толпа, и лошади разбежались по всему лесу. В мой кабинет после шумной ругани и борьбы ворвался Карабанов и крикнул:

– Выходьте скорийше, бо бида буде!

Я выскочил во двор, и вокруг меня моментально сгрудились оскорбленные, шипящие злобой колонисты. Задоров был в истерике:

– Когда это кончится? Пускай меня отправляют в тюрьму, надоело!.. Арестант я или кто? Арестант? Почему так, почему обыскивают, лазят все?..

Перепуганный начальник взвода все же старался не терять тона:

– Немедленно прикажите вашим воспитанникам идти по спальням и стать возле своих кроватей.

– На каком основании производите обыск? – спросил я начальника.

– Не ваше дело. У меня приказ.

– Немедленно уезжайте из колонии.

– Как это – «уезжайте»!

– Без разрешения завгубнаробразом обыска производить не дам, понимаете, не дам, буду препятствовать силой!

– Как бы мы вас не обшукали! – крикнул кто-то из колонистов, но я на него загремел:

– Молчать!

– Хорошо, – сказал с угрозой начальник, – вам придется разговаривать иначе.

Он собрал своих, кое-как, уже при помощи развеселившихся колонистов, нашли лошадей и уехали, сопровождаемые ироническими напутствиями.

В городе я добился выговора какому-то начальству. После этого налета события стали развиваться чрезвычайно быстро. Селяне приходили ко мне возмущенные, грозили, кричали:

– Вчора на дороге ваши отняли масло и сало у Явтуховой жинки.

– Брехня!

– Ваши! Только шапку на глаза надвинув, шоб не пизналы.

– Да сколько же их было?

– Та одын був, каже баба. Ваш був! И пинжачок такий же.

– Брехня! Наши не могут этим делом заниматься.

Селяне уходили, мы подавленно молчали, и Карабанов вдруг выпаливал:

– Брешут, а я говорю – брешут! Мы б знали.

Мою тревогу ребята давно уже разделяли, даже походы на погреба как будто прекратились. С наступлением вечера колония буквально замирала в ожидании чего-то неожиданно нового, тяжелого и оскорбительного. Карабанов, Задоров, Бурун ходили из спальни в спальню, по темным углам двора, лазили по лесу. Я изнервничался в это время, как никогда в жизни.

И вот…

В «один прекрасный вечер» разверзлись двери моего кабинета, и толпа ребят бросила в комнату Приходько. Карабанов, державший Приходько за воротник, с силой швырнул его к моему столу:

– Вот!

– Опять с ножом? – спросил я устало.

– Какое с ножом? На дороге грабил!

Мир обрушился на меня. Рефлективно я спросил молчащего и дрожащего Приходько:

– Правда?

– Правда, – прошептал он еле слышно, глядя в землю.

В какую-то миллионную часть мгновения произошла катастрофа. В моих руках оказался револьвер.

– А! Черт!.. С вами жить!

Но я не успел поднести револьвер к своей голове. На меня обрушилась кричащая, плачущая толпа ребят.

Очнулся я в присутствии Екатерины Григорьевны, Задорова и Буруна. Я лежал между столом и стенкой на полу, весь облитый водой.

Задоров держал мою голову и, подняв глаза к Екатерине Григорьевне, говорил:

– Идите туда, там хлопцы… они могут убить Приходько…

Через секунду я был на дворе. Я отнял Приходько уже в состоянии беспамятства, всего окровавленного.

[21] Игра в фанты

Это было в начале лета 1922 года. В колонии о преступлении Приходько замолчали. Он был сильно избит колонистами, долго пришлось ему пролежать в постели, и мы не приставали к нему ни с какими расспросами. Мельком я слышал, что ничего особенного в подвигах Приходько и не было. Оружия у него не нашли.

Но Приходько все же был бандит настоящий. На него вся катастрофа в моем кабинете, его собственная беда никакого впечатления не произвели. И в дальнейшем он причинил колонии много неприятных переживаний. В то же время он по-своему был предан колонии, и всякий ее враг не был гарантирован, что на его голову не опустится тяжелый лом или топор. Он был человек чрезвычайно ограниченный и жил всегда задавленный ближайшим впечатлением, первыми мыслями, приходящими в его глупую башку. Зато и в работе лучше Приходько не было. В самых тяжелых заданиях он не ломал настроения, был страстен с топором и молотом, если они опускались и не на голову ближнего.

У колонистов после описанных тяжелых дней появилось сильное озлобление против крестьян. Ребята не могли простить, что они были причиной наших страданий. Я видел, что если хлопцы и удерживаются от слишком явных обид крестьянам, то удерживаются только потому, что жалеют меня.

Мои беседы и беседы воспитателей на тему о крестьянстве, о его труде, о необходимости уважать этот труд никогда не воспринимались ребятами как беседы людей, более знающих и более умных, чем они. С точки зрения колонистов, мы мало понимали в этих делах, – в их глазах мы были городскими интеллигентами, неспособными понять всю глубину крестьянской непривлекательности.

– Вы их не знаете, а мы на своей шкуре знаем, что это за народ. Он за полфунта хлеба готов человека зарезать, а попробуйте у него выпросить что-нибудь… Голодному не даст ни за что, лучше пусть у него в каморке сгниет.

– Вот мы бандиты, пусть! Так мы все-таки знаем, что ошиблись, ну что ж… нас простили. Мы это знаем. А вот они – так им никто не нужен: царь был плохой, советская власть тоже плохая. Ему будет только тот хорош, кто от него ничего не потребует, а ему все даром даст. Граки, одно слово!

– Ой, я их не люблю, этих граков, видеть не могу, пострелял бы всех! – говорил Бурун, человек искони городской.

У Буруна на базаре всегда было одно развлечение: подойти к селянину, стоящему возле воза и с остервенением разглядывающему снующих вокруг него городских разбойников, и спросить:

– Ты урка?

Селянин в недоумении забывает о своей настороженности:

– Га?

– А-а! Ты – грак! – смеется Бурун и делает неожиданно молниеносное движение к мешку на возу: – Держи, дядько!

Селянин долго ругается, а это как раз и нужно Буруну: для него это все равно, что любителю музыки послушать симфонический концерт.

Бурун говорил мне прямо:

– Если бы не вы, этим куркулям хлопотно пришлось бы.

Одной из важных причин, послуживших порче наших отношений с крестьянством, была та, что колония наша находилась в окружении исключительно кулацких хуторов. Гончаровка, в которой жило большею частью настоящее трудовое крестьянство, была еще далека от нашей жизни. Ближайшие же наши соседи, все эти Мусии Карповичи и Ефремы Сидоровичи, гнездились в отдельно поставленных, окруженных не плетнями, а заборами, крытых аккуратно и побеленных белоснежно хатах, ревниво никого не пускали в свои дворы, а когда бывали в колонии, надоедали нам постоянными жалобами на продразверстку, предсказывали, что при такой политике советская власть не удержится, а в то же время выезжали на прекрасных жеребцах, по праздникам заливались самогоном, от их жен пахло новыми ситцами, сметаной и варениками, сыновья их представляли собой нечто вне конкурса на рынке женихов и очаровательных кавалеров, потому что ни у кого не было таких пригнанных пиджаков, таких новых темно-зеленых фуражек, таких начищенных сапог, украшенных зимой и летом блестящими, великолепными калошами.

Колонисты хорошо знали хозяйство каждого нашего соседа, знали даже состояние отдельной сеялки или жатки, потому что в нашей кузнице им часто приходилось налаживать и чинить эти орудия. Знали колонисты и печальную участь многих пастухов и работников, которых кулачье часто безжалостно выбрасывало из дворов, даже не расплатившись как следует.

По правде говоря, я *не только не сумел заразить колонистов симпатиями к крестьянству*, но и сам заразился от них неприязнью к этому притаившемуся за воротами и заборами кулацкому миру.

Тем не менее, постоянные недоразумения меня беспокоили.

Прибавились к этому и враждебные отношения с сельским начальством. Лука Семенович, уступив нам трепкинское поле, не потерял надежды выбить нас из второй колонии. Он усиленно хлопотал о передаче сельсовету мельницы и всей трепкинской усадьбы для устройства якобы школы. Ему удалось при помощи родственников и кумовьев в городе купить для переноса в село один из флигелей второй колонии. Мы отбились от этого нападения кулаками и дрекольями; мне с трудом удалось ликвидировать продажу и доказать в городе, что флигель покупается просто на дрова для самого Луки Семеновича и его родственников.

Лука Семенович и его приспешники писали и посылали в город бесконечные *доносы и* жалобы на колонию, они деятельно поносили нас в различных учреждениях в городе, и по их настоянию был совершен налет милиции.

Еще зимою Лука Семенович вечером ввалился в мою комнату и начальственно потребовал:

– А покажите мне документы, куда вы деваете гроши, которые берете с селянства за кузнечные работы.

Я ему сказал:

– Уходите!

– Как?

– Вон отсюда!

Наверное, мой вид не предвещал никаких успехов в выяснении судьбы селянских денег, и Лука Семенович смылся беспрекословно. Но после того он уже сделался открытым врагом моим и всей нашей организации. Колонисты тоже ненавидели Луку со «всем пылом юности». В июне, в жаркий полдень, на горизонте за озером показалось целое шествие. Когда оно приблизилось к колонии, мы различили потрясающие подробности: двое «граков» вели связанных Опришко и Сороку.

Опришко был во всех отношениях героической личностью и в колонии боялся только Антона Братченко, под рукой которого работал и от руки которого не один раз претерпевал. Он гораздо был больше Антона и сильнее его, но использовать эти преимущества ему мешала ничем не объяснимая влюбленность в старшего конюха и его удачу. По отношению ко всем остальным колонистам Опришко держался с достоинством и никому не позволял на себе ездить. Ему помогал замечательно устроенный характер: был он всегда весел и любил такую же веселую компанию, а потому находился только в таких пунктах колонии, где не было ни одного опущенного носа и кислой физиономии. Из коллектора[104] он ни за что не хотел отправляться в колонию, и мне пришлось лично ехать за ним. Он встретил меня, лежа на

кровати, презрительным взглядом:

– Пошли вы к черту, никуда я не поеду!

Меня предупредили о его героических достоинствах, и поэтому я с ним заговорил очень подходящим тоном:

– Мне очень неприятно вас беспокоить, сэр, но я принужден исполнить свой долг и очень прошу вас занять место в приготовленном для вас экипаже.

Опришко был сначала поражен моим «галантерейным обращением» и даже поднялся с кровати, но потом прежний каприз взял в нем верх, и он снова опустил голову на подушку.

– Сказал, что не поеду!.. И годи!

– В таком случае, уважаемый сэр, я, к великому сожалению, принужден буду применить к вам силу.

Опришко поднял с подушки кудрявую голову и посмотрел на меня с неподдельным удивлением:

– Смотри ты, откуда такой взялся? Так меня и легко взять силой!

– Имейте в виду…

Я усилил нажим в голосе и уже прибавил к нему оттенок иронии:

– …дорогой Опришко.

И вдруг заорал на него:

– Ну, собирайся, какого черта развалился! Вставай, тебе говорят!

Он сорвался с постели и бросился к окну:

– Ей-богу, в окно выпрыгну!

Я сказал ему с презрением:

– Или прыгай немедленно в окно, или отправляйся на воз, – мне с тобой волынить некогда.

Мы были на третьем этаже, поэтому Опришко засмеялся весело и открыто.

– Вот причепились!.. Ну, что ты скажешь? Вы заведующий колонией Горького?

– Да.

– Ну, так бы и сказали! Давно б поехали.

Он энергично бросился собираться в дорогу.

В колонии он участвовал решительно во всех операциях колонистов, но никогда не играл первую скрипку и, кажется, больше искал развлечений, чем какой-либо наживы.

Сорока был моложе Опришки, имел круглое смазливое лицо, был основательно глуп, косноязычен и чрезвычайно неудачлив. Не было такого дела, в котором он не «засыпался» бы. Поэтому, когда колонисты увидали его связанным рядом с Опришко, они были очень недовольны:

– Охота ж была Дмитру связываться с Сорокой…

Конвоирами оказались председательсовета и Мусий Карпович – наш старый знакомый.

Мусий Карпович в настоящую минуту держался с видом обиженного ангела. Лука Семенович был идеально трезв и начальственно неприступен. Его рыжая борода была аккуратно расчесана, под пиджаком надета чистейшая вышитая рубаха, – очевидно, недавно был в церкви.

Председатель начал:

– Хорошо вы воспитываете ваших колонистов.

– А вам какое до этого дело?

– А вот какое: людям от ваших воспитанников житья нет, на дороге грабят, крадут все.

– Эй, дядя, а ты имел право связывать их? – раздалось из толпы колонистов.

– Он думает, что это старый режим…

– Вот взять его в работу…

– Замолчите! – сказал я колонистам. – В чем дело, рассказывайте.

Заговорил Мусий Карпович.

– Повесила жинка спидныцю[105] и одеяло на плетни, а эти двое проходили, смотрю – уже нету. Я за ними, а они – бегом. Куда ж мне за ними гнаться! Да спасибо Лука Семенович из церкви идут, так мы их и задержали…

– Зачем связали? – опять из толпы.

– Да чтоб не повтикалы. Зачем…

– Тут не о том разговор, – заговорил председатель, – а пойдем протокола писать.

– Да можно и без протокола. Вернули ж вам веши?

– Мало чего! Обязательно протокола.

Председатель решил над нами покуражиться, и, правду сказать, основания были у него наилучшие: первый раз поймали колонистов на месте преступления.

Для нас такой оборот дела был очень неприятен. Протокол означал для хлопцев верный допр, а для колонии несмываемый позор.

– Эти хлопцы поймались в первый раз, – сказал я. – Мало ли что бывает между соседями! На первый раз нужно простить.

– Нет, – сказал рыжий, – какие там прощения! Пойдемте в канцелярию писать протокола.

Мусий Карпович тоже вспомнил.

– А помните, как меня таскали ночью? Топор и доси у вас, да штрафу заплатил сколько!

Да, крыть было нечем. Положили нас куркули на обе

лопатки. Я направил победителей в канцелярию, а сам сказал хлопцам со злобой:

– Допрыгались, черт бы вас побрал! «Спидныци» вам нужны! Теперь позора не оберетесь… Вот колотить скоро начну мерзавцев. А эти идиоты в допре насидятся.

Хлопцы молчали, потому что действительно допрыгались.

После такой ультрапедагогической речи и я направился в канцелярию.

Часа два я просил и уламывал председателя, обещал, что такого больше никогда не будет, согласился сделать новый колесный ход для сельсовета по себестоимости. Председатель наконец поставил только одно условие:

– Пусть все хлопцы попросят.

За эти два часа я возненавидел председателя на всю жизнь. Между разговорами у меня мелькала кровожадная мысль: может быть, удастся поймать этого председателя в темном углу, будут бить – не отниму.

Так или иначе, а выхода не было. Я приказал колонистам построиться у крыльца, на которое вышло начальство. Приложив руку к козырьку, я от имени колонии сказал, что мы очень сожалеем об ошибке наших товарищей, просим их простить и обещаем, что в дальнейшем такие случаи повторяться не будут. Лука Семенович сказал такую речь:

– Безусловно, что за такие вещи нужно поступать по всей строгости закона, потому что селянин – это безусловно труженик. И вот, если он повесил юбку, а ты ее берешь, то это враги народа, пролетариата, *который без юбки так оставить не может*. Мне, на которого возложили советскую власть, нельзя допускать такого беззакония, чтобы всякий бандит и преступник хватал. А что вы тут просите безусловно и обещаете, так это, кто его знает, как оно будет. Если вы просите низко и ваш заведующий, он должен воспитывать вас к честному гражданству, а не как бандиты. Я безусловно прощаю.

Я дрожал от унижения и злости. Опришко и Сорока, бледные, стояли в ряду колонистов.

Начальство и Мусий Карпович пожали мне руку, что-то говорили величественно-великодушное, но я их не слышал.

– Разойдись!

Над колонией разлилось и застыло знойное солнце. Притаились над землей запахи чебреца. Неподвижный воздух синими струями окостенел над лесом.

Я оглянулся вокруг. А вокруг была все та же колония, те же каменные коробки, те же колонисты, и завтра будет все то же: спидныци, председатель, Мусий Карпович, поездки в скучный,

засиженный мухами город. Прямо передо мной была дверь в мою комнату, в которой стояли «дачка» и некрашеный стол, а на столе лежала пачка махорки.

«Куда деваться? Ну что я могу сделать? Что я могу сделать?»

Я повернул в лес.

В сосновом лесу нет тени в полдень, но здесь всегда замечательно прибрано, далеко видно, и стройные сосенки так организованно, в таких непритязательных мизансценах умеют расположиться под небом.

Несмотря на то, что мы жили в лесу, мне почти не приходилось бывать в самой его гуще. Человеческие дела приковывали меня к столам, верстакам, сараям и спальням. Тишина и чистота соснового леса, пропитанный смолистым раствором воздух притягивали к себе. Хотелось никуда отсюда не уходить и самому сделаться вот таким стройным, мудрым, ароматным деревом и в такой изящной, деликатной компании стоять под синим небом.

Сзади хрустнула ветка. Я оглянулся: весь лес, сколько видно, был наполнен колонистами. Они осторожно передвигались в перспективе стволов, только в самых отдаленных просветах перебегали по направлению ко мне.

Я остановился, удивленный. Они тоже замерли на месте и смотрели на меня заостренными глазами, смотрели с каким-то неподвижным, испуганным ожиданием.

– Вы чего здесь? Чего вы за мною рыщете?

Ближайший ко мне Задоров отделился от дерева и грубовато сказал:

– Идемте в колонию.

У меня что-то брыкнуло в сердце.

– А что в колонии случилось?

– Да ничего… Идемте.

– Да говори, черт! Что вы, нанялись сегодня воду варить надо мной?

Я быстро шагнул к нему навстречу. Подошло еще два-три человека, остальные держались в сторонке. Задоров шепотом сказал:

– Мы уйдем, только сделайте для нас одно одолжение.

– Да что вам нужно?

– Дайте сюда револьвер.

– Револьвер?

Я вдруг догадался, в чем дело, и рассмеялся:

– Ах, револьвер! Извольте. Вот чудаки! Но ведь я же могу повеситься или утопиться в озере.

Задоров вдруг захохотал на весь лес.

– Да нет, пускай у вас! Нам такое в голову пришло. Вы гуляете? Ну, гуляйте. Хлопцы, назад!

Что же случилось?

Когда я повернул в лес, Сорока влетел в спальню:

– Ой, хлопци, голубчики ж, ой, скорийше идить в лес! Антон Семенович стреляться.

Его не дослушали и вырвались из спальни.

Вечером все были невероятно смущены, только Карабанов валял дурака и вертелся между кроватями, как бес. Задоров мило скалил зубы и все почему-то прижимался к цветущему личику Шелапутина. Бурун не отходил от меня и настойчиво-таинственно помалкивал. Опришко занимался истерикой: лежал в комнате у Козыря и ревел в грязную подушку. Сорока, избегая насмешек ребят, куда-то скрылся.

Задоров сказал:

– Давайте играть в фанты.

И мы действительно играли в фанты. Бывают же такие гримасы педагогики: сорок достаточно оборванных, в достаточной мере голодных ребят при свете керосиновой лампочки самым веселым образом занимались фантами. Только без поцелуев.

[22] О живом и мертвом

Весною нас к стенке прижали вопросы инвентаря. Малыш и Бандитка просто никуда не годились, на них нельзя было работать. Ежедневно с утра в конюшне Калина Иванович произносил контрреволюционные речи, упрекая советскую власть в бесхозяйственности и в безжалостном отношении к животным:

– Если ты строишь хозяйство, так и дай же живой инвентарь, а не мучай бессловесную тварь. Теорехтически это, конечно, лошадь, а прахтически так она падает, и жалко смотреть, а не то что работать.

Братченко вел прямую линию. Он любил лошадей просто за то, что они живые лошади, и всякая лишняя работа, наваленная на его любимцев, его возмущала и оскорбляла. На всякие домогательства и упреки он всегда имел в запасе убийственный довод:

– А вот если бы тебя заставили потягать плуг? Интересно бы послушать, как бы ты запел.

Разговоры Калины Ивановича он понимал как директиву не давать лошадей ни для какой работы. Но мы и требовать не имели охоты. Во второй колонии была уже отстроена конюшня, нужно было ранней весной перевести туда двух лошадей для вспашки и посева. Но переводить было нечего.

Как-то в разговоре с Черненко, председателем губернской РКИ, я рассказал о наших затруднениях: с мертвым инвентарем кое-как перекрутимся, на весну хватит, а вот с лошадьми беда. Ведь шестьдесят десятин! А не обработаем – что нам запоют селяне?

Черненко задумался и вдруг вскочил с радостью:

– Стой! У меня же здесь имеется хозяйственная часть. На весну нам лошадей столько не нужно. Я вам дам на время трех, кстати, и кормить не нужно будет, а вы месяца через полтора возвратите. Да вот поговори с нашим завхозом.

Завхоз РКИ оказался человеком крутым и хозяйственным. Он потребовал солидную плату за прокат лошадей: за каждый месяц пять пудов пшеницы и колеса для их экипажа.

– У вас же есть колесная.

– Разве же так можно? Шкуру сдираете! С кого?

– Я заведующий хозяйством, а не добрая барыня. Лошади какие! Я бы не дал ни за что – испортите, загоняете, знаю вас. Я таких лошадей два года собирал – не лошади, а красота!

Впрочем, я мог бы наобещать ему по сто пудов пшеницы и колеса для всех экипажей в городе. Нам нужны были лошади.

Завхоз написал договор в двух экземплярах, в котором все было изложено очень подробно и внушительно:

> «…именуемая в дальнейшем колонией… каковые колеса будут считаться переданными хозяйственной части губРКИ после приема их специальной комиссией и составления соответствующего акта… За каждый просроченный день возвращения лошадей колония уплачивает хозяйственной части губРКИ по десять фунтов пшеницы за одну лошадь… А в случае невыполнения колонией настоящего договора колония уплачивает неустойку в размере пятикратной стоимости убытков…»

На другой день Калина Иванович и Антон с большим торжеством въехали в колонию. Малыши с утра дежурили далеко на дороге; вся колония, даже воспитатели, томились в ожидании. Шелапутин с Тоськой выиграли больше всех: они встретили процессию на шоссе и немедленно взгромоздились на коней. Калина Иванович не способен был ни улыбаться, ни разговаривать, настолько наполнили его существо важность и недоступность. Антон даже головы не повернул в нашу сторону – вообще все живые существа потеряли для него всякую цену, кроме тройки вороных лошадей, привязанных сзади к нашему возу.

Калина Иванович вылез из гробика, стряхнул солому с пиджака и сказал Антону:

– Ты ж там смотри, поставить как следует, это тебе не какие-нибудь Бандитки.

Антон, бросив отрывистые распоряжения своим помощникам, запихивал старых любимцев в самые дальние и неудобные станки, грозил чересседельником любопытным, заглядывающим в конюшню, а Калине Ивановичу ответил по-приятельски грубовато:

– Упряжь гони, Калина Иванович, это барахло не годится!

Лошади были все вороные, высокие и упитанные. Они принесли с собою старые клички, и это в глазах колонистов сообщало им некоторую родовитость. Звали их: Зверь, Коршун и Мэри.

Впрочем, Зверь скоро разочаровал нас: это был видный жеребец, но для сельскохозяйственной работы не подходил, скоро уставал и задыхался. Зато Коршун и Мэри оказались во всех отношениях удобными коняками: сильными, тихими, красивыми. Надежды Антона на какую-то чудесную рысь, благодаря которой он надеялся затмить нашим выездом всех городских извозчиков, правда, оказались напрасными, но в плуге и в сеялке они были

великолепны, и Калина Иванович только кряхтел от удовольствия, докладывая мне по вечерам, сколько вспахано и сколько засеяно. Беспокоило его только в высшей степени неудобное ведомственное положение лошадиных хозяев.

– Все это хорошо, знаешь, а только с этим РКИ связываться… как-то оно… Что захотят, *паразиты*, то и сделают. А жалиться куда ж пойдешь? В РКИ?

Во второй колонии зашевелилась жизнь. Один из домов был закончен, и в нем поселились шесть колонистов. Жили они там без воспитателя и без кухарки, запасались кое-какими продуктами из нашей кладовой и кое-как сами готовили себе пищу в печурке в саду. На обязанности их лежало: охранять сад и постройки, держать переправу на Коломаке и работать в конюшне, в которой стояли две лошади и где эмиссаром Братченко сидел Опришко. Сам Антон решил остаться в главной колонии: здесь было люднее и веселее. Он ежедневно совершал инспекторские наезды во вторую колонию, и его посещений побаивались не только конюхи, не только Опришко, но и все колонисты.

На полях второй колонии шла большая работа. Шестьдесят десятин все были засеяны, правда, без особенного агрономического умения и без правильного плана полей, но были там и пшеница озимая, и пшеница яровая, и рожь, и овес. Несколько десятин было под картофелем и свеклой. Здесь требовались полка и окучивание, и нам поэтому приходилось разрываться на части. В это время в колонии было уже шестьдесят колонистов.

Между первой и второй колониями в течение всего дня и до самой глубокой ночи совершалось движение: проходили группы колонистов на работу и с работы, проезжали наши подводы с семенным материалом, фуражом и продуктами для колонистов, проезжали наемные селянские подводы с материалами для постройки, Калина Иванович в стареньком кабриолете, который он где-то выпросил, верхом на Звере проносился Антон, замечательно ловко сидя в седле.

По воскресеньям почти вся колония отправлялась купаться к Коломаку, – колонисты, воспитатели, а за ними как-то понемногу приучились собираться на берегу уютной, веселой речушки соседние парубки и девчата, комсомольцы с Пироговки и Гончаровки и кулацкие сынки с наших хуторов. Наши столяры выстроили на Коломаке небольшую пристань, и мы держали на ней флаг с буквами «КГ». Между пристанью и нашим берегом целый день курсировала зеленая лодка с таким же флагом, обслуживаемая Митькой Жевелием и Витькой Богоявленским.

Наши девчата, хорошо разбираясь в значении нашего представительства на Коломаке, из разных остатков девичьих нарядов сшили Митьке и Витьке матросские рубашки, и много пацанов как в колонии, так и на много километров кругом свирепо завидовали этим двум исключительно счастливым людям. Коломак сделался центральным нашим клубом.

В самой колонии было весело и звучно от постоянного рабочего напряжения, от неизбывной рабочей заботы, от приезда селян-заказчиков, от воркотни Антона и сентенций Калины Ивановича, от неистощимого хохота и проделок Карабанова, Задорова и Белухина, от непременных неудач Сороки и Галатенко, от струнного звона сосен, от солнца и молодости.

К этому времени мы уже забыли, что такое грязь, что такое вши и чесотка. Колония блистала чистотой и новыми заплатами, аккуратно наложенными на каждое подозрительное место, все равно на каком предмете: на штанах, на заборе, на стенке сарая, на старом крылечке. В спальнях стояли те же «дачки», но на них запрещалось сидеть днем, и для этого специально имелись некрашеные сосновые лавки. В столовой такие же некрашеные столы ежедневно скоблились особыми ножами, сделанными в кузнице.

В кузнице к этому времени совершились существенные перемены. Дьявольский план Калины Ивановича был уже выполнен полностью: Голованя прогнали за пьянство и контрреволюционные собеседования с заказчиками, но кузнечное оборудование Головань и не пытался получить обратно – безнадежное это было дело. Он только укоризненно и «*по-хохлятски*» иронически покачал головой, когда уходил:

– И вы такие ж хозяева, як и вси, – ограбили чоловика, от и хозяева!

Белухина такими речами нельзя было смутить, человек недаром читал книжки и жил между людьми. Он бодро улыбнулся в лицо Голованя и сказал:

– Какой ты несознательный гражданин, Софрон! Работаешь у нас второй год, а до сих пор не понимаешь: это ведь орудия производства.

– Ну, я ж и кажу…

– А орудия производства должны, понимаешь, по науке, принадлежать пролетариату. А вот тебе и пролетариат стоит, видишь?

И он показал Голованю настоящих живых представителей славного класса пролетариев: Задорова, Вершнева и Кузьму Лешего.

В кузнице командует Семен Богданенко, настоящий

потомственный кузнец, фамилия, пользующаяся старой славой в паровозных мастерских. У Семена в кузнице военная дисциплина и чистота: все гладилки, молотки и молоты чинно глядят каждый с назначенного ему места, земляной пол выметен, как в хате у хорошей хозяйки, на горне не просыпано ни одного грамма угля, а с заказчиками разговоры очень короткие и ясные:

– Здесь тебе не церковь – нечего торговаться.

Семен Богданенко грамотен, чисто выбрит и никогда не ругается.

В кузнице работы по горло: и наш инвентарь и селянский. Другие мастерские в это время почти прекратили работу, только Козырь с двумя колонистами по-прежнему возился в своем колесном сарайчике: на колеса спрос не уменьшался.

Для хозяйственной части РКИ нужны были особые колеса – под резиновые шины, а таких колес Козырь никогда не делал. Он был очень смущен этой гримасой цивилизации и каждый вечер после работы грустил:

– Не знали мы этих резиновых шин. Господь наш Иисус Христос пешком ходил и апостолы… а теперь люди на железных шинах пусть бы ездили.

Калина Иванович строго говорил Козырю:

– А железная дорога? А автомобиль? Как, по-твоему? Что ж с того, что твой господь пешком ходив? Значит, некультурный или, может, деревенский, такой же, как и ты. А может, и ходив того, что голодранець, а як бы посадив кто на машину, так и понравилось бы. А то – «пешком ходив»! Стыдно старому человеку такое говорить.

Козырь несмело улыбнулся и растерянно шептал:

– Если б посмотреть, как это под резиновые шины, так, может, с божьей помощью и сделали бы. А на сколько ж спиц, господь его знает?

– Да ты пойди в РКИ и посмотри. Посчитай.

– Господи прости, где мне, старому, найти такое?

Как-то в середине июня Черненко захотел ребятам доставить удовольствие:

– Я тут кое с кем говорил, так к вам балерины приедут, пусть ребята посмотрят. У нас в оперном, знаешь, хорошие балерины. Ты вечерком их доставь туда.

– Это хорошо.

– Только смотри, народ они нежный, а твои бандиты их перепугают чем. Да на чем ты их довезешь?

– А у нас есть экипаж.

– Видел я. Не годится. Ты пришли лошадей, а экипаж пусть возьмут мой, здесь запрягут и – за балеринами. Да на дороге

поставь охрану, а то еще попадутся кому в лапы: вещь соблазнительная.

Балерины приехали поздно вечером, всю дорогу дрожали, смешили Антона, который их успокаивал:

– Да чего вы боитесь, у вас же и взять нечего. Это не зима: зимой шубы забрали бы.

Наша охрана, неожиданно вынырнувшая из лесу, привела балерин в такое состояние, что по приезде в колонию их немедленно нужно было поить валерьянкой.

Танцевали они очень неохотно и сильно не понравились ребятам. Одна, помоложе, с великолепной и выразительной смуглой спиной, в течение вечера всю эту спину истратила на выражение высокомерного и брезгливого равнодушия ко всей колонии. Другая, постарше, поглядывала на нас с нескрываемым страхом. Ее вид особенно раздражал Антона:

– Ну, скажите, пожалуйста, стоило пару коней гонять в город и обратно, а потом опять в город и обратно? Я вам таких и пешком приведу сколько угодно из города.

– Так те танцевать не будут! – смеется Задоров.

– Ого! Хиба ж так?

За роялем, давно уже украшавшим одну из наших спален, – Екатерина Григорьевна. Играет она слабо, и музыка ее не приспособлена к балету, а балерины не настолько деликатны, чтобы как-нибудь замять два-три такта. Они обиженно изнемогают от варварских ошибок и остановок. Кроме того, они страшно спешили на какой-то интересный вечер.

Пока у конюшни, при фонарях и шипящей ругани Антона, запрягали лошадей, балерины страшно волновались: они обязательно опоздают на вечер. От волнения и презрения к этой провалившейся в темноте колонии, к этим притихшим колонистам, к этому абсолютно чуждому обществу они ничего даже не могли выразить, а только тихонько стонали, прислонившись друг к другу. Сорока на козлах бузил по поводу каких-то постромок и кричал, что он не поедет. Антон, не стесняясь присутствием гостей, отвечал Сороке:

– Ты кто – кучер или балерина? Так чего ты танцуешь на козлах? Ты не поедешь? Вставай!..

Сорока наконец дергает вожжами. Балерины замерли и в предсмертном страхе поглядывают на карабин, перекинутый через плечи Сороки. Все-таки тронулись. И вдруг снова крик Братченко:

– Да что ты, ворона, наделал? Чи тебе повылазило, чи ты сказывся, как ты запрягал? Куда ты Рыжего поставил, куда ты Рыжего всунул? Перепрягай! Коршуна под руку, – сколько раз

тебе говорил!

Сорока не спеша стаскивает винтовку и укладывает на ноги балерин. Из фаэтона раздаются слабые звуки сдерживаемых рыданий.

Карабанов за моей спиной говорит:

– Таки добрало. А я думал, что не доберет. Молодцы хлопци!

Через пять минут экипаж снова трогается. Мы сдержанно прикладываем руки к козырькам фуражек, без всякой, впрочем, надежды получить ответное приветствие. Резиновые шины запрыгали по камням мостовой, но в это время мимо нас летит вдогонку за экипажем нескладная тень, размахивает руками и орет:

– Стойте! Постойте ж, ради Христа! Ой, постойте ж, голубчики!

Сорока в недоумении натягивает вожжи, одна из балерин подскакивает с сиденья.

– От было забыл, прости, царица небесная! Дайте ось спицы посчитаю…

Он наклоняется над колесом, рыдания из фаэтона сильнее, и к ним присоединяется приятное контральто:

– Ну, успокойся же, успокойся…

Карабанов отталкивает Козыря от колеса:

– Иди ты, дед, к…

Но сам Карабанов не выдерживает, фыркает и опрокидывается в лес.

Я тоже выхожу из себя:

– Трогай, Сорока, довольно волынить! Нанялись, что ли?!

Сорока лупит с размаху Коршуна. Колонисты заливаются откровенным смехом, под кустом стонет Карабанов, даже Антон хохочет:

– Вот будет потеха, если еще и бандиты остановят! Тогда обязательно опоздают на вечер.

Козырь растерянно стоит в толпе и никак не может понять, какие важные обстоятельства могли помешать посчитать спицы.

За разными заботами мы и не заметили, как прошли полтора месяца. Завхоз РКИ приехал к нам минута в минуту.

– Ну, как наши лошади?

– Живут.

– Когда вы их пришлете?

Антон побледнел:

– Как это – «пришлете»? Ого, а кто будет работать?

– Договор, товарищи, – сказал завхоз черствым голосом, – договор. А пшеницу когда можно получить?

– Что вы! Надо же собрать да обмолотиться, пшеница еще в поле.

– А колеса?

– Да, понимаете, наш колесник спицы не посчитал, не знает, на сколько спиц делать колеса. И размеры ж…

Завхоз чувствовал себя большим начальством в колонии. Как же, завхоз РКИ!

– Придется платить неустойку по договору. По договору. И с сегодняшнего дня, знайте же, десять фунтов в день, десять фунтов пшеницы. Как хотите.

Завхоз уехал. Братченко со злобой проводил его беговые дрожки и сказал коротко:

– Сволочь!

Мы были очень расстроены. Лошади до зарезу нужны, но не отдавать же ему весь урожай!

Калина Иванович ворчал:

– Я им не отдам пшеницу, этим паразитам: пятнадцать пудов в месяц, а теперь еще по десять фунтов. Они там пишут все по теории, а мы, значит, хлеб робым. А потом им и хлеб отдай, и лошадей отдай. Где хочешь, бери, а пшеницы я не дам!

Ребята отрицательно относились к договору:

– Если им пшеницу отдавать, так пусть она лучше на корне посохнет. Або нехай забирают пшеницу, а лошадей нам оставят.

Братченко решил вопрос более примирительно:

– Вы можете и пшеницу отдавать, и жито, и картошку, а лошадей я не отдам. Хоть ругайтесь, хоть не ругайтесь, а лошадей они не увидят.

Наступил июль. На лугу ребята косили сено, и Калина Иванович расстраивался:

– Плохо косят хлопцы, не умеют. Так это ж сено, а как же с житом будет, прямо не знаю. Жито ж семь десятин, да пшеницы восемь десятин, да яровая, да овес. Что ты его будешь делать? Надо непременно жатку покупать.

– Что ты, Калина Иванович? За какие деньги купишь жатку?

– Хоть лобогрейку. Стоила раньше полтораста рублей або двести.

Вечером он пришел ко мне и принес пригоршню жита:

– Видишь, через два дня, никак не позже, убирать.

Готовились косить жито косами. Жатву решили открыть торжественно, праздником первого снопа. В нашей колонии на теплом песке жито поспевало раньше, и это было удобно для устройства праздника, к которому мы готовились как к очень большому торжеству. Было приглашено много гостей, варили хороший обед, выработали красивый и значительный ритуал

торжественного начала жатвы. Уже украсили арками и флагами поле, уже пошили хлопцам свежие костюмы, но Калина Иванович был сам не свой.

– Пропал урожай! Пока выкосят, посыплется жито. Для ворон работали.

Но в сараях колонисты натачивали косы и приделывали к ним грабельки, успокаивая Калину Ивановича:

– Ничего не пропадет, Калина Иванович, все будет, как у настоящих граков.

Было назначено восемь косарей.

В самый день праздника рано утром разбудил меня Антон.

– Там дядько приехал и жатку привез.

– Какую жатку?

– Привез такую машину. Здоровая, с крыльями – жатка. Говорит, чи не купят?

– Так ты его отправь. За какие же деньги – ты же знаешь…

– А он говорит: може, променяют. Он на коня хочет променять.

Оделся я, вышел к конюшне. Посреди двора стояла жатвенная машина, еще не старая, видно, для продажи специально выкрашенная.

Вокруг нее толпились колонисты, и тут же злобно посматривал на жатку, и на хозяина, и на меня Калина Иванович.

– Что это он, в насмешку приехав, что ли? Кто его сюда притащив?

Хозяин распрягал лошадей. Человек аккуратный, с благообразной сивой бородой.

– А почему продаешь? – спросил Бурун.

Хозяин оглянулся:

– Да сына женить треба. А у меня есть жатка, – другая жатка, с нас хватит, а вон коня нужно сыну дать.

Карабанов зашептал мне на ухо:

– Брешет. Я этого дядька знаю… Вы не с Сторожевого?

– Эге ж, с Сторожевого. А ты ж що ж тут? А чи ты не Семен Карабан? Панаса сынок?

– Так как же! – обрадовался Семен. – Так вы ж Омельченко? Мабудь, боитесь, що отберут? Ага ж?

– Та оно и то, що отобрать могуть, да и сына женить же…

– А хиба ваш сын доси не в банде?

– Що вы, Христос з вами!..

Семен принял на себя руководство всей операцией. Он долго беседовал с хозяином возле морд лошадей, они друг другу кивали головами, хлопали по плечам и локтям. Семен имел вид настоящего хозяина, и было видно, что и Омельченко относится к

нему, как к человеку понимающему.

Через полчаса Семен открыл секретное совещание на крыльце у Калины Ивановича. На совещании присутствовали я, Калина Иванович, Карабанов, Бурун, Задоров, Братченко и еще двое-трое старших колонистов. Остальные в это время стояли вокруг жатки и молчаливо поражались тому, что на свете у некоторых людей существует такое механическое счастье.

Семен объяснил, что дядько хочет получить за жатку коня, что в Сторожевом будут производить учет машин и хозяин боится, что отберут даром, а коня не отберут, потому что он женит сына.

– Може, и правда, а може, и нет, не наше дело, – сказал Задоров, – а жатку нужно взять. Сегодня и в поле пустим.

– Какого же ты коня отдашь? – спросил Антон. – Малыш и Бандитка никуда не годятся, Рыжего, что ли, отдашь?

– Да хоть бы и Рыжего, – сказал Задоров. – Это же жатка!

– Рыжего? – А ты это вид…

Карабанов перебил горячего Антона:

– Нет, Рыжего ж, конечно, нельзя отдавать. Один конь в колонии, на что Рыжего? Давайте дадим Зверя. Конь видный и на племя еще годится.

Семен хитро глядел на Калину Ивановича.

Калина Иванович даже не ответил Семену. Выбил трубку о ступеньку крыльца, поднялся:

– Некогда мне с вами глупостями заниматься.

И ушел в свою квартиру.

Семен проводил его прищуренным глазом и зашептал:

– Серьезно, Антон Семенович, отдавайте Зверя, все перемелется, а жатка у нас будет.

– Посадят.

– Кого?.. Вас? Да никогда в жизни! Жатка ж дороже коня стоит. Пускай РКИ возьмет вместо Зверя жатку. Что ему, не все равно? Никакого же убытка, а мы успеем с хлебом. Все равно же от Зверя никакого толку…

Задоров увлекательно рассмеялся:

– Вот история! А в самом деле!..

Бурун молчал и, улыбаясь, шевелил у рта житным колосом.

Антон с сияющими глазами смеялся:

– Вот будет потеха, если РКИ жатку в фаэтон запряжет… вместо Зверя.

Ребята смотрели на меня горящими глазами.

– Ну, решайте, Антон Семенович… решайте, ничего нет страшного. Если и посадят, то не больше, как на неделю.

Бурун наконец сделался серьезным и сказал:

– Как ни крути, а отдавать жеребца нужно. Иначе нас все дураками назовут. И РКИ назовет.

Я посмотрел на Буруна и сказал просто:

– Верно! Выводи, Антон, жеребца!

Все бросились к конюшне.

Хозяину Зверь понравился. Калина Иванович дергал меня за рукав и говорил шепотом:

– Чи ты сказывся? Што, тебе жизнь надоела? Та хай она сказыться и колония, и жито… Чего ты лезешь?

– Брось, Калина… Все равно. Будем жать жаткой.

Через час хозяин уехал с Зверем. А еще через два часа в колонию приехал Черненко и увидел во дворе жатку.

– О, молодцы! Где это вы выдрали такую прелесть?

Хлопцы вдруг затихли, как перед грозой. Я с тоской посмотрел на Черненко и сказал:

– Случайно удалось.

Антон хлопнул в ладоши и подпрыгнул:

– Выдрали чи не выдрали, товарищ Черненко, а жатка есть. Хотите сегодня поработать?

– На жатке?

– На жатке.

– Идет, вспомним старину!.. А ну, давай ее проверим.

Черненко с ребятами до начала праздника возился с жаткой: смазывали, чистили, что-то прилаживали, проверяли.

На празднике после первого торжественного момента Черненко сам залез на жатку и застрекотал по полю. Карабанов давился от смеха и кричал на все поле:

– Он! Хозяина сразу видно.

Завхоз РКИ ходил по полю и приставал ко всем:

– А что это Зверя не видно? Где Зверь?

Антон показывал кнутом на восток:

– Зверь во второй колонии. Там завтра жито жать будем, пусть отдохнет.

В лесу были накрыты столы. За торжественным обедом ребята усадили Черненко, угощали пирогами и борщом и занимали разговорами.

– Это вы славно устроили: жатку.

– Правда ж, добре?

– Добре, добре.

– А что лучше, товарищ Черненко, конь или жатка? – стреляет глазами по всему фронту Братченко.

– Ну, это разно сказать можно. Смотря какой конь.

– Ну вот, например, если такой конь, как Зверь?

Завхоз РКИ опустил ложку и тревожно задвигал ушами.

Карабанов вдруг прыснул и спрятал голову под стол. За ним в припадке смеха зашатались за столом хлопцы. Завхоз вскочил и давай оглядываться по лесу, как будто помощи ищет. А Черненко ничего не понимает:

– Чего это они? А разве Зверь – плохой конь?

– Мы променяли Зверя на жатку, сегодня променяли, – сказал я отнюдь без всякого смеха.

Завхоз повалился на лавку, а Черненко и рот разинул. Все притихли.

– Променяли на жатку? – пробормотал Черненко и глянул на завхоза.

Обиженный завхоз вылез из-за стола.

– Мальчишеское нахальство и больше ничего. Хулиганство, своеволие…

Черненко вдруг радостно улыбнулся:

– Ах, сукины сыны! В самом деле? Что же с жаткой будем делать?

– Ну что же, у нас договор: пятикратный размер убытков, – жестко пилил завхоз.

– Брось, – сказал Черненко с неприязнью. – Ты на такую вещь не способен.

– Я?

– Вот именно, не способен, а поэтому закройся. А вот они способны. Им нужно жать, так они знают, что хлеб дороже твоих пятикратных, понимаешь? А что они нас с тобой не боятся, так это тоже хорошо. Одним словом, мы им жатку сегодня дарим.

Разрушая парадные столы и душу завхоза РКИ, ребята подбросили Черненко вверх. Когда он, отряхиваясь и хохоча, встал наконец на ноги, к нему подошел Антон и сказал:

– Ну, а Мэри и Коршун как же?

– Что – «как же»?

– Ему отдавать? – кивнул Антон на завхоза.

– А что же, и отдашь.

– Не отдам, – сказал Антон.

– Отдашь, довольно с тебя жатки! – рассердился Черненко. Но Антон тоже рассердился:

– Забирайте вашу жатку! На черта ваша жатка? Что, в нее Карабанова запрягать будем?

Антон ушел в конюшню.

– Ах, и сукин же сын! – сказал озабоченно Черненко.

Кругом притихли. Черненко оглянулся на завхоза:

– Влезли мы с тобой в историю. Ты им продай как-нибудь там в рассрочку, черт с ними: хорошие ребята, даром что бандиты. Пойдем, найдем этого черта вашего сердитого.

Антон в конюшне лежал на куче сена.
– Ну, Антон, я тебе лошадей продал.
Антон поднял голову:
– А не дорого?
– Как-нибудь заплатите.
– Вот это дело, – сказал Антон, – вы умный человек.
– Я тоже так думаю, – улыбнулся Черненко.
– Умнее вашего завхоза.

[23] Вредные деды

Летом по вечерам чудесно в колонии. Просторно раскинулось ласковое живое небо, опушка леса притихла в сумерках, силуэты подсолнухов на краях огородов собрались и отдыхают после жаркого дня, теряется в неясных очертаниях вечера прохладный и глубокий спуск к озеру. У кого-нибудь на крыльце сидят, и слышен невнятный говор, а сколько человек там и что за компания – не разберешь.

Наступает такой час, когда как будто еще светло, но уже трудно различать и узнавать предметы. В этот час в колонии всегда кажется пусто. Спрашиваешь себя: да куда же это подевались хлопцы? Пройдитесь по колонии и вы увидите их всех. Вот в конюшне человек пять совещаются у висящего на стене хомута, в пекарне целое заседание – через полчаса будет готов хлеб, и все люди, прикосновенные к этому делу, к ужину, к дежурству по колонии, расположились на скамьях в чисто убранной пекарне и тихонько беседуют. Возле колодца разные люди случайно оказались вместе: тот с ведром бежал за водой, тот шел мимо, а третьего остановили потому, что еще утром была в нем нужда: все забыли о воде и вспомнили о чем-то другом, может быть, и неважном… но разве бывает что-нибудь неважное в хороший летний вечер?

У самого края двора, там, где начинается спуск к озеру, на поваленной вербе, давно потерявшей кору, уселась целая стайка, и Митягин рассказывает одну из своих замечательных сказок:

– …Значит, утром и приходят люди в церковь, смотрят – нет ни одного попа. Что такое? Куда попы девались? А сторож и говорит: «То ж, наверное, наших попов черт носил сегодня в болото. У нас же четыре попа». – «Четыре». – «Ну, так оно и есть: четыре попа за ночь в болото перетащил…»

Ребята слушают тихонько, с горящими глазами, иногда только радостно взвизгивает Тоська: ему не столько нравится черт, сколько глупый сторож, который целую ночь смотрел и не разобрал, своих попов или чужих черт таскал в болото. Представляются все эти одинаковые, безыменные жирные попы, все это хлопотливое, тяжелое предприятие, – подумайте, перетаскать их всех на плечах в болото! – все это глубокое безразличие к их судьбе, такое же вот безразличие, какое бывает при истреблении клопов.

В кустах бывшего сада слышится взрывной смех Оли Вороновой, ей отвечает баритонный поддразнивающий говорок Буруна, снова смех, но уже не одной Оли, а целого девичьего

хора, и на поляну вылетает Бурун, придерживая на голове смятую фуражку, а за ним веселая пестрая погоня. На полянке остановился заинтересованный Шелапутин и не знает, что ему делать – смеяться или удирать, ибо у него тоже с девочками старые счеты.

Но тихие, задумчивые, лирические вечера не всегда соответствовали нашему настроению. И кладовые колонии, и селянские погреба, и даже квартиры воспитателей не перестали еще быть ареной дополнительной деятельности, хотя и не столь продуктивной, как в первый год нашей колонии. Пропажа отдельных вещей в колонии вообще сделалась редким явлением. Если и появлялся в колонии новый специалист по таким делам, он очень быстро начинал понимать, что ему приходится иметь дело не с заведующим, а с значительной частью коллектива, а коллектив в своих реакциях был чрезвычайно жесток. В начале лета мне с трудом удалось вырвать из рук колонистов одного из новеньких, которого ребята поймали при попытке залезть через окно в комнату Екатерины Григорьевны. Его били с той слепой злобой и безжалостностью, на которую способна только толпа. Когда я очутился в этой толпе, меня с такой же злобой отшвырнули в сторону, и кто-то закричал в горячке:

– Уберите Антона к чертям!

Летом в колонию был прислан комиссией Кузьма Леший. Его кровь наверняка наполовину была цыганской. На смуглом лице Лешего были хорошо пригнаны и снабжены прекрасным вращательным аппаратом огромные черные глаза, и этим глазам от природы было дано определенное назначение: смотреть за тем, что плохо лежит и может быть украдено. Все остальные части тела Лешего слепо подчинялись распорядительным приказам цыганских глаз: ноги несли Лешего в ту сторону, в которой находился плохо лежащий предмет, руки послушно протягивались к нему, спина послушно изгибалась возле какой-нибудь естественной защиты, уши напряженно прислушивались к разным шорохам и другим опасным звукам. Какое участие принимала голова Лешего во всех этих операциях – невозможно сказать. В дальнейшей истории колонии голова Лешего была достаточно оценена, но в первое время она для всех колонистов казалась самым ненужным предметом в его организме.

И горе и смех были с этим Лешим! Не было дня, чтобы он в чем-нибудь не попался: то сопрет с воза, только что прибывшего из города, кусок сала, то в кладовке из-под рук стянет горсть сахарного песку, то у товарища из кармана вытрусит махорку, то по дороге из пекарни в кухню слопает половину хлеба, то у воспитателя в квартире во время делового разговора возьмет

столовый нож. Леший никогда не пользовался сколько-нибудь сложным планом или самым пустяковым инструментом: так уж он был устроен, что лучшим инструментом считал свои руки. Хлопцы пробовали его бить, но Леший только ухмылялся:

– Да чего ж там бить меня? Я ж и сам не знаю, как оно так случилось, хоть бы и вы были на моем месте.

Кузьма очень веселый парень. В свои шестнадцать лет он вложил большой опыт, много путешествовал, много видел, сидел понемногу во всех губернских тюрьмах, был грамотен, остроумен, страшно ловок и неустрашим в движениях, замечательно умел «садить гопака» и не знал, что такое смущение.

За эти все качества ему многое прощали колонисты, но все же его исключительная вороватость нам начинала надоедать. Наконец, он попал в очень неприятную историю, которая надолго привязала его к постели. Как-то ночью залез он в пекарню и был крепко избит поленом. Наш пекарь, Костя Ветковский, давно уже страдал от постоянных недостатков хлеба при сдаче, от уменьшенного припека, от неприятных разговоров с Калиной Ивановичем. Костя устроил засаду и был удовлетворен свыше меры: прямо на его засаду ночью прилез Леший. Наутро пришел Леший к Екатерине Григорьевне и просил помощи. Рассказал, что лазил на дерево рвать шелковицу и вот так исцарапался. Екатерина Григорьевна очень удивилась такому кровавому результату простого падения с дерева, но ее дело маленькое: перевязала Лешему физиономию и отвела в спальню, ибо без ее помощи Леший до спальни не добрался бы. Костя до поры до времени никому не рассказывал о подробностях ночи в пекарне: он занят был в свободное время в качестве сиделки у постели Кузьмы и читал ему «Приключения Тома Сойера»[106].

Когда Леший выздоровел, он сам рассказал обо всем происшедшем и сам первый смеялся над своим несчастьем.

Карабанов сказал Лешему:

– Слухай, Кузьма, если бы мне так не везло, я давно бы бросил красть. Ведь так тебя и убьют когда-нибудь.

– Я и сам так думаю, чего это мне не везет? Это, наверное, потому, что я не настоящий вор. Надо будет еще раза два попробовать, а если ничего не выйдет, то и бросить. Правда же, Антон Семенович?

– Раза два? – ответил я. – В таком случае не нужно откладывать, попробуй сегодня, все равно ничего не выйдет. Не годишься ты на такие дела.

– Не гожусь?

– Нет. Вот кузнец из тебя хороший выйдет, Семен Петрович говорил.

– Говорил?

– Говорил. Только он еще говорил, что ты в кузнице два новых метчика спер, – наверное, они у тебя сейчас в карманах.

Леший покраснел, насколько *в силах было покраснеть его черной роже*.

Карабанов схватил Лешего за карман и заржал так, как умел ржать только Карабанов:

– Ну, конечно же, у него! Вот тебе уже первый раз и есть – засыпался.

– От черт! – сказал Леший, выгружая карманы.

Вот только такие случаи встречались у нас внутри колонии. Гораздо хуже было с так называемым окружением. Селянские погреба по-прежнему пользовались симпатиями колонистов, но это дело теперь было в совершенстве упорядочено и приведено в стройную систему. В погребных операциях принимали участие исключительно старшие, малышей не допускали и безжалостно и искренно возбуждали против них уголовные обвинения при малейшей попытке спуститься под землю. Старшие достигли настолько выдающейся квалификации, что даже кулацкие языки не смели обвинять колонию в этом грязном деле. Кроме того, я имел все основания думать, что оперативным руководством всех погребных дел состоит такой знаток, как Митягин.

Митягин рос вором. В колонии он не брал потому, что уважал людей, живущих в колонии, и прекрасно понимал, что взять в колонии – значит обидеть хлопцев. Но на городских базарах и у селян ничего святого не было для Митягина. По ночам он часто не бывал в колонии, по утрам его с трудом поднимали к завтраку. По воскресеньям он всегда просился в отпуск и приходил поздно вечером, иногда в новой фуражке или шарфе и всегда с гостинцами, которыми угощал всех малышей. Малыши Митягина боготворили, но он умел скрывать от них свою откровенную воровскую философию.

Ко мне Митягин относился по-прежнему любовно, но о воровстве мы с ним никогда не говорили. Я знал, что разговоры ему помочь не могли.

Все-таки Митягин меня сильно беспокоил. Он был умнее и талантливее многих колонистов и поэтому пользовался всеобщим уважением. Свою воровскую натуру он умел показывать в каком-то неотра зимо привлекательном виде. Вокруг него всегда был штаб из старших ребят, и этот штаб держался с митягинской тактичностью, с митягинским признанием колонии, с уважением к воспитателям. Чем занималась вся эта компания в темные тайные часы, узнать было затруднительно. Для этого нужно было либо шпионить, либо выпытывать кой у кого из колонистов, а мне

казалось, что таким путем я сорву развитие так трудно родившегося тона.

Если я случайно узнавал о том или другом похождении Митягина, я откровенно громил его на собрании, иногда накладывал взыскание, вызывал к себе в кабинет и ругал наедине. Митягин обыкновенно отмалчивался с идеально спокойной физиономией, приветливо и расположенно улыбался, уходя, неизменно говорил ласково и серьезно:

– Спокойной ночи, Антон Семенович!

Он был открытым сторонником чести колонии и очень негодовал, когда кто-нибудь «засыпался».

– Я не понимаю, откуда берется это дурачье? Лезет, куда у него руки не стоят.

Я предвидел, что с Митягиным придется расстаться. Обидно было признать свое бессилие и жалко было Митягина. Он сам, вероятно, тоже считал, что в колонии ему сидеть нечего, но и ему не хотелось покидать колонию, где у него завелось порядочное число приятелей и где все малыши липли к нему, как мухи на сахар.

Хуже всего было то, что митягинской философией начинали заражаться такие, казалось бы, крепкие колонисты, как Карабанов, Вершнев, Волохов. Настоящую и открытую оппозицию Митягину составлял один Белухин. Интересно, что вражда Митягина и Белухина никогда не принимала форм сварливых столкновений, никогда они не вступали в драки и даже не ссорились. Белухин открыто говорил в спальне, что, пока в колонии будет Митягин, у нас не переведутся воры. Митягин слушал его с улыбкой и отвечал незлобливо:

– Не всем же, Матвей, быть честными людьми. Какого б черта стоила твоя честность, если бы воров не было? Ты только на мне и зарабатываешь.

– Как – я на тебе зарабатываю? Что ты врешь?

– Да обыкновенно как. Я вот украду, а ты не украдешь, вот тебе и слава. А если бы никто не крал, все были бы одинаковые. Я так считаю, что Антону Семеновичу нужно нарочно привозить таких как я. А то таким как ты никакого ходу не будет.

– Что ты все врешь! – говорил Белухин. – Ведь есть же такие государства, где воров нету. Вот Дания, и Швеция, и Швейцария. Я читал, что там совсем нет воров.

– Н-н-ну, это б-б-брехня, – вступился Вершнев, – и т-там к-к-крадут. А ч-что ж х-хорошего, ч-что воров н-нет? Зато они… Ддания и Швейцар-р-рия – мелочь.

– А мы что?

– А м-мы, в-вот в-видишь, в-вот у-у-у-увидишь, к-как себя п-п-

покажем, в-вот р-р-революция, в-видишь, к-к-к-какая!..

– Такие как вы первые против революции стоите, вот что!..

За такие речи больше всех и горячее всех сердился Карабанов. Он вскакивает с постели, потрясает кулаком в воздухе и свирепо прицеливается черными глазами в добродушное лицо Белухина:

– Ты чего здесь разошелся? Думаешь, если я с Митягиным лишнюю булку съел, так это вред для революции? Вы всё привыкли на булки мерять…

– Да что ты мне свою булку в глаза стромляешь? Не в булке дело, а в том, что ты, как свинья, ходишь, носом землю разрываешь.

К концу лета деятельность Митягина и его товарищей была развернута в самом широком масштабе на соседних баштанах. В наших краях в то время очень много сеяли арбузов и дынь, некоторые зажиточные хозяева отводили под них по нескольку десятин.

Арбузные дела начались с отдельных набегов на баштаны. Кража с баштана на Украине никогда не считалась уголовным делом. Поэтому и селянские парни, *и даже комсомольцы*, всегда разрешали себе совершать небольшие вторжения на соседский баштан. Хозяева относились к этим вторжениям более или менее добродушно: на одной десятине баштана можно собрать до двадцати тысяч штук арбузов, утечка какой-нибудь сотни за лето не составляла особенного убытка. Но все же среди баштана всегда стоял курень, и в нем жил какой-нибудь старый дед, который не столько защищал баштан, сколько производил регистрацию непрошеных гостей.

Иногда ко мне приходил такой дед и заявлял жалобу:

– Вчера ваши лазили по баштану. Так вы им скажите, что не добре так делать. Нехай прямо приходят в курень, и чего ж там, всегда можно человеку угощение сделать. Скажи мени, и я тебе самый лучший арбуз выберу.

Я передал просьбу деда хлопцам. Они воспользовались ею в тот же вечер, но в предлагаемую дедом систему внесли небольшие коррективы: пока в курене съедался выбранный дедом самый лучший арбуз и велись приятельские разговоры о том, какие были арбузы в прошлом году и какие были в то лето, когда японец воевал[107], на территории всего баштана хозяйничали нелегальные гости и уже без всяких разговоров набивали арбузами подолы рубах, наволочки и мешки. В первый вечер, воспользовавшись любезным приглашением деда, Вершнев предложил отправиться к деду в гости Белухину. Другие колонисты не протестовали против такого предпочтения. Матвей

возвратился с баштана довольный:

– Честное слово, так это хорошо: и поговорили, и удовольствие человеку произвели.

Вершнев сидел на лавке и мирно улыбался. В дверь ввалился Карабанов.

– Ну что, Матвей, погостювал?

– Да, видишь, Семен, можно жить по-соседски.

– Тебе хорошо: ты арбузов наелся, а нам же как?

– Да чудак! Поди и ты к нему.

– Вот тебе раз! Как тебе не стыдно? Если человек пригласил, так уже всем идти. Это по-свински выйдет. Нас шестьдесят человек.

На другой день Вершнев вновь предложил Белухину идти в гости к деду. Белухин великодушно отказался: пусть идут другие.

– Где я там буду искать других? Идем, что ли? Да ведь ты можешь и не есть арбузов. Посидишь, побалакаешь.

Белухин сообразил, что Вершнев прав. Ему даже понравилась идея: пойти к деду в гости и показать, что колонисты ходят не из-за того, чтобы съесть арбуз.

Но дед встретил гостей недружелюбно, и Белухину ничего не удалось показать. Напротив, дед показал им винтовку и сказал:

– Вчера ваши преступники, пока вы здесь балакали, половину баштана снесли. Разве так можно делать? Нет, с вами, видно, нужно по-другому. Вот я буду стрелять.

Белухин, смущенный, возвратился в колонию и в спальне раскричался. Ребята хохотали, и Митягин говорил:

– Ты что, в адвокаты к деду нанялся? Ты вчера по закону слопал лучший арбуз, чего тебе еще нужно? А мы, может быть, и никакого не видели. Какие у деда доказательства?

Дед ко мне больше не приходил. Но многие признаки показывали, что началась настоящая арбузная вакханалия.

Однажды утром я заглянул в спальню и увидел, что весь пол в спальне завален арбузными корками. Я набросился на дежурного, кого-то наказал, потребовал, чтобы этого больше не было. Действительно, в следующие дни в спальнях было по-обычному чисто.

Тихие, прекрасные летние вечера, полные журчащих бесед, хороших, ласковых настроений и неожиданно звонкого смеха, переходили в прозрачные торжественные ночи.

Над заснувшей колонией бродят сны, запахи сосны и чебреца, птичьи шорохи и отзвуки собачьего лая в каком-то далеком государстве. Я выхожу на крыльцо. Из-за угла показывается дежурный колонист-сторож, спрашивает, который час. У его ног купается в прохладе и неслышно чапает пятнистый Букет. Можно

спокойно идти спать.

Но этот покой прикрывал очень сложные и беспокойные события.

Как-то спросил меня Иван Иванович:

– Это вы распорядились, чтобы лошади свободно гуляли по двору целыми ночами? Их могут покрасть.

Братченко возмутился:

– А что же, лошадям так нельзя уже и свежим воздухом подышать?

Через день спросил Калина Иванович:

– Чего это кони в спальни заглядывают?

– Как «заглядывают»?

– А ты посмотри: как утро, они и стоят под окнами. Чего они там стоят?

Я проверил: действительно, ранним утром все наши лошади и вол Гаврюшка, подаренный нам за ненадобностью и старостью хозяйственной частью наробраза, располагались перед окнами спален в кустах сирени и черемухи и неподвижно стояли часами, очевидно, ожидая какого-то приятного для них события.

В спальне я спросил:

– Чего это лошади в ваши окна заглядывают?

Опришко поднялся с постели, выглянул в окно, ухмыльнулся и крикнул кому-то:

– Сережа, а пойди спроси этих идиотов, чего они стоят перед окнами.

Под одеялами хмыкнули. Митягин, потягиваясь, пробасил:

– Не нужно было в колонии таких любопытных скотов заводить, а то вам теперь беспокойство…

Я навалился на Антона:

– Что это за таинственные происшествия? Почему лошади торчат здесь каждое утро? Чем их сюда приманивают?

Белухин отстранил Антона:

– Не беспокойтесь, Антон Семенович, лошадям никакого вреда не будет. Антон нарочно их сюда водит, значит, приятность здесь ожидается.

– Ну, ты, заболтал уже! – сказал Карабанов.

– Да мы вам скажем. Вы от запретили корки набрасывать на пол, а у нас не без того, что у кого-нибудь арбуз окажется…

– Как это – «окажется»?

– Да как? То дед кому подарит, то деревенские принесут.

– Дед подарит? – спросил я укоризненно.

– Ну, не дед, так как-нибудь иначе. Так куда же корки девать? А тут Антон выгнал лошадей прогуляться. Хлопцы и угостили.

Я вышел из спальни.

После обеда Митягин приволок ко мне в кабинет огромный арбуз:

– Вот попробуйте, Антон Семенович.

– Где ты достал? Убирайся со своим арбузом!.. И вообще я за вас возьмусь серьезно.

– Арбуз самый честный, и специально для вас выбирали. Деду за этот кавун заплачено чистою монетою. А за нас, конечно, взяться давно пора, мы за это не обижаемся.

– Проваливай и с кавуном и с разговорами!

Через десять минут с тем же арбузом пришла целая депутация. К моему удивлению, речь держал Белухин, прерывая ее на каждом слове для того, чтобы захохотать:

– Эти скоты, Антон Семенович, если бы вы знали, сколько поедают кавунов каждую ночь! Что же тут скрывать… У одного Волохова… он… это, конечно, неважно. Как они достают – пускай будет на ихней совести, но безусловно, что и меня угощают, разбойники, нашли, понимаете, в моей молодой душе слабость: люблю страшно арбузы. Даже и девочки пропорцию свою получают, и Тоське дают: нужно сказать, что в ихних душах все-таки помещаются благородные чувства. Ну, а знаем же, что вы кавунов не кушаете, только одни неприятности из-за этих проклятых кавунов. Так что примите уже этот скромный подарок. Я же человек честный, не какой-нибудь Вершнев, вы мне поверьте, деду за этот кавун заплачено, может, и больше того, сколько в нем производительности заложено человеческого труда, как говорит наука экономической политики.

Закончив таким образом, Белухин сделался вдруг серьезен, положил арбуз на мой стол и скромно отошел в сторону.

Непричесанный и по-обычному истерзанный Вершнев выглядывал из-за Митягина.

– П-п-политической э-экономии, а не экономической п-политики.

– Один черт, – сказал Белухин.

Я спросил:

– Чем заплатили деду?

Карабанов загнул палец:

– Вершнев припаял до кружки ручку, Гуд латку положил на чобот, а я посторожил за него полночи.

– Воображаю, сколько за эти полночи вы прибавили к этому арбузу!

– Верно, верно, – сказал Белухин. – Это я могу подтвердить по чести. Мы теперь с этим дедом контакт держим. А вот там к лесу есть баштан, так там, правда, такой вредный сидит, всегда стреляет.

– А ты что, тоже на баштан начал ходить?

– Нет, я не хожу, но выстрелы слышу: бывает, пойдешь пройтиться…

Я поблагодарил ребят за прекрасный арбуз.

Через несколько дней я увидел и вредного деда. Он пришел ко мне, вконец расстроенный.

– Что ж это такое будет? То тащили по ночам больше, а то уже и днем спасения не стало, приходят в обед целыми бандами, хоть плачь, – за одним погонишься, а другие по всему баштану.

Я ребятам пригрозил, что буду сам ходить помогать охране или найму сторожей за счет колонии.

Митягин сказал:

– Вы этому граку не верьте. Не в арбузах дело, а в том, что пройти нельзя мимо баштана.

– Да чего вам мимо баштана ходить? Куда там дорога?

– Какое его дело, куда мы идем? Чего он палит?

Еще через день Белухин меня предупредил:

– С этим дедом добром не кончится. Здорово хлопцы обижаются. Дед уже боится сидеть в курене, с ним еще двое дежурят, и все с ружьями. А хлопцы этого вытерпеть не могут.

В ту же ночь колонисты пошли на этот баштан цепью. Мои занятия по военному делу пошли на пользу. В полночь половина колонии залегла на меже баштана, вперед выслали дозоры и разведку. Когда деды подняли тревогу, хлопцы закричали «ура» и кинулись в атаку. Сторожа отступили в лес и в панике забыли в курене ружья. Часть ребят занялась реализацией победы, скатывая арбузы к меже под горку, остальные приступили к репрессиям: подожгли огромный курень.

Один из сторожей прибежал в колонию и разбудил меня. Мы поспешили к месту боя.

Курень на горке полыхал огромным костром, и от него стояло такое зарево, как будто горело целое село. Когда мы подбежали к баштану, на нем раздалось несколько выстрелов. Я увидел колонистов, залегших правильными отделениями в арбузных зарослях. Иногда эти отделения поднимались на ноги и перебегали к горящему куреню. Где-то на правом фланге командовал Митягин:

– Не лезь прямо, заходи сбоку.

– Кто это стреляет? – спросил я деда.

– Да кто его знает? Там же никого нэма. Мабуть, то винтовку хтось забув, мабуть, то винтовка сама стреляет.

Дело было, собственно говоря, закончено. Увидев меня, ребята как сквозь землю провалились. Дед повздыхал и ушел домой. Я возвратился в колонию. В спальнях был мертвый покой.

Все не только спали, но даже храпели: никогда в жизни не слышал такого храпа. Я сказал негромко:

– Довольно дурака валять, вставайте.

Храп прекратился, но все продолжали настойчиво спать.

– Вставайте, вам говорят.

С подушек поднялись лохматые головы. Митягин глядел на меня и не узнавал:

– В чем дело?

Но Карабанов не выдержал:

– Да брось, Митяга, чего там!

Все меня обступили и начали с увлечением рассказывать о подробностях доблестной ночи. Таранец вдруг подпрыгнул, как обваренный:

– Там же в курене ружья!

– Сгорели…

– Дерево сгорело, а то все годится.

И вылетел из спальни.

Я сказал:

– Может быть, это все и весело, но все-таки это настоящий разбой. Я больше терпеть не могу. Если вы хотите продолжать так и дальше, нам будет не по дороге. Что это такое в самом деле: ни днем, ни ночью нет покоя ни колонии, ни всей округе!

Карабанов схватил меня за руку:

– Больше этого не будет. Мы и сами видим, что довольно. Правда ж, хлопцы?

Хлопцы загудели что-то подтверждающее.

– Это все слова, – сказал я. – Предупреждаю, что если все эти разбойничьи дела будут повторяться, я кое-кого выставлю из колонии. Так и знайте, больше повторять не буду.

На другой день на пострадавший баштан приехали подводы, собрали все, что на нем еще осталось, и уехали.

На моем столе лежали дула и мелкие части сгоревших ружей.

[24] Ампутация

Ребята не сдержали своего обещания. Ни Карабанов, ни Митягин, ни другие участники группы не прекратили ни походов на баштаны, ни нападений на каморы и погреба селян. Наконец, они организовали новое, очень сложное предприятие, которое увенчалось целой какофонией приятных и неприятных вещей.

Однажды ночью они залезли на пасеку Луки Семеновича и утащили два улья вместе с медом и пчелами. Ульи они принесли в колонию ночью и поместили их в сапожную мастерскую, в то время не работавшую. На радостях устроили пир, в котором принимали участие многие колонисты. Наутро можно было составить точный реестр участников, – все они ходили по колонии с красными, распухшими физиономиями. Лешему пришлось даже обратиться за помощью к Екатерине Григорьевне.

Вызванный в кабинет Митягин с первого слова признал дело за собой, отказался назвать участников и, кроме того, удивился:

– Ничего тут такого нет! Не себе взяли улья, а принесли в колонию. Если вы считаете, что в колонии пчеловодство не нужно, можно и отнести.

– Что ты отнесешь? Мед съели, пчелы пропали.

– Ну, как хотите. Я хотел как лучше.

– Нет, Митягин, лучше всего будет, если ты оставишь нас в покое… Ты уже взрослый человек, со мной ты никогда не согласишься, давай расстанемся.

– Я и сам так думаю.

Митягина необходимо было удалить как можно скорее. Для меня было уже ясно, с этим решением я непростительно затянул и прозевал давно определившийся процесс гниения нашего коллектива. Может быть, ничего особенно порочного и не было в баштанных делах или в ограблении пасеки, но постоянное внимание колонистов к этим делам, ночи и дни, наполненные все теми же усилиями и впечатлениями, знаменовали полную остановку развития нашего тона, знаменовали, следовательно, застой. И на фоне этого застоя для всякого пристального взгляда уже явными сделались непритязательные рисунки: развязность колонистов, какая-то специальная колонистская вульгарность по отношению и к колонии, и к делу, утомительное и пустое зубоскальство, элементы несомненного цинизма. Я видел, что даже такие как Белухин и Задоров, не принимая участия ни в какой уголовщине, начинали терять прежний блеск личности, покрывались окалиной. Наши планы, интересная книга, политические вопросы стали располагаться в коллективе на

каких-то далеких флангах, уступив центральное место беспорядочным дешевым приключениям и бесконечным разговорам о них. Все это отразилось и на внешнем облике колонистов и всей колонии: разболтанное движение, неопрятный и неглубокий позыв к остроумию, небрежно накинутая одежда и припрятанная по углам грязь.

Я написал Митягину выпускное удостоверение, дал пять рублей на дорогу – он сказал, что едет в Одессу, – и пожелал ему счастливого пути.

– С хлопцами попрощаться можно?

– Пожалуйста.

Как они там прощались, не знаю. Митягин ушел перед вечером, и провожала его почти вся колония.

Вечером все ходили печальные, малыши потускнели, и у них испортились движущие их мощные моторы. Карабанов как сел на опрокинутом ящике возле кладовки, так и не вставал с него до ночи.

В мой кабинет пришел Леший и сказал:

– А жалко Митягу.

Он долго ждал ответа, но я ничего не ответил Лешему. Так он и ушел.

Занимался я очень долго. Часа в два, выходя из кабинета, я заметил свет на чердаке конюшни. Разбудил Антона и спросил:

– Кто на чердаке?

Антон недовольно повернул плечом и неохотно ответил:

– Там Митягин.

– Чего он там сидит?

– А я знаю?

Я поднялся на чердак. Вокруг конюшенного фонаря сидели несколько человек: Карабанов, Волохов, Леший, Приходько, Осадчий. Они молча смотрели на меня, Митягин что-то делал в углу чердака, я еле-еле заметил его в темноте.

– Идите все в кабинет.

Пока я отпирал дверь кабинета, Карабанов распорядился:

– Нечего всем сюда собираться. Пойду я и Митягин.

Я не протестовал.

Вошли. Карабанов свободно развалился на диване. Митягин остановился в углу у дверей.

– Ты зачем возвратился в колонию?

– Было одно дело.

– Какое дело?

– Наше одно дело.

Карабанов смотрел на меня пристальным горячим взглядом. Он вдруг весь напружинился и гибким, змеиным движением

наклонился над моим столом, приблизив свои полыхающие глаза прямо к моим очкам:

– Знаете что, Антон Семенович? Знаете, что я вам скажу? Пойду и я вместе с Митягой.

– Какое дело вы затевали на чердаке?

– Дело, по правде сказать, пустое, но для колонии оно все равно не подходящее. А я пойду с Митягой. Раз мы к вам не подходим, что же, пойдем шукать своего счастья. Може, у вас будут кращие колонисты.

Он всегда немного кокетничал и сейчас разыгрывал обиженного, вероятно, надеясь, что я устыжусь собственной жестокости и оставлю Митягина в колонии.

Я посмотрел Карабанову в глаза и еще раз спросил:

– На какое дело вы собирались?

Карабанов ничего не ответил и вопрошающе посмотрел на Митягина.

Я вышел из-за стола и сказал Карабанову:

– Револьвер у тебя есть?

– Нет, – ответил он твердо.

– Покажи карманы.

– Неужели будете обыскивать, Антон Семенович?

– Покажи карманы.

– Нате, смотрите! – закричал Карабанов почти в истерике и вывернул все карманы в брюках и в тужурке, высыпая на пол махорку и крошки житного хлеба.

Я подошел к Митягину.

– Покажи карманы.

Митягин неловко полез по карманам. Вытащил кошелек, связку ключей и отмычек, смущенно улыбнулся и сказал:

– Больше ничего нет.

Я продвинул руку за пояс его брюк и достал оттуда браунинг среднего размера. В обойме было три патрона.

– Чей?

– Это мой револьвер, – сказал Карабанов.

– Что же ты врал, что у тебя ничего нет? Эх, вы… Ну, что же? Убирайтесь из колонии к черту и немедленно, чтобы здесь и духу вашего не осталось! Понимаете?

Я сел к столу, написал Карабанову удостоверение. Он молча взял бумажку, презрительно посмотрел на пятерку, которую я ему протянул, и сказал:

– Обойдемся. Прощайте.

Он судорожно протянул ко мне руку и крепко, до боли, сжал мои пальцы, что-то хотел сказать, потом вдруг бросился к дверям и исчез в ночном их просвете. Митягин не протянул руки и не

сказал прощального слова. Он размашисто запахнул полы клифта и неслышными воровскими шагами побрел за Карабановым.

Я вышел на крыльцо. У крыльца собралась толпа ребят. Леший бегом бросился за ушедшими, но добежал только до опушки леса и вернулся. Антон стоял на верхней ступеньке и что-то мурлыкал. Белухин вдруг нарушил тишину:

– Так. Ну, что же, я признаю, что это сделано правильно.

– Может, и правильно, – сказал Вершнев, – а т-т-только все-т-т-таки ж-жалко.

– Кого жалко? – спросил я.

– Да вот С-семена с-с-с Митягой. А разве в-в-вам н-не ж-жалко?

– Мне тебя жалко, Колька.

Я направился к своей комнате и слышал, как Белухин убеждал Вершнева:

– Ты дурак, ты ничего не понимаешь, книжки для тебя без последствия проходят.

Два дня ничего не было слышно об ушедших. Я за Карабанова мало беспокоился: у него отец в Сторожевом. Побродит по городу с неделю и пойдет к отцу. В судьбе же Митягина я не сомневался. Еще с год погуляет на улице, посидит несколько раз в тюрьмах, попадется в чем-нибудь серьезном, вышлют его в другой город, а лет через пять-шесть обязательно либо свои зарежут, либо расстреляют по суду. Другой дороги для него не назначено. А может быть, и Карабанова собьет. Сбили же его раньше, пошел же он на вооруженный грабеж.

Через два дня в колонии стали шептаться:

– Говорят, Семен с Митягой грабят на дороге. Ограбили вчера мясников с Решетиловки.

– Кто говорит?

– Молочница у Осиповых была, так говорила, что Семен и Митягин.

Колонисты по углам шушукались и умолкали, когда к ним подходили. Старшие поглядывали исподлобья, не хотели ни читать, ни разговаривать, по вечерам устраивались по двое, по трое и неслышно и скупо перебрасывались словами.

Воспитатели старались не говорить со мною об ушедших. Только Лидочка однажды сказала:

– А ведь жалко ребят!

– Давайте, Лидочка, договоримся, – ответил я. – Вы будете наслаждаться жалостью без моего участия.

– Ну и не надо! – обиделась Лидия Петровна.

Дней через пять я возвращался из города в кабриолете. Рыжий, подкормленный на летней благодати, охотно рысил

домой. Рядом со мной сидел Антон и, низко свесив голову, о чем-то думал. Мы привыкли к нашей пустынной дороге и не ожидали уже на ней ничего интересного.

Вдруг Антон сказал:

– Смотрите: то не наши хлопцы? О! Да то ж Семен с Митягиным!

Впереди на безлюдном шоссе маячили две фигуры.

Только острые глаза Антона могли так точно определить, что это был Митягин с товарищем. Рыжий быстро нес нас навстречу к ним. Антон забеспокоился и поглядывал на мою кобуру.

– А вы все-таки переложите наган в карман, чтобы ближе был.

– Не мели глупостей.

– Ну, как хотите.

Антон натянул вожжи.

– От хорошо, что мы вас побачилы, – сказал Семен. – Тогда, знаете, простились как-то не по-хорошему.

Митягин улыбался, как всегда, приветливо.

– Что вы здесь делаете?

– Мы хотим с вами побачиться. Вы же сказали, чтоб в колонии духа нашего не было, так мы туда и не пошли.

– Почему ты не поехал в Одессу? – спросил я Митягина.

– Да пока и здесь жить можно, а на зиму в Одессу.

– Работать не будешь?

– Посмотрим, как оно выйдет, – сказал Митягин. – Мы на вас не в обиде, Антон Семенович, вы не думайте, что на вас в обиде. Каждому своя дорога.

Семен сиял открытой радостью.

– Ты с Митягиным будешь?

– Я еще не знаю. Тащу его: пойдем к старику, к моему батьку, а он ломается.

– Да батько же его грак, чего я там не видел?

Они проводили меня до поворота в колонию.

– Вы ж нас лыхом не згадуйте, – сказал Семен на прощанье. – Эх, давайте с вами поцелуемся!

Митягин засмеялся:

– Ох, и нежная ты тварь, Семен, не будет с тебя толку.

– А ты лучше? – спросил Семен.

Они оба расхохотались на весь лес, помахали фуражками, и мы разошлись в разные стороны.

[25] Сортовые семена

К концу осени в колонии наступил хмурый период – самый хмурый за всю нашу историю. Изгнание Карабанова и Митягина оказалось очень болезненной операцией. То обстоятельство, что были изгнаны «самые грубые хлопцы», пользовавшиеся до того времени наибольшим влиянием в колонии, лишило колонистов правильной ориентировки.

И Карабанов и Митягин были прекрасными работниками. Карабанов во время работы умел размахнуться широко и со страстью, умел в работе находить радость и других заражать ею. У него из-под рук буквально рассыпались искры энергии и вдохновения. На ленивых и вялых он только изредка рычал, и этого было достаточно, чтобы устыдить самого отъявленного лодыря. Митягин в работе был великолепным дополнением к Карабанову. Его движения отличались мягкостью и вкрадчивостью, действительно воровские движения, но у него все выходило ладно, удачливо и добродушно-весело. А к жизни колонии они оба были чутко отзывчивы и энергичны в ответ на всякое раздражение, на всякую злобу колонистского дня.

С их уходом вдруг стало скучно и серо в колонии. Вершнев еще больше закопался в книги, Белухин шутил как-то чересчур серьезно и саркастически, такие как Волохов, Приходько, Осадчий сделались чрезмерно серьезны и вежливы, малыши скучали и скрытничали, вся колонистская масса вдруг приобрела выражение взрослого общества. По вечерам трудно стало собрать бодрую компанию: у каждого находились собственные дела. Только Задоров не уменьшил своей бодрости и не спрятал прекрасную свою открытую улыбку, но никто не хотел разделить его оживления, и он улыбался в одиночку, сидя над книжкой или над моделью паровой машины, которую он начал еще весной.

Способствовали этому упадку и неудачи в сельском хозяйстве. Калина Иванович был плохим агрономом, имел самые дикие представления о севообороте и технике посева, а к тому же и поля мы получили от селян страшно засоренными и истощенными. Поэтому, несмотря на грандиозную работу, которую проделали колонисты летом и осенью, наш урожай выражался в позорных цифрах. На озимой пшенице было больше сорняков, чем пшеницы, яровые имели жалкий вид, еще хуже было с бураками и картофелем.

И в воспитательских квартирах царила такая же депрессия.

Может быть, мы просто устали: с начала колонии никто из нас не имел отпуска. Но сами воспитатели не ссылались на

усталость. Возродились старые разговоры о безнадежности нашей работы, о том, что соцвос с «такими» ребятами невозможен, что это напрасная трата души и энергии.

– Бросить все это нужно, – говорил Иван Иванович. – Вот был Карабанов, которым мы даже гордились, пришлось прогнать. Никакой особенной надежды нет и на Волохова, и на Вершнева, и на Осадчего, и на Таранца, и на многих других. Стоит ли из-за одного Белухина держать колонию?

Екатерина Григорьевна – и та изменила нашему оптимизму, который раньше делал ее первой моей помощницей и другом. Она сближала брови в пристальном раздумье, и результаты раздумья были у нее странные, неожиданные для меня:

– Вы знаете что? А вдруг мы делаем какую-то страшную ошибку: нет совсем коллектива, понимаете, никакого коллектива, а мы все говорим о коллективе, мы сами себя просто загипнотизировали собственной мечтой о коллективе.

– Постойте, – останавливал ее я, – как «нет коллектива»? А шестьдесят колонистов, их работа, жизнь, дружба?

– Это знаете что? Это игра, интересная, может быть, талантливая игра. Мы ею увлеклись и ребят увлекли, но это на время. Кажется, уже игра надоела всем, стало скучно, скоро совсем бросят, все обратится в обыкновенный неудачный детский дом.

– Когда одна игра надоедает, начинают играть в другую, – пыталась поправить испорченное настроение Лидия Петровна.

Мы рассмеялись грустно, но я сдаваться и не думал:

– Обыкновенная интеллигентская тряпичность у вас, Екатерина Григорьевна, обыкновенное нытье. Нельзя ничего выводить из ваших настроений, они у вас случайны. Вам страшно хотелось бы, чтобы и Митягин и Карабанов были нами осилены. Так всегда ничем не оправданный максимализм, каприз, жадность потом переходят в стенания и опускание рук. Либо все, либо ничего, – обыкновенная *российская* припадочная философия.

Все это я говорил, подавляя в себе, может быть, ту же самую интеллигентскую тряпичность. Иногда и мне приходили в голову тощие мысли: нужно бросить, не стоят Белухин или Задоров тех жертв, которые отдаются на колонию; приходило в голову, что мы уже устали и поэтому успех невозможен.

Но старая привычка к молчаливому, терпеливому напряжению меня не покидала. Я старался в присутствии колонистов и воспитателей быть энергичным и уверенным, нападал на малодушных педагогов, старался убедить их в том, что беды временные, что все забудется. Я преклоняюсь перед той огромной выдержкой и дисциплиной, которые проявили наши

воспитатели в то тяжелое время.

Они по-прежнему всегда были на месте минута в минуту, всегда были деятельны и восприимчивы к каждому неверному тону в колонии, на дежурство выходили по заведенной у нас прекрасной традиции в самом лучшем платье, подтянутыми и прибранными.

Колония шла вперед без улыбок и радости, но шла с хорошим, чистым ритмом, как налаженная, исправная машина. Я заметил и положительные последствия моей расправы с двумя колонистами: совершенно прекратились набеги на село, стали невероятными погребные и баштанные операции. Я делал вид, что не замечаю подавленных настроений колонистов, что новая дисциплинированность и лояльность по отношению к селянам ничего особенного не представляют, что все вообще идет по-прежнему и что все по-прежнему идет вперед.

В колонии обнаружилось много нового, важного дела. Мы начали постройку оранжереи во второй колонии, начали проводить дорожки и выравнивать дворы после ликвидации трепкинских руин, строили изгородки и арки, приступили к постройке моста через Коломак в самом узком его месте, в кузнице делали железные кровати для колонистов, приводили в порядок сельскохозяйственный инвентарь и лихорадочно торопились с окончанием ремонта домов во второй колонии. Я сурово заваливал колонию все новой и новой работой и требовал от всего колонистского общества прежней точности и четкости в работе.

Не знаю почему, вероятно, по неизвестному мне педагогическому инстинкту, я набросился на военные занятия.

Уже и раньше я производил с колонистами занятия по физкультуре и военному делу. Я никогда не был специалистом-физкультурником, а у нас не было средств для приглашения такого специалиста. Я знал только военный строй и военную гимнастику, знал только то, что относится к боевому участку роты. Без всякого размышления и без единой педагогической судороги я занял ребят упражнениями во всех этих полезных вещах.

Колонисты пошли на такое дело охотно. После работы мы ежедневно по часу или два всей колонией занимались на нашем плацу, который представлял собой просторный квадратный двор. По мере того как увеличивались наши познания, мы расширяли поле деятельности. К зиме наши цепи производили очень интересные и сложные военные движения по всей территории нашей хуторской группы. Мы очень красиво и методически правильно производили наступления на отдельные объекты –

хаты и клуни, увенчивая их атакой в штыки и паникой, которая охватывала впечатлительные души хозяев и хозяек. Притаившиеся за белоснежными стенами жители, услышав наши воинственные крики, выбегали во двор, спешно запирали каморы и сараи и распластывались на дверях, ревниво испуганным взглядом взирая на стройные цепи колонистов.

Ребятам все это очень понравилось, и скоро у нас появились настоящие ружья, так как нас с радостью приняли в ряды Всевобуча[108], искусственным образом игнорируя наше правонарушительское прошлое.

Во время занятий я был требователен и неподкупен, как настоящий командир; ребята и к этому относились с большим одобрением. Так у нас было положено начало той военной игре, которая потом сделалась одним из основных мотивов всей нашей музыки.

Я прежде всего заметил хорошее влияние правильной военной выправки. Совершенно изменился облик колониста: он стал стройнее и тоньше, перестал валиться на стол и на стену, мог спокойно и свободно держаться без подпорок. Уже новенький колонист стал заметно отличаться от старого. И походка ребят сделалась увереннее и пружиннее, и голову они стали носить выше, забыли привычку засовывать руки в карманы.

В своем увлечении военным строем колонисты много внесли и придумали сами, используя свои естественные мальчишеские симпатии к морскому и боевому быту. В это именно время было введено в колонии правило: на всякое приказание как знак всякого утверждения и согласия отвечать словом «есть», подчеркивая этот прекрасный ответ взмахом пионерского салюта. В это время завелись в колонии и трубы.

До тех пор сигналы давались у нас звонком, оставшимся еще от старой колонии. Теперь мы купили два корнета, и несколько колонистов ежедневно ходили в город к капельмейстеру и учились играть на корнетах по нотам. Потом были написаны сигналы на всякий случай колонистской жизни, и к зиме мы сняли колокол. На крыльцо моего кабинета выходил теперь трубач и бросал в колонию красивые полнокровные звуки сигнала.

В вечерней тишине в особенности волнующе звучат звуки корнета над колонией, над озером, над хуторскими крышами. Кто-нибудь в открытое окно спальни пропоет тот же сигнал молодым, звенящим тенором, кто-нибудь вдруг сыграет на рояле.

Когда в наробразе узнали о наших военных увлечениях, слово «казарма» надолго сделалось нашим прозвищем. Все равно, я и так был огорчен много, учитывать еще одно маленькое огорчение

не было охоты. И некогда было.

Еще в августе я привез из опытной станции двух поросят. Это были настоящие англичане, и поэтому они страшно протестовали против переселения в колонию и все время проваливались в какую-то дырку в возу. Поросята возмущались до истерики и злили Антона.

– Мало и так мороки, так еще поросят придумали…

Англичан отправили во вторую колонию, а любителей ухаживать за ними из малышей нашлось больше чем достаточно. В это время во второй колонии жили до двадцати ребят, и жил там же воспитатель, довольно никчемный человек со странной фамилией – Родимчик. Большой дом, который у нас назывался литерой А, был уже закончен, он назначался для мастерских и классов, а теперь в нем временно расположились ребята. Были закончены и другие дома и флигеля. Оставалось еще много работы в огромном двухэтажном ампире, который предназначался для спален. В сараях, в конюшнях, в амбарах с каждым днем прибивались новые доски, штукатурились стены, навешивались двери.

Сельское хозяйство получило мощное подкрепление. Мы пригласили агронома, и по полям колонии заходил Эдуард Николаевич Шере, существо, положительно непонятное для непривычного колонистского взора. Было для всякого ясно, что выращен Шере из каких-то особенных сортов семян и поливали его не российские благодатные дожди, а *немецкая* фабричная эссенция, специально для таких Шере изобретенная.

В противоположность Калине Ивановичу, Шере никогда ничем не возмущался и не восторгался, всегда был настроен ровно и чуточку весело. Ко всем колонистам, даже к Галатенко, обращался на «вы», никогда не повышал голоса, но и в дружбу ни с кем не вступал. Ребят очень поразило, когда в ответ на грубый отказ Приходько: «Чего я там не видел на смородине? Я не хочу работать на смородине!» – Шере приветливо и расположенно удивился, без позы и игры:

– Ах, вы не хотите? В таком случае скажите вашу фамилию, чтобы я как-нибудь случайно не назначил вас на какую-нибудь работу.

– Я – куда угодно, только не на смородину.

– Вы не беспокойтесь, я без вас обойдусь, знаете, а вы где-нибудь в другом месте работу найдете.

– Так почему?

– Будьте добры, скажите вашу фамилию, мне некогда заниматься лишними разговорами.

Бандитская красота Приходько моментально увяла. Пожал

Приходько презрительно плечами и отправился на смородину, которая только минуту назад так вопиюще противоречила его назначению в мире.

Шере был сравнительно молод, но тем не менее умел доводить колонистов до обалдения своей постоянной уверенностью и нечеловеческой работоспособностью. Колонистам представлялось, что Шере никогда не ложится спать. Просыпается колония, а Эдуард Николаевич уже меряет поле длинными, немного нескладными, как у породистого молодого пса, ногами. Играют сигналы спать, а Шере в свинарне о чем-то договаривается с плотником. Днем Шере одновременно можно было видеть и на конюшне, и на постройке оранжереи, и на дороге в город, и на развозке навоза в поле; по крайней мере, у всех слагалось впечатление, что все это происходит в одно и то же время, так быстро переносили Шере его замечательные ноги.

В конюшне Шере на другой же день поссорился с Антоном. Антон не мог понять и прочувствовать, как это можно к такому живому и симпатичному существу, как лошадь, относиться так математически, как это настойчиво рекомендовал Эдуард Николаевич.

– Что это *немец* выдумывает? Важить? Видели такое, чтобы сено важить! Говорит, вот тебе норма: и не меньше и не больше. И норма какая-то дурацкая – всего понемножку. Лошади подохнут, так я отвечать буду? А работать, говорит, по часам. И тетрадку придумал: записывай, сколько часов работали.

Шере не испугался Антона, когда тот по привычке закричал, что не даст Коршуна, потому что Коршун, по проектам Антона, должен был через день совершать какие-то особые подвиги. Эдуард Николаевич сам вошел в конюшню, сам вывел и запряг Коршуна и даже не глянул на окаменевшего от такого поношения Братченко. Антон надулся, швырнул кнут в угол конюшни и ушел. Когда он к вечеру все-таки заглянул в конюшню, он увидел, что там хозяйничают Орлов и Бублик. Антон пришел в глубоко оскорбленное состояние и отправился ко мне с прошением об отставке, но посреди двора на него налетел с бумажкой в руках Шере и, как ни в чем не бывало, вежливо склонился над обиженной физиономией старшего конюха:

– Слушайте, ваша фамилия, кажется, Братченко? Вот для вас план на эту неделю. Видите, здесь точно обозначено, что полагается делать каждой лошади в тот или другой день, когда выезжать и прочее. Видите, вот здесь написано, какая лошадь дежурная для поездки в город, а какая выходная. Вы рассмотрите с вашими товарищами и завтра скажите мне, какие вы находите нужным сделать изменения.

Антон удивленно взял листок бумажки и побрел в конюшню.

На другой день вечером можно было видеть кучерявую прическу Антона и стриженную под машинку острую голову Шере склонившимися над моим столом за важным делом. Я сидел за чертежным столиком за работой, но минутами прислушивался к их беседе.

– Это вы верно заметили. Хорошо, пусть в среду в плуге ходят Рыжий и Бандитка…

– …Малыш буряка есть не будет, у него зубов…

– Это ничего, знаете, можно мельче нарезать, вы попробуйте…

– …Ну, а если еще кому нужно в город?

– Пешком пройдется. Или пусть нанимает на селе. Нас с вами это не касается.

– Ого! – сказал Антон. – Это правильно.

Правду нужно сказать, транспортная потребность очень слабо удовлетворялась одной дежурной лошадью. Калина Иванович ничего не мог поделать с Шере, ибо тот сразил его воодушевленную хозяйскую логику невозмутимо прохладным ответом:

– Меня совершенно не касается ваша транспортная потребность. Возите ваши продукты на чем хотите или купите себе лошадь. У меня шестьдесят десятин. Я буду очень вам благодарен, если вы об этом больше говорить не будете.

Калина Иванович трахнул кулаком по столу и закричал *в национальном стиле*:

– *К чертовой матери!* Если мне нужно, я и сам запрягу!

Шере что-то записывал в блокнот и даже не посмотрел на сердитого Калину Ивановича.

Через час, уходя из кабинета, он предупредил меня:

– Если план работы лошадей будет нарушен без моего согласия, я в тот же день уезжаю из колонии.

Я спешно послал за Калиной Ивановичем и *тоже в национальном стиле* сказал ему:

– Ну его к черту, *этого немца*, не связывайся с ним.

– Да как же я буду с одной конячкой: и в город же поехать нужно, и воду навозить, и дров подвезти, и продукты во вторую колонию…

– Что-нибудь придумаем.

И придумали.

И новые люди, и новые заботы, и вторая колония, и никчемный Родимчик во второй колонии, и новая фигура подтянутого колониста, и прежняя бедность, и нарастающее богатство – все это многоликое море нашей жизни незаметно для

меня самого прикрыло последние остатки подавленности и серой тоски. С тех пор я только смеяться стал реже и даже внутренняя живая радость уже была не в силах заметно уменьшить внешнюю суровость, которую, как маску, надели на меня события и настроения конца 1922 года. Маска эта не причиняла мне страданий, я ее почти не замечал. Но колонисты всегда ее видели. Может быть, они и знали, что это маска, но у них все же появился по отношению ко мне тон несколько излишнего уважения, небольшой связанности, может быть, и некоторой боязни, не могу этого точно назвать. Но зато я всегда видел, как они радостно расцветали и особенно близко и душевно приближались ко мне, если случалось повеселиться с ними, поиграть или повалять дурака, просто, обнявшись, походить по коридору.

В колонии же всякая суровость и всякая ненужная серьезность исчезли. Когда все это изменилось и наладилось, никто не успел заметить. Как и раньше, кругом звучали смех и шутки, как и раньше, все неистощимы были на юмор и энергию, только теперь все это было украшено полным отсутствием какой бы то ни было разболтанности и несообразного, вялого движения.

Калина Иванович нашел-таки выход из транспортных затруднений. Для вола Гаврюшки, на которого Шере не посягал, – ибо какой же толк в одном воле? – было сделано ординарное ярмо, и он подво зил воду, дрова и вообще исполнял все дворовые перевозки. А в один из прелестных апрельских вечеров вся колония покатывалась со смеху, как давно уже не покатывалась: Антон выезжал в кабриолете в город за какой-то посылкой, и в кабриолет был запряжен Гаврюшка.

– Там тебя арестуют, – сказал я Антону.

– Пусть попробуют, – ответил Антон, – теперь все равны. Чем Гаврюшка хуже коня?.. Тоже трудящийся.

Гаврюшка без всякого смущения повлек кабриолет к городу.

[26] Хождение Семена по мукам

Шере повел дело энергично. Весенний сев он производил по шестипольному плану, сумел сделать этот план живым событием в колонии. На поле, в конюшне, в свинарне, в спальне, просто на дороге или у перевоза, в моем кабинете и в столовой вокруг него всегда организовывалась новая сельскохозяйственная практика. Ребята не всегда без спора встречали его распоряжения, и Шере никогда не отказывался выслушивать деловое возражение, иногда приветливо и сухо, в самых скупых выражениях приводил небольшую ниточку аргументов и заканчивал безапелляционно:

– Делайте так, как я вам говорю.

Он по-прежнему проводил весь день в напряженной и в то же время несуетливой работе, по-прежнему за ним трудно было угнаться, и в то же время он умел терпеливо простоять у кормушки два-три часа или пять часов проходить за сеялкой, бесконечно мог, через каждые десять минут, забегать в свинарню и приставать, как смола, к свинарям с вежливыми и назойливыми вопросами:

– В котором часу вы давали поросятам отруби? Вы не забыли записать? Вы записываете так, как я вам показывал? Вы приготовили все для купанья?

У колонистов к Шере появилось отношение сдержанного восторга. Разумеется, они были уверены, что «наш Шере» только потому так хорош, что он наш, что во всяком другом месте он был бы менее великолепен. Этот восторг выражался в молчаливом признании его авторитета и в бесконечных разговорах об его словах, ухватках, недоступности для всяких чувств и его знаниях.

Я не удивлялся этой симпатии. Я уже знал, что ребята не оправдывают интеллигентного убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят, по крайней мере таких ребят, какие были в колонии, проявляются по отношению к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, уменье, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе – вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то

спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне, и они не выдадут. Все равно, в чем проявляются эти ваши способности, все равно, кто вы такой: столяр, агроном, кузнец, машинист.

И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны, добры и приветливы, как бы вы ни были симпатичны в быту и в отдыхе, разговоре, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или «пшиком», – никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе враждебного, иногда назойливо шельмующего.

Как-то в спальне у девочек ставил печник печку. Заказали ему круглую утермарковскую. Печник забрел к нам мимоходом, протолкался в колонии день, у кого-то починил плиту, поправил стенку в конюшне. У него была занятная наружность: весь кругленький, облезший и в то же время весь сияющий и сахарный. Он сыпал прибаутками и словечками, и, по его словам, выходило, что печника, равного ему, на свете нет.

Колонисты ходили за ним толпой, очень недоверчиво относились к его рассказам и встречали его повествования часто не теми реакциями, на которые он рассчитывал.

– Тамочки, детки, были, конечно, печники и постарше меня, но граф никого не хотел признавать. «Позовите, – говорит, – братцы, Артемия. Этот если уж складет печку, так будет печка». Оно, конечно, что я молодой был печник, а печка в графском доме, сами понимаете… Бывало, посмотришь на печку, значит, а граф и говорит: «Ты, Артемий, уж постарайся…»

– Ну, и выходило что-нибудь? – спрашивают колонисты.

– Ну, а как же: граф всегда посмотрит…

Артемий важно задирает облезшую голову и изображает графа, осматривающего печку, которую построил Артемий. Ребята не выдерживают и заливаются смехом: очень уж Артемий мало похож на графа.

Утермарковку Артемий начал с торжественными и специальными разговорами, вспомнил по этому поводу все утермарковские печки, и хорошие, сложенные им, и никуда не годные, сложенные другими печниками. При этом он, не стесняясь, выдавал все тайны своего искусства и перечислял все трудности работы утермарковской печки:

– Самое главное здесь – радиусом провести правильно. Другой не может с радиусом работать.

Ребята совершали в спальню девочек целые паломничества и, притихнув, наблюдали, как Артемий «проводит радиусом».

Артемий много тараторил, пока складывал фундамент. Когда

же перешел к самой печке, в его движениях появилась некоторая неуверенность, и язык остановился.

Я зашел посмотреть на работу Артемия. Колонисты расступились и заинтересованно на меня поглядывали. Я покачал головой:

– Что же это она такая пузатая?

– Пузатая? – спросил Артемий. – Нет, не пузатая, это она кажет, потому что не закончено, а потом будет как следует.

Задоров прищурил глаз и посмотрел на печку:

– А у графа тоже так «казало»?

Артемий не понял иронии:

– Ну, а как же, это уже всякая печка, пока не кончена. Вот и ты, например…

Через три дня Артемий позвал меня принимать печку. В спальне собралась вся колония. Артемий топтался вокруг печки и задирал голову. Печка стояла посреди комнаты, выпирая во все стороны кривыми боками, и… вдруг рухнула, загремела, завалила комнату прыгающим кирпичом, скрыла нас друг от друга, но не могла скрыть в ту же секунду взорвавшегося хохота, стонов и визга. Многие были ушиблены кирпичами, но никто уже не был в состоянии заметить свою боль. Хохотали и в спальне, и, выбежав из спальни, в коридорах, и на дворе, буквально корчились в судорогах смеха. Я выбрался из разрушения и в соседней комнате наткнулся на Буруна, который держал Артемия за ворот и уже прицеливался кулаком по его засоренной лысине.

Артемия прогнали, но его имя надолго сделалось синонимом ничего не знающего, хвастуна и «портача». Говорили:

– Да что это за человек?

– Артемий, разве не видно!

Шере в глазах колонистов меньше всего был Артемием, и поэтому в колонии его сопровождало всеобщее признание, и работа по сельскому хозяйству пошла у нас споро и удачно. У Шере были еще и дополнительные способности: он умел найти выморочное имущество[109], обернуться с векселем, вообще кредитнуться, поэтому в колонии стали появляться новенькие корнерезки, сеялки, буккеры, кабаны и даже коровы. Три коровы, подумайте! Где-то близко запахло молоком.

В колонии началось настоящее сельскохозяйственное увлечение. Только ребята, кое-чему научившиеся в мастерских, не рвались в поле. На площадке за кузницей Шере выкопал парники, и столярная готовила для них рамы. Во второй колонии парники готовились в грандиозных размерах.

В самый разгар сельскохозяйственной ажиотации, в начале февраля, в колонию зашел Карабанов. Хлопцы встретили его

восторженными объятиями и поцелуями. Он кое-как сбросил их с себя и ввалился ко мне:

– Зашел посмотреть, как вы живете.

Улыбающиеся, обрадованные рожи заглядывали в кабинет: колонисты, воспитатели, прачки.

– О, Семен! Смотри! Здорово!

До вечера Семен бродил по колонии, побывал в «Трепке», вечером пришел ко мне грустный и молчаливый.

– Расскажи же, Семен, как ты живешь?

– Да как живу… У батька.

– А Митягин где?

– Ну его к черту! Я его бросил. Поехал в Москву, кажется.

– А у батька как?

– Да что ж, селяне, как обыкновенно. Батько еще молодец… Брата убили…

– Как это?

– Брат у меня партизан, убили петлюровцы в городе, на улице.

– Что же ты думаешь? У батька будешь?

– Нет… У батька не хочу… Не знаю…

Он дернулся нерешительно и придвинулся ко мне.

– Знаете что, Антон Семенович, – вдруг выстрелил он, – а что если я останусь в колонии? А?

Семен быстро глянул на меня и опустил голову к самым коленям.

Я сказал ему просто и весело:

– Да в чем дело? Конечно, оставайся. Будем все рады.

Семен сорвался со стула и весь затрепетал от сдерживаемой горячей страсти:

– Не можу, понимаете, не можу! Первые дни так-сяк, а потом – ну, не можу, вот и все. Я хожу, роблю, чи там за обидом, как вспомню, прямо хоть кричи! Я вам так скажу: вот привязался к колонии, и сам не знал, думал – пустяк, а потом – все равно, пойду, хоть посмотрю. А сюды пришел да как побачил, що у вас тут делается, тут же прямо так у вас добре! От ваш Шере…

– Не волнуйся так, чего ты? – сказал я ему. – Ну, и надо было бы сразу прийти. Зачем так мучиться?

– Да я и сам так думал, да как вспомню все это безобразие, как мы над вами куражились, так аж…

Он махнул рукой и замолчал.

– Добре, – сказал я, – брось все.

Семен осторожно поднял голову:

– Только… может быть, вы что-нибудь думаете, может, думаете: кокетую, как вы говорили. Так нет. Ой, если бы вы

знали, чему я только научился! Вы мне прямо скажите, верите вы мне?

– Верю, – сказал я серьезно.

– Нет, вы правду скажите: верите?

– Да пошел ты к черту! – сказал я смеясь. – Я думаю, прежнего ж не будет?

– От видите, значит, не совсем верите…

– Напрасно ты, Семен, так волнуешься. Я всякому человеку верю, только одному больше, другому меньше: одному на пятак, другому на гривенник.

– А мне на сколько?

– А тебе на сто рублей.

– А я вот так совсем вам не верю! – «вызверился» Семен.

– Вот тебе и раз!

– Ну, ничего, я вам еще докажу…

Семен ушел в спальню.

С первого же дня он сделался правой рукой Шере. У него была ярко выраженная хлеборобская жилка, он много знал, и многое сидело у него в крови «з дида, з прадида» – степной унаследованный опыт. В то же время он жадно впитывал новую сельскохозяйственную мысль, красоту и стройность агрономической техники.

Семен следил за Шере ревнивым взглядом и старался показать ему, что и он способен не уставать и не останавливаться. Только спокойствию Эдуарда Николаевича он подражать не умел и всегда был взволнован и приподнят, вечно бурлил то негодованием, то восторгом, то телячьей радостью.

Недели через две я позвал Семена и сказал просто:

– Вот доверенность. Получишь в финотделе пятьсот рублей.

Семен открыл рот и глаза, побледнел и посерел, неловко сказал:

– Пятьсот рублей? И что?

– И больше ничего, – ответил я, заглядывая в ящик стола, – привезешь их мне.

– Ехать верхом?

– Верхом, конечно. Вот револьвер на всякий случай.

Я передал Семену тот самый револьвер, который осенью вытащил из-за пояса Митягина, с теми же тремя патронами. Карабанов машинально взял револьвер в руки, дико посмотрел на него, быстрым движением сунул в карман и, ничего больше не сказав, вышел из комнаты. Через десять минут я услышал треск подков по мостовой: мимо моего окна карьером пролетел всадник.

Перед вечером Семен вошел в кабинет, подпоясанный, в

коротком полушубке кузнеца, стройный и тонкий, но сумрачный. Он молча выложил на стол пачку кредиток и револьвер.

Я взял пачку в руки и спросил самым безразличным и невыразительным голосом, на какой только был способен:

– Ты считал?

– Считал.

Я небрежно бросил пачку в ящик.

– Спасибо, что потрудился. Иди обедать.

Карабанов для чего-то передвинул слева направо пояс на полушубке, метнулся по комнате, но сказал тихо:

– Добре.

И вышел.

Прошло две недели. Семен, встречаясь со мной, здоровался несколько угрюмо, как будто меня стеснялся.

Так же угрюмо выслушал мое новое приказание:

– Поезжай, получи две тысячи рублей.

Он долго и негодующе смотрел на меня, засовывая в карман браунинг, потом сказал, подчеркивая каждое слово:

– Две тысячи? А если я не привезу денег?

Я сорвался с места и заорал на него:

– Пожалуйста, без идиотских разговоров! Тебе дают поручение, ступай и сделай. Нечего «психологию» разыгрывать!

Карабанов дернул плечом и прошептал неопределенно:

– Ну, что ж…

Привезя деньги, он пристал ко мне:

– Посчитайте.

– Зачем?

– Посчитайте, я вас прошу!

– Да ведь ты считал?

– Посчитайте, я вам кажу.

– Отстань!

Он схватил себя за горло, как будто его что-то душило, потом рванул воротник и зашатался.

– Вы надо мною издеваетесь! Не может быть, чтобы вы мне так доверяли. Не может быть! Чуете? Не может быть! Вы нарочно рискуете, я знаю, нарочно.

Он задохнулся и сел на стул.

– Мне приходится дорого платить за твою услугу.

– Чем платить? – рванулся Семен.

– А вот наблюдать твою истерику.

Семен схватился за подоконник и прорычал:

– Антон Семенович!

– Ну, чего ты? – уже немного испугался я.

– Если бы вы знали! Если бы вы только знали! Я ото дорогою

скакав и думаю: хоть бы бог был на свете. Хоть бы бог послал кого-нибудь, чтоб ото лесом кто-нибудь набросился на меня… Пусть бы десяток, чи там сколько… я не знаю. Я стрелял бы, зубами кусав бы, рвал, как собака, аж пока убили бы… И знаете, чуть не плачу. И знаю ж: вы отут сидите и думаете: чи привезет, чи не привезет? Вы ж рисковали, правда?

– Ты чудак, Семен! С деньгами всегда риск. В колонию доставить пачку денег без риска нельзя. Но я думаю так: если ты будешь возить деньги, то риска меньше. Ты молодой, сильный, прекрасно ездишь верхом, ты от всяких бандитов удерешь, а меня они легко поймают.

Семен радостно прищурил один глаз:

– Ой, и хитрый же вы, Антон Семенович!

– Да чего мне хитрить? Теперь ты знаешь, как получать деньги, и дальше будешь получать. Никакой хитрости. Я ничего не боюсь. Я знаю: ты человек такой же честный, как и я. Я это и раньше знал, разве ты этого не видел?

– Нет, я думал, что вы этого не знали, – сказал Семен, вышел из кабинета и заорал на всю колонию:

Вылеталы орлы
З-за крутой горы,
Вылеталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы.

[27] Командирская педагогика

Зима двадцать третьего года принесла нам много важных организационных находок, надолго вперед определивших формы нашего коллектива. Важнейшая из них была – отряды и командиры.

И до сих пор в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского есть отряды и командиры, имеются они и в других колониях, разбросанных по Украине.

Разумеется, очень мало общего можно найти между отрядами горьковцев эпохи 1927–1928 годов или отрядами коммунаров-дзержинцев и первыми отрядами Задорова и Буруна. Но нечто основное было уже и зимой двадцать третьего года. Принципиальное значение системы наших отрядов стало заметно гораздо позднее, когда наши отряды потрясали педагогический мир широким маршем наступления и когда они сделались мишенью для остроумия некоторой части педагогических писак. Тогда всю нашу работу иначе не называли, как «командирской» педагогикой, полагая, что в этом сочетании слов заключается роковой приговор.

В 1923 году никто не предполагал, что в нашем лесу создается важный институт, вокруг которого будет разыгрываться столько страстей.

Дело началось с пустяка.

Полагаясь, как всегда, на нашу изворотливость, нам в этом году не дали дров. По-прежнему мы пользовались сухостоем в лесу и продуктами лесной расчистки. Летние заготовки этого малоценного топлива к ноябрю были сожжены, и нас нагнал снова топливный кризис. По правде сказать, нам всем страшно надоела эта возня с сухостоем. Рубить его было не трудно, но для того чтобы собрать сотню пудов этих, с позволения сказать, дров, нужно было обыскать несколько десятин леса, пробираться между густыми зарослями и с большой и напрасной тратой сил свозить всю собранную мелочь в колонию. На этой работе очень рвалось платье, которого и так не было, а зимою топливные операции сопровождались отмороженными ногами и бешеной склокой в конюшне: Антон и слышать не хотел о заготовках топлива.

– Старцюйте[110] сами, а коней нечего гонять старцювать. Дрова они будут собирать! Какие это дрова?

– Братченко, да ведь топить нужно? – задавал убийственный вопрос Калина Иванович.

Антон отмахивался:

– По мне хоть не топите, в конюшне все равно не топите, нам

и так хорошо.

В таком затруднительном положении нам все-таки удалось на общем собрании убедить Шере на время сократить работы по вывозке навоза и мобилизовать самых сильных и лучше других обутых колонистов на лесные работы. Составилась группа человек в двадцать, в которую вошел весь наш актив: Бурун, Белухин, Вершнев, Волохов, Осадчий, Чобот и другие. Они с утра набивали карманы хлебом и в течение целого дня возились в лесу. К вечеру наша мощеная дорожка была украшена кучами хворосту, и за ними выезжал на «рижнатых» парных санях Антон, надевая на свою физиономию презрительную маску.

Ребята возвращались голодные и оживленные. Очень часто они сопровождали свой путь домой своеобразной игрой, в которой присутствовали некоторые элементы их бандитских воспоминаний. Пока Антон и двое ребят нагружали сани хворостом, остальные гонялись друг за другом по лесу; увенчивалось все это борьбой и пленением бандитов. Пойманных «лесовиков» приводил в колонию конвой, вооруженный топорами и пилами. Их шутя вталкивали в мой кабинет, и Осадчий или Корыто, который когда-то служил у Махно и потерял даже палец на руке, шумно требовали от меня:

– Голову сняты або расстриляты! Ходят по лесу с оружием, мабуть, их там богато.

Начинался допрос. Волохов насупливал брови и приставал к Белухину:

– Кажи, пулеметов сколько?

Белухин заливался смехом и спрашивал:

– Это что ж такое «пулемет»? Его едят?

– Кого – пулемет? Ах ты, бандитская рожа!..

– Ах, не едят? В таком положении меня пулемет мало интересует.

К Федоренко, человеку страшно селянскому, обращались вдруг:

– Признавайся, у Махна був?

Федоренко довольно быстро соображал, как нужно ответить, чтобы не нарушить игру:

– Був.

– А что там робыв?

Пока Федоренко соображает, какой дать ответ, из-за его плеча кто-нибудь отвечает его голосом, сонным и тупым:

– Коров пас.

Федоренко оглядывается, но на него смотрят невинные физиономии. Раздается общий хохот. Смущенный Федоренко начинает терять игровую установку, приобретенную с таким

трудом, а в это время на него летит новый вопрос:

– Хиба в тачанках коровы?

Игровая установка окончательно потеряна, и Федоренко разрешается классическим:

– Га?

Корыто смотрит на него со страшным негодованием, потом поворачивается ко мне и произносит напряженным шепотом:

– Повисыть! Це страшный чоловик: подывитеся на его очи.

Я отвечаю в тон:

– Да, он не заслуживает снисхождения. Отведите его в столовую и дайте ему две порции.

– Страшная кара! – трагически говорит Корыто.

Белухин начинает скороговоркой:

– Собственно говоря, я тоже ужасный бандит… И тоже коров пас у матушки Маруськи…

Федоренко только теперь улыбается и закрывает удивленный рот. Ребята начинают делиться впечатлениями работы. Бурун рассказывает:

– Наш отряд сегодня представил двенадцать возов, не меньше. Говорили вам, что к Рождеству будет тысяча пудов, и будет!

Слово «отряд» было термином революционного времени, того времени, когда революционные волны еще не успели выстроиться в стройные колонны полков и дивизий. Партизанская война, в особенности длительная у нас на Украине, велась исключительно отрядами. Отряд мог вмещать в себе и несколько тысяч человек, и меньше сотни: и тому и другому отряду одинаково были назначены и боевые подвиги, и спасительные лесные трущобы.

Наши коммунары больше кого-нибудь другого имели вкус к военно-партизанской романтике революционной борьбы. Даже и те, которые игрою случая были занесены во враждебный классовый стан, прежде всего находили в нем эту самую романтику. Сущность борьбы, классовые противоречия для многих из них были и непонятны и неизвестны – этим и объяснялось, что советская власть с них спрашивала немного и присылала в колонию.

Отряд в нашем лесу, пусть только снабженный топором и пилой, возрождал привычный и родной образ другого отряда, о котором были если не воспоминания, то многочисленные рассказы и легенды.

Я не хотел препятствовать этой полусознательной игре революционных инстинктов наших колонистов. Педагогические писаки, так осудившие и наши отряды, и нашу военную игру, просто не способны были понять, в чем дело. Отряды для них не

были приятными воспоминаниями: они не церемонились ни с их квартирками, ни с их психологией и по тем и по другим стреляли из трехдюймовок, не жалея ни их «науки», ни наморщенных лбов.

Ничего не поделаешь. Вопреки их вкусам колония начала с отряда.

Бурун в дровяном отряде всегда играл первую скрипку, этой чести у него никто не оспаривал. Его в порядке той же игры стали называть атаманом. Я сказал:

– Атаманом называть не годится. Атаманы бывали только у бандитов.

Ребята возражали:

– Чего у бандитов? И у партизан бывали атаманы. У красных партизан многие бывали.

– В Красной армии не говорят: атаман.

– В Красной армии – командир. Так нам далеко до Красной армии.

– Ничего не далеко, а командир лучше.

Рубку дров кончили: к первому января у нас было больше тысячи пудов. Но отряд Буруна мы не стали распускать, и он целиком перешел на постройку парников во второй колонии. Отряд с утра уходил на работу, обедал не дома и возвращался только к вечеру.

Как-то обратился ко мне Задоров:

– Что же это у нас получается: есть отряд Буруна, а остальные хлопцы как же?

Думали недолго. В то время у нас уже был ежедневный приказ; отдали в приказе, что в колонии организуется второй отряд под командой Задорова. Второй отряд весь работал в мастерских, и в него вернулись от Буруна такие квалифицированные мастера, как Белухин и Вершнев.

Дальнейшее развертывание отрядов произошло очень быстро. Во второй колонии были организованы третий и четвертый отряды с отдельными командирами. Девочки составили пятый отряд под командой Насти Ночевной.

Система отрядов окончательно выработалась к весне. Отряды стали мельче и заключали в себе идею распределения колонистов по мастерским. Я помню, что сапожники всегда носили номер первый, кузнецы – шестой, конюхи – второй, свинари – десятый. Сначала у нас не было никакой конституции. Командиры назначались мною, но к весне все чаще и чаще я стал собирать совещание командиров, которому скоро ребята присвоили новое и более красивое название: «Совет командиров». Я быстро привык ничего важного не предпринимать без совета командиров; постепенно и назначение командиров перешло к совету, который

таким образом стал пополняться путем кооптации. Настоящая выборность командиров, *с отчетом, была достигнута только в Куряже*, но я эту выборность никогда не считал и теперь не считаю достижением. В совете командиров выбор нового командира всегда сопровождался очень пристальным обсуждением. Благодаря способу кооптации мы имели всегда прямо великолепных командиров, и в то же время мы имели совет, который никогда как целое не прекращал своей деятельности и не выходил в отставку.

Очень важным правилом, сохранившимся до сегодняшнего дня, было полное запрещение каких бы то ни было привилегий для командира: он никогда не получал ничего дополнительно и никогда не освобождался от работы.

К весне двадцать третьего года мы подошли к очень важному усложнению системы отрядов. Это усложнение, собственно говоря, было самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории. Только оно позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовалось аристократии – командной касты.

Это изобретение было – сводный отряд.

Противники нашей системы, так нападающие на командирскую педагогику, никогда не видели нашего живого командира в работе. Но это еще не так важно. Гораздо важнее то, что они никогда даже не слышали о сводном отряде, то есть не имели никакого понятия о самом главном и решающем коррективе в системе.

Сводный отряд был вызван к жизни тем обстоятельством, что главная наша работа была тогда сельскохозяйственная. У нас было до семидесяти десятин, и летом Шере требовал на работу всех. В то же время каждый колонист был приписан к той или иной мастерской, и ни один не хотел порывать с нею: на сельское хозяйство все смотрели как на средство существования и улучшения нашей жизни, а мастерская – это квалификация. Зимой, когда сельскохозяйственные работы сводились до минимума, все мастерские были наполнены, но уже с января Шере начинал требовать колонистов на парники и навоз и потом с каждым днем увеличивал и увеличивал требования.

Сельскохозяйственная работа сопровождалась постоянной переменой места и характера работы, а следовательно, приводила к разнообразному сечению коллектива по рабочим заданиям. Единоначалие нашего командира в работе и его

концентрированная ответственность с самого начала показались нам очень важным институтом, да и Шере настаивал, чтобы один из колонистов отвечал за дисциплину, за инструмент, за выработку и за качество. Сейчас против этого требования не станет возражать ни один здравомыслящий человек, да и тогда возражали, кажется, только педагоги.

Идя навстречу совершенно понятной организационной нужде, мы пришли к сводному отряду.

Сводный отряд – это временный отряд, составляющийся не больше как на неделю, получающий короткое определенное задание: выполоть картофель на таком-то поле, вспахать такой-то участок, очистить семенной материал, вывезти навоз, произвести посев и так далее.

На разную работу требовалось и разное число колонистов: в некоторые сводные отряды нужно было послать двух человек, в другие – пять, восемь, двадцать. Работа сводных отрядов отличалась также и по времени. Зимой, пока в нашей школе занимались, ребята работали до обеда или после обеда – в две смены. После закрытия школы вводился шестичасовой рабочий день для всех в одно время, но необходимость полностью использовать живой и мертвый инвентарь приводила к тому, что некоторые ребята работали с шести утра до полудня, а другие – с полудня до шести вечера. Иногда же работа наваливалась на нас в таком количестве, что приходилось увеличивать рабочий день.

Все это разнообразие типа работы и ее длительности определило и большое разнообразие сводных отрядов. У нас появилась сетка сводных, немного напоминающая расписание поездов.

В колонии все хорошо знали, что третий «О» сводный работает от восьми утра до четырех дня, с перерывом на обед, и при этом обязательно на огороде, третий «С» – в саду, третий «Р» – на ремонте, третий «П» – в парниках; первый сводный работает от шести утра до двенадцати дня, а второй сводный – от двенадцати до шести. Номенклатура сводных скоро дошла до тринадцати.

Сводный отряд был всегда отрядом только рабочим. Как только заканчивалась его работа и ребята возвращались в колонию, сводного отряда больше не существовало.

Каждый колонист знал свой постоянный отряд, имеющий своего постоянного командира, определенное место в системе мастерских, место в спальне и место в столовой. Постоянный отряд – это первичный коллектив колонистов, и командир его – обязательно член совета командиров. Но с весны, чем ближе к лету, тем чаще и чаще колонист то и дело попадал на рабочую

неделю в сводный отряд того или другого назначения. Бывало, что в сводном отряде всего два колониста; все равно один из них назначался командиром сводного отряда – комсводотряда. Комсводотряда распоряжался на работе и отвечал за нее. Но как только оканчивался рабочий день, сводный отряд рассыпался.

Каждый сводный отряд составлялся на неделю, следовательно, и отдельный колонист на вторую неделю обычно получал участие в новом сводном, на новой работе, под командой нового комсводотряда. Командир сводного назначался советом командиров тоже на неделю, а после этого переходил в новый сводный обыкновенно уже не командиром, а рядовым членом.

Совет командиров всегда старался проводить через нагрузку комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудачных. Это было справедливо, потому что командование сводным отрядом связано было с большой ответственностью и заботами. Благодаря такой системе большинство колонистов участвовали не только в рабочей функции, но и в функции организаторской. Это было очень важно и было как раз то, что нужно коммунистическому воспитанию. Благодаря именно этому наша колония отличалась к 1926 году бьющей в глаза способностью настроиться и перестроиться для любой задачи, и для выполнения отдельных деталей этой задачи всегда находились с избытком кадры способных и инициативных организаторов, распорядителей, людей, на которых можно было положиться.

Значение командира постоянного отряда становилось чрезвычайно умеренным. Постоянные командиры почти никогда не назначали себя командирами сводных, полагая, что они и так имеют нагрузку. Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряда, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист.

Система сводных отрядов делала жизнь в колонии очень напряженной и полной интереса, чередования рабочих и организационных функций, упражнений в командовании и в подчинении, движений коллективных и личных.

[28] Изверги второй колонии

Два с лишним года мы ремонтировали «Трепке», но к весне двадцать третьего года почти неожиданно для нас оказалось, что сделано очень много, и вторая колония в нашей жизни стала играть заметную роль. Во второй колонии находилась главная арена деятельности Шере – там были коровник, конюшня и свинарник. С начала летнего сезона жизнь во второй колонии уже не прозябала, как раньше, а по-настоящему кипела.

До поры до времени действительными возбудителями этой жизни были все-таки сводные первой колонии. В течение всего дня можно было видеть, как по извилистым тропинкам и межам между первой и второй колониями происходило почти не прекращающееся движение сводных отрядов: одни отряды спешили во вторую колонию на работу, другие торопились к обеду или к ужину в первую.

Вытянувшись в кильватер, сводный отряд очень быстрым шагом покрывает расстояние. Ребячья находчивость и смелость не сильно смущались наличием частновладельческих интересов и частновладельческих рубежей. В первое время хуторяне еще пытались кое-что противопоставить этой находчивости, но потом убедились, что это дело безнадежное: неуклонно и весело колонисты производили ревизию разнообразным межхуторским путям сообщения и настойчиво выправляли их, стремясь к реальному идеалу – прямой линии. Там, где прямая линия проходила через хозяйский двор, приходилось совершать работу не только геометрического преодоления, нужно было еще нейтрализовать такие вещи, как собаки, плетни, заборы и ворота.

Самым легким объектом были собаки: хлеба у нас было довольно, да и без хлеба в глубине души хуторские собаки сильно симпатизировали колонистам. Скучная провинциальная собачья жизнь, лишенная ярких впечатлений и здорового смеха, была неожиданно разукрашена новыми и интересными переживаниями: большое общество, интересные разговоры, возможность организовать французскую борьбу в ближайшей куче соломы и, наконец, высшее наслаждение – прыгать рядом с быстро идущим отрядом, выхватывать веточку из рук пацана и иногда получить от него какую-нибудь яркую ленточку на шею. Даже цепные представители хуторской жандармерии оказались ренегатами, тем более что для агрессивных действий не было самого главного: с ранней весны колонисты не носили штанов, – трусики были гигиеничнее, красивее и дешевле.

Разложение хуторского общества, начавшееся с ренегатства

Бровка, Серка и Кабыздоха, продолжалось и дальше и привело к тому, что и остальные препятствия к выпрямлению линии колония – Коломак оказались недействительными. Сначала на нашу сторону перешли Андрии, Мыкыты, Нечипоры и Мыколы в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Их привлекла все та же романтика колонистской жизни и работы. Они давно слышали наши трубные призывы, давно раскусили непередаваемую сладость большого и веселого коллектива, а теперь открывали рты и восхищались всеми этими признаками высшей человеческой деятельности: «сводный отряд», «командир» и еще шикарнее – «рапорт». Более старших интересовали новые способы сельскохозяйственной работы; херсонский пар привлекал их не только к сердцам колонистов, но и к нашему полю, и к нашей сеялке. Сделалось обыкновенным, что за каждым нашим сводным обязательно увязывался приятель с хутора, который приносил с собою тайком взятую в клуне сапку или лопату. Эти ребята и по вечерам наполняли колонию и незаметно для нас сделались ее непременной принадлежностью. По их глазам было видно, что сделаться колонистом становилось для них мечтой жизни. Некоторым это потом удавалось, когда внутрисемейные, бытовые и религиозные конфликты выталкивали их из отцовских объятий.

И наконец, разложение хутора увенчалось самым сильным, что есть на свете: не могли устоять хуторские девчата против обаяния голоногого, подтянутого, веселого и образованного колониста. Туземные представители мужского начала не способны были ничего предъявить в противовес этому обаянию, тем более, что колонисты не спешили воспользоваться девичьей податливостью, не колотили девчат между лопатками, не хватали ни за какие места и не куражились над ними. Наше старшее поколение в это время уже подходило к рабфаку и к комсомолу, уже начинало понимать вкус в утонченной вежливости и в интересной беседе.

Симпатии хуторских девчат в это время еще не приняли форм влюбленности. Они хорошо относились и к нашим девчатам, более развитым и «городским», а в то же время и не панночкам. Любовь и любовные фабулы пришли несколько позднее. Поэтому девчата искали не только свиданий и соловьиных концертов, но и общественных ценностей. Их стайки все чаще и чаще появлялись в колонии. Они еще боялись плавать в колонистских волнах в одиночку: усаживались рядком на скамейках и молча впитывали в себя новенькие, с иголочки, впечатления. Может быть, их чересчур поразило запрещение лущить семечки не только в помещении, но и на дворе?

Плетни, заборы и ворота благодаря сочувствию нашему делу

со стороны молодого поколения уже не могли служить хозяину в прежнем направлении: удостоверять неприкосновенность частной собственности. Поэтому скоро колонисты дошли до такой наглости, что в наиболее трудных местах построили так называемые «перелазы». В России, кажется, не встречается это транспортное усовершенствование. Заключается оно в том, что через плетень проводится неширокая дощечка и подпирается с конца двумя колышками.

Выпрямление линии Коломак-колония происходило и за счет посевов – признаемся в этом грехе. Так или иначе, а к весне двадцать третьего года эта линия могла бы поспорить с Октябрьской железной дорогой[111]. Это значительно облегчило работу наших сводных отрядов.

В обед сводный отряд получает свою порцию раньше других. Уже в двадцать минут первого сводный отряд пообедал и немедленно выступает. Дежурный по колонии вручает ему бумажку, в которой написано все, что нужно: номер отряда, список членов, имя командира, назначенная работа и время выполнения. Шере завел во всем этом высшую математику: задание всегда рассчитано до последнего метра и килограмма.

Сводный отряд быстро выступает в путь, через пять-шесть минут его кильватер уже виден далеко в поле. Вот он перескочил через плетень и скрылся между хатами. Вслед за ним на расстоянии, определенном длительностью разговора с дежурным по колонии, выступает следующий, какой-нибудь третий «К» или третий «С». Скоро все поле разрезано черточками наших сводных. Сидящий на крыше погреба Тоська между тем уже звенит:

– Первый «Б» вертается!

Действительно, из хуторских плетней выползает кильватер первого «Б». Первый «Б» всегда работает на вспашке или на посеве, вообще с лошадьми. Он ушел еще в половине шестого утра, и вместе с ним ушел и его командир Белухин. Именно Белухина и высматривает Тоська с вершины крыши погреба. Через несколько минут первый «Б» – шесть колонистов – уже во дворе колонии. Пока отряд рассаживается за столом в лесу, Белухин отдает рапорт дежурному по колонии. На рапорте отметка Родимчика о времени прибытия, об исполненной работе.

Белухин, как всегда, весел.

– Задержка на пять минут вышла, понимаете. Виноват флот. Нам нужно на работу, а Митька каких-то спекулянтов возит.

– Каких спекулянтов? – любопытствует дежурный.

– А как же! Сад приезжали нанимать.

– Ну?

– Да я их дальше берега не пустил: что ж вы думаете, вы

будете яблоки шамать, а мы на вас смотреть будем? Плыви, граждане, в исходное положение!.. Здравствуйте, Антон Семенович, как у вас дела идут?

– Здравствуй, Матвей.

– Скажите по совести, скоро оттуда Родимчика уберут? Как-то, знаете, Антон Семенович, очень даже неприлично. Такой человек ходит, понимаете, по колонии, тоску наводит. Даже работать через него не хочется, а тут еще давай ему рапорт подписывать. С какой стати?

Родимчик этот мозолил глаза всем колонистам.

Во второй колонии к этому времени было больше двадцати человек, и работы им было по горло. Шере только полевую работу проводил силами сводных отрядов первой колонии. Конюшня, коровник, все разрастающаяся свинарня обслуживались тамошними ребятами. В особенности много сил вкладывалось во второй колонии на приведение в порядок сада. Сад имел четыре десятины, он был полон хороших молодых деревьев. Шере предпринял в саду грандиозные работы. Сад был весь перепахан, деревья подрезаны, освобождены от всякой нечистоты, расчищен большой смородинник, проведены дорожки и организованы цветники. Наша молодая оранжерея к этой весне дала первую продукцию. Много было работы и на берегу – там проводили канавки, вырубали камыши.

Ремонт имения подходил к концу. Даже конюшня пустотелого бетона перестала дразнить нас взорванной крышей: ее покрыли толем, а внутри плотники заканчивали устройство станков для свиней. По расчетам Шере, в ней должны были поместиться сто пятьдесят свиней.

Для колонистов жизнь во второй колонии была малопритягательной, в особенности зимой. В старой колонии мы успели приспособиться, и так хорошо все здесь улеглось, что мы почти не замечали ни каменных скучных коробок, ни полного отсутствия красоты и поэзии. Красота заменилась математическим порядком, чистотой и точной прилаженностью самой последней, пустяковой вещи.

Вторая колония, несмотря на свою буйную красоту в петле Коломака, высокие берега, сад, красивые и большие дома, была только наполовину выведена из хаоса разрушения, вся была завалена строительным мусором и исковеркана известковыми ямами, а все вместе зарастало таким бурьяном, что я часто задумывался, сможем ли мы когда-нибудь с этим бурьяном справиться.

И для жизни здесь все было как-то не вполне готово: спальни хороши, но нет настоящей кухни и столовой. Кухню кое-как

приспособили, так погреб не готов. А самая главная беда с персоналом: некому было во второй колонии первому размахнуться.

Все эти обстоятельства привели к тому, что колонисты, так охотно и с таким пафосом совершавшие огромную работу восстановления второй колонии, жить в ней не хотели. Братченко готов был делать в день по двадцать верст из колонии в колонию, недоедать и недосыпать, но быть переведенным во вторую колонию считал для себя позором. Даже Осадчий говорил:

– Краще пиду з колонии, а в Трепках не житиму.

Все яркие характеры первой колонии к этому времени успели сбиться в такую дружную компанию, что оторвать кого-либо можно было только с мясом. Переселять их во вторую колонию значило бы рисковать и второй колонией и самими характерами. Ребята это очень хорошо понимали. Карабанов говорил:

– Наши як добри жерэбци. Такого як Бурун запряжи добрэ та по-хозяйскому чмокни, то й повэзэ, ше й голову задиратымэ, а дай ему волю, то вин и сэбэ и виз рознэсэ дэ-нэбудь пид горку.

Во второй колонии поэтому начал образовываться коллектив совершенно иного тона и ценности. В него вошли ребята и не столь яркие, и не столь активные, и не столь трудные. Веяло от них какой-то коллективной сыростью, результатом отбора по педагогическим соображениям.

Интересные личности находились там случайно, подрастали из малышей, неожиданно выделялись из новеньких, но в то время эти личности еще не успели показать себя и терялись в общей серой толпе «трепкинцев».

А «трепкинцы» в целом были таковы, что все больше и больше удручали и меня, и воспитателей, и колонистов. Были они ленивы, нечистоплотны, склонны даже к такому смертному греху, как попрошайничество. Они всегда с завистью смотрели на первую колонию, и у них вечно велись таинственные разговоры о том, что было в первой колонии на обед, на ужин, что привезли в кладовую первой и почему этого не привезли к ним. К сильному и прямому протесту они не были способны, а шушукались по углам и угрюмо дерзили нашим официальным представителям.

Наши колонисты начали уже усваивать несколько презрительную позу по отношению к «трепкинцам». Задоров или Волохов приводили из второй колонии какого-нибудь жалобщика, ввергали в кухню и просили:

– Накормите, пожалуйста, этого голодающего.

«Голодающий», конечно, из ложного самолюбия отказывался от кормления. На самом же деле во второй колонии кормились ребята лучше. Ближе были свои огороды, кое-что можно было

покупать на мельнице, наконец – свои коровы. Перевозить молоко в нашу колонию было трудно: и далеко, и лошадей не хватало.

Во второй колонии складывался коллектив ленивый и ноющий. Как уже было указано, виноваты в этом были многие обстоятельства, а больше всего отсутствие ядра и плохая работа воспитательского персонала.

Педагоги не хотели идти на работу в колонию: жалованье ничтожное, а работа трудная. Наробраз прислал, наконец, первое, что попалось под руку: Родимчика, а вслед за ним Дерюченко. Они прибыли с женами и детьми и заняли лучшие помещения в колонии. Я не протестовал – хорошо, хоть такие нашлись.

Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка, украсил все помещения колонии дешевыми портретами Шевченко[112] и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, – к пению «украинських писэнь».

Для тогдашних петлюровцев Шевченко был наиболее удобной дымовой завесой в деле прикрытия настоящей физиономии. Культ Шевченко никакого отношения не имел к социальному содержанию его творчества. Тексты Шевченко были для петлюровца чем-то подобным текстам Священного Писания. Они воспринимались без всякой критики и даже без всякого участия мысли как священнейшие крупинки украинской идеи, как символы украинской державности и как память о великих временах гетманов и козарлюг.

Дерюченко целыми днями старался приспособить ребят к пению «украинських писэнь» и к созерцанию портретов Шевченко. И жизнь самого Дерюченка, и жизнь всего человечества представлялись годными только для подготовки к величайшему мировому празднику – 26 февраля, «роковынам» рождения и смерти Тараса. К этому дню приобретались новые портреты, разучивались новые песни, и в особенности разучивался национальный гимн, легально заменивший «Ще не вмерла Украина», – так называемый «Заповит», который распевался со страшными выражениями физиономий и с дрожью баритонов, а сильнее всего в словах:

И вражою злою кровью
Волю окропите.

Я прекрасно понимал, что злая кровь – это вовсе не кровь помещиков или буржуев, – нет, это кровь москалей и таких ренегатов, как я.

Колонистам некогда было разбираться в сущности петлюровских симфоний. Побаиваясь наших сводных, они работали

до вечера, а вечером разбегались по саду, и молебны, посвященные равноапостольному Шевченко, распевались самим Дерюченком, двумя-тремя мельничными и гостями с Гончаровки.

Дерюченко был еще молод. Его лицо все было закручено на манер небывалого запорожского валета: усы закручены, шевелюра закручена, и закручен галстук-стричка вокруг воротника украинской вышитой сорочки. Этому человеку все же приходилось проделывать дела, кощунственно безразличные по отношению к украинской державности: дежурить по колонии, заходить в свинарню, отмечать прибытие на работу сводных отрядов, а в дни рабочих дежурств работать с колонистами. Это была для него бессмысленная и ненужная работа, а вся колония – совершенно бесполезное явление, не имеющее никакого отношения к мировой идее.

Родимчик был столь же полезен в колонии, как и Дерюченко, но он был еще и противнее…

У Родимчика тридцатилетний жизненный стаж, работал раньше по разным учреждениям: в угрозыске, в кооперации, на железной дороге и, наконец, воспитывал юношество в детских домах. У него странное лицо, очень напоминающее старый, изношенный, слежавшийся кошелек. Все на этом лице измято и покрыто красным налетом: нос немного приплюснут и свернут в сторону, уши придавлены к черепу и липнут к нему вялыми, мертвыми складками, рот в случайном кособочии давно изношен, истрепан и даже изорван кое-где от долгого и неаккуратного обращения.

Прибыв в колонию и расположившись с семейством в только что отремонтированной квартире, Родимчик проработал неделю и вдруг исчез, прислав мне записку, что он уезжает по весьма важному делу. Через три дня он приехал на крестьянском возу, а за возом привязана корова. Родимчик приказал колонистам поставить корову вместе с нашими. Даже Шере несколько потерялся от такой неожиданности.

Дня через два Родимчик прибежал ко мне с жалобой:

– Я никогда не ожидал, что здесь к служащим будет такое отношение! Здесь, кажется, забыли – теперь не старое время. Я и мои дети имеем такое же право на молоко, как и все остальные. Если я проявил инициативу и не ожидал, пока мне будут давать казенное молоко, а сам, как вы знаете, позаботился, потрудился, из моих скудных средств купил корову и сам привел ее в колонию, то вы можете заключить, что это нужно поощрять, но ни в коем случае не преследовать. Какое же отношение к моей корове? В колонии несколько стогов сена, кроме того, колония по дешевой цене получает на мельнице отруби, полову и прочее. И

вот, все коровы едят, а моя стоит голодная, а мальчики отвечают очень грубо, говорят: мало ли кто заведет корову! У других коров чистят, а у моей уже пять дней не чищено, и она вся грязная. Выходит так, что моя жена должна идти и сама чистить под коровой. Она бы и пошла, *потому что всякий труд хорош, как вы знаете*, так ей мальчики не дают ни лопаты, ни вил и, кроме того, не дают соломы на подстилку. Если такой пустяк, как солома, имеет значение, то я могу предупредить, что должен буду принять решительные меры. Это ничего, что я теперь не в партии. Я был в партии и заслужил, чтобы к моей корове не было подобного отношения.

Я тупо смотрел на этого человека и сразу даже не мог сообразить, есть ли какая-нибудь возможность с ним бороться.

– Позвольте, товарищ Родимчик, как же так? Все же корова ваша – это частное хозяйство, как же можно все это смешивать? Наконец, вы же педагог? В какое же положение вы ставите себя по отношению к воспитанникам?

– В чем дело? – затрещал Родимчик. – Я вовсе не хочу ничего даром: и за корм и за труды воспитанников я, конечно, уплачу, если не по дорогой цене. А как у меня украли, у моего ребенка, шапочку-беретку, украли же, конечно, воспитанники, я же ничего не сказал!

Я отправил его к Шере.

Тот к этому времени уже успел опомниться и выставил корову Родимчика со скотного двора. Через несколько дней она исчезла: видимо, хозяин продал ее.

Прошло две недели. Волохов на общем собрании поставил вопрос:

– Что это такое? Почему Родимчик роет картошку на колонистских огородах? Наша кухня сидит без картошки, а Родимчик роет. Кто ему разрешил?

Колонисты поддержали Волохова. Задоров говорил:

– Не в картошке дело. Семья у него – пусть бы спросил у кого следует, картошки не жалко, а только зачем нужен этот Родимчик? Он целый день сидит у себя на квартире, а то уходит в деревню. Ребята грязные, никогда его не видят, живут, как дикари. Придешь рапорт подписать, и то не найдешь: то он спит, то обедает, то ему некогда – подожди. Какая с него польза?

– Мы знаем, как должны работать воспитатели, – сказал Таранец. – А Родимчик? Выйдет к сводному на рабочее дежурство, постоит с сапкой полчаса, а потом говорит: «Ну, я кой-куда сбегаю», – и нет его, а через два часа, смотришь, уже он идет из деревни, что-нибудь в кошелке тащит…

Я обещал ребятам принять меры. На другой день вызвал

Родимчика к себе. Он пришел к вечеру, и наедине я начал его отчитывать, но только начал. Возмущенный Родимчик прервал меня:

– Я знаю, чьи это штуки, я очень хорошо знаю, кто под меня подкапывается, – это все немец этот! А вы лучше проверьте, Антон Семенович, что это за человек. Я вот проверил: для моей коровы даже за деньги не нашлось соломы, корову я продал, дети мои сидят без молока, приходится носить из деревни. А теперь спросите, чем Шере кормит своего Милорда? Чем кормит, у вас известно? Нет, неизвестно. А на самом деле он берет пшено, которое назначено для птицы, пшено – и варит Милорду кашу. Из пшена! Сам варит и дает собаке есть, ничего не платит. И собака ест колонистское пшено совершенно бесплатно и тайно, пользуясь только тем, что он агроном и что вы ему доверяете.

– Откуда вы все это знаете? – спросил я Родимчика.

– О, я никогда не стал бы говорить напрасно. Я не такой человек, вот посмотрите…

Он развернул маленький пакетик, который достал из внутреннего кармана. В пакетике оказалось что-то черновато-белое, какая-то странная смесь.

– Что это такое? – спросил я удивленно.

– А это вам все и доказывает. Это и есть кал Милорда. Кал, понимаете? Я следил, пока не добился. Видите, чем Милорд ходит? Настоящее пшено. А что, он его покупает? Конечно, не покупает, берет просто из кладовки.

Я сказал Родимчику:

– Вот что, Родимчик, уезжайте вы лучше из колонии.

– Как это «уезжайте»?

– Уезжайте по возможности скорее. Сегодня приказом я вас уволю. Подайте заявление о добровольном уходе, будет лучше всего.

– Я этого дела так не оставлю!

– Хорошо. Не оставляйте, но я вас увольняю.

Родимчик ушел; дело он «так оставил» и дня через три выехал.

Что было делать со второй колонией? «Трепкинцы» выходили плохими колонистами, и дальше терпеть было нельзя. Между ними то и дело происходили драки, всегда они друг у друга крали – явный признак плохого коллектива.

Пришел на помощь Черненко.

– Воспитателя нет? Вот чудак, что же ты молчишь? У меня тут есть одна пострадавшая, хорошая, брат, баба, как раз для вас подойдет. Вот я пришлю.

Прислал.

Приехала в колонию красивая женщина, высокая, говорит шикарным контральто, даже немного совестно такую жемчужину запрягать в педагогическую повозку. Признаюсь, я был смущен такой щедростью природы по отношению к колонии. Самолично проводил Ольгу Самсоновну – так ее звали – во вторую колонию и устроил целое торжество: протрубили сбор колонистов, и я представил им новую воспитательницу.

Ольга Самсоновна с интересом оглядела толпу «трепкинцев», раза два щедро улыбнулась, а больше все оглядывалась по сторонам и щурилась.

– Пойдемте, покажу вам вашу комнату, – сказал я.

– Ах да, интересно, что за комната такая?.. (Действительно, замечательное контральто.)

В пустой комнате, чистенькой и специально приготовленной для новой воспитательницы, Ольга Самсоновна, улыбаясь, оглядела потолок и вдруг положила руку на мое плечо.

– Здесь у вас прелесть. Правда же, мы будем здесь хорошо жить?

Она глянула мне в глаза и прищурилась:

– А вы милый!

Эта самая история колонии имени Горького оттолкнула меня от живой жизни и лишила способности быстро и удачно реагировать на некоторые впечатления. Я неловко отодвинулся от Ольги Самсоновны, сдал ее скорее Дерюченку с просьбой помочь и устроить… и удрал в свою колонию. А дорогою думал:

«Что это такое? Неужели просто нахальная, распущенная баба, или, может быть, я и в самом деле такой милый и неотразимый человек, что бедные женщины с первой встречи бросаются мне на шею?»

Этот завлекательный вопрос был разрешен почти молниеносно. Не прошло и недели, как Белухин сообщил мне по секрету:

– Там эта Ольга Самсоновна, так неладно очень…

– Что такое? – испугался я.

– Да знаете, Антон Семенович, как-то даже говорить неприлично. Попросту вам скажу: она, знаете, как это говорится – романтическая женщина… даже хуже. У нее в комнате так и мельничные, и наши служащие… Опришко тоже. Просто зовет к себе и заставляет ночевать, ну, понимаете, ночуют вдвоем, вот и все. И пьяная часто, конечно, не шатается, а все хохочет, и видно, что пьяная. Обнимает всех, кто постарше. А Опришко совсем с ума сошел, ходит, как лунатик.

И на другой же день прилетел в колонию Черненко, заперся со мной и взмолился:

– Голубчик, прости дурака! Эта же самая Ольга Самсоновна, знаешь, оказалась проститутка, настоящая уличная, ну, проститутка, понимаешь, не в каком-нибудь ругательном смысле, а профессиональная, уличная стерва. Вот подвели, уроды!.. Пожалуйста, голубчик, сейчас же отправляйся туда и гони ее в шею, немедленно гони в шею. А что, она тут ничего не наделала?

– Да… так, особенного ничего.

– Ах, дурак старый!

Он уехал подавленный. Я поспешил во вторую колонию.

Ольга Самсоновна встретила меня сонная, но контральто у нее было по-прежнему великолепно.

– Ну что же, Ольга Самсоновна, вы же понимаете, работать вам уже довольно.

Она улыбнулась смущенно:

– Довольно, говорите? Кто это придумал, что я буду здесь работать? Скучные люди какие! Так что же? Уезжать?

– Да. И скорее.

– Сегодня.

– Хорошо бы и сегодня.

– Хорошо. Только вы ребят из-за меня не наказывайте. Славные есть пареньки…

Через час Сорока подъехал на возу. Ольга Самсоновна ласково со мной простилась:

– А вы все-таки милый.

Колонисты не пришли ее провожать, боялись неприятных разговоров со мной.

Возвращаясь в колонию, я уже не трудился над разрешением интересных жизненных вопросов. Вопросы занимали меня, по-старому, педагогические:

«Где найти людей для этого проклятого дела? Настоящих людей?»

Настоящих людей? Это не так мало, черт его подери!

[29] Завоевание комсомола

В 1923 году стройные цепи горьковцев подошли к новой твердыне, которую, как это ни странно, нужно было брать приступом, – к комсомолу.

Колония имени Горького никогда не была замкнутой организацией. Уже с двадцать первого года наши связи с так называемым «окружающим населением» были очень разнообразны и широки. Ближайшее соседство и по социальным, и по историческим причинам было нашим врагом, с которым, однако, мы не только боролись, как умели, но и находились в хозяйственных отношениях, в особенности благодаря нашим мастерским. Хозяйственные отношения колонии выходили все-таки далеко за границы враждебного слоя, так как мы обслуживали селянство на довольно большом радиусе, проникая нашими промышленными услугами в такие отдаленные страны, как Сторожевое, Мачухи, Бригадировка. Ближайшие к нам большие деревни Гончаровка, Пироговка, Андрушевка, Забираловка к двадцать третьему году были освоены нами не только в хозяйственном отношении. Даже первые походы наших аргонавтов, преследующие цели эстетического порядка, вроде исследования красот местного девичьего элемента или демонстрации собственных достижений в области причесок, фигур, походок и улыбок, – даже эти первые проникновения колонистов в селянское море приводили к значительному расширению социальных связей. Именно в этих деревнях колонисты впервые познакомились с комсомольцами.

Комсомольские силы в этих деревнях были очень слабы и в количественном, и в качественном отношениях. Деревенские комсомольцы сами интересовались больше девчатами и самогоном и часто оказывали на колонистов скорее отрицательное влияние. Только с того времени, когда против второй колонии, на правом берегу Коломака, стала организовываться сельскохозяйственная артель имени Ленина, поневоле оказавшаяся в крупной вражде с нашим сельсоветом и всей хуторской группой, – только тогда в комсомольских рядах мы обнаружили боевые настроения и сдружились с артельной молодежью. Колонисты очень хорошо, до мельчайших подробностей, знали все дела новой артели и все трудности, встретившие ее рождение. Прежде всего артель сильно ударила по кулацким просторам земли и вызвала со стороны хуторян дружный, дышавший злобой отпор. Не так легко для артели досталась победа.

Хуторяне в то время были большой силой, имели «руки» в городе, а их кулацкая сущность для многих городских деятелей была почему-то секретом. В этой борьбе главными полями битв были городские канцелярии, а главным оружием – перья; поэтому колонисты не могли принять прямого участия в борьбе. Но когда дело с землей было окончено и начались сложнейшие инвентарные операции, для наших и артельных ребят нашлось много интересной работы, в которой они сдружились еще больше.

Все же и в артели комсомольцы не играли ведущей роли и сами были слабее старших колонистов. Наши школьные занятия очень много давали колонистам и сильно углубили их политическое образование. Колонисты уже с гордостью сознавали себя пролетариями и прекрасно понимали разницу между своей позицией и позицией сельской молодежи. Усиленная и часто тяжелая сельскохозяйственная работа не мешала слагаться у них глубокому убеждению, что впереди ожидает их иная деятельность.

Самые старшие могли уже и более подробно описать, чего они ждут от своего будущего и куда стремятся. В определении вот этих стремлений и движений главную роль сыграли не селянские молодежные силы, а городские.

Недалеко от вокзала расположились большие паровозные мастерские. Для колонистов они представлялись драгоценнейшим собранием дорогих *начал*, людей и предметов. Паровозные мастерские имели славное революционное прошлое, был в них мощный партийный коллектив. Колонисты мечтали об этих мастерских как о невозможно-чудесном, сказочном дворце. Во дворце сияли не светящиеся колонны «Синей птицы»[113], а нечто более великолепное: богатырские взлеты подъемных кранов, набитые силой паровые молоты, хитроумнейшие, обладавшие сложнейшими мозговыми аппаратами револьверные станки. Во дворце ходили хозяева-люди, благороднейшие принцы, одетые в драгоценные одежды, блестевшие паровозным маслом и пахнувшие всеми ароматами стали и железа. В руках *у этих людей концы, которыми они имеют* право касаться священных плоскостей, цилиндров и конусов, всего дворцового богатства. И эти люди – люди особенные. У них нет рыжих расчесанных бород и лоснящихся жиром хуторских физиономий. У них умные, тонкие лица, светящиеся знанием и властью, властью над станками и паровозами, знанием сложнейших законов рукояток, суппортов, рычагов и штурвалов. И среди этих людей много нашлось комсомольцев, поразивших нас новой и прекрасной ухваткой: *не было в них ничего, напоминающего размазню деревенского черноземного разговора*, – здесь мы видели уверенную

бодрость, слышали крепкое, соленое рабочее слово.

Да, паровозные мастерские – это предел стремлений для многих колонистов эпохи двадцать второго года. Слышали наши кое-что и о более великолепных творениях человечества: харьковские, ленинградские заводы, все эти легендарные путиловские, сормовские, ВЭКи[114]. Но мало ли что есть на свете! Не на все имеет право мечта скромного провинциального колониста. А с нашими паровозниками мы постепенно начали знакомиться ближе и получили возможность видеть их собственными глазами, ощущать их прелесть всеми чувствами, вплоть до осязания.

Они пришли к нам первые, и пришли именно комсомольцы. В один воскресный день в мой кабинет прибежал Карабанов и закричал:

– С паровозных комсомольцы пришли! От здорово!..

Комсомольцы слышали много хорошего о колонии и пришли познакомиться с нами. Их было человек семь. Хлопцы их любовно заключили в тесную толпу, терлись о них своими животами и боками и в таком действительно тесном общении провели целый день, показывали им вторую колонию, наших лошадей, инвентарь, свиней, Шере, оранжерею, всей глубиной колонистской души чувствуя ничтожность нашего богатства по сравнению с паровозными мастерскими. Их очень поразило то обстоятельство, что комсомольцы не только не важничают перед нами, не только не показывают своего превосходства, но даже как будто приходят в восторг и немного умиляются.

Перед уходом в город комсомольцы зашли ко мне поговорить. Их интересовало, почему в колонии нет комсомола. Я им кратко описал трагическую историю этого вопроса.

Уже с двадцать второго года мы добивались *открытия* в колонии комсомольской ячейки, но местные комсомольские силы решительно возражали против этого: колония ведь для правонарушителей, какие же могут быть комсомольцы в колонии? Сколько мы ни просили, ни спорили, ни ругались, нам предъявляли одно: у вас правонарушители. Пусть они выйдут из колонии, пусть будет удостоверено, что они исправились, тогда можно будет говорить и о принятии в комсомол отдельных юношей.

Паровозники посочувствовали нашему положению и обещали в городском комсомоле помочь нашему делу. Действительно, в следующее же воскресенье один из них снова пришел в колонию, но только затем, чтобы рассказать нам нерадостные вести. В городском и губернском комитетах говорят: «Правильно, как можно быть комсомольцем в колонии, если среди колонистов

много и бывших махновцев, и уголовного элемента, и вообще людей темных?»

Я растолковал ему, что махновцев у нас очень мало, что у Махно они были случайно. Наконец, растолковал и то, что термин «исправился» нельзя понимать так формально, как понимают его в городе. Для нас мало просто «исправить» человека, мы должны его воспитать по-новому, то есть должны воспитать так, чтобы он сделался не просто безопасным или безвредным членом общества, но чтобы он стал активным деятелем новой эпохи. А кто же будет его воспитывать, если он стремится в комсомол, а его не пускают туда и все вспоминают какие-то старые, детские все-таки, преступления? Паровозник и соглашался со мной, и не соглашался. Его больше всего затруднял вопрос о границе: когда же можно колониста принять в комсомол, а когда нельзя, и кто будет этот вопрос решать?

– Как – «кто будет решать»? Вот именно и будет решать комсомольская организация колонии.

Комсомольцы-паровозники и в дальнейшем часто нас посещали, но я наконец разобрал, что у них есть не совсем здоровый интерес к нам. Они нас рассматривали именно как преступников; они с большим любопытством старались проникнуть в прошлое ребят и готовы были признать наши успехи только с одним условием: все же здесь собраны не обыкновенные молодые люди. Я с большим трудом перетягивал на свою сторону отдельных комсомольцев.

Наши позиции по этому вопросу с самого первого дня колонии оставались неизменными. Основным методом перевоспитания правонарушителей я считал такой, который основан на полнейшем игнорировании прошлого и тем более прошлых преступлений. Довести этот метод до настоящей чистоты мне самому было очень не легко, нужно было между прочими препятствиями побороть и собственную натуру. Всегда подмывало узнать, за что прислан колонист в колонию, чего он такого натворил. Обычная педагогическая логика в то время старалась подражать медицинской и толковала с умным выражением на лице: для того чтобы лечить болезнь, нужно ее знать. Эта логика и меня иногда соблазняла, а в особенности соблазняла моих коллег и наробраз.

Комиссия по делам несовершеннолетних присылала к нам «дела» воспитанников, в которых подробно описывались разные допросы, очные ставки и прочая дребедень, помогавшая якобы изучить болезнь.

В колонии мне удалось перетянуть на свою сторону всех педагогов, и уже в 1922 году я просил комиссию никаких «дел» ко

мне не присылать. Мы самым искренним образом перестали интересоваться прошлыми преступлениями колонистов, и у нас это выходило так хорошо, что и колонисты скоро забывали о них. Я сильно радовался, видя, как постепенно исчез в колонии всякий интерес к прошлому, как исчезли из наших дней отражения дней мерзких, больных и враждебных нам. В этом отношении мы достигли полного идеала: уже и новые колонисты стеснялись рассказывать о своих подвигах.

И вдруг по такому замечательному делу, как организация комсомола в колонии, нам пришлось вспомнить как раз наше прошлое и восстановить отвратительные для нас термины: «исправление», «правонарушение», «дело».

Стремление ребят в комсомол делалось благодаря встретившимся сопротивлениям настойчиво боевым – собирались лезть в настоящую драку. Люди, склонные к компромиссам, как Таранец, предлагали обходный способ: выдать для желающих вступить в комсомол удостоверения о том, что они «исправились», а в колонии их, конечно, оставить. Большинство протестовало против такой хитрости. Задоров краснел от негодования и говорил:

– Не нужно этого! Это тебе не с граками возиться, тут никого не нужно обдуривать. Нам нужно добиться, чтобы в колонии был комсомол, а комсомол уже сам будет знать, кто достоин, а кто недостоин.

Ребята очень часто ходили в комсомольские организации города и добивались своего, но в общем успеха не было.

Зимой двадцать третьего года мы вошли в дружеские отношения еще с одной комсомольской организацией. Вышло это случайно.

Под вечер мы с Антоном возвращались домой. Блестевшая сытой шерстью Мэри была запряжена в легковые сани. В самом начале спуска с горы мы встретили неожиданное в наших широтах явление – верблюда. Мэри не могла пересилить естественное чувство отвращения, вздрогнула, вздыбилась, забилась в оглоблях и понесла. Антон уперся ногами в передок саней, но удержать кобылу не смог. Некоторый существенный недостаток наших легковых саней, на который, правда, Антон указывал, – короткие оглобли, – определил дальнейшие события и приблизил нас к указанной выше новой комсомольской организации. Развернувшись в паническом карьере, Мэри колотила задними копытами по железному передку, пугалась еще больше и со страшной быстротой несла нас навстречу неизбежной катастрофе. Мы с Антоном вдвоем натягивали вожжи, но от этого становилось хуже: Мэри задирала голову и бесилась сильнее и

сильнее. Я уже видел то место, на котором все должно было окончиться более или менее печально: на повороте дороги у водоразборной будки сгрудились крестьянские сани на водопое. Казалось, спасения нет, дорога была загорожена. Но каким-то чудом Мэри пронеслась между водопоем и группой городских саней. Раздался треск разрушаемого дерева, крики людей, но мы уже были далеко. Гора кончилась, мы более спокойно полетели по ровной, прямой дороге. Антон получил даже возможность оглянуться и покрутить головой:

– Чьи-то сани разнесли, тикать надо.

Он было замахнулся кнутом на Мэри, и без того летящую полной рысью, но я удержал его энергичную руку:

– Не удерешь, смотри, у них какой дьявол!

Действительно, сзади нас широко и спокойно выбрасывал могучие копыта красавец-рысак, а из-за его крупа пристально вглядывался в неудачных беглецов человек с малиновыми петлицами. Мы остановились. Обладатель петлиц стоял в санях и держался за плечи кучера, потому что сесть ему было не на что: заднее сиденье и спинка саней были обращены в шаткую решетку, и по дороге волочились обгрызанные и растерзанные концы каких-то санных деталей.

– Поезжайте за нами, – сердито бросил военный.

Мы поехали. Антон радостно улыбался: ему очень понравились усовершенствования в экипаже, произведенные нашим беспокойным выездом. Через десять минут мы были в комендатуре ГПУ, и только тогда Антон изобразил на физиономии неприятное удивление:

– От, смотри ж ты, на ГПУ наскочили…

Нас обступили люди с малиновыми петлицами, и один из них закричал на меня:

– Ну, конечно, посадили мальчишку за кучера… разве он может удержать лошадь? Придется отвечать вам.

Антон скорчился от обиды и почти со слезами замотал головой на обидчика:

– Мальчишку, смотри ты! Кабы не пускали верблюдов по улицам, а то поразводили всякой сволочи, лазит под ногами… Разве кобыла может на него смотреть? Может?

– Какой сволочи?

– Та верблюдов же!

Малиновые петлицы смеялись.

– Откуда вы?

– Из колонии Горького, – сказал я.

– О, так это же горьковцы! А вы кто, заведующий? Хороших щук поймали сегодня! – смеялся радостно молодой человек,

созывая народ и показывая на нас как на приятных гостей.

Вокруг нас собралась толпа. Они потешались над собственным кучером и тормошили Антона, расспрашивая о колонии.

– А мы давно собирались побывать в колонии. Там народ, говорят, боевой. Мы вот к вам приедем в воскресенье.

Но пришел завхоз и сердито приступил к составлению какого-то акта. На него закричали:

– Да брось свои бюрократические замашки! Ну, для чего ты это пишешь?

– Как – «для чего»? Вы видели, что они с санями сделали? Пускай теперь исправляют.

– Они и без твоего протокола исправят. Исправите ж?.. Вы лучше расскажите, как у вас в колонии. Говорят, у вас даже карцера нет!

– Вот еще, чего не хватало, карцера! А у вас разве есть? – заинтересовался Антон.

Публика снова взорвалась смехом:

– Обязательно приедем к ним в воскресенье. Отвезем сани в починку.

– А на чем я буду ездить до воскресенья? – завопил завхоз.

Но я успокоил его:

– У нас есть еще одни сани, пускай с нами сейчас кто-нибудь поедет и возьмет.

Так у нас в колонии завелись еще хорошие друзья. В воскресенье в колонию приехали чекисты-комсомольцы. И снова был поставлен на обсуждение тот же проклятый вопрос: почему колонистам нельзя быть комсомольцами? Чекисты в решении этого вопроса единодушно стали на нашу сторону.

– Ну, что там они выдумывают, – говорили они мне, – какие там преступники? Глупости, стыдно серьезным людям… Мы это дело двинем, если не здесь, так в Харькове.

В это время как раз наша колония была передана в непосредственное ведение украинского Наркомпроса как «образцово-показательное учреждение для правонарушителей». К нам начали приезжать наркомпросовские инспектора. *Они не скрывали от нас, что в сельском хозяйстве мало понимают, что удел педагогических проблем может быть известен мне больше, чем им.* Это уже не были подбитые ветром, легкомысленные провинциалы, поверившие в соцвос в порядке весенней эмоции. В соцвосе харьковцев мало интересовали клейкие листочки[115], души, права личности и прочая лирическая дребедень. Они искали новых организационных форм и нового тона. Самым симпатичным у них было то, что они не корчили из себя доктора

Фауста[116], которому не хватает только одного счастливого мгновения, а относились к нам по-товарищески, вместе с нами готовы были искать новое и радоваться каждой новой крупинке.

Харьковцы очень удивились нашим комсомольским бедам:

– Так вы работаете без комсомола?.. Нельзя?.. Кто это такое придумал?

По вечерам они шушукались со старшими колонистами и кивали друг другу сочувственно головами.

В Центральном Комитете комсомола Украины благодаря предстательствам[117] и Наркомпроса, и наших городских друзей вопрос был разрешен с быстротою молнии, и летом двадцать третьего года в колонию был назначен политруком Тихон Несторович Коваль.

Тихон Несторович был человек селянский. Доживши до двадцати четырех лет, он успел внести в свою биографию много интересных моментов, главным образом из деревенской борьбы, накопил крепкие запасы политического действия, был, кроме того, человеком умным и добродушно-спокойным. С колонистами он с первой встречи заговорил языком равного им товарища, в поле и на току показал себя опытным хозяином.

Комсомольская ячейка была организована в колонии в составе девяти человек.

[30] Начало фанфарного марша

Дерюченко вдруг заговорил по-русски. Это противоестественное событие было связано с целым рядом неприятных происшествий в дерюченковском гнезде. Началось с того, что жена Дерюченко, – к слову сказать, существо абсолютно безразличное к украинской идее, – собралась родить. Как ни сильно взволновали Дерюченко перспективы развития славного казацкого рода, они еще не способны были выбить его из седла. На чистом украинском языке он потребовал у Братченко лошадей для поездки к акушерке. Братченко не отказал себе в удовольствии высказать несколько сентенций, осуждающих как рождение молодого Дерюченко, не предусмотренное транспортным планом колонии, так и приглашение акушерки из города, ибо, по мнению Антона, «один черт – что с акушеркой, что без акушерки». Все-таки лошадей он Дерюченко дал. На другой же день обнаружилось, что роженицу нужно везти в город. Антон так расстроился, что потерял представление о действительности и даже сказал:

– Не дам!

Но и я, и Шере, и вся общественность колонии столь сурово и энергично осудили поведение Братченко, что лошадей пришлось дать. Дерюченко выслушивал разглагольствования Антона терпеливо и уговаривал его, сохраняя прежнюю сочность и великолепие выражений:

– Позаяк ця справа вымагае дужэ швыдкого выришення, нэ можна гаяти часу, шановный товарыщу Братченко[118].

Антон орудовал математическими данными и был уверен в их особой убедительности:

– За акушеркой пару лошадей гоняли? Гоняли. Акушерку отвозили в город, тоже пару лошадей? По-вашему, лошадям очень интересно, кто там родит?

– Але ж, товарищу…

– Вот вам и «але»! А вы подумайте, что будет, если все начнут такие безобразия!..

В знак протеста Антон запрягал по родильным делам самых нелюбимых и нерысистых лошадей, объявлял фаэтон испорченным и подавал шарабан, на козлы усаживал Сороку – явный признак того, что выезд не парадный.

Но до настоящего белого каления Антон дошел только тогда, когда Дерюченко потребовал лошадей ехать за роженицей. Он, впрочем, не был счастливым отцом: его первенец, названный им несколько поспешно Тарасом, прожил в родильном доме только

одну неделю и скончался, ничего существенного не прибавив к истории казацкого рода. Дерюченко носил на физиономии вполне уместный траур и говорил несколько расслабленно, но его горе все же не пахло ничем особенно трагическим, и Дерюченко упорно продолжал выражаться на украинском языке. Зато Братченко от возмущения и бессильного гнева не находил слов ни на каком языке, и из его уст вылетали только малопонятные отрывки:

– Даром все равно гоняли! Извозчика… спешить некуда… можна гаяты час. Все родить будут… И все без толку…

Дерюченко возвратил в свое гнездо незадачливую родильницу, и страдания Братченко надолго прекратились. В этой печальной истории Братченко больше не принимал участия, но история на этом не окончилась. Тараса Дерюченко еще не было на свете, когда в историю случайно залепилась посторонняя тема, которая, однако, в дальнейшем оказалась отнюдь не посторонней. Тема эта для Дерюченко была тоже страдательной. Заключалась она в следующем.

Воспитатели и весь персонал колонии получали пищевое довольствие из общего котла колонистов в горячем виде. Но с некоторого времени, идя навстречу особенностям семейного быта и желая немного разгрузить кухню, я разрешил Калине Ивановичу выдавать кое-кому продукты в сухом виде. Так получал пищевое довольствие и Дерюченко. Как-то я достал в городе самое минимальное количество коровьего масла. Его было так мало, что хватило только на несколько дней для котла. Конечно, никому и в голову не приходило, что это масло можно включить в сухой паек. Но Дерюченко очень забеспокоился, узнав, что в котле колонистов уже в течение трех дней плавает драгоценный продукт. Он поспешил перестроиться и подал заявление, что будет пользоваться общим котлом, а сухого пайка получать не желает. К несчастью, к моменту такой перестройки весь запас коровьего масла в кладовой Калины Ивановича был исчерпан, и это дало основание Дерюченко прибежать ко мне с горячим протестом:

– Не можно знущатися[119] над людьми! Де ж те масло?

– Масло? Масла уже нет, съели.

Дерюченко написал заявление, что он и его семья будут получать продукты в сухом виде. Пожалуйста! Но через два дня снова привез Калина Иванович масло, и снова в таком же малом количестве. Дерюченко с зубовным скрежетом перенес и это горе и даже на котел не перешел. Но что-то случилось в нашем наробразе, намечался какой-то затяжной процесс периодического вкрапления масла в организмы деятелей народного образования

и воспитанников. Калина Иванович то и дело, приезжая из города, доставал из-под сиденья небольшой «глечик», прикрытый сверху чистеньким куском марли. Дошло до того, что Калина Иванович без этого «глечика» уже и в город не ездил. Чаще всего, разумеется, бывало, что «глечик» обратно приезжал ничем не прикрытый, и Калина Иванович небрежно перебрасывал его в соломе на дне шарабана и говорил:

– Такой бессознательный народ! Ну и дай же человеку, чтобы было на что глянуть. Что ж вы даете, паразиты: чи его нюхать, чи его исты?

Но все же Дерюченко не выдержал: снова перешел на котел. Однако этот человек не способен был наблюдать жизнь в ее динамике, он не обратил внимания на то, что кривая жиров в колонии неуклонно повышается, обладая же слабым политическим развитием, не знал, что количество на известной ступени должно перейти в качество. Этот переход неожиданно обрушился на голову его фамилии. Масло мы вдруг стали получать в таком обилии, что я нашел возможным за истекшие полмесяца выдать его в составе сухого пайка. Жены, бабушки, старшие дочки, тещи и другие персонажи второстепенного значения потащили из кладовой Калины Ивановича в свои квартиры золотистые кубики, вознаграждая себя за долговременное терпение, а Дерюченко не потащил: он неосмотрительно съел причитавшиеся ему жиры в неуловимом и непритязательном оформлении колонистского котла. Дерюченко даже побледнел от тоски и упорной неудачи. В полной растерянности он написал заявление о желании получать пищевое довольствие в сухом виде. Его горе было глубоко, и он вызывал всеобщее сочувствие, но и в этом горе он держался как казак и как мужчина и не бросал родного украинского языка.

В этот момент тема жиров хронологически совпала с неудавшейся попыткой продолжить род Дерюченко.

Дерюченко с женой терпеливо дожевывали горестные воспоминания о Тарасе, когда судьба решила восстановить равновесие и принесла Дерюченкам давно заслуженную радость: в приказе по колонии было отдано распоряжение выдать сухой паек «за истекшие полмесяца», и в составе сухого пайка было показано снова коровье масло. Счастливый Дерюченко пришел к Калине Ивановичу с кошелкой. Светило солнце, и все живое радовалось. Но это продолжалось недолго. Уже через полчаса Дерюченко прибежал ко мне, расстроенный и оскорбленный до глубины души. Удары судьбы по его крепкой голове сделались уже нестерпимыми, человек сошел с рельсов и колотил колесами по шпалам на чистом русском языке:

– Почему не выданы жиры на моего сына?

– На какого сына? – спросил я удивленно.

– На Тараса. Как «на какого»? Это самоуправство, товарищ заведующий! Полагается выдать паек на всех членов семьи, и выдавайте.

– Но у вас же нет никакого сына Тараса.

– Это не ваше дело, есть или нет. Я вам представил удостоверение, что мой сын Тарас родился второго июня, а умер десятого июня, значит, и выдайте ему за восемь дней…

Калина Иванович, специально пришедший наблюдать за тяжбой, взял осторожно Дерюченко за локоть:

– Товарищ Дерюченко, какой же адиот такого маленького ребенка кормит маслом? Вы сообразите, разве ребенок может выдержать такую пищу?

Я дико посмотрел на них обоих.

– Калина Иванович, что это вы все сегодня!.. Этот маленький ребенок умер три недели назад…

– Ах да, так он же помер? Так чего ж вам нужно? Ему теперь масло, все равно как покойнику кадило, поможет. Да он же и есть покойник, если можно так выразиться.

Дерюченко злой вертелся по комнате и рубил ладонью воздух:

– В моем семействе в течение восьми дней был равноправный член, и вы должны выдать.

Калина Иванович, с трудом подавляя улыбку, доказывал:

– Какой же он равноправный? Это ж только по теории равноправный, а прахтически в нем же ничего нет: чи он был на свете, чи его не было, одна видимость.

Но Дерюченко сошел с рельсов, и дальнейшее его движение было беспорядочным и безобразным. Он потерял всякие выражения стиля, и даже все специальные признаки его существа как-то раскрутились и повисли: и усы, и шевелюра, и галстук. В таком виде он докатился до завгубнаробразом и произвел на него нежелательное впечатление. Завгубнаробразом вызвал меня и сказал:

– Приходил ко мне ваш воспитатель с жалобой. Знаете что? Надо таких гнать. Как вы можете держать в колонии такого невыносимого шкурника? Он мне такую чушь молол: какой-то Тарас, масло, черт знает что!

– А ведь назначили его вы.

– Не может быть… Гоните немедленно!

К таким приятным результатам привело взаимно усиленное действие двух тем: Тараса и масла. Дерюченко с женой выехали по той же дороге, что и Родимчик. Я радовался, колонисты

радовались, и радовался небольшой клочок украинской природы, расположенный в непосредственной близости к описываемым событиям. *Прекратилось пение «украинських писэнь», и во всей колонии остался только один портрет Шевченко.* Но вместе с радостью напало на меня и беспокойство. Все тот же вопрос – где достать настоящего человека? – сейчас приступил с ножом к горлу, ибо во второй колонии не оставалось ни одного воспитателя. И вот бывает же так: колонии имени Горького определенно везло, я неожиданно для себя натолкнулся на необходимого для нас настоящего человека. Наткнулся прямо на улице. Он стоял на тротуаре, у витрины отдела снабжения наробраза, и, повернувшись к ней спиной, рассматривал несложные предметы на пыльной, засоренной навозом и соломой улице. Мы с Антоном вытаскивали из склада мешки с крупой. Антон оступился в какую-то ямку и упал. Настоящий человек быстро подбежал к месту катастрофы, и вдвоем с ним мы закончили нагрузку указанного мешка на наш воз. Я поблагодарил незнакомца и обратил внимание на его ловкую фигуру, на умное молодое лицо и на достоинство, с которым он улыбнулся в ответ на мою благодарность. На его голове с уверенной военной бодростью сидела белая кубанка.

– Вы, наверное, военный? – спросил я его.

– Угадали, – улыбнулся незнакомец.

– Кавалерист?

– Да.

– В таком случае, что вас может интересовать в наробразе?

– Меня интересует заведующий. Сказали, что он скоро будет, вот и ожидаю.

– Вы хотите получить работу?

– Да, мне обещали работу – инструктором физкультуры.

– Поговорите сначала со мной.

– Хорошо.

Мы поговорили. Он взгромоздился на наш воз, и мы поехали домой. Я показал Петру Ивановичу колонию, и к вечеру вопрос о его назначении был решен.

Петр Иванович принес в колонию целый комплекс счастливых особенностей. У него было как раз то, что нам нужно: молодость, прекрасная ухватка, чертовская выносливость, серьезность и бодрость, и не было ничего такого, что нам не нужно: никакого намека на педагогические предрассудки, никакой позы по отношению к воспитанникам, никакого семейного шкурничества. А кроме всего прочего у Петра Ивановича были достоинства и дополнительные: он любил военное дело, умел играть на рояле, обладал небольшим

поэтическим даром и физически был очень силен. Под его управлением вторая колония уже на другой день приобрела новый тон. Где шуткой, где приказом, где насмешкой, а где примером Петр Иванович начал сбивать ребят в коммуну. Он принял на веру все мои педагогические установки и до конца никогда ни в чем не усомнился, избавив меня от бесплодных педагогических споров и болтовни.

Жизнь наших двух колоний пошла, как хороший, исправный поезд. В персонале я почувствовал непривычную для меня основательность и плотность: Тихон Несторович, Шере и Петр Иванович, как и наши старые ветераны, по-настоящему служили делу.

Колонистов к этому времени было до восьмидесяти. Кадры двадцатого и двадцать первого годов сбились в очень дружную группу и неприкрыто командовали в колонии, составляя на каждом шагу для каждого нового лица негнущийся волевой каркас, не подчиниться которому было, пожалуй, невозможно. Впрочем, я почти не наблюдал попыток оказать сопротивление. Колония сильно забирала и раззадоривала новеньких красивым внешним укладом, четкостью и простотой быта, довольно занятным списком разных традиций и обычаев, происхождение которых даже и для стариков не всегда было памятно. Обязанности каждого колониста определялись в требовательных и нелегких выражениях, но все они были строго указаны в нашей *неписаной* конституции, и в колонии почти не оставалось места ни для какого своеволия, ни для каких припадков самодурства. В то же время перед всей колонией всегда стояла не подлежащая никакому сомнению в своей ценности задача: окончить ремонт второй колонии, всем соединиться в одном месте, расширить наше хозяйство. В том, что эта задача для нас обязательна, в том, что мы ее непременно разрешим, сомнений ни у кого не было. Поэтому мы все легко мирились с очень многими недостатками, отказывали себе в лишнем развлечении, в лучшем костюме, в пище, отдавая каждую свободную копейку на свинарню, на семена, на новую жатвенную машину. К нашим небольшим жертвам делу восстановления мы относились так добродушно-спокойно, с такой радостной уверенностью, что я позволял себе прямую буффонаду на общем собрании, когда кто-нибудь из молодых поднимал вопрос: пора уже пошить новые штаны. Я говорил:

– Вот окончим вторую колонию, разбогатеем, тогда все пошьем: у колонистов будут бархатные рубашки с серебряным поясом, у девочек шелковые платья и лакированные туфли, каждый отряд будет иметь свой автомобиль и, кроме того, на

каждого колониста велосипед. А вся колония будет усажена тысячами кустов роз. Видите? А пока давайте купим на эти триста рублей хорошую симментальскую корову.

Колонисты хохотали от души, и после этого для них не такими бедными казались ситцевые заплаты на штанах и промасленные серенькие «чепы».

Верхушку колонистского коллектива и в это время еще можно было походя ругать за многие уклонения от идеально-морального пути, но кого же на земном шаре нельзя за это ругать? А в нашем трудном деле эта верхушка показывала себя очень исправным и точно действующим аппаратом. Я в особенности ценил ее за то, что главной тенденцией ее работы как-то незаметно сделалось стремление перестать быть верхушкой, втянуть в себя всю колонистскую массу.

В этой верхушке состояли почти все старые наши знакомые: Карабанов, Задоров, Вершнев, Братченко, Волохов, Ветковский, Таранец, Бурун, Гуд, Осадчий, Настя Ночевная; но к последнему времени в эту группу уже вошли новые имена: Опришко, Георгиевский, Волков Жорка и Волков Алешка, Ступицын и Кудлатый.

Опришко много усвоил от Антона Братченко: страстность, любовь к лошадям и нечеловеческую работоспособность. Он не был так талантлив в творчестве, не был так ярок, но зато у него были и только ему присущие достоинства: пенистая до краев бодрость, ладность и удачливость движений.

Георгиевский в глазах колонистского общества был существом двуликим. С одной стороны, всей его внешностью нас так и подмывало назвать его цыганом. И в смуглом лице, и в черных глазах навыкат, и в сдержанном ленивом юморе, и в плутоватом небрежении к частной собственности действительно было что-то цыганское. Но, с другой стороны, Георгиевский был отпрыском несомненно интеллигентной семьи: начитан, выхолен, по-городскому красив, и говорил он с небольшим аристократическим оттенком, немного картавя. Колонисты утверждали, что Георгиевский – сын бывшего иркутского губернатора. Сам Георгиевский отрицал всякую возможность такого позорного происхождения, и в его документах никаких следов проклятия прошлого не было, но я в таких случаях всегда склонен верить колонистам. Во второй колонии он ходил командиром и отличался одной прекрасной чертой: никто так много не возился со своим отрядом, как командир шестого. Георгиевский им и книги читал, и помогал одеваться, и самолично заставлял умываться, и без конца мог убеждать, уговаривать, упрашивать. В совете командиров он всегда

представлял идею любви к пацану и заботы о нем. И он мог похвалиться многими достижениями. Ему отдавали самых грязных, сопливых ребят, и через неделю он обращал их в франтов, украшенных прическами и аккуратно идущих по стезям трудовой колонистской жизни.

Волковых было в колонии двое: Жорка и Алешка. Между ними не было ни единой общей черты, хотя они и были братья. Жорка начал в колонии плохо: он обнаружил непобедимую лень, несимпатичную болезненность, вздорность характера и скверную мелкую злобность. Он никогда не улыбался, мало говорил, и я даже посчитал, что «это не наш» – убежит. Его возрождение пришло без всякой торжественности и без педагогических усилий. В совете командиров вдруг оказалось, что для работы на копке погреба осталась только одна возможная комбинация: Галатенко и Жорка. Смеялись:

– Нарочно таких двух лодырей в кучу не свалишь.

Еще больше смеялись, когда кто-то предложил произвести интересный опыт: составить из них сводный отряд и посмотреть, что получится, сколько они накопают. В командиры выбрали все-таки Жорку: Галатенко был еще хуже. Позвали Жорку в совет, и я ему сказал:

– Волков, тут такое дело: назначили тебя командиром сводного по копке погреба и дали тебе Галатенко. Так вот мы боимся, что ты с ним не справишься.

Жорка подумал и пробурчал:

– Справлюсь.

На другой день оживленный дежурный колонист прибежал за мной.

– Пойдемте, страшно интересно, как Жорка Галатенко муштрует! Только осторожно, а то услышат, ничего не выйдет.

За кустами мы прокрались к месту действия. На площадке среди остатков бывшего сада намечен прямоугольник будущего погреба. На одном его конце участок Галатенко, на другом – Жорки. Это сразу бросается в глаза и по расположению сил, и по явным различиям в производительности: у Жорки вскопано уже несколько квадратных сажен, у Галатенко – узкая полоска. Но Галатенко не сидит: он неуклюже тыкает толстой ногой в непослушную лопату, копает и часто с усилием поворачивает тяжелую голову к Жорке. Если Жорка не смотрит, Галатенко останавливает работу, но стоит ногой на лопате, готовый при первой тревоге вонзить ее в землю. Видимо, все эти хитрости уже приелись Волкову. Он говорит Галатенко:

– Ты думаешь, я буду стоять у тебя над душой и просить? Мне, видишь, некогда с тобой возиться.

– А чего ты так стараешься? – бубнит Галатенко.

Жорка не отвечает Галатенко и подходит к нему:

– Я с тобой не хочу разговаривать, понимаешь? А если ты не выкопаешь от сих пор и до сих пор, я твой обед вылью в помои.

– Так тебе и дадут вылить! А что тебе Антон запоет?

– Пусть что хочет поет, а я вылью, так и знай.

Галатенко пристально смотрит в глаза Жорки и понимает, что Жорка вылье т. Галатенко бурчит:

– Я ж работаю, чего ты пристал?

Его лопата быстрее начинает шевелиться в земле, дежурный сдавливает мой локоть.

– Отметь в рапорте, – шепчу я дежурному.

Вечером дежурный закончил рапорт:

– Прошу обратить внимание на хорошую работу третьего «П» сводного отряда под командой Волкова первого.

Карабанов заключил голову Волкова в клещи своей десницы и заржал:

– Ого! Цэ не всякому командиру така честь.

Жорка гордо улыбнулся. Галатенко от дверей кабинета тоже подарил нам улыбку и прохрипел:

– Да, поработали сегодня, до черта поработали!

И с тех пор у Жорки лень как рукой сняло, пошел человек на всех парах к совершенству, и через два месяца совет командиров перебросил его во вторую колонию со специальной целью подтянуть ленивый седьмой отряд.

Алешка Волков с первого дня всем понравился. Он некрасив, его лицо покрыто пятнами самого разнообразного оттенка, лоб у Алешки настолько низок, что кажется, будто волосы на голове растут не вверх, а вперед, но Алешка очень умен, прежде всего умен, и это скоро всем бросается в глаза. Не было лучше Алешки командира сводного отряда: он умел прекрасно рассчитать работу, расставить пацанов, найти какие-то новые способы, новые ухватки.

Так же умен и Кудлатый, человек с широким, монгольским лицом, кряжистый и прижимистый. Он попал к нам прямо из батраков, но в колонии всегда носил кличку «куркуля»; действительно, если бы не колония, приведшая Кудлатого со временем к партийному билету, был бы Кудлатый кулаком: слишком довлел в нем какой-то желудочный, глубокий хозяйственный инстинкт, любовь к вещам, возам, боронам и лошадям, к навозу и вспаханному полю, ко всякой работе во дворе, в сарае, в амбаре. Кудлатый был непобедимо рассудителен, говорил не спеша, с крепкой основательностью серьезного накопителя и сберегателя. Но, как бывший батрак, он так же

спокойно и с такой же здравомыслящей крепкой силой ненавидел кулаков и глубоко был уверен в ценности нашей коммуны, как и всякой коммуны вообще.

Кудлатый давно сделался в колонии правой рукой Калины Ивановича, и к концу двадцать третьего года значительная доля нашего хозяйства держалась на нем.

Ступицын тоже был хозяин, но совсем иного пошиба. Это был настоящий пролетарий. Он происходил из цеховых города Харькова и мог рассказать, где работали его прадед, дед и отец. Его фамилия давно украшала ряды пролетариев харьковских заводов, а старший брат за 1905 год побывал в ссылке. И по внешнему виду Ступицын хорош. У него тонкие брови и небольшие острые черные глаза. Вокруг рта у Ступицына прекрасный букет подвижных тонких мускулов, лицо его очень богато мимикой, крутыми и занятными переходами. Ступицын представлял у нас одну из важнейших сельскохозяйственных отраслей – свинарню второй колонии, в которой свиное стадо росло с какой-то сказочной быстротой. В свинарне работал специальный отряд – десятый, и командир его – Ступицын. Он умел сделать свой отряд энергичным и мало похожим на классических свинарей: ребята всегда с книжкой, всегда у них в голове рационы, в руках карандаши и блокноты, на дверцах станков надписи, по всем углам свинарни диаграммы и правила, у каждой свиньи паспорт. Чего там только не было, в этой свинарне!

Рядом с верхушкой располагались две широкие группы, близкие к ней, ее резерв. С одной стороны – это старые боевые колонисты, прекрасные работники и товарищи, не обладающие, однако, заметными талантами организаторов, люди сильные и спокойные. Это Приходько, Чобот, Сорока, Леший, Глейзер, Шнайдер, Овчаренко, Корыто, Федоренко и еще многие. С другой стороны – это подрастающие пацаны, действительная смена, уже и теперь часто показывающая зубы будущих организаторов. Они, по возрасту, еще не могут взять в руки бразды правления, да и старшие сидят на местах; а старших они любят и уважают. Но они имеют и много преимуществ: они вкусили колонистскую жизнь в более молодом возрасте, они глубже восприняли ее традиции, сильнее верят в неоспоримую ценность колонии, а самое главное – они грамотнее, живее у них наука. Это частью наши старые знакомцы: Тоська, Шелапутин, Жевелий, Богоявленский, частью новые имена: Лапоть, Шаровский, Романченко, Назаренко, Векслер. Все это будущие командиры и деятели эпохи завоевания Куряжа. И сейчас они уже часто ходят в комсводотрядах.

Перечисленные группы колонистов составляли большую

часть нашего коллектива. По своему мажорному тону, по своей энергии, по своим знаниям и опыту эти группы были очень сильны, и остальная часть колонистов могла только идти за ними. А остальная часть в глазах самих колонистов делилась на три раздела: «болото», пацаны и «шпана». В «болото» входили колонисты, ничем себя не проявившие, невыразительные, как будто сами не уверенные в том, что они колонисты.

Нужно, однако, сказать, что из «болота» то и дело выделялись личности заметные, и вообще «болото» было состоянием временным. До поры до времени оно большею частью состояло из воспитанников второй колонии. Малышей было у нас десятка полтора; в глазах колонистов это было сырье, главная функция которого – учиться вытирать носы. Впрочем, малыши и не стремились к какой-нибудь яркой деятельности и удовлетворялись играми, коньками, лодками, рыбной ловлей, санками и другими мелочами. Я считал, что они делают правильно.

В «шпане» было человек пять. Сюда входили Галатенко, Перепелятченко, Евгеньев, Густоиван и еще кто-то. Отнесены они были к «шпане» единодушным решением всего общества, после того как установлено было за каждым из них наличие бьющего в глаза порока: Галатенко – обжора и лодырь, Евгеньев – припадочный, брехливый болтун, Перепелятченко – дохлятина, плакса, попрошайка, Густоиван – юродивый, «психический», творящий молитвы Богородице и мечтающий о монастыре. От некоторых пороков представителям «шпаны» со временем удалось избавиться, но это произошло не скоро.

Таков был коллектив колонистов к концу двадцать третьего года. С внешней стороны все колонисты были, за немногими исключениями, одинаково подтянуты и щеголяли военной выправкой. У нас уже был великолепный строй, украшенный спереди четырьмя трубачами и восемью барабанами. Было у нас и знамя, прекрасное шелковое, вышитое шелком же, – подарок Наркомпроса Украины в день нашего трехлетия.

В дни пролетарских праздников колония с барабанным грохотом вступала в город, поражая горожан и впечатлительных педагогов суровой стройностью, железной дисциплиной и своеобразной фасонной выправкой. Мы приходили на плац всегда позже всех, чтобы никого не ждать, замирали в неподвижном «смирно!», трубачи трубили салют всем трудящимся города, и колонисты поднимали руки. После этого наш строй разбегался в поисках праздничных впечатлений, но на месте колонны замирали: впереди знаменщик и часовые, на месте последнего ряда – маленький флаженер[120]. И это было так внушительно, что

никогда никто не решался стать на обозначенное нами место. Одежную бедность мы легко преодолевали благодаря нашей изобретательности и смелости. Мы были решительными противниками новеньких ситцевых костюмов, этой возмутительной особенности детских домов. А более дорогих костюмов мы не имели. Не было у нас и новой, красивой обуви. Поэтому на парады мы приходили босиком, но это имело такой вид, как будто это нарочно. Ребята блистали чистыми белыми сорочками. Штаны хорошие, черные, они подвернуты до колен и сияют внизу белыми отворотами чистого белья. И рукава сорочек подняты выше локтя. Получился очень нарядный, веселый строй несколько селянского рисунка.

Третьего октября двадцать третьего года такой строй протянулся через плац колонии. К этому дню была закончена сложнейшая операция, длившаяся три недели. На основании постановления объединенного заседания педагогического совета и совета командиров колония имени Горького сосредоточивалась в одном имении, бывшем Трепке, а свое старое имение у Ракитного озера передавала в распоряжение губнаробраза. К третьему октября все было вывезено во вторую колонию: мастерские, сараи, конюшни, кладовые, вещи персонала, столовая, кухня и школа. На утро третьего в колонии оставались только пятьдесят колонистов, я и знамя.

В двенадцать часов представитель губнаробраза подписал акт в приеме имения колонии имени Горького и отошел в сторону. Я скомандовал:

– Под знамя, смирно!

Колонисты вытянулись в салюте, загремели барабаны, заиграли трубы знаменный марш. Знаменная бригада вынесла из кабинета знамя. Приняв его на правый фланг, мы не стали прощаться со старым местом, хотя вовсе не имели к нему никакой вражды. Просто не любили оглядываться назад. Не оглянулись и тогда, когда колонна колонистов, разрывая тишину полей барабанным треском, прошла мимо Ракитного озера, мимо крепости Андрея Карповича, по хуторской улице и спустилась в луговую низину Коломака, направляясь к новому мосту, построенному колонистами.

Во дворе второй колонии собрался весь персонал, много селян из Гончаровки, и блестел такой же красотой строй колонистов второй колонии, замерший в салюте горьковскому знамени.

Мы вступили в новую эпоху.

Часть вторая

[1] Кувшин молока

Мы перешли во вторую колонию в хороший, теплый, почти летний день. Еще и зелень на деревьях не успела потускнеть, еще травы зеленели в разгаре своей второй молодости, освеженные первыми осенними днями. И вторая колония была в это время, как красавица в тридцать лет: не только для других, а и для себя хороша, счастлива и покойна в своей уверенной прелести. Коломак обвивал ее почти со всех сторон, оставляя небольшой проход для сообщения с Гончаровкой. Над Коломаком щедро нависли шепчущим пологом буйные кроны нашего парка. Много здесь было тенистых и таинственных уголков, где с большим успехом можно было купаться и разводить русалок, и ловить рыбу, а в крайнем случае и посекретничать с подходящим товарищем. Наши главные дома стояли на краю высокого берега, и предприимчивые и бесстыдные пацаны прямо из окон летали в реку, оставив на подоконниках несложные свои одежды.

В других местах, там, где расположился старый сад, спуск к реке шел уступами, и самый нижний уступ раньше всех был завоеван Шере. Здесь было всегда просторно и солнечно. Коломак широк и спокоен, но для русалок это место мало соответствовало, как и для рыбной ловли и вообще для поэзии. Вместо поэзии здесь процветали капуста и черная смородина. Колонисты бывали на этом плесе исключительно с деловыми намерениями – то с лопатой, то с сапкой, а иногда вместе с колонистами с трудом пробирались сюда Коршун или Бандитка, вооруженные плугом. В этом же месте находилась и наша пристань – три доски, выдвинутые над волнами Коломака на три метра от берега.

Еще дальше, заворачивая к востоку, Коломак, не скупясь, разостлал перед нами несколько гектаров хорошего, жирного луга, обставленного кустарниками и рощицами. Мы спускались на луг прямо из нашего нового сада, и этот зеленый спуск тоже был удивительно приспособлен для особого дела: в часы отдыха так и тянуло посидеть на травке в тени крайних тополей сада и лишний раз полюбоваться и лугом, и рощами, и небом, и крылом Гончаровки на горизонте. Калина Иванович очень любил это место и иногда в воскресный полдень увлекал меня сюда, *справедливо утверждая*:

– Сколько ни сиди в этом самом кабинете, а нового ничего не высидишь: как есть у человека две ноги, так и останется две, а ежели тоби их поездом как-нибудь по нечаянности отрежеть, так найдутся все равно паразиты, деревянную притачають. Насчет же того, чтобы тоби кто спасибо сказал, все равно, паразиты, не

скажуть. Ходим лучше на природе посидим, а я ж тоби еще хочу рассказать, как нам быть с этими самыми мужиками.

Я любил поговорить с Калиной Ивановичем о мужиках и о ремонте, о несправедливостях жизни и о нашем будущем. Перед нами был луг, и это обстоятельство иногда сбивало Калину Ивановича с правильного философского пути:

– Знаешь, голубе, жизнь, так она вроде бабы: от нее справедливости не ожидай. У кого, понимаешь ты, вуса в гору торчат, так тому и пироги, и вареники, и пляшка, а у кого, понимаешь, и борода не растет, а не то что вуса, так тому, подлая, и воды не вынесет напиться. От как был я в гусарах… Ах ты, сукин сын, где ж твоя голова задевалася? Чи ты ее з хлибом зъив, чи ты ее забув в поезде? Куды ж ты, паразит, коня пустив, чи тоби повылазыло? Там же капуста посажена!

Конец этой речи Калина Иванович произносит, стоя уже далеко от меня и размахивая трубкой.

В трехстах метрах от нас темнеет в траве гнедая спина, не видно кругом ни одного «сукина сына». Но Калина Иванович не ошибается в адресе. Луг – это царство Братченко, здесь он всегда незримо присутствует, речь Калины Ивановича, собственно говоря, есть заклинание. Еще две-три коротких формулы, и Братченко материализуется, но в полном согласии со всею спиритической обстановкой он появляется не возле коня, а сзади нас, из сада:

– И чего вы репетуете[121], Калина Иванович? Дэ в бога заяц, дэ в черта батько? Дэ капуста, а дэ кинь?

Начинается специальный спор, из которого даже полный профан в луговом хозяйстве может понять, что здорово уже постарел Калина Иванович, что уже с большим трудом он разбирается в колонийской топографии и действительно забыл, где затерялся луговой клочок капустного поля.

Колонисты позволяли Калине Ивановичу стареть спокойно. Сельское хозяйство давно уже нераздельно принадлежало Шере, и Калина Иванович только в порядке придирчивой критики и пытался иногда просунуть старый нос в некоторые сельскохозяйственные щели. Шере умел приветливо, холодной шуткой прищемить этот нос, и тогда Калина Иванович сдавался:

– Что ж ты поробышь? Када-то и у нас хлиб рожався, *и немцев не мало кормили. Нехай немцы теперь попробуют*ь: хисту много, а чи хлиб уродится?

Но в общем хозяйстве Калина Иванович все больше и больше приближался к положению английского короля – царствовал, но не правил. Мы все признавали его хозяйственное величие и склонялись перед его сентенциями с почтительностью, но дело

делали по-своему. Это даже и не обижало Калину Ивановича, ибо он не отличался болезненным самолюбием, и, кроме того, ему дороже всего были собственные сентенции, как для его английского коллеги царственная мишура.

По старой традиции Калина Иванович ездил в город, и выезд его теперь обставлялся некоторой торжественностью. Он всегда был сторонником старинной роскоши, и хлопцы знали его изречение:

– У пана фаетон модный, та кинь голодный, а у хозяина воз простецкий, зато кинь молодецкий.

Старый воз, напоминавший гробик, колонисты устилали свежим сеном и закрывали чистым рядном. Запрягали лучшего коня и подкатывали к крыльцу Калины Ивановича. Все хозяйственные чины и власти к этому моменту делали, что нужно: у помзавхоза Дениса Кудлатого лежит в кармане список городских операций, кладовщик Алешка Волков запихивает под сено нужные ящики, глечики, веревочки и прочие упаковки. Калина Иванович выдерживает выезд перед крыльцом три-четыре минуты, потом выходит в чистеньком отглаженном плаще, обжигает спичкой наготовленную трубку, оглядывает мельком коня или воз, иногда бросает сквозь зубы, важно:

– Сколько раз тоби говорив: не надевай в город таку драну шапку. От народ непонимающий!..

Пока Денис меняется с товарищами картузами, Калина Иванович взбирается на сиденье и приказывает:

– Ну, паняй, што ли.

В городе Калина Иванович больше сидит в кабинете какого-нибудь продовольственного магната, задирает голову и старается поддержать честь сильной и богатой державы – колонии имени Горького. Именно поэтому его речи касались больше вопросов широкой политики:

– У мужиков все есть. Это я вам говорю определенно.

А в это время Денис Кудлатый в чужом картузе плавает и ныряет в хозяйственном море, помещающемся этажом ниже: выписывает ордера, ругается с заведующим и конторщиками, нагружает воз мешками и ящиками, оставляя неприкосновенным место Калины Ивановича, кормит коня и к трем часам вваливается в кабинет, весь в муке и в опилках:

– Можно ехать, Калина Иванович.

Калина Иванович расцветает дипломатической улыбкой, пожимает руку начальству и деловито спрашивает Дениса:

– Ты все нагрузив, как следовает?

По приезде в колонию истомленный Калина Иванович отдыхает, а Денис, наскоро съев простывший обед, до позднего

вечера носит свою монгольскую физиономию по колонийским хозяйственным путям и хлопочет, как старуха.

Кудлатый органически не выносил вида самой малой брошенной ценности; он страдал, если с воза струшивалась солома, если где-то потерялся замок, если двери в коровник висят на одной петле. Денис был скуп на улыбку, но никогда не казался злым, и его приставанья к каждому растратчику хозяйственных ценностей никогда не были утомительно назойливы, столько в его голосе убедительной солидности и сдержанной воли. Он умел допекать легкомысленных пацанов, полагавших в душевной простоте, что залезть на дерево – самое целесообразное вложение человеческой энергии. Денис одним движением бровей снимал их с дерева и говорил:

– Ну, каким местом, собственно говоря, ты рассуждаешь? Тебя женить скоро, а ты на вербе сидишь и штаны рвешь. Пойдем, я тебе выдам другие штаны.

– Какие другие? – обливается пацан холодным потом.

– Это тебе будет как спецовка, чтобы по деревьям лазить. Ну, скажи, собственно говоря, чи ты видел где такого человека, чтобы в новых штанах на деревья лазил? Видел ты такого?

Денис глубоко был проникнут хозяйственным духом и поэтому не способен был уделить внимание человеческому страданию. Он не мог понять такой простой человеческой психологии: пацан как раз потому и залез на дерево, что находился в состоянии восторга по случаю получения новых штанов. Штаны и дерево были причинно связаны, а Денису казалось, что это вещи несовместимые.

Жесткая политика Кудлатого, однако, была необходима, ибо наша бедность требовала свирепой экономии. Поэтому Кудлатый неизменно выдвигался советом командиров на работу помзавхоза, и совет командиров решительно отводил малодушные жалобы пацанов на неправильные якобы репрессии Дениса по отношению к штанам. Карабанов, Белухин, Вершнев, Бурун и другие старики высоко ценили энергию Кудлатого и сами ей беспрекословно подчинялись весной, когда Денис на общем собрании приказывал:

– Завтра посдавайте ботинки в кладовку, летом можно и босиком ходить.

Много поработал Денис в октябре 1923 года. Десять отрядов колонистов с трудом разместились в тех зданиях, которые были приведены в полный порядок. В старом помещичьем дворце, который у нас называли белым домом, расположились спальни и школа, а в большом зале, заменившем веранду, работала столярная. Столовая была опущена в подвальный этаж второго

дома, в котором были квартиры сотрудников. Она пропускала не больше тридцати человек одновременно, и поэтому обедали мы в три смены. Сапожная, колесная, швейная мастерские ютились в углах, очень мало похожих на производственные залы. Всем в колонии было тесно – и колонистам и сотрудникам. И как постоянное напоминание о нашем возможном благополучии стоял в новом саду двухэтажный «ампир», издеваясь над нашим воображением просторами высоких комнат, лепными потолками и распластавшейся над садом широкой открытой верандой. Сделать здесь полы, окна, двери, лестницы, *поставить внизу котел* – и мы имели бы прекрасные спальни на сто двадцать человек и освободили бы другие помещения для всякой педагогической нужды. Но для такого дела у нас не было шести тысяч рублей, а текущие наши доходы уходили на борьбу с цепкими остатками старой бедности, возвращаться к которой было для нас нестерпимым. На этом фронте наше наступление уничтожило уже «клифты», изодранные картузы, раскладушки-кровати, ватные одеяла эпохи последнего Романова и обмотанные тряпками ноги. Уже и парикмахер стал приезжать к нам два раза в месяц, и хотя он брал за стрижку машинкой десять копеек, а за прическу двадцать, мы могли позволить себе роскошь выращивать на колонийских головах «польки», «политики» и другие плоды европейской культуры. Правда, мебель наша была еще некрашеной, к столу подавались деревянные ложки, белье было в заплатах, но это уже потому, что главные куски наших доходов тратили мы на инвентарь, инструмент и вообще на основной капитал.

Шести тысяч рублей у нас не было, и на получение их не имелось никаких надежд. На общих собраниях коммунаров, в совете командиров, просто в беседах старших колонистов и в комсомольских речах, даже в щебете пацанов очень часто можно было услышать название этой суммы, и во всех этих случаях она представлялась абсолютно недостижимой по своей величине.

В это время колония имени Горького находилась в ведении Наркомпроса и от него получала небольшие сметные суммы. Что это были за деньги, можно судить хотя бы по тому, что на одежду одного колониста в год полагалось двадцать восемь рублей. Калина Иванович возмущался.

– Хто оно такой разумный, що так ассигнуеть? От бы мене посмотреть на его лицо, какое оно такое, бо прожив, понимаешь ты, шесть десятков, а таких людей в натуре не видав, паразитов!

И я таких людей не видел, хотя и бывал в Наркомпросе. Цифра эта не назначалась человеком-организатором, а получалась в результате простого деления стихии беспризорщины

на число беспризорных.

В красном доме, как запросто мы называли трепкинский «ампир», было убрано, как для бала, но бал откладывался на долгое время, даже первые пары танцоров – плотники – приглашены еще не были.

Но при такой печальной конъюнктуре настроение у колонистов было далеко не подавленное. Карабанов относил это обстоятельство к кое-какой чертовщине:

– Нам черты наворожуть, ось побачитэ! Нам же везет, бо мы же незаконнорожденные… От побачитэ, не черты, та ще якась нечиста сыла, – може, видьма, а може, ще хто. Такого не може буты, щоб отой дом отаким дурнем стояв перед очима.

И поэтому, когда мы получили телеграмму, что шестого октября приезжает в колонию инспектор Укрпомдета[122] Бокова и что надлежит за нею выслать лошадей к харьковскому поезду, в правящих кругах колонии к этому известию отнеслись весьма внимательно, и многие высказывали мысли, имеющие прямое отношение к ремонту красного дома:

– Эта старушка шесть тысяч может…

– Почему ты знаешь, что она старушка?

– В помдетах этих всегда старушки.

Калина Иванович сомневался:

– От помдета ничего не получишь. Это я вже знаю. Будет просить, чи нельзя принять трех хлопцев. И потом баба все-таки: теорехтически женьское равноправие, а прахтически как была бабой, так и осталась…

Пятого в ведомстве Антона Братченко мыли парный фаэтон и заплетали гривы Рыжему и Мэри. Столичные гости в колонии бывали редко, и Антон склонен был относиться к ним с большим почетом. Утром шестого я выехал на вокзал, и на козлах сидел сам Братченко.

На вокзальной площади, сидя в фаэтоне, мы с Антоном внимательно осматривали всех старушек и вообще женщин наробразовского стиля, выходящих на площадь. Неожиданно услышали вопрос от кого-то, мало для нас подходящего:

– Откуда эти лошади?

Антон грубовато сказал сквозь зубы:

– У нас свои дела. Вон извозчики.

– Вы не из колонии имени Горького?

Взметнув ногами, Антон совершил на козлах полный оборот вокруг своей оси. Заинтересовался и я.

Перед нами стояло существо абсолютно неожиданное: легкое серое пальто в большую клетку, из-под пальто кокетливые шелковые ножки. А лицо холеное, румяное, и ямочки на щеках

высокого качества, и блестящие глаза, и тонкие брови. Из-под кружевного дорожного шарфа смотрят на нас ослепительные локоны блондинки. За нею носильщик, и у него в руках пустячный багаж: коробка, саквояж из хорошей кожи.

– Вы – товарищ Бокова?

– Ну, вот видите, я сразу угадала, что это горьковцы.

Антон, наконец, пришел в себя, повертел серьезно головой и заботливо разобрал вожжи. Бокова впорхнула в экипаж, заменив окружавший нас привокзальный воздух каким-то другим газом, ароматным и свежим. Я подальше отодвинулся в угол сиденья и был вообще очень смущен непривычным соседством.

Товарищ Бокова всю дорогу щебетала о самых разнообразных вещах. Она много слышала о колонии имени Горького, и ей ужасно захотелось посмотреть, «что за такая колония».

– Ах, вы знаете, товарищ Макаренко, у нас так трудно, так трудно с этими ребятами! Мне ужасно их жаль, знаете, так хочется чем-нибудь им помочь. А это ваш воспитанник? Милый какой мальчик. Не скучно вам здесь? В этих детских домах очень скучно, знаете. У нас много говорят о вас. Только говорят, что вы нас не любите.

– Кого это?

– Нас – дамсоцвос.

– Не понимаю.

– Говорят, что вы так нас называете, дамский соцвос, – дамсоцвос.

– Вот еще новости! – сказал я. – Никогда я так никого не называл… *но… это, конечно, хорошо сказано*.

Я искренно рассмеялся. Бокова была в восторге от такого удачного названия.

– А вы знаете, это немножко верно: в соцвосе много дам. Я тоже такая – дама. Вы от меня ничего такого – ученого – не услышите… Вы довольны?

– *А что я от вас услышу?*

– *Ишь, какой любопытный. Нет, я приехала посмотреть, я говорить такого ничего не буду, вы не бойтесь.*

Антон то и дело оглядывался с козел, серьезно вытаращивая большие глаза на непривычного седока.

– Он все на меня смотрит! – смеялась Бокова. – Чего он на меня так смотрит?

Антон краснел и что-то бурчал, погоняя лошадей.

В колонии нас встретили заинтересованные колонисты и Калина Иванович. Семен Карабанов смущенно полез в собственную «постылыцю»[123], выражая этим жестом полную растерянность. Задоров прищурил один глаз и улыбался.

Я представил Бокову колонистам, и они приветливо потащили ее показывать колонию. Меня дернул за рукав Калина Иванович и спросил:

– А чем ее кормить надо?

– Ей-богу, не знаю, чем их кормят, – ответил я в тон Калине Ивановичу.

– Я думаю так, что для нее надо молока больше. Как ты думаешь, а?

– Нет, Калина Иванович, надо что-нибудь посолидней…

– Да что ж я сделаю? Разве кабана зарезать? Так Эдуард Николаевич не дасть.

Калина Иванович отправился хлопотать о кормлении важной гостьи, а я поспешил к Боковой. Она успела уже хорошо познакомиться с хлопцами и говорила им:

– Называйте меня Марией Кондратьевной.

– Мария Кондратьевна? От здорово!.. Так от смотрите, Мария Кондратьевна, это у нас оранжерея. Сами делали, тут и я покопал немало: видите, до сих пор мозоли.

Карабанов показал Марии Кондратьевне свою руку, похожую на лопату.

– Это он врет, Мария Кондратьевна, это у него мозоли от весел.

Мария Кондратьевна оживленно вертела белокурой красивой головой, на которой уже не было дорожного шарфа, и очень мало интересовалась оранжереей и другими нашими достижениями.

Показали Марии Кондратьевне и красный дом.

– Отчего же вы его не оканчиваете? – спросила Бокова.

– Шесть тысяч, – сказал Задоров.

– А у вас нет денег? Бедненькие!

– А у вас есть? – зарычал Семен. – О, так в чем же дело? Знаете что, давайте мы здесь на травке посидим.

Мария Кондратьевна грациозно расположилась на травке у самого красного дома. Хлопцы в ярких красках описали ей нашу тесноту и будущие роскошные формы нашей жизни после восстановления красного дома.

– Вы понимаете – у нас сейчас восемьдесят колонистов, а то будет сто двадцать. Вы понимаете?

Из сада вышел Калина Иванович, и Оля Воронова несла за ним огромный кувшин, две глиняные селянские кружки и половину ржаного хлеба. Мария Кондратьевна ахнула:

– Смотрите, какая прелесть, как у вас все прекрасно! Это ваш такой дедушка? Он пасечник, правда?

– Нет, я не пасечник, – расцвел в улыбке Калина Иванович, – и никогда не был пасечником, а только это молоко лучше всякого

меда. Это вам не какая-нибудь баба делала, а трудовая колония имени Максима Горького. Вы такого молока никогда в жизни не пили: и холодное и солодкое.

Мария Кондратьевна захлопала в ладоши и склонилась над кружкой, в которую священнодейственно наливал молоко Калина Иванович. Задоров поспешил использовать этот занимательный момент:

– У вас шесть тысяч даром лежат, а у нас дом не ремонтируется. Это, понимаете, несправедливо.

Мария Кондратьевна задохнулась от холодного молока и прошептала страдальческим голосом:

– Это не молоко, а счастье… Никогда в жизни…

– Ну, а шесть тысяч? – нахально улыбнулся ей в лицо Задоров.

– Какой этот мальчик материалист, – прищурилась Мария Кондратьевна. – Вам нужно шесть тысяч? А мне что за это будет?

Задоров беспомощно оглянулся и развел руками, готовый предложить в обмен на шесть тысяч все свое богатство. Карабанов долго не думал:

– Мы можем предложить сколько угодно такого счастья.

– Какого, какого счастья? – всеми цветами радуги заблестела Мария Кондратьевна.

– Холодного молока.

Мария Кондратьевна повалилась грудью на траву и засмеялась в изнеможении.

– Нет, вы меня не одурачите вашим молоком. Я вам дам шесть тысяч, только вы должны принять от меня сорок детей… хороших мальчиков, только они теперь, знаете, такие… черненькие…

Колонисты сделались серьезны. Оля Воронова, как маятником, размахивала кувшином и смотрела в глаза Марии Кондратьевне.

– Так отчего же? – сказала она. – Мы возьмем сорок детей.

– Поведите меня умыться, и я хочу спать… А шесть тысяч я вам дам.

– А вы еще на наших полях не были.

– На поля завтра поедем. Хорошо?

Мария Кондратьевна прожила у нас три дня. Уже к вечеру первого дня она знала многих колонистов по имени и до глубокой ночи щебетала с ними на скамье в старом саду. Катали они ее и на лодке, и на гигантах, и на качелях, только поля она не успела осмотреть и насилу-насилу нашла время подписать со мною договор. По договору Укрпомдет обязывался перевести нам шесть тысяч на восстановление красного дома, а мы должны были

после такого восстановления принять от Укрпомдета сорок беспризорных.

От колонии Мария Кондратьевна была в восторге.

– У вас рай, – говорила она. – У вас есть прекрасные, как бы это сказать…

– Ангелы?

– Нет, не ангелы, а так – люди.

Я не провожал Марию Кондратьевну. На козлах не сидел Братченко, и гривы у лошадей заплетены не были. На козлах сидел Карабанов, которому Антон почему-то уступил выезд. Карабанов сверкал черными глазами и до отказа напихан был чертячьими улыбками, рассыпая их по всему двору.

– Договор подписан, Антон Семенович? – спросил он меня тихо.

– Подписан.

– Ну и добре. Эх, и прокачу красавицу!

Задоров пожимал Марии Кондратьевне руку:

– Так вы приезжайте к нам летом. Вы же обещали.

– Приеду, приеду, я здесь дачу найму.

– Да зачем дачу? К нам…

Мария Кондратьевна закивала на все стороны головой и всем подарила по ласковому, улыбающемуся взгляду.

Возвратившись с вокзала, Карабанов, распрягая лошадей, был озабочен, и так же озабоченно слушал его Задоров. Я подошел к ним.

– Говорил я, что ведьма поможет, так и вышло.

– Ну, какая же она ведьма?

– А вы думаете, ведьма, так обязательно на метле? И с таким носом? Нет. Настоящие ведьмы красивые.

[2] Отченаш

Бокова не подвела: уже через неделю получили мы перевод на шесть тысяч рублей, и Калина Иванович усиленно закряхтел в новой строительной горячке. Закряхтел и четвертый отряд Таранца, которому было дано задание из сырого леса сделать хорошие двери и окна. Калина Иванович поносил какого-то неизвестного человека:

– Чтоб ему гроб из сырого леса сделали, када помреть, паразит!..

Наступил последний акт нашей четырехлетней борьбы с трепкинской разрухой: нас всех, от Калины Ивановича до Шурки Жевелия, охватывало желание скорее окончить дом. Нужно было скорее прийти к тому, о чем мечтали так долго и упорно. Начали нас раздражать известковые ямы, заросли бурьяна, нескладные дорожки в парке, кирпичные осколки и строительные отбросы по всему двору. А нас было только восемьдесят человек. Воскресные советы командиров терпеливо отжимали у Шере два-три сводных отряда для приведения в порядок нашей территории. Часто на Шере и сердились:

– И, честное слово, это уже чересчур! У вас же нечего делать, все под шнурок сделано.

Шере спокойно доставал измятый блокнот и негромко докладывал, что у него, напротив, все запущено, пропасть всякой работы, и если он дает два отряда для двора, так это только потому, что он вполне признает необходимость и такой работы, иначе он никогда бы не дал, а поставил бы эти отряды на сортировку пшеницы или на ремонт парников.

Командиры недовольно бурчат, с трудом помещая в своих душах противоречивые переживания: и злость на неуступчивость Шере, и восхищение его твердой линией.

Шере в это время заканчивал организацию шестиполья. Мы все вдруг заметили, как выросло наше сельское хозяйство. Среди колонистов появились люди, преданные этому делу, как своему будущему, и среди них особенно выделялась Оля Воронова. Если увлекались землей Карабанов, Волохов, Бурун, Осадчий, то это было увлечение почти эстетического порядка. Они влюбились в сельскохозяйственную работу, влюбились без всякой мысли о собственной пользе, вошли в нее, не оглядываясь назад и не связывая ее ни с собственным будущим, ни с другими своими вкусами. Они просто жили и наслаждались прекрасной жизнью, умели оценить каждый пережитый в работе и в напряжении день и завтрашнего дня ожидали как праздника. Они были уверены,

что все эти дни приведут их к новым и богатым удачам, а что это такое будет, об этом они не думали. Правда, все они готовились на рабфак, но и с этим делом они не связывали никакой точной мечты и даже не знали, на какой рабфак они хотели бы поступить.

Были и другие колонисты, любящие сельское хозяйство, но они стояли на более практической позиции. Такие как Опришко и Федоренко учиться в школе не хотели, никаких особенных претензий вообще не предъявляли к жизни и с добродушной скромностью полагали, что завести свое хозяйство на земле, оборудоваться хорошей хатой, конем и женой, летом работать «от зари до зари», к осени все по-хозяйски собрать и сложить, а зимой спокойно есть вареники и борщи, ватрушки и сало, отгуливая два раза в месяц на собственных и соседских родинах, свадьбах, именинах и заручинах[124], – прекрасное будущее для человека.

Оля Воронова была на особом пути. Она смотрела на наши и соседские поля задумчивым или встревоженным глазом комсомолки, для нее на полях росли не только вареники, но и проблемы.

Наши шестьдесят десятин, над которыми так упорно работал Шере, ни для него, ни для его учеников не заслоняли мечты о большом хозяйстве, с трактором, с «гонами» в километр длиной. Шере умел поговорить с колонистами на эту тему, и у него составилась группа постоянных слушателей. Кроме колонистов в этой группе постоянно присутствовали Спиридон, комсомольский секретарь из Гончаровки, и Павел Павлович.

Павлу Павловичу Николаенко было уже двадцать шесть лет, но он еще не был женат, по деревенской мерке считался старым холостяком.

Его отец, старый Николаенко, на наших глазах выбивался в крепкого хозяина-кулака, потихоньку используя бродячих мальчишек-батраков, но в то же время прикидывался убежденным незаможником.

Может быть, поэтому Павел Павлович не любил отцовского очага, а толкался больше в колонии, нанимаясь у Шере для выполнения более тонких работ с пропашными, выступая перед колонистами почти в роли инструктора. Павел Павлович был человек начитанный и умел внимательно и вдумчиво слушать Шере.

И Павел Павлович и Спиридон то и дело поворачивали беседу на крестьянские темы: большое хозяйство они иначе не представляли себе, как хозяйство крестьянское. Карие глаза Оли Вороновой пристально присматривались к *этим деятелям будущего крестьянства* и сочувственно теплели, когда Павел

Павлович негромко говорил:

– Я так считаю: сколько кругом работает народу, а без толку. А чтобы с толком работали – надо учить. А кто научит? Мужик? Ну его к черту, его учить трудно. Вот Эдуард Николаевич все подсчитали и рассказали. Это верно. Так работать же надо! А этот черт работать так не будет. Ему дай свое…

– Колонисты же работают? – осторожно говорит Спиридон, человек с большим и умным ртом.

– Колонисты, – улыбается грустно Павел Павлович, – это же, понимаешь, совсем не то.

Оля тоже улыбается, складывает руки, как будто собирается раздавить орех, и вдруг задорно перебрасывает взгляд на верхушки тополей. Золотистые косы Ольги сваливаются с плеч, а за косами опускается вниз и внимательный серый глаз Павла Павловича.

– Колонисты не собираются хозяйничать на земле и работают, а мужики всю жизнь на земле, и дети у них, и все…

– Ну, так что? – не понимает Спиридон.

– Понятно что! – удивленно говорит Оля. – Мужики должны еще лучше работать в коммуне.

– Как же это должны? – ласково спрашивает Павел Павлович.

Оля смотрит сердито в глаза Павла Павловича, и он на минуту забывает о ее косах, а видит только этот сердитый, почти не девичий глаз.

– Должны! Ты понимаешь, что значит «должны»? Это тебе как дважды два – четыре.

Разговор этот слушают Карабанов и Бурун. Для них тема имеет академическое значение, как и всякий разговор о граках, с которыми они порвали навсегда. Но Карабанова увлекает острота положения, и он не может отказаться от интересной гимнастики:

– Ольга правильно говорит: должны – значит, нужно взять и заставить…

– Как же ты их заставишь? – спрашивает Павел Павлович.

– Как попало! – загорается Семен. – Как людей заставляют? Силой. Давай сейчас мне всех твоих граков, через неделю у меня будут работать, как тепленькие, а через две недели благодарить будут.

– Какая ж у тебя сила? Мордобой? – Павел Павлович прищуривается.

Семен со смехом укладывается на скамью, а Бурун сдержанно-пронзительно поясняет:

– Мордобой – это чепуха! Настоящая сила – револьвер.

Оля медленно поворачивает к нему лицо и терпеливо поучает:

– Как ты не понимаешь: если люди должны что-нибудь сделать, так они и без твоего револьвера сделают. Сами сделают. Им нужно рассказать как следует, растолковать.

Семен, пораженный, подымает со скамьи вытаращенное лицо:

– Э-э, Олечко, цэ вы кудысь за той, заблудылысь. Растолковать. ты чуешь, Бурун? Ха? Що ты ему растолкуешь, коли вин хоче куркулем буты?

– Кто хочет куркулем? – Ольга возмущенно расширяет глаза.

– Как кто? Та все. Все до одного. Ось и Спиридон, и Павло Павлович.

Павел Павлович улыбается. Спиридон ошеломлен неожиданным нападением и может только сказать:

– Ну, дывысь ты!

– От и дывысь! Вин комсомолець тилько потому, що земли нэма. А дай ему зараз двадцать десятин и коровку, и овечку, и коня доброго, так и кончено. Сядэ тоби ж, Олечко, на шию и поидэ.

Бурун хохочет и подтверждает авторитетно:

– Поедет. И Павло поедет.

– Та пошли вы к черту, сволочи! – оскорбляется наконец Спиридон и краснеет, сжимая кулаки.

Семен ходит вокруг садовой скамейки и высоко подымает то одну, то другую ногу, изображая высшую степень восторга. Трудно разобрать, серьезно он говорит или дразнит деревенских людей.

Против скамейки на травке сидит Силантий Семенович Отченаш. Голова у него, «как пивной котел», морда красная, стриженый бесцветный ус, а на голове ни одной волосинки. Такие люди редко у нас теперь попадаются. А раньше много их бродило по Руси – философов, понимающих толк и в правде человеческой, и в казенном вине.

– Семен это правильно здесь говорит. Мужик – он не понимает компании, как говорится. Ему если, здесь это, конь, так и лошонка захочется – два коня, это, чтоб было, и больше никаких данных. Видишь, какая история.

Отченаш жестикулирует отставленным от кулака большим корявым пальцем и умно щурит белобрысые глазки.

– Так что же, кони человеком правят, что ли? – сердито спрашивает Спиридон.

– Здесь это, правильно: кони правят, вот какая история. Кони и коровы, смотри ты. А если он выскочит без всяких, так только сторожем на баштан годится. Видишь, какая история.

Силантия все полюбили в коммуне. С большой симпатией относится к нему и Оля Воронова. И сейчас она близко, ласково

наклоняется к Силантию, а он, как к солнцу, обращает к ней широкое улыбающееся лицо.

– Ну что, красавица?

– Ты, Силантий, по-старому смотришь. По-старому. А кругом тебя новое.

– Правильно, – кричит Карабанов. – Все новое: новый Лука Семенович, новый Мусий Карпович, и папаша ихний новый – Павло Иванович Николаенко.

– Новые будут люди, как говорится, а сволочи здесь старые, и никаких тебе данных.

Силантий Семенович Отченаш пришел к нам неизвестно откуда. Просто пришел из мирового пространства, не связанный никакими условиями и вещами. Принес с собой на плечах холщовую рубаху, на босых ногах дырявые древние штаны – и все. А в руках даже и палки не было. Чем-то особенным этот свободный человек понравился колонистам, и они с большим воодушевлением втащили его в мой кабинет.

– Антон Семенович, смотрите, какой человек пришел!

Силантий с интересом смотрел на меня и улыбался пацанам, как старый знакомый:

– Это что же, как говорится, ваш начальник будет?

И мне он сразу понравился.

– Вы по делу к нам?

Силантий расправил что-то на своей физиономии, и она сразу сделалась деловой и внушающей доверие.

– Видишь, какая, здесь это, история. Я человек рабочий, а у тебя работа есть, и никаких больше данных.

– А что вы умеете делать?

– Да как это говорится: если капитала здесь нету, так человек все может делать.

Он вдруг открыто и весело рассмеялся. Рассмеялись и пацаны, глядя на него, рассмеялся и я. И для всех было ясно: были большие основания именно смеяться.

– И вы все умеете делать?

– Да, почитай, что все… видишь, какая история, – уже несколько смущенно заявил Силантий.

– А что же все-таки?..

Силантий начал загибать пальцы:

– И пахать, и скородить[125], это, и за конями ходить, и за всяким, здесь это, животным, и, как это говорится, по хозяйству: по плотницкому и по кузнецкому, и по печному делу. И маляр, значит, и по сапожному делу могу. Ежели это самое, как говорится, хату построить – сумею, и кабана, здесь это, зарезать тоже. Вот только детей крестить не умею, не приходилось.

Он вдруг снова громко рассмеялся, утирая слезы на глазах, – так ему было смешно.

– Не приходилось? Да ну?

– Не звали ни разу, видишь, какая история.

Ребята искренно заливались, и Тоська Соловьев пищал, подымаясь к Силантию на цыпочках:

– Почему не звали, почему не звали?

Силантий сделался серьезен и, как хороший учитель, начал разъяснять Тоське:

– Здесь это, думаешь, такая, брат, история: как кого крестить, думаю, вот меня позовут. А смотришь, найдется и побогаче меня, и больше никаких данных.

– Документы у вас есть? – спросил я Силантия.

– Был документ, недавно еще был, здесь это, документ. Так видишь, какая история: карманов у меня нету, потерялся, понимаешь. Да зачем тебе документ, когда я сам здесь налицо, видишь это, как живой, перед тобою стою?

– Где же вы работали раньше?

– Да где? У людей, видишь это, работал. У разных людей. И у хороших, и у сволочей, у разных, видишь, какая история. Прямо говорю, чего ж тут скрывать: у разных людей.

– Скажите правду: красть приходилось?

– Здесь это, прямо скажу тебе: не приходилось, понимаешь, красть. Что не приходилось, здесь это, так и вправду не приходилось. Такая, видишь, история.

Силантий смущенно глядел на меня. Кажется, он думал, что для меня другой ответ был бы приятнее.

– Это ничего. Вам, вероятно, немного нужно?

– Почему немного? Каждому человечку много чего нужно, а я, здесь это, тож вроде не хуже других каких сволочей. Здесь это, такая, видишь, история: кому что нужно? Одному, понимаешь ты, хлеб нужен, а другому деньги, а третьему баба. А мне нужны, как говорится, люди. Люблю, здесь это, когда людей кругом много. Ну, а где люди, там и хлеб есть, это пустяк, вот тебе и вся история.

Силантий остался у нас работать. Мы пробовали назначить его в помощь Шере по животноводству, но из такой регламентации ничего не вышло. Силантий не признавал никаких ограничений в человеческой деятельности: почему это одно ему можно делать, а другое нельзя? И поэтому он у нас делал все, что находил нужным и когда находил нужным. На всяких начальников он смотрел с улыбкой, и приказания пролетали мимо его ушей, как речь на чужом языке. Он успевал в течение дня поработать и в конюшне, и в поле, и на свинарнике, и на дворе, и в кузнице, и на заседании педагогического совета и

совета командиров. У него был исключительный талант чутьем определить самое опасное место в колонии и немедленно оказываться на этом месте в роли ответственного лица. Не признавая института приказания, он всегда готов был отвечать за свою работу, и его всегда можно было поносить и ругать за ошибки и неудачи. В таких случаях он почесывал лысину и разводил руками:

– Здесь это, как говорится, действительно напутали, видишь, какая история.

Заинтересовали Силантия и дела гончаровские. Лука Семенович и его друзья, возглавляя гончаровский сельсовет, в это время открыто шли против колонии. Тихон Несторович Коваль, мой заместитель и политрук, готовился к решительной схватке с методическим спокойствием и хладнокровной уверенностью в успехе. Он расположил комсомольские и резервные колонийские силы на четырех участках фронта и на каждом в любой момент готов был перейти в зубодробительное наступление. Силантий Семенович Отченаш с первого дня с головою влез в комсомольские планы и непременно разглагольствовал на комсомольских общих собраниях и заседаниях бюро. Но было и так: пришел он ко мне уверенно злой и, размахивая своим пальцем, возмущался:

– Здесь это, прихожу к ним…

– К кому это?

– Да, видишь, к комсомольцам этим – не пускают, как говорится: закрытое, видишь это, заседание. Я им гоцорю по-хорошему: здесь это, молокососы, от меня закроешься, так и здохнешь, говорю, зеленым. Дураком, здесь это, был, дураком и закопают, и больше никаких данных.

– Ну, и что ж?

– Да, видишь, какая история: не понимают, что ли, или, здесь это, пьяные они, как говорится, так и не пьяные. Я им толкую: от кого тебе нужно закрываться? От Луки, от этого Софрона, от Мусия, здесь это, правильно. А как же ты меня не пускаешь – не узнал, как говорится, а то, может, сдурел? Так, видишь, какая история: не слушают даже, хохочут, как это говорится, как малые ребята. Им дело, а они насмешки, и больше никаких данных.

Я посоветовал Силантию поговорить с Ковалем. Не знаю, как они говорили, но потом Тихон Нестерович мне говорил:

– Я думаю, черт с ним, пускай ходит и на закрытые. Злится сильно и обещает кому-то в городе жаловаться. Нельзя такого человека не пустить.

Боевые действия начались на первом участке фронта – вокруг мельничного склада. Это был длинный добротный деревянный

сарай, крытый железом. Мы мечтали обратить его в театр. В нашем документе было сказано, что имение, бывшее Трепке, передается нам со всеми постройками и остатками построек. После этого следовало перечисление построек, и почему-то указанный склад был в этом списке пропущен, хотя и стоял на нашей территории, на границе нового сада.

В городе было управление государственным имуществом, и в этом управлении были у Луки Семеновича свои люди. Наше положение было в общем неважное, ибо сельсовет домогался переноса склада «для постройки хаты-читальни» – основание безгрешное. В этой ситуации нам нужно было надеяться только на крепкую нашу волю. Самым активным действующим лицом в назревающей драме со стороны сельсовета выступал наш бывший кузнечный инструктор Софрон Головань. После некоторых безрезультатных дипломатических экскурсов Головань в один из воскресных дней привел к нашему сараю человек двадцать с пилами, топорами и ломами, но вокруг сарая уже расположились несколько отрядов колонистов. Коваль сидел на травке и объявил сарай на военном положении в такой форме:

– Мои разговоры с вами кончены. Обращайтесь к командиру особого сводного товарищу Карабанову.

Карабанов сидит рядом и готов к действию. Он с деланым нежеланием поднимается с земли, засучивает рукава и нежно приглашает:

– Кто со мной желает разговаривать? Подходите, милости просим.

Софрон отвечает в тон:

– Препятствуете законному постановлению? Думаете, злякались ваших кулаков? У нас тоже есть.

Софрон тоже засучивает рукава. За спиной Семена мобилизуются целые десятки бицепсов, натянутых жил и всякой иной потенции. Гордостью этого собрания является согнутая рука Силантия: он считается рекордом в колонии.

У Семена на босых ногах подкачены до колен штаны, ноги расставлены и кулаки уперлись в живот, выставив против Софрона веселые игривые локти. На крыше сидят любопытные колонисты. Силантий спокойно скручивает цыгарку.

– Лучше, здесь это, Софрон, иди, как говорится, домой спать. Здесь это, мы тебя уложим, будет не очень удобно, видишь, какая история?

– А этот безродный, откуда у вас? Понабирали арестантов… – говорит Софрон. – Вы лучше б спросили, сколько он людей убил за свою жизнь.

Силантий смеется:

– Здесь это, такая, видишь, история: первым ты будешь, как говорится…

Такая мирная беседа продолжается до позднего вечеря. Колонисты обладают остроумием и терпением. На ночь селяне не уходят, а, рассчитывая на колонийский сон, располагаются вокруг сарая, и кое-кто начинает уже дремать. В моем кабинете собирается короткий военный совет. Коваль уверен в нашей правоте и не хочет никаких выяснений.

– Набьем морды куркулям, а потом пускай выясняют, почему набили. Ночью вокруг сарая тихо. Утром Софрона не видно, но появляется сам Лука Семенович, на его плечах я хорошо различаю рябенькую порфиру власти. Лука Семенович отозвал меня в сад:

– Товарищ заведующий, до чего вы можете доиграться с такими поступками?

Допрос и меня заинтересовал:

– До чего я могу доиграться? С какими поступками?

– Софрона, так что, наверное, в больницу везти придется, вот с какими.

– А что случилось?

– Спросите ваших, что случилось, если вы, как заведующий, не знаете, к вашему стыду?

Я и в самом деле, к стыду, конечно, ничего не знал. Но в том же саду подкашивал для лошадей траву Силантий, и я его спросил:

– Кто побил Софрона?

Силантий, улыбаясь, глядел на Луку Семеновича:

– Меня, здесь это, давно из милиции выгнали, видишь, какая история, протокола, как говорится, не составлял. А может, жена побила. Бывает, видишь, что жена, ги, ги, ги, и больше никаких данных.

Лука Семенович гневно ушел, безусловно снабженный какими-то таинственными и страшными намерениями.

Я накинулся на Силантия:

– Говори, что было ночью?

Нескладная большая голова Силантия наклонилась к правому плечу, на голове сияли глаза, лысина и улыбка.

– Да ничего, здесь это, не было. Как говорится, сидели, сидели, поснули. Ну, а тут, действительно, Софрон чево-то, как говорится, близко это, подошел, как будто. Ну, мы его и затянули в сарай, такая, видишь, история.

– Что же он, не кричал?

– Да мы так, видишь, считали, для чего ему кричать? Люди, как говорится, спят, здесь это, нехорошо, беспокойство, видишь.

– Так… ну, дальше.

– Ну, а дальше, все как следует. Софрон, здесь, это… ну, хэ-хэ-

хэ, выпил, ну и закусил, вот какая история. Мы его, здесь это, проводили по-хорошему. Он, как говорится, конечно, угощение все ж таки, ну, так, шатался будто, и голову повесил, видишь, какая история, да… ну так, ничего, здоровый мужик.

Я приказал запрягать лошадь и поехал к прокурору.

К моему удивлению, прокурор в один миг понял, в чем дело. Это был человек, больше меня знакомый с селянскими запахами и с запахами управления государственными имуществами. Он задал мне только один вопрос:

– Вы знаете, сколько лет строится хата-читальня в Гончаровке?

– Нет, не знаю.

– Не знаете? Ну, а вот я знаю. На эту хату уже разобрано не меньше пяти домов в разных местах. Едем.

На наших лошадях прокурор приехал в колонию. Он был человек простой и тут же на месте военных действий он написал несколько повесток и вручил их Луке Семеновичу.

Лука Семенович солидно спрятал повестки в карман пиджака и о Софроне Головане, о его пиршественной ночи не напоминал ни словом. Коваль объявил демобилизацию первого участка фронта, а Семен Карабанов прибил к крыше сарая палочку с красным лоскутком и, спрыгивая на землю, сказал:

– Еще одно завоевание советской власти.

Вместе с комсомолом принимал Силантий участие и в школьных делах.

Комсомольский регулярный режим прежде всего поднял на ноги нашу школу. До того времени она влачила довольно жалкое существование, будучи не в силах преодолеть отвращение к учебе многих колонистов.

Это, пожалуй, понятно. Первые горьковские дни были днями отдыха после тяжелых беспризорных переживаний. В эти дни укрепились нервы колонистов под тенью непрезентабельной мечты о карьерах сапожников и столяров.

Великолепное шествие нашего коллектива и победные фанфары на берегах Коломака сильно подняли мнение колонистов о себе. Почти без труда нам удалось вместо скромных сапожничьих идеалов поставить впереди волнующие и красивые знаки:

РАБФАК

В то время слово «рабфак» обозначало совсем не то, что сейчас обозначает. Теперь это простое название скромного учебного заведения. Тогда это было знамя освобождения рабочей

молодежи от темноты и невежества. Тогда это было страшно яркое утверждение непривычных человеческих прав на знание, и тогда мы все относились к рабфаку, честное слово, с некоторым даже умилением.

Это все было у нас практической линией: к осени 1923 года почти всех колонистов обуяло стремление на рабфак. Оно просочилось в колонии незаметно, еще в 1921 году, когда уговорили наши воспитательницы ехать на рабфак незадачливую Раису. Много рабфаковцев из молодежи паровозного завода приходили к нам в гости. Колонисты с завистью слушали их рассказы о героических днях первых рабочих факультетов, и эта зависть помогала им теплее принимать нашу агитацию. Мы настойчиво призывали колонистов к школе и к знанию и о рабфаке говорили им как о самом прекрасном человеческом пути. Но поступление на рабфак в глазах колонистов было связано с непереносимо трудным экзаменом, который, по словам очевидцев, выдерживали только люди исключительно гениальные. Для нас было очень не легко убедить колонистов, что и в нашей школе к этому страшному испытанию подготовиться можно. Многие колонисты были уже и готовы к поступлению на рабфак, но их разбирал безотчетный страх, и они решили остаться еще на год в колонии, чтобы подготовиться наверняка. Так было у Буруна, Карабанова, Вершнева, Задорова. Особенно поражал нас учебной страстью Бурун. В редких случаях его нужно было поощрять. С молчаливым упорством он осиливал не только премудрости арифметики и грамматики, но и свои сравнительно слабые способности. Самый несложный пустяк, грамматическое правило, отдельный тип арифметической задачи он преодолевал с большим напряжением, надувался, пыхтел, потел, но никогда не злился и не сомневался в успехе. Он обладал замечательно счастливым заблуждением: он был глубоко уверен, что наука на самом деле такая трудная и головоломная вещь, что без чрезмерных усилий ее одолеть невозможно. Самым чудесным образом он отказывался замечать, что другим те же самые премудрости даются шутя, что Задоров не тратит на учебу ни одной лишней минуты сверх обычных школьных часов, что Карабанов даже и на уроках мечтает о вещах посторонних и переживает в своей душе какую-нибудь колонийскую мелочь, а не задачу или упражнение. *Бурун героически упрямо не допускал к себе ни одного сомнения в собственных способностях.* И наконец, наступило такое время, когда Бурун оказался впереди товарищей, когда их талантливо схваченные огоньки знания сделались чересчур скромными по сравнению *с солидным костром эрудиции Буруна, в котором он наворотил целые стволы своей воли,*

терпения и до ажура доведенной точности. Полной противоположностью Буруну была Маруся Левченко. Она принесла в коммуну невыносимо вздорный характер, крикливую истеричность, подозрительность и плаксивость. Много мы перемучались с нею. С пьяной бесшабашностью и больным размахом она могла в течение одной минуты вдребезги разнести самые лучшие вещи: дружбу, удачу, хороший день, тихий, ясный вечер, лучшие мечты и самые радужные надежды. Было много случаев, когда казалось, что остается только одно: брать ведрами холодную воду и безжалостно поливать это невыносимое существо, вечно горящее глупым, бестолковым пожаром.

Настойчивые, далеко не нежные, а иногда и довольно жестокие сопротивления коллектива приучили Марусю сдерживаться, но тогда она стала с таким же больным упрямством куражиться и издеваться над самой собой. Маруся обладала счастливой памятью, была умница и собой исключительно хороша: на смуглом *тонком* лице, *как заря в грозный вечер, горел* глубокий румянец, большие черные глаза всегда играли огнями и молниями, а над ними с побеждающей неожиданностью – спокойный, чистый, умный девичий лоб. Но Маруся была уверена, что она безобразна, что она похожа «на арапку», что она ничего не понимает и никогда не поймет. На самое пустячное упражнение она набрасывалась с давно заготовленной злостью:

– Все равно ничего не выйдет! Пристали ко мне – учись! Учите ваших Бурунов. Пойду в прислуги. И зачем меня мучить, если я ни к черту не гожусь?

Наталья Марковна Осипова, человек сентиментальный, с ангельскими глазами и с таким же невыносимо ангельским характером, просто плакала после занятий с Марусей.

– Я ее люблю, я хочу ее научить, а она меня посылает к черту и говорит, что я нахально к ней пристаю. Что мне делать?

Я перевел Марусю в группу Екатерины Григорьевны и боялся последствий этой меры. Екатерина Григорьевна подходила к человеку с простым и искренним требованием.

Через три дня после начала занятий Екатерина Григорьевна привела Марусю ко мне, закрыла двери, усадила дрожащую от злобы свою ученицу на стул и сказала:

– Антон Семенович! Вот Маруся. Решайте сейчас, что с ней делать. Как раз мельнику нужна прислуга. Маруся думает, что из нее только прислуга может выйти: давайте отпустим ее к мельнику. А есть и другой исход: я ручаюсь, что к следующей осени я приготовлю ее на рабфак, у нее большие способности.

– Конечно, на рабфак, – сказал я.

Маруся сидела на стуле и ненавидящим взглядом следила за

спокойным лицом Екатерины Григорьевны.

– Но я не могу допустить, чтобы она оскорбляла меня во время занятий. Я тоже трудящийся человек, и меня нельзя оскорблять. Если она еще один раз скажет слово «черт» или назовет идиоткой, я заниматься с нею не буду.

Я понимаю ход Екатерины Григорьевны, но уже все ходы были перепробованы с Марусей, и мое педагогическое творчество не пылало теперь никаким воодушевлением. Я посмотрел устало на Марусю и сказал без всякой фальши:

– Ничего не выйдет. И черт будет, и дура, и идиотка. Маруся не уважает людей, и это так скоро не пройдет…

– Я уважаю людей, – перебила меня Маруся.

– Нет, ты никого не уважаешь. Но что же делать? Она наша воспитанница. Я считаю так, Екатерина Григорьевна: вы взрослый, умный и опытный человек, а Маруся девочка с плохим характером. Давайте не будем на нее обижаться. Дадим ей право: пусть она называет вас идиоткой и даже сволочью, – ведь и такое бывало, – а вы не обижайтесь. Это пройдет. Согласны?

Екатерина Григорьевна, улыбаясь, посмотрела на Марусю и сказала просто:

– Хорошо. Это верно. Согласна.

Марусины черные очи глянули в упор на меня и заблестели слезами обиды; она вдруг закрыла лицо косынкой и с плачем выбежала из комнаты.

Через неделю я спросил Екатерину Григорьевну:

– Как Маруся?

– Ничего. Молчит и на вас очень сердита.

А на другой день поздно вечером пришел ко мне Силантий с Марусей и сказал:

– Насилу, это, привел к тебе, как говорится. Маруся, видишь, очень на тебя обижается, Антон Семенович. Поговори, здесь это, с нею.

Он скромно отошел в сторону. Маруся опустила лицо.

– Ничего мне говорить не нужно. Если меня считают сумасшедшей, что ж, пускай считают.

– За что ты на меня обижаешься?

– Не считайте меня сумасшедшей.

– Я тебя и не считаю.

– А зачем вы сказали Екатерине Григорьевне?

– Да это я ошибся. Я думал, что ты будешь ее ругать всякими словами.

Маруся улыбнулась:

– А я ж не ругаю.

– А, ты не ругаешь? Значит, я ошибся. Мне почему-то

показалось.

Прекрасное лицо Маруси засветилось осторожной, недоверчивой радостью:

– Вот так вы всегда: нападаете на человека…

Силантий выступил вперед и зажестикулировал шапкой:

– Что же ты к человеку придираешься? Вас это, как говорится, сколько, а он один! Ну, ошибся малость, а ты, здесь это, обижаться тебе не нужно.

Маруся весело и быстро глянула в лицо Силантия и звонко сказала:

– Ты, Силантий, болван, хоть и старый.

И выбежала из кабинета. Силантий развел шапкой и сказал:

– Видишь, какая, здесь это, история.

И вдруг хлопнул шапкой по колену и захохотал:

– Ах, и история ж, будь ты неладна!..

[3] Доминанты

Не успели столяры закрыть окна красного дома, налетела на нас зима. Зима в этом году упала симпатичная: пушистая, с милым характером, без гнилых оттепелей, без изуверских морозов. Кудлатый три дня возился с раздачей колонистам зимней одежды. Конюхам и свинарям дал Кудлатый валенки, остальным колонистам – ботинки, не блиставшие новизной и фасоном, но обладавшие многими другими достоинствами: добротностью материала, красивыми заплатами, завидной вместимостью, так что и две пары портянок находили для себя место. Мы тогда еще не знали, что такое пальто, а носили вместо пальто полужилеты-полупиджаки, стеганные на вате, с ватными рукавами – наследие империалистической войны, – которые старые солдаты остроумно называли «куфайками». На некоторых головах появились шапки, от которых тоже попахивало царским интендантством, но большинству колонистов пришлось и зимой носить бумажные картузы. Сильнее утеплить организмы колонистов мы в то время еще не могли. Штаны и рубашки и на зиму остались те же: из легкой бумажной материи. Поэтому зимой в движениях колонистов наблюдалась некоторая излишняя легкость, позволявшая им даже в самые сильные морозы переноситься с места на место с быстротой метеоров.

Хороши зимние вечера в колонии. В пять часов работы окончены, до ужина еще три часа. Кое-где зажгли керосиновые лампочки, но не они приносят истинное оживление и уют. По спальням и классам начинается топка печей. Возле каждой печи две кучи: кучка дров и кучка колонистов, и те и другие собрались сюда не столько для дела отопления, сколько для дружеских вечерних бесед. Дрова начинают первые, по мере того как проворные руки пацана подкладывают их в печку. Они рассказывают сложную историю, полную занятных приключений и смеха, выстрелов, погони, мальчишеской бодрости и победных торжеств. Пацаны с трудом разбирают их болтовню, так как рассказчики перебивают друг друга и все куда-то спешат, но смысл рассказа понятен и забирает за душу: на свете жить интересно и весело. А когда замирает трескотня дров, рассказчики укладываются в горячий отдых, только шепчут о чем-то усталыми языками, – начинают свои рассказы колонисты.

В одной из групп Ветковский. Он старый рассказчик в колонии, и у него всегда есть слушатели.

– Много есть на свете хорошего. Мы здесь сидим и ничего не видим, а есть на свете такие пацаны, которые ничего не

пропустят. Недавно я одного встретил. Был он аж на Каспийском море и по Кавказу гулял. Там такое ущелье есть и есть скала, так и называется «Пронеси, Господи». Потому что другой дороги нет, одна, понимаешь, дорога – мимо этой самой скалы. Один пройдет, а другому не удается: все время камни валятся. Хорошо, если не придется по кумполу, а если стукнет, летит человек прямо в пропасть, никто его не найдет.

Задоров стоит рядом и слушает внимательно и так же внимательно вглядывается в синие глаза Ветковского.

– Костя, а ты бы отправился попробовать, может, тебя «Господи» и пронесет?

Ребята поворачивают к Задорову головы, озаренные красным заревом печки.

Костя недовольно вздыхает:

– Ты не понимаешь, Шурка, в чем дело. Посмотреть все интересно. Вот пацан был там…

Задоров открывает свою обычную ехидно-неотразимую улыбку и говорит Косте:

– Я вот этого самого пацана о другом спросил бы… Пора трубу закрывать, ребята.

– О чем спросил бы? – задумчиво говорит Ветковский.

Задоров наблюдает за шустрым мальчиком, гремящим вверху заслонками.

– Я у него спросил бы таблицу умножения. Ведь, дрянь, бродит по свету дармоедом и растет неучем, наверное, и читать не умеет. Пронеси, Господи? Таких болванов действительно нужно по башкам колотить. Для них эта самая скала нарочно поставлена!

Ребята смеются, и кто-то советует:

– Нет, Костя, ты уж с нами поживи. Какой же ты болван?

У другой печки сидит на полу, расставил колени и блестит лысиной Силантий и рассказывает что-то длинное:

– …Мы думали всё, как говорится, благополучно. А он, подлец такой, плакал же и целовался, паскуда, а как пришел в свой кабинет, так и нагадил, понимаешь. Взял, здесь это, холуя и в город пустил. Видишь, какая история. На утречко, здесь это, смотрим: жандармы верхом. И люди говорят: пороться нам назначено. А я с братом, как говорится, не любили, здесь это, чтобы нам штаны снимали, и больше никаких данных. Так девки ж моей жалко, видишь, какая история? Ну, думаю, здесь это, девки не тронут…

Сзади Силантия установлены на полу валенки Калины Ивановича, а выше дымится его трубка. Дым от трубки крутым коленом спускается к печке, бурлит двумя рукавами по ушам

круглоголового пацана и жадно включается в горячую печную тягу. Калина Иванович подмигивает мне одним глазом и перебивает Силантия:

– Хэ-хэ-хэ! Ты, Силантий, прямо говори – погладили тебя эти паразиты по тому месту, откуда ноги растут, чи не погладили?

Силантий задирает голову, почти опрокидывается навзничь и заливается смехом:

– Здесь, это, погладили, как говорится. Калина Иванович, это ты верно сказал… Из-за девки, будь она неладна.

И у других печей журчащие ручейки повестей, и в классах, и по квартирам. У Лидочки наверняка сидят Вершнев и Карабанов. Лидочка угощает их чаем с вареньем. Чай не мешает Вершневу злиться на Семена:

– Ну, х-хорошо, вчера з-зубоскалил, сегодня з-зубоскалил, а надо же к-к-когда-нибудь и з-з-задуматься…

– Да о чем тебе думать? Чи у тебя жена, чи волы, чи в коморе богато? О чем тебе думать? Живи, тай годи!

– О жизни надо думать, ч-ч-чудак к-к-какой.

– Дурень ты, Колька, ей-ей, дурень! По-твоему думать, так нужно систы в кресло, очи вытрищить и ото… заходытысь думать. У кого голова есть, так тому й так думается. А такому, як ты, само собою нужно чогось поисты такого, щоб думалось…

– Ну зачем вы обижаете Николая? – говорит Лидочка. – Пусть человек думает, он до чего-нибудь и додумается.

– Хто? Колька додумается? Да никогда в жизни! Колька – знаете, кто такой? Колька ж Иисусик. Вин же «правды шукае». Вы бачилы такого дурня? Ему правда нужна! Он правдою будет чоботы мазать.

Вершнев впивается в Семена злым взглядом и дрожащим голосом спрашивает:

– А т-тебе не нужна п-п-правда? Н-не нужна? Г-говори…

– Та на биса мени твоя правда? Мне нужна работа, дисциплина, понимаешь ты, селезень? Дисциплина, потом учеба, ну, и гопака иногда ударить нужно…

– А если н-несправедливость?

Семен дурашливо надувает губы:

– Несправедливость? Ну, скажи пожалуйста, так это ж каждая баба знает: нужно покликать мильтона… и тот… протокола составить.

– Ну, вот видишь?

– Та вижу ж. Видишь, какая разница: если несправедливость, так я поклычу мильтона или, скажем, морду набью, а ты сядешь и будешь думать. А як бы таких как ты было меньше, так и несправедливостей не было бы.

От Лидочки Семен и Колька выходят прежними друзьями, только Семен орет песню на всю колонию, а Николай в это время нежно его обнял и уговаривает:

– Р-раз р-революция, понимаешь, так д-должно быть все правильно.

И в моей скромной квартире гости. Я теперь живу с матерью, глубокой старушкой, жизнь которой тихонько струится в последних вечерних плесах, укрытых прозрачными, спокойными туманами. Мать мою все колонисты называют бабушкой.

У бабушки сидит Шурка Жевелий, младший брат и без того маленького Митьки Жевелия. Шурка ужасно востроносый. Живет он в колонии давно, но как-то не растет, а больше заостряется в нескольких направлениях: нос у него острый, острые уши, острый подбородок и взгляд тоже острый.

У Шурки всегда имеются отхожие промыслы. Где-нибудь за захолустным кустом в саду у него дощатая загородка, и там живет пара кроликов, а в подвале кочегарки он пристроил вороненка. Комсомольцы на общем собрании иногда обвиняют Шурку в том, что все его хозяйство назначается будто бы для спекуляции и вообще носит частный характер, но Шурка деятельно защищается и грубовато требует:

– А ну, докажи, кому я что продавал? Ты видел, когда продавал?

– А откуда у тебя деньги?

– Какие деньги?

– А за какие деньги ты вчера покупал конфеты?

– Смотри ты, деньги! Бабушка дала десять копеек.

Против бабушки в общем собрании не спорят. *Если бы кто-нибудь дал Шурке десять копеек, его обязательно обвинили бы в попрошайничестве, но бабушке все прощается.* Возле бабушки всегда вертятся несколько пацанов. Они иногда по ее просьбе исполняют небольшие поручения в Гончаровке, но стараются это делать так, чтобы я не видел. А когда наверное известно, что я занят и скоро в квартире меня ожидать нельзя, у бабушки за столом сидят двое-трое и пьют чай или ликвидируют какой-нибудь компот, который бабушка варила для меня, но который мне съесть было некогда. По стариковской никчемной памяти бабушка даже имен всех своих друзей не знала, но Шурку отличала от других, потому что Шурка старожил в колонии и потому что он самый энергичный и разговорчивый. *Кроме того, Шурка умел явиться в такой момент, когда бабушка в особенности ощущала старческое свое бессилие.*

Сегодня Шурка пришел к бабушке по особым и важным причинам.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Шура. Что это тебя так долго не видно было? Болен был, что ли?

Шурка усаживается на табурет и хлопает козырьком когда-то белой фуражки по ситцевому новому колену. На голове у Шурки топорщатся острые, после давней машинки, белобрысые волосы. Шурка задирает нос и рассматривает невысокий потолок.

– Нет, я не был болен. А у меня кролик заболел.

Бабушка сидит на кровати и роется в своем основном богатстве – в деревянной коробке, в которой лоскутки, нитки, клубочки – старые запасы бабушкины.

– Кролик заболел? Бедный! Как же ты?

– Ничего не поделаешь, – говорит Шурка серьезно, с большим трудом удерживая волнение в правом прищуренном глазу.

– А полечить если? – смотрит на Шурку бабушка.

– Полечить нечем, – шепчет Шурка.

– Лекарство нужно какое?

– Если бы пшена достать… полстакана пшена, и все.

– Хочешь, Шура, чаю? – спрашивает бабушка. – Смотри, там чайник на плите, а вон стаканы. И мне налей.

Шурка осторожно укладывает фуражку на табуретку и неловко возится у высокой плиты. А бабушка с трудом подымается на цыпочки и достает с полки розовый мешочек, в котором хранится у нее пшено.

Самая веселая и самая крикливая компания собирается в колесном сарайчике Козыря. Козырь здесь и спит. В углу сарайчика низенькая самоделковая печка, на печке чайник. В другом углу раскладушка, покрытая пестрым одеялом. Сам Козырь сидит на кровати, а гости – на чурбачках, на производственном оборудовании, на горках ободьев. Все настойчиво стараются вырвать из души Козыря обильные запасы религиозного опиума, которые он накопил за свою жизнь. *Белухин говорит Козырю:*

– Ты понимаешь, дед, не может быть кулак хорошим человеком.

Козырь моргает добрыми глазами и ласково улыбается Белухину:

– Вы, детки, вот рассказывали мне, темному человеку: кулак это, Господи прости, буржуи разные. А отчего такое? Надо рассудить, отчего такое? Допустил, значит, Господь до греха, стал человек кулаком, другого обижает, сам для себя живет. Надо такому человеку покаяться, понять, чтобы и его милостивый Господь не оставил…

Белухин хохочет:

– А какая у твоего Господа волокита?

– Как это, прости Царица Небесная, как это ты говоришь так?

– Волокита, долго ждать, пока твой Господь соберется?

– А это ему видно.

– С горы виднее, – басом перебивает Бурун.

Гости хохочут и обнимают Козыря за плечи. Козырь улыбается с настоящей незлобивостью. Белухин хитро подсаживается к Козырю и спрашивает:

– А ведь и ты, дедушка, кулаком был, а?

– Христос Бог миловал, что ты, сынок, когда же я был кулаком?

– А у тебя вот была колесная, и двое рабочих работали? А? А для чего это? Они на тебя работали, а ты их эксплуатировал.

Козырь убежденно вертит головой:

– Боже сохрани, чтобы я их, такое это слово… склотировал шли как ты сказал. Нет. Мы колеса людям делали. Людям колеса нужны, людям нужно ездить на колесах, а мы делали. И люди нам спасибо говорили.

– За спасибо делали? – спрашивает Бурун.

– Нет, как же это? И платили нам на пропитание. Платили, как же, не обижали нас люди.

– Да кому же платили? Тебе, дедушка, платили, а работникам ты платил, только ты себе больше оставлял, правда?

– Да на то он и работник, детки, молодой он еще, и мастер какой с него. А я, значит, как хозяин вроде… Так сам Господь Бог устроил: всякому свое.

Белухин встает с чурбачка, опирается руками на колени и смеется деду в лицо:

– Вот оно самое и есть: ты, значит, был эксплуататором. Работник работает, а ты у него это – прикарманиваешь. Ты настоящий буржуй был, эксплуататор.

Козырь задумывается на кровати, ребята внимательно наблюдают за его встревоженной душой.

– Ишь ты, какое дело. Трудно было, детки, прожить без греха. Господу Богу дела много, за всеми не усмотришь, а бесам хорошо, по людям ходят бесы, видишь ты, какие дела устраивают. А люди того и не видят.

– А вот теперь не так, – басит Бурун.

– Не так, говоришь? А как же? Теперь люди тоже грешат?

Белухин вылазит на кучу колеблющихся ободьев и возглашает дурашливо:

– Теперь не так, дедушка. Бесов нынче здорово разогнали: кого в море, кого в болото, а которым хвосты узлами позавязывали и назначили на работу.

– А…, а, – удивляется Козырь.

– Да. Так и знай, дед, если увидишь у кого хвост узлом завязан, так и знай – это который раньше бесом ходил. Ты присмотрись, как хвост у Луки Семеновича.

Хлопцы ложатся на землю от смеха, смеется и Козырь, который уже начинает понимать, в чем суть всей речи Белухина.

– И за Господа Бога тоже взялись по-новому. Сказали ему: что ж ты, старый хрен, сидишь тут на небе, а кругом беспорядок. Куда же ты смотришь, такой-сякой? Повылазило тебе разве, что дедушка Козырь людей эксплуатирует.

– Господи прости, – крестится Козырь.

– Сняли с работы. А этот самый Иисус Христосович, тот парень здоровый, это он прикидывается только несчастным, вроде нашего Евгеньева, так тот ничего, в Харькове трамвайным кондуктором служит.

Козырь печально улыбается:

– Нехорошо, детки, нехорошо, Господи, прости. Разгневается Господь…

Но пока собрался Господь разгневаться, разгневался Калина Иванович. Он из темного просвета дверей выступает на свет и размахивает трубкой:

– Это что ж вы такое над старым производите? Какое тебе дело до Иисуса Христа, скажи мне, пожалуйста? Я тебя как захвачу отседова, так не только Христу, а и Николаю-угоднику молебны будешь служить! Ежели вас советская власть ослобонила от богов, так и радуйся молча, а не то что куражиться сюда прийшов.

– Спаси Христос, Калина Иванович, не даете в обиду старика…

– Если что, ты ко мне жалиться приходи. С этими босяками без меня не управишься, на своих христосов не очень надейся.

Ребята делали вид, будто они напугались Калины Ивановича, и из колесного сарайчика спешили разойтись по многим другим колонийским уголкам. Теперь не было у нас больших спален-казарм, а расположились ребята в небольших комнатах по шесть-восемь человек. В этих спальнях отряды колонистов сбились крепче, ярче стали выделяться характерные черты каждой отдельной группы, и работать с ними стало интересней. Появился одиннадцатый отряд – отряд малышей, организованный благодаря настойчивому требованию Георгиевского. Он возился с ними по-прежнему неустанно: холил, купал, играл и журил, и баловал, как мать, поражая своей энергией и терпением закаленные души колонистов. Только эта изумительная работа Георгиевского немного скрашивала тяжелое впечатление,

возникавшее благодаря всеобщей уверенности, что Георгиевский – сын иркутского губернатора.

Прибавилось в колонии воспитателей. Искал я настоящих людей терпеливо и кое-что выуживал из довольно бестолкового запаса педагогических кадров. На профсоюзном учительском огороде за городом обнаружил я в образе сторожа Павла Ивановича Журбина. Человек это был образованный, добрый, *по-английски* вымуштрованный, настоящий стоик и джентльмен. Он понравился мне благодаря особому своему качеству: у него была чисто гурманская любовь к человеческой природе; он умел со страстью коллекционера говорить об отдельных чертах человеческих характеров, о неуловимых завитках личности, о красотах человеческого героизма и о темных тайнах человеческой подлости. Обо всем этом он много думал и терпеливо высматривал в людской толпе признаки каких-то новых коллективных законов. Я видел, что он должен непременно заблудиться в своем дилетантском увлечении, но мне нравилась искренняя и чистая натура этого человека, и за это я простил ему штабс-капитанские погоны 35-го пехотного Брянского полка, которые, впрочем, он спорол еще до Октября, не испачкав своей биографии никакими белогвардейскими подвигами и получив за это в Красной армии звание командира роты запаса.

Вторым был Зиновий Иванович Буцай. Ему было лет двадцать семь, но он только что окончил художественную школу и к нам был рекомендован как художник. Художник был нам нужен и для школы, и для театра, и для всяких комсомольских дел.

Зиновий Иванович Буцай поразил нас крайним выражением целого ряда качеств. Он был чрезвычайно худ, чрезвычайно черен и говорил таким чрезвычайно глубоким басом, что с ним трудно было разговаривать: какие-то ультрафиолетовые звуки. Зиновий Иванович отличался прямо невиданным спокойствием и невозмутимостью. Он приехал к нам в конце ноября, и мы с нетерпением ожидали, какими художествами может вдруг обогатиться колония. Но Зиновий Иванович, еще ни разу не взявшись за карандаш, поразил нас иной стороной своей художественной натуры.

Через несколько дней после его приезда колонисты сообщили мне, что каждое утро он выходит из своей комнаты голый, набросив на плечи пальто, и купается в Коломаке. В конце ноября Коломак уже начинал замерзать, а скоро обратился в колонийский каток. Зиновий Иванович при помощи Отченаша проделал специальную прорубь и каждое утро продолжал свое ужасное купанье. Через короткое время он слег в постель и пролежал в плеврите недели две. Выздоровел и снова полез в

полонку. В декабре у него был бронхит и еще что-то. Буцай пропускал уроки и нарушал наши школьные планы. Я наконец потерял терпение и обратился к нему с просьбой прекратить эту глупость.

Зиновий Иванович в ответ захрипел:

– Купаться я имею право, когда найду нужным. В кодексе законов о труде это не запрещается. Болеть я тоже имею право, и таким образом ко мне нельзя предъявить никаких официальных обвинений.

– Голубчик, Зиновий Иванович, так я же неофициально. Для чего вам мучить себя? Жалко вас просто по-человечески.

– Ну, если так, так я вам объясню: у меня здоровье слабое, организм мой очень халтурно сделан. Жить с таким организмом, вы понимаете, противно. Я решил твердо: или я его закалю так, что можно будет жить спокойно, или, черт с ним, пускай пропадает. В прошлом году у меня было четыре плеврита, а в этом году уже декабрь, а был только один. Думаю, что больше двух не будет. Я нарочно пошел к вам, здесь у вас речка под боком.

Вызывал я и Силантия и кричал на него:

– Это что за фокусы? Человек с ума сходит, а ты для него проруби делаешь!..

Силантий виновато развел руками:

– Ты, здесь это, не сердись, Антон Семенович, иначе, понимаешь, нельзя. Один такой вот был у меня… Ну, видишь, захотелось ему на тот свет. Топиться, здесь это, приспособился. Как отвернешься, а он, сволочь, уже в реке. Я его вытаскивал, вытаскивал, как говорится, уморился даже. А он, смотри ты, такая сволочь была вредная, взял и повесился. А мне, здесь это, и в голову не пришло. Видишь, какая история. А этому я не мешаю, и больше никаких данных.

Зиновий Иванович лазил в прорубь до самого мая месяца. Колонисты сначала хохотали над претензиями этого дохлого человека, потом прониклись к нему уважением и терпеливо ухаживали за ним во время его многочисленных плевритов, бронхитов и обыкновенных простуд.

Но бывали целые недели, когда закаливание организма Зиновия Ивановича не сопровождалось повышением температуры, и тогда проявлялась его действительная художественная натура. Вокруг Зиновия Ивановича скоро организовался кружок художников; они выпросили у совета командиров маленькую комнатку в мезонине и устроили ателье.

Скоро для них нашлась большая работа.

По инициативе Петра Ивановича Горовича два раза в неделю

мы устраивали вечерние проработки отдельных, более или менее широких тем. Работа эта очень увлекала нас, и проводили мы ее особым коллективным способом. Например, на моей обязанности лежало всегда одно: составить конспект и подобрать литературу. Для этого нужно было не только рыться в наших книгохранилищах, но и по всему городу выпрашивать статьи и книги, нужно было подбирать художественную литературу, отрывки из романов, статьи из хрестоматий. Весь этот материал разбивался на небольшие подтемы, и один из воспитателей с группой ребят приступал к подготовке целой кучи рефератов.

На обязанности Зиновия Ивановича и его кружка лежало готовить иллюстрации, карты, диаграммы, вести рекламную работу. Посещение таких проработок ни для кого из колонистов не было обязательным; реклама, следовательно, имела огромное значение. Темы этих проработок были примерно такого порядка: «Робеспьер», «Цусима», «Солнечное затмение», «Как Юденич Петроград брал», «Самые дикие люди», «Советская Венгрия». Рекламу кружок Буцая любил подавать в карикатурных формах и даже для солнечного затмения умел находить карикатурные линии.

В журчащий зимний вечер в ателье Буцая идет самая горячая работа, и стены мезонина дрожат от смеха художников и гостей-меценатов.

Под большой керосиновой лампой над огромным картоном работают несколько человек. Почесывая черенком кисти в угольно-черной голове, Зиновий Иванович рокочет, как протодиакон на похмелье:

– Прибавьте Федоренку сепии. Это же грак, а вы из него купчиху сделали. Ванька, всегда ты кармин лепишь, где надо и где не надо.

Рыжий, веснушчатый, с вогнутым носом, Ванька Лапоть, передразнивая Зиновия Ивановича, отвечает хриплым деланым басом:

– Сепию всю на Лешего истратили.

Другие художники и меценаты смеются, но Зиновий Иванович как будто не замечает игры и продолжает рокотать:

– Для Лешего можно было бы и сажей ограничиться.

Лапоть не унимается и басит дальше:

– Сажа для вас осталась, Зиновий Иванович.

– А я при чем?

– А вы в правом углу, – уже чистым животом произносит Лапоть и отодвигается подальше от Зиновия Ивановича. Работники картона любопытно поднимают головы и наслаждаются: Зиновий Иванович с серьезным удивлением,

округлив черные мохнатые брови и выпятив губы, рассматривает неожиданную для него деталь рекламного листа. На листе сверху написано:

КОЛОНИСТЫ

приходите завтра 21 декабря

на доклад группы Коваля

«Во что верят дикие люди»

Под этим воззванием должен быть нарисован Федоренко, считающийся самым догадливым колонистом; он должен держать за шиворот колониста Кузьму Лешего, а под такой картиной должна быть подпись:

– Тихон Нестерович, ось я Лешего спиймав, чи тягты його на доклад?

Но вместо ансамбля, намеченного по плану, представлен на картоне гораздо более сложный:

Красномордый Федоренко держит за шиворот Лешего, а листом чистой бумаги прикрыт контур самого Зиновия Ивановича, стоящего над прорубью и согнувшегося в самом жалком положении. Зиновий Иванович еще не раскрашен.

Художники: Шелапутин, Соловьев, Настя, Жевелей и Витька Богоявленский; меценаты: Кудлатый, Задоров, Коваль, Бурун неистово хохочут. Лапоть осторожно поглядывает на Зиновия Ивановича из-за стола, а Зиновий Иванович подымает правую бровь:

– И что же? Ну и испортили плакат. Какое же это имеет отношение к теме? Надо же все-таки со смыслом делать.

– А как же, со смыслом, – продолжает на самом низком регистре Лапоть, – вот…

Он снимает еще один чистый листик бумаги, прикрывающий еще одну неизвестную деталь. На картоне четкая надпись:

– Тихон Нестерович, ось я Лешего та водяного сниймав, чи тягты их на доклад?

Теперь все затихает, как перед бурей, но Зиновий Иванович спокойно говорит:

– Да. В таком случае правильно: оставьте для Кузьмы сепию, а

для меня сажу.

Завтра утром плакат будет вывешен на самом видном месте и доставит колонистам несколько минут «истинно блаженных».

Стало шумно по вечерам и в моем кабинете. Недавно из Харькова приехали две студентки и привезли такую бумажку:

«Харьковский педагогический институт командирует тт. К. Варскую и Р. Ландсберг для практического ознакомления с постановкой педагогической работы в колонии имени М. Горького».

Я с большим любопытством встретил этих представителей молодого педагогического поколения. И К. Варская и Р. Ландсберг были завидно молоды, каждой не больше двадцати лет. К. Варская – очень хорошенькая полная блондинка, маленькая и подвижная; у нее нежный и тонкий румянец, какой можно сделать только акварелью. Все время сдвигая еле намеченные тонкие брови и волевым усилием прогоняя с лица то и дело возникающую улыбку, она учинила мне настоящий допрос:

– У вас есть педологический кабинет?

– Педологического кабинета нет.

– А как вы изучаете личность?

– Личность ребенка? – спросил я по возможности серьезно.

– Ну да. Личность вашего воспитанника.

– А для чего ее изучать?

– Как «для чего»? А как же вы работаете? Как вы работаете над тем, чего вы не знаете?

К. Варская пищала энергично и с искренней экспрессией и все время оборачивалась к подруге. Р. Ландсберг, смуглая, с черными восхитительными косами, опускала глаза, снисходительно-терпеливо сдерживая естественное негодование.

– Какие доминанты[126] у ваших воспитанников преобладают? – строго в упор спросила К. Варская.

– Если в колонии не изучают личность, то о доминантах спрашивать лишнее, – тихо произнесла Р. Ландсберг.

– Нет, почему же? – сказал я серьезно. – О доминантах я могу кое-что сообщить. Преобладают те самые доминанты, что и у вас…

– А вы откуда нас знаете? – недружелюбно спросила К. Варская.

– Да вот вы сидите передо мной и разговариваете.

– Ну так что же?

– Да ведь я вас насквозь вижу. Вы сидите здесь как будто стеклянные, и я вижу все, что происходит внутри вас.

К. Варская покраснела, но в этот момент в кабинет ввалились Карабанов, Вершнев, Задоров и еще какие-то колонисты.

– Сюда можно, чи тут секреты?

– А как же! – сказал я. – Вот познакомьтесь – наши гости, харьковские студенты.

– Гости? От здорово! А как же вас зовут?

– Ксения Романовна Варская.

– Рахиль Семеновна Ландсберг.

Семен Карабанов приложил руку к щеке и озабоченно удивился:

– Ой, лышенько, на что же так длинно? Вы, значит, просто Оксана?

– Ну, все равно, – согласилась К. Варская.

– А вы – Рахиль, тай годи?

– Пусть, – прошептала Р. Ландсберг.

– Вот. Теперь можно вам и вечерять дать. Вы студенты?

– Да.

– Ну так и сказали б, вы ж голодни, як той… як його? Як бы цэ був Вершнев с Задоровым, сказали бы: як собака. А то… ну, скажем, как кошенята.

– А мы и в самом деле голодны, – засмеялась Оксана. – У вас и умыться можно?

– Идем. Мы вас сдадим девчатам: там что хотите, то и делайте.

Так произошло наше первое знакомство. Каждый вечер они приходили ко мне, но на самую короткую минутку. Во всяком случае, разговор об изучении личности не возобновлялся – Оксане и Рахили было некогда. Ребята втянули их в безбрежное море колонийских дел, развлечений и конфликтов, познакомили с целой кучей настоящих проклятых вопросов. То и дело возникавшие в коллективе водовороты и маленькие водопадики обойти живому человеку было трудно, – не успеешь оглянуться, уже завертело тебя и потащило куда-то. Иногда, бывало, притащит прямо в мой кабинет и выбросит на берег.

В один из вечеров притащило интересную группу: Оксана, Рахиль, Силантий и Братченко.

Оксана держала Силантия за рукав и хохотала:

– Идите, идите, чего упираетесь?

Силантий действительно упирался.

– Он ведет разлагающую линию у вас в колонии, а вы и не видите.

– В чем дело, Силантий?

Силантий недовольно освободил рукав и погладил лысину:

– Да видишь, какое дело: сани, здесь это, оставили на дворе.

Семен и вот они, здесь это, придумали: с горки, видишь, кататься. Антон, вот он самый здесь, вот пусть он сам скажет.

Антон сказал:

– Причепились и причепились: кататься! Ну Семену я сразу дал чересседельником, он и ушел, а эти никаких, тащат сани. Ну что с ними делать? Чересседельником – плакать будут. А Силантий им сказал…

– Вот-вот! – возмущалась Оксана. – Пускай Силантий повторит, что он сказал.

– Да чего ж такого! Правду, здесь это, сказал, и никаких данных. Говорю, замуж тебе хочется, а ты будешь, здесь это, сани ломать. Видишь, какая история.

– Не все, не все…

– А чего ж еще? Все, как говорится.

– Он говорит Антону: ты ее запряги в сани да прокатись на Гончаровку, сразу тише станет. Говорил?

– Здесь это, и теперь скажу: здоровые бабы, а делать им нечего, у нас лошадей не хватает, видишь, какая история.

– Ах! – крикнула Оксана. – Уходите, уходите отсюда! Марш!

Силантий засмеялся и выбрался с Антоном из кабинета. Оксана повалилась на диван, где уже давно дремала Рахиль.

– Силантий – интересная личность, – сказал я. – Вот бы вы занялись ее изучением.

Оксана ринулась из кабинета, но в дверях остановилась и сказала, передразнивая кого-то:

– Насквозь вижу: стеклянный!

И убежала, сразу за дверями попав в какую-то гущу колонистов; услышал я только, как зазвенел ее голос и унесся в привычном для меня колонийском вихрике.

– Рахиль, идите спать.

– Что? Разве я хочу спать? А вы?

– Я ухожу.

– Ага, ну… конечно…

Она, по-детски, кулачком, протирая левый глаз, пожала мне руку и выбралась из кабинета, цепляясь плечом за край двери.

[4] Театр

То, что рассказано в предыдущей главе, составляло только очень незначительную часть зимнего вечернего времени. Теперь даже немного стыдно в этом признаться, но почти все свободное время мы приносили в жертву театру.

Колонисты очень редко бывали в городском театре, это очень дорого стоило и требовало от нас хотя бы минимальной парадности в костюме. Несколько чаще посещали мы железнодорожный клуб, в котором смотрели кинокартины, но и такое развлечение оказывалось на поверку хлопотливым и трудным делом: нужно было прошагать около семи километров, возвращаться очень поздно, все-таки снова семь километров, а в шесть часов уже играли подъем.

Собственный театр возник у нас в старой колонии, но там не было отдельного помещения, нужно было для спектакля выносить свою столярную мастерскую и совершать каторжную работу приспособления: на тех же столярных верстаках, пользуясь разными материалами, устраивать помост, прилаживать кое-как декорации. А за декорациями не оставалось никакого пространства ни для уборных артистов, ни для закулисных передвижений, ни для сценических эффектов. Наконец, во всей столярной можно было поместить не больше шестидесяти человек. Одним словом, это было в высшей степени жалкое начинание.

Во второй колонии мы завоевали настоящий театр. Трудно даже описать тот восторг, который охватил нас, когда мы получили в полное свое распоряжение мельничный сарай. *Едва ли так торжествовали и радовались московские артисты, когда в свое время начинали спектакли в Большом театре. Но необходимо признаться, что на театр мы смотрели как на развлечение, как на очень хорошее культурное дело для колонистов. Рассчитывали, что благодаря небольшой группе драмкружка все остальные колонисты приобщатся к культуре театра. Между тем оказалось, что* в нашем театре можно было поместить до шестисот человек. *Это значило, что мы можем обслужить нескольких сел.* Значение драмкружка очень повышалось, повышались и требования к нему.

Правда, были в театре и некоторые неудобства. Калина Иванович считал даже эти неудобства настолько вредными, что предлагал обратить театр в подкатный сарай:

– Если ты поставишь воз, то ему от холода ничего не будет, для него не нужно печку ставить. А для публики печки надо.

– Ну и поставим печки.

– Поможет, як бидному рукопожатия. Ты ж видав, что там

потолка нету, а крыша железная прямо без всякой подкладки. Печки топить – значит нагривать царство небесное и херувимов и серахвимов, а вовсе не публику. И какие ты печки поставишь? Тут же нужно в крайнем разе чугунки ставить, так кто же тебе разрешить чугунки, это ж готовый пожар: начинай представления и тут же начинай поливать водой.

Но мы не согласились с Калиной Ивановичем, тем более что и Силантий говорил:

– Такая, видишь, история: бесплатно, здесь это, представление, да еще и пожар тут же без хлопот, – никто, здесь это, обижаться не будет.

Печи мы поставили чугунные и железные и топили их только во время представления. Нагреть театральный воздух они никогда не были в состоянии, все тепло от них немедленно улетало вверх и вылезало наружу через железную крышу. И поэтому, хотя самые печи накалялись всегда докрасна, публика предпочитала сидеть в кожухах и пальто, беспокоясь только о том, чтобы случайно не загорелся бок, обращенный к печке.

И пожар в нашем театре был только один раз, да и то не от печки, а от лампы, упавшей на сцене. Была при этом и паника, но особого рода: публика осталась на местах, но колонисты все полезли на сцену в неподдельном восторге, и Карабанов на них кричал:

– Ну что вы за идиоты, чи вы огня не бачили, *чи вы показылысь*?

Колонистов столько налезло на сцену, что для бедного пожара не оставалось места, и тушить, собственно говоря, было нечего. Колонисты настолько были уверены в победе, что не позволили из публики ни одному человеку оставить место.

Сцену мы построили настоящую: просторную, высокую, со сложной системой кулис, с суфлерской будкой. За сценой осталось большое свободное пространство, но мы не могли им воспользоваться. Чтобы организовать для играющих сносную температуру, мы отгородили от этого пространства небольшую комнатку, поставили в ней буржуйку и там гримировались и одевались, кое-как соблюдая очередь и разделение полов. На остальном закулисном пространстве и на самой сцене царил такой же мороз, как и на открытом воздухе.

В зрительном зале стояло несколько десятков рядов дощатых скамей, необозримое пространство театральных мест, невиданное культурное поле, на котором только сеять да жать.

Театральная наша деятельность во второй колонии развернулась очень быстро и на протяжении трех зим, никогда ни на минуту не понижая темпов и размаха, кипела в таких

грандиозных размерах, что я сам сейчас с трудом верю тому, что пишу.

За зимний сезон мы ставили около сорока пьес, и в то же время мы никогда не гонялись за каким-либо клубным облегчением и ставили только самые серьезные большие пьесы в четыре-пять актов, повторяя обычно репертуар столичных театров. Это было ни с чем не сравнимое нахальство, но, честное слово, это не было халтурой.

Уже с третьего спектакля наша театральная слава разнеслась далеко за пределы Гончаровки. К нам приходили селяне из Пироговки, из Грабиловки, Бабичевки, Гонцов, Вацив, Сторожевого, с Воловьих, Чумацких, Озерских хуторов, приходили рабочие из пригородных поселков, железнодорожники с вокзала и паровозного завода, а скоро начали приезжать и городские люди: учителя, вообще наробразовцы, военные, совработники, кооператоры и снабженцы, просто молодые люди и девушки, знакомые колонистов и знакомые знакомых. В конце первой зимы, по субботам, с обеда вокруг театрального сарая располагался табор дальних приезжих. Усатые люди в серяках и шубах распрягали лошадей, накрывали их ряднами и попонами, гремели ведрами у колодца с журавлем, а в это время их спутницы с головами, закутанными до глаз, потанцевавши возле саней, чтобы нагреть нахолодевшие за дорогу ноги, бежали в спальни к нашим девчатам, покачиваясь на высоких кованых каблучках, чтобы погреться и продолжить завязавшееся недавно знакомство. Многие из них вытаскивали из-под соломы кошелки и узелки. Направляясь в далекую театральную экскурсию, они брали с собой пищу: пироги, паляныци, перерезанные накрест квадраты сала, спиральные завитки колбасы и кендюхи[127]. Значительная часть этих запасов предназначалась для угощения колонистов, и бывали иногда такие пиршественные дни, пока комсомольское бюро категорически не запретило принимать от приезжих зрителей какие бы то ни было подарки.

В субботу театральные печи растапливались с двух часов, чтобы дать возможность приезжим погреться. Но чем ближе завязывались знакомства, тем больше проникали гости в помещения колонии, и даже в столовой можно было видеть группу гостей, особенно приятных и, так сказать, общих, которых дежурные находили возможным пригласить к столу.

Для колонийской кассы спектакли доставались довольно тяжело. Костюмы, парики, всякие приспособления стоили нам рублей сорок-пятьдесят. Значит, в месяц это составляло около двухсот рублей. Это был очень большой расход, но мы ни разу не потеряли гордости и не назначили ни одного гроша в виде платы

за зрелище. Мы рассчитывали больше всего на молодежь, а селянская молодежь, особенно девчата, никогда не имела карманных денег.

Сначала вход в театр был свободным, но скоро наступило время, когда театральный зал потерял способность вместить всех желающих, и тогда были введены входные билеты, распределявшиеся заранее между комсомольскими ячейками, сельсоветами и специальными нашими полпредами на местах.

Неожиданно для себя мы встретились со страшной жадностью селянства к театру. Из-за билетов происходили постоянные ссоры и недоразумения между отдельными селами. К нам приезжали возбужденные секретари и разговаривали довольно напористо:

– А чего это нам передали на завтра только тридцать билетов?

Заведующий театральными билетами Жорка Волков язвительно мотает головой перед лицом секретаря:

– А того, что и это для вас много.

– Много? Вы здесь сидите, бюрократы, а знаете, что много?

– Мы здесь сидим и видим, как поповны ходят по нашим билетам.

– Поповны? Какие поповны?

– Ваши поповны, рыжие такие, мордатые.

Узнавши свою поповну, секретарь понижает тон, но не сдается:

– Ну, хорошо, две поповны… Почему же уменьшили на двадцать билетов? Было пятьдесят, а теперь тридцать.

– Потеряли доверие, – зло отвечает Жорка. – Две поповны, а сколько попадей, лавочниц, куркулек – мы не считали. Вы там загниваете, а мы должны считать?

– А какой же сукин сын передал, вот интересно?

– Вот и сукины сыны, тоже не считаем. Вам и тридцать много.

Секретарь, как ошпаренный, спешит домой расследовать обнаруженное загнивание, но на его место прилетает новый протестант:

– Товарищи, что вы делаете? У нас пятьдесят комсомольцев, а вы прислали пятнадцать штук.

– По данным шестого «П» сводного отряда, в прошлый раз от вас приехали только пятнадцать трезвых комсомольцев, да и то из них четыре старых бабы, а остальные были пьяные.

– Ничего подобного, это тут наврали, что пьяные. Наши работают на спиртовом заводе, так от них действительно пахло…

– Проверяли: изо рта пахнет, нечего на завод сворачивать.

– Да я вам привезу, сами посмотрите, от них всегда пахнет, а

вы придираетесь и выдумываете. Что это за загибы!

– Брось! Наши разберут всегда, где завод, а где пьяный.

– Ну, прибавь хоть пять билетов, как вам не стыдно!.. Вы тут разным городским барышням да знакомым раздаете, а комсомольцы у вас на последнем месте…

Мы вдруг увидели, что театр – это не наше развлечение или забава, но наша обязанность, неизбежный общественный налог, отказаться от уплаты которого было невозможно.

В комсомольском бюро задумались крепко. Драматический кружок на своих плечах не мог вынести такую нагрузку. Невозможно было представить, чтобы даже одна суббота прошла без спектакля, причем каждую неделю – премьера. Повторить постановку – это значило бы спустить флаг, предложить нашим ближайшим соседям, постоянным посетителям, испорченный вечер. В драмкружке начались всякие истории.

Даже Карабанов взмолился:

– Да что я? Нанялся, что ли? На той неделе жреца играл, на этой – генерала, а теперь говорят – играй партизана. Что же я – двужильный или как? Каждый вечер репетиция до двух часов, а в субботу и столы тягай, и декорации прибивай.

Коваль опирается руками на стол и кричит:

– Может, тебе диван поставить под грушей, та ты полежишь трохи[128]? Нужно!

– Нужно, так и организуй, чтобы все работали.

– И организуем.

– И организуй.

– Давай совет командиров!

На совете командиров бюро предложило: никаких драмкружков, всем работать – и все.

В совете всегда любили дело оформить приказом. Оформили так:

§ 5

На основании постановления совета командиров считать работу по постановке спектаклей такой работой, которая обязательна для каждого колониста, а потому для постановки спектакля «Приключения племени ничевоков» назначаются также сводные отряды.

Дальше следовало перечисление сводных отрядов, как будто дело касалось не высокого искусства, а полки бураков или окучивания картофеля. Профанация искусства начиналась с того, что вместо драмкружка появился шестой «А» сводный отряд под

командой Вершнева в составе двадцати восьми человек… на данный спектакль.

А сводный отряд – это значит: точный список и никаких опозданий, вечерний рапорт с указанием опоздавших и прочее, приказ командира, в ответ обычное «есть» с салютом рукой, а в случае чего – отдуваться в совете командиров или на общем собрании, как за нарушение колонийской дисциплины, в лучшем случае разговоры со мной и несколько нарядов вне очереди или домашний арест в выходной день.

Это была действительно реформа. Драмкружок ведь организация добровольная, здесь всегда есть склонность к некоторому излишнему демократизму, к текучести состава, драмкружок всегда страдает борьбой вкусов и претензий. Это заметно в особенности во время выбора пьесы и распределения ролей. И в нашем драмкружке иногда начинало выпирать личное начало.

Постановление бюро и совета командиров было принято колонийским обществом как дело, само собой понятное и не вызывающее сомнений. Театр в колонии – это такое же дело, как и сельское хозяйство, как и восстановление имения, как порядок и чистота в помещениях. Стало безразличным, с точки зрения интересов колонии, какое именно участие принимает тот или другой колонист в постановке, – он должен делать то, что от него требуется.

Обыкновенно на воскресном совете командиров я докладывал, какая идет пьеса в следующую субботу и какие колонисты желательны в роли артистов. Все эти колонисты сразу зачислялись в шестой «А» сводный, из них назначался командир. Все остальные колонисты разбивались на театральные сводные отряды, носившие всегда номер шестой и действовавшие до конца одной постановки. Были такие сводные:

Шестой «А» – артисты.
Шестой «П» – публика.
Шестой «О» – одежда.
Шестой горячий – отопление.
Шестой «Д» – декорация.
Шестой «Р» – реквизит.
Шестой «С» – освещение и эффекты.
Шестой «У» – уборка.
Шестой «Ш» – шумы («шухеры», по-нашему).
Шестой «З» – занавес.

Если принять во внимание, что до поры до времени

колонистов было всего восемьдесят человек, то для каждого станет ясным, что ни одного свободного колониста остаться не могло, а если пьеса выбиралась с большим числом действующих лиц, то наших сил просто не хватало. Составляя сводные отряды, совет командиров, разумеется, старался исходить из индивидуальных желаний и наклонностей, но это не всегда удавалось; часто бывало и так, что колонист заявлял:

– Почему меня назначили в шестой «А»? Я ни разу не играл.

Ему отвечали:

– Что это за граковские разговоры? Всякому человеку приходится когда-нибудь играть первый раз.

В течение недели все эти сводные, и в особенности их командиры, в свободные часы метались по колонии и даже по городу, «как соленые зайцы». У нас не было моды принимать во внимание разные извинительные причины, и поэтому комсводам часто приходилось очень туго. Правда, в городе мы имели знакомства, и нашему делу многие сочувствовали. Поэтому, например, мы всегда доставали хорошие костюмы для какой угодно пьесы, но если и не доставали, то шестые «О» сводные умели их делать для любой эпохи и в любом количестве из разных материалов и вещей, находящихся в колонии. При этом считалось, что не только вещи колонии, но и вещи сотрудников находятся в полном распоряжении наших театральных сводных. Например, шестой «Р» сводный всегда был убежден, что реквизит потому так и называется, что он реквизируется из квартир сотрудников. По мере развития нашего дела образовались в колонии и некоторые постоянные склады. Пьесы с выстрелами и вообще военные мы ставили часто, у нас образовался целый арсенал, а кроме того, набор военных костюмов, погонов и орденов.

Постепенно из колонийского коллектива выделялись и специалисты, не только актеры, но и другие: были у нас замечательные пулеметчики, которые при помощи изобретенных ими приспособлений выделывали самую настоящую пулеметную стрельбу, были артиллеристы, Ильи-пророки, у которых хорошо выходили гром и молния.

На разучивание пьесы полагалась одна неделя. Сначала мы пытались делать, как у людей: переписывали роли и старались их выучить, но потом эту затею бросили: ни переписывать, ни учить было некогда, ведь у нас была еще обычная колонийская работа и школа, – в первую очередь все-таки нужно было учить уроки. Махнув рукой на всякие театральные условности, мы стали играть под суфлера, и хорошо сделали. У колонистов выработалось исключительное умение схватывать слова суфлера;

мы даже позволяли себе роскошь бороться с отсебятинами и вольностями на сцене. Но для того чтобы спектакль проходил гладко, мне пришлось к своим обязанностям режиссера прибавить еще суфлерские функции, ибо от суфлера требовалось не только подавать текст, но и вообще дирижировать сценой: поправлять мизансцены, указывать ошибки, командовать стрельбой, поцелуями и смертями.

Недостатка в актерах у нас не было. Среди колонистов нашлось много способных людей. Главными деятелями сцены были: Петр Иванович Горович, Карабанов, Ветковский, Буцай, Вершнев, Задоров, Маруся Левченко, Кудлатый, Коваль, Глейзер, Лапоть.

Мы старались выбирать пьесы с большим числом действующих лиц, так как многие колонисты хотели играть, и нам было выгодно увеличить число умеющих держаться на сцене. Я придавал большое значение театру, так как благодаря ему сильно улучшался язык колонистов и вообще сильно расширялся горизонт. Но иногда нам не хватало актеров, и в таком случае мы приглашали из сотрудников. Один раз даже Силантия выпустили на сцену. На репетициях он показал себя малоспособным актером, но так как ему нужно было сказать только одну фразу: «Поезд опаздывает на три часа», то особенного риска не было. Действительность превзошла наши ожидания.

Силантий вышел вовремя и в порядке, но сказал так:

– Поезд, здесь это, опаздывает на три часа, видишь, какая история.

Реплика произвела сильнейшее впечатление на публику, но это еще не беда; еще более сильное впечатление она произвела на толпу беженцев, ожидавших поезда на вокзале. Беженцы закружили по сцене в полном изнеможении, никакого внимания не обращая на мои призывы из суфлерской будки, тем более что и я оказался человеком впечатлительным. Силантий с минуту наблюдал все это безобразие, потом рассердился:

– Вам говорят, олухи, как говорится! На три часа, здесь это, поезд опоздал… чего обрадовались?

Беженцы с восторгом прислушивались к речи Силантия и в панике бросились со сцены.

Я пришел в себя и зашептал:

– Убирайся к чертовой матери! Силантий, уходи к дьяволу!

Силантий наклонился ко мне:

– Да видишь, какая история?..

Я поставил книжку на ребро – знак закрыть занавес.

Трудно было доставать артисток. Из девочек кое-как могли играть Левченко и Настя Ночевная, из персонала – только

Лидочка. Все эти женщины не были рождены для сцены, очень смущались, наотрез отказывались обниматься и целоваться, даже если это до зарезу полагалось по пьесе. Обходиться же без любовных ролей мы никак не могли. В поисках артисток мы перепробовали всех жен, сестер, тетей и других родственниц наших сотрудников и мельничных, упрашивали знакомых в городе и еле-еле сводили концы с концами. Поэтому Оксана и Рахиль на другой же день по приезде в колонию уже играли на репетиции, восхищая нас ярко выраженной способностью целоваться без малейшего смущения, *а сами были до обалдения поражены нашим глубоко циничным отношением к заучиванию роли. Оксана протестовала:*

– Дайте, я хоть раз прочитаю, я ведь никакого понятия не имею, кого я должна играть?

– Вы играете молодую красивую женщину, сестру партизана, которая проникает в штаб белой армии, ну и так дальше.

– А что дальше?

– А дальше увидите. Ведь сегодня только первая репетиция.

– А читка была?

– Сегодня и читка, не все равно для вас?

Оксана привыкла к нашей системе и поражала публику новизной натуры, игрой и еще чем-то.

Однажды нам удалось сагитировать случайную зрительницу, знакомую каких-то мельничных, приехавшую из города погостить. Она оказалась настоящей жемчужиной: красивая, голос бархатный, глаза, походка – все данные для того, чтобы играть развращенную барыню в какой-то революционной пьесе. На репетициях мы таяли от наслаждения и ожидания поразительной премьеры. Спектакль начался с большим подъемом, но в первом же антракте за кулисы пришел муж жемчужины, железнодорожный телеграфист, и сказал жене в присутствии всего ансамбля:

– Я не могу позволить тебе играть в этой пьесе. Идем домой.

Жемчужина перепугалась и прошептала:

– Как же я пойду? А пьеса?

– Мне никакого дела нет до пьесы. Идем! Я не могу позволить, чтобы тебя всякий обнимал и таскал по сцене.

– Но… как же это можно?

– Тебя раз десять поцеловали только за одно действие. Что это такое?

Мы сначала даже опешили. Потом пробовали убедить ревнивца:

– Товарищ, так на сцене поцелуй ничего не значит, – говорил Карабанов.

– Я вижу, значит или не значит, – что я, слепой, что ли? Я в первом ряду сидел…

Я сказал Лаптю:

– Ты человек разбитной, уговори его как-нибудь.

Лапоть приступил честно к делу. Он взял ревнивца за пуговицу, посадил на скамью и зажурчал ласково:

– Какой вы чудак, такое полезное, культурное дело! Если ваша жена для такого дела с кем-нибудь и поцелуется, так от этого только польза.

– Для кого польза, а для меня отнюдь не польза, – настаивал телеграфист.

– Так для всех польза.

– По-вашему выходит: пускай все целуют мою жену?

– Чудак, так это ж лучше, чем если один какой-нибудь пижон найдется!

– Какой пижон?

– Да бывает… А потом смотрите: здесь же перед всеми, и вы видите. Гораздо хуже ведь, если где-нибудь под кустиком, а вы и знать не будете.

– Ничего подобного!

– Как «ничего подобного»? Ваша жена так умеет хорошо целоваться, – что же, вы думаете, с таким талантом она будет пропадать? Пускай лучше на сцене.

Муж с трудом согласился с доводами Лаптя и с зубовным скрежетом разрешил жене окончить спектакль при одном условии, чтобы поцелуи были «ненастоящие». Он ушел обиженный. Жемчужина была расстроена. Мы боялись, что спектакль будет испорчен. В первом ряду сидел муж и всех гипнотизировал, как удав. Второй акт прошел, как панихида, но, к общей радости, на третьем акте мужа в первом ряду не оказалось. Я никак не мог догадаться, куда он делся. Только после спектакля дело выяснилось. Карабанов скромно сказал:

– Я ему посоветовал уйти. Он сначала не хотел, но потом послушался.

– Как же ты сделал?

Карабанов зажег глаза, устроил чертячую морду и зашипел:

– Слухайте! Краще давайте по чести. Сегодня все будет добре, но если вы зараз не пидэтэ, честное колонийське слово, мы вам роги наставимо. У нас таки хлопцы, що не встоить ваша жинка.

– Ну и что? – радостно заинтересовались актеры.

– Ничего. Он только сказал: «Смотрите же, вы дали слово», – и перешел в последний ряд.

Репетиции у нас происходили каждый день и по всей пьесе целиком. Спали мы в общем недостаточно. Нужно принять во

внимание, что многие наши актеры еще и ходить по сцене не умели, поэтому нужно было заучивать на память целые мизансцены, начиная от отдельного движения рукой или ногой, от отдельного положения головы, взгляда, поворота. На это я и обращал внимание, надеясь, что текст все равно обеспечит суфлер. К субботнему вечеру пьеса считалась готовой.

Нужно все-таки сказать, что мы играли не очень плохо, – многие городские люди были довольны нашими спектаклями. Мы старались играть культурно, не пересаливали, не подделывались под вкусы публики, не гонялись за дешевым успехом. Пьесы ставили украинские и русские.

В субботу театр оживал с двух часов дня. Если было много действующих лиц, Буцай начинал гримировать сразу после обеда; помогал ему и Петр Иванович. От двух до восьми часов они могли приготовить к игре до шестидесяти человек, а после этого уже гримировались сами.

По части оформления спектакля колонисты были не люди, а звери. Если полагалось иметь на сцене лампу с голубым абажуром, они обыскивали не только квартиры сотрудников, но и квартиры знакомых в городе, а лампу с голубым абажуром доставали непременно. Если на сцене ужинали, так ужинали по-настоящему, без какого бы то ни было обмана. Этого требовала не только добросовестность шестого «Р» сводного, но и традиция. Ужинать на сцене при помощи подставных блюд наши артисты считали недостойным для колонии. Поэтому иногда нашей кухне доставалось: приготовлялась закуска, жарилось жаркое, пеклись пироги или пирожные. Вместо вина добывалось ситро.

В суфлерской будке я всегда трепетал во время прохождения ужина: актеры в такой момент слишком увлекались игрой и переставали обращать внимание на суфлера, затягивая сцену до того момента, когда уже на столе ничего не оставалось. Обыкновенно мне приходилось ускорять темпы замечаниями такого рода:

– Да довольно вам… – слышите? Кончайте ужин, черт бы вас побрал!

Артисты поглядывали на меня с удивлением, показывали глазами на недоеденного гуся и оканчивали ужин только тогда, когда я доходил до белого каления и шипел:

– Карабанов, вон из-за стола! Семен, да говори же, подлец: «Я уезжаю».

Карабанов наскоро глотает непережеванного гуся и говорит:

– Я уезжаю.

А за кулисами в перерыве укоряет меня:

– Антон Семенович, ну как же вам не стыдно! Колы

приходиться того гуся исты, и то не дали…

Обыкновенно же артисты старались на сцене не задерживаться, ибо на сцене холодно, как на дворе.

В пьесе «Бунт машин»[129] Карабанову нужно было целый час торчать на сцене голому, имея только узенькую повязку на бедрах. Спектакль проходил в феврале, а, на наше несчастье, морозы стояли до тридцати градусов.

Екатерина Григорьевна требовала снятия спектакля, уверяя нас, что Семен обязательно замерзнет. Дело окончилось благополучно: Семен отморозил только пальцы на ногах, но Екатерина Григорьевна после акта растирала его какой-то горячительной смесью.

Холод все же нам мешал художественно расти. Шла у нас такая пьеса: «Товарищ Семивзводный»[130]. На сцене изображается помещичий сад, и полагалась статуя. Шестой «Р» статуи нигде не нашел, хотя обыскал все городские кладбища. Решили обойтись без статуи. Но когда открыли занавес, я с удивлением увидел и статую: вымазанный до отказа мелом, завернутый в простыню, стоял на декорированной табуретке Шелапутин и хитро на меня поглядывал. Я закрыл занавес и прогнал статую со сцены, к большому огорчению шестого «Р».

В особенности добросовестны и изобретательны были шестые «Ш» сводные. Ставили мы «Азефа»[131]. Созонов[132] бросает бомбу в Плеве[133]. Бомба должна разорваться. Командир шестого «Ш» Осадчий говорил:

– Взрыв мы этот сделаем настоящий.

Так как я играл Плеве, то был больше всех заинтересован в этом вопросе.

– Как это понимать – настоящий?

– А такой, что и театр может в гору пойти.

– Это уже и лишнее, – сказал я осторожно.

– Нет, ничего, – успокоил меня Осадчий, – все хорошо кончится.

Перед сценой взрыва Осадчий показал мне приготовления: за кулисами поставлено несколько пустых бочек, возле каждой бочки стоит колонист с двухстволкой, заряженной приблизительно на мамонта. С другой стороны сцены на полу разложены куски стекла, а над каждым куском колонист с кирпичом. С третьей стороны против выходов на сцену сидят полдесятка ребят, перед ними горят свечи, а в руках *у них* бутылки с какой-то жидкостью.

– Это что за похороны?

– А это самое главное: у них керосин. Когда нужно будет, они наберут в рот керосину и дунут керосином на свечки. Очень

хорошо получается.

– Ну вас к… И пожар может быть.

– Вы не бойтесь, смотрите только, чтобы керосином глаза не выжгло, а пожар мы потушим.

Он показал мне еще на один ряд колонистов, у ног которых стояли ведра, полные воды.

Окруженный с трех сторон такими приготовлениями, я начал переживать действительно обреченность несчастного министра и серьезно подумывал о том, что поскольку я лично не должен отвечать за все преступления Плеве, то в крайнем случае я имею право удрать через зрительный зал. Я пытался еще раз умерить добросовестность Осадчего:

– Но разве керосин можно тушить водой?

Осадчий был неуязвим, он знал это дело со всеми признаками высшей эрудиции:

– Керосин, когда его дунуть на свечку, обращается в газ, и его тушить не нужно. Может быть, придется тушить другие предметы…

– Например, меня?

– Вас мы в первую очередь потушим.

Я покорился своей участи: если я не сгорю, то во всяком случае меня обольют холодной водой, и это в двадцатиградусный мороз! Но как же я мог обнаружить свое малодушие перед лицом всего шестого «Ш» сводного, который столько энергии и изобретательности истратил на оформление взрыва!

Когда Созонов бросил бомбу, я еще раз имел возможности войти в шкуру Плеве и не позавидовал ему: охотничьи ружья выстрелили в бочки, и бочки ахнули, раздирая обручи и мои барабанные перепонки, кирпичи обрушились на стекло, и полдесятка ртов со всей силой молодых легких дунули на горящие свечи керосином, и вся сцена моментально обратилась в удушливый огненный вихрь. Я потерял возможность плохо сыграть собственную смерть и почти без памяти свалился на пол под оглушительный гром аплодисментов и крики восторга шестого «Ш» сводного. Сверху на меня сыпался черный жирный керосиновый пепел. Закрылся занавес, меня под руки поднимал Осадчий и заботливо спрашивал:

– У вас нигде не горит?

У меня горело только в голове, но я промолчал об этом: кто его знает, что приготовлено у шестого «Ш» сводного на этот случай?

Таким же образом мы взрывали пароход во время одного несчастливого рейса его к революционным берегам СССР. Техника этого события была еще сложнее. Надо было не только в

каждое окно парохода выдунуть пучок огня, но и показать, что пароход действительно летит в воздух. Для этого за пароходом сидели несколько колонистов, которые бросали вверх доски, стулья, табуретки. Они наловчились заранее спасать свои головы от всех этих вещей, но капитану Петру Ивановичу Горовичу сильно досталось: у него загорелись бумажные позументы на рукавах, и он был сильно контужен падавшей сверху мебелью. Впрочем, он не только не жаловался, но нам пришлось пережидать полчаса, пока он пересмеется, чтобы узнать наверняка, в полном ли порядке все его капитанские органы.

Некоторые роли играть у нас было действительно трудно. Колонисты не признавали, например, никаких выстрелов за сценой. Если вас полагалось застрелить, то вы должны были приготовиться к серьезному испытанию. Для вашего убийства брался обыкновенный наган, из патрона вынималась пуля, а все свободное пространство забивалось паклей или ватой. В нужный момент в вас палили целой кучей огня, а так как стреляющий всегда увлекался ролью, то он целил обязательно в ваши глаза. Если же полагалось в вас произвести несколько выстрелов, то по указанному адскому рецепту приготовлялся целый барабан.

Публике было все-таки лучше: она сидела в теплых кожухах, кое-где топились печи, ей запрещалось только грызть семечки, да еще нельзя было приходить в театр пьяным. При этом, по старой традиции, пьяным считался каждый гражданин, у которого при детальном исследовании обнаруживался самый слабый запах алкоголя. Людей с таким или приблизительно таким запахом колонисты умели сразу угадывать среди нескольких сот зрителей и еще лучше умели вытащить из ряда и с позором выставить за двери, безжалостно пропуская мимо ушей очень похожие на правду уверения:

– Да, честное слово, еще утром кружку пива выпил.

Для меня как режиссера были еще и дополнительные страдания и на спектакле, и перед спектаклем. Кудлатого, например, я никак не мог научить такой фразе:

Брали дани и пошлины
За все годы прошлые.

Он почему-то признавал только такую вариацию:

Брали бранны и пошлины
За все годы прошлинные.

Так и на спектакле сказал.

А во время постановки «Ревизора» хорошо играли колонисты, но к концу спектакля обратили меня в злую фурию, потому что даже мои крепкие нервы не могли выдержать таких сильных впечатлений:

Аммос Федорович. Верить ли слухам, Антон Семенович? К вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить Антона Семеновича с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. Анна Андреевна, Марья Антоновна!

Растаковский. Антона Семеновича поздравляю. Да продлит бог жизнь и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат. Анна Андреевна, Марья Антоновна!

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Семеновича.

Хуже всего было то, что на сцене в костюме городничего я никакими способами не мог расправиться со всеми этими извергами. Только после немой сцены, за кулисами, я разразился гневом:

– Черт бы вас побрал, что это такое? Это издевательство, что ли, это нарочно?

На меня смотрели удивленные физиономии, и почтмейстер – Задоров – спрашивал:

– В чем дело? А что случилось? Все хорошо прошло.

– Почему вы все называли меня Антоном Семеновичем?

– А как же?.. Ах, да… Ах ты, черт!.. Антон Антонович городничий же.

– Да на репетициях вы же правильно называли!

– Черт его знает… то на репетициях, а тут как-то волнуешься…

[5] Кулацкое воспитание

Двадцать шестого марта отпраздновали день рождения А. М. Горького. Бывали у нас и другие праздники, о них когда-нибудь расскажу подробнее. Старались мы, чтобы на праздниках у нас было и людно, и на столах полно, и колонисты, по совести говоря, любили праздновать и в особенности готовиться к праздникам. Но в горьковском дне для нас было особое очарование. В этот день мы встречали весну. Это само собой. Бывало, расставят хлопцы парадные столы, на дворе обязательно, чтобы всем вместе усесться на пиршество, и вдруг с востока подует вражеским духом: налетят на нас острые, злые крупинки, сморщатся лужи во дворе, и сразу отсыреют барабаны в строю для отдачи салюта нашему знамени по случаю праздника. Все равно, поведет колонист прищуренным глазом на восток и скажет:

– А здорово уже весной пахнет!

Было еще в горьковском празднике одно обстоятельство, которое мы сами придумали, которым очень дорожили и которое нам страшно нравилось. Давно уже так решили колонисты, что в этот день мы празднуем «вовсю», но не приглашаем ни одного постороннего человека. Догадается кто-нибудь сам приехать – пусть будет дорогой гость, и именно потому, что сам догадался, а вообще это наш семейный праздник, и посторонним на нем делать нечего. И получалось действительно по-особенному просто и уютно, по-родственному еще больше сближались горьковцы, хотя формы праздника вовсе не были какими-нибудь домашними. Начинали с парада, торжественно выносили знамя, говорили речи, проходили торжественным маршем мимо портрета Горького. А после этого садились за столы и – не будем скромничать – за здоровье Горького… нет, ничего не пили, но обедали… ужас, как обедали! Калина Иванович, выходя из-за стола, говорил:

– Я так думаю, что нельзя буржуев осуждать, паразитов. После такого обеда, понимаешь, никакая скотина не будет работать, а не то что человек…

На обед было: борщ, но не просто борщ, а особенный: такой борщ варят хозяйки только тогда, когда хозяин именинник; потом пироги с мясом, с капустой, с рисом, с творогом, с картошкой, с кашей, и каждый пирог не влезает ни в один колонийский карман; после пирогов жареная свинина, не привезенная с базара, а своего завода, выращенная десятым отрядом еще с осени, специально выращенная для горьковского дня. Колонисты умели холить свиное стадо, но резать свиней никто не хотел, даже

командир десятого, Ступицын, отказывался:

– Не могу резать, жалко, хорошая свинья была Клеопатра.

Клеопатру зарезал, конечно, Силантий Отченаш, мотивируя свои действия так:

– Дохлую свинью, здесь это, пускай ворог режет, а мы будем резать, как говорится, хорошую. Вот какая история.

После Клеопатры можно было бы и отдохнуть, но на столе появлялись миски и полумиски со сметаной и рядом с ними горки вареников с творогом. И ни один колонист не спешил к отдыху, а, напротив, все с полным вниманием обращались к вареникам и сметане. А после вареников – кисель, и не как-нибудь по-пански – на блюдечках, а в глубоких тарелках, и мне не приходилось наблюдать, чтобы колонисты ели кисель без хлеба или без пирога. И только после этого обед считался оконченным, и каждый получал на выход из-за стола мешок с конфетами и пряниками. И по этому случаю Калина Иванович говорил правильно:

– Эх, если бы Горькие почаще рожались, хорошо было бы!

После обеда колонисты не уходили отдыхать, а отправлялись по шестым сводным готовить постановку «На дне» – последний спектакль в сезоне. Калина Иванович очень интересовался спектаклем:

– Посмотрю, посмотрю, што оно за вещь. Слышал много про это самое дно, а не видав. И читать как-то не пришлось.

Нужно сказать, что в этом случае сильно преувеличивал Калина Иванович случайную свою неудачу: еле-еле он умел разбираться в тайнах чтения. Но сегодня Калина Иванович в хорошем настроении, и не следует к нему придираться. Горьковский праздник был отмечен в этом году особенным образом: по предложению комсомола было введено в этом году звание колониста. Долго обсуждали эту реформу и колонисты и педагоги, но сошлись на том, что придумано хорошо.

Звание колониста дали только тем, кто действительно дорожит колонией и кто борется за ее улучшение. А кто сзади бредет, пищит, ноет или потихоньку «латается», тот только воспитанник. Правду нужно сказать, таких нашлось немного – человек двадцать. Получили звание колониста и старые сотрудники. При этом было постановлено: если в течение одного года работы сотрудник не получает такого звания, значит, он должен оставить колонию.

Каждому колонисту дали никелированный значок, сделанный для нас по особому заказу в Харькове. Значок изображал спасательный круг, на нем буквы М Г, сверху красная звездочка.

Сегодня на параде получил значок и Калина Иванович. Он

был очень рад этому и не скрывал своей радости:

– Сколько этому самому Николаю Александровичу служив, только и счастья, что гусаром считався, а теперь босяки орден дали, паразиты. И ничего не поробышь, – даже, понимаешь ты, приятно! Что значит, когда у них в руках государственная держава! Сам без штанов ходить, а ордена даеть.

Радость Калины Ивановича была омрачена неожиданным приездом Марии Кондратьевны Боковой. Месяц тому назад она была назначена в наш губсоцвос и хотя не считалась нашим прямым начальством, но в некоторой мере наблюдала за нами.

Слезая с извозчичьего экипажа, она была очень удивлена, увидев наши парадные столы, за которыми доканчивали пир те колонисты, которые подавали за обедом. Калина Иванович поспешил воспользоваться ее удивлением и незаметно скрылся, оставив меня расплачиваться и за его преступления.

– Что это у вас за торжество? – спросила Мария Кондратьевна.

– День рождения Горького.

– А почему меня не позвали?

– В этот день мы посторонних не приглашаем. У нас такой обычай.

– Ах, значит, я посторонняя, мило и неожиданно. Хорошо, давайте будем врагами. Но если я попрошу накормить меня обедом, вы все же не откажете? Ваши обычаи от этого не пострадают?

– У нас есть обычаи кормить всех алчущих, если они просят.

– Какие у вас замечательные обычаи. Просто прелесть.

– Какие есть, – сказал я скромно.

– У вас есть еще обычаи не выполнять обязательств. Обязательств по договору, примите в соображение. И вами подписанных, персонально вами, обратите на это внимание.

– У нас нет таких обычаев.

– А это что?

Мария Кондратьевна достала из портфеля наш договор с укрпомдетом.

– Этот договор мы готовы выполнить.

– Готовы выполнить? А это кто пишет: «Указанные сорок детей могут быть приняты после того, как будут отпущены две тысячи рублей на дополнительное оборудование и утверждена смета на содержание их в течение года»?

– Это мы пишем.

– «Мы пишем»? Какой замечательный борщ. Честное слово, замечательный. Вы должны принять этих сорок. В какое положение вы меня поставили? Надо мной смеются. Что это за гадость? И это все вы.

– Над вами смеются потому, что я прав.

Мария Кондратьевна пригрозила мне пальчиком:

– Вы меня обмошенничали. Принимайте сорок детей, слышите?

– Да как же я могу их принять? Кто их будет одевать, кормить? Средства для этого нужны или нет? Вот сейчас для них придется купить кровати, одеяла, кто это все купит?

– Бедный, страшно бедный Макаренко.

– Да помилуйте, мы для себя на такие вещи стараемся ничего не тратить. Нам вот лошадей покупать нужно, и то не на что.

– Прямо незаможник[134]*… Значит, не примете?*

– Не можем.

– Ваше счастье, что я сейчас в губсоцвосе. Так и быть: мы вам даем тысячи и эту самую смету. Благодарите, ужасный человек.

– Честное слово, я не умею благодарить. Как это делается?

– Раньше в таких случаях целовали ручку. Ну, бог с вами, что с вас возьмешь, мужиков. Или вот что: вы для меня должны найти дачу, это вы лично должны сделать.

– Я готов, но какие же здесь дачи?

– Хату, хату. Я люблю в хате жить. Там так чисто и пахнет так. Будете приходить ко мне чай пить. Хорошо?

– Спасибо. Но я думаю, что Калина Иванович лучше меня устроит это дело. Вы разрешите его попросить?

– Ах, этот ужасный дед? Пасечник? Это он удрал от меня сейчас? И вы тоже участник этой гадости? Мне теперь проходу не дают в губнаробразе. И комендант говорит, что с меня будут два года высчитывать. Где этот самый Калина Иванович, давайте его сюда!

Мария Кондратьевна делала сердитое лицо, но я видел, что для Калины Ивановича особенной опасности не было: Мария Кондратьевна была в хорошем настроении. Я послал за ним колониста. Калина Иванович пришел и издали поклонился.

– Ближе и не подходите! – смеялась Мария Кондратьевна. – Как вам не стыдно! Ужас какой!

Калина Иванович присел на скамейку и сказал:

– Доброе дело сделали.

Я был свидетелем преступления Калины Ивановича неделю назад. Приехали мы с ним в наробраз и зашли в кабинет Марии Кондратьевны по какому-то пустяковому делу. У нее огромный кабинет, обставленный многочисленной мебелью из какого-то особенного дерева. Посреди кабинета стол Марии Кондратьевны. Она имела особую удачу: вокруг ее стола всегда стоит толпа разных наробразовских типов, с одним она говорит, другой принимает участие в разговоре, третий слушает, тот разговаривает по телефону, тот пишет на конце стола, тот читает,

чьи-то руки подсовывают ей бумажки на подпись, а кроме всего этого актива, целая куча народу просто стоит и разговаривает. Галдеж, накурено, насорено.

Присели мы с Калиной Ивановичем на диванчик и о чем-то своем беседуем. Врывается в кабинет сильно расстроенная худая женщина и прямо к нам с речью. Насилу мы разобрали, что дело идет о детском саде, в котором есть дети и есть хороший метод, но нет никакой мебели. Женщина, видимо, была здесь не первый раз, потому что выражалась она очень энергично и не проявляла никакой почтительности к учреждению:

– Черт бы их побрал, наоткрывали детских садов целый город, а мебели не дают. На чем детям сидеть, спрашиваю? Сказали: сегодня прийти, дадут мебель. Я детей привела за три версты, подводы привела, никого нет и жаловаться некому. Что это за порядки? Целый месяц хожу. А у самой, посмотрите, сколько мебели – и для кого, спрашивается?

Несмотря на громкий голос женщины, никто из окружающих стол Марии Кондратьевны не обратил на нее внимания, да, пожалуй, за общим шумом ее никто и не слышал. Калина Иванович присмотрелся к окружающей обстановке, хлопнул рукой по диванчику и спросил:

– Я вас так понимаю, товарищ, что эта мебель для вас подходить?

– Эта мебель? – обрадовалась женщина. – Да это же прелесть что за мебель!..

– Так в чем же дело? – сказал Калина Иванович. – Раз она к вам подходить, а здесь стоит без последствия, – забирайте себе эту мебель для ваших детишек.

Глаза взволнованной женщины, до того момента внимательно наблюдавшие мимику Калины Ивановича, вдруг перевернулись на месте и снова уставились на Калину Ивановича:

– Это как же?

– Обыкновенно как: выносите и ставьте на ваши подводы.

– Господи, а как же?

– Если вы насчет документов, то не обращайте внимания: найдутся паразиты, столько бумажек напишуть, что и не рады будете. Забирайте.

– Ну а если спросят, как же я скажу, кто разрешил?

– Так и скажите, что я разрешил.

– Значит, вы разрешили?

– Да, я разрешил.

– Господи! – радостно простонала женщина и с легкостью моли выпорхнула из комнаты.

Через минуту она снова впорхнула, уже в сопровождении

двух десятков детей. Они весело набросились на стулья, креслица, полукреслица, диванчики и с некоторым трудом начали вытаскивать их в двери. Треск пошел по всему кабинету, и на этот треск обратила внимание Мария Кондратьевна. Она поднялась за столом и спросила:

– Что это вы делаете?

– А вот выносим, – сказал смуглый мальчуган, тащивший с товарищем кресло.

– Так нельзя ли потише, – сказала Мария Кондратьевна и села продолжать свое наробразовское дело.

Калина Иванович разочарованно посмотрел на меня.

– Ты чув? Как же это такое можно? Так они ж, паразиты, детишки эти, все вытащут?

Я уже давно с восторгом смотрел на похищение кабинета Марии Кондратьевны и возмущаться был не в состоянии. Два мальчика дернули за наш диванчик, мы предоставили им полную возможность вытащить и его. Хлопотливая женщина, сделав несколько последних петель вокруг своих воспитанников, подбежала к Калине Ивановичу, схватила его руку и с чувством затрясла ее, наслаждаясь смущенно улыбающимся лицом великодушного человека.

– А как же вас зовут? Я же должна знать. Вы нас прямо спасли!

– Да для чего вам знать, как меня зовут? Теперь, знаете, о здравии уже не возглашают, за упокой как будто еще рано…

– Нет, скажите, скажите…

– Я, знаете, не люблю, когда меня благодарят…

– Калина Иванович Сердюк, вот как зовут этого доброго человека, – сказал я с чувством.

– Спасибо вам, товарищ Сердюк, спасибо!

– Не стоить. А только вывозите ее скорей, а то кто-нибудь придеть да еще переменить.

Женщина улетела на крыльях восторга и благодарности. Калина Иванович поправил пояс на своем плаще, откашлялся и закурил трубку.

– А зачем ты сказал? Оно и так было бы хорошо. Не люблю, знаешь, когда меня очень благодарят… А интересно все-таки: довезет чи не довезет?

Скоро окружение Марии Кондратьевны рассосалось по другим помещениям наробраза, и мы получили аудиенцию. Мария Кондратьевна быстро с нами покончила, рассеянно посмотрела вокруг и заинтересовалась.

– Куда это мебель вынесли, интересно? Оставили мне пустой кабинет.

– Это в один детский сад, – произнес серьезно Калина Иванович, отвалившийся на спинку стула.

Только через два дня каким-то чудом выяснилось, что мебель была вывезена с разрешения Калины Ивановича. Нас приглашали в наробраз, но мы не поехали. Калина Иванович сказал:

– Буду я там из-за каких-то стульев ездить! Мало у меня своих болячек?

Вот по всем этим причинам Калина Иванович чувствовал себя несколько смущенным.

– Доброе дело сделали. Что ж тут такого?

– Как же вам не стыдно? Какое вы имели право разрешать?

Калина Иванович любезно повернулся на стуле:

– Я имею право разрешать, и всякий человек. Вот я вам сейчас разрешаю купить себе имение, разрешаю – и все. Покупайте. А если хотите, можете и даром взять, тоже разрешаю.

– Но ведь и я могу разрешить, – оглянулась Мария Кондратьевна, – скажем, вывезти все эти табуретки и столы?

– Можете.

– Ну и что? – смущенно продолжала настаивать Мария Кондратьевна.

– Ну и ничего.

– Ну, так как же? Возьмут и вывезут?

– Кто вывезеть?

– Кто-нибудь.

– Хэ-хэ-хэ, нехай вывезеть – интересно будет посмотреть, какой он сам отседова поедеть?

– Он не поедет, а его повезут, – сказал, улыбаясь, Задоров, давно уже стоявший за спиной Марии Кондратьевны.

Мария Кондратьевна покраснела, посмотрела снизу на Задорова и неловко спросила:

– Вы думаете?

Задоров открыл все зубы:

– Да, мне так кажется.

– Разбойничья какая-то философия, – сказала Мария Кондратьевна. – Так вы воспитываете ваших воспитанников? – строго обратилась она ко мне.

– Приблизительно так…

– Какое же это воспитание? Мебель растащили из кабинета, что это такое, а? Кого вы воспитываете? Значит, если плохо лежит, бери, да?

Нас слушала группа колонистов, и на их физиономиях был написан самый живой интерес к завязавшейся беседе. Мария Кондратьевна горячилась, в ее тоне я различал хорошо скрываемые неприязненные нотки. Продолжать спор в таком

направлении мне не хотелось. Я сказал миролюбиво:

– Давайте по этому вопросу когда-нибудь поговорим основательно, ведь вопрос все-таки сложный.

Но Мария Кондратьевна не уступала:

– Да какой тут сложный вопрос! Очень просто: у вас кулацкое воспитание.

Калина Иванович понял серьезность ее раздражения и подсел к ней ближе.

– Вы не сердитесь на меня, старика, а только нельзя так говорить: кулацкое. У нас воспитания совецькая. *Вот мы сделали этот домик за ваши шесть тысяч, правда, так смотрите ж, мы сами туда не перебрались, а поджидаем сорок этих самых босяков. Это ж вам не каких-нибудь сорок горобцив, а люди ж все-таки, надо их кормить и поить. И вы поступаете нехорошо: забирай детей, и пускай они, значит, с голоду пропадают, абы вам бумажку выправить. Так же и мебель.* Я, конечно, пошутив, думав, тут же и хозяйка сидит, посмеется, да и все, а может, и обратить внимание, что вот у детишек стульев нету. А хозяйка плохая: из-под носа вынесли мебель, а она теперь виноватых шукает: кулацькая воспитания…

– Значит, и ваши воспитанники будут так делать? – уже слабо защищалась Мария Кондратьевна.

– И пущай себе делають…

– Для чего?

– А вот, чтобы плохих хозяев учить.

Из-за толпы колонистов выступил Карабанов и протянул Марии Кондратьевне палочку, на которую был привязан белоснежный носовой платок, – сегодня их выдали колонистам по случаю праздника.

– Ось, подымайте белый флаг, Мария Кондратьевна, и сдавайтесь скорийше.

Мария Кондратьевна вдруг засмеялась, и заблестели у нее глаза:

– Сдаюсь, сдаюсь, нет у вас кулацкого воспитания, никто меня не обмошенничал, сдаюсь, дамсоцвос сдается!

Теперь и мы по-дружески рассмеялись.

– Только наймите для меня дачу.

– Дачу наймем, – сказал Калина Иванович. – Наймем.

– И не обмошенничаете?

– Опять вы начинаете?

– И мои платья никому не подарите?

– Да какое же я имею право?

– Вы же имеете право все разрешить.

Выступил Карабанов:

– Мы вас берем под защиту, Мария Кондратьевна. Все платья будут в целости и гроши, а в добавку: лодка, грибы, яблоки, кавуны, буряки, господи…

– А зачем буряки? – спросила Мария Кондратьевна.

– А полоть? А прорывать? А шаровка? А метелык, хай вин сказыеться?

Ночью, когда в чужом кожухе вылез я из суфлерской будки, в опустевшем зале сидела Мария Кондратьевна и внимательно наблюдала за последними движениями колонистов. За сценой высокий дискант Тоськи Соловьева требовал:

– Семен, Семен, а костюм ты сдал? Сдавай костюм, а потом уходи.

Ему отвечал голос Карабанова:

– Тосечка, красавец, чи тебе повылазило: я ж играл Сатина.

– Ах, Сатина! Ну, тогда оставь себе на память.

На краю сцены стоит Волохов и кричит в темноту:

– Галатенко, так не годится, печку надо потушить!

– Та она и сама потухнет, – отвечает сонным хрипом Галатенко.

– А я тебе говорю: потуши. Слышал приказ: не оставлять печек.

– Приказ, приказ! – бурчит Галатенко. – Потушу…

На сцене группа колонистов разбирает ночлежные нары, и кто-то мурлычет: «Солнце всходит и заходит».

– Доски эти в столярную завтра, – напоминает Митька Жевелий и вдруг орет: – Антон! А, Антон!

Из-за кулис отвечает Братченко:

– Агов, а чего ты, как ишак?

– Подводу дашь завтра?

– Та дам.

– И коня?

– А сами не довезете?

– Не хватит силы.

– А разве тебе мало овса дают?

– Мало.

– Приходи, я дам.

Я подхожу к Марии Кондратьевне.

– Вы где ночуете?

– Я вот жду Лидочку. Она разгримируется и проводит меня к себе… Скажите, Антон Семенович, у вас такие милые колонисты, но ведь это так тяжело: сейчас очень поздно, они еще работают, а устали как, воображаю! Неужели им нельзя дать чего-нибудь поесть? Хотя бы тем, которые работали.

– Работали все, на всех нечего дать.

– Ну, а вы сами, вот ваши педагоги, сегодня и играли, и интересно все – почему бы вам не собраться, посидеть, поговорить, ну, и… закусить. Почему?

– Вставать в шесть часов, Мария Кондратьевна.

– Только потому?

– Видите ли, в чем дело, – сказал я этой милой, доброй женщине, – наша жизнь гораздо более суровая, чем кажется. Гораздо суровее.

Мария Кондратьевна задумалась. Со сцены спрыгнула Лидочка и сказала:

– Сегодня хороший спектакль, правда?

[6] Стрелы Амура

С горьковского дня наступила весна. *Весна в колонии имела огромное значение не только потому, что Шере начинал с весной требовать на работу все живое, и не только потому, что не нужно топить печи, и не потому даже, что с выдачей трусиков сильно упрощалась для нас проблема костюма и в особенности проблема обуви: не нужно человеку никакой обуви, есть у него своя более или менее крепкая кожа, настолько крепкая, что при небольшом навыке можно в ней ходить даже по жнивью.* С некоторого времени стали мы ощущать пробуждение весны в кое-какой специальной области.

Театральная деятельность сильно приблизила колонистов к селянской молодежи, и в некоторых пунктах сближения обнаружились чувства и планы, не предусмотренные теорией соцвоса. В особенности пострадали колонисты, поставленные волею совета командиров в самые опасные места, в шестой «П» сводный отряд, в названии которого буква П многозначительно говорит о публике.

Те колонисты, которые играли на сцене в составе шестого «А» сводного, до конца были втянуты в омут театральной отравы. Они переживали на сцене часто романтические подъемы, переживали и сценическую любовь, но именно поэтому спасены были на некоторое время от тоски так называемого первого чувства. Так же спасительно обстояло дело и с другими шестыми сводными. В шестом «Ш» ребята всегда имели дело с сильно взрывчатыми веществами, и Таранец редко даже снимал повязку с головы, испорченной во время его многочисленных пиротехнических упражнений. И в этом сводном любовь как-то не прививалась: оглушительные взрывы пароходов, бастионов и карет министров занимали души колонистов до последней глубины, и не мог уже загореться в них «угрюмый, тусклый огнь желанья»[135]. Едва ли мог загореться такой «огнь» и у ребят, перетаскивающих мебель и декорации, – слишком решительно происходила в этом случае, выражаясь педагогическим языком, сублимация. Даже горячие сводные, которые развивали свою деятельность в самой толще публики, сбережены были от стрел Амура, ибо и самому легкомысленному Амуру не пришло бы в голову прицеливаться в измазанные углем, закопченные, черномазые фигуры.

Колонист из шестого «П» сводного стоял в безнадежно обреченной позиции. Он выходил в театральный зал в лучшем колонийском костюме, я его гонял и цукал за самую маленькую неряшливость. У него из грудного кармана кокетливо выглядывал

уголок чистого носового платка, его прическа была всегда образцом элегантности, он обязан был быть вежливым, как дипломат, и внимательным, как зубной техник. И вооруженный такими достоинствами, он неизменно попадал под действие известных чар, которые и в Гончаровке, и в Пироговке, и на Воловьих хуторах приготовляются приблизительно по тем самым рецептам, что и в парижских салонах.

Первая встреча у дверей нашего театра во время проверки билетов и поисков свободного места как будто не угрожала никакими опасностями: для девиц фигура хозяина и устроителя этих замечательных зрелищ с такими волнующими словами и с такими чудесами техники казалась еще привлекательно-неприкосновенной, почти недоступной для любви – настолько недоступной, что и селянские кавалеры, разделяя то же восхищение, не терзались ревностью. Но проходил второй, третий, пятый спектакль, и повторялась старая, как мир, история. Параска с Пироговки или Маруся с Воловьего хутора вспоминали о том, что румяные щеки, черные брови – впрочем, не только черные – и блестящие глаза, сияющее новизной и модным покроем ситцевое платье, облегавшее мириады самых несомненных ценностей, музыка итальянско-украинского «л», которое умеют произносить по-настоящему только девчата, – «казала», «купувала», – все это сила, оставляющая далеко позади не только сценические хитрости горьковцев, но и всякую иную, самую американскую технику. И когда все эти силы приводились в действие, от всей недоступной значительности колонистов ничего не оставалось. Наступал момент, когда колонист после спектакля приходил ко мне и бессовестно врал:

– Антон Семенович, разрешите проводить девчат из Пироговки, а то они боятся.

В этой фразе заключалась редкая концентрация лжи, ибо и для просителя и для меня было точно известно, что никто никого не боится, и никого не нужно провожать, и множественное число «девчат» – гипербола, и разрешения никакого не требуется: в крайнем случае, эскорт пугливой зрительницы будет организован без разрешения. И поэтому я разрешал, подавляя в глубине моей педагогической души явное ощущение неувязки. Педагогика, как известно, решительно отрицает любовь, считая, что «доминанта» эта должна наступать только тогда, когда неудача воспитательного воздействия уже совершенно определилась, *когда индивид начинает плевать на все преподанные ему мудрые указания и с удивительной непоследовательностью вступает на такую линию развития, какая даже не упоминается в системе научно-организационного педагогического влияния*. Во все

времена и у всех народов педагоги ненавидели любовь. И мне было ревниво неприятно видеть, как тот или другой колонист, пропуская комсомольское или общее собрание, презрительно забросив книжку, махнув рукой на все качества активного и сознательного члена коллектива, упрямо начинает признавать только авторитет Маруси или Наташи – существ, неизмеримо ниже меня стоящих в педагогическом, политическом и моральном отношениях. Но у меня всегда была склонность к размышлению, и своей ревности я не спешил предоставить какие-либо права. Товарищи мои по колонии и в особенности деятели наробраза были решительнее меня и сильно нервничали по случаю непредвиденного и внепланового вмешательства Амура:

– С этим нужно решительно бороться.

Я не скрывал наметившихся в колонии процессов и открыто пошел на дискуссию, надеясь, что для моих размышлений такая дискуссия дает хорошую пищу.

Калина Иванович осудил решительно:

– Нада ему штанишки спустить да поговорить по-отеческому. Нехай в люди выбьется, а потом уже можно и к бабе подойти.

И Екатерина Григорьевна была против:

– Рано. Это остановка в развитии. Чобот дальше не пойдет. И Опришко кончен.

Павел Иванович Журбин был настроен веселее:

– Да куда ему идти, Опришку или Чоботу? Нельзя же из каждого колониста Эдисона[136] *делать. Им и не нужно дальше идти. Вы, Екатерина Григорьевна, стоите на опасном пути: можно выполнить какой хотите промфинплан на сто пятьдесят процентов, но нельзя воспитать человека даже и на сто один процент. Этот один процент перевыполнения всегда будет порочным. Из того материала, который заключен в Опришке, самое большее, что можно сделать, – это хорошего селянина. А вы запроектировали Эдисона.*

Буцай басил:

– Черт его забирай, я пока не вижу никакого селянина. Опришко пропадет за этой самой Марусей Лукашенко. А старый Лукашенко больше на куркуля похож, он Опришку все равно гарбуза поднесет. Я уже не знаю, сколько процентов получится в таком случае.

Меньше всех была склонна к компромиссу Лидочка:

– Господи, и зачем вы это говорите, о каком гарбузе? Как будто Опришко собирается жениться. Все это сплошное свинство и больше ничего: Маруська – распущенная девчонка, а Опришку больше ничего и не нужно. Гадость и все.

Лидочка обижалась по-настоящему, лицо ее покрывалось

красными пятнами, и они не могли скрыть от меня раздражения неудачницы, уже зародившейся старой девы. У самой Лидочки дела обстояли очень неважно. Не заметили мы как-то, что в педагогическом подвиге нашем безобразно организовано было отделение личной жизни. В красной повязке дежурного, в спецовке рабочего отряда, в вечерней группе колонистов незаметно растрачена была Лидочкина молодость.

Лидочка не была большим человеком, но все, что было в ее распоряжении: искренность, молодое ожидание, простая симпатия к людям, обаяние свежего лица и хорошая честная добросовестность, – все это она, не торгуясь, выложила на педагогический жертвенник, наивно полагая, что всех этих вещей у нее неистощимый запас. И четвертый год еще не окончился, а заметно стало для меня, что запас иссякает, есть еще искренность, но в некоторых местах она покрылась зеленым налетом обиды, в симпатии к людям запутались серые линии подозрительности и недоверия, и в обаянии свежего лица не хватает того, что безвозвратно истрачено за четыре года.

Участие Лидочки в дискуссии не упрощало положения. Организация педагогического процесса в моих глазах начинала приобретать черты вопросов, субъекты перепутывались с объектами, получалась какая-то педагогическая каша. Я не отказывал себе в удовольствии подумать:

– А не прочитать ли чего-нибудь из педагогической литературы? Эта великая наука, может быть, поможет мне в таком пустяке, как любовь, тем более, что любовь принадлежит, кажется, к самым древним явлениям в человечестве.

Споры эти всегда помогали, ибо до конца проясняли положение: нужно положиться на собственный здравый смысл и на здравый смысл жизни. Тогда еще у самой жизни его было не так много, жизнь наша была еще бедна. Мечтал я: были бы мы богаты, женил бы я колонистов, заселил бы наши окрестности женатыми комсомольцами. Чем это плохо? Но до этого было еще далеко. Ничего. И бедная жизнь что-нибудь придумает. Я не стал преследовать влюбленных педагогическим вмешательством, тем более что они не выходили из рамок приличия. Опришко в минуту откровенности показал мне карточку Маруси – явное доказательство того, что жизнь продолжала что-то делать, пока мы раздумывали.

Сама по себе карточка мало говорила. На меня смотрело широкое курносое лицо, ничего не прибавляющее к среднему типу Марусь. Но на обороте было написано выразительным школьным почерком: «Дорогому Дмитру от Маруси Лукашенко. Люби и не забывай».

Дмитро Опришко сидел на стуле и открыто показывал всему миру, что он человек конченый. От его удалой фигуры жалкие остались остатки, и даже закрученный на голове залихватский чуб исчез: сейчас он был добродетельно и аккуратно уложен в мирную прическу. Карие глаза, раньше так легко возбуждаемые остроумным словом и охотой смеяться и прыгать, сейчас тихо-смирно выражали только домашнюю озабоченность и покорность ласковой судьбе.

– Что ты собираешься делать?

Опришко улыбнулся:

– Без вашей помощи трудно будет. Мы еще батьку ничего не говорили, и Маруся боится. Но так, вообще, батько ко мне хорошо ставится.

– Ну, хорошо, подождем.

Опришко ушел от меня довольный, бережно спрятав на груди портрет возлюбленной.

Гораздо хуже обстояло дело у Чобота. Чобот был человек угрюмый и страстный, но других достоинств у него не было. Когда-то он начал в колонии с серьезного конфликта с поножовщиной, с тех пор крепко подчинялся дисциплине, но всегда держался в стороне от бурлящих наших центров. У него было невыразительное, бесцветное лицо, и даже в минуты гнева оно казалось туповатым. Школу он посещал по необходимости и еле-еле научился читать. В нем мне нравился способ выражаться: в его скупых словах всегда ощущалась большая и простая правдивость. В комсомол его приняли одним из первых. Коваль имел о нем определенное мнение:

– Доклад не сделает и в агитпропы не годится, но если дать ему пулемет – сдохнет, а пулемета не бросит.

Вся колония знала, что Чобот страстно влюбился в Наташу Петренко. Наташа жила в доме Мусия Карповича, считалась его племянницей, на самом деле была просто батрачкой. В театр все-таки пускал ее Мусий Карпович, но одевалась она очень бедно: нескладная юбка, кем-то давно заношенная, корявые, не по ноге, ботинки и старомодная, со складками, темная кофта. В другом одеянии мы ее не видели. Одежда обращала Наташу в жалкое чучело, но тем привлекательнее казалось ее лицо. В рыжем ореоле изодранного, испачканного бабьего платка на вас смотрит даже не лицо, а какое-то высшее выражение нетронутости, чистоты, детски улыбающейся доверчивости. Наташа никогда не гримасничала, никогда не выражала злобы, негодования, подозрения, страдания. Она умела только или серьезно слушать, и в это время у нее чуть-чуть подрагивали густые черные ресницы, или открыто, внимательно улыбаться, показывая милые

маленькие зубки, из которых один передний был поставлен немножко вкось.

Наташа приходила в колонию всегда в стайке девчат и на делано-шумливом ее фоне сильно выделялась детской, простой сдержанностью и хорошим настроением.

Чобот непременно ее встречал и хмуро усаживался с ней на какой-нибудь скамье, нисколько не смущая ее своей хмуростью и ничего не изменяя в ее внутреннем мире; я сомневался в том, что этот ребенок может полюбить Чобота, но хлопцы возражали мне хором:

– Кто? Наташа? Да она за Чобота в огонь и в воду, даже и не задумается.

– Да чем же Чобот взял? – спрашиваю.

– А черт его знает, – говорит Карабанов, – хиба такого разберешь? Чобот, знаете, какой? От ему покажется, что эта стена черная, приставьте к голове наган, а он будет говорить: черная.

– Ну, так что же? А Наташа при чем?

– А я вам скажу. Наташе нет спасения от Мусия Карповича. Это все знают. А Чобот ей сказал: не бойся, я все сделаю.

– Вы откуда все это знаете?

– Да есть же корешки у Чобота. Хлопцы все знают.

– Что может Чобот сделать?

– Та ще не видно. А что-нибудь может. А не он, так мы сделаем, а не мы, так вы сделаете, эге ж?

Силантий подымал большой палец правой руки:

– Здесь это, видишь, какая история: у Мусия Наташке не жить, и сынов же у него сколько. Чоботу туда нет дороги, и никаких тебе данных. А Мусий Наташку так не отпустит, племянница, здесь это, считается. А Чобот что? Не кузнец, не швец, хоть бы, скажем, конюх, так и не конюх, видишь, какая история. Чоботу на землю садиться, здесь это, так и не хозяин Чобот, и больше никаких. Вот тебе и история, будь ты неладна.

Задумался я над этой историей, действительно неладной: выходило так, что у Чобота вся надежда могла быть только на колонию. Но Чобот со мной ничего не говорил, и я продолжал немного сомневаться, неужели там у них все так серьезно. Занимал меня больше и не сам Чобот, а вот эта самая неспособная ни к какому смятению Наташа.

В это время у нас, собственно говоря, вовсе не было свободы заниматься романами. Наступили те дни, когда солнце принимается за обычный штурм, работая по восемнадцати часов в сутки. Подражая ему, и Шере наваливал на нас столько работы, что мы только молча отдувались, вспоминая не без горечи, что

еще осенью с большим энтузиазмом утвердили на общем собрании его посевной план. Официально у Шере считалось шестиполье, но на деле выходило нечто гораздо более сложное. Шере почти не сеял зерновых. На черном паре у него было гектаров семь озимой пшеницы, в сторонке спрятались небольшие нивы овса и ячменя, да для опыта на небольшом клочке завел он какую-то невиданную рожь, предсказывая, что ни один селянин никогда не угадает, что это рожь, «а будет только мекать».

Пока что мекали не селяне, а мы. Картофель, бураки, баштаны, капуста, целая плантация гороха – и все это разных сортов, в которых трудно было разобраться. Говорили при этом хлопцы, что Шере на полях развел настоящую контрреволюцию.

– То у него король, а то царь, а то королева.

Действительно, разграничив все участки идеальными прямыми межами и изгородями, Шере везде поставил на деревянных столбиках фанерные плакатики и на каждом написал, что посеяно и сколько. Колонисты, – вероятно, те, которые охраняли посевы от ворон, – однажды утром поставили рядом свои надписи и очень обидели Шере таким поступком. Он потребовал срочного совета командиров и непривычно для нас кричал:

– Что это за насмешки, что за глупости? Я так называю сорта, как они у всех называются. Если принято называть этот сорт «королем андалузским», так он так и называется во всем мире – не могу я придумывать свое название. А это – хулиганство! Для чего выставили: генерал Буряк, полковник Горох? А это что: капитаны Кавуны и поручики Помидорчики?

Командиры улыбались, не зная, как им быть со всей этой камарильей. Спрашивали по-деловому:

– Так кто же это такое свинство устроил? То булы короли, а то сталы просто капитаны, черт зна що…

Хлопцы не могли удержаться от улыбок, хотя и побаивались Шере. Силантий понимал напряженность конфликта и старался умерить его:

– Видишь, какая история: такой король, которого можно, здесь это, коровам кушать, так он не страшный, пускай остается королем.

И Калина Иванович стоял на стороне Шере:

– По какому случаю шум поднявся? Вам хочется показать, что вы вот какие революционеры, с королями воевать кортит[137], головы резать паразитам? Так почему вы так беспокоитесь? Ось дадим вам по ножу, и будете резать, аж пот с вас градом.

Колонисты знали, что такое «гичку резать», и встретили заявление Калины Ивановича с глубоким удовлетворением. На

том дело о контрреволюции на наших полях и прекратилось; а когда Шере высадил из оранжереи против белого дома двести кустов роз и поставил надписи: «Снежная королева», ни один колонист не заявил протеста, Карабанов только сказал:

– Королева так королева, черт с ней, абы пахла.

Больше всего мучили нас бураки. По совести говоря, это отвратительная культура: ее только сеять легко, а потом начинаются настоящие истерики. Не успела она вылезти из земли, а вылазит она медленно и вяло, уже нужно ее полоть. Первая полка бурака – это драма. Молодой бурак для новичка ничем не отличается от сорняка, поэтому Шере на эту полку требовал старших колонистов, а старшие говорили:

– Ну, что ты скажешь – бураки полоть? Та неужели мы свое не отпололи?

Кончили первую полку, вторую, мечтают все побывать на капусте, на горохе, а уже и сенокосом пахнет – смотришь, в воскресной заявке Шере скромно написано: «На прорывку бурака – сорок человек».

Вершнев, секретарь совета, с возмущением читает про себя эту наглую строчку и стучит кулаком по столу:

– Да что это такое: опять бурак? Да когда он окончится, черт проклятый!.. Вы, может, по ошибке старую заявку дали?

– Новая заявка, – спокойно говорит Шере. – Сорок человек, и, пожалуйста, старших.

На совете сидит Мария Кондратьевна, живущая на даче в соседней с нами хате, ямочки на ее щеках игриво посматривают на возмущенных колонистов.

– Какие вы ленивые, мальчики! А в борще бурак любите, правда?

Семен наклоняет голову и выразительно декламирует:

– Во-первых, бурак кормовой, хай вин сказыться! Во-вторых, пойдемте с нами на прорывку. Если вы сделаете нам одолжение и проработаете хочь бы один день, так тому и быть, собираю сводотряд и работаю на буряке, аж пока и в бурты его, дьявола, не похороним.

В поисках сочувствия Мария Кондратьевна улыбается мне и кивает на колонистов:

– Какие? Какие?..

Мария Кондратьевна в отпуску, поэтому и днем ее можно встретить в колонии. Но днем в колонии скучно, только на обед приходят ребята, черные, пыльные, загоревшие. Бросив сапки в углу Кудлатого, они, как конница Буденного, галопом слетают с крутого берега, развязывая на ходу завязки трусиков, и Коломак закипает в горячем ключе из их тел, криков, игры и всяких

выдумок. Девчата пищат в кустах на берегу:

– Ну довольно вам, уходите уже! Хлопцы, а хлопцы, ну, уходите, уже наше время.

Дежурный с озабоченным лицом проходит на берег, и хлопцы на мокрые тела натягивают горячие еще трусики и, поблескивая капельками воды на плечах, собираются к столам, поставленным вокруг фонтана в старом саду. Здесь их давно поджидает Мария Кондратьевна – единственное существо в колонии, сохранившее белую человеческую кожу и невыгоревшие локоны. Поэтому она в нашей колонии кажется подчеркнуто холеной, и даже Калина Иванович не может не отметить это обстоятельство:

– Фигурная женщина, ты знаешь, а даром здесь пропадает. Ты, Антон Семенович, не смотри на нее теорехтически. Она на тебя поглядаеть, как на человека, а ты, как грак, ходишь без внимания.

– Как тебе не стыдно! – сказал я Калине Ивановичу. – Не хватает, чтобы и я романами занялся в колонии.

– Эх, ты! – крякнул Калина Иванович по-стариковски, закуривая трубку. – В жизни ты в дурнях останешься, вот побачишь…

Я не имел времени произвести теоретический и практический анализ качеств Марии Кондратьевны, – может быть, именно поэтому она все приглашала меня на чай и очень обижалась на меня, когда я вежливо уверял ее:

– Честное слово, не люблю чаю.

– Да чудак вы какой, это только так говорится: чай, а к чаю что-нибудь бывает. Какой вы дикарь, как вам не стыдно?

Я, наверное, краснел во время таких разговоров, потому что Мария Кондратьевна хохотала до слез и успокаивала меня:

– Да вы не бойтесь, я ничего такого страшного не предложу к чаю. Ну, пирожное, у меня есть и клубника, крупная, крупная.

Я немного рассердился за ее хохот:

– Не я чудак, а вы чудачка. Ну, для чего мне пирожное?

– Вот еще горе, – расстроенно сказала Мария Кондратьевна, – да поймите же, наконец, что мне скучно, поговорить, посмеяться надо человеку?

– Так зачем чай? Поговорить и посмеяться и в колонии до упаду можно. Каждый вечер.

– Бросьте, – сказала Мария Кондратьевна. – Колонисты ваши прелесть, но это может и надоесть. Они еще мальчики и все же… как бы вам сказать – они еще мало культурны.

Как-то после обеда, когда разбежались колонисты по работам, задержались мы с Марией Кондратьевной у столов, и она по-дружески просто сказала мне:

– Слушайте вы, Диоген[138] Семенович! Если вы сегодня не придете ко мне вечером, я вас буду считать просто невежливым человеком.

– А что у вас? Чай? – спросил я.

– У меня мороженое, понимаете вы, не чай, а мороженое… Специально для вас делаю.

– Ну хорошо, – сказал я с трудом, – в котором часу приходить на мороженое?

– В восемь часов.

– Но у меня в половине девятого рапорты командиров.

– Вот еще жертва педагогики… Ну хорошо, приходите в девять.

Но в девять часов, сразу после рапорта, когда я сидел в кабинете и сокрушался, что нужно идти на мороженое и я не успел побриться, прибежал Митька Жевелий и крикнул:

– Антон Семенович, скорийше, скорийше!..

– В чем дело?

– Чобота хлопцы привели и Наташку. Этот самый дед, как его… ага, Мусий Карпович.

– Где они?

– А в саду там…

Я поспешил в сад. В сиреневой аллее на скамейке сидела испуганная Наташа, окруженная толпой наших девочек и женщин. Хлопцы по всей аллее стояли группами и о чем-то судачили. Карабанов ораторствовал:

– И правильно. Жалко, что не убили гадину…

Задоров успокаивал дрожащего, плачущего Чобота:

– Да ничего страшного. Вот Антон придет, все устроит.

Перебивая друг друга, они рассказывали мне следующее.

За то, что Наташа не просушила какие-то плахты, забыла, что ли, Мусий Карпович вздумал ее проучить и успел два раза ударить вожжами. В этот момент в хату вошел Чобот. Какие действия произвел Чобот, установить было трудно, – Чобот молчал, – но на отчаянный крик Мусия Карповича сбежались хуторяне и часть колонистов и нашли хозяина в полуразрушенном состоянии, всего окровавленного, в страхе забившегося в угол. В таком же печальном состоянии был и один из сыновей Мусия Карповича. Сам Чобот стоял посреди хаты и «рычав, як собака», по выражению Карабанова. Наташу нашли потом у кого-то из соседей.

По случаю всех этих событий произошли переговоры между колонистами и хуторянами. Некоторые признаки указывали, что во время переговоров не оставлены были без употребления кулаки и другие виды защиты, но ребята об этом ничего не

говорили, а повествовали эпически трогательно:

– Ну, мы ничего такого не делали, оказали это… первую помощь в несчастных случаях, а Карабанов и говорит Наташе: «Идем, Наташа, в колонию, ты ничего не бойся, найдутся добрые люди, знаешь, в колонии, мы с этим делом устроимся».

Я попросил действующих лиц в кабинет.

Наташа серьезно разглядывала большими глазами новую для нее обстановку, и только в неуловимых движениях рта можно было распознать у нее остатки испуга, да на щеке не спеша остывала одинокая слеза.

– Що робыть? – сказал Карабанов страстно. – Надо кончать.

– Давайте кончать, – согласился я.

– Женить, – предложил Бурун.

Я ответил:

– Женить успеем, это не сегодня. Мы имеем право принять Наташу в колонию. Никто не возражает?.. Да тише, чего вы орете! Место для девочки у нас есть. Колька, зачисли ее завтра приказом в пятый отряд.

– Есть! – заорал Колька.

Наташа вдруг сбросила свой страшный платок, и глаза у нее заполыхали, как костер на ветру. Она подбежала ко мне и засмеялась радостно, как смеются только дети.

– Хиба цэ можна? В колонию? Ой, спасыби ж вам, дядечку!

Хлопцы смехом прикрыли душевное волнение. Карабанов топнул ногой об пол:

– Дуже просто. Прямо так просто, що… черты его знают! В колонию, конечно. Нехай колониста тронуть!

Девчата радостно потащили Наташу в спальню. Хлопцы еще долго галдели. Чобот сидел против меня и благодарил:

– Я такого никогда не думал… То вам спасибо, что такому маленькому человеку защиту дали… А жениться – то дело второе…

До поздней ночи обсуждали мы происшествие. Рассказали хлопцы несколько подходящих случаев, Силантий высказал свое мнение, приводили Наташу в колонийском платье показывать мне, и Наташа оказалась вовсе не невестой, а маленькой нежной девочкой. После всего этого пришел Калина Иванович и сказал, резюмируя вечер:

– Годи вам раздувать кадило. Если у человека голову не оттяпали, значит, человек живеть, все значиться благополучно. Ходим на луки[139], пройдемся… вот ты увидишь, как эти паразиты копыцы сложили, чтоб их так в гроб укладывали, када помруть!

Было уже за полночь, когда мы с Калиной Ивановичем

направились на луг. Теплая тихая ночь внимательно слушала, что говорил дорогой Калина Иванович. Аристократически воспитанные, подтянутые, сохраняя вечную любовь свою к строевым шеренгам, стояли на страже колонии тополя и тоже думали о чем-то. Может быть, они удивлялись тому, что так все изменилось кругом: выстраивались они для охраны Трепке, а теперь приходится сторожить колонию имени Максима Горького.

В отдельной группе тополей стояла хата Марии Кондратьевны и смотрела черными окнами прямо на нас. Одно из окон вдруг тихонько открылось, и из него выпрыгнул человек. Направился было к нам, на мгновение остановился и – бросился в лес. Калина Иванович прервал рассказ об эвакуации Миргорода в 1918 году и сказал спокойно:

– Этот паразит – Карабанов. Видишь, он смотрит не теорехтически, а прахтически. А ты остался в дурнях, хочь и освиченный человек.

[7] Пополнение

В колонию пришел Мусий Карпович. Мы думали, что он начинает тяжбу по случаю слишком свободного обращения с его головой разгневанного Чобота. И в самом деле: голова Мусия Карповича была демонстративно перевязана и говорил он таким голосом, будто даже это не Мусий Карпович, а умирающий лебедь. Но по волнующему нас вопросу он высказался миролюбиво и по-христиански кротко:

– Там это, товарищи, девчонка моя у вас, и меня вот обидел ваш колонист, незаслуженно обидел, так я не жалуюсь, может, и я что не так сказал, а девчонку нужно отдать, на что она вам?

В кабинете сидели Коваль и Задоров. Задоров сильно смущал Мусия Карповича, потому что давно был ему известен насмешливый Шуркин разговор. Задоров и теперь не обманул ожиданий Мусия Карповича:

– Мусий Карпович, что вам дороже, голова зама или девчонка?

– И голова моя, и девчонка ж моя, – пробовал помутить Мусий Карпович.

– Наташи вам не видать, как своих ушей, это раз.

– Ну раз, – покорно произнес Мусий Карпович.

– А если будете сюда лазить, так и за голову не ручаемся, два.

– Так я ж совсем не потому, что девчонка. Я по другому делу. Боже сохрани, чи я буду с вами спорить, чи што? Так, то пускай и так… Я насчет мельницы к вам пришел. От сельсовета пришел с хорошим делом.

Задоров сурово принял капитуляцию противника и уступил боевую позицию Ковалю.

Коваль прицелился лбом в Мусия Карповича.

– Насчет мельницы?

– Ну да ж. Вы насчет мельницы хлопочете – это аренда, значит. И сельсовет же тоже подал заявление. Так от мы так думаем: как вы советская власть, так и сельсовет – советская власть, не может быть такого: то мы, а то – вы…

– Ага, – сказал Коваль несколько иронически.

– Да что ж вы агакаете? Чи я кажу не так, чи што? Ото мы и предлагаем вам: давайте возьмем аренду откровенно, пополам, значит. И работа пополам, и доходы пополам, это будет для всех людей как пример, а не так, как будто две советских власти…

– Ага, – сказал Коваль, весело глядя в глаза Мусия Карповича.

– Та чего ж вы все агакаете, чи може вы хотите забрать себе мельницу, а сельсовет по-вашему, так это значит, пускай так останется? Што оно, конечно, мельница в вашем дворе, это факт,

конечно, так и сельсовет же, можно сказать, – советская власть.

– Так, – сказал Коваль.

– От вы агакаете або такаете, а как же понимать, к примеру?

– А чего это вы пришли, а не председатель?

– А я с бумажкой, как же, с бумажкой. А председатель, знаете, говорит: поди ты, Мусий, бо тебя больше уважают в колонии, так вы по-мирному и сговоритесь.

– Вас больше уважают? – спросил Задоров, выразительно разглядывая перевязанную голову Мусия Карповича.

– Хэ, хэ, это ж бывает и в семействе даже, – засмеялся Мусий Карпович, – бывает всякое, знаете, и брат брата за грудки берет, и все такое.

– Так вот что, уважаемый Мусий Карпович, – сказал я. – Значит, мы подумаем, поговорим с хлопцами, дадим вам ответ. Добре?

– Да разве ж я што говорю, чи што? Конечно ж, как у вас артель, надо и поговорить, а мы еще придем. С председателем придем.

Мусий Карпович откланялся и удалился, а Коваль с Задоровым напали на меня.

– Чего там еще думать? Гнать к чертовой матери, и все. Не хватает, чтобы мы с куркулями в компанию вошли.

– Да что вы, товарищи, – возражал я. – Видите, вот и бумажка, ведь это официальное предложение сельсовета, как же можно так: взять и прогнать к чертовой матери. Нужно поступить дипломатически вежливо.

Коваль не соглашается со мной.

– Ото ему голову провалил Чобот, ото и есть правильная дипломатия, советская власть тоже. Им в сельсовете три дня жить осталось.

– Все равно. Ведь этот Мусий даром бы не пришел. Наверное, там что-то случилось – в управлении государственными имуществами, надо узнать, в чем дело. А спешить нам все равно некуда. Решение об аренде будет не раньше, как через месяц.

Так начался в колонии короткий дипломатический период. Я уговорил Коваля и хлопцев напялить на себя дипломатические фраки и белые галстуки, и Лука Семенович с Мусием Карповичем на некоторое время получили возможность появляться на территории колонии без опасности для жизни. *Так как с мельничным вопросом мы не спешили, то наши возможные компаньоны заинтересовались другими сторонами нашей жизни и больше всего делами Шере. Лука Семенович целые вечера проводил в свинарне, расспрашивая Шере о тонкостях свинских меню, об уходе за поросятами, о содержании маток, и все просил продать ему*

хорошего кабанчика, чтоб и на плод годился.

В это время всю колонию сильно занимал вопрос о покупке лошадей. Знаменитые наши рысаки старели на глазах, даже Рыжий начинал отращивать стариковскую бороду, а Малыша совет командиров перевел уже на положение инвалида и назначил ему пенсию. Малыш получил на дожитие постоянное место в конюшне и порцию овса, а запрягать его допускалось только с моего личного разрешения. Шере всегда с презрением относился к Бандитке, Мэри и Коршуну и говорил:

– Хорошее хозяйство то, в котором кони хорошие, а если кони дрянь, значит, и хозяйство – дрянь.

Антон Братченко, переживший влюбленность во всех наших лошадей по очереди и всегда всем предпочитавший Рыжего, и тот теперь под влиянием Шере начинал любить какого-то будущего коня, который вот-вот появится в его царстве. Я, Шере, Калина Иванович и Братченко не пропускали ни одной ярмарки, видели тысячи лошадей, но купить нам все-таки ничего не довелось. То кони были плохие, такие же, как и у нас, то дорого с нас просили, то находил Шере какую-нибудь припрятанную болезнь или недостаток. И правду нужно сказать, хороших лошадей на ярмарках не было. Война и революция прикончили породистые лошадиные фамилии, а новых заводов еще не народилось. Антон приезжал с ярмарки почти в оскорбленном состоянии:

– Как же это так? Коней нэма. А если нам нужен хороший конь, настоящий конь, так как же? Буржуев просить, чи как?

– Та нежели ни одного коня? – удивился Карабанов.

– Те лучше наших есть, – обиженным голосом рассказывал Антон, – так ты посуди: у нас на коней тысячу рублей собрали, на двух коней. Это ж тебе не то, что раньше: привели Рыжего черт его знает откуда, даром… И Бандитка даром, и Мэри, и Коршун, так само собой – хорошие кони. А тут нужно отдать, ты подумай, – пятьсот рублей. Какой конь должен быть за пятьсот рублей? Ну?

– Да-а, – тянул Карабанов, – за пятьсот рублей, это зверь, а не конь должен быть. От я коня бачив, так тот конь не меньше, как тысячу, стоил.

– Тысячу? Та ну? Какой же такой конь за тысячу рублей? Как на нем и ездить?

– А какие кони на ярмарке? – спрашивал Семен.

– Та такие кони: здоровая, понимаешь, кобыла, и так – серая, а шея, как у теленка, ну – дрянь, четыреста рублей. А то – и рост хороший, и шея, и все, а ноги, как у рака.

Калина Иванович, по гусарской старой памяти, любил копаться в лошадином вопросе, и даже Шере доверял его

знаниям, изменяя в этом деле своей постоянной ревности. А Калина Иванович однажды в кругу понимающих людей сказал:

– Говорят эти паразиты, Лука та Мусий этот самый, что будто у дядьков на хуторах есть хорошие кони, а на ярмарок не хотят выводить, боятся.

– Неправда, – сказал Шере, – нет у них хороших коней. Есть такие, как мы видели. Хороших коней вот скоро с заводов достать можно будет, еще рановато.

– А я вам кажу – есть, – продолжал утверждать Калина Иванович. – Лука знает, этот сукин сын всю округу знает, как и что. Та и подумайте, откуда ж может взяться хорошая животная, если не у хозяина! А на хуторах хозяева живуть. Он, паразит, тихонько соби сыдыть, а жеребчика выгодовал, держит, сволочь, в тайне, значить, боиться – отберуть. А если поехать – купим…

– Не купите, или обманут вас на хуторах. Там люди хуже цыган.

– Кого? Меня обмануть? Ха, старого гусара, штоб какой тебе дядько обманул? Никогда такого не было, как и свет стоить.

Карабанов соглашался с Калиной Ивановичем:

– У дядьков есть, это верно. Это знаете, какой народ? Вы думаете, на тех хуторах всех коней выбрали? Там еще и в войну напрятали хиба ж таких жеребцов?

Антон, как всегда, держал нейтралитет:

– Та чего вы спорите? Чи вам не все равно, або конь хороший был.

Я тоже решил вопрос без всяких признаков идеологии.

– В ближайшее воскресенье едем, посмотрим. А может быть, и купим что-нибудь.

Шере согласился:

– Отчего не поехать? Коня, конечно, не купим, а проехаться хорошо. Посмотрю, что за хлеба у этих «хозяев».

В воскресенье запрягли фаэтон и закачались на мягких селянских дорогах. Проехали Гончаровку, пересекли харьковский большак, шагом проползли через засыпанную песком сосновую рощу и выехали наконец в некоторое царство-государство, где никогда еще не были. С высокой пологой возвышенности открылся довольно приятный пейзаж. Перед нами без конца, от горизонта до горизонта, ширилась по нивелиру сделанная равнина. Она не поражала разнообразием; может быть, в этой самой простоте и было что-то красивое. Равнина плотненько была засеяна хлебом; золотые, золотисто-зеленые, золотисто-желтые, ходили кругом широкие волны, изредка подчеркнутые ярко-зелеными пятнами проса или полем рябенькой гречихи. А на этом золотом фоне с непостижимой правильностью были расставлены

группы белоснежных хат, окруженные приземистыми бесформенными садиками. У каждой группы одно-два дерева: вербы, осины, очень редко тополи и баштан с грязно-коричневым куренем. Все это было выдержано в точном стиле; самый придирчивый художник не мог бы здесь обнаружить ни одного ложного мазка.

Картина понравилась и Калине Ивановичу:

– Вот видите, как хозяева живуть? Тут тебе живуть аккуратные люди.

– Это тебе не какие-нибудь незаможники, у которых, понимаешь, главная животная – воша.

– Да, – неохотно согласился Шере.

– Тут враги советской власти живут, бандиты, – сказал Антон, оглядываясь с козел.

– Да на что ему твоя советская власть? – даже рассердился немного Калина Иванович, – что ему может дать советская власть, когда у него все есть: хлеб свой и мясо, и рядно, и овчина, самогонку тоже сам делает, паразит, веник ему если нужен, так смотри, нехворощи[140] сколько растет и какая хорошая нехвороща.

– И лебеда своя, – сказал Шере.

– Лобода[141] не мешает, што ж с того, што лобода, а этот хозяин все государство держить, а если б еще государство с ним обходилось как следовает… Это тебе хозяин: он не доспить, не доесть, а все на пользу… Потому, что трудиться. А хто трудиться, тот и богатым будет. Вы ж только поглядить, до чего тут хорошее хозяйство. Душа радуется…

– Хозяйство это никудышнее, нищенское, – задумчиво произнес Шере.

– Как вам не стыдно такое говорить? – возмутился Калина Иванович. – Разве ж не видно? Разве вы не замечаете?

– Вижу, – сказал Шере, презрительно прищуриваясь на хлебные поля, – вижу: пшеница и жито. От самого Рюрика[142] все одно и то же: пшеница и жито. Сорт дикий и урожай тоже дикий. Пятьдесят пудов с десятины, а на этой земле можно двести пудов собирать. И лебеда. Больше лебеды, чем хлеба.

– От лобода ему в зубы попала, – недовольно отвернулся Калина Иванович.

Шере откинулся на спинку сиденья, поправил затекшие ноги и сказал, глядя на небо:

– Есть минимум потребностей у всех народов. Самое меньшее, что человеку нужно, это хлеб. А у русских другой минимум – лебеда. Этот минимум определяет все. Если человек, допустим, и в крайнем случае, может ограничиться лебедой, он уже не хозяин.

– И откуда вы такое почерпнули? – спросил Калина Иванович,

хотя и не понял хорошо речи Шере.

– Зачем далеко ходить, на поля посмотрите. Да и поговорка есть такая: не беда, коли во ржи лебеда, то беды, коли ни ржи, ни лебеды.

– Ничего не видите, значить.

– Ничего не вижу, – *улыбнулся Шере,* – *ни пропашных, ни травы, ни добрых сортов. А в хатах тоже ничего нет у этих ваших «хозяев»: деревянный стол, две лавки, кожух в скрыне, пара сапог, – «богатство». И это все благодаря скупости да жадности. Сами ж говорите: не доспит, не доест. Разве он живет по-человечески, этот дикарь? А хаты? Это же не человеческое жилище. Стены из грязи, пол из глины, на крыше солома… Вигвам*[143]*…*

– Не красна изба углами, а красна пирогами, хэ-хэ-хэ, – хитро подмигнул Калина Иванович.

– Картошка с луком, какие там пироги…

– Давайте завернем к этому, – прекратил спор Калина Иванович.

По забитой травкой дорожке повернул Антон к примитивным воротам, сделанным из трех тонких стволов вербы, связанных лыком.

Серый задрипанный пес, потягиваясь, вылез из-под воза и хрипло, с трудом пересиливая лень, протявкал. Из хаты вышел хозяин и, стряхивая что-то с нечесаной бороды, с удивлением и некоторым страхом воззрился на мой полувоенный костюм.

– Драстуй, хозяин! – весело сказал Калина Иванович. – От церкви, значиться, вернулись?

– Я до церкви редко бываю, – ответил хозяин таким же ленивым, хриплым голосом, как и охранитель его имущества. – Жинка разве когда… А откедова будете?

– А мы по такому хорошему делу: кажут люди, что у вас коня можно доброго купить, а?

Хозяин перевел глаза на наш выезд. Недостаточно гармонировавшая пара Рыжего и вороной Мэри, видимо, его успокоила.

– Как вам это сказать? Чтобы хорошие лошади были, так где ж там! А есть у меня лощинка, третий год, може, вам пригодится?

Он отправился в конюшню и из самого дальнего угла вывел трехлетку кобылку, веселую и упитанную.

– Не запрягал? – спросил Шере.

– Так чтобы запрягать куды для какого дела, так нет, а проезжать – проезжал. Можно проехаться. Добре бежит, не могу ничего такого сказать.

– Нет, – сказал Шере, – молода для нас. Нам для работы

нужно.

– Молода, молода, – согласился хозяин. – Так у хороших людей подрасти может. Это такое дело. Я за ней три года ходил. Добре ходил, вы же бачите?

Кобылка, действительно, была холеная: блестящая, чистая шерсть, расчесанная грива, во всех отношениях она была чистоплотнее своего воспитателя и хозяина.

– А сколько, к примеру, эта кобылка, а? – спросил Калина Иванович.

– Вижу так, что хозяева покупают, да если магарыч хороший будет, так шестьдесят червяков.

Антон уставился на верхушку вербы и, наконец, сообразив, в чем дело, ахнул:

– Сколько? Шестьсот рублей?

– Шестьсот же, – сказал хозяин скромно.

– Шестьсот рублей вот за это г…? – не сдерживая гнева, закричал Антон.

Хозяин направился с лощинкой к конюшне, но остановился по дороге и сказал Антону строго:

– Сам ты г…, много ты понимаешь! Ты походи за конем, а потом будешь говорить.

Калина Иванович примирительно сказал:

– Нельзя так сказать, что г… кобылка хорошая, но только нам не подходить.

Шере молча улыбнулся. Мы уселись в фаэтон и поехали дальше. Серый отсалютовал нам прежним тявканьем, а хозяин, закрывая ворота, даже не посмотрел нам вдогонку.

Мы побывали на десятке хуторов. Почти в каждом были лошади, но мы ничего не купили.

Хозяева попадались разные: и ласковые, и угрюмые, подозрительно-сдержанные и откровенно болтливые, хвастливые и скромные, как великомученики на иконах, рыжие, черные, серые и казацкого типа с длинными усами, но все единодушно ломили с нас страшные цены, от которых вконец испортились нервы не только у Антона, но даже и у Калины Ивановича. Лошади у них были большие, молодые, только подготовленные к работе, и все такого же типа: добротные лошади, упитанные, чистые, с некоторыми отдаленными признаками хороших кровей, но это не были те идеально драгоценные звери, о которых мечтали Антон и Карабанов.

Домой возвращались уже под вечер. Шере уже не рассматривал поля, а о чем-то сосредоточенно думал. Антон злился на Рыжего и то и дело перетягивал его кнутом, приговаривая:

– Одурел, что ли? Бурьяна не бачив, смотри ты…

Калина Иванович со злостью посматривал на придорожную нехворощу и бурчал всю дорогу:

– Какой же, понимаешь ты, скверный народ, паразиты! Приезжают до них люди, ну, там продав чи не продав, так будь же человеком, будь же хозяином, сволочь. Ты ж видишь, паразит, что люди с утра в дороге, дай же поисты, есть же у тебя чи там борщ, чи хоть картошка… *Мало их, паразитов, советская власть придавила. Этот народ сничтожить нужно. Залезло чертово отродье, сховались по хуторам, причаилось, и никто ему не нужный. Ах, вы, паразиты, чтоб вам до добра не дожить, мурлики проклятые.* Ты ж пойми: бороду расчесать ему николы, ты видив такого? А за паршивую лошичку шестьсот рублей! Он, видите, «ходыв за лошичкою». Тай не он ходыв, а сколько там этих самых батрачков, ты видав?

Я видел этих молчаливых замазур, перепуганно застывших возле сажей[144] и конюшен в напряженном наблюдении неслыханных событий: приезда городских людей. Они ошеломлены чудовищным сочетанием стольких почтенностей на одном дворе. Иногда эти немые деятели выводили из конюшен лошадей и застенчиво подавали хозяину повод, иногда даже они похлопывали коня по крупу, выражая этим, может быть, и ласку к привычному живому существу.

Калина Иванович, наконец, замолчал и раздраженно курил трубку. Только у самого въезда в колонию он сказал весело:

– От выморили голодом, чертовы паразиты!..

Шере прекратил свои думы и захохотал:

– А пироги ж как, Калина Иванович?

– Какие пироги?

– А те самые, которыми «красна изба»?

Антон задрал ноги над козлами и залился:

– Ой, и пироги ж… Я все думал, а какие там пироги будут?

В колонии мы застали Луку Семеновича и Мусия Карповича. Лука был очень поражен неудачей нашей экспедиции и протестовал:

– Не может такого дела буты! Раз я сказал Антону Семеновичу и Калине Ивановичу, так отетое самое дело мы сполним. Вы, Калина Иванович, не утруждайте себе, потому нет хуже, када у человека нервы спорчены. А вот на той неделе поедем с вами, только пускай Антон Семенович не едут, у них вид такой, хэ-хэ-хэ, болышевицький, так народ опасается.

В следующее воскресенье Калина Иванович поехал на хутора вместе с Лукой Семеновичем и на его лошади. Братченко к этому отнесся хладнокровно-безнадежно и зло пошутил, провожая:

– Вы хоть хлеба возьмите на дорогу, а то с голоду сдохнете.

Лука Семенович погладил рыжую красавицу-бороду над праздничной вышитой рубашкой и аппетитно улыбнулся розовыми устами:

– Как это можно, товарищ Братченко? До людей едем, как это можно такое дело: свой хлеб брать! Поимо сегодня и борщу настоящего и баранины, а може, хто й пляшку[145] соорудить.

Он подмигнул заинтересованному Калине Ивановичу и взял в руки фасонные темно-красные вожжи. Широкий кормленый жеребец охотно заколыхался под раскоряченной дугой, увлекая за собой добротную, щедро окованную бричку.

Вечером все колонисты, как по пожарному сигналу, сбежались к неожиданному явлению: Калина Иванович приехал победителем. За бричкой был привязан жеребец Луки Семеновича, в оглоблях пришла красивая, серая в яблоках, большая кобыла. И Калина Иванович и Лука Семенович носили на себе доказательства хорошего приема, оказанного им лошадиными хозяевами. Калина Иванович с трудом вылез из брички и старался изо всех сил, чтобы колонисты не заметили этих самых доказательств. Карабанов помог Калине Ивановичу:

– Магарыч был, значит?

– Ну, а как же! Ты ж видишь, какая животная.

Калина Иванович похлопывал кобылу по неизмеримому крупу. Кобыла была и в самом деле хороша: мохнатые мощные ноги, рост, богатырская грудь, ладная, массивная фигура. Никаких пороков не мог найти в ней и Шере, хотя и долго лазил под ее животом и то и дело весело и нежно просил:

– Ножку, дай ножку…

Хлопцы покупку одобрили. Бурун, серьезно прищурив глаза, обошел кобылу со всех сторон и отозвался:

– Наконец-то в колонии лошадь как лошадь.

И Карабанову кобыла понравилась:

– Да, это хозяйская лошадь. Эта стоит пятьсот рублей. Если таких лошадей десяток, можно пироги исты.

Вечером в совете командиров Антон представил свою просьбу: дать кобыле имя. Задача оказалась страшно трудной. В имении можно было все обозначить: и качество лошади, и ее историю, и наше к ней отношение. Семен предложил назвать «Куркулькой», но обиделся Калина Иванович.

– Зачем это такие насмешки: када человек выходил лошадь, так ты ему спасибо должен сказать, а ты его оскорбить хочешь. Такой непонимающий народ. От я гаварив, что достанем лошадь у хозяина, так мне не верили, все разумные стали, понимаешь. А теперь, када у вас такая кобыла, так «Куркулька», смотри ты…

После долгих споров решили назвать кобылу «Зорькой», выражая в этом имени только одно: полную невозможность выбрать другое, более выразительное имя.

Братченко кобылу принял с любовным вниманием, ходил вокруг нее и причмокивал от удовольствия, поражался с радостным оживлением ее громадной и спокойной силе, ее мирному, доверчивому характеру. У Антона появились перспективы, он пристал к Шере с настойчивым требованием:

– Жеребца нужно хорошего. Свой завод будет. *Горьковский завод*, понимаете?

Шере понимал, серьезно-одобрительно поглядывал на Зорьку и говорил сквозь зубы:

– Буду искать жеребца. У меня наметилось одно место. Только вот пшеницу уберем – поеду.

В колонии в это время с раннего утра до заката проходила работа, ритмически постукивая на проложенных Шере точных и гладких рельсах. *Шере терпеть не мог истерики, никакой горячки, он не выносил захлопотанных физиономий, мечущихся в панике распорядителей, никаких криков и споров, призывов и укоров. Недельный план он рассчитывал буквально до секунды и выполнял его, не прибавляя ни одного слова к воскресному приказу совета командиров.* Сводные отряды колонистов, то большие, то малые, то состоящие из взрослых, то нарочито пацаньи, вооруженные то сапками, то косами, то граблями, то собственными пятернями, с четкостью расписания скорого поезда проходили в поле и обратно, блестя смехом и шутками, бодростью и уверенностью в себе, до конца зная, где, что и как нужно сделать. Иногда Оля Воронова, наш помагронома, приходила с поля и между глотками воды из кружки в кабинете говорила дежурному командиру:

– Пошли помощь пятому сводному.

– А что такое?

– С вязкой отстают… жарко.

– Сколько?

– Человек пять. Девочки есть?

– Есть одна.

Оля вытирает губы рукавом и уходит куда-то. Дежурный с блокнотом в руках направляется под грушу, где с самого утра расположился штаб резервного сводного отряда. За дежурным командиром бежит смешной мелкой пробежкой дежурный сигналист. Через минуту из-под груши раздается короткое «стаккато» сбора резерва. Из-за кустов, из реки, из спален стремглав вылетают пацаны, у груши собирается кружок, и еще через минуту пятерка колонистов быстрым шагом направляется к пшеничному полю.

Мы уже приняли сорок пацанов пополнения. Целое воскресенье возились с ними колонисты, банили, одевали, разбивали по отрядам. Число отрядов мы не увеличили, а перевели наши одиннадцать в красный дом, оставив в каждом определенное число мест. Поэтому новенькие крепко увязаны старыми кадрами и с гордостью чувствуют себя горьковцами, только ходить еще не умеют, «лазят», как говорит Карабанов.

Народ пришел к нам все молодой, тринадцати-четырнадцати лет, и есть замечательно хорошие морды, особенно симпатичные после того, когда разрумянится пацан в бане, блестят на нем новые сатиновые трусики, а голова если и плохо пострижена, так Белухин успокаивает:

– Сегодня они сами стриглись, так, понимаете, не очень… Вечерком придет парикмахер, так мы оформим.

Пополнение дня два ходит по колонии с расширенными зрачками, фиксируя всякие новые впечатления. Заходит в свинарню и удивленно таращится на строгого Ступицына, который спрашивает:

– Пропуск у тебя есть?

– А зачем пропуск?

– Без пропуска нельзя, заразу занесешь.

– Заразу? А где зараза?

– А где тебя черти носили раньше, там и зараза.

Антон с пополнением принципиально не разговаривает:

– Чего это прилезли? Ваше место пока что в столовой.

– Почему в столовой?

– А что ж ты еще умеешь делать? Ты – хлебный токарь.

– Нет, я буду работать.

– Знаем, как вы работаете: за тобой двух надзирателей ставить нужно. Правда?

– А вот командир говорил: послезавтра на работу, вот посмотришь.

– Подумаешь, посмотрю, – не видел, что ли: ой, жарко, ой, воды хочется, ой, папа, ой, мама.

Пацаны смущенно улыбаются.

– Какая там мама… ничего подобного.

Но уже к вечеру первого дня у Антона появляются симпатии. Какими-то неизвестными способами он отбирает любителей лошадей. Смотришь, по дорожке на поле уже катится бочка с водой, а на бочке сидит новый горьковец Петька Задорожный и правит Коршуном, сопровождаемый напутствием из дверей конюшни:

– Не гони коня, не гони, это не пожарная бочка.

Через день новенькие участвуют в сводных отрядах,

спотыкаются и кряхтят в непривычных трудовых усилиях, но ряд колонистов упорно проходит по полю картофеля, почти не ломая равнения, и новенькому кажется, что и он равняется со всеми. Только через час он замечает, что на двух новеньких дали один рядок картофеля, а у старых колонистов рядок на каждого. Обливаясь потом, он тихонько спрашивает соседа:

– А скоро кончать?

– А вот, когда кончишь, тогда и кончишь.

– А до каких пор?

– Ты спросил бы лучше: чи хорошая будет картошка? Тебе же лопать придется.

Новичок замолкает, впитывая понемножку новый непривычный и захватывающий опыт.

Сняли пшеницу и на току завозились с молотилкой. Шере, грязный и потный, как и все, проверяет шестеренки и поглядывает на стог, приготовленный к молотьбе.

– Послезавтра молотить, а завтра за конем поедем.

– Я поеду, – говорит осторожно Семен, поглядывая на Братченко.

– Поезжай, что же, – говорит Антон. – А хороший жеребец?

– Жеребец ничего себе, – отвечает Шере.

– В совхозе купили?

– В совхозе.

– А сколько?

– Триста.

– Дешево.

– Угу!

– Совецький, значит? – смотрит Калина Иванович на молотилку. – А зачем элеватор так высоко задрали?

– Советский, – отвечает Шере. – Ничего не высоко, солома легкая.

В воскресенье отдыхали, купались, катались на лодках, возились с новичками, а под вечер вся аристократия, как всегда, собралась у крыльца белого дома, дышала запахами «снежных королев» и, поражая притаившихся в сторонке новичков, вспоминала разные истории.

Вдруг из-за угла мельницы, вздымая пыль, крутой дугой пятясь от брошенного старого котла, карьером вылетел всадник. Семен на золотом коне летел прямо к нам, и мы все вдруг смолкли и затаили дыхание: такие вещи мы раньше видели только на картинках, в иллюстрациях к сказкам и к «Страшной мести». Конь нес Семена свободным, легким, но в то же время стремительным аллюром, развевая полный, богатый хвост и комкая на ветру пушистую, пронизанную золотым светом гриву. В

его движении мы еле успевали пораженной душой вдыхать новые ошеломляющие детали: изогнутую в гордом и капризно-игривом повороте могучую шею и тонкие, просторным шагом идущие ноги.

Семен осадил коня перед нами, притянул к его груди небольшую красивую голову. Черный, по углам налитый кровью, молодой и горячий глаз глянул вдруг в самое сердце потерявшегося Антона Братченко. Антон взялся руками за уши, ахнул и затрепетал:

– Цэ наш? Что? Жеребец? Наш?

– Та наш же! – гордо сказал Семен.

– Слазь к чертовой матери с жеребца! – заорал вдруг Антон на Карабанова. – Чего расселся? Мало тебе? От, смотри, запарил. Это вам не куркульская кляча.

Антон ухватился за повод, гневным взглядом повторяя свое приказание.

Семен слез с седла.

– Понимаю, брат, понимаю. Такой конь, может, когда и был, так разве у Наполеона[146].

Антон каким-то взрывом ветра взвился в седло и потрепал ласково коня по шее. Потом неожиданно смущенно отвернулся и рукавом вытер глаза.

Ребята негромко засмеялись. Калина Иванович улыбнулся, крякнул, еще раз улыбнулся.

– Ничего не скажешь – такой конь, я тебе скажу. Даже так скажу: не к нашему рылу крыльцо. Да… У нас его спортят.

– Кто испортит? – свирепо наклонился к нему Антон. Он зарычал на колонистов:

– Убью! Кто тронет, убью! Палкой! Железной палкой по голове!

Он круто повернул коня, и конь послушно понес его к конюшне кокетливым коротким галопом, как будто обрадовался, что наконец уселся в седле настоящий хозяин.

Назвали жеребца Молодцом.

[8] Водолечебница девятого отряда

В начале июля мы получили мельницу в аренду на три года, с платой по три тысячи рублей в год. Получили в полное свое распоряжение, отказавшись от каких бы то ни было компаний. Дипломатические сношения с сельсоветом снова были прерваны, да и дни самого сельсовета были уже сочтены. Завоевание мельницы было победой нашего комсомола на втором участке боевого фронта.

Неожиданно для себя колония начала заметно богатеть и приобретать стиль солидного, упорядоченного и культурного хозяйства. Если так недавно на покупку двух лошадей мы собирались с некоторым напряжением, то в середине лета мы уже могли без труда ассигновать довольно большие суммы на хороших коров, на стадо овец, на новую мебель.

Между делом, почти не затрудняя наших смет, затеял Шере постройку нового коровника, и не успели мы опомниться, как стояло уже на краю двора новое здание, приятное и основательное, и перед ним расположил Шере цветник, в мелкие кусочки разбивая старорусский предрассудок, по которому коровник – это место грязи и зловония. В новом коровнике стояли новых пять симменталок, а из наших телят вдруг подрос и поразил нас и даже Шере невиданными статями бык, называемый Цезарем.

Шере удивленно к нему присматривался и все спрашивал:

– Откуда у нас мог взяться такой прекрасный симментальский бык? Чистый симментал. Откуда вы его взяли?

Калина Иванович вспоминал, вспоминал, так и не мог вспомнить, только старожил Таранец помог ему в этом деле:

– А помните, Калина Иванович, забрался к нам теленок в огород? Еще в старой колонии. Ой, и капусты ж тогда напортил, помните?

– Тебя помню, када пришел босяк босяком и еще ятеря покров на озере, и Гуда, и Волохова помню, а про теленка от чего не помню, – растерянно напрягал старую память Калина Иванович. – А чей теленок?

– Чей теленок? Чи Мусия, чи Стомухин?

– Ага, – закричал Гуд, – та я ж того теленка захватил и привел, помните? Чей теленок, стой? Да чей же – дида Андрея Гречаного.

– Деда Гречаного? – обрадовался Калина Иванович, – так он же, паразит, не захотев платить десять рублей за потраву. Ах и адиот же старый. Верно, верно… А паршивый какой был бычок, еще

Антон Семенович хотев его на жаркое зарезать, да я не дав. Помнишь, ты гозорив: на что нам бычок?

Мы вдруг все вспомнили. Не помнили только одного: как мог дед Андрей пожертвовать чистым симменталом из-за какой-то десятки. Было очевидно, что он и сам не догадывался об аристократическом происхождении бычка. Мы мобилизовали разные пружины, докопались, что Андрей Гречаный купил теленка у какого-то проезжего дядька на дороге. Благодаря этим сложным и таинственным обстоятельствам Шере очень трудно было получить паспорт на Цезаря, но симментальские стати его были настолько разительны, что паспорт нам все-таки выдали. Имел паспорт и Молодец, с паспортом жил и Василий Иванович, шестнадцатипудовый кнур[147], которого я давно вывез из опытной станции, – чистокровный англичанин, названный Василием Ивановичем в честь старого Трепке.

Вокруг этих знатных иностранцев – немца, бельгийца и англичанина – легче было организовать настоящее племенное хозяйство.

Царство десятого отряда Ступицына – свинарня – давно уже обратилось в серьезное учреждение, которое по своей мощности и племенной чистоте считалось в нашем округе первым после опытной станции. *У Ступицына было около тридцати маток. Шере вел свинарню по настойчивому и придирчивому плану: ни одна из тридцати маток не была дочерью Василия Ивановича – Шере заранее предупреждал кровосмешение, а были все получены от старой нашей матки Марии Ивановны, которую я в свое время привез вместе с Василием Ивановичем. Мария Ивановна в течение двух лет регулярно посылалась Ступицыным на свадебный пир на опытную станцию. Только теперь начал Шере сводить Василия Ивановича и собственных маток. Он с отвратительной педантичной холодностью выбраковывал маток за малейший провал в приплоде, за нервность, за испорченность характера, за слишком малый или слишком большой опорос, и новых маток выбирал с таким же строгим контролем.*

Десятый отряд, четырнадцать колонистов, работал всегда образцово. Свинарня – это было такое место в колонии, о котором ни у кого ни на одну минуту не возникало сомнений. Свинарня, великолепная трепкинская постройка пустотелого бетона, стояла посреди нашего двора, это был наш геометрический центр, и она настолько была вылощена и так всем импонировала, что в голову никому не приходило поднять вопрос о шокировании колонии имени Горького.

В свинарню допускался редкий колонист. Многие новички бывали в свинарне только в порядке специальной

образовательной экскурсии; вообще для входа в свинарню требовался пропуск, подписанный мной или Шере. Поэтому в глазах колонистов и селян работа десятого отряда была окружена многими тайнами, проникнуть в которые считалось особой честью.

Сравнительно легкий доступ – с разрешения командира десятого отряда Ступицына – был в так называемую приемную. В этом помещении жили поросята, назначенные к продаже, и производилась случка селянских маток. *В первое время с селянами происходили частые недоразумения. Приедет хозяин издалека, верст за пятьдесят, сваливает у ворот свинарни измученное дорогой животное и вдруг узнает, что без удостоверения ветеринара никакие матки в свинарню не допускаются. Обиженный клиент начинает крыть и нас, и советскую власть, но короткая команда Ступицына в одну секунду мобилизует отряд, и один вид веселых, остроумных ребят приводит человека к порядку. Ступицын после этого кладет руку на плечо протестанта и снисходительно объясняет:*

– Дядя, если ты хозяин, так не будь дикарем. Ты привез может больную матку, заразишь кнура, а знаешь, как бывает у свиней? Завезешь чуму – в два дня завод полетит. Ты сообрази: нам из-за твоей обиды рисковать таким хозяйством. А ты кричишь, как ишак, видишь?

Скоро все кругом знали, что раньше всякого другого действия нужно предъявлять ветеринарный документ. Со временем перешли на некоторый план, ибо нельзя было нагружать Василия Ивановича выше предельной нормы. Мы стали принимать маток по разверстке сельсоветов.

В приемной клиенты платили деньги, по три рубля за прием; помощник Ступицына и казначей Овчаренко выдавали квитанции. В приемной же продавались поросята по твердой цене за килограмм, хотя селяне и доказывали, что смешно продавать поросят на вес, что такое нигде не видано.

Большой наплыв гостей в приемной бывал во время опороса. Шере оставлял от каждого опороса только семь поросят, самых крупных – первенцев, всех остальных отдавал охотникам даром. Тут же Ступицын инструктировал покупателей, как нужно ухаживать за поросенком, отнимаемым от матки, как нужно кормить его при помощи соски, как составлять молоко, как купать, когда переходить на другой корм. Молочные поросята раздавались только по удостоверениям комнезама, а так как у Шере заранее были известны все дни опороса, то у дверей свинарни всегда висел график, в котором было написано, когда приходить за поросятами тому или другому гражданину.

Эта раздача поросят прославила нас по всей округе, и у нас завелось много друзей среди селянства. По всем окрестным селам заходили хорошие английские свиньи, которые, может быть, и не годились на племя, но откармливались – лучше не надо.

Следующее отделение свинарни был поросятник. Это настоящая лаборатория, в которой производились пристальные наблюдения за каждым индивидуумом, раньше чем определялся его жизненный путь. Поросят у Шере собиралось несколько сот, в особенности весной. Многих талантливых «пацанов» колонисты знали в лицо и внимательно, с большой ревностью следили за их развитием. Самые выдающиеся личности известны были и мне, и Калине Ивановичу, и совету командиров, и многим колонистам. Например, со дня рождения пользовался нашим общим вниманием сын Василия Ивановича и Матильды. Он родился богатырем, с самого начала показал все потребные качества и назначался в наследники своему отцу. Он не обманул наших ожиданий и скоро был помещен в особняке рядом с папашей под именем Петра Васильевича, названный так в честь молодого Трепке, *удравшего с деникинской армией*.

Еще дальше помещалась откормочная. Здесь царили рецепты, данные взвешивания, доведенные до совершенства мещанское счастье и тишина. Если в начале откорма некоторые индивиды еще проявляли признаки философии и даже довольно громко излагали кое-как формулы мировоззрения и мироощущения, то через месяц они молча лежали на подстилке и покорно переваривали свои рационы. Биографии их заканчивались принудительным кормлением, и наступал, наконец, момент, когда индивид передавался в ведомство Калины Ивановича, и Силантий на песчаном холме у старого парка без единой философской судороги превращал индивидуальности в продукт, а у дверей кладовой Алешка Волков приготовлял бочки для сала.

Последнее отделение – маточная, но сюда могли входить только первосвященники, и я всех тайн этого святилища не знаю.

Свинарня приносила нам большой доход; мы никогда даже не рассчитывали, что так быстро придем к рентабельному хозяйству. Упорядоченное до конца полевое хозяйство Шере приносило нам огромные запасы кормов: бурака, тыквы, кукурузы, картофеля. Осенью мы насилу-насилу все это могли спрятать.

Получение мельницы открывало широкие дороги впереди. Мельница давала нам не только плату за помол – четыре фунта с пуда зерна, но давала и отруби – самый драгоценный корм для наших животных.

Мельница имела значение и в другом разрезе: она ставила нас в новые отношения ко всему окрестному селянству, и эти

отношения давали нам возможность вести ответственную большую политику. Мельница – это колонийский наркоминдел. Здесь шагу нельзя было ступить, чтобы не очутиться в сложнейших переплетах тогдашних селянских конъюнктур. В каждом селе были комнезамы, большей частью активные и дисциплинированные, были середняки, кругленькие и твердые, как горох, и, как горох, рассыпанные в отдельные, отталкивающиеся друг от друга силы, были и «хозяева», *люди большею частью умные и способные и поэтому имеющие заслуженный авторитет, но* – кулаки, охмуревшие в своих хуторских редутах и одичавшие от законсервированной злобы и неприятных воспоминаний.

Получивши мельницу в свое распоряжение, мы сразу объявили, что желаем иметь дело с целыми коллективами и коллективам будем предоставлять первую очередь. Просили производить запись коллективов заранее. Незаможники легко сбивались в такие коллективы, приезжали своевременно, строго подчинялись своим уполномоченным, очень просто и быстро производили расчет, и работа на мельнице катилась, как по рельсам. «Хозяева» составили коллективы небольшие, но крепко сбитые взаимными симпатиями и родственными связями. Они орудовали как-то солидно-молчаливо, и часто даже трудно было разобрать, кто у них старший.

Зато, когда приезжала на мельницу компания середняков, работа колонистов обращалась в каторгу. Они никогда не приезжали вместе, а растягивались на целый день. Бывал у них и уполномоченный, но он сдавал свое зерно, конечно, первым и немедленно уезжал домой, оставляя взволнованную разными подозрениями и несправедливостями толпу. Позавтракав – по случаю путешествия – с самогоном, наши клиенты приобретали большую наклонность к немедленному решению многих домашних конфликтов, и после словесных прений и хватаний друг друга «за грудки» из клиентов обращались к обеду в пациентов перевязочного пункта Екатерины Григорьевны, в бешенство приводя колонистов. Командир девятого отряда, работавший на мельнице, Осадчий, нарочно приходил в больничку ссориться с Екатериной Григорьевной:

– На что вы его перевязываете? Разве их можно лечить? Это ж граки, вы их не знаете. Начнете лечить, так они все перережутся. Отдайте их нам, мы сразу вылечим. Лучше посмотрели бы, что на мельнице делается!

И девятый отряд и заведующий мельницей Денис Кудлатый, правду нужно сказать, умели лечить буянов и приводить их к порядку, с течением времени заслужив в этой области большую

славу и добившись непогрешимого авторитета.

До обеда хлопцы еще спокойно стоят у станков посреди бушующего моря матерных эпиграмм, эманаций самогона, размахивающих рук, вырываемых друг у друга мешков и бесконечных расчетов на очередь, перепутанных с какими-то другими расчетами и воспоминаниями. Наконец хлопцы не выдерживают. Осадчий запирает мельницу и приступает к репрессиям. Тройку-четверку самых пьяных и матерящихся члены девятого отряда, подержав секунду в объятиях, берут под руки и выводят на берег Коломака. С самым деловым видом, мило разговаривая и уговаривая, их усаживают на берегу и с примерной добросовестностью обливают десятком ведер воды. Подвергаемый экзекуции сначала не может войти в суть происходящих событий и упорно возвращается к темам, затронутым на мельнице. Осадчий, расставив черные от загара ноги и заложив руки в карманы трусиков, внимательно прислушивается к бормотанию пациента и холодными серыми глазами следит за каждым его движением.

– Этот еще три раза «мать» сказал. Дай ему еще три ведра.

Озабоченный Лапоть снизу, с берега, с размаху подает указанное количество и после этого делано-серьезно, как доктор, рассматривает физиономию пациента.

Пациент наконец начинает что-то соображать, протирает глаза, трясет головой, даже протестует:

– Есть такие права? Ах вы, мать вашу…

Осадчий спокойно приказывает:

– Еще одну порцию.

– Есть одну порцию аш два о, – ладно и ласково говорит Лапоть и, как последнюю драгоценную дозу лекарства, выливает из ведра на голову бережно и заботливо. Нагнувшись к многострадальной мокрой груди, он так же ласково и настойчиво требует:

– Не дышите. Дышите сильней. Еще дышите. Не дышите.

К общему восторгу, окончательно замороченный пациент послушно выполняет требование Лаптя: то замирает в полном покое, то начинает раздувать живот и хэкать. Лапоть с просветленным лицом выпрямляется.

– Состояние удовлетворительное: пульс 370, температура 15.

Лапоть в таких случаях умеет не улыбаться, и вся процедура выдерживается в тонах высоконаучных. Только ребята с реки хохочут, держа в руках пустые ведра, да толпа селян стоит на горке и сочувственно улыбается. Лапоть подходит к этой толпе и вежливо-серьезно спрашивает:

– Кто следующий? Чья очередь в кабинет водолечения?

Селяне с открытым ртом, как нектар, принимают каждое слово Лаптя и начинают смеяться за полминуты до произнесения этого слова.

– Товарищ профессор, – говорит Лапоть Осадчему, – больных больше нет.

– Просушить выздоравливающих, – отдает распоряжение Осадчий.

Девятый отряд с готовностью начинает укладывать на травке и переворачивать под солнцем действительно приходящих в себя пациентов. Один из них уже трезвым голосом просит, улыбаясь:

– Та не треба… я й сам… я вже здоровый.

Вот только теперь и Лапоть добродушно и открыто смеется и докладывает:

– Этот здоров, можно выписать.

Другие еще топорщатся и даже пытаются сохранить в действии прежние формулы: «Да ну вас к. е, но короткое напоминание Осадчего о ведре приводит их к полному состоянию трезвости, они начинают упрашивать:

– Та не нада, честное слово, якось вырвалось, привычка, знаете…

Лапоть таких исследует очень подробно, как самых тяжелых, и в это время хохот колонистов и селян доходит до высших выражений, прерываемый только для того, чтобы не пропустить новых перлов диалога:

– Говорите, привычка? Давно это с вами?

– Та що вы, хай бог милует, – краснеет и смущается пациент, но как-нибудь решительнее протестовать боится, ибо у реки девятый отряд еще не оставил ведер.

– Значит, недавно? А родители ваши матюкались?

– Та само ж собой, – неловко улыбается пациент.

– А дедушка?

– Тай дедушка…

– А дядя?

– Ну, да ж…

– А бабушка?

– Та натурально… Э, шо вы, бог с вами! Бабушка, мабуть, нет…

Вместе со всеми и Лапоть радуется тому, что бабушка была совершенно здорова. Он обнимает мокрого больного:

– Пройдет, я говорю, пройдет. Вы к нам чаще приезжайте, мы за лечение ничего не берем.

И больной, и его приятели, и враги умирают от припадков смеха. Лапоть серьезно продолжает, направляясь уже к мельнице, где Осадчий отпирает замок:

– А если хотите, мы можем и на дом выезжать. Тоже бесплатно, но вы должны заявить за две недели, прислать за профессором лошадей, а кроме того, ведра и вода ваши. Хотите, и папашу вашего полечим. И мамашу можно.

– Та мамаша у него не болеет такой болезнею, – сквозь хохот заявляет кто-то.

– Позвольте, я же вас спрашивал о родителях, а вы сказали: та само собой.

– Та ну! – поражается выздоровевший.

Селяне приходят в полное восхищение:

– А га-га-га-га… от смотри ж ты… на ридну маты чого наговорив….

– Хто?

– Та… Явтух же той. хворый, хворый… Ой, не можу, ой, пропав, слово чести, пропав, от сволочь! Ну й хлопець же, та хочь бы тоби засмиявся… Добрый доктор…

Лаптя почти с триумфом вносят в мельницу, и в машинное отделение отдается приказание продолжать. Теперь тон работы диаметрально противоположный: клиенты с чрезмерной даже готовностью исполняют все распоряжения Кудлатого, беспрекословно подчиняются установленной очереди и с жадностью прислушиваются к каждому слову Лаптя, который действительно неистощим и на слово и на мимику. К вечеру помол оканчивается, и селяне нежно пожимают колонистам руки, а усаживаясь на воз, страстно вспоминают:

– А бабушка, каже… Ну й хлопець! От на село хочь бы по одному такому, так нихто и до церкви не ходыв бы.

– Гей, Карпо, що, просох? Га? А голова як? Все добре? А бабушка? Га-га-га-га…

Карпо смущенно улыбается в бороду, поправляя мешки на возу, и вертит головой:

– Не думав ничого, а попав в больныцю…

– А ну, матюкнысь, чи не забув?

– Э, ни, тепер разви як Сторожево проидемо, то, може, на коня заматюкается…

– Га-га-га-га…

Слава о водолечебнице девятого отряда скоро разнеслась кругом, и приезжающие к нам помольцы то и дело вспоминали об этом прекрасном учреждении и непременно хотели ближе познакомиться с Лаптем. Лапоть серьезно и дружелюбно подавал им руку:

– Я только первый ассистент. А главный профессор вот: товарищ Осадчий.

Осадчий холодно оглядывает селян. Селяне осторожно

хлопают Лаптя по голым плечам:

– Систент? У нас тепера и на сели, як бува хто загнеть, так кажуть: чи не прывезти до тебе водяного ликаря з колонии. Бо, кажуть, вин можеть и до дому выихаты…

Скоро на мельнице мы добились нашего тона. Было оживленно, весело и бодро, дисциплина ходила на строгих мягких лапах и осторожно, «за ручку», переставляла случайных нарушителей на правильные места. *А если иногда и проявлялся слабый признак «матери», сами селяне напоминали:*

– Мобудь, ты забув, як Карпа Гуртовенка лечилы?

– А, Явтух Ярковых, так и дома вже не згадуе…

В июле мы провели перевыборы сельсовета. Без боя Лука Семенович и его друзья сдали позиции. Председателем стал Павло Павлович Николаенко, а из колонистов в сельсовет попал Денис Кудлатый.

[9] Четвертый сводный

В конце июля заработал четвертый сводный отряд в составе пятидесяти человек под командой Буруна. Бурун был признанный командир четвертого сводного, и никто из колонистов не претендовал на эту трудную, но почетную роль.

Четвертый сводный отряд работает «от зари до зари». Хлопцы чаще говорили, что он работает «без сигнала», потому что для четвертого сводного ни сигнал на работу, ни сигнал с работы не давался. Четвертый сводный Буруна сейчас работает у молотилки.

В четыре часа утра, после побудки и завтрака, четвертый сводный выстраивается вдоль цветника против главного входа в белый дом. На правом фланге шеренги колонистов выстраиваются все воспитатели. Они, собственно говоря, не обязаны участвовать в работе четвертого сводного, кроме двух, назначенных в порядке рабочего дежурства, но давно уже считается хорошим тоном в колонии поработать в четвертом сводном, и поэтому ни один уважающий себя человек не прозевает приказа об организации четвертого сводного. На правом фланге поместились и Шере, и Калина Иванович, и Силантий Отченаш, и Оксана, и Рахиль, и две прачки, и Спиридон секретарь, и находящийся в отпуску старший вальцовщик с мельницы, и колесный инструктор Козырь, и рыжий и угрюмый наш садовник Мизяк, и его жена, красавица Наденька, и жена Журбина, и еще какие-то люди, – я даже всех и не знаю.

И в шеренге колонистов много добровольцев: свободные члены десятого и девятого отрядов, второго отряда конюхов, третьего отряда коровников – все здесь.

Только Мария Кондратьевна Бокова, хоть и потрудилась встать рано и пришла к нам в стареньком ситцевом сарафане, не становится в строй, а сидит на крылечке и беседует с Буруном. Мария Кондратьевна с некоторых пор не приглашает меня ни на чай, ни на мороженое, но относится ко мне не менее ласково, чем к другим, и я на нее ни за что не в обиде. Мне она нравится даже больше прежнего: серьезнее и строже стали у нее глаза и душевнее шутка. За это время познакомилась Мария Кондратьевна со многими пацанами и девчатами, подружилась с Силантием, попробовала на вес и некоторые наши тяжелые характеры. Милый и прекрасный человек Мария Кондратьевна, и все же я ей говорю потихоньку:

– Мария Кондратьевна, станьте в строй. Все будут вам рады в рабочих рядах.

Мария Кондратьевна улыбается на утреннюю зарю, поправляет розовыми пальчиками капризный и тоже розовый локон и немножко хрипло, из самой глубины груди отвечает:

– Спасибо. А что я буду сегодня… молоть, да?

– Не молоть, а молотить, – говорит Бурун. – Вы будете записывать выход зерна.

– А я это смогу хорошо делать?

– Я вам покажу, как.

– А может быть, вы для меня слишком легкую работу дали?

Бурун улыбается:

– У нас вся работа одинаковая. Вот вечером, когда будет ужин четвертому сводному, вы расскажете.

– Господи, как хорошо: вечером ужин, после работы…

Я вижу, как волнуется Мария Кондратьевна, и, улыбаясь, отворачиваюсь. Мария Кондратьевна уже на правом фланге звонко смеется чему-то, а Калина Иванович галантерейно пожимает ей руку и тоже смеется, как квалифицированный фавн.

Выбежали и застрекотали восемь барабанщиков, пристраиваясь справа. Играя мальчишескими пружинными талиями, вышли и приготовились четыре трубача. Подтянулись, посуровели колонисты.

– Под знамя – смирно!

Подбросили в шеренге легкие голые руки – салют. Дежурная по колонии Настя Ночевная, в лучшем своем платье, с красной повязкой на руке, под барабанный грохот и серебряный привет трубачей провела на правый фланг шелковое горьковское знамя, охраняемое двумя настороженно холодными штыками.

– Справа по четыре, шагом марш!

Что-то запуталось в рядах взрослых, вдруг пискнула и пугливо оглянулась на меня Мария Кондратьевна, но марш барабанщиков всех приводит к порядку. Четвертый сводный вышел на работу.

Бурун бегом нагоняет отряд, подскакивает, выравнивая ногу, и ведет отряд туда, где давно красуется высокий стройный стог пшеницы, сложенный Силантием, и несколько стогов поменьше и не таких стройных – ржи, овса, ячменя и еще той замечательной ржи, которую даже граки не могли узнать и смешивали с ячменем; эти стоги сложены Карабановым, Чоботом, Федоренко, и нужно признать – как ни парились хлопцы, как ни задавались, а перещеголять Силантия не смогли, *и только в утешение себе Карабанов сказал:*

– Ну, так что ж? Этот старый черт наверное тысячный стог кладет.

А на это Силантий ответил:

– Здесь, это, как говорится, когда ты будешь старый, все равно хорошего стога не сложишь, потому что у тебя талант не тот, видишь, какая история. Стог надо класть, как говорится, с разумом, и чтобы на душе было, здесь это, хорошо. И больше никаких данных.

У нанятого в соседнем селе локомобиля ожидают прихода четвертого сводного измазанные серьезные машинисты. Молотилка же наша собственная, только весной купленная в рассрочку, новенькая, как вся наша жизнь.

Бурун быстро расставляет свои бригады, у него с вечера все рассчитано, недаром он старый комсвод-четыре[148]. Над стогом овса, назначенного к обмолоту последним, развевается наше знамя.

К обеду уже заканчивают пшеницу. На верхней площадке молотилки самое людное и веселое место. Здесь блестят глазами девчата, покрытые золотисто-серой пшеничной пылью, из ребят только Лапоть. Он неутомимо не разгибает ни спины, ни языка. На главном, ответственном пункте потная лысина Силантия и пропитанный той же пылью его незадавшийся ус.

Лапоть сейчас специализируется на Оксане:

– Это вам колонисты назло сказали, что пшеница. Разве это пшеница? Это горох.

Оксана принимает еще не развязанный сноп пшеницы и надевает его на голову Лаптя, но это не уменьшает общего удовольствия от Лаптиных слов.

Всем памятна смежная история первого дня пребывания Оксаны и Рахиль у нас этим летом. Повел их Лапоть поля посмотреть, увязались они за мною и Шере. Оксана прыгала и ахала по всякому случаю, Рахиль застенчиво и просто улыбалась, и вдруг Лапоть пустился в разговоры:

– Вы там в Харькове, наверное, думаете, что на колосьях прямо пирожные растут? Правда ж?

– За кого вы нас считаете: вы думаете. Подумаешь, какие хозяева, только они все знают.

– Мы знаем. А вы, наверное, думаете, что это ячмень, – сказал Лапоть, проходя по меже ячменя.

– И ничего такого я вовсе не думаю, – сказала небрежно Оксана. Возможно, что в глубине души она все-таки подозревала, что это в самом деле ячмень. Рахиль откровенно покраснела и в замешательстве отвернулась.

– А я по глазам вижу, что вы так думаете.

– Отстаньте.

– А что это такое, скажите?

– Да ничего и говорить не буду. – Оксана тоже покраснела.

– Нет, скажите. Ну, скажите.

– Довольно, Лапоть.

– Не знаете.

– Знаю.

– Честное слово, вы думали, что это ячмень, а это пшеница.

– И без вас знаю, что пшеница, – сказала Оксана, но в это время Рахиль ойкнула и села на межу в полном бессилии.

Лапоть разревелся на все поле:

– И без меня знаете? Пшеница? От агрономы какие.

Оксана беспомощно оглянулась и встретилась с моим, вероятно, тоже ироническим взглядом. На глазах у нее заблестели слезы.

– Ку-ку-ку-руза. Слышите, кукуруза, какая там пшеница, – в лицо Оксане закричал Лапоть.

Оксана обиделась и повернула назад. Рахиль с межи подняла голову и протянула:

– Не, это не кукуруза.

Я завидовал Лаптю, умеют же люди наслаждаться жизнью. Шере один оказался настоящим рыцарем. Он догнал Оксану и успокоил ее:

– Вы не сердитесь. Что же тут такого, что вы не знаете. Зато он не знает того, что вы знаете.

– Да что вы мне говорите? Что вы мне говорите? – закричала сквозь слезы Оксана. – Вы лучше скажите, что это такое?

– Это? Ячмень, конечно.

– Ячмень? Ах, какое животное.

Лапоть поспешил удрать далеко вперед и не слышал, как Рахиль, сидя по-прежнему на меже, отрицательно покачала головой и лукаво недоверчиво посмотрела на Шере:

– Нет, это не ячмень.

Тут уже и мы присоединились к торжеству Лаптя. Трудно было пожалеть это прелестное существо – Рахиль. Но и Рахиль ведь нас не жалела. Даже в полном поражении она еще продолжала издеваться над нами:

– А я думаю, что это тимофеева трава, есть ж такой хлеб – тимофеева трава? А я читала, что есть.

И теперь на верхней площадке молотилки, когда Лапоть напомнил студенткам недавнее прошлое, защищалась от Лаптя только одна Оксана. Рахиль предпочитала подальше держаться от поля сражения, вероятно, не будучи крепко уверенной, что и на самом деле мы молотим пшеницу.

Я люблю молотьбу. Особенно хороша молотьба к вечеру. В монотонном стуке машин уже начинает слышаться музыка, ухо уже вошло во вкус своеобразной музыкальной фразы, бесконечно

разнообразной с каждой минутой и все-таки похожей на предыдущую. И музыка эта, такой счастливый фон для сложного, уже усталого, но настойчиво неугомонного движения: целыми рядами, как по сказочному заклинанию, подымаются с обезглавленного стога снопы, и после короткого нежного прикосновения на смертном пути к рукам колонистов вдруг обрушиваются в нутро жадной ненасытной машины, оставляя за собой вихрь разрушенных частиц, стоны взлетающих, оторванных от живого тела крупинок. И в вихрях, и в шумах, и в сутолоке смертей многих и многих снопов, шатаясь от усталости и возбуждения, смеясь над усталостью, наклоняются, подбегают, сгибаются под тяжелыми ношами, хохочут и шалят колонисты, обсыпанные хлебным прахом и уже осененные прохладой тихого летнего вечера. Они прибавляют в общей симфонии к однообразным темам машинных стуков, к раздирающим диссонансам верхней площадки победоносную, до самой глубины мажорную музыку радостной человеческой усталости. Трудно уже различить детали, трудно оторваться от захватывающей стихии. Еле-еле узнаешь колонистов в похожих на фотографический негатив золотисто-серых фигурах. Рыжие, черные, русые – они теперь все похожи друг на друга. Трудно согласиться, что стоящая с утра с блокнотом в руках под самыми густыми вихрями призрачно склоненная фигура – это Мария Кондратьевна; трудно признать в ее компаньоне, нескладной, смешной, сморщенной тени, Эдуарда Николаевича, и только по голосу я догадываюсь, когда он говорит, как всегда, вежливо-сдержанно:

– Товарищ Бокова, сколько у нас сейчас ячменя?

Мария Кондратьевна поворачивает блокнот к закату:

– Четыреста пудов уже, – говорит она таким срывающимся, усталым дискантом, что мне по-настоящему становится ее жалко.

Хорошо Лаптю, который в крайней усталости находит выходы.

– Галатенко! – кричит он на весь ток. – Галатенко!

Галатенко несет на голове на рижнатом копье двухпудовый набор соломы и из-под него откликается, шатаясь:

– А чего тебе приспичило?

– Иди сюда на минуточку, нужно…

Галатенко относится к Лаптю с религиозной преданностью. Он любит его и за остроумие, и за бодрость, и за любовь, потому что один Лапоть ценит Галатенко и уверяет всех, что Галатенко никогда не был лентяем.

Галатенко сваливает солому к локомобилю и спешит к молотилке. Опираясь на рижен и в душе довольный, что может минутку отдохнуть среди всеобщего шума, он начинает с Лаптем

беседу:

– А чего ты меня звал?

– Слушай, друг, – наклоняется сверху Лапоть, и все окружающие начинают прислушиваться к беседе, уверенные, что она добром не кончится.

– Ну, слухаю…

– Пойди в нашу спальню…

– Ну?

– Там у меня под подушкой.

– Що?

– Под подушкой говорю…

– Так що?

– Там у меня найдешь под подушкой…

– Та понял, под подушкой…

– Там лежат запасные руки.

– Ну, так шо с ними робыть? – спрашивает Галатенко.

– Принеси их скорее сюда, бо эти уже никуда не годятся, – показывает Лапоть свои руки под общий хохот.

– Ага! – говорит Галатенко.

Он понимает, что смеются все над словами Лаптя, а может быть, и над ним. Он изо всех сил старался не сказать ничего глупого и смешного, и как будто ничего такого и не сказал, а говорил только Лапоть. Но все смеются еще сильнее, молотилка уже стучит впустую, и уже начинает «париться» Бурун:

– Что тут случилось? Ну, чего стали? Это ты все, Галатенко?

– Та я ничего.

Все замирают, потому что Лапоть самым напряженно-серьезным голосом, с замечательной игрой усталости, озабоченности и товарищеского доверия к Буруну, говорит ему:

– Понимаешь, эти руки уже не варят. Так разреши Галатенко пойти принести запасные руки.

Бурун моментально включается в мотив и говорит Галатенко немного укорительно:

– Ну, конечно, принеси, что тебе – трудно? Какой ты ленивый человек, Галатенко!

Уже нет симфонии молотьбы. Теперь захватила дыхание высокоголосая какофония хохота и стонов, даже Шере смеется, даже машинисты бросили машину и хохочут, держась за грязные колени. Галатенко поворачивается к спальням. Силантий пристально смотрит на его спину:

– Смотри ж ты, какая, брат, история…

Галатенко останавливается и что-то соображает. Карабанов кричит ему с высоты соломенного намета:

– Ну, чего ж ты стал? Иди уже.

Но Галатенко растягивает рот до ушей. Он понял, в чем дело. Не спеша он возвращается к рижну и улыбается. На соломе хлопцы его спрашивают:

– Куда это ты ходил?

– Та Лапоть придумал, понимаешь, принеси ему запасные руки.

– Ну, и что же?

– Та нэма у него никаких запасных рук, брешет все.

Бурун командует:

– Отставить запасные руки! Продолжать!

– Отставить, так отставить, – говорит Лапоть, – будем и этими как-нибудь.

В девять часов Шере останавливает машину и подходит к Буруну:

– Уже валятся хлопцы. А еще на полчаса.

– Ничего, – говорит Бурун. – Кончим.

Лапоть орет сверху:

– Товарищи горьковцы! Осталось еще на полчаса. Так я боюсь, что за полчаса мы здорово заморимся. Я не согласен.

– А чего ж ты хочешь? – насторожился Бурун.

– Я протестую! За полчаса ноги вытянем. Правда ж, Галатенко?

– Та, конечно ж, правда. Полчаса – это много.

Лапоть подымает кулак.

– Нельзя полчаса. Надо все это кончить, всю эту кучку, за четверть часа. Никаких полчаса!

– Правильно! – орет и Галатенко. – Это он правильно говорит.

Под новый взрыв хохота Шере включает машину. Еще через двадцать минут все кончено. И сразу на всех нападает желание повалиться на солому и заснуть. Но Бурун командует:

– Стройся!

К переднему ряду подбегают трубачи и барабанщики, давно уже ожидающие своего часа. Четвертый сводный эскортирует знамя на его место в белом доме. Я задерживаюсь на току, и от белого дома до меня долетают звуки знаменного салюта. В темноте на меня наступает какая-то фигура с длинной палкой в руке.

– Кто это?

– А это я, Антон Семенович. Вот пришел к вам насчет молотилки, это, значит, с Воловьего хутора, и я ж буду Воловик по хвамилии…

– Добре. Пойдем в хату…

Мы тоже направляемся к белому дому. Воловик, старый, видно, шамкает в темноте:

– Хорошо это у вас, как у людей раньше было…

– Чего это?

– Да вот, видите, с крестным ходом молотите, по-настоящему.

– Да где же крестный ход! Это знамя только. И попа у нас нету.

Воловик немного забегает вперед и жестикулирует палкой в воздухе:

– Да не в том справа, что попа нету. А в том, что вроде как люди празднуют, выходит так, будто праздник. Видишь, хлеб собрать человеку – торжество из торжеств, а у нас люди забыли про это.

У белого дома шумно. Как ни устали колонисты, все же полезли в речку, а после купанья и усталости как будто нет. За столами в саду радостно и разговорчиво, и Марии Кондратьевне хочется плакать от разных причин: от усталости, от любви к колонистам, оттого, что восстановлен и в ее жизни правильный человеческий закон, попробовала и она прелести трудового свободного коллектива.

– Легкая была у вас работа? – спрашивает ее Бурун.

– Не знаю, – говорит Мария Кондратьевна. – Наверное, трудная, только не в том дело. Такая работа все равно – счастье.

За ужином подсел ко мне Силантий и засекретничал:

– Там, это, сказали вам, здесь это, передать, значит: в воскресенье к вам люди, как говорится, придут, насчет Ольки, видишь, какая история.

– Это от Николаенко?

– Здесь, это, от Павла Ивановича, старика, значит. Так ты, Антон Семенович, как это говорится, постарайся: рушники, видишь, здесь это, полагается и хлеб, и соль, и больше никаких данных.

– Голубчик, Силантий, так ты это устрой все.

– Здесь, это, устрою, как говорится, так, видишь, такая, брат, история: полагается в таком месте выпить, самогонку или что, видишь.

– Самогонку нельзя, Силантий, а вина сладкого купи две бутылки.

[10] Свадьба

В воскресенье пришли люди от Павла Ивановича Николаенко. Пришли знакомые: Кузьма Петрович Магарыч и Осип Иванович Стомуха. Кузьму Петровича в колонии все хорошо знали, потому что он жил недалеко от нас, за рекой. Это был разговорчивый, но не солидный человек. У него было засоренное песчаное поле, на которое он почти никогда не выезжал, и росла на том поле всякая дрянь, большей частью по собственной инициативе. Через это поле было протоптано неисчислимое количество дорожек, потому что оно у всех лежало на пути. Лицо Кузьмы Петровича было похоже на его поле: и на нем ничего путного не растет, и тоже кажется, будто каждый куст грязновато-черной бороденки растет по собственной инициативе, не считаясь с интересами хозяина. И по лицу его были проложены многочисленные тропинки морщин, складок, канавок. От своего поля только тем отличался Кузьма Петрович, что на поле не торчало такого тонкого и длинного носа.

Осип Иванович Стомуха, напротив, отличался красотой. Во всей Гончаровке не было такого стройного и красивого мужчины, как Осип Иванович. У него был большой и рыжий ус и нахально-скульптурные, хорошего рисунка глаза; он носил полугородской, полувоенный костюм и умел всегда казаться подтянутым и тонким. У Осипа было много родственников из очень заможнего селянства, но сам он почему-то земли не имел, пробавлялся охотой. Он жил на самом берегу реки в одинокой, убежавшей из села хате.

Хоть и ожидали мы гостей, но они застали нас слабо подготовленными – да и кто его знает, как нужно было готовиться к такому непривычному делу? Впрочем, когда они вошли в мой кабинет, в нем было солидно, тихо и внушительно. Застали они только меня и Калину Ивановича. Гости вошли, пожали нам руки и уселись на диване. Я не знал, как начинать. Осип Иванович обрадовал меня, когда начал просто:

– Раньше в таких делах про охотников рассказывали: шли мы на охоту та проследили лисицу, красную девицу, а та лисица – красная девица…та я думаю, что это не надо теперь, хоть я ж и охотник.

– Это правильно, – сказал я.

Кузьма Петрович засеменил ногами, сидя на диване, и помотал бороденкой:

– Дурачество это, я так скажу.

– Не то что дурачество, а не ко времени, – поправил Стомуха.

– Время разное бываеть, – начал поучительно Калина Иванович. – Бываеть народ темный, так ему еще мало, он еще и сам всякую потьму на себя напускаеть, а потом и живеть, как остолоп какой, всего боиться: и грома, и месяца, и кошки. А теперь совецькая власть, хэ-хэ, теперь разве заградительного отряду надо бояться. а то все не страшно…

Стомуха перебил Калину Ивановича, который, очевидно, забыл, что собрались не для ученых разговоров:

– Мы просто скажем: прислал нас известный вам Павел Иванович и супруга его Евдокия Степановна. Вы – как отец здесь, в колонии, так чи не отдадите вашу, так сказать, вроде приблизительно дочку Олю Воронову за ихнего сына Павла Павловича, он же теперь председатель сельсовета.

– Просим нам ответ дать, – запищал и Кузьма Петрович. – Если есть ваше такое согласие, как уже и батько хотят, дадите нам рушники и хлеб, а если такого согласия вашего не последует, то просим не обижаться, что побеспокоили.

– Хэ-хэ-хэ, того будет малувато, что просим не обижаться, – сказал Калина Иванович, – а полагается по этому дурацькому вашему закону гарбуза домой нести.

– Гарбуза не сподиваемося[149], – улыбнулся Осип Иванович, – да и время теперь такое, что гарбуз еще не вродился.

– Она-то правда, – согласился Калина Иванович. – То раньше девка, гордая если сдуру, так она нарочно полную комору гарбузов держала. А если женихи не приходили, так она, паразитка, кашу варила. Хорошая гарбузяная каша, особенно если с пшеном…

– Так какой ваш родительский ответ будет? – спросил Осип Иванович.

Я ответил:

– Спасибо вам, Павлу Ивановичу и Евдокии Степановне за честь. Только я не отец, и власть у меня не родительская. Само собой, нужно спросить Олю, а потом для всяких подробностей надо постановить совету командиров.

– А это мы вам не указчики. Как по новому обычаю полагается, так и делайте, – просто согласился Осип Иванович.

Я вышел из кабинета и в следующей комнате нашел дежурного по колонии, попросил его протрубить сбор командиров. В колонии чувствовались непривычные горячка и волнение. Набежала на меня Настя, со смехом спросила:

– Где эти рушники держать? Туда же нельзя нести? – кивнула она в кабинет.

– Да подожди с рушниками, еще не сговорились, вы здесь где-нибудь близко побудьте, я позову.

– А кто будет завязывать?

– Что завязывать?

– Да надевать на этих… сватов, чи как их?

Возле меня стоял Тоська Соловьев и держал под мышкой большой пшеничный хлеб, а в руках – солонку, потряхивал солонкой и наблюдал, как подскакивают крупинки соли. Прибежал Силантий.

– Что ж ты, здесь это, трусишь тут хлебом-солью? Это ж надо на блюде…

Он наклонился, скрывая одолевавший его смех:

– Это ж с пацанами беда!.. А закуска как же?

Вошла Екатерина Григорьевна, и я обрадовался:

– Помогите с этим делом.

– Да я их давно ищу. С самого утра таскают этот хлеб по колонии. Идем со мной. Наладим, вы не беспокойтесь. Мы будем у девочек, пришлете.

В кабинет прибежали голоногие командиры.

У меня сохранился список командиров той счастливой эпохи. Это:

Командир первого отряда – сапожников – Гуд.

Командир второго отряда – конюхов – Братченко.

Командир третьего отряда – коровников – Опришко.

Командир четвертого отряда – столяров – Таранец.

Командир пятого отряда – девочек – Ночевная.

Командир шестого отряда – кузнецов – Белухин.

Командир седьмого отряда – Ветковский.

Командир восьмого отряда – Карабанов.

Командир девятого отряда – мельничных – Осадчий.

Командир десятого отряда – свинарей – Ступицын.

Командир одиннадцатого отряда – пацанов – Георгиевский.

Секретарь совета командиров – Колька Вершнев.

Заведующий мельницей – Кудлатый.

Кладовщик – Алеша Волков.

Помагронома – Оля Воронова.

На деле в совете командиров собиралось народу гораздо больше: по полному, неоспоримому праву приходили члены комсомола – Задоров, Жорка Волков, Волохов, Бурун, убеленные сединами старики – Приходько, Сорока, Голос, Чобот, Овчаренко, Федоренко, Корыто, на полу усаживались любители-пацаны и между ними Митька, Витька, Тоська и Ванька Шелапутин обязательно. В совете всегда бывали и воспитатели, и Калина Иванович, и Силантий Семенович. Поэтому в совете всегда не хватало стульев: сидели на окнах, стояли под стенками, заглядывали в окна снаружи.

Колька Вершнев открыл заседание. Сваты потеряли свою торжественность, задавленные на диване десятком колонистов, перемешавшиеся с голыми их руками и ногами.

Я рассказал командирам о приходе сватов. Никакой новости в этом известии для совета командиров не было, давно все видели дружбу Павла Павловича и Ольги. Вершнев только для формальности спросил Ольгу:

– Ты согласна выйти замуж за Павла?

Ольга немного покраснела и сказала:

– Ну, конечно.

Лапоть надул губы:

– Никто так не делает. Надо было пручаться[150], а мы тебя уговаривали бы. Так скучно.

Калина Иванович сказал:

– Скучно чи не скучно, а надо о деле говорить. Вы вот нам аккуратно скажите: как это будет все – хозяйство и все такое?

Осип Иванович потрогал усы:

– Значит, так: если ваше согласие, свадьбу там, венчанье проведем, молодые после того к старикам – жить, значит, вместе, и хозяйство вместе.

– А для кого новую хату строили? – спросил Карабанов.

– А то хата будет для Михаила.

– Так Павло ж старший?

– Старший, конечно, он старший, от же старый так решил. Бо Павло жинку берет с колонии.

– Ну, так что, что из колонии? – недружелюбно забурчал Коваль.

Осип Иванович не сразу нашел слова. Тоненьким голосом затарахтел Кузьма Петрович:

– Так получается. Павло Иванович говорят: до хозяина и хозяйку нужно, бо у хозяйки и батько есть, тесть, выходит так, – Михайло берет у Сергея Гречаного. А ваша, значит, в невестки пойдет при Павле Павловиче. И Павло Павлович же и согласие дали.

Карабанов махнул рукой:

– С такими разговорами и до гарбуза можно добалакаться. Какое нам дело, что Павел Павлович дал согласие! Он просто, выходит, ну, шляпа, тай годи. Совет командиров Олю так выдать не может. Если так говорить, так это в батрачки к старому черту…

– Семен… – нахмурился Колька.

– Ну, хорошо, хорошо, беру черта обратно. Это раз. А потом, про какое там венчанье говорили?

– А это уже как полагается – не было такого дела, чтобы без

попов женились. Такого у нас на селе не было.

– Так будет, – сказал Коваль.

Кузьма Петрович зачесал в бородке:

– Кто его знает, чи будет, чи не будет. У нас так считается, будто нехорошо: это же выходит – невенчанным жить.

В совете замолчали. Все думали об одном и том же: свадьбы не выйдет. Я даже боялся, что в случае неудачи ребята выпроводят сватов без особенных почестей.

– Ольга, ты пойдешь к попам? – спросил Колька.

– Ты что? Плохо позавтракал? Ты забыл, что я комсомолка?

– С попами дело не пойдет, – сказал я сватам, – думайте как-нибудь иначе. Ведь вы знали, куда шли. Как вам могло прийти в голову, что мы согласимся на церковь.

Силантий поднялся с места и наладил для речи свой палец.

– Силантий, говорить будешь? – спросил Колька.

– Здесь, это, спросить хочу.

– Ну, спрашивай.

– Здесь, это, Кузьма такой, видишь, человек, мечтатель, как говорится. А вот пусть Осип Иванович скажет: для какого хрена водолазы, здесь это, понадобились? Ты лучше бы, здесь это, кабана выкормил.

– Да хай они сказятся! – засмеялся Стомуха. – Я если встречу одного, так и с охоты вертаюсь.

– Значит, здесь это, Кузьме нужны долгогривые, как говорится.

Кузьма Петрович заулыбался:

– Хи-хи, не в том дело, что нужны, и никакой же пользы от них, это само собой. Так видишь что: деды наши и прадеды так делали, а тут еще и Павло Иванович говорит: девку берем бедную, без этого, сказать бы, приданого, ну, и все такое…

Калина Иванович стукнул кулаком по столу:

– Это что за разговоры? Кто тебе дал право такое мурлякать? Кто это такой богатый прийшов сюды, задаваться тут будеть? Ты думаешь, как ты с твоим Павлом Ивановичем из земли хату смазали, так уже и губы вам надувать? У него, паразита, понимаешь, стоить стол та две лавки, та кожух заховав в скрыне, так он уже миллионер какой?

Кузьма Петрович перепугался и запищал:

– Та разве ж кто задавался тут? Мы только так сказали насчет как бы приданого.

– Ты знаешь, куда ты прийшов, чи не знаешь? Тут тебе совецькая власть, чи ты, може, не видав совецькой власти? Совецькая власть может дать такое приданое, что все твои вонючие деды в гробах тричи[151] перевернуться, паразиты.

– Та мы ж… – слабо возражал Кузьма Петрович.

Хлопцы хохотали и аплодировали Калине Ивановичу. Калина Иванович разошелся не на шутку:

– Это пускай совет командиров обсудить хорошенько. Факт: пришли они свататься к нам, нам же нужно подумать, чи отдавать нашу дочку Ольгу за такого голодранци, как этот самый Николаенко, который только и видит, что картошку с цыбулей лопает да лободу разводить, паразит, заместо хлеба. А мы люди богатые, нам нужно осторожно думать.

Общий восторг совета командиров и всех присутствующих показал, что никаких проблем не существует больше. Сваты на время были удалены, и совет командиров приступил к обсуждению, что дать Ольге в приданое.

Хлопцы были задеты за живое всеми предыдущими переговорами и назначили Ольге приданое, по каким угодно меркам, совершенно выдающееся. Позвали Шере, боялись, что он запротестует против больших выдач, но Шере и минутки не подумал и сказал строго:

– Это правильно. Пусть нам будет даже тяжело, но Воронову нужно выдать богато, богаче всех в округе. Куркулям нужно показать место.

Поэтому при обсуждении приданого если и были возражения, то только такого типа:

– И что ты мелешь: лошонка! Не лошонка, а коня нужно дать.

Через час отдышавшихся на свежем воздухе сватов вызвали в совет, и Колька Вершнев поднялся за своим столом и произнес, немного заикаясь, такую внушительную речь:

– Совет командиров постановил: Ольгу выдать за Павла. Павло переходит в отдельную хату, и батько выделяет ему хозяйство, какое может. Никаких попов, записаться в загсе. Первый день свадьбы у нас празднуем, а вы там, как хотите. Ольге на хозяйство даем: корову с теленком симментальной породы, кобылу с лошонком, пятеро овец, свинью английской породы…

Колька успел охрипнуть, пока дочитал длиннейший список Ольгиного приданого. Здесь были и инвентарь, и семена, и запасы кормов, одежда, белье, мебель и даже швейная машина. Кончил Колька так:

– Мы будем помогать Ольге всегда, если потребуется, и они обязаны, если нужно, помогать колонии без всякого отказа. А Павлу дать звание колониста.

Сваты испуганно хлопали глазами и имели такой вид, будто они причащаются перед смертью. Уже не беспокоясь о том, правильно выходит или неправильно, прибежали смеющиеся девчата и перевязали сватов рушниками, а пацаны во главе с

Тоськой поднесли им на блюде, покрытом рушником, хлеб и соль. Растерявшиеся, неповоротливые сваты взяли хлеб и не знали, куда его девать. Тоська из-под мышки Кузьмы Петровича вытащил блюдо и сказал весело:

– Э, это отдайте, а то попадет мне от мельника. Это его… такая тарелка.

На моем столе разостлали девчата скатерть, поставили три бутылки кагора и полтора десятка стаканов. Калина Иванович налил всем и поднял стакан:

– Ну, чтоб росла та слухала.

– Кого ей слухать? – спросил Осип Иванович.

– А известно кого: совет командиров и вообще совецькую власть.

Мы все чокнулись, выпили вино и закусили бутербродами с колбасой.

Кузьма Петрович кланялся:

– Ну, спасибо вам, что так все хорошо, будем, значить, поздравлять Павла Ивановича и Евдокию Степановну.

– Поздравляй, поздравляй, – сказал Калина Иванович.

Осип Иванович пожал нам руки:

– А вы того… молодец народ, куда нам с вами тягаться!

Сваты, тихие и скромные, как институтки, вышли из кабинета и направились к деревне. Мы смотрели им вслед. Калина Иванович вдруг прищурился весело и недовольно дернул плечом:

– Нет, это не годится так! Что ж они пошли, как адиоты? Нагони их, Петро, скажи, чтобы ко мне шли на квартиру, а ты, Антон, запряжи через часик да и подъезжай.

Через час хлопцы со смехом погрузили сватов в бричку, еще перевязанных рушниками, но уже потерявших много других отличий официальных послов, в том числе и членораздельную речь. Кузьма Петрович, правда, не забыл хлеб и любовно прижимал его к груди. Молодец, как перышко, понес тяжелую бричку по песчаной дороге.

Калина Иванович сплюнул:

– Это он нарочно таких бедных прислал, паразит.

– Кто?

– Да этот самый Николаенко. Это он, значить, показать хотел: какая невеста, такие и сваты.

– Здесь, это, не то, – сказал Силантий. – Тут такая, видишь, история: другой сват не пошел бы, как говорится, без попов, а эти люди, здесь это, на попов плевать, такие люди… уже не такие! А старый хрен, здесь это, им так сказал: требуйте с попами будто, а в случае, как говорится, не выйдет, так черт с ними, с попами. Видишь, какая история.

В середине августа назначили свадьбу, работали комиссии, готовили спектакль. Забот было много, а еще больше расходов, и Калина Иванович даже грустил:

– Если бы всех наших девчат выдать замуж таким манером, так бери, Антон Семенович, хлопцив и меня, старого дурня, тай веди просить милостыню… А нельзя ж иначе…

В день свадьбы с утра колония окружена часовыми – два отряда пришлось выделить для охраны. Только семидесяти лицам разослали мы напечатанные в типографии приглашения. На них было написано:

«Совет командиров трудовой колонии имени Максима Горького просит Вас пожаловать на обед, а вечером на спектакль по случаю выпуска из колонии колонистки Ольги Вороновой и выхода ее замуж за тов. П. П. Николаенко.

Совет командиров».

К двум часам дня в колонии все готово. В саду вокруг фонтана накрыты парадные столы. Украшение этого места – подарок кружка Зиновия Ивановича: на тонких тростях, установленных над столовой, везде, куда с трудом проникли руки колонистов и куда так легко проникает сейчас глаз, повисли тонкие зеленые гирлянды, сделанные из нежных березовых побегов. На столах в кувшинах букеты «снежных королев».

Сегодня можно с уверенной радостью видеть, как выросла и похорошела колония. В парке широкие, посыпанные песком дорожки подчеркивают зеленое богатство трех террас, на которых каждое дерево, каждая группа кустов, каждая линия цветника проверены в ночных раздумьях, политы трудовым потом сводных отрядов, как драгоценными камнями, украшены заботами и любовью коллектива. Высоты и низины речного берега сурово и привольно-ласково дисциплинированы: то десяток деревянных ступенек, то березовые перильца, то квадратный коверчик цветов, то узенькие витые дорожки, то платформа набережной, усыпанная песком, еще раз доказывают, насколько умнее и выше природы человек, даже вот такой босоногий. И на просторных дворах этого босоногого хозяина, на месте глубоких ран, оставленных ему в наследство, он, пасынок старого человечества, тоже коснулся везде рукой художника. Двести кустов роз высадили здесь колонисты еще осенью, а сколько здесь астр, гвоздики, левкоев, ярко-красной герани, синеньких колокольчиков и еще неизвестных и не названных цветов, – колонисты даже никогда и не считали. Целые шоссе протянулись по краям двора, соединяя и отграничивая площадки отдельных домов, квадраты и треугольники райграса[152] осмыслили и

омолодили свободные пролеты, кое-где твердо стали зеленые садовые диваны.

Хорошо, уютно, красиво и разумно стало в колонии, и я, видя это, горжусь долей своего участия в украшении земли. Но у меня свои эстетические капризы: ни цветы, ни дорожки, ни тенистые уголки ни на одну минуту не заслоняют от меня вот этих мальчиков в синих трусиках и белых рубашках. Вот они бегают, спокойно прохаживаются между гостями, вот они хлопочут вокруг столов, стоят на постах, сдерживая сотни ротозеев, пришедших посмотреть на невиданную свадьбу, – вот они, горьковцы. Они стройны и собранны, у них хорошие, подвижные талии, мускулистые и здоровые, не знающие, что такое медицина, тела и свежие красногубые лица. Лица эти делаются в колонии, – с улицы приходят в колонию совсем не такие лица.

У каждого из них есть свой путь, и есть путь у колонии имени Горького. Я ощущаю в своих руках многие начала этих путей, но как трудно рассмотреть в близком тумане будущего их направления, продолжения, концы. В тумане ходят и клубятся стихии, еще не побежденные человеком, еще не крещенные в плане и математике. И в нашем марше среди этих стихий есть своя эстетика, но эстетика цветов и парков уже не волнует меня.

Не волнует еще и потому, что подходит ко мне Мария Кондратьевна и спрашивает:

– Что это вы, папаша, грустите в одиночестве?

– Как же мне не грустить, когда меня все бросили, даже и вы?

– Я рада вас утешить, я даже нарочно искала вас и выставки приданого не хотела без вас смотреть. Пойдемте.

В двух классах собрано все хозяйство Ольги. На выставке толпятся гости, сердитые, завистливые бабы поджимают губы и злобно-внимательно присматриваются ко мне. Они высокомерно обошли нашу невесту и женили своих сыновей на хуторских девчатах, а теперь оказывается, что самые заможные невесты были у них под боком. Я признаю их право относиться ко мне с негодованием.

Бокова говорит:

– Но что вы будете делать, если к вам сваты станут ходить толпами?

– Я застрахован, – отвечаю я, – наши невесты переборчивы.

Прибежал вдруг пацан, перепуганный насмерть.

– Едут!

Во дворе уже играют требовательный сигнал общего сбора. У въезда вытянулся строй колонистов со знаменем и взводом барабанщиков, как полагается. Из-за мельницы показалась наша пара: лошади убраны красными ленточками, на козлах Братченко,

тоже украшенный бантом. Мы отдаем салют молодым. Антон натягивает вожжи, и Оля радостно бросается мне на шею. Она волнуется, плачет и смеется и говорит мне:

– Вы же смотрите, не бросайте меня, а то мне уже страшно.

Мы начинаем маленький митинг. Мария Кондратьевна неожиданно умиляет меня: от имени наробраза она подносит молодым подарок – сельскохозяйственную библиотеку. Целую кучу книг приносят за ней два колониста на убранных цветами носилках.

После митинга мы ставим молодых под знамя и всем строем эскортируем их к столам. Им приготовлено почетное место, и сзади них останавливается знаменная бригада. Дежурный колонист заботливо меняет караул. Двадцать колонистов в белоснежных халатах начинают подавать пищу. Особый сводный отряд Таранца внимательно проводит глазами по линии карманов гостей и бесшумно спускает в Коломак несколько бутылок самогона, реквизированных с ловкостью фокусников и вежливостью хозяев.

Я сижу рядом с молодыми, по другую сторону от них Павел Иванович и Евдокия Степановна. Павел Иванович, строгий человек с бородкой Николая Чудотворца, тяжело вздыхает: то ли ему досадно отделять сына, то ли скучно смотреть на бутылку пива, ибо и у него Таранец только что отнял самогон.

Колонисты сегодня чудесны, я любуюсь ими не уставая: оживлены, добродушны, приветливы и как-то по-особенному ироничны. Даже одиннадцатый отряд, заседающий на другом конце стола, завел длинные и задорные разговоры с прикомандированной к ним пятеркой гостей. Я немного беспокоюсь, не очень ли откровенно там высказываются. Подхожу. Шелапутин, до сих пор сохранивший свой дискант, наливает пиво Козырю и говорит:

– А вас попы венчали, так, видите, и плохо.

– А давайте мы вас перевенчаем, – предлагает Тоська.

Козырь улыбается:

– Поздно мне, сынки, перевенчиваться.

Козырь крестится и выпивает пиво. Тоська хохочет:

– Теперь у вас живот заболит…

– Спаси Господи, отчего?

– А зачем перекрестились?

Рядом сидит селянин с запутанной светло-соломенной бородой – гость по списку Павла Ивановича. Он первый раз в колонии, и его все удивляет:

– Хлопцы, а это правда, что вы тут хозяева?

– Ну, а кто ж? – отвечает Шурка.

– А для чего же вам хозяйство?

Тоська Соловьев поворачивается к нему всем телом:

– А разве вы не знаете, для чего? То мы батраками были бы, а то нет.

– А чем ты теперь будешь, к примеру?

– Ого! – говорит Тоська, подымая пирог высоко за ухом. – Я буду инженером, так и Антон Семенович говорит, а Шелапутин будет летчиком.

Он насмешливо посматривал на своего друга Шелапутина. Это потому, что его линия летчика еще никем не признана в колонии. Шелапутин энергично жует:

– Угу, буду летчиком.

– А вот, скажем, насчет крестьянства, так у вас нету охочих?

– Как нету? Есть. Только наши будут не такими крестьянами, – Тоська быстро взглядывает на собеседника.

– Вот оно какое дело! Значится, как же это понять: не такими?

– Ну, не такими. Тракторы будут. Вы видели трактор?

– Нет, не довелось.

– А мы видели. Там есть такой совхоз, так мы туда свиней отвозили. Там трактор есть, как жук такой…

Длинная линия гостей основательно связана нашими отрядами. Я ясно различаю границы отрядов и вижу их центры, в которых сейчас наиболее шумно. Веселее всего в девятом отряде, потому что там Лапоть, вокруг него хохочут и стонут и колонисты и гости. Сегодня Лапоть, сговорившись со своим другом Таранцом, устроили большую и сложную каверзу с компанией мельничной верхушки, сидящей за столом девятого отряда и порученной по приказу его вниманию. Это плотный и пушистый мельник, худой и острый бухгалтер и вальцовщик – человек скромный. Когда-то Таранец был карманщиком, и для него пустым делом было вынуть из кармана мельника бутылку с самогоном и заменить ее другой, наполненной обыкновенной водой из Коломака. За столом мельник и бухгалтер долго стеснялись и оглядывались на сводный отряд Таранца. Но Лапоть успокоительно моргнул:

– Вы люди свои, я устрою.

Он наклоняет к себе голову проходящего Таранца и что-то ему шепчет. Таранец кивает головой.

Лапоть конфиденциально советует:

– Вы под столом налейте и пивом закрасьте, и хорошо.

После акробатических упражнений под столом возле жаждущих стоят стаканы, полные подозрительно бледного пива, и счастливые обладатели их нервно готовят закуску под

внимательным взглядом притаившегося девятого отряда. Наконец все готово, и мельник хитро моргает Лаптю, поднося стакан к бороде. Бухгалтер и вальцовщик еще осторожно равняются направо и налево, но кругом все спокойно. Таранец скучает у тополя. Глаза Лаптя начинают пламенеть, и он прикрывает их веками.

Мельник говорит тихонько:

– Ну, хай буде все добре.

Девятый отряд, наклонив головы, наблюдает, как три гостя осушают стаканы. Уже в последних бульканьях замечается некоторая неуверенность. Мельник ставит пустой стакан на стол и посматривает осторожным глазом на Лаптя, но Лапоть скучно жует и о чем-то далеком думает. Бухгалтер и вальцовщик изо всех сил стараются показать, что ничего особенного не случилось, – и даже тыкают вилками в закуску.

Бывалый мельник под столом рассматривает бутылку, но его нежно кто-то берет за руку. Он подымает голову: над ним продувная веснушчатая физиономия Таранца.

– Как же вам не стыдно! – говорит Таранец и даже краснеет от искренности. – Было же сказано, нельзя приносить самогон, а еще свой человек… И смотри ты, уже и выпили. А кто с вами?

– Та черт его знает, – потерялся мельник, – чи выпили, чи нет, и не разберу.

– Как это не разберете? А ну, дыхните! Ну… смотри ты, не разберет! От вас же несет, как из бочки. И как вам не стыдно: прийти в колонию с такими вещами…

– А что такое? – издали заинтересовывается Калина Иванович.

– Самогон, – говорит Таранец, показывая бутылку.

Калина Иванович грозно смотрит на мельника. Девятый отряд давно уже находится в припадочном состоянии, вероятно, потому, что Лапоть что-то смешное рассказывает о Галатенко. Ребята положили головы на столы и больше не могут выносить ничего смешного.

Здесь веселья хватит до конца обеда, потому что Лапоть время от времени спрашивает мельника:

– А что – мало? А больше нет? Вот горе!.. А хорошая была? Так себе?.. Вот только Федор, жалко, придирается. Ну что ты пристал, Федька, свои же люди!

– Нельзя, – говорит серьезно Таранец. – Смотри, они насилу сидят.

У Лаптя впереди еще большая программа. Он еще будет бережно поднимать мельника из-за стола и на ухо шептать ему:

– Давайте, мы вас садом проведем, а то заметно очень…

Восьмой отряд Карабанова сегодня на охране, но он сам то и дело появляется возле столов в том месте, где ярким костром горит философия, возбужденная необычной свадьбой. Здесь Коваль, Спиридон, Калина Иванович, Задоров, Вершнев, Волохов и председатель коммуны имени Луначарского, с козлиной рыжей бородкой, умный Нестеренко.

Коммуна за рекой живет неладно, не управляется с полями, не умеет развесить и разложить нагрузки и права, не осиливает бабьих вздорных характеров и не в силах организовать терпение в настоящем и веру в завтрашний день. Нестеренко грустно итожит:

– Надо бы новых каких-то людей достать… А где их достанешь?

Калина Иванович горячо отвечает:

– Не так говоришь, товарищ Нестеренко, не так… Эти новые, паразиты, ничего не способны сделать как следовает. Надо обратно стариков прибавить…

– У них дисципилины нет, вот и все, – уверенно заявляет Задоров. – Надо крепче держать. Раз поставили, конечно, кто-то должен быть командиром. Вы вот устройтесь по-нашему – командиры должны быть. Вот мне Белухин приятель, а если нужно, так зарычит… «Есть!» – и все. Что ты ему скажешь? А у вас из-за пустяка и говорят, и говорят, и говорят…

– Да нет… – говорит Нестеренко.

Волохов улыбается:

– Какой там нет. Вчера прихожу – спор, кто должен в воскресенье ехать за кучера, чуть не за грудки берутся. А потом другое: бросили сеялку за воротами, так виноватого не найдут.

– А у вас не бывает так, что виноватого нету? И у вас бывает.

Хлопцы хохочут.

– Как же это так? Нет виноватого, значит, командир раззява. Он и виноват.

– У вас, как начнут ссориться, так чего только не вспомнят! У нас вон пацаны живут и то никогда не ссорятся. А работы у нас куда больше.

– Вы, молодой человек, неправильно говорите, – начинает «париться» председатель. – У вас народ какой? Надел шапку на голову и весь тут. Это другое дело, а возьми ты, когда у него и жена, и дети, и черт его там разберет, еще кто. А вы смотрите, какие вы есть: выросла дивчина, так вы ее в отдел, к Николаенку отдали. Пускай, значит, там живет себе, а нам не мешает…

– Постой, – смеется Коваль, – ты еще Ольги не знаешь…

– Она еще набьет когда-нибудь морду Павлу Павловичу да и вернется в колонию, – говорит Кабанов.

– И худобу ему оставит? – спрашивает Нестеренко.

– Ну, Ольга не такая, – отвечает Волохов. – Ольга морды бить не будет, а стреножит Павла и поведет, куда нужно. Вот бы вам такую в коммуну, а?

– Я и от Павла не отказался бы, – шутит Нестеренко, – хоть бы и от стреноженного.

– Не пойдуть они, у вас там в коммуне этой самой егозливо очень, – говорит Калина Иванович, – у вас спокойному если человеку, так нельзя прожить, загрызут ваши народы. И скажи ты мне, пожалуйста, чего оно такое: по теории все хорошо выходит – коммуна, значить, а на практике, хоть попа зови, паразита. Почему это такое? Тихон Нестерович, вы ж там все по политической теории разбираете.

– Да это и вам понятно, – отвечает Коваль, – по теории коммуна, а на практике не коммуна, а базар. Если сказали: коммуна, надо было и делать коммуну, а то собрали народ, а по-настоящему взяться никто не хочет, и ты, Мыкола, их слабо держишь.

У Задорова загораются глаза:

– Если бы была компания наших, ну, человек хоть пять, честное слово, пошел бы хлеб делать.

– А я не пойду ни за что, – хмурится Карабанов. – Так… побаловаться можно, а чтобы ото жить? Как всю жизнь, отут в злынях соломенных? Людей не бачить, життя не бачить? Та ну его к черту и с хлебом тем.

– Правильно, – кричит Кузьма Петрович.

Он сегодня единственный человек, не стоящий твердо на ногах, но ему это прощается, ибо и сегодня он перевязан рушником.

– Правильно. Если так хлеб робыть, что больше смотреть на Бога, так ну его к бесу. А как через сто лет хлеб будут делать, как? Повернут тебе ручку – жито, нажмут тебе кнопку – пшеныця, другую кнопку – гречка.

– А с которого ж материалу? – спрашивает Калина Иванович.

– Придумают, придумают материал, – хитро водит рукой у носа Кузьма Петрович. – По химическому придумают, вот так… А такого не будет, чтоб человек землю брал, а потом жди, чи пойдет дождик, чи не пойдет, а може град пойдет. Такого дурачества не будет.

За столами становится шумнее. Принесли яблоки и груши наших садов, и на горизонте показались бочки с мороженым – гордость сегодняшнего дежурства.

За домом захрипела гармошка, и испортило день визгливое бабье пение – одна из казней свадебного ритуала. Полдесятка баб кружились и топали перед пьяненьким кислооким гармонистом,

постепенно подвигаясь к нам.

– За приданым приехали, – сказал Таранец.

Румяная костлявая женщина затопала, видимо, специально для меня, выставляя вперед локти и шаркая по песку неловкими большими башмаками.

– Папаша ридный, папаша дорогый, пропивай дочку, выряжай дочку…

В руках у нее откуда-то взялась бутылка с самогоном и граненая, почему-то коричневого цвета, рюмка. Она с пьяного размаху налила в рюмку, поливая землю и свое платье. Между мной и ею стал Таранец:

– Довольно с тебя.

Он легко отнял у нее угощение, но она уже забыла обо мне и жадно набросилась на Ольгу с радостно-пьяным причитанием:

– Красавица наша, Ольга Петровна! И косы распустила. Не годится так, не годится. Вот завтра очипок наденем, ходить в очипке будешь.

– И не надену, – неожиданно строго сказала Ольга.

– А как же? Так с косами и будешь?

– Ну да, с косами.

Бабы что-то завизжали, заговорили, наступая на Ольгу. Злой, раздраженный Волохов растолкал их и в упор спросил главную:

– А если не наденет, так что?

– Тай не надевай, не надевай, вам же лучше знать, все равно не венчались!

Подошли дипломаты дядьки и развели хохочущих, облитых самогоном баб в разные стороны. Мы с Ольгой вышли из парка.

– Я их не боюсь, – сказала Ольга, – а только трудно будет.

Мимо нас колонисты проносили мебель и узлы с костюмами.

Сегодня идет «Женитьба» Гоголя, а перед спектаклем еще и лекция Журбина: «Свадебные обычаи у разных народов».

Еще далеко, очень далеко до конца праздника.

[11] Лирика

Вскоре после свадьбы Ольги нагрянула на нас давно ожидаемая беда: нужно было провожать рабфаковцев. Хотя о рабфаке говорили еще со времен «нашего найкращего» и к рабфаку готовились ежедневно, хотя ни о чем так жадно не мечтали, как о собственных рабфаковцах, и хотя все это дело было делом радостным и победным, а пришел день прощанья, и у всех засосало под ложечкой, навернулись на глаза слезы, и стало страшно: была колония, жила, работала, смеялась, а теперь вот разъезжаются, а этого как будто никто и не ожидал. И я проснулся в этот день со стесненным чувством потери и беспокойства.

После завтрака все переоделись в чистые костюмы, приготовили в саду парадные столы, в моем кабинете знаменная бригада снимала со знамени чехол и барабанщики *приспосабливали* к своим животам барабаны. И эти признаки праздника не могли потушить огоньков печали: голубые глаза Лидочки были заплаканы с утра, девчонки откровенно ревели, лежа в постелях, и Екатерина Григорьевна успокаивала их безуспешно, потому что и сама еле сдерживала волнение. Хлопцы были серьезны и молчаливы, Лапоть казался бесталанно скучным человеком, пацаны располагались в непривычно строгих линиях, как воробьи на проволоке, и у них никогда не было столько насморков. Они чинно сидят на скамейках и барьерах, заложив руки между колен, и рассматривают предметы, помещающиеся гораздо выше их обычного поля зрения: крыши, верхушки деревьев, небо.

Я разделяю их детское недоумение, я понимаю их грусть – грусть людей, до конца уважающих справедливость. Я согласен с Тоськой Соловьевым: с какой стати завтра в колонии не будет Матвея Белухина? Неужели нельзя устроить жизнь более разумно, чтобы Матвей никуда не уезжал, чтобы не было у Тоськи большого, непоправимого, несправедливого горя? А разве у Матвея один корешок Тоська, и разве уезжает один Матвей? Уезжают: Бурун, Карабанов, Задоров, Крайник, Вершнев, Голос, Настя Ночевная, и у каждого из них корешки насчитываются дюжинами; а Матвей, Семен и Бурун – настоящие люди, которым так сладко подражать и жизнь без которых нужно начинать сначала.

Угнетали колонию не только эти чувства. И для меня и для каждого колониста ясно было, что колонию положили на плаху и занесли над нею тяжелый топор, чтобы оттяпать ей голову.

Сами рабфаковцы имели такой вид, будто их приготовили для того, чтобы принести в жертву «многим богам необходимости и судьбы». Карабанов не отходил от меня, улыбался и говорил:

– Жизнь так сделана, что как-то все неудобно. На рабфак ехать, так это ж счастье, это, можно сказать, чи снится, чи якась жар-птица, черт его знает. А на самом деле, може, оно и не так. А може, и так, что счастье наше сегодня отут и кончается, бо колонии жалко, так жалко… як бы никто не бачыв, задрав бы голову и завыв, ой, завыв бы… аж тоди, може, и легче б стало. Нэма правды на свете. *Я вам так скажу, Антон Семенович, тут у нас социализм. Ну, чего ты, як дурень з печи?*

Карабанов серьезно злится на Белухина, который вдруг захохотал и показывает на Семена вытянутым, шельмующим пальцем.

– Ну, чего ты? Ты лучше подумай, что такое социализм, ты знаешь?

– Чудак ты, Семен, – грустно прекращает смех Белухин. – Раз я на «весьма» выдержал в рабфак Харьковского сельскохозяйственного института, так, значит, я знаю, что такое социализм, а вот почему ты не знаешь?

– А что я такое сказал?

– Социализм? Просто собралась у нас хорошая компания, ну, семья, что ли, жалко, конечно, расставаться, а нужно, если. Нужно, чтобы был настоящий социализм, а так, если все засядем с приятелями, так никакого тебе социализма никогда не будет.

– Брешешь, Матвей, брешешь, и я тебя возьму за петельки, если ты и дальше будешь так брехать. Какая тут тебе семья? Тут тебе коммуна, настоящая коммуна, ты смотри: от каждого по способности и каждому по потребности. Вот тебе нужен рабфак, – на тебе рабфак, нужен тебе табак, – на тебе табак, нужен театр, – на тебе театр…

– Заехал, – говорит Матвей.

– Я вже бачу, что из тебя ничего путного не выйдет, будешь ты паршивый интеллигент, агроном, тай годи. Если бы все люди жили так, как у нас в колонии, чего тебе еще нужно. Вот это и есть социализм.

– Что же, посмотрим, – говорит серьезно Матвей, – ты прав или я. И не буду я никаким интеллигентом, агрономом тоже не буду…

– А как же ты?

– А так же.

Белухин вдохновенно задирает кулак к потолку:

– Для социализма нужно еще много. Тебя тут Антон Семенович отогрел, перышки тебе высушил, а ты уже и зачирикал:

ах, как хорошо, социализм, социализм…

Белухин очень смешно и зло показывает, как Семен трепыхает крылышками, подскакивает и чирикает. Семен первый закатывается хохотом и стучит кулаком по столу:

– Правильно, ты не агроном, ты – актер.

– Ну, какой же я актер? Меня даже из шестого «А» сводного выгнали. Нет. А я пойду в Красную армию.

Все вдруг пораженно притихли.

– Тю, – говорит Семен, – а какого ж ты, извините, полез на рабфак?

– А это я вроде разведки. Что там за народ? Да и подучусь. А я пойду в военную школу. Надо еще воевать, воевать, воевать. Я пойду воевать. Ух, и воевать же буду. Ты не смотри, что я добрый. Я, брат, тебе…

Матвей размахивается как будто шашкой, и мы слышим шум стали и упавшей вражеской головы.

– Правда, Антон Семенович? – спрашивает меня Белухин.

Я улыбаюсь Белухину и говорю:

– Разве правда одна на свете? Агроном – тоже правда.

Из угла кабинета смотрит на нас злым глазом Вершнев. *Известный давно специалист по правдам Семен обращается к нему с вопросом:*

– А чего ты молчишь, Колька?

– Я теперь уже медик. Значит, буду лечить и агрономов, и военных, а правда не в том, – правда только одна, а не то, что много.

– Смотри ты, – говорит Семен, – только одна? Ты уже добрался до нее?

Николай строго поднимается с дивана, подходит к столу и как будто даже со слезами говорит:

– Правда одна: люди.

– Сказал! – смеется Карабанов, – а ты что… ты уже и у кошек правду шукав?

– Н-н-нет, не в том дело… а в том, что люди должны быть хорошие, иначе к-к ч-черту в-всякая правда. Если, понимаешь, сволочь, так и в социализме будет мешать. Я это сегодня понял.

Я внимательно посмотрел на Николая:

– Почему сегодня?

– Сегодня люди, к-к-как в зеркале. А я не знаю: то все была работа и каждый день такой… рабочий, и все такое. А сегодня к-к-как-то видно. Горький правду написал, я раньше не понимал, то есть и понимал, а значения не придавал: человек. Это тебе не всякая сволочь. И правильно: есть люди, а есть и человеки.

– Я человек? – спрашивает Карабанов.

– Ты человек.

– А я? – спросил и Матвей.

– И ты тоже.

– И я? – присоединился и я к общему любопытству.

– Ого? – сказал Вершнев.

Семен рассмеялся.

– Что же тут хитрого? Значит, если в колонии, так все человеки?

– А что же? Так и нужно. Тут все человеки. Потом разойдутся в разные стороны и сволочами станут, и кто его знает еще, чем станут, а здесь, понимаешь ты, коллектив. Матвей все врал: семья, компания. Он ничего не понимает. А я все понял.

– А зачем ты пошел в медицинский?

– В-вот: хочу хорошо знать, что т-такое ч-человек.

Такими словами прикрывали рабфаковцы свежие раны, уезжая из колонии. Но они страдали меньше нас, потому что впереди у них стоял лучезарный рабфак.

Накануне собрались вечером воспитатели на крыльце моей квартиры, сидели, стояли, думали и застенчиво прижимались друг к другу. Колония спала, было тихо, тепло, звездно. Мир казался мне чудесным сиропом страшно сложного состава: вкусно, увлекательно, а из чего он сделан – не разберешь, какие гадости в нем растворены – неизвестно. В такие минуты нападают на человека философские жучки, и человеку хочется поскорее понять непонятные вещи и проблемы. А если завтра от вас уезжают «насовсем» ваши друзья, которых вы с некоторым трудом извлекли из социального небытия, в таком случае человек тоже смотрит на тихое небо и молчит, и мгновениями ему кажется, будто недалекие осокори, вербы, липы шепотом подсказывают ему правильные решения задачи.

Так и мы бессильной группой, каждый в отдельности и все согласно, молчали и думали, слушали шепот деревьев и смотрели в глаза звездам. Так ведут себя дикари после неудачной охоты.

Я думал вместе со всеми. В ту ночь, ночь моего первого настоящего выпуска, я много передумал всяких глупостей. Я никому не сказал о них тогда; моим коллегам даже казалось, что это они только ослабели, а я стою на прежнем месте, как дуб, несокрушимый и полный силы. Им, вероятно, было даже стыдно проявлять слабость в моем присутствии.

Я думал о том, что жизнь моя каторжная и несправедливая. О том, что я положил лучший кусок жизни только для того, чтобы полдюжины «правонарушителей» могли поступить на рабфак, что на рабфаке и в большом городе они подвергнутся новым влияниям, которыми я не могу управлять, и кто его знает, чем все

это кончится? Может быть, мой труд и моя жертва окажутся просто ненужным никому сгустком бесплодно израсходованной энергии?

Думал и о другом: почему такая несправедливость?.. Ведь я сделал хорошее дело, ведь это в тысячу раз труднее и достойнее, чем пропеть романс на клубном вечере, даже труднее, чем сыграть роль в хорошей пьесе, хотя бы даже и во МХАТе… Почему там артистам сотни людей аплодируют, почему артисты пойдут спать домой с ощущением людского внимания и благодарности, почему я в тоске сижу темной ночью в заброшенной в полях колонии, почему мне не аплодируют хотя бы гончаровские жители? Даже хуже: я то и дело тревожно возвращаюсь к мысли о том, что для выдачи рабфаковцам «приданого» я истратил тысячу рублей, что подобные расходы нигде в смете не предусмотрены, что инспектор финотдела, когда я к нему обратился с запросом, сухо и осуждающе посмотрел на меня и сказал:

– Если вам угодно, можете истратить, но имейте в виду, что начет на ваше жалованье обеспечен.

Я улыбнулся, вспомнив этот разговор. В моем мозгу сразу заработало целое учреждение: в одном кабинете кто-то горячий слагал убийственную филиппику против инспектора, в соседней комнате кто-то бесшабашный сказал громко: «Наплевать», – а рядом, нависнув над столами, услужливая мозговая шпана подсчитывала, в течение скольких месяцев придется мне выплачивать по начету тысячу рублей. Это учреждение работало добросовестно, несмотря на то, что в моем мозгу работали и другие учреждения. В соседнем здании шло торжественное заседание: на сцене сидели наши воспитатели и рабфаковцы, стоголосый оркестр гремел «Интернационал», ученый педагог говорил речь.

Я снова мог улыбнуться: что хорошего мог сказать ученый педагог? Разве он видел Карабанова с наганом в руке, «стопорщика»[153] на большой дороге, или Буруна на чужом подоконнике, «скокаря» Буруна, друзья которого по подоконникам были расстреляны? Он не видел. *И поэтому ученый педагог будет говорить «о великой советской педагогике». Можно улыбаться до самого утра, если думать об этом ученом педагоге. Он, этот промотавшийся интеллигент, тот последовательный последователь всех «великих» педагогов, старую белиберду о «ребенке» притащил в советский огород, поставил на самом видном месте, набрал себе в помощь продувных шарманщиков, обезьянщиков, попугайщиков, напялил на себя краденные у биологов, социологов отребья. Вся эта компания пляшет на нашем огороде, пока не вернется хозяин с фронта и не прогонит к*

чертовой матери всю эту сволочь. Ничего. Я издали смотрю на них и вижу то жалкое чучело, которое они называют педагогикой. Оно меня не пугает, потому что в моем мозгу, черт его знает, сколько всяких зданий. И между ними, недосягаемый ни для какого ученого педагога, высится и дворец советской педагогики. Я хорошо вижу его светлые залы, его белые стены, высокие разлеты потолков. И я думаю: мы живем в трудное время. Хорошо инженерам, врачам, агрономам, сколько всякого ценного добра натащили они из старого мира, сколько у них формул, законов, книг, кабинетов, приборов, сколько солидно скромных имен. А что есть у нас – педагогов? Я несколько лет рылся в жалком наследстве и так-таки ничего не выбрал, чтобы украсить стены моего дворца. Не могу же повесить на белоснежной стене «гармоническую личность», или «душу ребенка», или умершую за два месяца до рождения «доминанту», или взъерошенную, страшненькую «сублимацию», или украденный условный рефлекс, от которого на три километра несет собачиной.

Так и сияет мой педагогический дворец чистотой и нетронутостью, и именно за это его проклинают и измываются над ним шарманщики. Ничего: на дверях дворца я повесил надпись:

«Ученым педагогам, шарманщикам, попам и старым девам вход строго воспрещается».

Потому это так, что в моем дворце уже намечены основные важнейшие залы, которые даже и не снились ученым педагогам, даже во время съездов и конференций.

Я улыбаюсь под темным небом.

– О чем вы все думаете? – спрашивает меня Екатерина Григорьевна. – Думаете и улыбаетесь?

– У меня торжественное заседание, – говорю я.

– Это видно. А все-таки скажите нам, как мы теперь будем без ядра?

– Ага, вот еще один отдел будущей педагогической науки, отдел о ядре.

– Какой отдел?

– Это я о ядре. Если есть коллектив, то будет и ядро.

– Смотря какое ядро.

– Такое, какое нам нужно. Нужно быть более высокого мнения о нашем коллективе, Екатерина Григорьевна. Мы здесь беспокоимся о ядре, а коллектив уже выделил ядро, вы даже и не заметили. Хорошее ядро размножается делением, запишите это в блокнот для будущей науки о воспитании.

– Хорошо, запишу, – соглашается уступчиво Екатерина Григорьевна.

Ядро и в самом деле было выделено. В совете командиров

нужно было заменить Карабанова, Белухина, Вершнева, Ночевную. Это оказалось не трудным делом. В восьмом отряде выдвинули командиром Шнайдера, у кузнецов – Волохова, в пятом отряде – Марусю Левченко, а секретарем стал Лапоть. Вот и вся операция. И совет командиров вчера разумно, весело и просто решил все, что выпало ему на долю, и организовал выпуск рабфаковцев. На совете был и Петр Иванович Горович, поэтому и у него не было паники:

– Я думаю, что ничего страшного или печального не происходит, – говорил он. – Не нужно падать духом, Екатерина Григорьевна, мы выпускаем нашу продукцию, только и всего. Без этого же нельзя. Конечно, вы привязались к ребятам, так что же делать? Вот и посмотрим, какие из них выйдут студенты. Я думаю, что мы будем довольны. Не держать же готовую продукцию на складе?

– Не совсем так, – сказал тихо Иван Иванович Осипов. – Это не простая продукция. Она стоит души. Я, например, чувствую себя не в силах выпускать новую продукцию. Мне кажется, что теперь я могу делать только брак. Вот и Наташа…

Наталья Марковна подтвердила:

– Устали.

Я не поверил им:

– Как это устали? Устали, – нужно хорошо выспаться, потом утром искупаться, хорошо позавтракать, еще выспаться, и все…

– Это не такая усталость, – сказала Наталья Марковна, – раньше работали и ни о чем другом не думали. А теперь мы не можем. Все в голову лезут разные мысли: хочется пойти в театр, одеться лучше, почитать на свободе, видеть каких-то новых людей и новые места, хоть вечером принадлежать себе или своей семье. Нельзя же так, как мы. Вам хорошо, холостякам.

– А вот я и не холостяк, а мне здесь лучше, чем где угодно, – сказал Журбин.

– Поработайте с наше – четыре года, что вы запоете?

– Вам нужен отпуск, – сказал я.

– Нет, не поможет отпуск. Так работать всю жизнь нельзя. И никто этой работы не видит, никто спасибо не скажет.

Что я мог сказать Наталье Марковне? Не мог же я утешить ее тем, что наше дело проблемное. Не решать же нам проблемы на моем крыльце?

Неожиданно за проблемы взялась Лидия Петровна. Она презрительно и немного вульгарно повела на меня нарочно сделанной миной:

– Надоела уже эта колония. Кого мы здесь услаждаем? Кто ни приедет, говорит, что мы неправильно воспитываем, а мы только угождаем себе.

– Почему неправильно? – несмело спросил Буцай.

– Неправильно. Вот и тот инспектор говорил: надо, чтобы была общественная работа. И надоело. Я тоже хочу ехать учиться. Почему Карабанову можно, а мне нельзя?

– Так ведь вы выучились?

– А если я еще хочу?

– Вы хотите переменить квалификацию?

– Конечно, хочу, – немного даже визгливо для тихого вечера ответила Лидочка. – Какая у нас квалификация? Я думала, что я буду педагогом, а здесь что я делаю? Бураки полоть и выдавать обед – для этого не нужно быть педагогом и получать высшее образование…

– А вас научили воспитывать людей?

– Оставьте, пожалуйста, – со злыми слезами сказала Лидочка, – вы все умные, когда всего перепробовали, а я здесь, как в монастыре. Вот выпустили рабфаковцев и опять начнется старое. Как будто у меня не такие нервы, как у всех. Смотрите, в городе сколько людей живет? Почему им можно?

Тихий звездный вечер, таким образом, закончился в диссонансе. Лидочка не сказала нам спокойной ночи, Осиповы были подавлены собственной откровенностью. Екатерина Григорьевна была расстроена и печальна. Поэтому на другой день воспитательский коллектив был невыразителен и торжествовал строго официально. Я не хотел усиливать настроения и играл, как на сцене, играл радостного человека, празднующего достижение лучших своих желаний.

В полдень пообедали за парадными столами и много и неожиданно смеялись. Лапоть в лицах показывал, что получится из наших рабфаковцев через семь-восемь лет. Он изображал, как умирает от чахотки инженер Задоров, а у кровати его врачи Бурун и Вершнев делят полученный гонорар, приходит музыкант Крайник и просит за похоронный марш уплатить немедленно, иначе он играть не будет. Но в нашем смехе и в шутках Лаптя на первый план выпирала не живая радость, а хорошо взнузданная воля.

В три часа построились, вынесли знамя. Рабфаковцы заняли места на правом фланге. От конюшни подъехал на Молодце Антон, и пацаны нагрузили на воз корзинки отъезжающих. Дали команду, ударили барабаны, и колонна тронулась к вокзалу. Через полчаса вылезли из сыпучих песков Коломака и с облегчением вступили на мелкую крепкую траву просторного шляха, по которому когда-то ходили татары и запорожцы. Барабанщики расправили плечи, и палочки в их руках стали веселее и грациознее.

– Подтянись, голову выше! – потребовал я строго.

Карабанов на ходу, не сбиваясь с ноги, обернулся и обнаружил редкий талант: в простой улыбке он показал мне и свою гордость, и радость, и любовь, и уверенность в себе, в своей прекрасной будущей жизни. Идущий рядом с ним Задоров сразу понял его движение, как всегда, застенчиво поспешил спрятать эмоцию, стрельнул только живыми глазами по горизонту и поднял голову к верхушке знамени. Карабанов вдруг начал высоко и задорно песню:

Стелыся, барвинок, нызенько,
Присунься, казаче, блызенько…

Обрадованные шеренги подхватили песню. У меня на душе стало, как Первого мая на площади. Я точно чувствовал, что у меня и у всех колонистов одно настроение: как-то вдруг стало важно, подчеркнуто главное – колония имени Горького провожает своих первых. В честь их реет шелковое знамя, и гремят барабаны, и стройно колышется колонна в марше, и порозовевшее от радости солнце уступает дорогу, приседая к западу, как будто поет с нами хорошую песню, хитрую песню, в которой снаружи влюбленный казак, а на самом деле – отряд рабфаковцев, уезжающий в Харьков по вчерашнему приказу совета командиров, «седьмой сводный отряд под командой Александра Задорова». Ребята пели с наслаждением и искоса поглядывали на меня: они были довольны, что и мне с ними весело.

Сзади давно курилась пыль, и скоро мы узнали и всадника: Оля Воронова.

Она спрыгнула и предложила мне:

– Садитесь. Хорошее седло – казацкое. А я чуть-чуть не опоздала.

– Что я за полководец? – сказал я. – Пускай Лапоть садится, он теперь ССК[154].

– Правильно, – сказал Лапоть и, взгромоздившись на коня, поехал впереди колонны, подбоченившись и покручивая несуществующий ус.

Пришлось дать команду «вольно», потому что и Ольге нужно было высказаться, и Лапоть чересчур смешил колонистов.

На вокзале было торжественно-грустно и бестолково-радостно. Студенты залезли в вагон и гордо посматривали на наш строй и на взволнованную нашим приходом публику.

После второго звонка Лапоть сказал короткую «речь»:

– Смотри ж, сынки, не подкачай. Шурка, ты построже их держи. Да не забудьте этот вагон сдать в музей. И надпись чтобы

написали: в этом вагоне ехал на рабфак Семен Карабан.

Назад пошли лугами по узким дорожкам, кладкам, ручейкам и канавкам, через которые нужно было прыгать. Потому разбились на приятельские кучки и в наступивших сумерках тихонько выворачивали души и без всякого хвастовства показывали их друг другу. Гу д сказал:

– От, я не поеду ни на какой рабфак. Я буду сапожником и буду шить хорошие сапоги. Это разве хуже? Нет, не хуже. А жалко, что хлопцы уехали, правда ж, жалко?

Корявый, кривоногий, основательный Кудлатый строго посмотрел на Гуда:

– Из тебя и сапожник поганый выйдет. Ты мне на прошлой неделе пришил латку, так она отвалилась к вечеру. Такой сапожник, собственно говоря, хуже доктора. А хороший сапожник так и лучше доктора может быть.

Ветковский задумчиво перепрыгнул через лужицу и поднял на меня красивые глаза:

– Антон Семенович, ну а вот, если я не хочу учиться? Не всем же быть инженерами и докторами? А кем я мог быть?

– А кем ты хочешь быть? – спросил Кудлатый.

– Я никем не хочу быть… – начал Костя.

– Ну, значит, и будешь никем.

– Нет, я не в том смысле. А я могу быть кем угодно, ну хоть и сапоги чистить. Я считаю, что это не важно. Надо только интересно жить, чтобы все видеть.

– Это глупости, – сказал я. – Нельзя всего видеть, да и не нужно. Что ты за наблюдатель такой? Надо найти интересную работу и работать, тогда и увидишь больше.

– Так как же такая работа?

– А ты поступи в кондукторы, много будешь видеть. Одних станций сколько, – сказал Кудлатый.

– Ты вот, Денис, смеешься все, а сам, наверное, куда-нибудь собираешься.

– Есть мне когда пустяками заниматься, – собираться я буду. У меня мельница на плечах, и вас же обувать нужно сегодня. А из меня что-нибудь выйдет.

В колонии вечером была утомленная тишина. Только перед самым сигналом «спать» пришел дежурный командир Осадчий и привел пьяного Гуда. Он был не столько, впрочем, пьян, сколько нежен и лиричен. Не обращая внимания на общее негодование, Гуд стоял передо мной и негромко говорил, глядя на мою чернильницу:

– Я выпил, потому что так и нужно. Я сапожник, но душа у меня есть? Есть. Если столько хлопцев поехали куда-то к чертям и

Задоров тоже, могу я это так перенести? Не могу я так перенести. Я пошел и выпил на заработанные деньги. Подметки мельнику прибивал? Прибивал. На заработанные деньги и выпил. Я зарезал кого-нибудь? Оскорбил? Может, девочку какую тронул? Не тронул. А он кричит: идем к Антону! Ну и идем. А кто такой Антон… это, значит, вы, Антон Семенович? Кто такой? Зверь? Нет, не зверь. Он человек какой, – может, бузовый? Нет, не бузовый. Ну, так что ж! Я и пришел. Пожалуйста! Вот перед вами – плохой сапожник Гуд.

– Ты можешь выслушать, что я скажу?

– Могу. Я могу слушать, что вы скажете.

– Так вот, слушай. Сапоги шить – дело нужное, хорошее дело. Ты будешь хорошим сапожником и будешь директором обувной фабрики только в том случае, если не будешь пить.

– Ну а если вот уедут столько человек?

– Все равно.

– Значит, я тогда неправильно выпил, по-вашему?

– Неправильно.

– Поправить уже нельзя? – Гуд низко склонил голову. – Накажите, значит.

– Иди спать, наказывать на этот раз не буду.

– Я ж говорил! – сказал Гуд окружающим, презрительно всех оглянул и салютнул по-колонийски:

– Есть идти спать.

Лапоть взял его под руку и бережно повел в спальню, как некоторую концентрированную колонийскую печаль.

Через полчаса в моем кабинете Кудлатый начал раздачу ботинок на осень. Он любовно вынимал из коробки новые ботинки, пропуская по отрядам колонистов по своему списку. У дверей часто кричали:

– А когда менять будешь? Эти на меня тесные.

Кудлатый отвечал, отвечал и рассердился:

– Да говорил же двадцать разов: менять сегодня не буду, завтра менять. Вот остолопы!

За моим столом щурится уставший Лапоть и говорит Кудлатому:

– Товарищи, будьте взаимно вежливы с покупателями.

[12] Осень

Снова надвигалась зима. В октябре закрыли бесконечные бурты с бураком, и Лапоть в совете командиров предложил:

– Постановили: вздохнуть с облегчением.

Бурты – это длинные глубокие ямы, метров по двадцать каждая. Таких ям на эту зиму Шере наготовил больше десятка, да еще утверждал, что этого мало, что бурак нужно расходовать очень осторожно.

Бурак нужно было складывать в ямах с такой осторожностью, как будто это оптические приборы. Шере умел с утра до вечера простоять над душой сводного отряда и вякать:

– Пожалуйста, товарищи, не бросайте так, очень прошу. Имейте в виду: если вы один бурачок сильно ударите, на этом месте начнется омертвение, а потом он будет гнить, и гниение пойдет по всему бурту. Пожалуйста, товарищи, осторожнее.

Уставшие от однообразной и вообще «бураковой» работы колонисты не пропускали случая воспользоваться намеченной Шере темой, чтобы немного поразвлечься и отдохнуть. Они выбирают из кучи самый симпатичный, круглый и розовый корень, окружают его всем сводным отрядом, и командир сводного, человек вроде Митьки или Витьки, подымает руки с растопыренными пальцами и громко шепчет:

– Отойди дальше, не дыши. У кого руки чистые?

Появляются носилки. Нежные пальцы комсводотряда берут бурачок из кучи, но уже раздается тревожный возглас:

– Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Все в испуге останавливаются и потом кивают головами, когда тот же голос говорит:

– Надо же осторожно.

Первая попавшаяся под руку спецовка свертывается в уютно-мягкую подушечку, подушечка помещается на носилках, а на ней покоится и действительно начинает вызывать умиление розовенький, кругленький, упитанный бурачок. Чтобы не очень заметно улыбаться, Шере грызет стебелек какой-то травки. Носилки подымают с земли, и Митька шепчет:

– Потихоньку, потихоньку, товарищи! Имейте в виду: начнется омертвение, очень прошу.

Митькин голос обнаруживает отдаленное сходство с голосом Шере, и поэтому Эдуард Николаевич не бросает стебелька. *Выделывая акробатические антраша, ребята с носилками спускаются в яму, и в яме начинается спор:*

– На этом месте его положить нельзя. Посмотрите, видите,

какие два лежат, от них ничего хорошего нельзя ожидать…

– Глупости, самое хорошее место. Эти два ничего. Этот, хоть и с прыщами, но у него доброе лицо.

Наконец счастливый баловень судьбы – розовый бурачок уютно укладывается на место; комсводотряда стоит уже наверху, снова всматривается в кучу и хмурит брови:

– Какой же теперь взять? Мне они все не нравятся.

Ребята смотрят на Шере и ожидают, что он скажет, для этого, собственно говоря, и была затеяна вся церемония. Шере подымает перчатку:

– Разумеется, предложенный способ самый идеальный, и при известном навыке все это можно проделать довольно быстро. Но вы слабо подготовлены. В ваших движениях, товарищи, еще очень много деревенского, неповоротливого. Я поэтому предложил бы произвести сначала маленькую тренировку. Например, сегодня вечером.

– Ой, – кричит комсводотряда. – Отставить способ, закапывай его как попало, – он снова переходит на голос Шере, – только, пожалуйста, осторожнее.

Закончили вспашку на зябь. О тракторе мы тогда только начинали воображать, а плугом на паре лошадей больше полугектара в день никак поднять не удавалось. Поэтому Шере сильно волновался, наблюдая работу первого и второго сводных. В этих сводных работали люди более древней формации, и командирами их бывали такие массивные колонисты, как Федоренко, Корыто, Чобот. Обладая силой, мало уступающей силе запряженной пары, и зная до тонкости работу вспашки, эти товарищи, к сожалению, ошибочно переносили методы вспашки и на все другие области жизни. И в коллективной, и в дружеской, и в личной сфере они любили прямые глубокие борозды и блестящие могучие отвалы. И работа мысли у них совершалась не в мозговых коробках, а где-то в других местах: в мускулах железных рук, в бронированной коробке груди, в монументально устойчивых бедрах. В колонии они стойко держались против рабфаковских соблазнов и с молчаливым презрением уклонялись от всяких бесед на ученые темы. В чем-то они были до конца уверены, и ни у кого из колонистов не было таких добродушно-гордых поворотов головы и уверенно-экономного слова.

Как активные деятели первых и вторых сводных, эти колонисты пользовались большим уважением всех, но зубоскалы наши не всегда были в силах удержаться от сарказмов по их адресу.

В эту осень запутались первый и второй сводные на почве соревнования. В то время соревнование еще не было общим

признаком советской работы, и мне пришлось даже подвергнуться мучениям в застенках наробраза из-за соревнования. В оправдание могу только сказать, что соревнование началось у нас неожиданно и не по моей воле.

Первый сводный работал от шести утра до двенадцати дня, а второй – от двенадцати дня до шести вечера. Сводные отряды составлялись на неделю. На новую неделю комбинация колонийских сил по сводным отрядам всегда немного изменялась, хотя некоторая специализация и имела место.

Ежедневно перед концом работы сводного отряда на поле выходил наш помагронома Алешка Волков с двухметровой раскорякой и вымерял, сколько квадратных метров сделано сводным отрядом.

Сводные отряды на вспашке работали хорошо, но бывали колебания, зависящие от почвы, лошадей, склона местности, погоды и других причин, на самом деле объективных. Алешка Волков на фанерной доске, повешенной для всяких объявлений, писал мелом:

19 октября 1-й сводный Корыто 2 850 кв. метров
19 октября 1-й сводный Ветковского 2 300 кв. метров
19 октября 2-й сводный Федоренко 2 410 кв. метров
19 октября 2-й сводный Нечитайло 2 270 кв. метров

Само собой так случилось, что ребята увлеклись сравнением результатов их работы, и каждый сводный отряд старался перещеголять своих предшественников. Выяснилось, что наилучшими командирами, имеющими больше шансов остаться победителями, являются Федоренко и Корыто. С давних пор они были большими друзьями, но это не мешало им ревниво следить за успехами друг друга и находить всякие грехи в дружеской работе. В этой области с Федоренко случилась драма, которая доказала всем, что у него тоже есть нервы. Некоторое время Федоренко оставался впереди других сводных, изо дня в день повторяя цифры на фанерной доске Алеши Волкова в пределах 2500–2600. Сводные отряды Корыто гнались за этими пределами, но всегда отставали на сорок-пятьдесят квадратных метров, и Федоренко шутил над другом:

– Брось, кум, уже ж видно, что ты еще молодой пахарь…

В конце октября заболела Зорька, и Шере пустил в поле одну пару, а для усиления эффекта выпросил у совета командиров назначение Федоренко в сводный отряд Корыто.

Федоренко не заметил сначала всей драматичности положения, потому что и болезнь Зорьки, и необходимость

спешить с зябью, имея только одну запряжку, его сильно удручали. Он взялся горячо за дело и опомнился только тогда, когда Алеша Волков написал на своей доске:

24 октября 2-й сводный Корыто 2 730 кв. метров

Гордый Корыто торжествовал победу, а Лапоть ходил по колонии и язвил:

– Да куда ж там Федоренко с Корыто справиться! Корыто ж – это прямо агроном, куда там Федоренко!

Хлопцы качали Корыто и кричали «ура», а Федоренко, заложив руки в карманы штанов, бледнел от зависти и рычал:

– Корыто – агроном? Я такого агронома не бачив!

Федоренко не давали покоя невинными вопросами:

– Ты признаешь, что Корыто победил?

Федоренко все же додумался. В совете командиров он сказал:

– Чего Корыто задается? На этой неделе опять будет одна пара. Дайте мне в первый сводный Корыто, я вам покажу три тысячи метров.

Совет командиров пришел в восторг от остроумия Федоренко и исполнил его просьбу. Корыто покрутил головой и сказал:

– Ой, и хитрый же, чертов Федоренко!

– Ты смотри! – сказал ему Федоренко. – Я у тебя работал на совесть; попробуй только симулировать…

Корыто еще до начала работы признал свое тяжелое положение:

– Ну, шо его робыть? От же Федоренко Федоренком, а тут же тебе поле. А если хлопцы скажут, что я подвел Федоренко, плохо робыв, чи як, тоже нехорошо будет?

И Федоренко и Корыто смеялись, выезжая утром в поле. Федоренко положил на плуг огромную палку и обратил на нее внимание друга:

– Та бачив того дрючка? Я там, в поли, не дуже с тобою нежничать буду.

Корыто краснел сначала от серьезности положения, потом от смеха.

Когда Алешка со своей раскорякой возвращался с поля и уже шарил в карманах, доставая кусок мелу, его встречала вся колония, и ребята нетерпеливо допрашивали:

– Ну, как?

Алешка медленно, молча выписывал на доске:

26 октября 1-й сводный Федоренко 3 010 кв. метров

– Ох, ты, смотри ж ты, Федоренко, – три тысячи.

Подошли с поля и Федоренко с Корыто. Хлопцы приветствовали Федоренко как триумфатора, и Лапоть сказал:

– Я ж всегда говорил: куда там Корыто до Федоренко!

Федоренко – это тебе настоящий агроном!

Федоренко недоверчиво посматривал на Лаптя, но боялся что-нибудь выразить по поводу его коварной политики, ибо дело происходило не в поле, а во дворе, и в руках у Федоренко не было ручек вздрагивающего, напряженного плуга.

– Как же ты сдал, Корыто? – спросил Лапоть.

– Это потому, что не по правилу, товарищи колонисты. Я так скажу: Федоренко с дрючком выехал в поле, вот какое дело.

– С дрючком, – подтвердил Федоренко, – плуг надо ж чистить…

– И говорил: нежничать не буду.

– А зачем мне с тобой нежничать? Я и теперь скажу: на что ты мне сдался с тобой нежничать, ты ж не дивчина.

– А сколько раз он тебя потянул дрючком? – интересуются хлопцы.

– Та я перелякався того дрючка, так робыв добре, ни разу не потянул. От же ты и плуга тем дрючком не чистил, Федоренко.

– А это у меня был запасный дрючок. А там нашлась такая удобная… той… палочка.

– Если ни разу не потянул, ничего не поделаешь, – пояснил Лапоть. – Ты, Корыто, вел неправильную политику. Тебе нужно было так, знаешь, не спешить да еще заедаться с командиром. Он бы и потянул тебя дрючком. Тогда другое дело: совет командиров, бюро, общее собрание, ой-ой-ой!..

– Не догадался, – сказал Корыто.

Так и осталась победа за Федоренко благодаря его настойчивости и остроумию.

Осень подходила к концу, обильная, хорошо упакованная, надежная. Мы немного скучали по уехавшим в Харьков колонистам, но рабочие дни и живые люди по-прежнему приносили к вечеру хорошие порции смеха и бодрости, и даже Екатерина Григорьевна признавалась:

– А вы знаете, наш коллектив молодец: как будто ничего и не случилось.

Я теперь еще лучше понимал, что, собственно говоря, ничего и не должно было случиться. Успех наших рабфаковцев на испытаниях в Харькове и постоянное ощущение того, что они живут в другом городе и учатся, оставаясь колонистами в седьмом сводном отряде, много прибавили в колонии какой-то хорошей надежды. Командир седьмого сводного Задоров регулярно присылал еженедельные рапорты, и мы их читали на собраниях под одобрительный, приятный гул. Задоров рапорты составлял подробные, с указанием, кто по какому предмету кряхтит, и между делом прибавлял неофициальные замечания:

«Семен собирается влюбиться в одну черниговку. Напишите ему, чтобы не выдумывал. Вершнев только волынит, говорит, что никакой медицины на рабфаке не проходят, а грамматика ему надоела. Напишите ему, чтобы не воображал».

В другом письме Задоров писал:

«Часто к нам приходят Оксана и Рахиль. Мы им даем сала, а они нам кое в чем помогают, а то у Кольки грамматика, а у Голоса арифметика не выходят. Так мы просим, чтобы совет командиров зачислил и их в седьмой сводный отряд, дисциплине они подчиняются».

И еще Шурка писал:

«У Оксаны и Рахили нет ботинок, а купить не на что. Мы свои ботинки починили, ходить нужно много и все по камню. Тех денег, которые прислал Антон Семенович, уже нету, потому что купили книжки и для моего черченья готовальню. Оксане и Рахили нужно купить ботинки, стоят по семи рублей на благбазе[155]. Кормят нас ничего себе, плохо только то, что один раз в день, а сало уже поели. Семен много ест сала. Напишите ему, чтобы ел сала меньше, если еще пришлете сала».

Ребята с горячей радостью постановляли на общем собрании: послать денег, послать сала побольше, принять Оксану и Рахиль в седьмой сводный отряд, послать им значки колонистов, а Семену не нужно писать насчет сала, у них там есть командир, пускай командир сам сало выдает, как полагается командиру. Вершневу написать, чтобы не психовал, а Семену насчет черниговки, пусть будет осторожнее и головы себе не забивает разными черниговками. А если нужно, так пускай черниговка напишет в совет командиров.

Лапоть умел делать общие собрания деловыми, быстрыми и веселыми и умел предложить замечательные формулы для переписки с рабфаковцами. Мысль о том, что черниговка должна обратиться в совет командиров, очень всем понравилась и в дальнейшем получила даже некоторое развитие.

Жизнь седьмого сводного в Харькове в корне изменила тон нашей школы. Теперь все убедились, что рабфак – вещь реальная, что при желании каждый может добиться рабфака. Поэтому мы наблюдали с этой осени заметное усиление энергии в школьных занятиях. Открыто пошли к рабфаку Братченко, Георгиевский, Осадчий, Шнайдер, Глейзер, Маруся Левченко.

Маруся окончательно бросила свои истерики и за это время влюбилась в Екатерину Григорьевну, всегда сопутствуя ей и помогая в дежурстве, всегда провожая ее горящим взглядом. Мне понравилось, что Маруся стала большой аккуратисткой в одежде

и научилась носить строгие высокие воротнички и с большим вкусом перешитые блузки. На наших глазах из Маруси вырастала красавица.

И в младших группах стал распространяться запах далекого еще рабфака, и ретивые пацаны часто стали расспрашивать о том, на какой рабфак лучше всего направить им стопы.

С особенной жадностью набросилась на ученье Наташа Петренко. Ей было около шестнадцати лет, но она была неграмотной. С первых же дней занятий обнаружились у нее замечательные способности, и я поставил перед ней задачу пройти за зиму первую и вторую группы. Наташа поблагодарила меня одними ресницами и коротко сказала:

– А чого ж?

Она уже перестала называть меня «дядечкой» и заметно освоилась в коллективе. Ее полюбили все за непередаваемую прелесть натуры, за постоянную доверчиво-светлую улыбку, за косой зубик и грациозность мимики. Она по-прежнему дружила с Чоботом, и по-прежнему Чобот молчаливо-угрюмо оберегал это драгоценное существо от врагов. Но положение Чобота с каждым днем становилось затруднительнее, ибо никаких врагов вокруг Наташи не было, а зато постепенно заводились у нее друзья и среди девочек, и среди хлопцев. Даже Лапоть по отношению к Наташе выступал совсем новым: без зубоскальства и проказ, внимательным, ласковым и заботливым. Поэтому Чоботу приходилось долго ожидать, пока Наташа останется одна, чтобы поговорить или, правильнее, помолчать о каких-то строго конспиративных делах.

Я начал различать в поведении Чобота начало тревоги и не был удивлен, когда Чобот пришел вечером ко мне и сказал:

– Отпустите меня, Антон Семенович, к брату съездить.

– А разве у тебя есть брат?

– А как же, есть. Хозяйствует возле Богодухова. Я от него письмо получил.

Чобот протянул мне письмо. Там было написано:

«А что ты пишешь насчет твоего положения, то приезжай, дорогой брат Мыкола Федорович, и прямо оставайся тут, бо у меня ж и хата большая, и хозяйство не как у другого кого, и моему сердцу будет хорошо, что брат нашелся, а колы полюбил девушку, привози смело».

– Так я хочу поехать посмотреть.

– Ты Наташе говорил?

– Говорил.

– Ну?

– Наташа мало чего понимает. А надо поехать посмотреть, бо я как ушел из дому, так и не видел брата.

– Ну что же, поезжай к брату, посмотри. Кулак, наверное, брат твой?

– Нет, такого нет, чтобы кулак, бо коняка у него была одна, а про то теперь не знаю, как оно будет.

Чобот уехал в начале декабря и долго не возвращался.

Наташа как будто не заметила его отъезда, оставалась такой же радостно-сдержанной и так же настойчиво продолжала школьную работу. Я видел, что за зиму эта девочка могла бы пройти и три группы.

Новая политика колонистов в школе изменила лицо колонии. Колония стала более культурной и ближе к нормальному школьному обществу. Уж не могло быть ни у одного колониста сомнения в важности и необходимости ученья. А увеличивалось это новое настроение нашей общей мыслью о Максиме Горьком. В одном из своих писем колонистам Алексей Максимович писал:

«Мне хотелось бы, чтобы осенним вечером колонисты прочитали мое “Детство”. Из него увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Верил, что действительно ученье и труд все перетрут».

Колонисты давно уже переписывались с Горьким. Наше первое письмо, отправленное с коротким адресом – «Сорренто, Максиму Горькому», к нашему удивлению, было получено им, и Алексей Максимович немедленно на него ответил приветливым, внимательным письмом, которое мы в течение недели зачитали до дырок. С той поры переписка между нами происходила регулярно. Колонисты писали Горькому по отрядам, письма приносили мне для редакции, но я считал, что никакой редакции не нужно, что чем они будут естественнее, тем приятнее Горькому будет их читать. Поэтому моя редакторская работа ограничивалась такими замечаниями:

– Бумагу выбрали какую-то неаккуратную.

– А почему без подписей?

Когда приходило письмо из Италии, раньше чем оно попадало в мои руки, его должен был подержать в руках каждый колонист, удивиться тому, что Горький сам пишет адрес на конверте, и осуждающим взглядом рассмотреть портрет короля на марке:

– Как они могут, эти итальянцы, терпеть так долго? Король… для чего это?

Письмо разрешалось вскрывать только мне, и я читал его вслух первый и второй раз, а потом оно передавалось секретарю совета командиров и читалось всласть любителями, от которых Лапоть требовал соблюдения только одного условия:

– Не водите пальцем по письму. Есть у вас глаза, и водите глазами – для чего тут пальцы?

Ребята умели находить в каждой строчке Горького целую философию, тем более важную, что это были строчки, в которых сомневаться было нельзя. Другое дело – книга. С книгой можно еще спорить, можно отрицать книгу, если она неправильно говорит. А это не книга, а живое письмо самого Максима Горького.

Правда, в первое время ребята относились к Горькому с некоторым почти религиозным благоговением, считали его существом выше всех людей, и подражать ему казалось им почти кощунством. Они не верили, что в «Детстве» описаны события его жизни:

– Так он какой писатель! Он разве мало всяких жизней видел? Видел и описал, а сам он, наверное, как и пацаном был, так не такой как все.

Мне стоило большого труда убедить колонистов, что Горький пишет правду в письме, что и талантливому человеку нужно много работать и учиться. Живые черты живого человека, вот того самого Алеши, жизнь которого так похожа на жизнь многих колонистов, постепенно становились близкими нам и понятными без всяких напряжений. И тогда в особенности захотелось ребятам повидать Алексея Максимовича, тогда начали мечтать о его приезде в колонию, никогда до конца не поверив тому, что это вообще возможно.

– Доедет он до колонии, как же! Ты думаешь, какой ты хороший, лучше всех. У Горького тысячи таких как ты – нет, десятки тысяч…

– Так что же? Он всем и письма пишет?

– А ты думаешь, не пишет? Он тебе напишет двадцать писем в день – считай, сколько это в месяц? Шестьсот писем. Видишь?

Ребята по этому вопросу затеяли настоящее обследование и специально приходили спрашивать у меня, сколько писем в день пишет Горький.

Я им ответил:

– Я думаю: одно-два письма, да и то не каждый день.

– Не может быть! Больше! Куда!..

– Ничего не больше. Он ведь книги пишет, для этого нужно время. А людей сколько к нему ходит? А отдохнуть ему нужно или нет?

– Так, по-вашему, выходит: вот он нам написал, так это что ж, это значит, какие мы, значит, знакомые такие у Горького?

– Не знакомые, – говорю, – а горьковцы. Он – наш шеф. А чаще будем писать да еще повидаемся, станем друзьями. Таких мало у Горького.

Оживление образа Горького в колонийском коллективе наконец достигло нормы, и только тогда я стал замечать не благоговение перед большим человеком, не почитание великого писателя, а настоящую живую любовь к Алексею Максимовичу и настоящую благодарность горьковцев к этому далекому, немного непонятному, необыкновенному, но все же настоящему, живому человеку.

Проявить эту любовь колонистам было очень трудно. Писать письма так, чтобы выразить свою любовь, они не умели, даже стеснялись ее выразить, потому что сурово привыкли никаких чувств не выражать. Только Гуд со своим отрядом нашел выход. В своем письме они послали Алексею Максимовичу просьбу, чтобы он прислал мерку со своей ноги, а они ему пошьют сапоги. Первый отряд был уверен, что Горький обязательно исполнит их просьбу, ибо сапоги – это несомненная ценность; сапоги заказывали в нашей сапожной очень редкие люди, и это было дело довольно хлопотливое: нужно было долго ходить по толкучке и найти подходящий набор или хорошие вытяжки, надо было купить и подошвы, и стельку, и подкладку. Нужен был хороший сапожник, чтобы сапоги не жали, чтобы они были красивы. Горькому сапоги всегда будут на пользу, а кроме того, ему будет приятно, что сапоги пошиты колонистами, а не каким-нибудь итальянским сапожником.

Знакомый сапожник из города, считавшийся большим специалистом своего дела, приехав в колонию смолоть мешок муки, подтвердил мнение ребят и сказал:

– Итальянцы и французы не носят таких сапог и шить их не умеют. А только какие вы сапоги пошьете Горькому? Надо же знать, какие он любит: вытяжки или с головками, какой каблук и голенище… если мягкое – одно дело, а бывает, человеку нравится твердое голенище. И материал тоже: надо пошить не иначе как шевровые сапоги, а голенище хромовое. И высота какая – вопрос.

Гуд был ошеломлен сложностью вопроса и приходил ко мне советоваться:

– Хорошо это будет, если поганые сапоги выйдут? Нехорошо. А какие сапоги: шевровые или лакированные, может? А кто достанет лаковой кожи? Я разве достану? Может, Калина Иванович достанет? А он говорит: куды вам, паразитам, Горькому сапоги шить! Он, говорит, шьет сапоги у королевского сапожника

в Италии.

Калина Иванович тут подтверждал:

– Разве я тебе неправильно сказав? Такой еще нет хвирмы: Гуд и компания. Хвирменные сапоги вы не пошьете. Сапог нужный такой, чтобы на чулок надеть и мозолей не наделать. А вы привыкли как? Три портянки намотаешь, так и то давить, паразит. Хорошо это будет, если вы Горькому мозолей наделаете?

Гуд скучал и даже похудел от всех этих коллизий.

Ответ пришел через месяц. Горький писал:

«Сапог мне не нужно. Я ведь живу почти в деревне, здесь и без сапог ходить можно».

Калина Иванович закурил трубку и важно задрал голову:

– Он же умный человек и понимает: лучше ему без сапог ходить, чем надевать твои сапоги, потому что даже Силантий в твоих сапогах жизнь проклинает, на что человек привычный…

Гуд моргал глазами и говорил:

– Конечно, разве можно пошить хорошие сапоги, если мастер здесь, а заказчик аж в Италии? Ничего, Калина Иванович, время еще есть. Он, если к нам приедет, так увидите, какие сапоги мы ему отчубучим…

Осень протекала мирно *и безмятежно, но к концу осени начались события. Первым событием был приезд Чарского. Чарский окончил в Москве педагогический институт организаторов и был командирован к нам украинским Наркомпросом не то для изучения колонии, не то для организации чего-то в колонии. Ни я, ни сам Чарский точно не знали, для чего он приехал. Он было сделал попытку сидеть у нас в качестве комиссара, но я предложил ему вести обычную работу воспитателя, и Чарский горячо приветствовал эту мысль.*

Чарский был черен и худ, хорошо говорил и, кроме того, писал стихи и даже печатался, в глубине души считая себя прежде всего поэтом. В первый же вечер он читал на общем собрании свои стихотворения, в которых довольно оригинально раскрашивались мелкие детали жизни: вечера, встреченные на улице девушки, фонари современного города и лужицы после дождя. У него, конечно, был талант, и глаза Лидочки загорались от его стихов, как ветка сухого дерева над костром.

Чарский до поры до времени мало интересовался педагогической работой в колонии и не сходился ни с кем из колонистов, никого их них не зная в лицо. Я полагал, что как-нибудь проживет этот гость в колонии и уедет, и решил не тратить на него ничего из своих запасов. Все-таки для меня было непривычно видеть эту бездельную крикливую фигуру с вечно мокрыми красными губами в рабочей обстановке колонии, и совершенно уже оказалось не по

моим силам, когда поздно вечером он вваливался в кабинет, от него пахло водкой и потом, а я должен был прервать работу и выслушивать его разглагольствования о великом будущем человечества, которое должно будто бы наступить единственно благодаря развитию поэтического отношения к жизни. Спасибо Журбину: присмотревшись к Чарскому, он стал нарочно приходить в кабинет, чтобы его послушать. Журбин любил монстров и умел возиться с ними.

Заметили в колонии, что Чарский все чаще и чаще стал бывать у Лидочки в комнате. Лидочка повеселела и с непривычной для нее смелостью стала высказывать некоторые обобщения, имеющие прямое отношение к колонии:

– У нас разве самоуправление? Это не самоуправление, раз оно организовано сверху. У нас нет никакой самоорганизации, и это вовсе не советское воспитание, а авторитарное. У нас все держится на авторитете Антона Семеновича. А в советском воспитании должна быть самоорганизация.

Я не хотел вступать в спор с Лидочкой. В ее жизни что-то происходило, пусть пробует жизнь до конца.

Колонисты к Чарскому относились с негодованием и говорили:

– Зачем дачники в колонии живут?

Вторым событием был приезд инспектора Наркомпроса Любови Савельевны Джуринской. Она приехала из Харькова нарочно посмотреть колонию, и я встретил ее, как обыкновенно встречал инспекторов, с настороженностью волка, привыкшего к охоте на него. В колонию привезла ее румяная и счастливая Мария Кондратьевна.

– Вот знакомьтесь с этим дикарем, – сказала Мария Кондратьевна. – Я раньше тоже думала, что он интересный человек; а он просто подвижник. Мне с ним страшно: совесть начинает мучить.

Джуринская взяла Бокову за плечи и сказала:

– Убирайся отсюда, мы обойдемся без твоего легкомыслия.

– Пожалуйста, – ласково согласились ямочки Марии Кондратьевны, – для моего легкомыслия здесь найдутся ценители. Где сейчас ваши пацаны? На речке?

– Мария Кондратьевна! – кричал уже с речки высокий альт Шелапутина. – Мария Кондратьевна! Идите сюда, у нас ледянка хиба ж такая!

– А мы поместимся вдвоем? – уже на ходу к речке спрашивает Мария Кондратьевна.

– Поместимся, и Колька еще сядет! Только у вас юбка, падать будет неудобно.

– Ничего, я умею падать, – стрельнула глазами в Джуринскую

Мария Кондратьевна.

Она умчалась к ледяному спуску к Коломаку, а Джуринская, любовно проводив ее взглядом, сказала:

– Какое это странное существо. Она у вас, как дома.

– Даже хуже, – ответил я. – Скоро я буду давать ей наряды за слишком шумное поведение.

– Вы напомнили мне мои прямые обязанности. Я вот приехала поговорить с вами о системе дисциплины. Вы, значит, не отрицаете, что накладываете наказания. Наряды эти… потом, говорят, у вас еще кое-что практикуется: арест… а говорят, вы и на хлеб и на воду сажаете?

Джуринская была женщина большая, с чистым лицом и молодыми свежими глазами. Мне почему-то захотелось обойтись с ней без какой бы то ни было дипломатии:

– На хлеб и на воду не сажаю, но обедать иногда не даю. И наряды. И аресты могу, конечно, не в карцере – у себя в кабинете. У вас правильные сведения.

– Послушайте, но это же все запрещено.

– В законе это не запрещено, а писания разных писак я не читаю.

– Не читаете педологической литературы? Вы серьезно говорите?

– Не читаю вот уже три года.

– Но как же вам не стыдно! А вообще читаете?

– Вообще читаю. И не стыдно, имейте в виду. И очень сочувствую тем, которые читают педологическую литературу.

– Я, честное слово, должна вас разубедить. У нас должна быть советская педагогика.

Я решил положить предел дискуссии и сказал Любови Савельевне:

– Знаете что? Я спорить не буду. Я глубоко уверен, что здесь, в колонии, самая настоящая советская педагогика, больше того: что здесь коммунистическое воспитание. Вас убедить может либо опыт, либо серьезное исследование – монография. А в разговоре мимоходом такие вещи не решаются. Вы долго у нас будете?

– Дня два.

– Очень рад. В вашем распоряжении много всяких способов. Смотрите, разговаривайте с колонистами, можете с ними есть, работать, отдыхать. Делайте какие хотите заключения, можете меня снять с работы, если найдете нужным. Можете написать самое длинное заключение и предписать мне метод, который вам понравится. Это ваше право. Но я буду делать так, как считаю нужным и как умею. Воспитывать без наказания я не умею, меня еще нужно научить этому искусству.

Любовь Савельевна прожила у нас не два дня, а четыре, я ее почти не видел. Хлопцы про нее говорили:

– О, это грубая баба: все понимает.

Во время пребывания ее в колонии пришел ко мне Ветковский:

– Я ухожу из колонии, Антон Семенович…

– Куда?

– Что-нибудь найду. Здесь стало неинтересно. На рабфак я не пойду, столяром не хочу быть. Пойду, еще посмотрю людей.

– А потом что?

– А там видно будет. Вы только дайте мне документ.

– Хорошо. Вечером будет совет командиров. Пускай совет командиров тебя отпустит.

В совете командиров Ветковский держался недружелюбно и старался ограничиться формальными ответами:

– Мне не нравится здесь. А кто меня может заставить? Куда хочу, туда и пойду. Это уже мое дело, что я буду делать… Может, и красть буду.

Кудлатый возмутился:

– Как это так, не наше дело! Ты будешь красть, а не наше дело? А если я тебя сейчас за такие разговоры сгребу да дам по морде, так ты, собственно говоря, поверишь, что это наше дело?

Любовь Савельевна побледнела, хотела что-то сказать, но не успела. Разгоряченные колонисты закричали на Ветковского. Волохов стоял против Кости:

– Тебя нужно отправить в больницу. Вот и все. Документы ему, смотри ты!.. Или говори правду. Может, работу какую нашел?

Больше всех горячился Гуд:

– У нас что, заборы есть? Нету заборов. Раз ты такая шпана – на все четыре стороны путь. Может, запряжем Молодца, гнаться за тобой будем? Не будем гнаться. Иди, куда хочешь. Чего ты сюда пришел?

Лапоть прекратил прения:

– Довольно вам высказывать свои мысли. Дело, Костя, ясное: документа тебе не дадим.

Костя наклонил голову и пробурчал:

– Не надо документа, я и без документа пойду. Дайте на дорогу десятку.

– Дать ему? – спросил Лапоть.

Все замолчали. Джуринская обратилась в слух и даже глаза закрыла, откинув голову на спинку дивана. Коваль сказал:

– Он в комсомол обращался с этим самым делом. Мы его выкинули из комсомола. А десятку, я думаю, дать ему можно.

– Правильно, – сказал кто-то. – Десятки не жалко.

Я достал бумажник.

– Я ему дам двадцать рублей. Пиши расписку.

При общем молчании Костя написал расписку, спрятал деньги в карман и надел фуражку на голову:

– До свидания, товарищи!

Ему никто не ответил. Только Лапоть сорвался с места и крикнул уже в дверях:

– Эй ты, раб божий! Прогуляешь двадцатку, не стесняйся, приходи в колонию! Отработаешь!

Командиры расходились злые. Любовь Савельевна опомнилась и сказала:

– Какой ужас! Поговорить бы с мальчиком нужно.

Потом задумалась и сказала:

– Но какая страшная сила этот ваш совет командиров! Какие люди!..

На другой день утром она уезжала. Антон подал сани. В санях были грязная солома и какие-то бумажки. Любовь Савельевна уселась в сани, а я спросил Антона:

– Почему это такая грязь в санях?

– Не успел, – пробурчал Антон, краснея.

– Отправляйся под арест, пока я вернусь из города.

– Есть, – сказал Антон и отодвинулся от саней. – В кабинете?

– Да.

Антон поплелся в кабинет, обиженный моей строгостью, а мы молча выехали из колонии. Только перед вокзалом Любовь Савельевна взяла меня под руку и сказала:

– Довольно вам лютовать. У вас же прекрасный коллектив. Это какое-то чудо. Я прямо ошеломлена… Но скажите, вы уверены, что этот ваш Антон сейчас сидит под арестом?

Я удивленно посмотрел на Джуринскую:

– Антон – человек с большим достоинством. Конечно, сидит под арестом. Но в общем… это настоящие звереныши.

– Да не нужно так. Вы все из-за этого Кости? Я уверена, что он вернется. Это же замечательно! У вас замечательные отношения, и Костя этот лучше всех…

Я вздохнул и ничего не ответил.

[13] Гримасы любви и поэзии

Наступил 1925 год. Начался он довольно неприятно.

В совете командиров Опришко заявил, что он хочет жениться, что старый Лукашенко не отдаст Марусю, если колония не назначит Опришко такого же приданого, как и Оле Вороновой, а с таким хозяйством Лукашенко принимает Опришко к себе в дом, и будут они вместе хозяйничать.

Опришко держался в совете командиров с неприятной манерой наследника Лукашенко и человека с положением.

Командиры молчали, не зная, как понимать всю эту историю. Наконец Лапоть, глядя на Опришко через острие попавшего в руку карандаша, спросил негромко:

– Хорошо, Дмитро, а ты как же думаешь? Ну, будешь ты хозяйнувать с Лукашенком, это значит – ты селянином станешь?

Опришко посмотрел на Лаптя немного через плечо и саркастически улыбнулся:

– Пусть будет по-твоему: селянином.

– А по-твоему как?

– А там видно будет.

– Так, – сказал Лапоть. – Ну, кто выскажется?

Взял слово Волохов, командир шестого отряда:

– Хлопцам нужно искать себе доли, это правда. До старости в колонии сидеть не будешь. Ну, и квалификация какая у нас? Кто в шестом, или в четвертом, или в девятом отряде, тем еще ничего – можно кузнецом выйти, и столяром, и по мельничному делу. А в полевых отрядах никакой квалификации, значит, если он идет в селяне, пускай идет. Но только у Опришко как-то подозрительно выходит. Ты ж комсомолец?

– Ну, так что ж – комсомолец.

– Я думаю так, – продолжал Волохов, – не мешало бы об этом раньше в комсомоле поговорить. Совету командиров нужно знать, как на это комсомол смотрит.

– Комсомольское бюро об этом деле уже имеет свое мнение, – сказал Коваль. – Колония Горького не для того, чтобы кулаков разводить. Лукашенко кулак.

– Та чего ж он кулак? – возразил Опришко. – Что дом под железом, так это еще ничего не значит.

– А лошадей двое?

– Двое.

– А батрак есть?

– Батрака нету.

– А Серега?

– Серегу ему наробраз дал из детского дома. На патронирование – называется.

– Один черт, – сказал Коваль, – из наробраза чи не из наробраза, а все равно батрак.

– Так, если дают…

– Дают. А ты не бери, если ты порядочный человек.

Опришко не ожидал такой встречи и рассеянно сказал:

– А почему так? Ольге ж дали?

Коваль ответил:

– Во-первых, с Ольгой другое дело. Ольга вышла за нашего человека, теперь они с Павлом переходят в коммуну, наше добро на дело пойдет. А во-вторых, и колонистка Ольга была бы не такая, как ты. А третье и то, что нам разводить кулаков не к лицу.

– А как же мне теперь?

– А как хочешь.

– Нет, так нельзя, – сказал Ступицын. – Если они там влюблены, пускай себе женятся. Можно дать и приданое Дмитру, только пускай он переходит не к Лукашенку, а в коммуну. Теперь там Ольга будет заворачивать делом.

– Батько Марусю не отпустит.

– А Маруся пускай на батька наплюет…

– Она не сможет этого сделать.

– Значит, мало тебя любит… и вообще… куркулька.

– А тебе дело, любит или не любит?

– А вот видишь, дело. Значит, она за тебя больше по расчету выходит. Если бы любила…

– Она, может, и любит, да батька слухается. А перейти в коммуну она не может.

– А не сможет, так нечего совету командиров голову морочить! – грубо отозвался Кудлатый. – Тебе хочется к куркулю пристроиться, а Лукашенку зятя богатого в хату нужно. А нам какое дело? Закрывай совет…

Лапоть растянул рот до ушей в довольной улыбке:

– Закрываю совет по причине слабой влюбленности Маруськи.

Опришко был поражен. Он ходил по колонии мрачнее тучи, задирал пацанов, на другой день напился пьяным и буянил в спальне, *угрожая совету командиров разными кознями:*

– Разумных понаседало там в совете. Я их по очереди могу поучить, как относиться к человеку. Если я прошу, так я колонист или нет? Почему одному можно, а другому нельзя? А кто давал право Антону разводить таких командиров? Кудлатый лижется к начальству, а что – ему не придется? И ему придется поговорить со мною глаз на глаз.

Он швырялся табуретками и размахивал финкой, пользуясь тем, что все старшие были на работе, он же, как командир отряда коровников, имел время неучтенное.

– Все равно один раз пропадать. Або зарежу кого, або сам зарежусь.

Пацаны меня позвали к нему. Он лежал в кровати в ботинках и сказал мне, не подымая головы:

– Пошли вы… с вашими командирами!.. И завтра выпью!.. И все!..

Я подумал, что при Карабанове и Задорове Опришко себе не позволил бы такой свободы. Я решил не предпринимать ничего, пока он не протрезвится. Но в спальню вошли Братченко и Волохов, и я уступил им руль. Антон по обыкновению держал в руке кнут и этим кнутом осторожно коснулся плеча Опришко. Опришко поднял голову, и я увидел, как беспокойство вдруг овладело им, на наших глазах выдавливая из него опьянение. Антон сказал тихо:

– Я с тобой с пьяным говорить не буду. А завтра поговорим.

Опришко закрыл глаза и дышать перестал.

– А только хоть ты и пьяный, а сообрази: будешь еще тут разоряться, мы тебя в проруби отрезвим. В той самой, где Зиновий Иванович купается.

Антон и Волохов вышли и кивнули мне – уходить. Я вышел с ними, Антон сказал:

– Счастье его, что вы там были. А завтра ему все равно конец.

На другой день собрался совет командиров судить Опришко за пьянство.

Все сидели мрачные, и мрачный стоял у стены Опришко. Лапоть сказал:

– Хоть ты и командир, а сейчас ты отдуваешься по личному делу, поэтому стань на середину.

У нас был обычай: виноватый должен стоять на середине комнаты.

Опришко повел сумрачными глазами по председательскому лицу и пробурчал:

– Я ничего не украл и на середину не стану.

– Поставим, – сказал тихо Лапоть.

Опришко оглядел совет и понял, что поставят. Он отвалился от стены и вышел на середину.

– Ну хорошо.

– Стань смирно, – потребовал Лапоть.

Опришко пожал плечами, улыбнулся язвительно, но опустил руки и выпрямился.

– А теперь говори, как ты смел напиться пьяным и разоряться

в спальне, ты – комсомолец, командир и колонист? Говори.

Опришко всегда был человеком двух стилей: при удобном случае он не скупился на удальство, размах и «на все наплевать», но, в сущности, всегда был осторожным и хитрым дипломатом. Колонисты это хорошо знали, и поэтому покорность Опришко в совете командиров никого не удивила. Жорка Волков, командир седьмого отряда, недавно выдвинутый вместо Ветковского, махнул рукой на Опришко и сказал:

– Уже прикинулся. Уже он тихонький. А завтра опять будет геройство показывать.

– Да нет, пускай он скажет, – проворчал Осадчий.

– А что мне говорить: виноват – и все.

– Нет, ты скажи, как ты смел?

Опришко доброжелательно умаслил глаза и развел руками по совету:

– Да разве тут какая смелость? С горя выпил, а человек, выпивши если, за себя не отвечает.

– Брешешь, – сказал Антон. – Ты будешь отвечать. Ты это по ошибке воображаешь, что не отвечаешь. Выгнать его из колонии – и все. И каждого выгнать, если выпьет… Беспощадно!

– Так ведь он пропадет, – расширил глаза Георгиевский. – Он же пропадет на улице…

– И пускай пропадает.

– Так он же с горя! Что вы, в самом деле, придираетесь? У человека горе, а вы к нему пристали с советом командиров! – Осадчий с откровенной иронией рассматривал добродетельную физиономию Опришко.

– И Лукашенко его не примет без барахла, – сказал Таранец.

– А наше какое дело! – кричал Антон. – Не примет, так пускай себе Опришко другого куркуля ищет…

– Зачем выгонять? – несмело начал Георгиевский. – Он старый колонист, ошибся, правда, так он еще исправится. А нужно принять во внимание, что они влюблены с Маруськой. Надо им помочь как-нибудь…

– Что он, беспризорный? – с удивлением произнес Лапоть. – Чего ему исправляться? Он колонист.

Взял слово Шнайдер, новый командир восьмого, заменивший Карабанова в этом героическом отряде. В восьмом отряде были богатыри типа Федоренко и Корыто. Возглавляемые Карабановым, они прекрасно притерли свои угловатые личности друг к другу, и Карабанов умел выпаливать ими, как из рогатки, по любому рабочему заданию, а они обладали талантом самое трудное дело выполнять с запорожским реготом и с высоко поднятым знаменем колонийской чести. Шнайдер в отряде

сначала был недоразумением. Он пришел маленький, слабосильный, черненький и мелкокучерявый. После древней истории с Осадчим антисемитизм никогда не подымал голову в колонии, но отношение к Шнайдеру еще долго было ироническим. Шнайдер действительно иногда смешно комбинировал русские слова и формы и смешно и неповоротливо управлялся с сельскохозяйственной работой. Но время проходило, и постепенно вылепились в восьмом отряде новые отношения: Шнайдер сделался любимцем отряда, им гордились карабановские рыцари. Шнайдер был умница и обладал глубокой, чуткой духовной организацией. Из больших черных глаз он умел спокойным светом облить самое трудное отрядное недоразумение, умел сказать нужное слово. И хотя он почти не прибавил роста за время пребывания в колонии, но сильно окреп и нарастил мускулы, так что не стыдно было ему летом надеть безрукавку, и никто не оглядывался на Шнайдера, когда ему поручались напряженные ручки плуга. Восьмой отряд единодушно выдвинул его в командиры, и мы с Ковалем понимали это так:

– Держать отряд мы и сами можем, а украшать нас будет Шнайдер.

Но Шнайдер на другой же день после назначения командиром показал, что карабановская школа для него даром не прошла: он обнаружил намерения не только украшать, но и держать; и Федоренко, привыкший к громам и молниям Карабанова, так же легко стал привыкать и к спокойно-дружеской выволочке, которую иногда задавал ему новый командир.

Шнайдер сказал:

– Если бы Опришко был новеньким, можно было бы и простить. А теперь нельзя простить ни в коем случае. Опришко показал, что ему на коллектив наплевать. Вы думаете, это он показал в последний раз? Все знают, что нет. Я не хочу, чтобы Опришко мучился. Зачем это нам? А пускай он поживет без нашего коллектива, и тогда он поймет. И другим нужно показать, что мы таких куркульских выходок не допустим. Восьмой отряд требует увольнения.

Требование восьмого отряда было обстоятельством решающим: в восьмом отряде почти не было новеньких. Командиры посматривали на меня, и Лапоть предложил мне слово:

– Дело ясное. Антон Семенович, вы скажите, как вы думаете?

– Выгнать, – сказал я коротко.

Опришко понял, что спасения нет никакого, и отбросил налаженную дипломатическую сдержанность:

– Как выгнать? А куда я пойду? Воровать? Вы думаете, на вас управы нету? Я и в Харьков поеду…

В совете рассмеялись.

– Вот и хорошо! Поедешь в Харьков, тебе дадут там записочку, и ты вернешься в колонию и будешь у нас жить с полным правом. Тебе будет хорошо, хорошо.

Опришко понял, что он сморозил вопиющую глупость, и замолчал.

– Значит, один Георгиевский против, – оглядел совет Лапоть. – Дежурный командир!

– Есть, – строго вытянулся Георгиевский.

– Выставить Опришко из колонии.

– Есть выставить! – ответил обычным салютом Георгиевский и движением головы пригласил Опришко к двери.

Через день мы узнали, что Опришко живет у Лукашенко. На каких условиях состоялось между ними соглашение – не знали, но ребята утверждали, что все дело решала Маруська.

Проходила зима. В марте пацаны откатались на льдинах Коломака, приняли полагающиеся по календарю неожиданные все-таки весенние ванны, потому что древние стихийные силы сталкивали их в штанах и «куфайках» с самоделковых душегубок, льдин и надречных веток деревьев. Сколько полагается, отболели гриппом, *причем к гриппу даже Мопсик относился с нескрываемым презрением.*

На самом деле Мопсика звали Васькой Цыганом, несмотря на то, что он был белобрыс до невероятности. Мопсик был из новеньких малышей и обратил на себя внимание колонистов оригинальностью своего характера. Наружность у него была в самом деле незавидная: нескладный, курносый, неловкий. Другими качествами Мопсика были: тоненький гнусавый голосок, настойчивая молчаливость, непобедимая грязь и озабоченная мрачная прозорливость. Ребята то и дело выталкивали его фигуру из каких-нибудь непредвиденных обстоятельств: то он вынимает стекло из рам оранжереи, то стрижет овцу, то вывинтит гайку из сеялки, то разложит огонь возле стогов соломы. Его приводили в кабинет и возмущенно требовали репрессий, а я, честное слово, не знал, что делать с Мопсиком. Мопсик смотрел на меня, не моргая, как на удава, и ничего не выражал на своем испачканном лице, кроме все той же озабоченности. Потом он еле слышно начинал говорить, но его слабый язык не мог подробно рассказать о многочисленных, беспокойных силах, определяющих жизнь:

– Я ничего… я только подошел и хотел… это… пройти дальше, а она стоит… ну, стоит и стоит…

– Кто это?

– Да эта ж самая… корова.

– Ну?

– Я не знаю, как… хотел это… взял за хвост… ну, взял…

– Да чего это?

– Я не знаю, как… так… хотел попробовать только…

Холодный мартовский день, но снег угрюмо тает под тяжелыми серыми одеялами опустившихся до земли туманов. По колени в снегу, без шапки и верхней одежды стоит Мопсик и лепит бабу. Он уже посинел до фиолетовых оттенков, и откровенно дрожит все его корявое тельце.

– Васька, ты почему не работаешь?

Васька спокойно подымает голову и отвечает, продолжая лепить:

– А у меня освобождение.

– Какое освобождение, почему?

– А Екатерина Григорьевна… у меня тот… как его, грипп…

– Убирайся немедленно отсюда.

Мопсик удивленно покоряется моей диктаторской власти и печально трусит в больницу, где его, наверное, давно ищут.

Но проходили гриппы, поднимались туманы, и скоро Кудлатый стал находить «куфайки» брошенными посреди двора и устраивал обычный весенний скандал, угрожая трусиками и голошейками на две недели раньше, чем полагалось бы по календарю.

Обгоняя календарь, и Чарский еще на сырой земле парка проснулся однажды рядом с деревенской Венерой, такой же пьяненькой, как и он, после очередного банкета в примитивном гончаровском притоне. Собравшийся в первый раз в поле сводный отряд, обнаружив эту гримасу любви и поэзии, решил не утруждать себя излишним анализом и представил Чарского и Венеру в мой кабинет, нисколько не заботясь о сбережении педагогического авторитета воспитателя.

Венеру я отпустил, а Чарскому сказал коротко:

– Я думаю, что вашу организаторскую деятельность в колонии можно считать законченной.

Чарский с презрением посмотрел на меня:

– Вы не воображайте, товарищ заведующий, что меня так же легко выгнать, как Опришка. И я вам советую иногда помнить, что советская власть умеет расправляться с такими жандармами, как вы. Я сюда командирован вовсе не для того, чтобы по вашей команде вставлять очки всей советской общественности. Уеду тогда, когда найду нужным. А о вашей «деятельности» все равно будет известно и в Харькове и в Москве. От суда вы не убежите.

Он гордо вышел из комнаты. Я послал за дежурным

командиром и приказал запрягать Молодца, чтобы отвезти Чарского на вокзал. Пришел взволнованный Калина Иванович и зашептал:

– Ты не связывайся с этим паразитом. Он такого может наделать, понимаешь… а пускай себе живеть. Что ж ты поделаешь, всякие люди бывают, а ему тоже ж хлеб хочется кушать.

– Прокормится и без нас, Калина Иванович.

– А потом такое дело, как бы сказать, деликатное: мабудь же, ты чув, Лидия Петровна не вдержалась как будто. Он это все читав, читав и дочитався, значить. Говорять, что и женится обещав, паразит. Так пускай женится…

Но Лидочка, узнав об утренней находке сводного отряда, ринулась в подушку и в течение часа отдавала дань обычному человеческому предрассудку: страдать во время неприятностей и мучиться от катастроф. Я пришел в ее комнату и застал там целую компанию утешителей: Екатерину Григорьевну, Буцая и Силантия. Силантий настойчиво улыбался и говорил:

– Здесь это, ничего такого. Девки это привыкли считать, как говорится, тронули ее, видишь. Ну, так как же: для того же и сделано, а беды, здесь это, никакой нету. Видишь, какая история… А человек он, как говорится, поганый, это верно. Так и для меня ж поганый, может, еще и хуже, здесь это, я ж не реву, и больше никаких данных. Уедет пускай, и вся тебе история.

Лидочка сидела на кровати, у нее распухли глаза и нос и спустился один чулок на незашнурованный ботинок, – все признаки человека, вкусившего жизнь с горького ее конца. Я сказал:

– Силантий говорит правду. А впрочем, как хотите. Я приказал выпроводить Чарского из колонии, но если он вам нужен, можно оставить.

Лидочка заплакала громко и снова повалилась на подушку, но вдруг поднялась и сказала:

– Выгоните его, сейчас же выгоните, гадость какая!

Дежурный командир Ступицын доложил мне, что приказание исполнено:

– Он не хотел, так хлопцы вынесли его вещи, ну, так он тогда добровольно сел в бричку… А только теперь вернулся: у него денег нету на билет.

– Где он?

– Возле кабинета.

Чарский встретил меня в кабинете официальной угрожающей вежливостью:

– Я решил не вступать в драку с вашими воспитанниками, но имею к вам просьбу: у меня нет денег на дорогу.

– Вы же полностью получили жалованье.

– Может быть, вы не будете касаться деталей моего бюджета?

– Давайте не касаться: прекратим разговор о деньгах.

– Но я вам заявляю, что у меня нет денег на дорогу.

– Значит, этой детали касаться можно?

– Я вас прошу не мутить со мной.

– Я и не мучу: идите пешком.

– Вы меня не предупреждали об отъезде, значит, вы обязаны выдать мне на дорогу.

– Сколько стоит билет до Харькова?

– Я еду не в Харьков, а в Москву.

– Сколько стоит билет до Харькова?

– Шесть рублей тридцать семь копеек и плацкарта.

Я отсчитал шесть рублей тридцать семь копеек.

– А плацкарта? А есть мне что-нибудь нужно?

Чарский потерял уже свою официальность и говорил слезливо-обиженным тоном проходимца:

– Вы не имеете права обращаться так с командированными к вам работниками.

Вероятно, мой вид и вид окружающих нас колонистов был убедительнее многих слов, потому что Чарский замолчал, написал расписку, вздохнул уже совершенно неофициально и, жалкий и подавленный, взгромоздился на шарабан. Только когда шарабан тронулся, Чарский крикнул:

– Гражданин заведующий, мы скоро посчитаемся.

[14] Не пищать!

Лидочка несколько дней не выходила из комнаты, но в середине апреля приехали на весенний перерыв рабфаковцы, *и наши неприятности немного притупились. Встречать гостей вышла Лидочка, до конца оплакавшая свою молодость, в которой оказался такой большой процент брака. У нее над бровями легла маленькая злая складочка, но она доверчиво-родственно улыбнулась мне и сказала:*

– Простите все мои слова, Антон Семенович. Теперь я уже совсем ваша, – колонийская. Что хотите, то со мной и делайте.

– Чего это вы так, Лидочка. Глупости какие, у вас вся жизнь впереди.

– Не хочу я больше жизни, довольно. А колонию я люблю. Милая колония.

Лидочка на секундочку прижалась к моему плечу и украдкой вытерла последнюю слезу.

Колонисты встретили Лидочку весело и бережно и старались ее развеселить, рассказывая разные смешные вещи. Лидочка смеялась просто и открыто, как будто у нее не было испорчено никакой молодости. А потом захватили ее в свои объятия рабфаковцы.

Они приехали похудевшие и почерневшие, и Лапоть рекомендовал передать их десятому отряду в откормочное отделение. Было хорошо, что они не гордились перед колонистами своими студенческими особенностями. Карабанов не успел даже со всеми поздороваться, а побежал по хозяйству и мастерским. Белухин, обвешанный пацанами, рассказывал о Харькове и о студенческой жизни.

Вечером мы все уселись под весенним небом и по старой памяти занялись вопросами колонии. Карабанову очень не нравились наши последние события. Он говорил:

– Что оно правильно сделано, так ничего не скажешь. Раз Костя сказал, что ему тут не нравится, так поступили правильно: иди к чертям, шукай себе кращего. И Опришко – куркуль, это понятно, и пошел в куркули, так ему и полагается. А все-таки, если подумать, так оно как-то не так. Надо что-то думать. Мы вот в Харькове уже повидали другую жизнь. Там – другая жизнь, и люди другие.

– У нас плохие люди в колонии?

– В колонии хорошие люди, – сказал Карабанов, – очень хорошие, так смотрите ж кругом, куркульни с каждым днем больше. Разве здесь колонии можно жить? Тут або зубами грызть,

або тикать.

– Не в том дело, – задумчиво протянул Бурун, – с куркулями все бороться должны. Это особое дело. Не в том суть. А в том, что в колонии делать нечего. Колонистов сто двадцать человек, силы много, а работа здесь какая: посеял – снял, посеял – снял. И поту много выходит, и толку не видно. Это хозяйство маленькое. Еще год прожить, хлопцам скучно станет, захочется лучшей доли…

– Это правильно он говорит, Гришка, – Белухин пересел ближе ко мне, – наш народ, беспризорный, как это называется, так он пролетарский народ, ему дай производство. На поле, конечно, приятно работать и весело, а только что ж ему с поля? На село пойти, в мелкую буржуазию, значит, – стыдно как-то, так и пойти ж не с чем, для этого нужно владеть орудиями производства: и хату нужно, и коня, и плуг, и все. А идти в приймы, вот как Опришко, не годится. А куда пойдешь? Только один завод паровозоремонтный, так рабочим своих детей некуда девать.

Вершнев молчал и сдержанно грустил. Когда все разошлись, я спросил у него:

– Чего ты такой грустный?

– Хочу бросить рабфак, Антон Семенович.

– Почему?

– Не знаю, почему. Не нравится, и трудно. Я думал, там настоящая наука, а там то же самое: математика да языки. Да и не в том дело. У нас тут жизнь настоящая, живут люди… а там не живут, а собираются жить, потом когда-то будут жить. Вот хлопцы говорят то, другое, чего-то им нужно: тому шикарное хозяйство, а тому завод, а никто о жизни ничего не говорит: как жить. Ведь правда же, и на заводе, если работать, тоже жить нужно. А как? Вы меня возьмите с рабфака.

– Я не возьму. Это слабость. Тебе нужно попасть в какой-то готовый рай.

– Вы меня не поняли, – сказал Колька тоскливо, – разве мне рай нужен? Да и какой же в колонии рай? Я готов и недоесть и недоспать, а чтобы жизнь была настоящая и люди. Люди мне не нравятся. Тот влюбляется, тот женится, тот квартиру ищет, а тому только дорваться до хорошего жалованья. Я лучше пойду.

– Куда?

– Пойду, поброжу.

– Это вроде Ветковского.

– Костя молодец. Из Кости толк будет. Только нехорошо, что он обидел совет командиров. Я страшно люблю наш совет командиров. Это человеческий совет.

– Тебя совет командиров не пустит бродить.

– Упрошу.

Действительно на ближайшем заседании совета командиров Колька поднял вопрос об уходе с рабфака, но Лапоть на него прикрикнул:

– Ты комсомолец?

– Так я уже не в вашей ячейке.

– А чего в совет командиров пришел? Совет в нашей ячейке.

Коваль согласился на обсуждение вопроса в совете. Колька попробовал развить свои сомнения, но его не стали слушать с первого слова. Меня поразил анализ Кудлатого:

– Нам, Коля, с твоими рассуждениями некогда разбираться. Ты не один у нас. Собственно говоря, вся колония стоит на таком месте, черт его знает, что завтра будет. Ты что же, не видишь? Мы сейчас дисциплиной держимся, а таких разговоров, как у тебя, сколько угодно можно развести. Всей колонией искать нужно лучшего. Разве мы можем тут баловаться на шести десятках га? И людей кругом нет. Так мы это знаем и не плачем. А ты в институте, какого тебе черта нужно. Людей тебе нужно. А у нас кругом люди? Людей еще нужно делать. Пускай едет Колька и учится. Ты еще даже и не знаешь, чему тебя учить будут. Собственно говоря, за это нужно Кольке всыпать десяток нарядов.

– Вопрос ясен, – сказал Лапоть, – поедешь, Колька, в рабфак дальше.

Вершнев грустно покорился решению совета.

Все рабфаковцы с радостью набросились на полевые работы, и совет командиров с изысканной вежливостью назначал их командирами сводных. Карабанов возвращался с поля возбужденным:

– Ой, до чего ж люблю работу у поли! И такая жалость, что нема ниякого толку с этой работы, хай вона сказыться. От було б хорошо б так: поробыв в поли, пишов косыты, а тут тоби – мануфактура растеть, чоботы растуть, машины колыхаются на ныви, тракторы, гармошки, очки, часы, папиросы… ой-ой-ой! Чего ж мэнэ не спыталы, коли свит строили, падлюки?

Рабфаковцы должны были провести с нами и Первое мая. Это очень украшало и без того радостный для нас праздник.

Колония по-прежнему просыпалась утром по сигналу и стройными сводными бросалась на поля, не оглядываясь назад и не тратя энергии на анализ жизни. Даже старые наши хвосты, такие как Евгеньев, Назаренко, Перепелятченко, перестали нас мучить.

Евгеньев пришел в колонию давно и начал с заявления, что без кокаина он жить не может, что если давать ему кокаин, то, может быть, постепенно он от кокаина отвыкнет. Мы удивленно

выслушали его и решили посмотреть, что получится, если все-таки кокаина ему не давать. С ним начались припадки, сначала редкие в спальне, потом все чаще и чаще; бывало и так, что сводному отряду приходилось прекращать работу и возиться с Евгеньевым. Я посылал его к докторам в город, но доктора отказывались его лечить, рекомендуя обратиться к специалистам в Харьков. Неожиданно Евгеньева вылечил сводный отряд под командой Лаптя, давно утверждавшего, что болезнь у Евгеньева не опасная. Во время одного из припадков Евгеньева раскачали и бросили в Коломак, а потом собрались к берегу посмотреть, вылезет Евгеньев из Коломака или не вылезет. Евгеньев, очутившись в реке, немедленно вынырнул и поплыл к берегу. Лапоть встретил его и спросил кротко:

– Помогло?

Евгеньев, улыбаясь, сказал еще более кратко:

– Помогло. Давно нужно было так сделать. Эти сволочи, доктора, ничего не понимают.

Действительно, больше припадков у Евгеньева не было, и он сам нам потом рассказывал, что научился припадкам в одном реформаториуме.

Перепелятченко был труднее. Это был очень дохлый, вялый, изможденный человечек. Все у него валилось из рук, и он сам валился на первую попавшуюся скамью или травку. Таких колонисты обычно не выносили, и мне часто приходилось спасать Перепелятченко от издевательств, на которые он отвечал только слезливыми жалобами да стонами. В течение двух лет жил этот организм в колонии и надоел всем, как надоедает мозоль в походе, я уморился защищать его от насилий, произносить речи, добиваясь сознательного отношения к слабому человеку, но однажды и я рассердился. Пришел ко мне Перепелятченко и пожаловался, что Маруся Левченко ударила его по щеке. Я посмотрел на Перепелятченко с негодованием, но позвал Марусю и спросил:

– За что?

– Да что же он: ухаживать еще лезет – щипается.

– Правильно она тебя треснула, – сказал я Перепелятченко.

Перепелятченко посмотрел на меня жалобно и застонал:

– Так что ж? Значит, меня будут все бить? Меня и убить могут.

– Чем такому расти, как ты, жалкому, так лучше пусть тебя убьют. Я тебя больше защищать не буду.

Перепелятченко улыбнулся недоверчиво:

– Вы должны меня защищать.

– А вот я не буду. Защищайся сам.

– Я буду защищаться, так мне еще больше будет попадать.

– Пускай попадет, а ты защищайся.

К моему удивлению, Перепелятченко принял мой совет всерьез и в ближайшие же дни вступил в драку с каким-то задирчивым соседом в столовой. Их обоих привел ко мне дежурный командир. Оба размазывали кровь на лицах, желая демонстрировать как можно более кровавое зрелище. Я обоих прогнал без всякого разбирательства. Перепелятченко после этого настолько вошел во вкус драчливых переживаний, что уже приходилось других защищать от его агрессии. Хлопцы обратили внимание на это явление и говорили Перепелятченко:

– Смотри, ты даже потолстел как будто, Перепелятченко.

И в самом деле, на наших глазах изменялась конституция этого существа. Он стал прямее держаться, у него заблестели глаза, заиграли на костях мускулы.

И Евгеньев и Перепелятченко давно уже не беспокоили нас даже в часы серьезных авралов и четвертых сводных. Другое дело – Назаренко. Он и с виду был хорош, и учился прекрасно, обещая быть потом незаурядным студентом, и умен был, без сомнения, и развит. До это был эгоист самого глупого пошиба, свою собственную пользу не способный видеть дальше ближайшего первичного удовлетворения. Несмотря на свой ум и развитие, он не мог справиться с этим эгоизмом, не умел и прикрыть его какой-нибудь политикой, а открыто и злобно ощеривался всегда, если ему казалось, будто что-нибудь грозит его интересам. В сводных он ревниво следил, чтобы ему не выпало больше работы, чем товарищу, и вообще старался тратить сил как можно меньше, глубоко убежденный, что работа для здоровья вредна. Почти невозможно было заставить его сделать что-нибудь вне расписания. В этом случае он шел на самый острый конфликт и доказывал, что никто не имеет права назначать его на дополнительную работу. Назаренко не вступал в комсомол только потому, что не хотел иметь никаких нагрузок. Он рассчитывал, что проживет жизнь и без комсомола, ибо хорошо знал свои способности и делал на них откровенную ставку.

Я серьезно подозревал, что колонию он ненавидит и терпит ее только как наименьшее из всех предложенных зол. Учился он настойчиво и успешно, и все считали его наилучшим кандидатом на рабфак.

Но когда пришло время выдавать командировки на рабфаки, мы с Ковалем отказались внести в список фамилию Назаренко. Он потребовал от нас объяснений. Я сказал ему, что не считаю его закончившим воспитание и еще посмотрю, как он будет вести себя дальше. Назаренко вдруг понял, что все это значит еще один год пребывания в колонии, сообразил, что все приобретения его эгоизма

за год ничто в сравнении с такой катастрофической потерей. Он обозлился и закричал:

– Я буду жаловаться. Вы не имеете права меня задерживать. В институтах требуются способные люди, а вы послали малограмотных, а мне просто мстите за то, что я не выполнял всех ваших приказов.

Коваль слушал, слушал этот крик и наконец потерял терпение:

– Слушай, ты, – сказал он Назаренко, – какой же ты способный человек, если не понимаешь такого пустяка: нашим советским рабфакам такие как ты не нужны. Ты шкурник. Пусть будут у тебя в десять раз большие способности, а рабфака ты не увидишь. А если бы мое право, я тебя собственной рукой застрелил бы, вот здесь, не сходя с этого места. Ты – враг, ты думаешь, мы тебя не видим?

После этого разговора Назаренко круто изменил политику, и Коваль печалился:

– Ну, что ты будешь делать, Антон Семенович? Смотрите, как гад прикидывается. Ну, что я могу сделать, он же меня обманет, сволочь, и всех обманет.

– А вы ему не верьте.

– Да какое же право я имею не верить. Вы смотрите: он и работает, он и газету, и на село, и в город, и мопр, как только что-нибудь сделать, он уже тут, и лучше другого сделает, и в комсомол каждую неделю подает заявление. Смотри ж ты, какая гадина попалась, а?

Коваль с ненавистью посматривал на всегда улыбающегося, готового на все Назаренко, всегда внимательно слушающего каждое его слово, всегда знающего всю текущую и давно протекшую политику, знающего все формулы, законы, декреты и даты, посматривал и грустил:

– Пока я тут, я ему комсомольского билета не дам.

Но Назаренко удесятерил энергию, приобрел и пустил в ход новые и еще не виданные способы выражения, совершал чудеса и подвиги, и наступил момент, когда Коваль сложил оружие и сказал мне:

– Слопал меня, сволочь, ничего не поделаешь, придется дать комсомольский билет.

И вот Назаренко уже комсомолец. Вот идет к нам май, а там и каникулы, а там и на рабфак ехать. Коваль тоскливо спрашивал меня:

– Как же это так? Выходит, на глазах у тебя пролазит, и ты знаешь даже, каким способом, и ничего сделать не можешь? Не может же так быть.

Несмотря на страдания Коваля, Назаренко нас, во всяком случае, не затруднял в ежедневной работе.

К лету 1925 года колония подходила совершенно компактным коллективом, и при этом очень бодрым, – так, по крайней мере, казалось снаружи. Только Чобот торчком стал в нашем движении, и с Чоботом я не справился.

Вернувшись от брата в марте, Чобот рассказал, что брат живет хорошо, но батраков не имеет – середняк. Никакой помощи Чобот не просил у колонии, но заговорил о Наташе. Я ему сказал:

– Что ж тут со мной говорить, это пусть сама Наташа решает…

Через неделю он опять ко мне пришел уже в полном тревожном волнении.

– Без Наташи мне не жизнь. Поговорите с ней, чтобы поехала со мной.

– Слушай, Чобот, какой же ты странный человек! Ведь тебе с нею надо говорить, а не мне.

– Если вы скажете ехать, так она поедет, а я говорю, так как-то плохо выходит.

– Что она говорит?

– Она ничего не говорит…

– Как это «ничего»?

– Ничего не говорит, плачет.

Чобот смотрел на меня напряженно-настороженно. Для него важно было увидеть, какое впечатление произвело на меня его сообщение. Я не скрыл от Чобота, что впечатление было у меня тяжелое:

– Это очень плохо… Я поговорю.

Чобот глянул на меня налитыми кровью глазами, глянул в самую глубину моего существа и сказал хрипло:

– Поговорите. Только знайте: не поедет Наташа, я с собой покончу.

– Это что за дурацкие разговоры! – закричал я на Чобота. – Ты человек или слякоть? Как тебе не стыдно?..

Но Чобот не дал мне кончить. Он повалился на лавку и заплакал невыразимо горестно и безнадежно. Я молча смотрел на него, положив руку на его воспаленную голову. Он вдруг вскочил, взял меня за локти и залепетал мне в лицо захлебывающиеся, нагоняющие друг друга слова:

– Простите. Я ж знаю, что мучаю вас, так я не можу ничего уже сделать… Я, видите, какой человек, вы же все видите и все знаете… Я на колени стану… без Наташи я не можу жить!

Я проговорил с ним всю ночь и в течение всей ночи ощущал свою немощность и бессилие. Я ему рассказывал о большой

жизни, о светлых дорогах, о многообразии человеческого счастья, об осторожности и плане, о том, что Наташе надо учиться, что у нее замечательные способности, что она и ему потом поможет, что нельзя ее загнать в далекую богодуховскую деревню, что она умрет там от тоски, – все это не доходило до Чобота. Он угрюмо слушал мои слова и шептал:

– Я разобьюсь на части, а все сделаю, абы она со мной поехала…

Отпустил я его в прежнем смятении, человеком, потерявшим управление и тормоза. На другой же вечер я пригласил к себе Наташу. Она выслушала мой короткий вопрос одними вздрагивающими ресницами, потом подняла на меня глаза и сказала чистым до блеска, нестыдящимся голосом:

– Чобот меня спас… а теперь я хочу учиться.

– Значит, ты не хочешь выходить за него замуж и ехать к нему?

– Я хочу учиться… А если вы скажете ехать, так я поеду.

Я еще раз взглянул в эти открытые, ясные очи, хотел спросить, знает ли она о настроении Чобота, но почему-то не спросил, а сказал только:

– Ну, иди спать спокойно.

– Так мне не ехать? – спросила она меня по-детски, мотая головой немного вкось.

– Нет, не ехать, будешь учиться, – ответил я хмуро и задумался, не заметив даже, как тихонько вышла Наташа из кабинета.

Чобота увидел я на другой день утром. Он стоял у главного входа в белый дом и явно поджидал меня. Я движением головы пригласил его в кабинет. Пока я разбирался с ключами и ящиками своего стола, он молча следил за мной и вдруг сказал, как будто про себя:

– Значит, не поедет Наташа?

Я взглянул на него и увидел, что он не ощущает ничего, кроме своей потери. Прислонившись одним плечом к двери, Чобот смотрел в верхний угол окна и что-то шептал. Я крикнул ему:

– Чобот!..

Чобот, кажется, меня не слышал. Как-то незаметно он отвалился от двери и, не взглянув на меня, вышел неслышно и легко, как призрак.

Я за ним следил. После обеда он занял свое место в сводном отряде. Вечером я вызвал его командира Шнайдера:

– Как Чобот?

– Молчит.

– Работал как?

– Комсвод Нечитайло говорит – хорошо.

– Не спускай с него глаз несколько дней. Если что-нибудь заметите, мне сейчас же скажите.

– Знаем, как же, – сказал Шнайдер.

Несколько дней Чобот молчал, но на работу выходил, являлся и в столовую. Встречаться со мной, видно, не хотел сознательно. Накануне праздника я приказом поручил персонально ему прибить лозунги на всех зданиях. Он аккуратно приготовил лестницу и пришел ко мне с просьбой:

– Выпишите гвоздей.

– Сколько?

Он поднял глаза к потолку, пошептал и ответил:

– Я так считаю, килограмм хватит…

Я проверил: он добросовестно и заботливо выравнивал лозунги и спокойно говорил своему компаньону на другой лестнице:

– Нет, выше… Еще выше… Годи. Прибивай.

Колонисты любили готовиться к праздникам и больше всего любили праздник Первого мая, потому что это весенний праздник.

Но в этом году Первомай подходил в плохом настроении. Накануне с самого утра перепадал дождик. На полчаса затихнет и снова моросит, как осенью, мелкий, глуповатый, назойливый. К вечеру зато заблестели на небе звезды, и только на западе мрачнел темно-синий кровоподтек, бросая на колонию недружелюбную, грязноватую тень. Колонисты бегали по колонии, чтобы покончить до собрания с разными делами: костюмы, парикмахер, баня, белье. На просыхающем крылечке белого дома барабанщики чистили мелом медь своих инструментов. Это были герои завтрашнего дня.

Барабанщики наши были особенные. Это вовсе не были жалкие неучи *пионерских отрядов*, производящие беспорядочную толпу звуков. Горьковские барабанщики недаром ходили полгода на выучку к полковым мастерам, и только один Иван Иванович протестовал тогда:

– Вы знаете, у них ужасный метод, ужасный!

Иван Иванович с остановившимися от ужаса глазами рассказал мне об этом методе, заключающемся в прекрасной аллитерации, где речь идет о бабе, табаке, сыре, дегте, и только одно слово не может быть приведено здесь, но и это слово служило честно барабанному делу. Этот ужасный метод, однако, хорошо делал свое воспитательное дело, и марши наших барабанщиков отличались красотой, выразительностью. Их было

несколько: походный, зоревой, знаменный, парадный, боевой, в каждом из них были своеобразные переливы трелей, сухое, аккуратное стаккато, приглушенное нежное рокотанье, неожиданно взрывные фразы и кокетливо-танцевальные шалости. Наши барабанщики настолько хорошо исполняли свое дело, что даже многие инспектора наробраза, услышав их, принуждены были наконец признать, что они не привносят в дело социального воспитания никакой особенно чуждой идеологии.

Вечером на собрании колонистов мы проверили свою готовность к празднику, и только одна деталь оказалась до конца не выясненной: будет ли завтра дождь. Шутя предлагали отдать в приказе: предлагается дежурству обеспечить хорошую погоду. Я утверждал, что дождь будет обязательно, такого же мнения были и Калина Иванович, и Силантий, и другие товарищи, понимающие в дождях. Но колонисты протестовали против наших страхов и кричали:

– А если дождь, так что?

– Измокнете.

– А мы разве сахарные?

Я принужден был решить вопрос голосованием: идти ли в город, если с утра будет дождь? Против поднялось три руки, и в том числе моя. Собрание победоносно смеялось, и кто-то орал:

– Наша берет!

После этого я сказал:

– Ну, смотрите, постановили – пойдем, пусть и камни с неба падают.

– Пускай падают! – кричал Лапоть.

– Только смотрите, не пищать! А то все сейчас храбрые, а завтра хвостики подожмете и будете попискивать: ой, мокро, ой, холодно…

– А мы когда пищали?

– Значит, договорились – не пищать?

– Есть не пищать!

Утро нас встретило сплошным серым небом и тихоньким коварным дождиком, который иногда усиливался и поливал землю, как из лейки, потом снова начинал бесшумно брызгать. Никакой надежды на солнце не было.

В белом доме меня встретили уже готовые к походу колонисты и внимательно присматривались к выражению моего лица, но я нарочно надел каменную маску, и скоро начало раздаваться в разных углах ироническое воспоминание:

– Не пищать!

Видимо, на разведку прислали ко мне знаменщика, который спросил:

– И знамя брать?

– А как же без знамени?

– А вот… дождик…

– Да разве это дождик? Наденьте чехол до города.

– Есть надеть чехол, – сказал знаменщик коротко.

В семь часов проиграли общий сбор. Колонна вышла в город точно по приказу. До городского центра было километров десять, и с каждым километром дождь усиливался. На городском плацу мы никого не застали, – ясно было, что демонстрация отменена. В обратный путь тронулись уже под проливным дождем, но для нас было теперь все равно: ни у кого не осталось сухой нитки, а из моих сапог вода выливалась, как из переполненного ведра. Я остановил колонну и сказал ребятам:

– Барабаны намокли, давайте песню. Обращаю ваше внимание, некоторые ряды плохо равняются, идут не в ногу, кроме того, голову нужно держать выше.

Колонисты захохотали. По их лицам стекали целые реки воды.

– Шагом марш!

Карабанов начал песню:

Гей, чумаче, чумаче!
Життя твое собаче…

Но слова песни показались всем настолько подходящими к случаю, что и песню встретили хохотом. При втором запеве песню подхватили и понесли по безлюдным улицам, затопленным дождевыми потоками.

Рядом со мной в первом ряду шагал Чобот. Песни он не пел и не замечал дождя, механически упорно вглядываясь куда-то дальше барабанщиков и не замечая моего пристального внимания.

За вокзалом я разрешил идти вольно. Плохо было то, что ни у кого не осталось ни одной сухой папиросы или щепотки махорки, поэтому все накинулись на мой кожаный портсигар. Меня окружили и гордо напоминали:

– А все ж таки никто не запищал.

– Постойте, вон за тем поворотом камни будут падать, тогда что скажете?

– Камни – это, конечно, хуже, – сказал Лапоть, – но бывает еще и хуже камней, например, пулемет.

Перед входом в колонию снова построились, выровнялись и снова запели песню, хотя она уже с большим трудом могла осилить нарастающий шум ливня и неожиданно приятные, как

салют нашему возвращению, первые в этом году раскаты грома. В колонию вошли с гордо поднятой головой, на очень быстром марше. Как всегда, отдали салют знамени, и только после этого все приготовились разбежаться по спальням. Я крикнул:

– Да здравствует Первое мая! Ура!

Ребята подбросили вверх мокрые фуражки, заорали и, уже не ожидая команды, бросились ко мне. Они подбросили меня вверх, и из моих сапог вылились на меня новые струи воды.

Через час в клубе был прибит еще один лозунг. На огромном длинном полотнище было написано только два слова:

Не пищать!

[15] Трудные люди

Чобот повесился ночью на третье мая.

Меня разбудил сторожевой отряд, и, услышав стук в окно, я догадался, в чем дело. Возле конюшни, при фонарях, Чобота, только что снятого с петли, приводили в сознание. После многих усилий Екатерины Григорьевны и хлопцев удалось возвратить ему дыхание, но в сознание он так и не пришел и к вечеру умер. Приглашенные из города врачи объяснили нам, что спасти Чобота было невозможно: он повесился на балконе конюшни; стоя на этом балконе, он, очевидно, надел на себя и затянул петлю, а потом бросился с ней вниз, – у него повреждены были шейные позвонки.

Хлопцы встретили самоубийство Чобота сдержанно. Никто не выражал особенной печали, и только Федоренко сказал:

– Жалко казака – хороший был бы буденновец!

Но Федоренко ответил Лапоть:

– Далеко Чоботу до Буденного[156]: граком жил, граком и помер, от жадности помер.

Коваль с гневным презрением посматривал в сторону клуба, где стоял гроб Чобота, отказался стать в почетный караул и на похороны не пришел:

– Я таких как Чобот сам вешал бы: лезет под ноги с драмами своими дурацкими!

Плакали только девочки, да и то Маруся Левченко иногда вытирала глаза и злилась:

– Дурак такой, дубина какая, ну что ты скажешь, иди с ним «хазяйнуваты»! Вот счастье какое для Наташи! И хорошо сделала, что не поехала! Много их, таких Чоботов, найдется, да всем ублажать? Пускай вешаются побольше.

Наташа не плакала. Она с испуганным удивлением глянула на меня, когда я пришел к девочкам в спальню, и негромко спросила:

– Що мени теперь робыты?

Маруся ответила за меня:

– Может, и ты вешаться захочешь? Скажи спасибо, что этот дурень догадался смыться. А то он тебя всю жизнь мучил бы. Что ей «робыть», задумалась, смотри! На рабфаке будешь, тогда и задумывайся.

Наташа подняла глаза на сердитую Маруську и прислонилась к ее поясу:

– Ну, добре.

– Я принимаю шефство над Наталкой, – сказала Маруся,

вызывающе сверкнув на меня глазами.

Я шутя расшаркался перед ней:

– Пожалуйста-пожалуйста, товарищ Левченко. А мне можно с вами «на пару»?

– Только с условием: не вешаться! А то, видите, какие шефы бывают, ну их к собакам. Не столько того шефства, сколько неприятностей.

– Есть не вешаться!

Наташа оторвалась от Марусиного пояса и улыбалась своим новым шефам, даже порозовела немного.

– Идем завтракать, бедная девочка, – сказала весело Маруся.

У меня на этом участке сердце стало… ничего себе. К вечеру приехали следователь и Мария Кондратьевна. Следователя я упросил не допрашивать Наташу, да он и сам был человек сообразительный. Написав короткий акт, он пообедал и уехал. Мария Кондратьевна осталась погрустить. Поздно ночью, когда уже все спали, она зашла в мой кабинет с Калиной Ивановичем и устало опустилась на диван:

– Безобразные ваши колонисты! Товарищ умер, а они хохочут, а этот самый ваш Лапоть так же валяет дурака, как и раньше.

– Мария Кондратьевна, подумайте, что вы говорите?

– К вашему сведению: уже подумала и повторяю: гадость. Товарищ им Чобот или нет?

– Не товарищ, понимаете, не товарищ, а враг. Вы ведь член партии, для вас понятно: враг.

Мария Кондратьевна испугалась моего крика и бросилась к Калине Ивановичу:

– Дорогой пасечник, спасите меня от этого изверга.

Калина Иванович рассмеялся и сказал:

– Я тоже не люблю, када… это… вешаються. Эти паразиты думают: поганое ему место в жизни попалось, они и вешаються, и топляться, адиоты… Как будто это тебе театр: пошел и купив себе место в первом ряду. И откуда такое можно почерпнуть, чтобы из-за одной бабы вешаться. Это ж только адиот может подумать, как будто бабы не все одинаковые. У одной юбка с оборкой, а в другой без оборки.

– Ну, вы, старый греховодник. Как это одинаковые? Что это за такая теория?

– Так это ж вовсе ни какая теория, а прахтическая жизнь: по теории, может, и не все одинаковые, а прахтически – один черт.

Мария Кондратьевна махнула рукой на Калину Ивановича и сказала ему серьезно:

– Для вас будут неприятности из-за этого случая.

– Вероятно, будут.

– Что вы предприметe?

– Ничего.

– Как это так – ничего? Надо послать подробное объяснение в Наркомпрос.

– Я послал короткий рапорт.

– Вот еще сокровище, короткий рапорт. Кто же так делает? Что это за рыцарские фасоны?

– Вообще, это не имеет значения, – сказал я.

– Ну, вот увидите, – сказала сердито Мария Кондратьевна. – Где мне спать?

Калина Иванович с готовностью поднялся:

– Уложить вас спать дело легкое, это не то, что писать всякие бумажки.

На другой день я проводил рабфаковцев. По дороге на вокзал Вершнев говорил:

– Хлопцы н-не понимают, в чем дело. Ч-ч-человек решил умереть, значит, жизнь плохая. Им к-кажется, ч-что из-з-за Наталки, а на самом деле не из-за Наталки, а такая жизнь.

Белухин завертел головой:

– Ничего подобного! У Чобота все равно никакой жизни не было. Чобот не человек, а раб. Барина у него отняли, так он Наташку выдумал.

– Выкручуете[157], хлопцы, – сказал Семен. – Этого я не люблю. Повесился человек, ну и вычеркни его из списков. Надо думать про завтрашний день. А я вам скажу: тикайте отсюда с колонией, а то у вас все перевешаются.

На обратном пути я задумался над путями нашей колонии. В полный рост встал перед моими глазами какой-то грозный кризис, и угрожали полететь куда-то в пропасть несомненные для меня ценности, ценности живые, живущие, созданные, как чудо, пятилетней работой коллектива, исключительные достоинства которого я даже из скромности скрывать от себя не хотел.

Надо было ухватить быка за рога. В чем дело?

Правда, во всей истории колонии было очень мало колонистов, собиравшихся посвятить себя сельскому хозяйству, сельская жизнь всегда вызывала у колонистов презрительную мину, а селян, даже в моменты наибольшего союза, иначе не называли, как старым блатным – граки. В таком случае, какое же значение имело то обстоятельство, что почти круглый год колонисты, как муравьи, трудились на своих полях? И никаких наград колонист не мог получить ни в этой жизни, ни в будущей, и будущее это было в высшей степени неизвестное и неуверенное.

И тем не менее нигде я не видел столько смеха и шуток, столько открытого дружелюбного взгляда, столько охотного

стремления к коллективу, так мало наклонности к бузотерству, к скандалу, к спору. А между тем я ни на йоту не уменьшал своего требования к колонисту, все равно к кому – к воспитаннику, к воспитателю, к себе самому. Одним из моих положений, определяющих работу, давно уже было: как можно больше требования к колонисту, как можно больше уважения к нему. И мое требование давно уже перестало быть моим, а сделалось традицией коллектива, которым он дорожит как главной особенностью своей чести.

В таком коллективе неясность личных путей не могла определять кризиса. Ведь личные пути всегда неясны. И что такое ясный личный путь? Это отрешение от коллектива, это концентрированное мещанство: такая ранняя, такая скучная забота о будущем куске хлеба, об этой самой хваленой квалификации. И какой квалификации? Столяра, сапожника, мельника. Нет, я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека.

А настоящий человек, тот, которого иногда предлагают писать с большой буквы, может родиться только в коллективе. Новый коллектив новейшей нашей истории не может быть создан за три-четыре года, это верно, мы, может быть, только слабо ощутили самые главные его черты. Но и главные черты этого нового коллектива, вот эти драгоценные особенности нового человека-коллективиста я не променяю ни на какие квалификации.

Нет, дело не в квалификации. Я ведь и в последние дни явно ощущаю напряженный пульс колонии, для меня нет сомнений в том, что колония несет в себе большую здоровую силу, в противном случае не встретили бы колонисты с таким безмятежным спокойствием смерть Чобота.

Я представил себе силу коллектива колонистов и вдруг понял, в чем дело: ну, конечно, как я мог так долго думать! Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива.

Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Формы бытия свободного человеческого коллектива – движение вперед, форма смерти – остановка. *Но так как мы еще не умерли, значит, у нас есть какое-то движение? Какое? Движение внутреннее? Вероятно, это антитезис: потенциальное напряжение коллективных сил. Черт возьми, здесь можно обнаружить целую кучу интереснейших законов, но мне некогда заниматься этим*

делом, мне пока что поручена не выработка законов, а колония имени Горького.

Да, мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столярная и тот же ежегодный круг.

Я поспешил в колонию, чтобы взглянуть в глаза колонистов и проверить мое великое открытие.

У крыльца белого дома стояли два извозчичьих экипажа, и Лапоть меня встретил сообщением:

– Приехала комиссия из Харькова.

«Вот и хорошо, – подумал я, – сейчас мы это дело решим».

В кабинете ожидали меня: Любовь Савельевна Джуринская, полная дама, в темно-малиновом, не первой чистоты платье, уже немолодая, но с живыми и пристальными глазами, и невзрачный человек, полурыжий, полурусый, не то с бородкой, не то без бородки; очки на нем очень перекосились, и он все поправлял их свободной от портфеля рукой.

Любовь Савельевна заставила себя приветливо улыбнуться, когда знакомила меня с остальными:

– А вот и товарищ Макаренко. Знакомьтесь: Варвара Викторовна Брегель, Сергей Васильевич Чайкин.

Почему не принять в колонии Варвару Викторовну Брегель – мое высшее начальство, но с какой стати этот самый Чайкин? О нем я слышал – профессор педагогики. Не заведовал ли он каким-нибудь детским домом?

Брегель сказала:

– Мы к вам специально – проверить ваш метод.

– Решительно протестую, – сказал я. – Нет никакого моего метода.

– А какой же у вас метод?

– Обыкновенный, советский.

Брегель зло улыбнулась.

– Может быть, и советский, но, во всяком случае, не обыкновенный. Надо все-таки проверить.

– Хорошо, как вы будете проверять?

– А вот поговорим с вами, потом с комсомолом, с ребятами, что-нибудь выясним.

– Есть что-нибудь выяснить, – сказал я по-горьковски.

– Да, между прочим, у вас так вот отвечают. Вы считаете это необходимым. Это, как во флоте, да?

– Да, во флоте тоже так.

– И вообще, у вас военизация?

– Нет, у нас нет военизации.

– А как же: командиры, отряды, приказания?

– Ну да, все это есть, так разве это военизация?

– Ну, все-таки.

Начиналась самая неприятная беседа, когда люди играют терминами в полной уверенности, что термины определяют реальность. Я поэтому сказал:

– В такой форме я беседовать не буду. Если угодно, я вам сделаю доклад, но предупреждаю, что он займет не меньше трех часов.

Брегель согласилась. Мы немедленно уселись в кабинете, заперлись, и я занялся мучительным делом: переводом на слова накопившихся у меня за пять лет впечатлений, соображений, сомнений и проб. Мне казалось, что я говорил красноречиво, находил точные выражения для очень тонких понятий, аналитическим ножом осторожно и смело вскрывал тайные до сих пор области, набрасывал перспективы будущего и затруднения завтрашнего дня. Во всяком случае, я был искренним до конца, не щадил никаких предрассудков и не боялся показать, что в некоторых местах «теория» казалась мне уже жалкой и чуждой.

Джуринская слушала меня с радостным, горящим лицом, Брегель была в маске, а о Чайкине мало я заботился.

Когда я окончил, Брегель постучала полными пальцами по столу и сказала таким тоном, в котором трудно было разобрать, говорит ли она искренно или издевается:

– Так. Скажу прямо: очень интересно, очень интересно. Правда, Сергей Васильевич?

Чайкин ерзнул на стуле и прохрипел:

– Интересно, конечно, как всякое высказывание в педагогике. Наша область такая, знаете, широкая, такая еще не разработанная, что всякая мысль интересна. Но для нас важно, в каком отношении все это стоит к принципам социального воспитания.

Я знал, что он разумел под принципами социального воспитания: это были его собственные измышления в написанной им брошюрке.

– Об этом мы потом поговорим, – сказала Брегель. – Я думаю, очень возможно – ваша система советская, но в таком случае все то, что мы там у себя думаем, никуда не годится. Вы понимаете, может быть, вы правы, а мы ошиблись?

Она смотрела на меня откровенно с насмешкой. Я ей ответил:

– Это не только возможно, а это и есть на самом деле. Вы там у себя очень многое путаете.

– Допустим, – великодушно согласилась Брегель. – Все это нужно рассмотреть при свете принципов социального воспитания. Здесь, конечно, мы этого делать не будем, для этого есть

научпедком. Но я прошу вас, Сергей Васильевич, те вопросы, которые, очевидно, возникают у вас, сейчас высказать.

Чайкин попытался поправить очки, впился в свой блокнот и очень вежливо, как и полагается ученому, со всякими галантными ужимочками и с псевдопочтительной мимикой произнес такую речь:

– Хорошо, это, конечно, нужно все осветить, да… но я бы усомнился и сейчас в некоторых, если можно так выразиться, ваших теоремах, которые вы любезно нам изложили с таким даже воодушевлением, что, разумеется, говорит о вашей убежденности. Хорошо. Ну вот, например, мы и раньше знали, а вы как будто умолчали. У вас здесь организована, так сказать, некоторая конкуренция между воспитанниками: кто больше сделает – того хвалят, кто меньше – того порицают. Поле у вас пахали, и была такая конкуренция, не правда ли? Вы об этом умолчали, вероятно, случайно. Мне желательно было бы услышать от вас: известно ли вам, что мы считаем конкуренцию методом сугубо буржуазным, поскольку она заменяет прямое отношение к вещи отношением косвенным? Это – раз. Другое: вы выдаете воспитанникам карманные деньги, правда – к праздникам, и выдаете не всем поровну, а, так сказать, пропорционально заслугам. Не кажется ли вам, что вы заменяете внутреннюю стимулировку внешней, и при этом сугубо материальной? Дальше: наказания, как вы выражаетесь. Вам должно быть известно, что наказание воспитывает раба, а нам нужна свободная личность, определяющая свои поступки не боязнью палки или другой меры воздействия, а внутренними стимулами и политическим самосознанием.

Я рассматривал его как явление биологическое: среди редких волос у него копошились залежи перхоти и во время быстрых движений сваливались на заношенный пиджак, в ушах скопились серые пятна грязи, а от ног несло нестерпимым запахом.

Он еще много говорил, этот самый Чайкин. Я слушал и вспоминал рассказ Чехова, в котором описывается убийство при помощи пресс-папье; потом мне показалось, что убивать Чайкина не нужно, а следует выпороть, только не розгой и не какой-либо царскорежимной нагайкой, а обыкновенным пояском, которым рабочий подвязывает штаны. Это было бы идеологически выдержанно.

Брегель меня спросила, перебивая Чайкина:

– Вы чему-то улыбаетесь? Разве смешно то, что говорит товарищ Чайкин?

– О, нет, – сказал я, – это не смешно…

– А грустно, да? – улыбнулась наконец и Брегель.

– Нет, почему же, и не грустно. Это обыкновенно.

Брегель внимательно глянула на меня и, вздохнув, пошутила:

– Трудно вам с нами, правда?

– Ничего, я привык к трудным. У меня бывают гораздо труднее.

Брегель вдруг раскатилась смехом.

– Вы все шутите, товарищ Макаренко, – успокоилась она наконец. – Вы все-таки что-нибудь ответите Сергею Васильевичу?

Я умильно посмотрел на Брегель и взмолился:

– Я думаю, пускай и по этим вопросам тоже научведком займется.

Ведь там все делают как следует? Лучше давайте обедать.

– Ну хорошо, – немного надулась Брегель. – Да, скажите, а что это за история: выгнали воспитанника Опришко?

– За пьянство.

– Где же он теперь? Конечно, на улице?

– Нет, живет рядом, у одного куркуля.

– Значит, что же, отдали на патронирование?

– В этом роде, – улыбнулся я.

– Он там живет? Это вы хорошо знаете?

– Да, хорошо знаю: живет у куркуля местного, Лукашенко. У этого доброго человека уж два беспризорных «на патронировании».

– Ну, это мы проверим.

– Пожалуйста.

Мы отправились обедать. После обеда Брегель и Чайкин захотели убедиться в чем-то собственными глазами, а я снял шапку перед Любовью Савельевной.

– Милый, дорогой, родненький Наркомпрос! Нам здесь тесно, и все сделано. Мы запсихуем здесь через полгода. Дайте нам что-нибудь большое, чтобы голова закружилась от работы. У вас же много всего! У вас же не только принципы!

Любовь Савельевна засмеялась и сказала:

– Я вас хорошо понимаю. Это можно будет сделать. Пойдем, поговорим подробнее… Но постойте, вы все о будущем. Вас очень обижает эта ревизия?

– О нет, пожалуйста! А как же иначе?

– Ну а выводы, все эти вопросы Чайкина вас не беспокоят?

– А почему? Ведь ими будет заниматься научпедком? Это ему беспокойство, а мне ничего…

Вечером Брегель, уходя спать, поделилась впечатлениями:

– Коллектив у вас чудесный. Но это ничего не значит, методы ваши ужасны.

Я в глубине души обрадовался: хорошо еще, что она ничего

не знает об обучении наших барабанщиков.

– Спокойной ночи, – сказала Брегель. – Да, имейте в виду, вас никто и не думает обвинять в смерти Чобота…

Я поклонился с глубокой благодарностью.

[16] Запорожье

Снова наступило лето. Снова, не отставая от солнца, заходили по полям сводные отряды, снова время от времени заработали знаменные четвертые сводные, и командовал ими все тот же Бурун.

Рабфаковцы приехали в колонию в середине июня и привезли с собой, кроме торжества по случаю перехода их на второй курс, еще и двух новых членов – Оксану и Рахиль, которым как колонистам уже и выбора никакого не оставалось: обязаны были ехать в колонию. А также приехала и черниговка, существо донельзя чернобровое и черноглазое. Звали черниговку Галей Подгорной. Семен ввел ее в общее собрание колонистов, показал всем и сказал:

– Шурка написал в колонию, нибы я заглядывался на вот эту самую черниговку. Ничего не было, честное комсомольское слово. *Не было такого в колонии, чтобы командиры сплетнями занимались. Так посудите сами, как нам жить, колы Шурка написал в колонию… Не дождался, понимаете, чи я что-нибудь высмотрел, чи не высмотрел, а уже написал. Ну, скажите сами, есть тут на что смотреть, чи, может, не на что и глазом кинуть? И Шурка ж смотрел, и Матвей, и даже Колька Вершнев шукав, а чи найдется в этой черниговской душе какая-нибудь правда? А общее собрание тоже не разработало вопрос как следует, а сейчас же с приказом, можно сказать, наплевало на всякую нашу демократию седьмого сводного отряда: прекратить. Конечно, когда получили такое приказание, мы с командиром и пошли к ним в общежитие выяснить, что и как. Постановили потом привезти ее сюда живую, смотрите сами, чи имел я основание, а может, нет. И больше ничего не было, честное комсомольское слово.* А важное что: Галя Подгорная не имеет, можно сказать, никакой территории, чтоб поехать на каникулы. Судите нас, товарищи колонисты, кто прав, а кто, может, и виноват.

Семен уселся на землю, – собрание происходило в парке.

Черниговка с удивлением рассматривала наше общество, голоногое, голорукое, а в некоторых частях и голопузое. Лапоть поджал губы, прищурился, похлопал лысыми огромными веками и захрипел:

– А скажите, пожалуйста, товарищ черниговка… это… как его…

Черниговка и собрание насторожились.

– …а вы знаете «Отче наш»?

Черниговка улыбнулась, смутилась, покраснела и несмело ответила:

– Не знаю…

– Ага, не знаете? – Лапоть еще больше поджал губы и опять захлопал веками. – А «Верую» знаете?

– Нет, не знаю…

– Угу. А Днепр переплывете?

Черниговка растерянно посмотрела по сторонам:

– Да как вам сказать? Плаваю я хорошо, наверное, переплыву…

Лапоть повернулся к собранию с таким выражением лица, какое бывает у напряженно думающих дураков: надувался, хлопал глазами, поднимал палец, задирал нос, и все это без какого бы то ни было намека на улыбку:

– Значиться, так будэмо говорыты: «Отче наш» вона нэ тямыть, «Верую» ни в зуб ногой, Днипро переплывэ. А може, не переплывэ?

– Пэрэплывэ! – кричит собрание.

– Ну, добре, а колы не Днипро, так Коломак переплывэ?

– Пэрэплывэ Коломак! – кричат хлопцы в хохоте.

– Выходыть так, що для нашои лыцарськои запорожськои колонии годыться?

– Годыться.

– До якого куреня[158]?

– До пятого.

– В таким рази посыпьте ий голову писочком и ведить до куреня[159].

– Та куды ж ты загнув? – кричит Карабанов. – То ж тилько кошевым писочком посыпалы…

– А скажи мени, козачэ, – задает вопрос Семену Лапоть, – а чи життя розвываеться, чи не розвываеться?

– Розвываеться. Ну?

– Ну, так раньше посыпалы голову кошевому, а теперь всим.

– Ага, – говорит Карабанов, – правильно!

Вечером черниговка спрашивает в кабинете у Силантия:

– А почему такие вопросы на собрании задавали?

– А видишь, какая история, – отвечает Силантий, – собираются, здесь это, на Запорожье, как говорится, переезжать, и больше никаких данных.

– На Запорожье?

Я объяснил черниговке, что вопрос о Запорожье еще не решен, но что такой проект имеется.

Мысль о переезде на Запорожье возникла у нас после одного из писем Джуринской, в котором она сообщала темные слухи, что

есть проект организовать на острове Хортице большую детскую колонию, причем в Наркомпросе будут рады, если центральным организатором этой колонии явится колония имени Горького.

Детальная разработка этого проекта еще и не начиналась. На мои вопросы Джуринская отвечала, что окончательного решения вопроса нельзя ожидать скоро, что все это связано с проектом Днепростроя.

Что там делалось в Харькове, мы хорошо не знали, но в колонии делалось много. Трудно было сказать, о чем мечтали колонисты: о Днепре, об острове, о больших полях, о какой-нибудь фабрике. Многих увлекала мысль о том, что у нас будет собственный пароход. Лапоть дразнил девочек, утверждая, что на остров Хортицу по старым правилам девочки не допускаются, поэтому придется для них выстроить что-нибудь на берегу Днепра.

– Но это ничего, – утешал Лапоть. – Мы будем приезжать к вам в гости, а вешаться будем на острове, – вам же спокойнее.

Рабфаковцы приняли участие в шутливых мечтах получить в наследство запорожский остров и охотно отдали дань еще не потухшему стремлению к игре. Целыми вечерами колония хохотала до слез, наблюдая на дворе широкую имитацию запорожской жизни, – для этого большинство как следует штудировало «Тараса Бульбу». В такой имитации хлопцы были неисчерпаемы. То появится на дворе Карабанов в штанах, сделанных из театрального занавеса, и читает лекцию о том, как пошить такие штаны, на которые, по его словам, нужно сто двадцать аршин материи. То разыгрывается на дворе страшная казнь запорожца, обвиненного всей громадой в краже. При этом в особенности стараются сохранить в неприкосновенности такую легендарную деталь: казнь совершается при помощи киев, но право на удар кием имеет только тот, кто перед этим выпьет «кухоль горилки». За неимением горилки для колонистов, приводящих казнь в исполнение, ставится огромный горшок воды, выпить который даже самые большие питухи, водохлебы не в состоянии. То четвертый сводный, отправляясь на работу, подносит Буруну булаву и бунчук. Булава сделана из тыквы, а бунчук из мочала, но Бурун обязан принять все эти «клейноды»[160] с почтением и кланяться на четыре стороны.

Так проходило лето, а запорожский проект оставался проектом, ребятам уже и играть надоело. В августе уехали рабфаковцы и увезли с собой новую партию. Целых пять командиров выбыли из строя, и самая кровавая рана была на месте командира второго, – уехал-таки на рабфак Антон Братченко, мой самый близкий друг и один из основателей

колонии имени Максима Горького. Уехал и Осадчий, за которого я заплатил хорошим куском жизни. Был это бандит из бандитов, а уехал в Харьков в технологический институт стройный красавец, высокий, сильный, сдержанный, полный какого-то особенного мужества и силы. Про него Коваль говорил:

– Комсомолец какой Осадчий, жалко провожать такого комсомольца!

Это верно: Осадчий вынес на своих плечах в течение двух лет сложнейшую нагрузку командира мельничного отряда, полную бесконечных забот, вечных расчетов с селами и комнезамами.

Уехал и Георгиевский, сын иркутского губернатора, так и не смывший с себя позорного пятна, хотя в официальной анкете Георгиевского и было написано: «Родителей не помнит».

Уехал и Шнайдер – командир славного восьмого отряда, и командир пятого, Маруся Левченко, уехала.

Проводили рабфаковцев и вдруг заметили, как помолодело общество горьковцев. Даже в совете командиров засели недавние пацаны: во втором отряде Витька Богоявленский, в третьем отряде заменил Опришко Шаровский Костя, в пятом Наташа Петренко, в девятом Митька Жевелий, и только в восьмом добился наконец командирского поста огромный Федоренко. Отряд пацанов передал Георгиевский после трехлетнего командования Тоське Соловьеву.

Снова закопали бураки и картошку, обложили конюшни соломой, очистили и спрятали семена на весну, и снова на зяби, уже без конкуренции, заработали первые и вторые сводные. И только тогда получили мы из Харькова официальное предложение Наркомпроса осмотреть в Запорожском округе имение Попова.

Общее собрание колонистов, выслушав мое сообщение и пропустив через все руки бумажку Наркомпроса, сразу почувствовало, что дело серьезное. Ведь у нас на руках была и другая бумажка, в которой Наркомпрос просил Запорожский окрисполком передать имение Попова в распоряжение колонии.

В тот момент эти бумажки казались нам окончательным решением вопроса; оставалось вздохнуть свободно, забыть бесконечные разговоры о разных пустопорожних имениях, неудачных колониях, еще не умерших монастырях, еще не оживших помещичьих гнездах, потушить сказку о Хортицком острове, собираться и ехать.

Осмотреть и принять имение Попова поехали я и Митька Жевелий, избранный общим собранием. Митьке было уже пятнадцать лет. Он давно стоял в строю пацанов на голову выше других, давно прошел сложные искусы комсводотряда, больше

года уже комсомолец, а в последнее время заслуженно был выдвинут на ответственный пост командира девятого. Митька был представителем новейшей формации горьковцев: к пятнадцати годам он приобрел большой хозяйственный опыт, и пружинный стан, и удачу организатора, заразившись в то же время многими ухватками старшего боевого поколения. Митька с первого дня был корешком Карабанова и от Карабанова получил как будто в наследство черный огневой глаз и энергичное красочное движение; но и отличался Митька от Семена заметно хотя бы уже потому, что к пятнадцати годам Митька был в пятой группе.

Мы с Митькой выехали в ясный морозный бесснежный день в конце ноября и через сутки были в Запорожье. По молодости нашей воображали, что новая счастливая эра трудовой колонии имени Горького начнется приблизительно так: председатель окрисполкома, человек с революционным, приятным лицом, встретит нас ласково, обрадуется и скажет:

– Имение Попова? Для колонии имени Горького? Как же, как же, знаю. Пожалуйста, пожалуйста! Вот вам ордер на имение, идите и владейте.

Останется нам только узнать, где дорога в имение, и лететь в колонию с приглашением:

– Скорее, скорее собирайтесь!..

В том, что имение Попова нам понравится, мы не сомневались. На что уж Брегель в Наркомпросе женщина строгая, а и та сказала нам с Митькой, когда мы заехали к ней в Харьков:

– Попова имение? Как раз для Макаренко! Этот самый Попов был немножко чудак, он там такого настроил… да вот увидите. Хорошее имение, и вам понравится.

Джуринская говорила то же:

– Там хорошо, и богато, и красиво. Это место нарочно сделано для детской колонии.

И Мария Кондратьевна сказала:

– Прелесть, что за такое имение!

Уже одно то, что всем это имение известно, много значило, и поэтому и я, и Митька были в фаталистическом настроении: это для нас, горьковцев, специально судьба приготовила.

Но из всех наших ожиданий правильным оказалось только одно: лицо предокрисполкома было действительно симпатичное и революционное. Все остальное вышло не так, и прежде всего не таковы были его речи.

Прочитав бумажку Наркомпроса, председатель сказал:

– Да, но там ведь крестьянская коммуна! А что это за колония Горького?

Он откровенно разглядывал нас с Митькой, и, кажется, Митька понравился ему больше, чем я, ибо он улыбнулся черноглазой Митькиной настороженности и спросил:

– Так это такие мальчики будут там хозяйничать?

Митька решительно покраснел и начал грубиянить:

– А чем у нас бузовые пацаны? Наверное, не хуже ваших граков будем хозяйничать.

После этих слов Митька еще больше покраснел, а председатель еще больше улыбнулся и доверчиво признал:

– Это крестьян вы так называете – «граки»? Действительно, хозяйничают плохо. Но ведь там полторы тысячи гектаров. Дело это выше компетенции окрисполкома, придется вам воевать в Наркомземе.

Митька недоверчиво прищурился на председателя:

– Вы сказали: дело выше… как это… компенции? Это, значит, как?

– А я ваш язык лучше понимаю, чем вы мой… Ну хорошо, вам заведующий объяснит, что такое компетенция. А что я могу сделать? Я дам вам машину, езжайте, посмотрите. Кстати, на месте поговорите с коммуной, – может быть, договоритесь. Но решать дело придется в Харькове, в Наркомземе.

Улыбаясь, председатель пожал руку Митьке:

– Если у вас все такие «пацаны», я буду вас поддерживать.

Мы с Митькой видели имение Попова и были отравлены его красотой.

На краю знаменитого Великого луга, кажется, на том самом месте, где стояла хата Тараса Бульбы, в углу между Днепром и Кара-Чекраком неожиданно в степи вытянулись длинные холмы. Между ними Кара-Чекрак прямой стрелкой стремится к Днепру, даже и на речку не похоже – канал, а на высоком берегу его – чудо. Высокие зубчатые стены, за стенами – дворцы, остроконечные и круглые кровли, перепутанные в сказочном своеволии. На некоторых башнях еще и флюгера мотались, но окна смотрели черными, пустыми провалами, и в этом было тяжелое противоречие с живой вычурностью мавританской или арабской фантазии.

Через ворота в двухэтажной кружевной башне въехали мы на огромный двор, выложенный квадратными плитами, между которыми торчали с угрюмым нахальством сухие, дрожащие от мороза стебли украинского бурьяна и на которых коровы, свиньи, козы понабрасывали черт знает чего. Вошли в первый дворец. Ничего в нем уже не было, кроме сквозняков, пахнувших известкой, да в вестибюле на куче мусора валялась гипсовая Венера Милосская, не только без рук, но и без ног. В других

дворцах, таких же высоких и изящных, тоже сильно еще пахло революцией. Опытным глазом восстановителя я прикидывал, во что обойдется ремонт. Собственно говоря, ничего страшного и не было: окна, двери, поправить паркет, штукатурка, Милосскую можно было и не восстанавливать; лестницы, потолки, печи были целы.

Митька был менее прозаичен, чем я. Никакие разрушения не могли потушить в нем эстетического восторга. Он бродил по залам, башням, переходам, дворам и дворикам и ахал:

– Ох ты ж, черт! От смотри ж ты! Ну и здорово, честное слово! Ой, и грубое ж место, Антон Семенович! От хлопцы будут довольны! Хорошо, честное слово, хорошо! А сколько же тут можно пацанов поместить? Мабудь, тысячу?

По моим расчетам выходило: пацанов можно поместить восемьсот.

– А чи справимся? Восемьсот – это ж, наверное, с улицы? А наши все командиры на рабфаке…

О том, справимся или не справимся, некогда было думать – смотрели дальше. На черном дворе хозяйничала коммуна, и хозяйничала отвратительно. Бесконечная конюшня была забита навозом, и в навозных кучах, давно без подстилки и уборки, стояли кое-где классические клячи с выпирающими остряками костей и с испачканными задами, многие плешивые. Огромная свинарня вся сквозила дырками, свиней было мало, и свиньи были плохие. На замерзших кочках двора торчали и валялись беспризорные возы, сеялки, колеса, отдельные части, и все это покрывалось, как лаком, диким, одуряющим безлюдьем. Только в свинарне вытянул к нам грязную бороду корявый дедушка и сказал:

– Колы в контору, так он в ту хатынку зайдить…

– А где же ваши свиньи? – спросил Митька.

– Как вы говорите?.. Ага ж… Свиньи дэ?

Дед затоптался на месте, потрогал прозрачными пальцами усы и оглянулся на станки. Видно, Митькин вопрос был для деда дипломатически непосилен. Но он храбро махнул рукой:

– Та… поилы, сволочи, свиней, поилы, *стервы*…

– Кто это?

– Та хто ж? Свои поилы… коммуна о ця самая…

– Так и вы ж, дедушка, в коммуне?

– Хе-хе, голубе, я в коммуни, як теля в отари. Теперь хто галасуваты глотку мае, той и старший. А диду не далы свинячины, не далы, стервы. А вы ж чого?

– Да по делу.

– Ага ж, по делу, значить… Ну, конечно, раз по делу, так

идить, *оны* там заседають… Заседають, как же… Они все заседають, стервы… а тут…

Дед разгонялся, видимо, на большие откровенности, но нам было некогда.

В тесной конторе на издыхающих барских стульях в самом деле заседали. Сквозь махорочный дым трудно было разглядеть, сколько сидели человек, но галдеж был порядка двух десятков. К сожалению, мы так и не узнали повестки дня, потому что, как только мы вошли, темнобородый кучерявый мужчина, с глазами нежными и круглыми, как у девочки, спросил нас:

– А что за люди?

Начался разговор, сначала недружелюбно-официальный, потом враждебно-страстный и только часа через два просто деловой.

Я, оказывается, ошибался. Коммуна была тяжело больна, но умирать не собиралась и, распознав в нас непрошеных могильщиков, возмутилась и из последних сил проявила жажду жить.

Ясно было одно: для коммуны полторы тысячи га было много. В этом чрезмерном богатстве и заключалась одна из причин ее бедности. Мы легко договорились, что землю можно будет поделить. Еще легче коммуна согласилась отдать нам дворцы, зубцы и башни вместе с Венерой Милосской. Но когда очередь дошла до хозяйственного двора, и у коммунаров и у нас разгорелись страсти. Митька даже не удержался на линии спора и перешел на личности:

– А почему у вас до сих пор бурак в поле лежит?

И председатель ответил:

– А молодой ты еще меня про бурак спрашивать!

Только поздно вечером мы и по этому пункту договорились. Митька сказал:

– Ну, чего мы споримся, как ишаки? Можно ж хозяйственный двор поделить стенкой.

На том и помирились.

На чем мы добрались до колонии Горького, не помню, но, кажется, – это было что-то вроде крыльев. Наш рассказ на общем собрании встречен был еще невиданной овацией. Меня и Митьку качали, чуть не разбили мои очки, а у Митьки что-то разбили – нос или лоб.

В колонии началась действительно счастливая эра. Месяца три колонисты жили планами. Брегель упрекала меня, заехавши в колонию:

– Макаренко, кого вы воспитываете? Мечтателей?

Пусть даже и мечтателей. Я не в восторге от самого слова

«мечта». От него действительно несет чем-то барышенским, а может быть, и хуже. Но ведь и мечта разная бывает: одно дело мечтать о рыцаре на белом коне, а другое – о восьми сотнях ребят в детской колонии. Когда мы жили в тесных казармочках, разве мы не мечтали о высоких светлых комнатах? Обвязывая ноги тряпками, мечтали о человеческой обуви. Мечтали о рабфаке, о комсомоле, мечтали о Молодце и о симментальском стаде. Когда я привез в мешках двух английских поросят, один такой мечтатель, нестриженый пацан Ванька Шелапутин, сидел на высокой скамье, положив под себя руки, болтал ногами и глядел в потолок:

– Это ж только два поросенка. А потом они приведут еще сколько. А те еще сколько. И через… пять лет у нас будет сто свиней. Гото! Ха-ха! Слышишь, Тоська, сто свиней!

И мечтатель и Тоська непривычно хохотали, заглушая деловые разговоры в моем кабинете. А теперь у нас больше трехсот свиней, и никто не вспоминает, как мечтал Шелапутин.

Может быть, главное отличие нашей воспитательной системы от буржуазной в том и лежит, что у нас детский коллектив обязательно должен расти и богатеть, впереди должен видеть лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой веселой мечте. Может быть, в этом и заключается истинная педагогическая диалектика.

Поэтому я не надевал на мечту колонистов никакой узды и вместе с ними залетал, может быть, и слишком далеко. Но это было очень счастливое время в колонии, и теперь о нем все мои друзья вспоминают радостно. С нами мечтал и Алексей Максимович, которому мы подробно писали о наших делах.

Не радовались и не мечтали в колонии только несколько человек, и между ними Калина Иванович. У него была молодая душа, но, оказывается, для мечты одной души мало. И сам Калина Иванович говорил:

– Ты видав, как хороший конь автомобиля боится? Это потому, что он, паразит, жить хочет. А шкапа если какая, так она не только что автомобиля, а и черта не боится, потому что ей все равно: чи хлеб, чи толокно, как кацапы говорять…

Я уговаривал Калину Ивановича ехать с нами, и хлопцы просили, но Калина Иванович был тверд:

– Я вже теперь ничего не боюся, и вам такие паразиты ни к чему. Погуляв с вами, и довольно! А теперь на пенсию: при совецькой власти хорошо дармоедам – старым перхунам.

И Осиповы заявили, что они никуда с колонией не поедут, что с них довольно сильных переживаний.

– Мы люди скромные, – говорила Наталья Марковна. – Мы

даже не понимаем, для чего это вам нужно восемьсот душ. Честное слово, Антон Семенович, вы сорветесь на этой затее.

В ответ на эту декларацию я декламировал: «Безумству храбрых поем мы песню»[161].

Ребята аплодировали и смеялись, но Осиповых таким способом смутить было нельзя. Впрочем, Силантий меня утешал:

– Здесь это, пускай остаются. Ты это, Антон Семенович, любишь, как говорится, всех в беговые дрожки запрягать. Корова, здесь это, для такого дела не годится, а ты ее все цепляешь. Видишь, какая история.

– А тебя можно, Силантий Семенович?

– Куда это?

– Да вот – в беговые дрожки.

– Меня, здесь это, куда хочешь, хоть Буденному под седло. Это, понимаешь, сволочи меня прилаживали, как говорится, воду возить. А не разглядели, гады, конь какой боевой!

Силантий задирал голову и топал ногой, с некоторым опозданием прибавляя:

– Видишь, какая история.

То обстоятельство, что почти все воспитатели, и Силантий, и Козырь, и Елисов, и кузнец Годанович, и все прачки, кухарки и даже мельничные решили ехать с нами, делало этот переезд как-то по-особенному уютным и надежным.

А между тем дела в Харькове были плохие. Я часто туда ездил. Наркомпрос нас дружно поддерживал. Даже Брегель заразилась нашей мечтой, хотя в этот период меня иначе не называла, как Дон Кихот Запорожский.

На что уже Наркомзем, хотя и выпячивал губы и ошибался презрительно: то колония Горького, то колония Короленко, то колония Шевченко, – и тот уступил: берите, мол, и восемьсот десятин и поповское имение, только отвяжитесь.

Враги наши оказались не на боевом фронте, а в засаде. Наткнулся я на них в горячей атаке, воображая, что это последний победный удар, после которого только в трубы трубить. А против моей атаки вышел из-за кустов маленький такой, в куцем пиджачке, человечек, сказал несколько слов, и я оказался разбитым наголову и покатился назад, бросая орудия и знамена, комкая ряды разогнавшихся в марше колонистов.

– Наркомфин не может согласиться на эту аферу – дать вам тридцать тысяч, чтобы ремонтировать никому не нужный дворец. А ваши детские дома стоят в развалинах.

– Да ведь это не только на ремонт. В эту смету входят и инвентарь, и дорога.

– Знаем, знаем: восемьсот десятин, восемьсот беспризорных и

восемьсот коров. Времена таких афер кончились. Сколько мы Наркомпросу миллионов давали, все равно ничего не выходит: раскрадут все, поломают и разбегутся.

И человечек наступил на грудь повергнутой так неожиданно нашей живой, нашей прекрасной мечты. И сколько она ни плакала под этой ногой, сколько ни доказывала, что она мечта горьковская, ничего не помогло – она умерла.

И вот я, печальный, возвращаюсь домой, судорожно вспоминая: ведь в нашей школе комплексом проходит тема «Наше хозяйство в Запорожье». Шере два раза ездил в имение Попова. Он составил и рассказал колонистам переливающий алмазами, изумрудами, рубинами хозяйственный план, в котором лучились, играли, ослепляли тракторы, сотни коров, тысячи овец, сотни тысяч птиц, экспорт масла и яиц в Англию, инкубаторы, сепараторы, сады…

Ведь еще на прошлой неделе вот так же я возвращался из Харькова, и меня встречали возбужденные пацаны, стаскивали с экипажа и вопили:

– Антон Семенович, Антон Семенович! У Зорьки жеребенок! Вот посмотрите, посмотрите! Нет, вы сейчас посмотрите!..

Они потащили меня в конюшню и окружили там еще сырого, дрожащего золотого лошонка. Улыбались молча, и только один сказал задушевно:

– Запорожцем назвали…

Милые мои пацаны! Не ходить вам за плугом по Великому лугу, не жить в сказочном дворце, не трубить вашим трубачам с высоты мавританских башен, и золотого конька напрасно вы назвали Запорожцем.

[17] Как нужно считать

Удар, нанесенный человеком из Наркомфина, оказался ударом тяжелым. Защемило под сердцем у колонистов, заухмылялись и заржали недруги, и я растерялся не на шутку. Но никому уже не приходило в голову, что мы можем остаться на Коломаке. И в Наркомпросе *точно и* покорно ощущали нашу неподатливость, и у них вопрос стоял только в одной форме: куда ехать?

Февраль и март 1926 года были поэтому очень сложно построены. Неудача с Запорожьем потушила последние вспышки торжественной и праздничной надежды, но взамен ее осталась у коллектива упрямая уверенность. Не было недели, чтобы на общем собрании колонистов не обсуждалось какое-нибудь предложение. На просторных степях Украины много еще было таких мест, где либо никто не хозяйничал, либо хозяйничали плохо. Их по очереди подкладывали нам друзья из Наркомпроса, комсомольские организации, соседи-старожилы и далекие знакомцы-хозяйственники. И я, и Шере, и хлопцы много исколесили в то время дорог и шляхов и в поездах, и в машинах, и на Молодце, и на разных конях и клячах местного транспорта.

Но разведчики привозили домой почти одну усталость; на общих собраниях колонистов выслушивали их с холодными деловыми лицами и расходились по своим делам, метнув в докладчика первым попавшимся тяжелым вопросом:

– Сколько там можно поместить? Сто двадцать человек? Чепуха!

– А город какой? Пирятин? Ерунда!

Да и сами докладчики были рады такому концу, ибо в глубине души больше всего боялись, как бы собрание чем-нибудь не соблазнилось.

Так прошли перед нашими глазами имение Старицкого в Валках, монастырь в Пирятине, монастырь в Лубнах, хоромы князей Кочубеев в Диканьке и еще кое-какая дрянь.

Еще больше пунктов называлось и сразу отбрасывалось, не удостоиваясь разведки. И между ними был и Куряж – детская колония под самым Харьковом, в которой было четыреста ребят, по слухам, разложившихся вконец. Представление о разложившемся детском учреждении было для нас таким отвратительным, что мысль о Куряже вздувалась только мелкими чахоточными пузырьками, которые лопались в момент появления.

Однажды во время моей очередной поездки в Харьков попал я на заседание помдета. Обсуждался вопрос о положении

Куряжской колонии, состоявшей в его ведомстве. Инспектор наробраза Юрьев озлобленно-сухо докладывал о положении в колонии, сжимал и укорачивал выражения, и тем глупее и возмутительнее представлялись тамошние дела. Сорок воспитателей и четыреста воспитанников казались слушателю сотнями издевательских анекдотов о человеке, измышлением какого-то извращенного негодяя, мизантропа и пакостника. Я готов был стукнуть кулаком по столу и кричать:

– Не может быть! Сплетни!

Но Юрьев казался очень основательным человеком, а сквозь вежливую серьезность докладчика хорошо просвечивала давно насиженная наробразовская грусть, в которой сомневаться я меньше всего имел оснований. Юрьев меня стыдился и поглядывал иногда с таким выражением, как будто у него случился беспорядок в костюме. После заседания он подошел ко мне и прямо сказал:

– Честное слово, при вас стыдно было рассказывать обо всех этих гадостях. Ведь у вас, рассказывают, если колонист опоздает на пять минут к обеду, вы его сажаете под арест на хлеб и на воду на сутки, а он улыбается и говорит «есть».

– Ну, не совсем так. Если бы я практиковал такой удачный метод, вам пришлось бы и о колонии Горького докладывать приблизительно в стиле сегодняшнего вашего доклада.

Мы с Юрьевым разговорились, заспорили. Он пригласил меня обедать и за обедом сказал:

– Знаете что? А почему вам не взять Куряж?

– Да что ж там хорошего? И ведь там полно?

– Да зачем полно? Мы очистим для ваших сто двадцать мест.

– Не хочется. Грязная работа. Да и не дадите работать…

– Дадим! Чего вы нас так боитесь? Дадим вам открытый лист – делайте, что хотите. Этот Куряж – это ужас какой-то! Подумайте, под самой столицей такое бандитское гнездо. Вы же слышали. На дорогах грабят! На восемнадцать тысяч рублей раскрали только в самой колонии – за четыре месяца.

– Значит, там нужно весь персонал выгнать.

– Нет, зачем же… там есть отличные работники.

– Я в таких случаях сторонник полной асептики.

– Ну хорошо, выгоняйте, выгоняйте!..

– Да нет, в Куряж мы не поедем.

– Но вы же еще не видели?

– Не видел.

– Знаете что? Оставайтесь на завтра, возьмем Халабуду и поедем, посмотрим.

Я согласился. На другой день мы втроем поехали в Куряж. Я

ехал сюда, не предчувствуя, что еду выбирать могилу для моей колонии.

С нами был Халабуда Сидор Карпович, председатель помдета. Он честно председательствовал в этом учреждении, состоявшем тогда из плохих, развалившихся детских домов и колоний, бакалейных магазинов, кинотеатров, магазинов плетеной мебели, увеселительных садов, рулеток и бухгалтерий. Сидор Карпович был покрыт паразитами, *как корниловец*[162] *в двадцатом году*: коммерсантами, комиссионерами, педагогами, крупье, шарлатанами, жуликами, шулерами и растратчиками, и мне от души хотелось подарить ему большую бутылку сабадилловой настойки. Он давно уже был оглушен различными соображениями, которые ему со всех сторон подсказывали: экономическими, педагогическими, психологическими и прочими, и прочими, и поэтому давно потерял надежду понять, отчего в его колониях нищета, повальное бегство, воровство и хулиганство, покорился действительности, глубоко верил, что беспризорный – это соединение всех семи смертных грехов, и от всего своего былого прекраснодушия оставил себе только веру в лучшее будущее и веру в жито[163].

Последнюю черту его характера я выяснил уже в дальнейшем, а сейчас, сидя в автомобиле, я без какого бы то ни было подозрения выслушивал его речи:

– Надо, чтобы у людей жито было. Если у людей есть жито, так ничего не страшно. Что с того, понимаешь, что ты его Гоголю научишь, а если у него хлеба нету? Ты дай ему жита, а потом и книжку подсунь… Вот и эти бандиты жита посеять не умеют, а красть умеют…

– Плохой народ?

– Они? Ох и народ же, понимаешь! Они ко мне это: дай, Сидор Карпович, пятерку, курить хочется. Дал я, конечно, а он через неделю опять: Сидор Карпович, дай пять рублей. Я ж тебе, говорю, дал. Так, говорит, ты на папиросы дал, а теперь на водку дай…

Пролетев километров шесть от города по песчаной скучной дороге, взобрались мы на пригорок и въехали в облезшие ворота монастыря. Посреди круглого двора бесформенная громада древнего, тем не менее безобразного храма, за ним что-то трехэтажное, а по окружности длинные приземистые флигеля, подпертые полусгнившими крылечками. Немного в стороне по краю обрыва деревянная двухэтажная гостиница в периоде перестройки. По углам и закоулкам попрятались черт его знает из чего слепленные домики, сарайчики, кухоньки, всякая дрянь, скопившаяся за триста молитвенных лет. Меня прежде всего

поразил царящий в колонии запах. Это была сложная смесь из уборных, борща, навоза и… ладана. В церкви пели, на ступенях у входа сидели сухие несимпатичные старухи и, наверное, вспоминали о тех счастливых временах, когда было у кого просить милостыню. Но колонистов не было видно.

Серенький, поношенный заведующий с тоской посмотрел на наш фиат, хлопнул рукой по крылу машины и повел нас показывать колонию. Видно было, что он уже привык показывать ее не для славы, а для осуждения, и тропы его мучений были ему хорошо известны.

– Вот здесь спальни первого коллектива, – сказал он, проходя в то место, где раньше были двери, а теперь только дверная рама, даже и наличников не было. Так же беспрепятственно мы переступили и через второй порог и повернули в коридор влево. Я тогда только понял, что коридор этот ничем не отделяется от воздуха, бывшего когда-то свежим. Это, между прочим, доказывалось и наметами снега под стенами, успевшими уже покрыться пылью.

– А как же это… без дверей? – спросил я.

Заведующий с трудом показал нам, что когда-то он умел улыбаться, и пошел дальше. Юрьев сказал громко:

– Двери давно сгорели. Если бы только двери! Уже полы срывают и жгут, сожгли и навесы над погребами и даже часть возов.

– А дрова?

– А черт их знает, почему у них дров нет! Деньги были отпущены на дрова.

Халабуда высморкался и сказал:

– Дрова, наверное, и теперь есть. Не хотят распилить и поколоть, а нанять не на что. Есть дрова у сволочей… Знаете же, какой народ – бандиты!

Наконец мы подошли к настоящей закрытой двери в спальню. Халабуда стукнул по ней ногой, и она немедленно повисла на одной нижней петле, угрожая свалиться нам на головы. Халабуда поддержал ее рукой и засмеялся:

– Э, нет, чертова ведьма! Я тебя уже хорошо знаю…

Мы вошли в спальню. На изломанных грязных кроватях, на кучах бесформенного мусорного тряпья сидели беспризорные, настоящие беспризорные, во всем их великолепии, и старались согреться, кутаясь в такое же тряпье. У облезшей печки двое разбивали колуном доску, окрашенную, видно недавно, в желтый цвет. По углам и даже в проходах было нагажено. Здесь были те же запахи, что и на дворе, минус ладан.

Нас провожали взглядами, но головы никто не повернул. Я

обратил внимание, что все беспризорные были в возрасте старше шестнадцати лет.

– Это у вас самые старшие? – спросил я.

– Да, это первый коллектив – старший возраст, – любезно пояснил заведующий.

Из дальнего угла кто-то крикнул басом:

– Вы не верьте им, что они говорят! Врут все!

В другом конце сказали свободно, отнюдь ничего не подчеркивая:

– Показывают. Чего тут показывать? Показали бы лучше, что накрали.

Мы не обратили никакого внимания на эти возгласы, только Юрьев покраснел и украдкой посмотрел на меня.

Мы вышли в коридор.

– В этом здании шесть спальных комнат, – сказал заведующий. – Показать?

– Покажите мастерские, – попросил я.

Халабуда оживился и начал длинную повесть о том, с каким успехом он покупал станки.

Мы снова вышли во двор. Навстречу нам, завернувшись в клифт, прыгал по кочкам пацан, стараясь не попадать босыми черными ногами на полосы снега. Я его остановил, отставая от других:

– Ты откуда бежишь, пацан?

Он остановился и поднял лицо:

– А я ходил узнавать, чи не будут нас отправлять?

– Куда?

– Говорили, что будут отправлять куда-то.

– А здесь плохо?

– Здесь уже нельзя жить, – тихо и грустно сказал пацан, почесывая ухо о край клифта. – Здесь можно и замерзнуть… И бьют…

– Кто бьет?

– Все.

Пацан был из смышленых и, кажется, без уличного стажа; у него большие голубые глаза, еще не обезображенные уличными гримасами; если его умыть, получится милый ребенок.

– За что бьют?

– А так. Если не дашь чего. Или обед отнимут когда. У нас пацаны так давно не обедают. Бывает, и хлеб отнимают… Или, если не украдешь… тебе скажут украсть, а ты не украдешь… А вы не знаете, будут отправлять?

– Не знаю, голубчик.

– А говорят, скоро будет лето…

– А тебе для чего лето?

– Пойду.

Меня звали к мастерским. Мне казалось невозможным уйти от пацана, не оказав ему никакой помощи, но он уже прыгал по кочкам, приближаясь к спальням, – вероятно, в спальнях все-таки теплее, чем на кочках.

Мастерские нам не удалось посмотреть: кто-то таинственный владел ключами, и никакие поиски заведующего не привели к выяснению тайны. Мы ограничились тем, что заглянули в окна. Здесь были штамповальные станки, деревообделочные и два токарных, всего двенадцать станков. В отдельных флигелях помещались сапожная и швейная – столп и утверждение педагогики.

– У вас сегодня праздник, что ли?

Заведующий не ответил. Юрьев взял снова на себя этот каторжный труд:

– Я вам удивляюсь, Антон Семенович. Вы должны уже все понять. Никто здесь не работает, это общее положение. А кроме того, инструменты раскрадены, материала нет, энергии нет, заказов нет, ничего нет. Да ведь и работать никто не умеет.

Собственная электростанция, о которой Халабуда тоже рассказал целую историю, само собой, не работала: что-то было поломано.

– Ну, а школа?

– Школа имеется, – сказал лично заведующий, – только нам не до школы.

Халабуда настойчиво тянул на поле. Мы вышли из круга, ограниченного стенами саженной толщины, и увидели большую впадину бывшего когда-то пруда, а за ним до леса поля, покрытые тонким разветренным снегом. Халабуда, как Наполеон, вытянул руку и торжественно произнес:

– Сто двадцать десятин! Богатство!

– Озимые посеяны? – спросил я неосторожно.

– Озимые? – вскричал в восторге Халабуда. – Тридцать десятин жита, считайте по сто пудов, три тысячи пудов одного жита! Без хлеба не будут. А жито какое! Если люди будут сеять жито, можно одно жито. Пшеница – это что? Житный хлеб, ты знаешь, немцы его не могут есть, да и французы не могут. А наш брат, если есть житный хлеб…

Мы успели возвратиться к машине, а Халабуда все говорил о жите. Сначала нас это раздражало, а потом стало даже интересно: что еще можно сказать о жите?

Мы сели в машину и уехали, провожаемые одиноким, скучным заведующим. Молчали до самой Холодной горы. Когда

проезжали через базар, Юрьев кивнул на группу беспризорных и сказал:

– Это воспитанники из Куряжа… Ну что, берете?

– Нет.

– Чего вы боитесь? Ведь колония имени Горького правонарушительская? Все равно к вам Всеукраинская комиссия присылает всякую дрянь. А здесь мы вам даем нормальных детей.

Даже Халабуда захохотал в машине:

– Нормальные, тоже сказал!..

Юрьев продолжал свое:

– Заедем сейчас к Джуринской, поговорим. Помдет уступит колонию Наркомпросу. Харькову неудобно посылать к вам правонарушителей, а своей колонии нет. А здесь будет своя, да еще какая: на четыреста человек! Это шикарно. Мастерские здесь не плохие. Сидор Карпович, отдадите колонию?

Халабуда подумал:

– Тридцать десятин жита – это двести сорок пудов семян. А работа? Заплатите? А колонию почему не отдать? Отдадим.

– Заедем к Джуринской, – твердил Юрьев. – Сто двадцать ребят помоложе куда-нибудь переведем, а двести восемьдесят оставим вам. Они хоть и не правонарушители формально, так после куряжского воспитания еще хуже.

– Зачем я полезу в эту яму? – сказал я Юрьеву. – И, кроме того, здесь нужно как-то прибрать. Это будет стоить не меньше двадцати тысяч рублей.

– Сидор Карпович даст.

Халабуда проснулся.

– За что двадцать тысяч?

– Цена крови, – сказал Юрьев, – цена преступления.

– Зачем двадцать тысяч? – еще раз удивился Халабуда.

– Ремонт, двери, инструменты, постели, одежда, все!

Халабуда надулся:

– Двадцать тысяч! За двадцать тысяч мы и сами все сделаем.

У Джуринской Юрьев продолжал агитацию. Любовь Савельевна слушала его, улыбаясь, и с любопытством посматривала на меня:

– Это был бы слишком дорогой эксперимент. Рисковать колонией имени Горького мы не можем. Надо просто: Куряж закрыть, а детей распределить между другими колониями. Да и товарищ Макаренко не пойдет в Куряж.

– Нет, – сказал я.

– Это окончательный ответ? – спросил Юрьев.

– Я поговорю с колонистами, но, вероятно, они откажутся. Халабуда хлопнул глазами.

– Кто откажется?

– Колонисты.

– Эти… ваши воспитанники?

– Да.

– А что они понимают?

Джуринская положила руку на рукав Халабуды:

– Голубчик Сидор! Они там больше нас с тобой понимают. Хотела бы я посмотреть на их лица, когда они увидят твой Куряж.

Халабуда рассердился:

– Да что вы ко мне пристали: «твой Куряж»! Почему он мой? Я дал вам пятьдесят тысяч рублей! И двигатель. И двенадцать станков. А педагоги ваши… Какое мне дело, что они плохо работают?..

Я оставил этих деятелей соцвоса сводить семейные счеты, а сам поспешил на поезд. Меня провожали на вокзале Карабанов и Задоров. Выслушав мой рассказ о Куряже, они уставились глазами в колеса вагона и думали. Наконец Карабанов сказал:

– Нужники чистить – не большая честь для горьковцев, однако, черт его знает, подумать нужно…

– Зато мы будем близко, поможем, – показал зубы Задоров. – Знаешь что, Семен… поедем, посмотрим завтра.

Общее собрание колонистов, как и все собрания в последнее время, сдержанно-раздумчиво выслушало мой доклад. Делая его, я любопытно прислушивался не только к собранию, но и к себе самому. Мне вдруг захотелось грустно улыбнуться. Что это происходит: был ли я ребенком четыре месяца назад, когда вместе с колонистами бурлил и торжествовал в созданных нами запорожских дворцах? Вырос ли я за четыре месяца или оскудел только? В своих словах, в тоне, в движении лица я ясно ощущал неприятную неуверенность. В течение целого года мы рвались к широким, светлым просторам, неужели наше стремление может быть увенчано каким-то смешным, загаженным Куряжем? Как могло случиться, что я сам, по собственной воле, говорю с ребятами о таком невыносимом будущем? Что могло привлекать нас в Куряже? Во имя каких ценностей нужно покинуть нашу украшенную цветами и Коломаком жизнь, наши паркетные поля, нами восстановленное имение?

Но в то же время в своих скупых и правдивых контекстах, в которых невозможно было поместить буквально ни одного радужного слова, я ощущал неожиданный для меня самого большой суровый призыв, за которым где-то далеко пряталась еще несмелая, застенчивая радость…

Ребята иногда прерывали мой доклад смехом, как раз в тех местах, где я рассчитывал повергнуть их в смятение.

Затормаживая смех, они задавали мне вопросы, а после моих ответов хохотали еще больше. Это не был смех надежды или счастья – это была насмешка.

– А что же делают сорок воспитателей?

– Не знаю.

Хохот.

– Антон Семенович, вы там никому морды не набили? Я бы не удержался, честное слово.

Хохот.

– А столовая есть?

– Столовая есть, но ребята все же босые, так кастрюли носят в спальни и в спальнях едят…

Хохот.

– А кто же носит?

– Не видал. Наверное, ребята…

– По очереди, что ли?

– Наверное, по очереди.

– Организованно, значит.

Хохот.

– А комсомол есть?

Здесь хохот разливается, не ожидая моего ответа.

Однако когда я кончил доклад, все смотрели на меня озабоченно и серьезно.

– А какое ваше мнение? – крикнул кто-то.

– А я так, как вы…

Лапоть присмотрелся ко мне и, видно, ничего не разобрал.

– Ну, высказывайтесь… Ну?.. Чего же вы молчите?.. Интересно, до чего вы домолчитесь?

Поднял руку Денис Кудлатый.

– Ага, Денис? Интересно, что ты скажешь.

Денис привычным национальным жестом полез «в потылыцю», но вспомнив, что эта слабость всегда отмечается колонистами, сбросил ненужную руку вниз.

Ребята все-таки заметили его маневр и засмеялись.

– Да я, собственно говоря, ничего не скажу. Конечно, Харьков там близко, это верно… Все ж таки браться за такое дело… кто ж у нас есть? Все на рабфаки позабирались…

Он покрутил головой, как будто муху проглотил.

– Собственно говоря, про этот Куряж и говорить бы не стоило. Чего мы туда попремся? А потом считайте: их двести восемьдесят, а нас сто двадцать, да у нас новеньких сколько, а старые какие? Тоська тебе командир, и Наташка командир, а Перепелятченко, а Густоиван, а Галатенко?

– А чего – Галатенко? – раздался сонный, недовольный

голос. – Как что, так и Галатенко.

– Молчи! – остановил его Лапоть…

– А чего я буду молчать? Вон Антон Семенович рассказывал, какие там люди. А я что, не работаю или что?

– Ну, добре, – сказал Денис, – я извиняюсь, а все ж таки нам там морды понабивают, только и дела будет.

– Потише с мордами, – поднял голову Митька Жевелий.

– А что ты сделаешь?

– Будь покоен!

Кудлатый сел. Взял слово Иван Иванович:

– Товарищи колонисты, я все равно никуда не поеду, так я со стороны, так сказать, смотрю, и мне виднее. Зачем ехать в Куряж? Нам оставят триста ребят самых испорченных, да еще харьковских…

– А сюда харьковских не присылают разве? – спросил Лапоть.

– Присылают. Так посудите – триста! И Антон Семенович говорит – ребята там взрослые. И считайте еще и так: вы к ним приедете, а они у себя дома. Если они одной одежи раскрали на восемнадцать тысяч рублей, то вы представляете себе, что они с вами сделают?

– Жаркое! – крикнул кто-то.

– Ну, жаркое еще жарить нужно – живьем съедят.

– А многих из наших они и красть научат, – продолжал Иван Иванович. – Есть у нас такие?

– Есть, сколько хотите, – ответил Кудлатый, – у нас шпаны человек сорок, только боятся красть.

– Вот-вот! – обрадовался Иван Иванович. – Считайте: вас будет восемьдесят, а их триста двадцать, да еще откиньте наших девочек и малышей… А зачем все? Зачем губить колонию Горького? Вы на погибель идете, Антон Семенович!

Иван Иванович сел на место, победоносно оглядываясь. Колонисты полуодобрительно зашумели, но я не услышал в этом шуме никакого решения.

При общем одобрении вышел говорить Калина Иванович в своем стареньком плаще, но выбритый и чистенький, как всегда. Калина Иванович тяжело переживал необходимость расстаться с колонией, и сейчас в его голубых глазах, мерцающих старческим неверным светом, я вижу большую человеческую печаль.

– Значит, такое дело, – начал Калина Иванович не спеша, – я тоже с вами не поеду, выходит, и мое дело сторона, а только не чужая сторона. Куды вы поедете, и куды вас жизнь поведет – разница. Говорили на прошлом месяце: масло будем грузить английцям. Так скажите на милость мне, старому, как это можно такое допустить – работать на этих паразитов, английцев самых?

А я ж видав, как наши стрыбали[164]: поедем, поедем! Ну й поехав бы ты, а потом что? Теорехтически оно, конечно, Запорожье, а прахтическьки – ты просто коров бы пас, тай и все. Покы твое масло до английця дойдеть, сколько ты поту прольешь, ты считав? И тоби пасты, и тоби навоз возить, и коровам задницы мыть, а то ж англиець твоего масла исты не захотит, паразит. Так ты ж того не думав, дурень, а – поеду тай поеду. И хорошо так вышло, что ты не поехав, хай соби англиець сухой хлеб кушаеть. А теперь перед тобой Куряж. А ты сидишь и думаешь. А чего ж тут думать? Ты ж человек передовой, смотри ж ты, триста же твоих братив пропадаеть, таких же Максимов Горьких, как и ты. Рассказывал тут Антон Семенович, а вы реготали, а что ж тут смешного? Как это можеть совецькая власть допустить, чтобы в самой харьковской столице, под боком у самого Григория Ивановича[165], четыреста бандитов росло? А совецькая власть и говорить вам: а ну, поезжайте зробить, чтобы из них люди правильные вышли, – триста ж людей, вы ж подумайте! А на вас же будет смотреть не какая-нибудь шпана, Лука Семенович чи што, а весь харьковский пролетарий! Так вы – нет! Нам лучше английцев годуваты, чтоб тем маслом подавились. А тут нам жалко. Жалко з розами разлучиться и страшно: нас сколько, а их, паразитов, сколько. А как мы с Антоном Семеновичем вдвох начинали эту колонию, так что? Може, мы собирали общее собрание та говорили речи? От Волхов и Таранець, и Гуд пускай скажут, чи мы их злякались, паразитов? А это ж работа будеть государственная, совецькой власти нужная. От я вам и говорю: поезжайте, и все. И Горький Максим скажеть: во какие мои горьковцы, поехали, паразиты, не злякались![166]

По мере того как говорил Калина Иванович, румянее становились его щеки, и теплее горели глаза колонистов. Многие из сидящих на полу ближе подвинулись к нам, а некоторые положили подбородки на плечи соседей и неотступно вглядывались не в лицо Калины Ивановича, а куда-то дальше, в какой-то свой будущий подвиг. А когда сказал Калина Иванович о Максиме Горьком, ахнули напряженные зрачки колонистов человеческим горячим взрывом, загалдели, закричали, задвигались пацаны, бросились аплодировать, но и аплодировать было некогда. Митька Жевелий стоял посреди сидящих на полу и кричал задним рядам, очевидно, оттуда ожидая сопротивления:

– Едем, паразиты, честное слово, едем!

Но и задние ряды стреляли в Митьку разными огнями и решительными гримасами, – и тогда Митька бросился к Калине Ивановичу, окруженному копошащейся кашей пацанов, способных сейчас только визжать.

– Калина Иванович, раз так, и вы с нами едете?

Калина Иванович горько улыбнулся, набивая трубку. Лапоть говорил речь:

– У нас что написано, читайте!

Все закричали хором:

– Не пищать!

– А ну, еще раз прочитайте!

Лапоть низвергнул вниз сжатый кулак, и все звонко, требовательно повторяли:

– Не пищать!

– А мы пищим! Какие все математики: считают восемьдесят и триста двадцать. Кто так считает? Мы приняли сорок харьковских, мы считали? Где они?

– Здесь мы, здесь! – крикнули пацаны.

– Ну, и что?

Пацаны крикнули:

– Груба?!

– Так какого черта считать? Я на месте Иван Ивановича так считал бы: у нас нет вшей, а у них десять тысяч – сидите на месте.

Хохочущее собрание оглянулось на Ивана Ивановича, покрасневшего от стыда.

– Мы должны считать просто, – продолжал Лапоть, – с нашей стороны колония Горького, а с ихней стороны кто? Никого нет!

Лапоть кончил. Колонисты закричали:

– Правильно! Едем, и все! Пусть Антон Семенович пишет в Наркомпрос!

Кудлатый сказал:

– Добре! Ехать, так ехать. Только и ехать нужно с головой. Завтра уже март, ни одного дня нельзя терять. Надо не писать, а телеграмму, а то без огорода останемся. И другое дело: без денег ехать все равно нельзя. Двадцать тысяч чи сколько, а все равно нужны деньги.

– Голосовать? – спросил Лапоть моего совета.

– Пусть Антон Семенович скажет свое мнение! – крикнули из толпы.

– А ты не видишь, что ли? – спросил Лапоть. – А для порядка все равно нужно. Слово Антону Семеновичу.

Я поднялся перед собранием и сказал коротко:

– Да здравствует колония имени Горького!..

Через полчаса новый старший конюх и командир второго отряда Витька Богоявленский выехал верхом в город.

Зачем он шапкой дорожит?

А в шапке у него депеша:

«Харьков Наркомпрос Джуринской.

Настойчиво просим передать Куряж нам возможно скоро обеспечить посевную смета дополнительно.

Общее собрание колонистов.

Макаренко».

[18] Боевая разведка

Джуринская вызвала меня телеграммой на следующий день. Колонисты доверчиво придали этой телеграмме большое значение:

– Видите как: бах-бах-бах, телеграмма, телеграмма…

На самом деле история развивалась без особого баханья. Несмотря на то что Куряж по общему признанию был нетерпим хотя бы потому, что все окрестные дачи, поселки и села настойчиво просили ликвидировать эту «малину», у Куряжа нашлись защитники. Собственно говоря, только Джуринская и Юрьев требовали перевода колонии без всяких оговорок. При этом Юрьев действительно не сомневался в правильности задуманной операции, Джуринская же шла на нее, только доверяя мне, и в минуту откровенности признавалась:

– Боюсь все-таки, Антон Семенович. Ничего не могу поделать с собой, боюсь…

Брегель поддерживала перевод, но предлагала такие формы его, на которые я согласиться не мог: особая тройка должна была организовать всю операцию, горьковские формы постепенно внедрятся в новый коллектив, и на один месяц должны быть мобилизованы для помощи мне пятьдесят комсомольцев в Харькове.

Халабуда кем-то накачивался из своего продувного окружения и слушать не хотел о двадцати тысячах единовременной дотации, повторяя одно и то же:

– За двадцать тысяч мы и сами сделаем.

Неожиданные враги напали из профсоюза. Особенно бесчинствовал Клямер, страстный брюнет и друг народа. Я и теперь не понимаю, почему раздражала его колония Горького, но говорил о ней он исключительно с искаженным от злобы лицом, сердито плевался, стучал кулаками:

– На каждом шагу реформаторы! Кто такой Макаренко? Почему из-за какого-то Макаренко мы должны нарушать законы и интересы трудящихся? А кто знает колонию Горького? Кто видел? Джуринская видела, так что? Джуринская все понимает?

Раздражали Клямера мои такие требования:

1. Уволить весь персонал Куряжа без какого бы то ни было обсуждения.

2. Иметь в колонии Горького пятнадцать воспитателей (по нормам полагалось сорок).

3. Платить воспитателям не сорок, а восемьдесят рублей в месяц.

4. Педагогический персонал должен приглашаться мною, за профсоюзом остается право отвода.

Эти скромные требования раздражали Клямера до слез:

– Я хотел бы посмотреть, кто посмеет обсуждать этот наглый ультиматум? Здесь в каждом слове насмешка над советским правом. Ему нужно пятнадцать воспитателей, а двадцать пять пускай остаются за бортом. Он хочет навалить на педагогов каторжный труд, так сорока воспитателей он боится…

Я не вступал в спор с Клямером, так как не догадывался, каковы его настоящие мотивы.

Я вообще старался не участвовать в прениях и спорах, так как, по совести, не мог ручаться за успех и никого не хотел заставить принять на себя не оправданную его логикой ответственность. У меня ведь, собственно говоря, был только один аргумент – колония имени Горького, но ее видели немногие, а рассказывать о ней было мне неуместно.

Вокруг вопроса о переводе колонии завертелось столько лиц, страстей и отношений, что скоро я и вовсе потерял ориентировку, тем более что в Харьков не приезжал больше как на один день и не попадал ни на какие заседания. Почему-то я не верил в искренность моих врагов и подозревал, что за высказанными доводами прячутся какие-то другие основания.

Только в одном месте, в Наркомпросе, наткнулся я на настоящую убежденную страстность в человеке и залюбовался ею открыто. Это была женщина, судя по костюму, но, вероятно, существо бесполое по существу: низкорослая, с лошадиным лицом, небольшая дощечка груди и огромные неловкие ноги. Она всегда размахивала ярко-красными руками, то жестикулируя, то поправляя космы прямых светло-соломенных волос. Звали ее товарищ Зоя. Она в кабинете Брегель имела какое-то влияние.

Товарищ Зоя возненавидела меня с первого взгляда и не скрывала этого, не отказываясь от самых резких выражений.

– Вы, Макаренко, солдат, а не педагог. Говорят, что вы бывший полковник, и это похоже на правду. Вообще не понимаю, почему здесь с вами носятся. Я бы не пустила вас к детям.

Мне нравились кристально-чистая искренность и прозрачная страсть товарища Зои, и я этого тоже не скрывал в своем обычном ответе:

– Я от вас всегда в восторге, товарищ Зоя, но только я никогда не был полковником.

К переводу колонии товарищ Зоя относилась как к неизбежной катастрофе, стучала ладонью по столу Брегель и вопила:

– Вы чем-то ослеплены! Чем вас одурманил всех этот… – она

оглядывалась на меня.

– …полковник, – серьезно подсказывал я.

– Да, полковник… Я вам скажу, чем это кончится: резней! Он привезет своих сто двадцать, и будет резня! Что вы об этом думаете, товарищ Макаренко?

– Я в восторге от ваших соображений, но любопытно было бы знать: кто кого будет резать?

Брегель тушила наши пререкания:

– Зоя! Как тебе не стыдно! Какая там резня!.. А вы, Антон Семенович, все шутите.

Клубок споров и разногласий катился по направлению к высоким партийным сферам, и это меня успокаивало. Успокаивало и другое: Куряж все сильнее и сильнее смердел, все больше и больше разлагался и требовал решительных срочных мер. Куряж подталкивал решение вопроса, несмотря даже на то, что куряжские педагоги протестовали тоже:

– Колонию окончательно разлагают разговоры о переводе горьковской.

Те же воспитатели сообщали конспиративно, что в Куряже готовятся ножевые расправы с горьковцами. Товарищ Зоя кричала мне в лицо:

– Видите, видите?

– Да, – отвечал я, – значит, выяснилось: резать будут они нас, а не мы их.

– Да, выясняется… Варвара, ты за все будешь отвечать, смотри! Где это видано? Науськивать друг на друга две партии беспризорных!

Наконец, меня вызвали в кабинет высокой организации. Бритый человек поднял голову от бумаг и сказал:

– Садитесь, товарищ Макаренко.

В кабинете были Джуринская и Клямер.

Я уселся.

Бритый негромко спросил:

– Вы уверены, что с вашими воспитанниками вы одолеете разложение в Куряже?

Я, вероятно, побледнел, потому что мне пришлось прямо в глаза в ответ на честно поставленный вопрос солгать:

– Уверен.

Бритый пристально на меня посмотрел и продолжал:

– Теперь еще один технический вопрос, – имейте в виду, товарищ Клямер, технический, а не принципиальный, – скажите, коротко только, почему вам нужно не сорок воспитателей, а пятнадцать, и почему вы против оклада в сорок рублей?

Я подумал и ответил:

– Видите ли, если коротко говорить: сорок сорокарублевых педагогов могут привести к полному разложению не только коллектив беспризорных, но и какой угодно коллектив.

Бритый вдруг откинулся на спинку кресла в открытом закатистом смехе и, показывая пальцем, спросил сквозь слезы:

– И даже коллектив, состоящий из Клямеров?

– Неизбежно, – ответил я серьезно.

С бритого как ветром сдунуло его осторожную официальность. Он протянул руку к Любови Савельевне:

– Не говорил ли я вам: «числом поболее, ценою подешевле»? [167] Он вдруг устало покачал головой и, снова возвращаясь к официальному деловому тону, сказал Джуринской:

– Пусть переезжает! И скорее!

– Двадцать тысяч, – сказал я, вставая.

– Получите. Не много?

– Мало.

– Хорошо. До свидания. Переезжайте и смотрите: должен быть полный успех.

В колонии имени Горького в это время первое горячее решение постепенно переходило в формы спокойно-точной военной подготовки. Колонией фактически правил Лапоть, да Коваль помогал ему в трудных случаях, но править было не трудно. Никогда не было в колонии такого дружного тона, такой глубоко ощущаемой обязанности друг перед другом. Даже мелкие проступки встречались великим изумлением и коротким выразительным протестом:

– А ты еще собираешься ехать в Куряж!

Уже ни для кого в колонии не оставалось никаких сомнений в сущности задачи. Колонисты даже не знали, а ощущали особенным тончайшим осязанием висевшую в воздухе необходимость все уступить коллективу, и это вовсе не было жертвой. Было наслаждением, может быть, самым сладким наслаждением в мире, чувствовать эту взаимную связанность, крепость и эластичность отношений, вибрирующую в насыщенном силой покое великую мощь коллектива. И это все читалось в глазах, в движении, в мимике, в походке, в работе. Глаза всех смотрели туда, на север, где в саженных стенах сидела и урчала в нашу сторону темная орда, объединенная нищетой, своеволием и самодурством, глупостью и упрямством.

Я отметил, что никакого бахвальства у колонистов не было. Где-то тайно каждый носил страх и неуверенность, тем более естественные, что никто противника в глаза еще не видел.

Каждого моего возвращения ожидали нетерпеливо и жадно, дежурили на дорогах и деревьях, выглядывали с крыш. Как только

мой экипаж въезжал во двор, сигналист хватал трубу и играл общий сбор, не спрашивая моего согласия. Я покорно шел на собрание. В это время сделалось обыкновенным встречать меня, как народного артиста, аплодисментами. Это, конечно, относилось не столько ко мне, сколько к нашей общей задаче.

Наконец, в первых числах мая, на такое собрание пришел я с готовым договором.

По договору и по приказу Наркомпроса колония имени Максима Горького переводилась в полном составе воспитанников и персонала, со всем движимым имуществом и инвентарем, живым и мертвым, в Куряж. Куряжская колония объявлялась ликвидированной, с передачей двухсот восьмидесяти воспитанников и всего имущества в распоряжение и управление колонии имени Горького. Весь персонал Куряжской колонии объявлялся уволенным с момента вступления в заведование завколонией Горького, за исключением некоторых технических работников.

Принять колонию мне предлагалось пятого мая. Закончить перевод колонии Горького – к пятнадцатому мая.

Выслушав договор и приказ, горьковцы не кричали «ура» и никого не качали. Только Лапоть сказал в общем молчании:

– Напишем об этом Горькому. И самое главное, хлопцы: не пищать!

– Есть не пищать, – пропищал какой-то пацан.

А Калина Иванович махнул рукой и прибавил:

– Рушайте[168], хлопцы, не бойтесь!

Часть третья

[1] Гвозди

Через день я должен был приступить к приему Куряжской колонии, а сегодня в совете командиров необходимо что-то сделать, что-то сказать с таким расчетом, чтобы колонисты без меня могли организовать труднейшую операцию свертывания всего нашего хозяйства и перевозки его в Куряж.

В колонии и страхи, и надежды, и нервы, и сияющие глаза, и лошади, и возы, и бурные волны мелочей, забытых «нотабене» и затерявшихся веревок – все сплелось в такой сложнейший узел, что я не верил в способности хлопцев развязать его успешно.

После получения договора на передачу Куряжа прошла только одна ночь, а в колонии все успело перестроиться на походный лад: и настроения, и страсти, и темпы. Ребята не боялись Куряжа, может быть, потому, что не видели его во всем великолепии. Зато перед моим духовным взором Куряж неотрывно стоял, как ужасный сказочный мертвец, способный крепко ухватить меня за горло, несмотря на то что смерть его была давно официально констатирована.

В совете командиров постановили: вместе со мной ехать в Куряж только девяти колонистам и одному воспитателю. Я просил большего. Я доказывал, что с такими малыми силами мы ничего не сделаем, только подорвем горьковский авторитет, что в Куряже снят с работы весь персонал, что в Куряже многие озлоблены против нас.

Мне отвечал Кудлатый, иронически-ласково улыбаясь:

– Собственно говоря, чи вас поедет десять человек, чи двадцать – один черт: ничего не сделаете. Вот когда все приедут, тогда другое дело – навалом возьмем. Вы ж примите в расчет, что их триста человек. Надо здесь хорошо собраться. Попробуйте, собственно говоря, одних свиней погрузить триста двадцать душ. А кроме того, обратите внимание: чи сказились там в Харькове, чи, може, нарочно, что это такое делается, – каждый день к нам новенькие.

Новенькие и меня удручали. Разбавляя наш коллектив, они мешали сохранить горьковскую колонию в полной чистоте и силе. А нашим небольшим отрядом нужно было ударить по толпе в триста человек.

Подготовляясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один молниеносный удар, – куряжан надо было взять сразу. Всякая оттяжка, надежда на эволюцию, всякая ставка на «постепенное проникновение» обращали всю нашу операцию в сомнительное дело. Я хорошо знал, что «постепенно проникать» будут не только

наши формы, традиции, тон, но и традиции куряжской анархии. Харьковские мудрецы[169], настаивая на «постепенном проникновении», собственно говоря, сидели на старых, кустарной работы, стульях: хорошие мальчики будут полезно влиять на плохих мальчиков. А мне уже было известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверенышей. С «мудрецами» я не вступал в открытый спор, арифметически точно подсчитывая, что решительный удар окончится раньше, чем начнется разная постепенная возня. Но новенькие мне мешали. Умный Кудлатый понимал, что их нужно приготовить к перевозке в Куряж с такой же заботой, как и все наше хозяйство.

Поэтому, выезжая в Куряж во главе «передового сводного отряда», я не мог не оглядываться назад с большим беспокойством. Калина Иванович хоть и обещал руководить хозяйством до самого последнего момента, был так подавлен и ошеломлен предстоящей разлукой, что был способен только топтаться среди колонистов, с трудом вспоминая отдельные детали хозяйства и немедленно забывая о них в приливе горькой старческой обиды. Колонисты бережно и любовно выслушивали распоряжения Калины Ивановича, отвечали подчеркнутым салютом и бодрой готовностью «есть», но на рабочих местах быстро вытряхивали из себя неудобное чувство жалости к старику и начинали собственную самоделковую заботу.

Во главе колонии я оставлял Коваля, который больше всего боялся, что его «обдурит» коммуна имени Луначарского, принимающая от нас усадьбу, засеянные поля и мельницу. Представители коммуны уже мелькали между частями колонистской машины, и рыжая борода председателя Нестеренко уже давно недоверчиво посматривала на Коваля. Оля Воронова не любила дипломатических дуэлей этих двух людей и уговаривала Нестеренко:

– Нестеренко, иди домой. Чего ты боишься? Никаких мошенников здесь нет. Иди домой, тебе говорю!

Нестеренко хитро улыбается одними глазами и кивает на краснеющего сердитого Коваля:

– Ты знаешь, Олечка, этого человека? Он же куркуль. Он от природы куркуль.

Коваль еще больше смущается и пламенеет и с трудом, но упрямо выговаривает:

– А ты думал как? Сколько здесь хлопцы труда положили, а я тебе даром отдам? За что? Потому что ты луначарский?[170] Животы вон понаедали, а все незаможниками прикидываетесь!.. Заплатите!..

– Да ты подумай: чем я тебе заплачу?

– Чего я буду про это думать? Ты чем думал, когда я тебя спрашивал: сеять? Ты тогда таким барином задавался: сейте! Ну, вот, плати! И за пшеницу, и за жито, и за буряк.

Наклонив вбок голову, Нестеренко развязывает кисет с махоркой, чутко разыскивает что-то на дне кисета и улыбается виновато:

– Это верно, справедливо, конешно ж… семена. А зачем же за работу требовать? Могли ж бы хлопцы, так сказать… поробыть для общества.

Коваль свирепо срывается со стула и уже на выходе оборачивается, горячий, как в лихорадке:

– С какой стати, дармоеды чертовы? Что вы – больные? Коммунары называетесь, а на детский труд рты раззявили. Не заплатите – гончаровцам отдам.

Оля Воронова прогоняет Нестеренко домой, а через четверть часа уже шепчется в саду с Ковалем, с чисто женским талантом примиряя в себе противоречивые симпатии к колонии и к коммуне. Колония для Оли – родная мать, а в коммуне она открыто верховодит, побеждая мужчин широкой агрономической ухваткой, унаследованной от Шере, привлекая женщин настойчиво-язвительной проповедью бабской эмансипации, а для тяжелых конъюнктур и случаев пользуясь тараном, составленным из двух десятков парубков и девчат, идущих за нею, как за Орлеанской девой[171]. Она забирала за живое культурой, энергией, бодрой верой, и Коваль, глядя на нее, гордился коротко:

– Нашей работы!

Оля гордилась щедрым подарком, который колония имени Горького оставляла луначарцам в виде упорядоченного имения на полном полевом шестипольи, а для нас этот подарок был хозяйственной катастрофой. Нигде так не ощущается великое значение заложенного в прошлом труда, как в сельском хозяйстве. Мы очень хорошо знали, чего это стоит – вывести сорняки, организовать севооборот, приладить, оборудовать каждую деталь, сберечь, сохранить в чистоте каждый элементик медленного, невидного, многодневного процесса. Настоящее наше богатство располагалось где-то глубоко, в переплетении корней растений, в обжитых и философски обработанных стойлах, в сердцевине вот этих, таких простых, колес, оглобель, штурвалов, крыльев. И теперь, когда многое нужно было бросить, а многое вырвать из общей гармонии и втиснуть в тесноту жарких товарных вагонов, становилось понятным, почему таким зеленовато-грустным сделался Шере, почему в его движениях

появилось что-то, напоминавшее погорельца.

Впрочем, печальное настроение не мешало Эдуарду Николаевичу методически спокойно приготовлять свои драгоценности к путешествию, и, уезжая в Харьков с передовым сводным, я без душевной муки обходил его поникшую фигуру. Вокруг нас слишком радостно и хлопотливо, как эльфы, кружились колонисты.

Отбивали счастливейшие часы моей жизни. Я теперь иногда грустно сожалею, почему в то время я не остановился с благоговейным вниманием, почему я не заставил себя крепко-пристально глянуть в глаза прекрасной жизни, почему не запомнил на веки вечные и огни, и линии, и краски каждого мгновения, каждого движения, каждого слова.

Мне тогда казалось, что сто двадцать колонистов – это не просто сто двадцать беспризорных, нашедших для себя дом и работу. Нет, это сотня этических напряжений, сотня музыкально настроенных энергий, сотня благодатных дождей, которых сама природа, эта напыщенная самодурная баба, и та ожидает с нетерпением и радостью.

В те дни трудно было увидеть колониста, проходящего спокойным шагом. Все они приобрели привычку перебегать с места на место, перепархивать, как ласточки, с таким же деловым щебетаньем, с такой же ясной, счастливой дисциплиной и красотой движения. Был момент, когда я даже согрешил и подумал: для счастливых людей не нужно никакой власти, ее заменит вот такой радостный, такой новый, такой человеческий инстинкт, когда каждый человек точно будет знать, что ему нужно делать и как делать, для чего делать.

Были такие моменты, но меня быстро низвергали с анархических высот реплики какого-нибудь Алешки Волкова, недовольно обращающего пятнистое лицо к месту тревоги:

– Что же ты, балда, делаешь? Какими гвоздями ты этот ящик сбиваешь? Может, ты думаешь, трехдюймовые гвозди на дороге валяются?

Энергичный, покрасневший пацан бессильно опускает молоток и растерянно почесывает молотком голую пятку:

– А? А сколькадюймовые?

– Для этого есть старые гвозди, понимаешь, бывшие в употреблении… Стой!.. А где ты этих набрал… трехдюймовых?

Итак… началось. Волков уже стоит над душой пацана и гневно анализирует его существо, неожиданно оказавшееся в противоречии с идеей новых трехдюймовых гвоздей.

Да. Есть еще трагедии в мире *и еще очень далеко до ослепительной свободы совершенного человеческого общества, ибо*

не трудно сделать человека гармонической личностью, и творцом, и инициатором, и коллективистом, но с гвоздями вопрос не так легко разрешается.

Немногие знают, что такое гвозди, бывшие в употреблении!

Их нужно при помощи разных хитрых приспособлений выдергивать из старых досок, из разломанных, умерших вещей, и выходят оттуда гвозди ревматически кривые, ржавые, с исковерканными шляпками, с испорченными остриями, часто согнувшиеся вдвое, втрое, часто завернутые в штопоры и узлы, которые, кажется, и нарочно не сделает самый талантливый слесарь. Их нужно выправлять молотками на куске рельса, сидя на корточках и часто попадая молотком не по гвоздю, а по пальцам. А когда потом заколачивают старые гвозди в новое дело, они гнутся, ломаются и лезут не туда, куда нужно. Может быть, поэтому горьковские пацаны с отвращением относятся к старым гвоздям и совершают подозрительные аферы с новыми, кладя начало следственным процессам и опорочивая большое, радостное дело похода на Куряж.

Да разве одни гвозди? Все эти некрашеные столы, скамьи самого мелкобуржуазного фасона – «ослоны», мириады разных табуреток, старых колес, сапожных колодок, изношенных шерхебелей[172], истрепанных книг – вся эта накипь скопидомной оседлости и хозяйственного глаза оскорбляла наш героический поход. А бросить жалко.

И новенькие! У меня начинали болеть глаза, когда я встречал их плохо сшитые, чужие фигуры. Не оставить ли их здесь, не подкинуть ли их какому-нибудь бедному детскому дому, всучив ему взятку в виде пары поросят или десятка кило картошки? Я то и дело пересматривал их состав и раскладывал его на кучки, классифицируя с точки зрения социально-человеческой ценности. Мой глаз в то время был уже достаточно набит, и я умел с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, еще по каким-то мельчайшим завиткам личности, может быть, даже по запаху, сравнительно точно предсказывать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья.

Вот, например, Олег Огнев. Взять его с собой в Куряж или не стоит? Нет, этого бросить нельзя. Это редкая и интересная марка. Олег Огнев – авантюрист, путешественник и нахал, по всей вероятности, потомок древних норманнов, такой же, как они, высокий, долговязый, белобрысый. Может быть, между ним и его варяжскими предками стояло несколько поколений хороших российских интеллигентов, потому что у Олега высокий чистый лоб и от уха до уха растянувшийся умный рот, живущий в

крепком согласии с ловкими, бодрыми серыми глазами. Олег попался на какой-то афере с почтовыми переводами, и поэтому его ввергли в колонию в сопровождении двух милиционеров. Олег Огнев весело и добродушно шагал между ними, любопытно присматриваясь к собственному ненадежному будущему. Освобожденный наконец от стражи, Олег с вежливым, серьезным вниманием выслушал мои первые заповеди, приветливо познакомился со старшими колонистами, удивленно-радостно воззрился на пацанов и, остановившись посреди двора, расставил тонкие ноги и засмеялся:

– Так вот это какая колония? Максима Горького? Ну, смотри ты! Надо, значит, попробовать.

Его поместили в восьмой отряд, и Федоренко недоверчиво прищурил на него один глаз:

– Та, мабудь же, ты до роботы… не то… не дуже горячий! Ага ж? И пиджачок у тебя мало подходящий… знаешь.

Олег с улыбкой рассмотрел свой франтовской пиджак, попеременно подымая его полы, и весело глянул в лицо командиру:

– Это, знаешь, ничего, товарищ командир. Пиджачок не помешает. А хочешь, я тебе его подарю?

Федоренко закатился смехом, закатились и другие богатыри восьмого отряда.

– А ну, давай посмотрим, как оно будет?

До вечера походил Федоренко в куцем пиджаке Олега, потешая колонистов еще не виданным у нас шиком, но вечером возвратил пиджачок владельцу и сказал строго:

– Эту штуку спрячь подальше, а надевай вот голошейку, завтра за сеялкой погуляешь.

Олег удивленно посмотрел на командира, ехидно посмотрел на пиджачок:

– Не ко двору, значит, эта хламида?

Наутро он был в голошейке и иронически бубнил про себя:

– Пролетарий! Надо будет погулять за сеялкой. Новое, выходит, дело!

В новом деле у Олега все не ладилось. Сеялка почему-то мало ему соответствовала, и гулял за ней он печально, спотыкаясь на кочках, то и дело прыгая на одной ноге в неловком усилии вытащить занозу. С сошниками сеялки он не справлялся на ходу и через каждые три минуты кричал передовому:

– Сеньор, придержите ваших скотов, у нас здесь маленький карамболь!..

Федоренко переменил Олегу трудовую нагрузку, поручив ему вести вторую пару с бороной, но через полчаса он догнал

Федоренко и обратился к нему с вежливой просьбой:

– Товарищ командир, знаете что? Моя сидит!

– Кто сидит?

– Моя лошадь сидит! Обратите внимание: села, знаете, и сидит. Поговорите с нею, пожалуйста!

Федоренко спешит к рассевшейся Мэри и возмущается:

– От черт!.. Как тебя угораздило?! Запутал все на свете! Чего эта барка[173] сюда попала?

Олег честно старается наладить хозяйственную эмоцию:

– Понимаешь, мухи какие-то летают, что ли!.. Села и сидит, когда нужно работать, правда?

Мэри из-за налезающего на уши хомута злобно поглядывает на Олега, сердится и Федоренко:

– Сидит. Разве кобыла может сидеть? Погоняй!..

Олег берется за повод и орет на Мэри:

– Но!

Федоренко хохочет:

– Чего ты кричишь «но»?.. Хиба ты извозчик?

– Видишь ли, товарищ командир.

– Да чего ты заладил: товарищ командир!..

– А как же?

– Как же… Есть у меня имя?

– Ага!.. Видишь ли, товарищ Федоренко, я, конечно, не извозчик, но, поверьте, в моей жизни первый случай близкого общения с Мэри. У меня были знакомые, тоже Мэри, ну, так с теми, конечно, иначе, потому, знаете, здесь же эти самые «барки», «хомуты»…

Федоренко дико смотрит спокойными сильными глазами на изысканно-поношенную фигуру варяга и плюет:

– Не болтай языком, смотри за упряжкой!

Вечером Федоренко разводит руками и не спеша, *большими украинскими мазками*, набрасывает приговор:

– Куды ж он к черту годится? Пирожное лопать, за барышнями ходить. Он к нам, я так полагаю, неподходящий. И я так скажу: не нужно везти его в Куряж.

Командир восьмого серьезно-озабоченно смотрит на меня, ожидая санкции своему приговору. Я понимаю, что проект принадлежит всему восьмому отряду, который отличается, как известно, массивностью убеждений и требований к человеку. Но я отвечаю Федоренко:

– Огнева мы в Куряж возьмем. Ты там растолкуй в отряде, что из Огнева нужно сделать трудящегося человека. Если вы не сделаете, так и никто не сделает, и выйдет из Огнева враг советской власти, босяк выйдет. Ты же понимаешь?

– Та я понимаю, – говорит Федоренко.

– Так ты там растолкуй, в отряде.

– Ну, что ж, придется растолковать, – с готовностью соглашается Федоренко, но с такой же готовностью его рука подымается к тому заветному месту, где у нашего брата, славянина, помещаются проклятые вопросы.

Итак, Олег Огнев едет. А Ужиков? Отвечаю категорически и со злостью: Аркадий Ужиков не должен ехать, и вообще – ну его к черту! На всяком другом производстве, если человеку подсунут такое негодное сырье, он составит десятки комиссий, напишет десятки актов, привлечет к этому делу и НКВД и всякий контроль, в крайнем случае обратится в «Правду», а все-таки найдет виновника. Никто не заставляет делать паровозы из старых ведер или консервы из картофельной шелухи. А я должен сделать не паровоз и не консервы, а настоящего советского человека, *а наробразовские идеалисты требуют не меньше как «человека-коммуниста»*. Из чего? Из Аркадия Ужикова?

С малых лет Аркадий Ужиков валяется на большой дороге, и все колесницы истории и географии прошлись по нему коваными колесами. Его семью рано бросил отец. Пенаты Аркадия украсились новым отцом, что-то изображавшим в балагане деникинского правительства[174]. Вместе с этим правительством новый папаша Ужикова и все его семейство решили покинуть пределы страны и поселиться за границей. Взбалмошная судьба почему-то предоставила для них такое неподходящее место, как Иерусалим. В этом городе Аркадий Ужиков потерял все виды родителей, умерших не столько от болезней, сколько от человеческой неблагодарности, и остался в непривычном окружении арабов и других национальных меньшинств. По истечении времени настоящий папаша Ужикова, к этому времени удовлетворительно постигший тайны новой экономической политики и поэтому сделавшийся членом какого-то комбината, вдруг решил изменить свое отношение к потомству. Он разыскал своего несчастного сына и ухитрился так удачно использовать международное положение, что Аркадия погрузили на пароход, снабдили даже проводником и доставили в одесский порт, где он и упал в объятия родителя. Но уже через два месяца родитель пришел в ужас от некоторых ярких последствий заграничного воспитания сына. В Аркадии удачно соединились российский размах и арабская фантазия, – во всяком случае, старый Ужиков был ограблен начисто. Аркадий спустил на толкучке не только фамильные драгоценности: часы, серебряные ложки и подстаканники, не только костюмы и белье, но и некоторую мебель, а сверх того умело использовал служебную чековую

книжку отца, обнаружив в своем молодом автографе глубокое родственное сходство с замысловатой отцовской подписью.

Те же самые могучие руки, которые так недавно извлекли Аркадия из окрестностей Гроба Господня, теперь вторично были пущены в ход. В самый разгар наших боевых сборов европейски вылощенный, синдикатно-солидный Ужиков-старший, не очень еще и поношенный, уселся против меня на стуле и обстоятельно изложил биографию Аркадия, закончив чуть-чуть дрогнувшим голосом:

– Только вы можете возвратить мне сына!

Я посмотрел на сына, сидящего на диване, и он мне так сильно не понравился, что мне захотелось возвратить его расстроенному отцу немедленно. Но отец вместе с сыном привез и бумажки, а спорить с бумажками мне было не под силу. Аркадий остался в колонии.

Он был высокого роста, худ и нескладен. По бокам его ярко-рыжей головы торчат огромные прозрачно-розовые уши, безбровое, усыпанное крупными веснушками лицо все стремится куда-то вниз – тяжелый, отекший нос слишком перевешивает все другие части лица. Аркадий всегда смотрит исподлобья. Его тусклые глаза, вечно испачканные слизью желтого цвета, вызывают крепкое отвращение. Прибавьте к этому слюнявый, никогда не закрывающийся рот и вечно угрюмую, неподвижную мину.

Я знал, что колонисты будут его бить в темных углах, толкать при встречах, что они не захотят спать с ним в одной спальне, есть за одним столом, что они возненавидят его той здоровой человеческой ненавистью, которую я в себе самом подавлял только при помощи педагогического усилия.

Ужиков с первого дня начал красть у товарищей и мочиться в постель. Ко мне пришел Митька Жевелий и серьезно спросил, сдвигая черные брови:

– Антон Семенович, нет, вы по-хорошему скажите: для чего такого возить? Смотрите: из Иерусалима в Одессу, из Одессы в Харьков, из Харькова сюда, а потом в Куряж? Для чего его возить? Разве нет других грузов? Нет, вы скажите.

Я молчу. Митька ожидает терпеливо моего ответа и хмурит брови в сторону улыбающегося Лаптя; потом он начинает снова:

– Я таких ни разу не видел. Его нужно… так… стрихнина дать или шарик из хлеба сделать и той… булавками напихать и бросить ему.

– Так он не возьмет, – хохочет Лапоть.

– Кто? Ужиков не возьмет? Вот нарочно давай сделаем, слопает. Ты знаешь, какой он жадный? А ест как? Ой, не могу

вспомнить!..

Митька брезгливо вздрагивает. Лапоть смотрит на него, страдальчески подымая щеки к глазам. Я тайно стою на их стороне и думаю: «Ну, что делать?.. Ужиков приехал с такими бумажками…»

Хлопцы задумались на деревянном диване. В двери кабинета заглядывает чистая, улыбающаяся мордочка Васьки Алексеева, и Митька моментально разгорается радостью:

– Вот таких давайте хоть сотню! Васька, иди сюда!

Васька покрывается румянцем и осторожно подносит к Митьке стыдливую улыбку и неотрывно-влюбленные глазенки, склоняется на Митькины колени и вдруг выдыхает свое чувство одним непередаваемым полувздохом, полустоном, полусмехом:

– Гхм…

Васька Алексеев пришел в колонию по собственному желанию, пришел заплаканный и ошеломленный хулиганством жизни. Он попал прямо на заседание совета командиров в бурный дождливый вечер. Метеорологическая обстановка, казалось бы, совершенно неблагоприятная, послужила все-таки причиной Васькиной удачи, ибо в хорошую погоду Ваську, пожалуй, и в дом не пустили бы. А теперь командир сторожевого сводного ввел его в кабинет и спросил:

– Куда этого девать? Стоит под дверями и плачет, а там дождь.

Командиры прекратили текущие прения и воззрились на пришельца. Всеми имеющимися в его распоряжении способами – рукавами, пальцами, кулаками, полами и шапкой – он быстро уничтожил выражение горя и замигал влажными глазами на Ваньку Лаптя, сразу признав в нем председателя. У него хорошее краснощекое лицо, а на ногах аккуратные деревенские вытяжки, только старая куцая суконная курточка не соответствует его общей добротности. Лет ему тринадцать.

– Ты чего? – спросил строго Лапоть.

– В колонию, – ответил серьезно пацан.

– Почему?

– Нас отец бросил, а мать говорит: иди куда хочешь…

– Как это так? Мать такого не может сказать.

– Так мать не родная…

Лаптя только на мгновение затрудняет это новое обстоятельство.

– Стой… Как же это?.. Ну да, не родная. Так отец должен тебя взять. Обязан, понимаешь?..

У пацана снова заблестели горькие слезы, и он снова хлопотливо занялся их уничтожением, приготовляясь говорить.

Острые глаза командиров заулыбались, отмечая оригинальную манеру просителя. Наконец проситель сказал с невольным вздохом:

– Так отец… отец тоже не родной.

На мгновение в совете притихли и вдруг разразились высоким звонким хохотом. Лапоть даже прослезился от смеха:

– В трудный переплет попал, брат… Как же так вышло?

Проситель просто и без кокетства, не отрываясь взглядом от веселой морды Лаптя, рассказал, что его зовут Васькой, а фамилия Алексеев. Отец, извозчик, бросил их семью и «кудысь подався», а мать вышла за портного. Потом мать начала кашлять и в прошлом году умерла, а портной «взял и женился на другой». А теперь, «саме на пасху», он поехал в Конград[175] и написал, что больше не приедет. И пишет: «Живите, как хотите».

– Придется взять, – сказал Кудлатый. – Только, собственно говоря, может, ты брешешь? А? Кто тебя научил?

– Научил? Та там… один человек… живет там… так он научил: говорит, там хлопцы живут и хлеб сеют.

Так и приняли Ваську Алексеева в колонию. Он скоро сделался общим любимцем, и вопрос о возможности обойтись в Куряже без Васьки даже не поднимался в наших кулуарах. Не поднимался он еще и потому, что Васька принят был советом командиров, следовательно, с полным правом мог считаться «принцем крови».

В числе новеньких были и Марк Шейнгауз, и Вера Березовская.

Марка Шейнгауза прислала одесская комиссия по делам несовершеннолетних за воровство, как значилось в препроводительной бумажке. Прибыл он с милиционером, но только бросив на него первый взгляд, я понял, что комиссия ошиблась: человек с такими глазами украсть не может. Описать глаза Марка я не берусь. В жизни они почти не встречаются, их можно найти только у таких художников, как Нестеров[176], Каульбах[177], Рафаэль[178], вообще же они приделываются только к святым лицам, предпочтительно к лицам Мадонн. Как они попали на физиономию бедного еврея из Одессы, почти невозможно понять. А Марк Шейнгауз был по всем признакам беден: его худое шестнадцатилетнее тело было едва прикрыто, на ногах дырявились неприличные остатки обуви, но лицо Марка было чистое, умытое, и кудрявая голова причесана. У Марка были такие густые, такие пушистые ресницы, что при взмахе их казалось, будто они делают ветер.

Я спросил:

– Здесь написано, что ты украл. Неужели это правда?

Святая черная печаль огромных глаз Марка заструилась вдруг почти ощутимой струей. Марк тяжело взметнул ресницами и склонил грустное худенькое бледное лицо:

– Это правда, конечно… Я… да, украл…

– С голоду?

– Нет, нельзя сказать, чтобы с голоду. Я украл не с голоду.

Марк по-прежнему смотрел на меня серьезно, печально и спокойно-пристально.

Мне стало стыдно: зачем я допытываю уставшего, грустного мальчика. Я постарался ласковее ему улыбнуться и сказал:

– Мне не следует напоминать тебе об этом. Украл и украл. У человека бывают разные несчастья, нужно о них забывать… Ты учился где-нибудь?

– Да, я учился. Я окончил пять групп, я хочу дальше учиться.

– Вот прекрасно!.. Хорошо!.. Ты назначаешься в четвертый отряд Таранца. Вот тебе записка, найдешь командира четвертого Таранца, он все сделает, что следует.

Марк взял листок бумаги, но не пошел к дверям, а замялся у стола:

– Товарищ заведующий, я хочу вам сказать одну вещь, я должен вам сказать, потому что я ехал сюда и все думал, как я вам скажу, а сейчас я уже не могу терпеть.

Марк грустно улыбнулся и смотрел прямо мне в глаза умоляющим взглядом.

– Что такое? Пожалуйста, говори.

– Я был уже в одной колонии, и нельзя сказать, чтобы там было плохо. Но я почувствовал, какой у меня делается характер. Моего папашу убили деникинцы, и я комсомолец, а характер у меня делается очень нежный. Это очень нехорошо, я же понимаю. У меня должен быть большевистский характер. Меня это стало очень мучить. Скажите, вы не отправите меня в Одессу, если я скажу настоящую правду?

Марк подозрительно осветил мое лицо своими замечательными глазищами.

– Какую бы правду ты мне ни сказал, я тебя никуда не отправлю.

– За это вам спасибо, товарищ заведующий, большое спасибо. Я так и подумал, что вы так скажете, и решился. Я подумал потому, что прочитал статью в газете «Вісти»[179] под заглавием: «Кузница нового человека», – это про вашу колонию. Я тогда увидел, куда мне нужно идти, и я стал просить. И сколько я ни просил, все равно ничего не помогло. Мне сказали: эта колония вовсе для правонарушителей, чего ты туда поедешь? Так я убежал из той колонии и пошел прямо в трамвай. И все так быстро

сделалось, вы себе представить не можете: я только в карман залез к одному, и меня сейчас же схватили и хотели бить. А потом повели в комиссию.

– И комиссия поверила твоей краже?

– А как же она могла не поверить? Они же люди справедливые, и были даже свидетели, и протокол, и все в порядке. Я сказал, что и раньше лазил по карманам.

Я открыто засмеялся. Мне было приятно, что мое недоверие к приговору комиссии оказалось основательным. Успокоенный Марк отправился устраиваться в четвертом отряде.

Совершенно иной характер был у Веры Березовской.

Дело было зимой. Я выехал на вокзал проводить Марию Кондратьевну Бокову и передать через нее в Харьков какой-то срочный пакет. Марию Кондратьевну я нашел на перроне в состоянии горячего спора со стрелком железнодорожной охраны. Стрелок держал за руку девушку лет шестнадцати в галошах на босую ногу. На ее плечи наброшена старомодная короткая тальма, вероятно, подарок какого-нибудь доброго древнего существа. Непокрытая голова девицы имела ужасный вид: всклокоченные белокурые волосы уже перестали быть белокурыми, с одной стороны за ухом они торчали плотной, хорошо свалянной подушкой, на лоб и щеки выходили темными, липкими клочьями. Стараясь вырваться из рук стрелка, девушка просторно улыбалась – она была очень хороша собой. Но в смеющихся, живых глазах я успел поймать тусклые искорки беспомощного отчаяния слабого зверька. Ее улыбка была единственной формой ее защиты, ее маленькой дипломатией.

Стрелок говорил Марии Кондратьевне:

– Вам хорошо рассуждать, товарищ, а мы с ними сколько страдаем? Ты на прошлой неделе была в поезде? Пьяная… была?

– Когда я была пьяная? Он все выдумывает, – девушка совсем уже очаровательно улыбнулась стрелку и вдруг вырвала у него руку и быстро приложила ее к губам, как будто ей было очень больно. Потом с тихоньким кокетством сказала:

– Вот и вырвалась.

Стрелок сделал движение к ней, но она отскочила шага на три и расхохоталась на весь перрон, не обращая внимания на собравшуюся вокруг нас толпу.

Мария Кондратьевна растерянно оглянулась и увидела меня:

– Голубчик, Антон Семенович!..

Она утащила меня в сторону и страстно зашептала:

– Послушайте, какой ужас! Подумайте, как же так можно? Ведь это женщина, прекрасная женщина. Ну да, не потому, что прекрасная… но так же нельзя!..

– Мария Кондратьевна, чего вы хотите?

– Как чего? Не прикидывайтесь, пожалуйста, хищник!

– Ну, смотри ты!..

– Да, хищник! Все свои выгоды, все расчеты, да? Это для вас невыгодно, да? С этой пускай стрелки возятся, да?

– Послушайте, но ведь она проститутка… В коллективе мальчиков?

– Оставьте ваши рассуждения, несчастный… педагог!

Я побледнел от оскорбления и сказал свирепо:

– Хорошо, она сейчас поедет со мной в колонию!

Мария Кондратьевна ухватила меня за плечи:

– Миленький Макаренко, родненький, спасибо, спасибо!..

Она бросилась к девушке, взяла ее за плечи и зашептала что-то секретное. Стрелок сердито крикнул на публику:

– Вы чего рты пораззявили? Что вам тут, кинотеатр? Расходитесь по своим делам!..

Потом стрелок плюнул, передернул плечами и ушел.

Мария Кондратьевна подвела ко мне девушку, до сих пор еще улыбающуюся.

– Рекомендую: Вера Березовская. Она согласна ехать в колонию… Вера, это ваш заведующий, – смотрите, он очень добрый человек, и вам будет хорошо.

Вера и мне улыбнулась:

– Поеду… что ж…

Мы распростились с Марией Кондратьевной и уселись в сани.

– Ты замерзнешь, – сказал я и достал из-под сиденья попону.

Вера закуталась в попону и спросила весело:

– А что я буду там делать, в колонии?

– Будешь учиться и работать.

Вера долго молчала, а потом сказала капризным «бабским» голосом:

– Ой, Господи!.. Не буду я учиться, и ничего вы не выдумывайте…

Надвинулась облачная, темная, тревожная ночь. Мы ехали уже полевой дорогой, широко размахиваясь на раскатах. Я тихо сказал Вере, чтобы не слышал Сорока на облучке:

– У нас все ребята и девчата учатся, и ты будешь. Ты будешь хорошо учиться. И настанет для тебя хорошая жизнь.

Она тесно прислонилась ко мне и сказала громко:

– Хорошая жизнь… Ой, темно как… И страшно… Куда вы меня везете?

– Молчи.

Она замолчала. Мы въехали в рощу. Сорока кого-то ругал вполголоса, – наверное, того, кто выдумал ночь и тесную лесную

дорогу.

Вера зашептала:

– Я вам что-то скажу… Знаете что?

– Говори.

– Знаете что?.. Я беременна…

Через несколько минут я спросил:

– Это ты все выдумала?

– Да нет… Зачем я буду выдумывать… Честное слово, правда.

Вдали заблестели огни колонии. Мы опять заговорили шепотом. Я сказал Вере:

– Аборт сделаем. Сколько месяцев?

– Два.

– Сделаем.

– Засмеют.

– Кто?

– Ваши… ребята…

– Никто не узнает.

– Узнают…

– Нет. Я буду знать и ты. И больше никто.

Вера развязно засмеялась:

– Да. Рассказывайте.

Я замолчал. Взбираясь на колонийскую гору, поехали шагом. Сорока слез с саней, шел рядом с лошадиной мордой и насвистывал «Кирпичики»[180]. Вера вдруг склонилась на мои колени и горько заплакала.

– Чего это она? – спросил Сорока.

– Горе у нее, – ответил я.

– Наверное, родственники есть, – догадался Сорока. – Это нет хуже, когда есть родственники!

Он взобрался на облучок, замахнулся кнутом:

– Рысью, товарищ Мэри, рысью! Так!

Мы въехали во двор колонии.

Через три дня возвратилась из Харькова Мария Кондратьевна. Я ничего не сказал ей о трагедии Веры. А еще через неделю мы объявили в колонии, что Веру нужно отправить в больницу, у нее плохо с почками. Из больницы она вернулась печально-покорная и спросила у меня тихонько:

– Что мне теперь делать?

Я подумал и ответил скромно:

– Теперь будем понемножку жить.

По ее растерянно-легкому взгляду я понял, что жить для нее самая трудная и непонятная штука.

Разумеется, Вера Березовская едет с нами в Куряж. Выходит так, что едут все, едут и те двадцать новеньких, которых мне

подкинул Наркомпрос в последние дни, подкинул в полном безразличии к моим стратегическим планам. Как было бы хорошо, если бы со мной шли на Куряж только испытанные старые одиннадцать горьковских отрядов. Отряды эти с боем прошли нашу шестилетнюю историю. У них было много общих мыслей, традиций, опыта, идеалов, обычаев. С ними как будто можно не бояться. Как было бы хорошо, если бы не было этих новичков, которые хотя и растворились как будто в отрядах, но я встречаю их на каждом шагу и всегда смущаюсь: они и ходят, и говорят, и смотрят не так, у них еще «третьесортные», плохие лица.

Ничего, мои одиннадцать отрядов имеют вид металлический. Но какая будет катастрофа, если эти одиннадцать маленьких отрядов погибнут в Куряже! Накануне отъезда передового сводного у меня на душе было тоскливо и неразборчиво. А вечерним поездом приехала Джуринская, заперлась со мной в кабинете и сказала:

– Антон Семенович, я боюсь. Еще не поздно, можно отказаться.

– Что случилось, Любовь Савельевна?

– Я вчера была в Куряже. Ужас! Я не могу выносить таких впечатлений. Вы знаете… я была в тюрьме, на фронте – я никогда так не страдала, как сейчас.

– Да зачем вы так?..

– Я не знаю, не умею рассказывать, что ли. Но вы понимаете: три сотни совершенно отупевших, развращенных, озлобленных мальчиков, это… знаете, какой-то животный, биологический развал. Даже не анархия. И эти нищета, вонь, вши!.. Не нужно вам ехать, это мы очень глупо придумали.

– Но позвольте! Если Куряж производит на вас такое гнетущее впечатление, тем более нужно что-то делать.

Любовь Савельевна тяжело вздохнула:

– Ах, долго говорить придется. Конечно, нужно делать, это наша обязанность, но нельзя приносить в жертву ваш коллектив. Вы ему цены не знаете, Антон Семенович. Его нужно беречь, развивать, холить, нельзя швыряться им по первой прихоти.

– Чьей прихоти?

– Не знаю, чьей, – устало сказала Любовь Савельевна, – я о вас не говорю: у вас совершенно особая позиция. Но вот что я вам хочу сказать: у вас гораздо больше врагов, чем вы думаете.

– Ну так что?

– Есть люди, которые будут довольны, если в Куряже вы оскандалитесь.

– Знаю.

– Вот! Давайте действовать серьезно! Давайте откажемся. Это еще не трудно сделать.

Я мог только улыбнуться на предложение Джуринской:

– Вы наш друг. Ваше внимание и любовь к нам дороже всякого золота. Но… простите меня: сейчас вы стоите на старой педагогической плоскости.

– Не понимаю.

– Борьба с Куряжем нужна не только для куряжан и для моих врагов, она нужна и для нас, для каждого колониста. Эта борьба имеет реальное значение. Пройдитесь между колонистами, и вы увидите, что отступление уже невозможно.

На другое утро передовой сводный выехал в Харьков. В одном вагоне с нами ехала и Любовь Савельевна.

[2] Передовой сводный

Во главе передового сводного шел Волохов. Волохов очень скуп на слова, жесты и мимику, но он умеет хорошо выражать свое отношение к событиям или человеку, и отношение его всегда полно несколько ленивой иронии и безмятежной уверенности в себе. Эти качества в примитивных формах присутствуют у каждого хорошего хулигана, но, отграненные коллективом, они сообщают личности благородный сдержанный блеск и глубокую игру спокойной, непобедимой силы. В борьбе нужны такие командиры, ибо они обладают абсолютной смелостью и абсолютно доброкачественными тормозами. *Именно во главе Волохова передовой сводный может, конечно, испытать неудачу, но он никогда не попадет в положение глупое или смешное и всегда успеет отступить с честью.* Меня больше всего успокаивало то обстоятельство, что о Куряже и куряжанах Волохов даже не думал. Иногда, вызываемый *на отклик* неугомонной болтовней хлопцев о куряжанах, Волохов дарил неохотно и свою реплику:

– Да бросьте вы о куряжанах этих! Увидите: из такого теста, как и все.

Это, однако, не помешало Волохову к составу передового сводного отнестись чрезвычайно внимательно. *В совете командиров давно существовала традиция: при организации сводных особого назначения прежде всего выделять командира и затем предоставлять ему неограниченное право отвода отдельных кандидатов в сводный.* Волохов аккуратно, молчаливо обсасывал каждую кандидатуру и решал коротко:

– Не надо! Легкого веса!

Или:

– К чертям… Болтать языком некогда будет.

Так же заботливо Волохов поработал над материальной организацией сводного. Каждый его член имел корзину, в которой помещался приведенный в полный порядок гардероб, мыло, зубная щетка, перевязочный материал, блокнот и карандаши. Кое-кто из колонистов советовал непременно везти финские ножи, но Волохов сказал:

– Чепуха. Обойдемся без ножей.

Передовой сводный был составлен очень остроумно. Будучи сплошь комсомольским, он в то же время объединял в себе представителей всех главных идей и специальных навыков, имеющихся в колонии. В передовой сводный входили:

1. Витька Богоявленский, которому совет командиров, не желая выступать на фронте с такой богопротивной фамилией,

переменил ее на новую, совершенно невиданного шика: Горьковский. *Это к тому же больше как-то подходило к Витьке.* Горьковский был худ, некрасив и умен, как фокстерьер. Он был прекрасно дисциплинирован, всегда готов к действию и обо всем имел собственное мнение, а о людях судил быстро и определенно. *Главной его способностью* было *замечательное умение напролет* видеть каждого хлопца насквозь и безошибочно *определять* его *внутреннюю* сущность. Вместе с тем Витька никогда не распылялся, и его представление об отдельных людях немедленно им синтезировалось в коллективные образы, в знание групп, линий различий и типических явлений.

2. Митька Жевелий – старый наш знакомый, самый удачный и красивый выразитель истинного горьковского духа. Митька счастливо вырос и сделался чудесно стройным юношей с хорошо посаженной, ладной головой, с живым черно-бриллиантовым взглядом несколько косо разрезанных глаз. *Он имел уже большое положительное влияние на колонистов.* В колонии всегда было много пацанов, которые старались подражать Митьке и в манере высказываться энергично с *убедительным* коротким жестом, и в чистоте и прилаженности костюма, и в походке, и даже в убежденном, веселом и добродушном патриотизме горьковца. В нашем переезде в Куряж Митька видел важное дело большого *общественного* значения, был *убежден*, что мы нашли правильные формы «организации пацанов» и для пользы пролетарской республики должны распространять нашу находку. *Митька принадлежал к тем колонистам, которые ни минуты не сомневались в нашей работе и которые с настоящим презрением умели смотреть на всякую расхлябанность, грязь и дармоедство.*

3. Михайло Овчаренко – довольно глуповатый парень, но прекрасный работник, *страшно* экспансивно настроенный по отношению к колонии и ее интересам. Миша имел очень запутанную биографию, в которой сам разбирался с большим трудом. Перебывал он почти во всех городах *России*, но из этих городов не вынес никаких знаний и никакого развития. Он с первого дня влюбился в колонию, и за ним почти не водилось проступков. У Миши было много всякого умения, но ни в одной области он не приобрел квалификации, так как не выносил оседлости ни у одного станка, ни на одном рабочем месте. Зато у него были неоспоримые хозяйственные таланты, *уменье* наладить работу отряда, *кладовку*, перевозку, *загородку*, всегда быстро и удачно, пересыпая работу хозяйственным ворчанием и нравоучениями, только потому неутомительными, что от них всегда шел приятный запах Мишиной благонамеренной глупости и неиссякаемой доброты. Миша Овчаренко был сильнее всех в

колонии, сильнее даже Силантия Отченаша, и, кажется, Волохов, выбирая Мишу в отряд, имел в виду главным образом это качество.

4. Денис Кудлатый – самая сильная фигура в колонии эпохи наступления на Куряж. Многие колонисты *приходили в ужас*, когда Денис брал слово на общем собрании и упоминал их фамилии. Он умел замечательно сочно и основательно смешать с грязью человека и самым убедительным образом потребовать его удаления из колонии. Страшнее всего было *в этом случае* то, что Денис был действительно умен, и его аргументы были часто *по-настоящему* убийственны. К колонии он относился с глубокой и серьезной уверенностью *настоящего практика* в том, что колония вещь полезная, крепко сбитая и налаженная. В его представлении она, вероятно, напоминала хорошо смазанный, исправный хозяйственный воз, на котором можно спокойно и не спеша проехать тысячу верст, потом с полчаса походить вокруг него с молотком и мазницей – и снова проехать тысячу верст. *И по* внешнему виду Кудлатый напоминал классического кулака, и в нашем театре играл только кулацкие роли, а тем не менее он был первым организатором нашего комсомола и наиболее активным его работником. Погорьковски он был немногословен, относясь к ораторам с молчаливым осуждением, а длинные речи выслушивая с физическим страданием.

5. Евгеньева командир выбрал *открыто* в качестве необходимой блатной приманки. *Евгеньев давно забыл свои кокаинные припадки*, был хорошим комсомольцем и веселым, крепким товарищем, но в его языке и в ухватках еще живы были воспоминания о бурных временах улицы и реформаториума, а так как он был хороший артист, то ему ничего не стоило поговорить с человеком на его родном диалекте, если это нужно.

6. Жорка Волков, правая комсомольская рука Коваля, выступал в нашем сводном в роли политкома и творца новой конституции. Жорка был природный политический деятель: страстный, уверенный, настойчивый. Отправляя его, Коваль говорил:

– Жорка их там подергает, сволочей, за политические нервы. А то они думают, черт бы их побрал, что они *в буржуазном государстве живут*. Ну, а если до кулаков дойдет, Жорка тоже сзади стоять не будет.

7 и 8. Тоська Соловьев и Ванька Шелапутин – представители младшего поколения. Впрочем, они носили оба красивые волнистые «политики», только Тоська блондин, а Ванька темно-русый. У Тоськи хорошенькая юношеская свежая морда, а у Ваньки курносое ехидно-оживленное лицо. *И Ванька и Тоська*

критически относились к авторитету старшего именно потому, что оба были очень образованны, состояли в местной группе, начитанны и говорили правильным языком. В вагоне Волохов отвел для них багажные высокие полки и сказал:

– Ну, культотдел, вы носы задираете, полезайте наверх.

Тоська на это ответил, взглянув на полку:

– Наверх, так наверх. Хорошо, что ты командир, а то мы тебя на крышу записали бы.

Волохов вдогонку шлепнул широкой рукой по филейном части Тоськи, и инцидент был исчерпан.

Наконец, девятым номером шел колонист… Костя Ветковский. Возвращение его в *лоно колонии* произошло самым быстрым, прозаическим и деловым образом. За три дня до нашего отъезда Костя пришел в колонию – худой, синий и смущенный. Его встретили *серьезно*, только Лапоть *не удержался*:

– Ну, как там «пронеси Господи» поживает?

Костя с достоинством улыбнулся:

– Ну ее к черту! Я там и не был…

– Вот жаль, – сказал Лапоть, – даром стоит, проклятая!

Волохов прищурился на Костю по-приятельски.

– Значит, ты налопался разных интересных вещей по самое горло?

Костя отвечал, не краснея:

– Налопался.

– Ну, а что будет у тебя на сладкое?

Костя громко рассмеялся:

– А вот видишь, буду ожидать совета командиров. Они мастера и на сладкое, и на горькое.

– Сейчас нам некогда возиться с твоими меню, – сурово произнес Волохов. – А я вот что скажу: у Алешки Волкова нога растерта, поедешь ты вместо Алешки. Лапоть, как ты думаешь?

– Я думаю: соответствует.

– А совет? – спросил Костя.

– Мы сейчас на военном положении, можно без совета.

Так неожиданно для себя и для нас, без процедур и психологии, Костя попал в передовой сводный. На другой день он ходил уже в колонийском костюме, *и можно было часто слышать, как он воспитывал кого-нибудь из молодых*:

– Эх, деревня, разве так колонисты делают?

С нами ехал еще Иван Денисович Киргизов, новый воспитатель, которого я нарочно сманил с педагогического подвижничества в Пироговке на место уходящего Ивана Ивановича. Непосвященному наблюдателю Иван Денисович казался обыкновенным сельским учителем, а на самом деле Иван

Денисович есть тот самый положительный герой, которого так *тщетно* и давно разыскивает русская литература *и на котором даже Гоголь испортил себе несколько зубов*. Ивану Денисовичу тридцать лет, он добр, умен, спокоен и в особенности работоспособен – последним качеством герои русской литературы, и отрицательные и положительные, как известно, похвастаться не могут. Иван Денисович все умеет делать и всегда что-нибудь делает, но издали всегда кажется, что ему можно еще что-нибудь поручить. Вы подходите ближе и начинаете различать, что прибавить ничего нельзя, но ваш язык, уже наладившийся на известный манер, быстро перестроиться не умеет, и вы выговариваете, немного все же краснея и заикаясь:

– Иван Денисович, надо… там…. упаковать физический кабинет.

Иван Денисович поднимается от какого-нибудь ящика или тетради и улыбается:

– Кабинет? Ага… Добре… Ось возьму хлопцив тай запакуем.

Вы стыдливо отходите прочь *и думаете: «М-да… В общем, конечно, это свинство»*, – а Иван Денисович уже забыл о вашем изуверстве и ласково говорит кому-то:

– Пиды, голубе, поклычь там хлопцив!..

В Харьков мы приехали утром. На вокзале встретил нас сияющий в унисон майскому утру и нашему *победному маршу* инспектор наробраза Юрьев. Он хлопал нас по плечам и приговаривал:

– Вот какие горьковцы? Здорово, здорово! И Любовь Савельевна здесь? Здорово! Так знаете что? У меня машина, заедем за Халабудой и прямо в Куряж. Любовь Савельевна, вы тоже поедете? Здорово! А ребята пускай дачным поездом до Рыжова. А от Рыжова близко – два километра. Там лугом можно пройти. А вот только надо же вас накормить, а? Или в Куряже накормят, как вы думаете?

Хлопцы выжидательно посматривали на меня и иронически на Юрьева. Их боевые щупальца были наэлектризованы до высшей степени и жадно ощупывали первый харьковский предмет – Юрьева.

Я сказал:

– Видите ли: наш передовой сводный является, так сказать, первым эшелоном горьковцев. Раз мы приедем, пускай и они приедут. Кажется, можно нанять две машины?

Юрьев подпрыгнул от восхищения:

– Здорово, честное слово! Как это у них… все как-то по-своему. Ах, какая прелесть! И знаете что? Я нанимаю за счет Наробраза! И знаете что? Я поеду с ними, с хлопцами…

– Поедем, – показал зубы Волохов.

– Зам-мечательно, зам-мечательно!.. Значит, идем… идем нанимать машины!

Волохов приказал:

– Ступай, Тоська!

Тоська салютнул, пискнул «есть», Юрьев влепился в Тоську *целым букетом восторженных взглядов*, потирал руки, танцевал на месте:

– Ну, что ты скажешь, ну, что ты скажешь!..

Он побежал на площадь, оглядываясь на Тоську, который, конечно, не мог так быстро *оставить* свою солидность члена передового сводного и прыгать по вокзалу.

Джуринская смеялась им вслед. Хлопцы переглянулись. Горьковский спросил тихо:

– Кто такой… этот чудак?..

Через час три наших авто влетели на куряжскую гору и остановились возле ободранного бока собора. Несколько нестриженных, грязных фигур лениво двинулись к машинам, волоча по земле длинные истоптанные штанины и без особенного любопытства поглядывая на горьковцев, стройных, как пажи, и строгих, как *экзаменаторы*.

Два воспитателя подошли к нам и, еле скрывая неприязнь, переглянулись между собой.

– Где мы их поместим? Вам можно поставить кровать в учительской, а ребята могут расположиться в спальнях.

– Это неважно. Где-нибудь поместимся. Где заведующий?

Заведующий в городе. Но находится некто в светло-серых штанах, украшенных круглыми масляными пятнами, который с некоторым трудом и воспоминаниями о неправильной очереди соглашается все же объявить себя дежурным и показать нам колонию. Мне смотреть нечего, Юрьев тоже мало интересуется зрительными *радостями*. Джуринская грустно молчит, а хлопцы, не ожидая официального чичероне, *уже* сами побежали осматривать богатства колонии; за ними не спеша поплелся Иван Денисович.

Халабуда затыкал палкой в различные точки небосклона, вспоминая отдельные детали собственной организационной деятельности, перечисляя элементы недвижимого куряжского богатства и приводя все это к одному знаменателю – житу. Хлопцы прибежали обратно с лицами, перекошенными от удивления. Кудлатый смотрит на меня с таким выражением, как будто хочет сказать: «Как это вы могли, Антон Семенович, влопаться в такую глупую историю?»

У Митьки Жевелия зло поблескивают глаза, руки в карманах,

вокруг себя он оглядывается через плечо, и это презрительное движение хорошо различает Джуринская:

– Что, мальчики, плохо здесь?

Митька ничего не отвечает. Волохов вдруг смеется:

– Я думаю, без мордобоя здесь не обойдется.

– Как это? – бледнеет Любовь Савельевна.

– Придется брать за жабры эту братву, – поясняет Волохов и вдруг берет двумя пальцами за воротник и подводит ближе к Джуринской черненького, худого замухрышку в длинном «клифте», но босого и без шапки.

– Посмотрите на его уши.

Замухрышка покорно поворачивается. Его уши действительно примечательны. Это ничего, что они черные, ничего, что грязь в них успела отлакироваться в разных жизненных трениях, но уши эти еще раскрашены буйными налетами кровоточащих болячек, заживающих корок и сыпи.

– Почему у тебя такие уши? – спрашивает Джуринская.

Замухрышка улыбается застенчиво, почесывает ногу о ногу, а ноги у него *такого же стиля*.

– Короста, – говорит замухрышка хрипло.

– Сколько тебе дней до смерти осталось? – спрашивает Тоська.

– Чего до смерти? Ху, у нас таких сколько, а никто еще не умер!

Колонистов почему-то не видно. В засоренном клубе, на заплеванных лестницах, по забросанным экскрементами дорожкам бродят несколько скучных фигур. В развороченных, зловонных спальнях, куда даже солнцу не удается пробиться сквозь *грязные еще с прошлого года* окна, тоже никого нет.

– Где же колонисты? – спрашиваю я дежурного.

Дежурный гордо отворачивается и говорит сквозь зубы:

– Вопрос этот лишний.

Рядом с нами ходит, не отставая, круглолицый мальчик лет пятнадцати. Я его спрашиваю:

– Ну, как живете, ребята?

Он поднимает ко мне умную мордочку, неумытую, как и все мордочки в Куряже:

– Живем? Какая там жизнь? А вот, говорят, скоро будет лучше, правда?

– Кто говорит?

– Хлопцы говорят, что скоро будет иначе, только, говорят, чуть что, лозинами будут бить?

– Бить? За что?

– Воров бить. Тут воров много.

– Скажи, почему ты не умываешься?

– Так нечем! Воды нету! Электростанция испорчена и воды не качает. И полотенцев нету, и мыла.

– Разве вам не дают?

– Давали раньше… Так покрали все. У нас все крадут. А теперь уже и в кладовой нету.

– Почему?

– Ночью кладовку всю разобрали. Замки сломали и взяли все. Заведующий хотел стрелять…

– Ну?

– Ничего… не стрелял. Он говорит: буду стрелять! А хлопцы сказали: стреляй! Ну, а он не стрелял, а только послал за милицией…

– И что ж милиция?

– Не знаю.

– И ты взял что-нибудь в кладовой?

– Нет, я не взял. Я хотел взять штаны… а там были большие, а я когда пришел, так взял только два ключа, там на полу валялись.

– Давно это было?

– Зимой было.

– Так… Как же твоя фамилия?

– Маликов Петр.

Мы направились к школе. Юрьев молча слушает наш разговор *и думает о чем-то*. Отставая от нас, сзади идет Халабуда, и его уже окружили горьковцы: у них удивительный нюх на занятных людей. Халабуда задирает рыжебородое лицо и рассказывает хлопцам о хорошем урожае. За ним тащится и царапает землю толстая суковатая палка.

Юрьев вдруг спрашивает:

– Скажите, Антон Семенович, если бы вы сказали: «Буду стрелять», – а вам бы ответили: «Стреляй», – что вы сделали бы?

– Разумеется, стрелял бы.

Джуринская сердится:

– И зачем вы наговариваете на себя, Антон Семенович?

Маликов хлопнул в ладоши:

– И наши хлопцы так говорили!..

Любовь Савельевна возмущенно оглядела грязное личико Маликова. Юрьев надул губы:

– Это он только говорит так. Не стрелял бы!

Волохов возмутился:

– Как это: не стрелял бы? Антон Семенович обязательно стрелял бы. И правильно! А как же иначе? Раз сказал.

– Успокойтесь, – сказал я Любови Савельевне, – в данном

случае ошибка была сделана тогда, когда было сказано: «Буду стрелять». Таких вещей, понимаете, нельзя говорить. А если уж сказали, так и стреляйте, хотя бы последнюю пулю пришлось всадить в собственную глупую голову.

Наконец заходим в школу. Это бывшая монастырская гостиница, перестроенная помдетом. Единственное здание в колонии, где нет спален: длиннющий коридор и по бокам его длинные узкие классы. Почему здесь школа? Эти комнаты годятся только для спален. *В одном конце такого класса еле маячит десяток столов, и весь класс пустой, гулкий и неприветливый.*

Один из классов, весь заклеенный плакатами и плохими детскими рисунками, нам представляют как пионерский уголок. Видимо, он содержится специально для ревизионных комиссий и политического приличия: нам пришлось подождать не менее получаса, пока нашелся ключ и открыли пионерский уголок.

Мы присели на скамье отдохнуть. Мои ребята притихли. Витька осторожно из-за моего плеча шепчет:

– Антон Семенович, надо спать в этой комнате. Всем вместе. Только кроватей не берите. Там, вы знаете, вшей… алла!

Через Витькины колени наклоняется ко мне Жевелий:

– А хлопцы тут есть ничего. Только воспитателей своих, ну, и не любят же! *Только один, говорят, есть, как его, Ложкин… А все-таки* работать они… так… не будут.

– Как так?

– Так не будут, чтобы без скандала!..

Начинается разговор о порядке сдачи. Из города прикатывает на извозчике заведующий. Я смотрю на его тупое, бесцветное лицо и думаю: собственно говоря, его даже и под суд нельзя отдавать. Кто посадил на ответственнейшее место заведующего это *мелкое,* жалкое существо? *Какой дурак мог устроить такую глупость?*

Заведующий берет воинственный тон и доказывает, что колонию нужно сдавать как можно скорее, что он вообще ни за что не отвечает.

Юрьев спрашивает:

– Как это вы ни за что не отвечаете?

– Да так, воспитанники очень плохо настроены. Могут быть всякие эксцессы. У них ведь и оружие есть.

– А почему же они так настроены плохо? Не вы ли их так настроили?

– Мне нужно настраивать? Они и так понимают, чем тут пахнет. Вы думаете, они не знают? Они все знают!

– Что именно знают?

– Они знают, что их ждет, – говорит выразительно

заведующий и еще выразительнее отворачивается к окну, *очевидно*, показывая этим, что даже наш вид ничего хорошего не обещает для воспитанников.

Витька шепчет мне на ухо:

– Вот гад… вот гад!..

– Молчи, Витька! – говорю я. – Какие бы здесь эксцессы ни произошли, отвечать за них все равно будете вы, независимо от того, произойдут ли они до сдачи или после сдачи. Впрочем, я тоже прошу о возможно скорейшем окончании всех формальностей.

Мы решаем, что сдача должна произойти завтра, в два часа дня. Весь персонал – одних воспитателей сорок человек – объявляется уволенным и в течение трех дней должен освободить квартиры. Для передачи инвентаря назначается дополнительный срок в пять дней.

– А когда прибудет ваш завхоз?

– *Завхоз не прибудет*. Выделим для приемки одного из наших воспитанников.

Дежурный в светлых штанах вдруг просыпается:

– Этими фокусами никого вы не обманете, товарищ. Какая демократия, подумаешь!..

– Я воспитаннику не буду сдавать, – начинает топорщиться заведующий.

– Почему?

– Не буду, и все. Мы должны сдать ответственному лицу.

– Я подпишу акт.

– Теперь вы говорите: подпишу, а потом скажете: «Я не принимал».

Меня начинает злить вся эта концентрация глупости. Собственно говоря, что он будет сдавать?

– Знаете что, – говорю я, – для меня, пожалуй, безразлично, будет ли какой-нибудь акт или не будет. Для меня важно, чтобы через три дня из вас здесь не осталось ни одного человека.

– Ага, это значит, чтобы мы не мешали?

– Вот именно!

Заведующий оскорбленно вскакивает, оскорбленно спешит к дверям. За ним спешит дежурный. Заведующий в дверях выпаливает:

– Мы мешать не будем, но вам другие помешают!

Хлопцы хохочут, Джуринская вздыхает, Юрьев что-то смущенно наблюдает на подоконнике, один Халабуда невозмутимо рассматривает плакаты на стене.

– Ну, что же, мы, пожалуй, поедем, – говорит Юрьев. – Завтра мы приедем, Любовь Савельевна?

Джуринская грустно смотрит на меня.

– Не приезжайте, – прошу я.

– А как же?

– Чего вам приезжать? Мне вы ничем не поможете, а время будем убивать на разные разговоры.

Юрьев прощается несколько обиженный. Любовь Савельевна крепко жмет руку мне и хлопцам и спрашивает:

– Не боитесь? Нет?

Они уезжают в город. *У меня скверное настроение, у Киргизова не лучше, хлопцы бодрятся. Волохов сурово говорит:*

– Надо, чтобы все эти… уехали. Если ребята будут одни, мы справимся.

Мы выходим во двор. Очевидно, раздают обед, потому что от кухни к спальням несут в кастрюлях борщ. Костя Ветковский дергает меня за рукав и хохочет: Митька и Витька остановили двух ребят, несущих кастрюлю.

– Разве ж так можно делать? – укоряет Митька. – Ну что это за люди? Чи ты не понимаешь, чи ты людоед какой?..

Я не сразу соображаю, в чем дело. Костя двумя пальцами поднимает за рукав руку одного из куряжских хлебодаров. У него под другой рукой хлеб, корка которого ободрана наполовину. Костя потрясает рукавом смущенного парня: весь рукав в борще, с него течет, он до самого плеча обложен кусочками капусты и бурака.

– А вот! – Костя умирает со смеху. Мы тоже не может удержаться: в кулаке зажат кусок мяса.

– А другой?

– Тоже, – заливается Митька. – Это они из борща мясо вылавливают. пока донесут. Как же тебе не стыдно, идиот, рукав закатал бы!

– Ой, трудно здесь будет, Антон Семенович! – говорит Костя.

Ребята мои куда-то расползаются. Ласковый майский день наклонился над монастырской горой, но гора не отвечает ему ответной теплой улыбкой. В моем представлении мир разделяется горизонтальной прозрачной плоскостью на две части: вверху пропитанное голубым блеском небо, *и еще кое-что*: вкусный воздух, солнце, *небо большое и широкое*, полеты птиц и гребешки высоких покойных тучек. К краям неба, спустившимся к земле, привешены далекие группы хат, уютные рощицы и уходящая куда-то веселая змейка речки. Черные, зеленые и рыжие нивы, как перед праздником, аккуратно разложены под солнцем. Хорошо все это или плохо, кто его знает, но на это приятно смотреть, это кажется *красивым*, милым, хочется сделаться частью ясного майского дня.

А под моими ногами загаженная почва Куряжа, старые стены, пропитанные запахом пота, ладана, клопов, вековые прегрешения попов и кровоточащая грязь беспризорщины. Нет, это, конечно, не мир, это *нечто из другой области. Это как будто выдумано, как будто плод фантазии, что-то похожее на дантов ад*[181].

Я брожу по колонии, ко мне никто не подходит, но колонистов становится больше. Они наблюдают за мной издали. Я захожу в спальни. Их очень много, я не в состоянии представить себе, где, наконец, нет спален, сколько десятков домов, домиков, флигелей набито спальнями. В спальнях сейчас много колонистов. Они сидят на скомканных грудах тряпья, *а некоторые и треть этого не имеют, они сидят* на голых досках *или на* железных полосках кроватей. Сидят, заложив руки между изодранных колен, и переваривают пищу. Кое-кто истребляет вшей, по углам группы картежников, по другим – доедают холодный борщ из грязных кастрюль. На меня не обращают никакого внимания, я не существую в этом мире.

Ни в одной спальне я не вижу простынь, очень редко вижу тощую пятнистую подушку без наволочки. В одной из спален я спрашиваю группу ребят, которые, к моему удивлению, рассматривают картинки в старой «Ниве»[182]:

– Объясните, пожалуйста, ребята, куда подевались ваши подушки?

Все подымают ко мне лица. Остроносый мальчик свободно подставляет моему взгляду тонкую ироническую физиономию:

– Подушки? Вы будете товарищ Макаренко? Да? Антон Семенович?

– Да.

– Это вы здесь ходите, смотрите?

– Хожу, смотрю.

– Завтра с двух часов.

– Да, с двух часов, – перебиваю я, – а все-таки ты не ответил на мой вопрос: где ваши подушки?

– Давайте мы вам расскажем, хорошо?

Он мило кивает головой и освобождает место на заплатанном грязном матраце. Я усаживаюсь, *и мне кажется, будто сразу по всему моему телу побежали паразиты*.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

– Ваня Зайченко.

– Ты грамотный?

– Я был в четвертой группе в прошлом году… а в эту зиму, да вы, наверное, знаете… у нас занятий не было.

– Ну, хорошо… Так где подушки и простыни?

Ваня с разгоревшимся юмором в серых глазах быстро

оглядывает товарищей и пересаживается на стол. Его лохматый рыжий ботинок упирается в мое колено. Товарищи тесно усаживаются на кровати. Среди них я вдруг узнаю круглолицего Маликова.

– И ты здесь?

– Угу. Это наша компания! Это Тимка Одарюк, а это Илья… Фонаренко Илья!

Тимка рыжий, в веснушках, глаза без ресниц и улыбка без предрассудков. Илья – толстомордый, бледный, в прыщах, но глаза настоящие: карие, на тугих, основательных мускулах. Ваня Зайченко через головы товарищей оглядывает почти пустую спальню и начинает приглушенным, заговорщицким голосом:

– Вы спрашиваете, где подушки, да? А я вам скажу прямо: нету подушек… и все!

Он вдруг звонко смеется и разводит растопыренными пальцами. Смеются и остальные.

– Нам здесь весело, – говорит Зайченко, – потому что смешно очень! Подушек нету… Были сначала, а потом… ффу… и нету!..

Он снова хохочет.

– Рыжий лег спать на подушке, а проснулся без подушки… ффу… и нету!..

Зайченко веселыми щелочками глаз смотрит на Одарюка. В смехе он отклоняется назад и сильнее толкает ногой мое колено.

– Антон Семенович, вы скажите: чтобы были подушки, надо все записывать, правда? Считать нужно и записывать, правда? И когда кому выдали, и все. А у нас не только подушки, а и людей никто не записывает… Никто!.. И не считают… Никто!..

– Как это так?

– А очень просто: так! Вы думаете, кто-нибудь записал, что здесь живет Илья Фонаренко? Никто! Никто и не знает! И меня никто не знает. О! Вы знаете, вы знаете? У нас много таких: здесь живет, а потом пойдет где-нибудь еще поживет, а потом опять сюда приходит. А смотрите: думаете, Тимку сюда кто-нибудь звал? Никто! Сам пришел и живет.

– Значит, ему здесь нравится?

– Нет, он сюда пришел две недели назад. Он убежал из Богодуховской колонии. Он, знаете, захотел в колонию Горького.

– А разве в Богодухове знают?

– Ого! Все знают. А как же!

– Почему он только один прибежал сюда?

– Так кому что нравится, конечно. Многим ребятам не нравится строгость. У вас, говорят, строгость такая есть: труба заиграла – бегом, вставать – раз, два, три. Видите? А потом – работать. У нас тоже хлопцы такого не хотят…

– Они поубегают, – сказал Маликов.

– Куряжане?

– Угу. Куряжане поубегают. На все стороны. Они так говорят: «Макаренко еще не видели? Ему награды получать нужно, а нам работать?» Они поубегают все.

– Куда?

– Разве мало куда? Ого! В какую хочешь колонию.

– А вы?

– Ну, так у нас компания, – весело заспешил Зайченко. – Нас компания четыре человека. Вы знаете что? Мы не крадем. Мы не любим этого. И все! Вот Тимка… ну, так и то для себя ни за что, а для компании…

Тимка добродушно краснеет на кровати и старается посмотреть на меня сквозь стыдливые, закрывающиеся веки.

– Ну, компания, до свидания, – говорю я. – Будем, значит, жить вместе!

Все отвечают мне: «До свидания», – и улыбаются.

Я иду дальше. Итак, четверо уже на моей стороне. Но ведь, кроме них, еще двести семьдесят шесть, а может быть, и больше. *Никто не знает сколько.* Зайченко, вероятно, прав: здесь люди незаписанные и несчитанные. Я вдруг прихожу в ужас перед *этими страшными цифрами. Как я мог решиться на такую очевидную глупость?! В колонии Горького я освоил только сто двадцать, да и то за несколько лет, да и то с каким нечеловеческим напряжением. Как же я мог решиться взять на свою ответственность всю эту бесконечную толпу спален, набитую сотнями одичавших людей. Какое я имею право рисковать нашим делом, делом моих товарищей, большим незаконченным опытом, таким нужным, таким важным.* Пока это число «280» представлялось мне в виде трех цифр, написанных на бумаге, моя сила казалась мне могучей, но вот сегодня, когда эти двести восемьдесят расположились грязным лагерем вокруг моего ничтожного отряда мальчиков, у меня начинает холодеть где-то около диафрагмы, и даже в ногах я начинаю ощущать неприятную тревожную слабость.

Посреди двора ко мне подошли трое. *Ага, вот это, конечно, главные пружины Куряжа.* Им лет по семнадцати, их головы даже пострижены, на ногах исправные ботинки. Один в сравнительно новом коричневом пиджаке, но под пиджаком испачканная какой-то снедью, измятая рубаха. Другой – в кожанке, третий – в чистой белой рубахе. Обладатель пиджака заложил руки в карманы брюк, наклонил голову к плечу и вдруг засвистел мне в лицо известный вихляющий «одесский» мотив, выставляя напоказ белые красивые зубы. Я заметил, что у него большие мутные

глаза и рыжие мохнатые брови. Двое других стояли рядом, обнявши друг друга за плечи, и курили папиросы, перебрасывая их языком из одного угла рта в другой. К нашей группе придвинулись несколько куряжских фигур.

Рыжий прищурил один глаз и сказал громко:

– Макаренко, значит, да?

Я остановился против него и ответил *по возможности* спокойно, стараясь из всех сил ничего не выразить на своем лице:

– Да, это моя фамилия. А тебя как зовут?

Рыжий, не отвечая, засвистел снова, пристально меня разглядывая прищуренным глазом и пошатывая одной ногой. Вдруг он круто повернулся ко мне спиной, поднял плечи и, продолжая свистеть, пошел прочь, широко расставляя ноги и роясь глубоко в карманах. Его приятели направились за ним, как и раньше, обнявшись, и затянули оглушительно:

Гулял, гулял мальчишка,
Гулял я в городах…

Фигуры, окружающие нас, продолжают *меня разглядывать, но на их лицах ничего нельзя прочитать. Они смотрят на меня просто потому, что им нечего делать.* Одна тихо говорит другой:

– Новый заведующий…

– Один черт, – так же тихо отвечает другая.

– Думаете с чего начинать, товарищ Макаренко?

Оглядываюсь: черноокая молодая женщина улыбается. Так необычно видеть здесь белоснежную блузку и строгий черный галстук.

– Я – Гуляева.

Знаю: это инструктор швейной мастерской – единственный член партии в Куряже. На нее приятно смотреть: Гуляева начинает полнеть, но у нее еще гибкая талия, блестящие черные локоны, тоже молодые, и от нее пахнет еще неистраченной силой души. Я отвечаю весело:

– Давайте начинать вместе.

– О, нет, я вам плохой помощник. Я не умею.

– Я научу вас…

– *Меня уже учили, ничего не выходит. Впрочем, знаете что? Девочки здесь лучше. Пойдемте к девочкам, вы еще не были у них?* Они вас ожидают. Даже страстно ожидают. Я могу немножко гордиться: девочки здесь были под моим влиянием – у них даже три комсомолки есть. Пойдемте.

– *Среди мальчиков разве нет комсомольцев? Пионеров больше?*

Гуляева махнула рукой.

– *Среди мальчиков ничего нет, кроме ужаса. Вообще считайте, что вы начинаете с нуля.*

Мы направляемся к центральному двухэтажному зданию.

– Вы *замечательно правильно* поступили, – говорит Гуляева, – когда потребовали снятия всего персонала. Гоните всех до одного, *не смотрите ни на лица, ни на способности, ни на глаза*. И меня гоните.

– Нет, относительно вас мы уже договорились. Я как раз рассчитываю на вашу помощь.

– Ну, смотрите, чтобы потом не жалели.

Спальня девочек очень большая, в ней стоят шестьдесят кроватей. Я поражен: на каждой кровати одеяло, правда, старенькое и худое. Под одеялами простыни. Даже есть подушки.

Девочки нас действительно ожидали. Они одеты в изношенные, *почти у каждой заплатанные*, ситцевые платьица. Самой старшей из девочек лет пятнадцать.

Я говорю:

– Здравствуйте, девочки!

– Ну, вот, привела к вам Антона Семеновича, вы хотели его видеть.

Девочки шепотом произносят приветствие и потихоньку сходятся к нам, по дороге поправляя постели. Мне становится почему-то очень жаль этих девочек, мне страшно хочется доставить им хотя бы маленькое удовольствие. Они усаживаются на кроватях вокруг нас, и несмело смотрят на меня *их бледные улыбки*. Я никак не могу разобрать, почему мне так жаль их. Может быть, потому, что они бледные, что у них бескровные губы и осторожные взгляды, а может быть, потому, что на них *жалкие* заплатанные платья. Я мельком думаю: нельзя девочкам давать носить такую дрянь, это может обидеть на всю жизнь. *Но неужели мне только поэтому жаль их?*

– Расскажите, девчата, как вы живете? – прошу я их.

Девочки молчат, смотрят на меня и улыбаются одними губами.

Я вдруг вижу, ясно вижу: только их губы умеют улыбаться, на самом деле девочки и понятия не имеют, что такое – настоящая живая улыбка. Я медленно осматриваю все лица, перевожу взгляд на Гуляеву и *удивленно* спрашиваю:

– Вы знаете, я опытный человек, но я чего-то здесь не понимаю.

Гуляева поднимает брови *и внимательно ко мне присматривается*:

– А что такое?

Вдруг девочка, сидящая прямо против меня, смуглянка, в

такой короткой розовой юбочке, что всегда видны ее колени, говорит, глядя на меня немигающими глазами:

– Вы скорее к нам приезжайте с вашими горьковцами, потому что здесь очень опасно жить.

И тотчас я понял, в чем дело: на лице этой смуглянки, в ее остановившихся глазах, в *привычных* конвульсиях рта живет страх, постоянный *будничный* испуг.

– Они запуганы, – говорю я Гуляевой.

– У них тяжелая жизнь, Антон Семенович, у них очень тяжелая, несчастная жизнь…

У Гуляевой краснеют глаза, и она быстро уходит к окну.

Черт возьми, мерзость какая: эта женщина, член коммунистической партии, на девятом году революции плачет здесь, в учреждении социального воспитания, в бедной спальне девочек! Интересно: кто-нибудь должен отвечать за это на скамье подсудимых? Я с горячим наслаждением взял бы на себя честь потребовать для этих мерзавцев высшей меры социальной защиты.

Я решительно пристал к девочкам:

– Чего вы боитесь? Рассказывайте!

Сначала несмело, подталкивая и заменяя друг друга, потом откровенно и убийственно подробно девочки рассказали мне *страшные вещи*.

Сравнительно безопасно чувствуют себя они только в спальне. Выйти во двор боятся, потому что мальчики преследуют их, щипают, говорят глупости, подглядывают в уборные, *в стенах которых они наделали множество дырок*. Девочки часто голодают, потому что им не оставляют пищи в столовой. Пищу расхватывают мальчики и разносят по спальням. Разносить по спальням запрещается, и кухонный персонал не дает этого делать, но мальчики не обращают внимания на кухонный персонал, выносят кастрюли и хлеб, а девочки этого не могут сделать. Они приходят в столовую и ожидают, а потом им говорят, что мальчики все растащили и есть уже нечего, иногда дадут немного хлеба. И в столовой сидеть опасно, потому что туда забегают мальчики и дерутся, называют проститутками и еще хуже и хотят научить разным словам. Мальчики еще требуют от них разных вещей для продажи, но девочки не дают; тогда они забегают в спальню, хватают одеяло или подушку, или что другое – и уносят продавать в город. Стирать свое белье девочки решаются только ночью, но теперь и ночью стало опасно; мальчики подстерегают в прачечной и такое делают, что и сказать нельзя. Валя Городкова и Маня Василенко пошли стирать, а потом пришли и целую ночь плакали, а утром взяли и убежали из колонии кто его знает куда. А одна девочка пожаловалась

заведующему, так на другой день она пошла в уборную, а ее поймали и вымазали лицо этим самым в уборной. Теперь все рассказывают, что будет иначе, а хлопцы другие говорят, что все равно ничего не выйдет, потому что горьковцев очень мало и их все равно поразгоняют.

Гуляева слушала девочек, не отрывая взгляда от моего лица. Я улыбнулся не столько ей, сколько только что пролитым ею слезам.

Девочки окончили свое печальное повествование, а одна из них, которую все называли Сменой, спросила меня серьезно:

– Скажите, разве можно такое при советской власти?

Я ответил:

– То, что вы рассказали, большое безобразие, и при советской власти такого безобразия не должно быть. Пройдет несколько дней, и все у вас изменится. Вы будете жить счастливо, никто вас не будет обижать, и платья эти мы выбросим.

– Через сколько дней? – спросила задумчиво белобрысая девочка, *наверное, самая младшая*, сидевшая на окне.

– Ровно через десять дней, – ответил я.

Я бродил по колонии до наступления темноты, обуреваемый самыми тяжелыми мыслями. *Мой мозг работал как чернорабочий, как кочегар, как грузчик, ворочая целыми тоннами неповоротливых, громоздких, пыльных соображений.*

На *этом* древнем круглом пространстве, огороженном трехсотлетними стенами саженной толщины, с облезлым бестолковым собором в центре, на каждом квадратном метре загаженной земли росли победоносным бурьяном педагогические проблемы. В пошатнувшейся старой конюшне, по горло утонувшей в навозе, в коровнике, представлявшем из себя богадельню для десятка старых дев коровьего племени, *на каком-то странном заднем дворе, отграниченном разнообразными ремешками бывших могил бывшего монашеского кладбища, даже на всех этих местах* торчали засохшие стебли соцвоса. *А поближе к спальням колонистов, в пустых квартирах персонала, в мастерских*, в так называемых клубах, на кухне, *в кладовках*, на этих стеблях вечно качались тучные ядовитые плоды, которые я обязан был проглотить в течение самых ближайших дней.

Вместе с мыслями у меня расшевелилась злоба. Я начинал узнавать в себе гнев тысяча девятьсот двадцатого года. За моей спиной вдруг *проснулся* соблазняющий демон бесшабашной ненависти. Хотелось сейчас, немедленно, не сходя с места, взять за шиворот, тыкать носом в зловонные кучи и лужи, *бить морды,* требовать*, вырывать за горло, вытряхивать из души хотя бы примитивные движения, самые первоначальные почины…* нет, не

педагогики, *не здравого смысла и житейской четкости*, не теории соцвоса, не революционного долга, не коммунистического пафоса, нет, нет – обыкновенной мещанской честности. Злоба потушила у меня страх перед неудачей.

Возникшие на мгновение припадки неуверенности безжалостно уничтожались тем обещанием, которое я дал девочкам. Эти несколько десятков запуганных, тихоньких бледных девчонок, которым я так бездумно гарантировал человеческую жизнь через десять дней, в моей душе вдруг стали представителями моей собственной совести.

Постепенно темнело. В колонии не было освещения. От монастырских стен ползли к собору *холодные*, угрюмые сумерки. По всем углам, щелям, проходам копошились беспризорные, кое-как расхватывая ужин и устраиваясь на ночлег. Ни смеха, ни песни, ни бодрого голоса. Доносилось иногда заглушенное ворчание, ленивая привычная ссора. На крыльцо одной спальни с утерянными ступенями карабкались двое пьяных и *деловито* матюкались. На них с молчаливым презрением *посматривали* из сумерек Костя Ветковский и Волохов.

Горьковцев я все время видел среди куряжан. По двое, по трое они проникали в самую толщу куряжского общества, о чем-то говорили, почему-то иногда хохотали, в некоторых местах вокруг их стройных, подтянутых фигур собирались целые грозди внимательных слушателей. Было уже совершенно темно, когда Волохов нашел меня и взял за локоть:

– Антон Семенович, идемте ужинать. И поговорить надо. Это ничего, что мы позвали ужинать товарища Гуляеву?

В нашем «пионерском уголке» так приятно было увидеть Гуляеву в кругу моих друзей! Как-то хорошо и уютно было подумать, что наш отряд не совсем заброшен, что с нами уже в первый вечер делит наш ужин и наши заботы эта милая женщина, член партии, счастливо заброшенная на этот смитник.

Кудлатый доставал из чемоданов и раскрывал свертки, собранные в дорогу практичной Екатериной Григорьевной. Гуляева, радостно улыбаясь, пристроила огарок свечи в горлышко одеколонного флакона.

– Чему вы так радуетесь? – спросил я.

– Мне страшно нравится, что приехал ваш передовой сводный, – ответила Гуляева. – Скажите же мне, как всех зовут? Это командир Волохов, я знаю, а это Денис Патлатый.

– Кудлатый, – поправил я, и представил Гуляевой всех членов отряда.

– Как же мне не радоваться, – ответила Гуляева, – ваш «передовой сводный»… не знаю, как это сказать, ну… вообще, мне

это очень нравится.

За ужином мы рассказали Гуляевой о передовом сводном. Хлопцы весело тараторили о том о сем, не оглядываясь на черные окна. А я оглядывался. За окнами был Куряж… Ох… да еще не только Куряж, там за сотней километров есть еще колония имени Горького.

[3] Бытие

На другой день в два часа заведующий Куряжем высокомерно подписал акт о передаче власти и о снятии всего персонала, сел на извозчика и уехал. Глядя на его удаляющийся затылок, я позавидовал лучезарной удаче этого человека: он сейчас свободен, как воробей, никто вдогонку ему даже камнем не бросил. *Завтра он приступит к «работе» на новом месте, а если кто-нибудь попытается отравить его, то будет подлежать уголовной ответственности, как за умышление на жизнь человека. За его спиной я вижу белоснежные крылья безответственности, позволяющие человеку грациозно парить над миром и безнаказанно действовать голосовыми связками, которые по трагическому недосмотру мироздания в стандартном порядке вставляются в каждую глотку. Такие крылья есть у всякого. Будущая наука о человеке докажет, что чувство ответственности – явление не социального порядка, а биологического. Если у вас не выросли вышеуказанные крылья, вы тяжело передвигаетесь между куряжскими персонажами и у вас сосет под ложечкой.*

У меня нет таких крыльев, поэтому я тяжело передвигаюсь между земными персонажами Куряжа, и у меня сосет под ложечкой.

Ванька Шелапутин освещен майским солнцем. Он сверкает, как бриллиант, смущением и улыбкой. Вместе с ним хочет сверкать медный колокол, приделанный к соборной стене. Но колокол стар и грязен, он способен только тускло гримасничать *над Ванькиной головой*. И, кроме того, он расколот, и, как ни старается Ванька, ничего, *кроме старческого надрывного кашля*, нельзя извлечь из *него. Этот медный кашель служит сигналом, созывающим куряжан на общее собрание.*

Неприятное, *тяжело-круглое*, сосущее чувство ответственности по природе своей неразумно. Оно придирается к каждому пустяку, оно пронырливо старается залезть в самую мелкую щель и там сидит и дрожит от злости и беспокойства. Пока звонит Шелапутин, *это чувство почему-то привязывается к колоколу. Нельзя же* допустить, чтобы эти безобразные звуки *раздавались* над колонией? *Как это могли мы забыть взять с собою одну трубу? Во всяком случае сегодня уже нужно повесить здесь какой-нибудь более приятный звонок. А где его взять?*

Возле меня стоит Витька Горьковский и внимательно изучает мое лицо. Он переводит взгляд на колокольню у монастырских ворот, зрачки его глаз вдруг темнеют и расширяются, дюжина чертенят озабоченно выглядывает оттуда. Витька неслышно

хохочет, задирая голову, чуточку краснеет и говорит хрипло:

– Сейчас это организуем, честное слово!

Он спешит к колокольне и по дороге устраивает летучее совещание с Волоховым. *Они принадлежат оба к тем несчастным людям, у которых сосет под ложечкой и которым не дано по-воробьиному порхать над миром*. А Ванька уже второй раз заставляет кашлять старый колокол и смеется:

– Не понимают они, что ли? Звоню, звоню, хоть бы тебе что!..

Клуб – это бывшая теплая церковь. Высокие окна с решетками, пыль и две утермарковские печки. В алтарном полукружии на дырявом помосте – анемичный столик. Китайская мудрость, утверждающая, что «лучше сидеть, чем стоять», *очевидно*, в Куряже не пользуется признанием: сесть в клубе не на чем. Куряжане, впрочем, и не собираются усаживаться. Иногда в дверь заглянет всклокоченная голова и немедленно скроется; по двору бродят стайки в три-четыре человека и томятся в ожидании *не общего собрания*, а обеда, который благодаря междоусобному времени сегодня будет поздно. Но это все плебс – истинные двигатели куряжской цивилизации где-то скрываются.

Воспитателей нет. Я теперь уже знаю, в чем дело. Ночью нам не очень сладко спалось на твердых столах пионерской комнаты, и хлопцы рассказывали мне захватывающие истории из куряжского быта.

Сорок воспитателей имели в колонии сорок комнат. Полтора года назад они победоносно наполнили эти комнаты разными предметами культуры, вязаными скатертями и оттоманками уездного образца. Были у них и другие ценности, более, *так сказать*, портативные и приспособленные к переходу от одного владельца к другому *без утомительных формальностей и транспортных ухищрений*. Именно эти ценности начали переходить во владение куряжских воспитанников наиболее простым способом, известным еще в Древнем Риме под именем кражи со взломом. Эта классическая форма приобретения настолько распространилась в Куряже, что воспитатели один за другим поспешили перетащить в город последние предметы культуры, и в их квартирах осталась меблировка чрезвычайно скромная, если *вообще* можно считать мебелью номер «Известий», распластанный на полу и служивший педагогам постелью во время дежурств.

Но так как воспитатели Куряжа *приобрели навык* дрожать не только за свое имущество, но и за свою жизнь и вообще за целость личности, то в непродолжительном времени сорок воспитательских комнат приобрели характер боевых бастионов, в стенах которых педагогический персонал честно проводил

положенные часы дежурства, *оплачиваемые по ставкам союза «Работпрос»*. Ни раньше, ни после того в своей жизни я никогда не видел таких мощных защитных приспособлений, какие были приделаны к окнам, дверям и другим отверстиям в квартирах воспитателей в Куряже. Огромные крюки, толстые железные штанги, нарезные украинские «прогонычи», российские полупудовые замки целыми гроздьями висели на рамах и наличниках.

Справедливость требует, однако, отметить, что педагогический персонал Куряжа вовсе не стремился обратить свои комнаты в одиночные камеры. Побуждаемые присущим человеку социальным инстинктом, педагоги старались собираться в бастионах небольшими коллективами, усложняя однообразную обстановку квартиры бутылками «русской горькой» и вытекающими отсюда закусками. В тесном таком и приятном общении, перемежая содержание бутылки педагогическими высказываниями и житейскими афоризмами, педагоги достигли, наконец, в глубокую ночь такого подъема чувств и личности, что стены бастионов становились уже тесными для них. Они выходили на свежий воздух и здесь предавались выяснению отношений между собою, нисколько не боясь воспитанников, собирающихся посмотреть на неожиданные и внеплановые коррективы к педагогическому процессу. Выяснение отношений сопровождалось, как обычно принято у русского человека, воспоминаниями о предках и вообще взаимными биографическими справками, а иногда увеличивалось такими же взаимными прикосновениями. Воспитанники в общем получали возможность приобщиться к опыту старшего поколения, что, как известно, составляет весьма существенный признак педагогического процесса.

Лично я этих воспитателей не видел. Они не появлялись в куряжских стенах с момента приезда передового сводного, и самое их увольнение имело характер символического действия, даже их квартиры я воспринимал как символические знаки, ибо единственными атрибутами живых существ в этих квартирах оказались только десятки пустых бутылок. Бутылки я видел собственными глазами.

Появился на территории Куряжа только один Ложкин, о котором туземцы отзывались как о самом лучшем воспитателе. Шелапутин заставлял хрипеть старый колокол, а я бродил по клубу и вокруг него в ожидании общего собрания. Ложкин подошел ко мне.

Жизнь за ним плохо ухаживала, и поэтому предстал он предо мною в довольно запутанном виде: брючки на Ложкине узенькие и

короткие, а вытертая толстовка явно преувеличена. В этом костюме Ложкин похож на одного морского зверя, называется он, кажется…

Впрочем, у Ложкина есть физиономия, одна из тех физиономий, на которых что-то написано, но прочитать ничего нельзя, как в письме, побывавшем под дождем. Очень возможно, что он носит усы и бороду, но вполне вероятно, что он просто давно не брился. У него скуластое лицо, но, может быть, это кажется от плохого воспитания. Его возраст между 25 и 40 годами, говорит басом, но скорее всего это не бас, а профессиональный ларингит. И в этот день, и в последующие Ложкин буквально не отставал от меня – надоел мне до изнеможения. Ходит за мной и говорит, и говорит. И говорит, говорит чаще тогда, когда я беседую с кем-нибудь другим, когда я его не слушаю и отвечаю невпопад. Страшно хочется схватить его за горло, немножко придавить и посадить на какой-нибудь скамейке, чтобы он чуточку помолчал.

– Ребята здесь социально запущенные, кроме того, деморализованы, да, деморализованы. Вы обратите на это внимание – деморализованы. А почему? Я говорю: нужен педагогическим подход. Профессор Соколянский[183] *совершенно прав, когда говорит: нужно обусловленное поведение, а как же может быть обусловленное поведение, если, извините, он крадет, и ему никто не препятствует. У меня к ним есть подход, и они всегда ко мне обращаются и уважают, но все-таки я был два дня у тещи, – заболела, – так вынули стекла и все решительно украли, остался, как мать родила, в одной толстовке. А почему, спрашивается? Ну, бери у того, кто к тебе плохо относится, но зачем же ты берешь у того, кто к тебе хорошо относится? То же самое – школа. Не ходят в школу. Говорят – отправьте нас на работу. А как же ты будешь работать, если ты читать не умеешь. Не понимают, не понимают! Где же обусловленное поведение – спрашивается?*

– Почему же вы не завели здесь обусловленное поведение? – спросил я у Ложкина.

– Вот, вот, – обрадовался он, – не завели. А почему, спрашивается? Разброд. Полный разброд. Вот вы звоните, а они не идут. Не хотят. Пошлите нас на работу и все. И все! А на самом деле крадут, все крадут. И здесь, и на селе. И на дорогу даже выходят. Конечно, если бы педагогический подход, можно. Я говорил: нужен педагогический подход. Я соберу ребят, поговорю с ними, раз, другой, третий, понимаете? Заинтересую их, и хорошо. Задачку скажу. В одном кармане на семь копеек больше, чем в другом, а вместе двадцать три копейки, сколько в каждом?

Хитро: правда?

Ложкин лукаво скосил глаза.

– Ну, и что же? – спросил я из вежливости.

– Нет, а вот вы скажите, сколько?

– Чего – сколько?

– Скажите: сколько в каждом кармане? – приставал Ложкин.

– Это… вы хотите, чтобы я сказал?

– Ну, да, скажите, сколько в каждом кармане.

– Послушайте, товарищ Ложкин, – возмутился я, – вы где-нибудь учились?

Ложкин перекосился еще хитрее:

– А как же. Только я больше самообразованием взял. Вся моя жизнь есть самообразование, а, конечно, в педагогических техникумах или там институтах не пришлось. И я вам скажу: у нас здесь были и такие, которые с высшим образованием, один даже окончил стенографические курсы, а другой юрист, а вот дашь им такую задачку… Или вот: два брата получили наследство…

– Это что ж… этот самый стенограф написал там… на стене?

– Он написал… он… Все хотел стенографический кружок завести, но, как его обокрали, он сказал: не хочу в такой некультуре работать, и кружка не завел, а нес только воспитательскую работу…

В клубе возле печки висел кусок картона и на нем было написано:

Стенография – путь к социализму.

Ложкин еще долго о чем-то говорил, потом весьма незаметно испарился, и я помню только, что Волохов сказал сквозь зубы ему вдогонку в качестве последнего прости:

– Зануда!

Наконец мы приблизились к клубу. Все мои горьковцы были уже там. Возле них вертелись несколько пацанов типа Зайченко, но, вообще говоря, в клубе было пусто и даже холодно, несмотря на то, что на дворе стоял теплый солнечный день.

Ложкин обрадовался:

– Я же говорил, говорил! Они все в городе. Они все на толкучке продают, все продают.

– Черт бы вас побрал, – сказал я. – Что они могут продавать? Кажется, уже все продано.

– Э, так они достают.

– Где?

– Как где? В городе. На одном базаре достанут, на другом

продают. На вокзале тоже. Ну и вообще. А есть такие – просят. Один все в дачных поездах ездит. Поет. И знаете, так хорошо поет, просто прелестно. Жалобно так у него выходит.

Нас обступили горьковцы. Глаза Волохова с тоской поглядывали на высокие пустые стены клуба. Кудлатый, зеленый от злости, с напряженными скулами, что-то шептал. Митька смущенно-презрительно улыбался, один Миша Овчаренко был добродушно-спокоен и продолжал что-то, давно начатое:

– …Самое главное, пахать надо. И сеять. Как же можно так, подумайте: май же, кони даром стоят, все стоит!..

– И в спальнях никого нет, все в городе, – сказал Волохов и отчетливо крепко выругался, не стесняясь моего присутствия.

– Пока не соберутся, не давать обедать, – предложил Кудлатый.

– Нет, – сказал я.

– Как «нет»! – закричал Кудлатый. – Собственно говоря, чего нам здесь сидеть? На поле бурьян какой, даже не вспахано, что это такое? А они тут обеды себе устраивают. Дармоедам воля, значит, или как?

Ложкин перепугался:

– Так как же вы сделаете? Если не дать обедать, думаешь, они будут работать? Они пойдут просто на село просить.

Волохов облизал сухие гневные губы, повел плечами, как в ознобе, и сказал:

– Антон Семенович, пойдем к нам, поговорим.

– А обед?

– Подождут, черт их не возьмет. Да они все равно в городе.

В пионерской комнате, когда все расселись на скамьях, Волохов произнес такую речь:

– Пахать надо? Сеять надо? А какого чертового дьявола сеять, когда у них ничего нет, даже картошки нет! Черт с ними, мы и сами посеяли бы, так ничего нет. Потом, эта гадость всякая, вонь. Если наши приедут, стыдно будет, чистому человеку ступить некуда. А спальни, матрацы, кровати, подушки? А костюмы? Босиком все, а белье где? Посуда, посмотрите, ложки, ничего нет! С чего начинать? Надо с чего-нибудь начинать?

Хлопцы смотрели на меня с горячим ожиданием, как будто я знал, с чего начинать. *А мне нужно было только одно: собрать этих куряжан, поговорить с ними, посмотреть им в глаза, вот этим, таким уже для меня привычным педагогическим осязанием ощутить их личности.*

Ведь у них должны быть личности – у куряжан. Расползающаяся во все стороны угрюмо-молчаливая их толпа меня удивляла, злила, но не пугала. Куряжане не банда и не собрание

протестантов, это случайное соединение одичавших маленьких людей, у которых нет ничего общего, кроме территории двора и спален, и которые, почти не мешая друг другу, три раза в день набрасываются на котел, приготовляемый для них соцвосом.

Меня беспокоили не столько куряжские ребята, сколько бесчисленные детали чисто материальной работы, представлявшие такое ложное и неразборчивое месиво, что в нем могли затеряться *и потонуть эти три сотни живых существ*, все триста куряжан.

По договору с помдетом я должен был получить двадцать тысяч рублей на приведение Куряжа в порядок, но и сейчас уже было видно, что эта сумма – сущие слезы в сравнении с наличной нуждой. Мои хлопцы были правы в своем списке отсутствующих вещей. Совершенно *классическая* нищета Куряжа обнаружилась полностью, когда Кудлатый приступил к приемке имущества. Заведующий напрасно беспокоился о том, что передаточный акт будет иметь недостойные подписи. Заведующий был просто нахал: акт получался очень короткий. В мастерских были кое-какие станки, да в конюшне стояли обыкновенные восточноевропейские одры, а больше ничего не было: ни инструмента, ни материалов, ни сельскохозяйственного инвентаря. В жалкой, затопленной навозной жижей свинарне верещали полдюжины свиней. Хлопцы, глядя на них, не могли удержаться от хохота – так мало напоминали наших англичан эти юркие, пронырливые звери, *тело* которых *устроено было просто*: большая голова на тоненьких ножках *и маленький хвостик*. В дальнем углу двора Кудлатый откопал плуг и обрадовался ему, как родному. А борону еще раньше обнаружили среди кладбищенских решеток какой-то специальной изгороди. В школе нашлись только отдельные ножки столов и стульев да истерзанные остатки классных досок – явление вполне естественное, ибо каждая зима имеет свой конец, и у всякого хозяина могут на весну остаться небольшие запасы топлива.

Все нужно было покупать, делать, строить. Прежде всякого другого действия необходимо было построить уборные. В методике педагогического процесса об уборных ничего не говорится, и, вероятно, поэтому в Куряже так легкомысленно обходились без этого полезного жизненного института. *Нужно отдать справедливость куряжанам: они восхитительно приспособились к безуборной жизни и, отбросив ложный стыд, добродушно рассаживались по всему двору, считая, что соблюдение принципа – «не далеко ходить» во всяком случае есть достижение.*

Куряжский монастырь был построен на горе, довольно круто обрывавшейся во все стороны. Только на южном обрыве не было

стены, и здесь, через *пустую впадину бывшего пруда*, открывался вид на соломенные крыши села Подворки. Вид был во всех отношениях сносный, приличный украинский вид, способный защемить сердце *любому лирику*, воспитанному на созвучиях: маты, хаты, дивчата, с прибавлением небольшой дозы ставка[184] и вишневого садка. Наслаждаясь таким хорошим видом, куряжане платили подворчанам черной неблагодарностью, подставляя их взорам только шеренги сидящих над обрывом туземцев, увлеченных последним претворением миллионов, ассигнованных по сметам соцвоса, в продукт, из которого уже ничего больше нельзя сделать.

Подворский обрыв, впрочем, не пользовался исключительным вниманием куряжских пищеварительных аппаратов. Последние следы соцвосовских миллионов были почти равномерно распределены по всей монастырской территории, скопляясь особенно в тех местах, где скоплялся и религиозный дурман: вокруг центрального собора и под горой, с западной стороны, вокруг часовенки над чудотворным ключом, у которого в старое время употребляли святую воду не только нищие, но и харьковские купцы и харьковские губернаторы.

Мои хлопцы очень страдали в области затронутой проблемы. Миша Овчаренко достигал максимума серьезности и убедительности, когда жаловался:

– Шо ж это, в самом деле? Как же нам? В Харьков ездить, чи как? Так на чем ездить?

Поэтому уже в конце нашего совещания в дверях пионерской комнаты стояли два подворских плотника, и старший из них, солдатского вида человек в хаковой фуражке, с готовностью поддерживал мои предначертания:

– Конешно, как же это можно? Раз человек кушает, он же не может так. А насчет досок, – тут на Рыжове склад. Вы не стесняйтесь, меня здесь все знают, давайте назначенную сумму, сделаем такую постройку – и у монахов такой не было. Если, конешно, дешево желаете, шелевка пойдет или, допустим, лапша, – легкое будет строение, а в случае вашего желания, советую полтора дюйма или двухдюймовку взять, тогда выйдет вроде как лучше и для здоровья удобнее: ветер тебе не задует, и зимой затышек, и летом жара не потрескает.

Кажется, первый раз в жизни я испытывал настоящее умиление, взирая на этого прекрасного человека, строителя и организатора зимы и лета, ветров и «затышка». И фамилия у него была приятная – Боровой. Я дал ему стопку кредиток и еще раз порадовался, слушая, как он сочно внушал своему помощнику, сдобному, румяному парню:

– Так я пойду, Ваня, за лесом пойду, а ты начинай. Сбегай за лопаткой и мою забери… *и начинай*… Пока сё да то, а людям сделаем строение. А кто-нибудь нам покажет, где и как…

Киргизов и Кудлатый, улыбаясь, отправились показывать, а Боровой запеленал деньги в некую тряпочку и еще раз морально поддержал меня:

– Сделаем, товарищ заведующий, будьте в надежде!

Я и был в надежде. На душе стало удобнее, мы стряхнули с себя неповоротливую, дохлую, подготовительную стадию и приступили к педагогической работе в Куряже. *Мой мозг стал работать точнее и спокойнее. Прежде всего он отстукал неожиданную для меня формулировку: очевидно, мы начинаем с организации бытия… черт возьми, а ведь Карл Маркс*[185] *даже для Куряжа подходящий философ! Правильно, начнем с бытия!*

И действительно: вторым вопросом, который мы удовлетворительно разрешили на этот вечер, был вопрос, тоже относящийся к бытию: тарелки и ложки. В сводчатой полутемной трапезной, на стенах которой выглядывали из-за штукатурки черные серьезные глаза святителей и богородиц и кое-где торчали их благословляющие персты, были столы и скамьи. *Но всяческая посуда давно исчезла, и как устраивались воспитанники в спальнях в Куряже, можно только воображать. Они просто ели из кастрюль, пользуясь какими-нибудь черпалками по очереди.* Волохов после получасовых хлопот и дипломатических шагов в конюшне усадил на старенькую линейку Евгеньева и отправил его в город с поручением купить четыреста пар тарелок и столько же деревянных ложек. *Евгеньев был старый харьковец, и мы были уверены, что он с этим трудным делом справится.*

На выезде из ворот линейка Евгеньева была встречена восторженными кликами, объятиями и рукопожатиями целой толпы. Хлопцы нюхом почувствовали приток знакомого радостного ветра и выскочили к воротам. Выскочил *за ними* и я и моментально попал в лапы Карабанова, который с недавних пор усвоил привычку показывать на моей грудной клетке свою силу.

Седьмой сводный отряд под командой Задорова прибыл в полном составе, и в моем сознании толпа таинственных опасных куряжан вдруг обратилась в мелкую пустячную задачку, которой отказал бы в уважении даже Ложкин.

Это большое удовольствие – в трудную, неразборчивую минуту встретить всех своих рабфаковцев: и основательного тяжелого Буруна, и Семена Карабанова, на горячей черной страсти которого так приятно было различать тонкий орнамент, накладываемый наукой, и Антона Братченко, у которого и теперь широкая душа умела вместиться в узких рамках ветеринарного

дела, и радостно благородного Матвея Белухина, и серьезного Осадчего, пропитанного сталью, и Вершнева – интеллигента и искателя истины, и черноокую умницу Марусю Левченко, и Настю Ночевную, и «сына иркутского губернатора» Георгиевского, и Шнайдера, и Крайника, и Голоса, и, наконец, моего любимца и крестника, командира седьмого сводного Александра Задорова. Старшие в седьмом сводном отряде уже заканчивали рабфак, *на их лицах заметнее были новые движения мускулов, прямее брови и сложнее выражение взгляда*, и у нас не было сомнений, что и в вузе дела пойдут хорошо. Впрочем, для нас они были больше колонистами, чем студентами, и сейчас нам было некогда долго заниматься счетом их учебных успехов. После первых приветствий мы снова засели в пионерской комнате. Карабанов залез за стол, поплотнее уселся на стуле и сказал:

– Мы знаем, Антон Семенович, тут дело ясное: або славы добуты, або дома не буты! Ось мы и приехали!

Мы рассказали рабфаковцам о нашем первом сегодняшнем дне. Рабфаковцы нахмурились, беспокойно оглянулись, заскрипели стульями. Задоров задумчиво посмотрел в окно и прищурился:

– Да… нет… силой сейчас нельзя: много очень!..

Бурун повел пудовыми плечами и улыбнулся:

– Понимаешь, Сашка, не много! Много-то плевать! Не много, а черт его знает, взять не за что. Много, ты говоришь, а где они? Где? За кого ты ухватишься? Надо их как-нибудь… той… в кучу собрать. А как ты их соберешь?

Как-то так случилось, что все наши мысли сосредоточились на одном вопросе: как собрать в кучу. Вошла Гуляева, послушала наши разговоры, улыбкой ответила на подозрительный взгляд Карабанова и сказала:

– Всех ни за что не соберете!.. Ни за что!..

– А ось побачим! – рассердился Семен. – Как это «ни за что»? Соберем! Пускай не двести восемьдесят, так сто восемьдесят придут. Там будет видно. Чего тут сидеть?

Выработали такой план действия. Сейчас дать обед. Куряжане как следует проголодались, все в спальнях ожидают обеда. Черт с ними, пускай лопают! А во время обеда всем пойти по спальням и агитнуть. Надо им сказать, сволочам: приходите на собрание, люди вы или что? Приходите! Для вас же, гады, интересно, у вас новая жизнь начинается, а вы, как мокрицы, разлазитесь. А если кто будет налазить, заедаться с ним не надо. А лучше так сказать: ты здесь герой возле кастрюли с борщом, – приходи на собрание и говори, что хочешь. Вот и все. А после обеда позвонить на собрание.

У дверей кухни сидели несколько десятков куряжан, ожидавших раздачи обеда. Мишка Овчаренко стоял в дверях и поучал того самого рыжего, который вчера интересовался моей фамилией:

– Если кто не работает, так ему никакой пищи не полагается, а ты мне толкуешь: полагается! Ничего тебе не полагается. Понимаешь, друг? Ты это должен хорошенько понять, если ты человек с умом, – *и на их лицах заметнее были новые движения мускулов, прямее брови и сложнее выражение взгляда.* – Я, может, тебе и выдам, так это будет, милый мой, по моему доброму желанию. Потому что ты не заработал, понимаешь, дружок? Каждый человек должен заработать, а ты, милый мой, дармоед, и тебе ничего не полагается. Могу подать милостыню, и все.

Рыжий смотрел на Мишку глазом обиженного зверя. Другой глаз не смотрел, и вообще со вчерашнего дня на физиономии рыжего произошли большие изменения: некоторые детали этого лица значительно увеличились в объеме и приобрели синеватый оттенок, верхняя губа и правая щека измазаны были кровью. *Последние признаки* давали мне право обратиться к Мишке Овчаренко с серьезным вопросом:

– Это что такое? Кто его разукрасил?

Но Мишка солидно улыбнулся и усомнился в правильной постановке вопроса:

– С какой стати вы меня спрашиваете, Антон Семенович? Не моя это морда, а этого самого Ховраха. А я свое дело делаю, про свое дело могу вам дать подробный доклад, как нашему заведующему. Волохов сказал: стой у дверей, и никаких хождений на кухню! Я стал и стою. Или я за ним гонялся, или я ходил к нему в спальню, или приставал к нему? Пускай сам Ховрах и скажет: они лазят здесь без дела, может, он на что-нибудь напоролся сдуру?

Ховрах вдруг захныкал, замотал на Мишку головой и высказал свою точку зрения:

– Хорошо! Голодом морить будете, хорошо, ты имеешь право бить по морде? Ты мене не знаешь? Хорошо, ты меня узнаешь!..

В то время еще не были разработаны положения об агрессоре[186], *и случай не так легко поддавался моему суду.*

Я вспомнил одно событие, взволновавшее Европу в начале XIX века, которое сильно походило на инцидент возле дверей кухни в Куряже в первой половине XX века. Вековое расстояние – признак не существенный. Известный законодатель морали Наполеон, тогда еще даже не император, почувствовал, что ему мешает работать и творить принц Ангиенский, какой-то там потомок какого-то венценосца. Принц проживал в нескольких

часах езды от французской границы на территории Германии. Дело было разрешено очень просто. Военный отряд французов перешел через границу, захватил принца, организовал немедленно военный суд, и принц не успел проснуться, как уже был расстрелян с отданием воинских почестей и прочими украшениями. Кто его знает, как к этому событию отнесся Наполеон в то время, но не скоро после события, будучи уже в доме отдыха на острове Святой Елены, Наполеон, обсудив все происшествие, в общем и целом, пришел к такому заключению:

– Это могло быть преступлением, но это не было ошибкой.

Сравнив эти два случая, я отметил, что если сам Наполеон мог отделаться от неприятности только при помощи сомнительного афоризма, то для меня положение является гораздо более затруднительным. Поэтому я осторожно повел среднюю линию, которая всегда отличается тем, что человек задает вопросы, а отвечать должны другие:

– Какое же ты имел право бить его?

Продолжая улыбаться, Миша протянул мне финку:

– Видите: это финка. Где я ее взял? Я, может, украл ее у Ховраха? Здесь разговоры были большие. Волохов сказал: на кухню никого! Я с этого места не сходил, а он с финкой пришел и говорит: пусти! Я, конечно, не пускаю, Антон Семенович, а он обратно: пусти, и лезет. Ну, я его толкнул. Полегоньку так, вежливо толкнул, а он, дурак такой, размахивает и размахивает финкой. *Он думает, понимаете, что если он с финкой, так я должен его пустить.* Он не может того сообразить, какой есть порядок. Все равно, как остолоп…

– Все-таки ты его избил, вот… до крови. Твои кулаки?

– *Зачем я буду бить… до крови… посудите сами, Антон Семенович. Я здесь стою, как приказал Волохов, и исполняю свою обязанность. Что я за ним гонялся или как: притащил его сюда и давай бить, что ли?*

– *Говори, это твои кулаки… расквасили вот?*

Мишка посмотрел на свои кулаки, *каждый из которых представлял собою идеальную иллюстрацию к христианской морали, и растерянно* смутился:

– Кулаки, конечно, мои, куда я их дену. Только я с места не сходил. Как сказал Волохов, так я и стоял на месте. А он, конечно, размахивал тут, как остолоп…

– А ты не размахивал?

– А кто мне может запретить размахивать? Если я стою на посту, могу я как-нибудь ногу переставить, или, скажем, мне рука не нужна на этой стороне, могу я на другую сторону как-нибудь повернуть? А он наперся, кто ему виноват? Ты, Ховрах, должен

разбираться, где ты ходишь! Скажем, идет поезд… Видишь ты, что поезд идет, стань в сторонку и смотри. А если ты будешь на пути с финкой своей, так, конечно, поезду некогда сворачивать, от тебя останется лужа, и все. Или, если машина работает, ты должен осторожно подходить, ты же не маленький!

Миша все это пояснял Ховраху голосом добрым, даже немного разнеженным, убедительно и толково жестикулируя правой рукой, показывая, как может идти поезд и где в это время должен стоять Ховрах. Ховрах слушал его молчаливо-пристально, кровь на его щеках начинала уже присыхать под майскими лучами солнца. Группа рабфаковцев серьезно слушала речи Миши Овчаренко, отдавая должное Мишиной трудной позиции и скромной мудрости его положений.

За время нашего разговора прибавилось куряжан. По их лицам я видел, как они очарованы строгими силлогизмами Миши, которые в их глазах тем более были уместны, что принадлежали победителю. Я с удовольствием заметил, что умею кое-что прочитать на лицах моих новых воспитанников. Меня в особенности заинтересовали еле уловимые знаки злорадства, которые, как знаки истертой телеграммы, начинали мелькать в слоях грязи и размазанных борщей. Только на мордочке Вани Зайченко, стоявшего впереди своей компании, злая радость была написана открыто большими яркими буквами, как на праздничном лозунге. Ваня заложил руки за пояс штанишек, расставил босые ноги и с острым, смеющимся вниманием рассматривал лицо Ховраха. Вдруг он затоптался на месте и даже не сказал, а пропел, откидывая назад мальчишескую стройную талию:

– Ховрах!.. Выходит, тебе не нравится, когда дают по морде? Не нравится, правда?

– Молчи ты, козявка, – хмуро, без выражения сказал Ховрах.

– Ха!.. Не нравится! – Ваня показал на Ховраха пальцем. – Набили морду, и все!

Ховрах бросился к Зайченко, но Карабанов успел положить руку на его плечо, и плечо Ховраха осело далеко книзу, перекашивая всю его городскую в пиджаке фигуру. Ваня, впрочем, не испугался. Он только ближе подвинулся к Мише Овчаренко, *даже прислонился к нему*. Ховрах оглянулся на Семена, перекосил рот, вырвался. Семен добродушно улыбнулся. Неприятные светлые глаза Ховраха заходили по кругу и снова натолкнулись на прежний, внимательный и веселый глаз Вани. Очевидно, Ховрах запутался: неудача и одиночество, и только что засохшая на щеке кровь, и только что произнесенные сентенции Миши, и улыбка Карабанова требовали некоторого времени на анализ, и

поэтому тем труднее было для него оторваться от ненавистного ничтожества Вани и потушить свой, такой привычно-непобедимый, такой уничтожающий наглый упор. Но Ваня встретил этот упор всесильной миной сарказма:

– Какой ты ужасно страшный!.. Я сегодня спать не буду!.. Перепугался, и все! И все![187]

И горьковцы и куряжане громко засмеялись. Ховрах зашипел:

– Сволочь! – и приготовился к какому-то, особенного пошиба, блатному прыжку.

Я сказал:

– Ховрах!

– Ну, что? – спросил он через плечо.

– Подойди ко мне!

Он не спешил выполнить мое приказание, рассматривая мои сапоги и по обыкновению роясь в карманах. К железному холодку моей воли я прибавил немного углерода.

– Подойди ближе, тебе говорю!

Вокруг нас все затихли, и только Петька Маликов *под рукой у меня где-то* испуганно шепнул:

– Ого!

Ховрах двинулся ко мне, надувая губы и стараясь смутить меня пристальным взглядом. В двух шагах он остановился и зашатал ногою, как вчера.

– Стань смирно!

– Как это смирно еще? – пробурчал Ховрах, однако вытянулся и руки вытащил из карманов, но правую кокетливо положил на бедро, расставив впереди пальцы. Карабанов снял эту руку с бедра:

– Детка, если сказано «смирно», так гопака танцевать не будешь… Голову выше!

Ховрах сдвинул брови, но я видел, что он уже готов. Я сказал:

– Ты теперь горьковец. Ты должен уважать *дисциплину* и товарищей. Насильничать над младшими ты больше не будешь, правда?

Ховрах *деловито* захлопал веками и улыбнулся каким-то миниатюрным *мускульным* хвостиком нижней губы. В моем вопросе, *правда*, было больше угрозы, чем нежности, и я *чувствовал*, что Ховрах на этом обстоятельстве уже поставил аккуратное нотабене. Он коротко ответил:

– Можно.

– Не можно, а есть, черт возьми! – зазвенел мажорный тенор Белухина.

Матвей без церемонии за плечи повернул Ховраха к себе, хлопнул с двух сторон по его опущенным рукам, точно и ловко

вскинул руку в салюте и отчеканил:

– Есть не насильничать над младшими! Повтори!

Ховрах *добродушно* растянул рот:

– Да чего вы, хлопцы, на меня взъелись, – *уже совершенно по-приятельски сказал Ховрак, оглядываясь*. – Что я такое изделал? Ничего такого не изделал. Это он меня в рыло двинул – факт! Так я ж ничего…

Куряжане, захваченные до краев всем происходящим, придвинулись ближе. Карабанов обнял Ховраха за плечи и произнес горячо:

– Друг! Дорогой мой, ты же умный человек! Мишка стоит на посту, он *же* защищает не свои интересы, а общие. Вот пойдем на *те* дубки, я тебе растолкую…

Окруженные венчиком любителей этических проблем, они удаляются на дубки.

Волохов дал приказ выдавать обед. Давно торчащая за спиной Мишки усатая голова повара в белом колпаке дружески закивала Во-лохову и скрылась. Ваня Зайченко усиленно задергал всю свою компанию за рукава и зашептал с силой:

– Понимаете, белую шапку надел! Как это надо понимать? Тимка! Ты сообрази!

Тимка, краснея, опустил глаза и сказал:

– Это его собственный колпак, я знаю!

В пять часов состоялось общее собрание. Либо агитация рабфаковцев помогла, *либо интерес куряжан к нам начинал разгораться*, либо от чего другого, но куряжане собрались в клуб довольно полно. А когда Волохов поставил в дверях Мишу Овчаренко, и Осадчий с Шелапутиным стали переписывать присутствующих, начиная необходимый в педагогическом деле учет объектов воспитания, в двери заломились запоздавшие и спрашивали с тревогой:

– А кто не записался, дадут ужин?

Я подумал: ага, дорогие товарищи, бытие ваше трещит и вы испугались? Очень хорошо.

Бывший церковный зал насилу вместил эту массу человеческой руды. С алтарного возвышения я всматривался в груды беспризорщины, поражался их объемом и их мизерной выразительностью. В редких точках толпы выделялись интересные живые лица, слышались человеческие слова и открытый детский смех. Девочки жались к задней печке, и среди них царило испуганное молчание. В черновато-грязном море клифтов, всклокоченных причесок и ржавых запахов мертвыми круглыми пятнами стояли лица, безучастные, первобытные, с открытыми ртами, с шероховатыми взглядами, с мускулами,

сделанными из пакли.

Я коротко рассказал о колонии Горького, о ее жизни и работе. Коротко описал наши задачи: чистота, работа, учеба, новая жизнь, новое человеческое счастье. *Коротко обратился к их человеческой пролетарской чести*, ведь они живут в счастливой стране, где нет панов и капиталистов, где человек может на свободе расти и развиваться в радостном труде. Я скоро устал, не поддержанный живым вниманием слушателей. Было похоже, как если бы я обращался к шкафам, бочкам, ящикам. Я объявил, что воспитанники должны организоваться по отрядам, в каждом отряде двадцать человек, просил назвать четырнадцать фамилий для назначения командирами. Они молчали. Я просил задавать вопросы, они тоже молчали. На возвышение вышел Кудлатый и сказал:

– Собственно говоря, как вам не стыдно? Вы хлеб лопаете, и картошку лопаете, и борщ, а кто это обязан для вас делать? Кто обязан? А я вам завтра если не дам обедать? Как тогда?

И на этот вопрос никто ничего не ответил. Вообще «народ безмолвствовал»[188].

Кудлатый рассердился:

– Тогда я предлагаю с завтрашнего дня работать по шесть часов – надо же сеять, черт бы вас побрал! Будете работать?

Кто-то один крикнул из далекого угла:

– Будем!

Вся толпа не спеша оглянулась на голос и снова выпрямила линии тусклых физиономий.

Я глянул на Задорова. Он засмеялся в ответ на мое смущение и положил руку на мое плечо:

– Ничего, Антон Семенович, это пройдет!

[4] «Все хорошо»

Мы провозились до глубокой ночи в попытках организовать *куряжанскую толпу*. Рабфаковцы ходили по спальням и снова переписывали воспитанников, стараясь составить отряды. Бродил по спальням и я, захватив с собою Горьковского в качестве измерительного инструмента. Нам нужно было, хотя бы на глаз, определить первые признаки коллектива, хотя бы в редких местах найти следы социального клея. Горьковский чутко поводил носом в темной спальне и спрашивал:

– А ну? Какая тут компания?

Ни компаний, ни единиц почти не было в спальнях. Черт их знает, куда они расползались, эти куряжане. Мы расспрашивали присутствовавших, кто в спальне живет, кто с кем дружит, кто здесь плохой, кто хороший, но ответы нас не радовали. Большинство куряжан не знали своих соседей, редко знали даже имена, в лучшем случае называли прозвища: Ухо, Подметка, Комаха, Шофер – или вспоминали внешние приметы:

– На этой койке рябой, а на этой – из Валок пригнали.

В некоторых местах мы ощущали и слабые запахи социального клея, но склеивалось вместе не то, что нам было нужно.

К ночи я все-таки имел представление о составе Куряжа.

Разумеется, это были настоящие беспризорные, но это не были беспризорные, так сказать, классические. Почему-то в нашей литературе и среди нашей интеллигенции представление о беспризорном сложилось в образе некоего байроновского героя. Беспризорный – это прежде всего якобы философ, и притом очень остроумный, анархист и разрушитель, блатняк и противник решительно всех этических систем. Перепуганные и слезливые педагогические деятели прибавили к этому образу целый ассортимент более или менее пышных перьев, надерганных из хвостов социологии, рефлексологии и других богатых наших родственников. Глубоко веровали, что беспризорные организованы, что у них есть вожаки и дисциплина, целая стратегия воровского действия и правила внутреннего распорядка. Для беспризорных не пожалели даже специальных ученых терминов: «самовозникающий коллектив» и т. п.

И без того красивый образ беспризорного в дальнейшем был еще более разукрашен благочестивыми трудами обывателей *от всех слоев общества и даже из-за границы*. Все беспризорные – воры, пьяницы, развратники, кокаинисты и сифилитики. Во всей всемирной истории, кажется, только Петру *Великому* пришивали

столько смертных грехов, *сколько наши болтуны пришили беспризорному*. Между нами говоря, все это сильно помогало западноевропейским сплетникам слагать о нашей жизни самые глупые и возмутительные анекдоты.

А между тем… ничего подобного в жизни нет.

Надо решительно отбросить теорию о постоянно существующем беспризорном обществе, наполняющем будто бы наши улицы не только своими страшными преступлениями и живописными нарядами, но и своей «идеологией». Составители романтических сплетен об уличном советском анархисте, *по всей вероятности, на печке сидели в то время, когда все наше общество бросилось на помощь погибающему детству. После Гражданской войны и голода интернирование беспризорных выражалось, как известно, в миллионных цифрах. Но и после того не было такого города и такого времени, которые не проводили бы самой крупной работы по набору беспризорных. И сейчас необходимо всем нашим романтикам крепко у себя на носу или на другой части тела зарубить следующее. В подавляющем числе случаев, очень близко стоящем к 100 %, все эти дети прошли через воспитательные учреждения и давно уже работают на советских заводах и в советских учреждениях.* Другой уже вопрос, насколько педагогически безболезненно и безмятежно протекал *весь* процесс воспитания этих детей.

В значительной мере по вине тех же самых романтиков работа детских домов и колоний развивалась очень тяжело, сплошь и рядом приводя к учреждениям типа Куряжа. Поэтому некоторые мальчики (речь идет только о мальчиках) очень часто уходили на улицу, но вовсе не для того, чтобы жить на улице, и вовсе не потому, что считали уличную жизнь для себя самой подходящей. Никакой специальной уличной идеологии у них не было, *и по меньшей мере*, а уходили они в надежде попасть в лучшую колонию или детский дом. Они обивали пороги *канцелярии* спонов[189] и соцвосов, помдетов и комиссий, но больше всего любили такие места, где была надежда приобщиться к нашему строительству, минуя благодать педагогического воздействия. Последнее им не часто удавалось. Настойчивая и самоуверенная педагогическая братия не так легко выпускала из своих рук принадлежащие ей жертвы и вообще не представляла себе человеческую жизнь без предварительной соцвосовской обработки. По этой причине большинство беглецов принуждены были вторично начинать хождения по педагогическому процессу в какой-нибудь другой колонии, из которой, впрочем, тоже можно было убежать. Между двумя колониями биография этих маленьких граждан протекала, конечно, на улицах, и так как для

занятий принципиальными и моральными вопросами они не имели ни времени, ни навыков, ни письменных столов, то естественно, что продовольственные, например, вопросы разрешались ими и аморально, и апринципиально. *Составители нравственных прописей и человеческих классификаций – даже и они признают, что кража булок или кража колбасы с намерением немедленно потребить эти ценности, если к такому потреблению имеются достаточно убедительные призывы желудка, едва ли могут рассматриваться как признаки нравственного падения. Беспризорные эту концепцию несколько расширяли и практически защищали тезис, утверждавший, что призывы желудка могут быть направлены не обязательно на булку и не обязательно на колбасу, а, скажем, на ридикюль в руках какой-нибудь раззявы женского пола или на торчащий из кармана раззявы мужского пола бумажник. Одним словом, понятия потребительной ценности в головах беспризорных складывались не так формально, как в головах учителей нравственности, да и вообще беспризорные никогда не отличались склонностью к формализму. Именно поэтому они так непосредственно, будучи на улице, разрешали многие вопросы, не желая вкладываться даже в самые остроумные рамки науки индивидуальной психологии. Только эта недоговоренность между беспризорными и учеными и приводила к тому, что последние считали первых явлениями нравственного или безнравственного порядка, а сами беспризорные полагали, что они все делают для того, чтобы сделаться металлистом или хотя бы шофером. Быть металлистом – это вообще мечта всех советских уркаганов, а о беспризорных уже и говорить нечего, в этом главное отличие нашей уголовной стихии от стихии буржуазной. И если многим это счастье не дается, то виною тому не чистота стремления, а проклятая сложность и дешевка… человеческого существа, удивительно рябо спортаченного в первые еще дни мироздания. Нашим ученым все это не мешало бы учесть при составлении классификаций человеческих характеров и вообще не мешало бы им хоть немного считаться с таким важным обстоятельством, как Октябрьская революция. Очень приятное впечатление производят многие описания наших блатников в литературе. Это не наши, не советские милые блатники, которые мечтают быть шоферами, а какие-то фрески-потрошители, у которых одна мечта – потрошить. Справедливость требует отметить, что в области классификации беспризорных современные коммунары-дзержинцы гораздо лучше справляются, чем многие записные классификаторы. Они никогда не позволят себе возиться с такими опороченными модусами, как «пониженное нравственное чувство» или «биопсихическая конституция», или*

«эндопсихические элементы личности»[190].

По коммунарской рабочей гипотезе все беспризорные делятся на три сорта. «Первый сорт» – это те, которые самым деятельным образом участвуют в составлении собственных гороскопов, не останавливаясь ни перед какими неприятностями, которые в погоне за идеалом металлиста готовы приклеиться к любой части пассажирского вагона, которые больше кого-нибудь другого обладают вкусом к вихрям курьерских и скорых поездов, будучи соблазняемы при этом отнюдь не вагонами-ресторанами, и не спальными принадлежностями, и не вежливостью проводников. Находятся люди, пытающиеся очернить этих путешественников, утверждая, будто они носятся по железным дорогам в расчете на крымские благоухания или сочинские воды. Это неправда. Их интересуют главным образом днепропетровские, донецкие и запорожские гиганты, одесские и николаевские пароходы, харьковские и московские предприятия.

«Второй сорт» беспризорных, отличаясь многими прекрасными достоинствами, все ж не обладает *тем* букетом благородных нравственных качеств, какими обладает «первый». Эти тоже ищут, но их взоры не отворачиваются с презрением от текстильных фабрик и кожевенных заводов, они готовы помириться даже на деревообделочной мастерской, хуже – они способны заняться картонажным делом, наконец, они не стыдятся собирать лекарственные растения.

«Второй сорт» тоже ездит, но предпочитает задний буфер трамвая, и ему неизвестно, какой прекрасный вокзал в Жмеринке и какие строгости в Москве.

Кое-кто может спросить: почему же и «первый сорт» и «второй» только ищут работы, нигде не задерживаются и все-таки не работают. Во-первых, многие находят работу и работают, но пусть каждый спросит себя самого: согласится ли он переехать на работу в другой город, если ему не дадут квартиры, подъемных, вагона для перевозки вещей, какой-нибудь пайковой карточки. Беспризорные не требуют ни подъемных, ни вагона, но квартирное довольствие и их интересует. Вся беда в том, что им не всегда удается договориться относительно квартиры и коммунальных услуг.

Коммунары-дзержинцы всегда предпочитали привлекать в свою коммуну только граждан «первого сорта». Поэтому они пополняли свои ряды, развивая агитацию в скорых поездах.

Но в Куряже преобладал не «первый сорт» и не «второй» даже, а «третий». В мире беспризорных, как и в мире ученых, «первого сорта» очень мало, немного больше «второго», а подавляющее большинство – «третий сорт»: подавляющее большинство никуда

не бежит и ничего не ищет, а простодушно подставляет нежные лепестки своих детских душ организующему влиянию соцвоса.

В Куряже я напоролся на основательную жилу именно «третьего сорта». Эти дети в своих коротких историях тоже насчитывают три-четыре детских дома или колонии, а то и гораздо больше, иногда даже до одиннадцати, но это уже результат не их стремлений к лучшему будущему, а наробразовских стремлений к творчеству, стремлений часто настолько туманных, что и самое опытное ухо неспособно бывает *уловить нюансы различия между такими штуками, как реорганизация, глупости, уплотнение, головотяпство, разукрупнение, портачество, пополнение, свертывание, развертывание и идиотизм. В мою задачу не входит исследование о целях и задачах этого творчества, вероятно, какие-то цели и задачи бывали. И если эти цели и задачи состояли в том, чтобы окончательно сбить с толку и заморочить хороших нормальных детей, вконец деморализовать их, и лишить естественного права ребенка на постоянный свой коллектив, заменяющий семью, то необходимо признать, что эти цели были достигнуты. Большинство куряжан могли написать на своем знамени нечто из Данте: «Оставь надежду навсегда», ибо единственное, чего они могли ожидать в ближайшем будущем,* – *это очередная реорганизация.*

А так как и я тоже прибыл в Куряж с реорганизаторскими намерениями, то и встретить меня должно было то самое безразличие, которое является единственной защитной позой каждого беспризорного против педагогических пасьянсов наробраза.

Само собою разумеется, это тупое безразличие *было в то же время и* продуктом длительного воспитательного процесса и *ему соответствовали многие, очень многие характеристические подробности. Черт возьми, человеческое существо все же чрезвычайно нежная штука, и наделать в нем всякой порчи очень нетрудно.*

Большинство куряжан было в возрасте тринадцати-пятнадцати лет, но на их физиономиях уже успели крепко отпечататься разнообразные атавизмы. Прежде всего бросалось в глаза полное отсутствие у них чего бы то ни было социального, несмотря на то что с самого рождения они росли под знаком «социального воспитания». Первобытная растительная непосредственность сквозила в каждом их движении, но это не была непосредственность ребенка, прямодушно отзывающегося на все явления жизни. Никакой жизни они не знали. Их горизонты ограничивались списком пищевых продуктов, к которым они

влеклись в сонном и угрюмом рефлексе. До жратвенного котла нужно было дорваться через толпу таких же зверенышей – вот и вся задача. Иногда она решалась более благополучно, иногда менее, маятник их личной жизни других колебаний не знал. Куряжане и крали в порядке непосредственного действия только те предметы, которые действительно плохо лежат или на которые *инстинктивно* набрасывалась вся их толпа. Воля этих детей давно была подавлена насилиями, тумаками и матюками старших, так называемых «глотов», богато расцветших на почве соцвосовского непротивления и «самодисциплины».

Будучи беспризорными «третьего сорта», они, в сущности, были обыкновенными детьми, поставленными судьбой в невероятно глупую обстановку: с одной стороны, они лишены были *решительно* всех благ человеческого развития, с другой стороны, их оторвали и от спасительных условий простой борьбы за существование, подсунув им хотя и плохой, но все же ежедневный котел.

На фоне этой основной массы выделялись некоторые группы иного порядка. В той спальне, где жил Ховрах, очевидно, находился штаб «глотов». Наши рассказывали, что их насчитывалось человек пятнадцать и что главную роль у них играл Коротков. Самого Короткова я еще не видел, да и вообще эти воспитанники большую часть времени проводили в городе. Евгеньев, нашедший среди них старых приятелей, утверждал, что все они обыкновенные городские воры, что колония нужна им только в качестве квартиры. Витька Горьковский не соглашался с Евгеньевым:

– Какие они там воры? Шпана! *Самая настоящая шпана!*

Витька рассказывал, что и Коротков, и Ховрах, и Перец, и Чурило, и Поднебесный, и все остальные промышляют именно в колонии. Сначала они обкрадывали квартиры воспитателей, мастерские и кладовые. Кое-что можно было украсть и у воспитанников: к Первому мая многим воспитанникам были выданы новые ботинки; по словам Горьковского, ботинки *были в настоящее время* главным предметом их *внимания*. Кроме того, они промышляли на селе, а кое-кто даже на дороге. Колония стояла на большом ахтырском шляху, *и по утрам много крестьянских подвод направлялось к Харькову*.

Витька вдруг прищурился и неожиданно рассмеялся:

– А теперь знаете, что они изобрели, гады? Пацаны их боятся, дрожат прямо, так что они делают: организаторы, понимаете! У них эти пацаны называются «собачками». У каждого несколько «собачек». Им и говорят это утром: иди куда хочешь, а вечером приноси. Кто крадет – то в поездах, а то и на базаре, а больше

таких – куда там им украсть, так больше просят. И на улицах стоят, и на мосту, и на Рыжове. Говорят, в день рубля два-три собирают. У Чурило самые лучшие «собачки» – по пяти рублей приносят. И норма у них есть: четвертая часть – «собачке», а три четверти – хозяину. О, вы не смотрите, что у них в спальнях ничего нету. У них и костюмы, и деньги, только все попрятано. Тут на Подворках есть такие дворы, и каинов сколько угодно. Они там каждый вечер гуляют.

Вторую группу составляли такие как Зайченко и Маликов. При ближайшем знакомстве с *населением Куряжа* оказалось, что их не так мало, человек до тридцати. Каким-то чудом им удалось пронести через жизненные непогоды блестящие глаза, прелестную мальчишескую агрессивность и свежие аналитические таланты, позволявшие им к каждому явлению относиться с боевой привязчивостью. Я очень люблю этот отдел человечества, люблю за красоту и благородство душевных движений, за глубокое чувство чести, даже за то, что все они убежденные холостяки и женоненавистники. С первыми шагами моего передового сводного люди эти подняли носы, втянули в себя, отдуваясь, свежий воздух, потом заметались по спальням, поставив хвосты трубой и приведя в быстрое вращение указанные выше аналитические таланты. Они еще боялись открыто перейти на мою сторону, но поддержка их была все равно обеспечена.

На третью группу социальных элементов *Куряжа* мы наткнулись с Витькой нечаянно, и Витька остановился перед ней, как сеттер перед зайцем, в оторопелом удивлении. В дальнем углу двора стоял, прислонившись к древней стене, одинокий флигель с деревянной резной верандой. Ваня Зайченко, показывая на это строение, сказал:

– А там живут агрономы.

– Как это агрономы? Сколько же их?

– А их четырнадцать человек.

– Четырнадцать агрономов? Зачем так много?

– А они жито сеяли, а теперь там живут…

Я услышал запах Халабуды и еще более усомнился:

– Это вы их так дразните?

Но Ваня сделал серьезное лицо и еще настойчивее мотнул головой по направлению к флигелю:

– Нет, настоящие агрономы, вот посмотрите! Они пахали и сеяли жито! И смотрите: выросло! Вот такое уже выросло!

Витька воззрился на Зайченко с негодованием:

– Это те… в синих рубашках? Они же воспитанники у вас? Что же ты брешешь?

– Да не брешу! – запищал Ванька. – Не брешу! Они и

аттестаты должны получить. Как только получат аттестаты, так и поедут…

– Ну, хорошо, пойдем к вашим агрономам.

Во флигеле было две спальни. На кроватях, покрытых сравнительно свежими одеялами, сидели подростки, действительно в синих сатиновых рубашках, чистенько причесанные и как-то по особенному добродетельные. На стенах были аккуратно разлеплены открытки, вырезки из журналов и в деревянных рамах маленькие зеркальца. С подоконников свешивались узорные края чистой бумаги.

Серьезные мальчики суховато ответили на мое приветствие и не высказали никакого возмущения, когда Ваня Зайченко с воодушевлением представил их нам:

– Вот это все агрономы, я ж говорил? А это главный – Воскобойников!

Витька Горьковский посмотрел на меня с таким выражением, как будто нас приглашали познакомиться не с агрономами, а с лешими или водяными, в бытие которых поверить Витька ни в каком случае не мог.

– Вот что, ребята, вы не обижайтесь, только скажите, пожалуйста, почему вас называют агрономами?

Воскобойников – высокий юноша, на лице которого бледность боролась с важностью и обе одинаково не могли прикрыть неподвижной застывшей темноты, – поднялся с постели, с большим усилием засунул руки в тесные карманы брюк и сказал:

– Мы – агрономы. Скоро получим аттестаты…

– Кто вам даст аттестаты?

– Как кто даст? Заведующий.

– Какой заведующий?

– Бывший заведующий.

Витька расхохотался:

– Может быть, он и мне даст?

– Нечего насмехаться, – сказал Воскобойников, – ты ничего не понимаешь, так и не говори. Что ты понимаешь?

Витька рассердился:

– Я понимаю, что вы здесь все олухи, *а не понимаю, что вы агрономы!* Говорите подробно, кто тут дурака валяет?

– Может быть, ты и валяешь дурака, – остроумно начал Воскобойников, но Витька больше не мог выносить никакой чертовщины:

– Брось, говорю тебе!.. Ну, рассказывай!

Мы уселись на кроватях. Пересиливая важность и добродетель, сопротивляясь и оскорбляясь, пересыпая скупые слова недоверчивыми и презрительными гримасами, агрономы

раскрыли перед нами секреты халабудовского жита и собственной головокружительной карьеры. Осенью в Куряже работал какой-то уполномоченный Халабуды, имевший от него специальное поручение посеять жито. Он уговорил работать пятнадцать старших мальчиков и расплатился с ними *по-царски*: их поселили в отдельном флигеле, купили кровати, белье, одеяла, костюмы, пальто, заплатили по пятьдесят рублей каждому и обязались по окончании работы выдать дипломы агрономов. Поскольку все договоренное, кровати и прочее, оказалось реальностью, у мальчиков не было оснований сомневаться и в реальности дипломов, тем более что все они были малограмотны и никто из них выше второй группы трудовой школы не бывал. Выдача дипломов затянулась до весны. Это обстоятельство, однако, не очень беспокоило мальчиков, хотя халабудовский уполномоченный и растворился в эфире помдетовских комбинатов, но его обязательства благородно принял на себя заведующий колонией. Уезжая вчера, он подтвердил, что дипломы уже готовы, только нужно их привезти в Куряж и торжественно выдать агрономам.

Я сказал мальчикам:

– Ребята, вас просто надули! Чтобы быть агрономом, нужно много учиться, несколько лет учиться, есть такие институты и техникумы, а чтобы поступить туда, тоже нужно учиться в обыкновенной школе несколько лет. А вы… Сколько семью восемь?

Черненький смазливый юноша, к которому я в упор обратился с вопросом, неуверенно ответил:

– Сорок восемь.

Ваня Зайченко охнул и вытаращил искренние глазенки:

– Ой-ой-ой, агрономы! Сорок восемь! Вот покупка, так покупка! Скажите пожалуйста!

– А ты чего лезешь? Тебе какое дело? – закричал на Ваньку Воскобойников.

– Так пятьдесят шесть! – Ванька даже побледнел от страстной убедительности. – Пятьдесят шесть!

– Так как же? – спросил широкоплечий, угловатый парень, которого все называли Сватко. – Нам обещали, что дадут место в совхозе, а теперь как?

– А это можно, – ответил я. – Работать в совхозе хорошее дело, только вы будете не агрономами, а рабочими.

Агрономы запрыгали на кроватях в горячем возмущении. Сватко побледнел от злости:

– Вы думаете, мы правды не найдем? Мы понимаем, все понимаем. Нас и заведующий предупреждал, да! Вам сейчас

нужно пахать, а никто не хочет, так, значит, вы крутите! И товарища Халабуду подговорили! По-вашему не будет, не будет!

Воскобойников снова засунул руки в карманы и снова вытянул до потолка свое длинное тело:

– Чего вы пришли сюда обдуривать? Нам знающие люди говорили. Мы сколько посеяли и занимались. А вам нужно эксплуатировать? Довольно!

– Вот дурачье, – спокойно произнес Витька.

– Вот я ему двину в морду!.. Горьковцы!.. Приехали сюда чужими руками жар загребать?

Я поднялся с кровати. Агрономы направили на нас *свирепые* тупые лица. Я постарался как можно спокойнее попрощаться с ними:

– Дело ваше, ребята. Хотите быть агрономами, пожалуйста… Ваша работа нам сейчас не нужна, обойдемся без вас… *Только… вам же кормиться где-нибудь нужно. Я еще покормлю вас дней пять даром, а потом… вы подумайте все-таки.*

– Вас просить не будем, чтоб за нас думали, – крикнул Сватко.

Мы направились к выходу. Витька все-таки не утерпел и уже на пороге настойчиво заявил:

– А все-таки вы идиоты.

Заявление это вызвало такое недовольство у агрономов, что Витьке пришлось с крыльца взять третью скорость. *Напротив, Ванька Зайченко возвратился с нами в пионерскую комнату, удовлетворенный жизнью до конца.*

В пионерской комнате Жорка Волков производил *подробный* осмотр куряжан, выделенных разными правдами и неправдами в командиры. Я и раньше говорил Жорке, что из этого ничего не выйдет, что такие командиры нам не нужны. Но Жорка захотел увериться в этом на опыте.

Выделенные кандидаты сидели на лавках, и их босые ноги, как у мух, то и дело почесывали одна другую. Жорка сейчас похож на тигра: глаза у него острые и искрящиеся. Кандидаты держат себя так, как будто их притащили сюда играть в новую игру, но правила игры запутанны, старые игры вообще лучше. Они стараются деликатно улыбаться в ответ на страстные объяснения Жорки, но эффект этот Жорку мало радует:

– Ну, чего ты смеешься? Чего ты смеешься? Ты понимаешь? Довольно жить паразитом! Ты знаешь, что такое советская власть?

Лица кандидатов суровеют, и стыдливо жеманятся разыгравшиеся в улыбке щеки.

– Я же вам объясняю, – *сердито прицеливается глазами Жорка*, – раз ты командир, твой приказ должен быть выполнен.

– А если он не захочет? – снова прорывается улыбкой лобастый блондин, видимо, лодырь и губошлеп, – фамилия его Петрушко.

– А если он не исполнит приказ, запиши его в рапорт и вечером будешь отдавать рапорт и скажешь.

– А что ему за это будет? – весело спросил Зайченко.

– За это мы из него котлет наделаем, – ответил вместо Жорки Митька Жевелей.

У командиров начинает прорезываться вкус к игре, но нам нужны не партнеры, а командиры. Очевидно, в Куряже их нет.

Среди приглашенных сидит и Спиридон Ховрах. Недавняя беседа его с Белухиным и Карабановым, кажется, привела его в умиление, но сейчас он разочарован: от него требуют невыгодных и неприятных осложнений с товарищами, *с какой стати*?

В этот вечер, *сделанный из страстных дебатов Жорки и Жевелея, из смущенных советов Гуляевой и улыбающегося* равнодушия куряжан, мы все же составили совет командиров, переписали всех обитателей колонии и даже *составили* наряд на работы завтрашнего дня. В это время Волохов и Кудлатый, *проявляя чудеса героизма и находчивости*, налаживали инвентарь к завтрашнему выезду в поле. И совет командиров и инвентарь имели очень дрянной вид, и мы улеглись спать в настроении крайней усталости и неудачи. *Нам казалось, что мы не только ничего не сделали, но даже ухудшили положение. То, что было сделано, казалось ничтожной величиной по сравнению с общей запущенностью.* Хотя Боровой с помощником *Ваней* уже приступили к работе, и вокруг ярко-черных навалов земли уже блестели свежие щепки, общая задача в Куряже все равно представлялась неразборчивой и лишенной того спасительного хвостика, за который необходимо дернуть для начала.

На другой день рано утром рабфаковцы уехали в Харьков. Как было условлено в «совете командиров», в шесть часов позвонили побудку. Несмотря на то, что у соборной стены висел уже новый колокол с хорошим голосом, побудка не произвела на куряжан никакого впечатления. Дежурный по колонии Иван Денисович Киргизов в свеженькой красной повязке заглянул в некоторые спальни, но вынес оттуда только испорченное настроение. Колония спала; лишь у конюшни возился наш передовой сводный, собираясь в поле… Через двадцать минут он выступил в составе трех парных запряжек плугов и борон. Кудлатый уселся на линейку и поехал в город доставать семенную картошку. Ему навстречу тащились из города отсыревшие бледные фигуры. *У меня не было сил*, чтобы остановить их и обыскать, поговорить об обстоятельствах минувшей ночи. Они беспрепятственно пролезли

в спальни, и число спящих, таким образом, *после побудки* даже увеличилось.

По составленным вчера нарядам, единодушно утвержденным советом командиров, все силы куряжан предполагалось бросить на уборку спален и двора, на расчистку площадки под парники, на вскопку огородных участков вокруг монастырской стены и на разборку самой стены. В моменты оптимистических просветов я начинал ощущать в себе новое приятное чувство силы. Четыреста колонистов! Воображаю, как обрадовался бы Архимед[191], если бы ему предложили четыреста колонистов. Очень возможно, что он отказался бы даже от точки опоры в своей затее перевернуть мир. Да и двести восемьдесят куряжан были для меня непривычным сгустком энергии после ста двадцати горьковцев.

Но этот сгусток энергии пока что валяется в грязных постелях и даже завтракать не спешит. У нас уже имелись тарелки и ложки, и все это в сравнительном порядке было разложено на столах в трапезной, но целый час тарабанил в колокол Шелапутин, пока в столовой показались первые фигуры. Завтрак тянулся до десяти часов. В столовой я произнес несколько речей, *в которых* в десятый раз повторил, кто в каком отряде, кто в отряде командир и какая для отряда назначена работа. Воспитанники выслушивали мои речи, не подымая головы от тарелки. Эти *мерзавцы* даже не учли того обстоятельства, что для них приготовлен был очень жирный и вкусный суп, а на хлеб положены кубики масла. Они равнодушно сожрали суп и масло, позапихивали в карманы куски хлеба и вылезли из столовой, облизывая грязные пальцы и игнорируя мои взгляды, полные архимедовской надежды.

Никто не подошел к Мише Овчаренко, который стоял возле самой соборной паперти, *и где у Миши разложены* на ступенях паперти новые, вчера купленные лопаты, грабли, метлы. В руках Миши новенький блокнот, тоже вчера купленный. В этом блокноте Миша должен был записывать, какому отряду сколько выдано инструментов. Миша имел вид очень глупый рядом со своей ярмаркой, ибо к нему не подошел ни один человек. Даже Ваня Зайченко, командир десятого отряда куряжан, составленного из его приятелей, *на который* я особенно надеялся, *почему-то* не пришел за инструментами, и за завтраком я его не заметил. Из новых командиров в столовой подошел ко мне *только* Ховрах, стоял со мной рядом и развязно рассматривал проходящую мимо нас толпу. Его отряд – четвертый – должен был приступить к разломке монастырской стены: для него у Миши заготовлены были ломы. Но Ховрах даже не вспомнил о порученной ему работе. По-прежнему развязно он заговорил со

мной о предметах, никакого отношения к монастырской стене не имеющих:

– Скажите, правда, что в колонии имени Горького девчата хорошие?

Я отвернулся от него и направился к выходу, но он пошел со мной рядом и, заглядывая мне в лицо, продолжал:

– И еще говорят, что воспитательки у вас есть… Такие… хлеб с маслом. Га-га, интересно будет, когда сюда приедут! У нас здесь тоже были бабенки подходящие… только знаете что? Глаза моего, ну и боялись! Я как гляну на них, так аж краснеют! А отчего это так, скажите мне, отчего это у меня глаз такой опасный, скажите?

– Слушай, Ховрах, – сказал я ему, – так разговаривать со мной, как ты сейчас, значит хулиганить. Имей в виду, что и я могу потерять терпение.

– Ну что ж, потеряйте, – задвигал Ховрах рыжими бровями, – бить, что ли, будете? Так права такого нет. Если меня, скажем, кто ударит, так и я могу…

– Почему твой отряд не вышел на работу?

– А черт его знает, мне какое дело! Я и сам не вышел… *Ги, Ги.*

– Почему?

– Не хочется, га-га-га!..

Ховрах стоял рядом со мной, снова пошатывал ногой и, щурясь, присматривался к соборному кресту, вокруг которого кружились грачи.

– Придумали такое: стенку ломать. Дурак я, что ли, пойду кирпичи ворочать.

Он прищурился на соборный крест:

– А у нас тут, на Подворках, тоже есть бабенки забористые… га-га… если желаете, могу познакомить…

Мой гнев еще со вчерашнего дня был придавлен мертвой хваткой сильнейших тормозов. Поэтому внутри меня что-то нарастало круто и настойчиво, но на поверхности моей души я слышал только приглушенный скрип, да нагревались клапаны сердца. В голове кто-то скомандовал «смирно», и чувства, мысли и даже мыслишки поспешили выпрямить пошатнувшиеся ряды. Тот же «кто-то» сурово приказал:

«Отставить Ховраха! Спешно нужно выяснить, почему отряд Вани Зайченко не вышел на работу и почему Ваня не завтракал?»

На основании всех этих директив я сказал Ховраху:

– Убирайся от меня к чертовой матери!.. Г…о!

Ховрах очень *удивился моему невежливому обращению и смущенно отстал*. Я поспешил к спальне Зайченко.

Ванька лежал на голом матраце, и вокруг матраца сидела вся его компания: *Маликов, Одарюк, Фонаренко и еще несколько*

мальчиков, очевидно, все из десятого отряда. Ваня положил руку под голову, и его бледная худая ручонка на фоне грязной подушки казалась чистой.

– Что случилось? – спросил я.

Компания молча пропустила меня к кровати. Одарюк через силу улыбнулся и сказал еле слышно:

– Побили.

– Кто побил?

Неожиданно звонко Ваня сказал с подушки:

– Кто-то, понимаете, побил! Вы можете себе представить? Пришли ночью, накрыли одеялом и… здорово побили! В груди болит!

Звонкий голос Вани Зайченко сильно противоречил его похудевшему синеватому личику.

Я знал, что среди куряжских флигелей один называется больничкой. Там среди пустых грязных комнат была одна, в которой жила старушка-фельдшерица. Я послал за нею Маликова. В дверях Маликов столкнулся с Шелапутиным:

– Антон Семенович, там на машине приехали, вас ищут!

У большого черного фиата стояли Брегель, товарищ Зоя и Клямер. Брегель величественно улыбнулась:

– Приняли?

– Принял.

– Как дела?

– Все хорошо.

– Совсем хорошо?

– Жить можно.

Товарищ Зоя недоверчиво *и с ненавистью* на меня посматривала. Клямер оглядывался во все стороны. Вероятно, он хотел увидеть моих сторублевых воспитателей. Мимо нас спотыкающимся старческим аллюром спешила к Ване Зайченко фельдшерица. От конюшни доносились негодующие речи Волохова:

– Сволочи, людей перепортили и лошадей перепортили! Ни одна пара не работает, поноровили коней, гады, не кони, а проститутки!

Товарищ Зоя покраснела, подпрыгнула *на месте* и завертела большой нескладной головой:

– Вот это соцвос, я понимаю!

Я расхохотался:

– Это не соцвос. Это просто человек слов не находит.

– Как не находит? – язвительно улыбнулся Клямер. – Кажется, именно находит?

– Ну да, сначала не находил, а потом уже нашел.

Брегель что-то хотела сказать, *но* пристально глянула мне в глаза и ничего не сказала.

[5] Идиллия

Через день я отправил такую телеграмму:

«Колония Горького Ковалю ускорить отъезд колонии воспитательскому персоналу прибыть Куряж первым поездом полном составе».

На следующий день к вечеру я получил ответ от Коваля:

«Вагонами задержка воспитатели выезжают сегодня *вечером*».

Единственная в Куряже линейка в два часа ночи доставила с рыжовской станции Екатерину Григорьевну, Лидочку, Буцая, Журбина и Горовича. Из бесчисленных педагогических бастионов мы выбрали для них комнаты, наладили кое-какие кровати, матрацы пришлось купить в городе.

Встреча была радостная. Шелапутин и Тоська, *не оглядываясь* на свои пятнадцать лет, обнимались и целовались с *Екатериной Григорьевной*, как девчонки, пищали и вешались на шею *мужчинам*, задирая ноги. Горьковцы приехали жизнерадостные и свежие, и на их лицах *в течение мгновения* я прочитал рапорт о состоянии дел в колонии. Екатерина Григорьевна подтвердила коротко:

– Там все готово. Все сложено. Нужны только вагоны.

– Как хлопцы?

– Сидят на ящиках и дрожат от нетерпения. Я думаю, что хлопцы наши большие счастливцы. И, кажется, мы все счастливые люди. А вы?

– Я тоже переполнен счастьем, – ответил я сдержанно, – но *дело, видите ли, в том, что* в Куряже больше, кажется, нет счастливцев…

– А что случилось? – взволнованно спросила Лидочка.

– Да ничего страшного, – сказал Волохов презрительно, – только у нас сил мало. И не мало, так в поле ж работа. Мы теперь и первый сводный, и второй сводный, и какой хотите.

– А куряжане? – спросила удивленно Екатерина Григорьевна.

Ребята засмеялись:

– Вот увидите…

Петр Иванович Горович крепко сжал красивые губы, пригляделся к хлопцам, к темным окнам, ко мне:

– Надо скорее ребят?

– Да, как можно скорее, – сказал я, – надо, чтобы колония спешила как на пожар. А то сорвемся…

Петр Иванович крякнул:

– Нехорошо выходит… *Вам* нужно поехать в колонию, хотя бы нам и трудно пришлось в Куряже. За вагоны просят очень дорого,

не дают никакой скидки, да и вообще волынят. Вам необходимо на один день… Коваль уже перессорился на железной дороге. *Платить четыре тысячи, по его мнению, преступление.*

Мы задумались. Волохов пошевелил плечами и тоже крякнул, как старик:

– Та ничего… Поезжайте скорише, как-нибудь обойдемся… и все равно, хуже не будет. А только наши пускай там не барятся! [192]

Иван Денисович *Киргизов*, сидя на подоконнике, ухмылялся спокойно и рассматривал часовые стрелки:

– А через два часа и поезд. А какое ваше завещание будет?

– Мое завещание? Черт, какие тут завещания? *Никакой* силы сейчас применять нельзя. Вас теперь шестеро. Если сможете повернуть на нашу сторону *хоть* два-три отряда, будет прекрасно. Только старайтесь перетягивать не одиночками, а отрядами. *Киргизов познакомит вас с отрядами.*

– Агитация, значит? – спросил Горович грустно.

– Агитация, только не очень *отвлеченно*. Больше рассказывайте о колонии, о разных случаях, *о рабфаковцах, о жизни*, о строительстве. Да чего мне учить вас! Глаза раскрыть, конечно, не сможете так скоро, но понюхать что-нибудь дайте.

Говоря это, я сам себя ловил вдруг на каком-то внутреннем противоречии. Как будто полагалось начинать с бытия, а своим коллегам я рекомендовал именно бытие отставить в сторону, а заняться чистым сознанием. Да, сам черт не разберется в этой самой педагогике, где у нее голова, а где хвост.

Но коллеги сделали вид, что они прекрасно разобрали, увидели голову и хвост. Спасибо им за деликатность. Воображаю, как завтра они будут очарованы и головой, и хвостом. Впрочем, все равно. В моей голове *была* самая возмутительная каша. Прыгали, корчились *в судорогах*, ползали, даже в обморок падали разные мысли и образы, а если какая-нибудь из них и кричала иногда веселым голосом, я начинал серьезно подозревать, что она в нетрезвом виде.

В педагогическом процессе я всегда различал совершенно ясные отделы и умел более или менее удачно комбинировать и гармонировать их. Есть педагогическая механика, физика, химия, даже педагогическая геометрия, даже педагогическая метафизика. Спрашивается: для чего я оставлял здесь, в Куряже, в темную ночь этих шестерых подвижников? Я разглагольствовал с ними об агитации, а на самом деле рассчитывал: вот в обществе куряжан завтра появятся шестеро культурных, серьезных, хороших людей. Ха, честное слово, это была ставка на ложку меда в бочке дегтя… впрочем, дегтя ли? Жалкая, конечно, химия. И химическая

реакция могла наметиться *медленная*, дохлая, бесконечная. Если уж нужна здесь химия, то другая: динамит, нитроглицерин, вообще неожиданный, страшный, убедительный взрыв, чтобы стрелой прыгнули в небеса и стены собора, и «клифты», и детские души, *и глотская наглость*, и агрономические дипломы.

Между нами говоря, я готов был и себя самого и свой передовой сводный заложить в какую-нибудь хорошую бочку – взрывной силы у нас, честное слово, было довольно. Я вспомнил *начало колонии Горького*. Да, тогда начинали сильнее, тогда были взрывы и меня самого носило по воздуху, как гоголевского Вакулу[193], и ничего я тогда не боялся. А теперь торчали в голове всякие бантики *и финтиклюшки*, которыми будто бы необходимо украшать святейшую ханжу – педагогику. «Будьте добры, *дорогая педагогика*, grande maman, разрешите один разок саданут в воздух». – «Пожалуйста, – говорит она, – саданите, только, *пожалуйста, осторожнее и как-нибудь так, чтоб никто не обижался*».

И я ретируюсь с этикетным выражением лица и думаю: «Какие уж там взрывы!»

– Волохов, запрягай, еду.

Через час я стоял у открытого окна вагона и смотрел на звезды. Поезд был четвертого сорта, сесть было негде, *и в окно вместе с дымом моей папиросы выталкивались какие угодно газы, только кислорода в вагоне не было.*

Не удрал ли позорно из Куряжа, не испугался ли собственных запасов динамита? Надо было себя успокоить. Динамит – вещь опасная, и зачем с ним носиться, когда есть на свете мои замечательные горьковцы? Через четыре часа я оставлю душный, грязный чужой вагон и буду в их изысканном обществе.

В колонию я приехал на извозчике, когда солнце давно уже сожалело, что у него нет радиатора. Колонисты сбежались ко мне со всех сторон. Это колонисты или эманация радия? Даже Галатенко, раньше категорически отрицавший бег как способ передвижения, теперь выглянул из дверей кузницы и вдруг затопал по дорожке, потрясая землю и напоминая одного из боевых слонов царя Дария Гистаспа[194].

В общий гам приветствий, удивлений и нетерпеливых вопросов и он внес свою долю:

– Как там оно, помогает, чи не помогает, Антон Семенович?

Какая жалость, что слишком мы поспешили придушить бога. Ибо так хотелось сказать: «Господи, Боже мой, откуда у тебя, Галатенко, такая мужественная, открытая улыбка, где ты достал тот хорошенький мускул, который так грациозно морщит твое нижнее веко, чем ты смазал глаза – бриллиантином, китайским

лаком или ключевой чистой водой? И хоть медленно еще поворачивается твой тяжелый язык, но ведь он выражает эмоцию. *Господи, Боже мой*, черт возьми, эмоцию!»

– Почему вы такие нарядные, что у вас, бал? – спросил я у хлопцев.

– Ого! – ответил Лапоть. – Настоящий бал. Сегодня мы первый день не работаем, а вечером «Блоха»[195] – последний спектакль, и будем с граками прощаться… Нет, вы скажите, как там дела?

В новых трусиках и в новых бархатных тюбетейках, специально изготовленных, чтобы поразить куряжан, колонисты пахли праздником. По колонии метались шестые сводные, подготовляя спектакль. В спальнях, в школе, в мастерских, в клубных помещениях по углам стояли забитые ящики, завернутые в рогожи вещи, лежали стопки матрацев и груды узлов. Везде было подметено и помыто, как и полагается для праздника. В моей квартире царил одиннадцатый отряд во главе с *временным командиром* Шуркой Жевелием. Бабушка тоже сидела на чемоданах; только кровать-раскладушку пацаны великодушно оставили ей, и Шурка гордился этим великодушием:

– Бабушке нельзя так, как нам. Вы видели? Хлопцы сейчас все на току спят, – сено… даже лучше, чем на кроватях. А девчата на возах. Так вы смотрите: Нестеренко этот вчера только хозяином стал, а сегодня уже заедается – жалко ему сена! Смотрите, мы ему дали целую колонию, а он за сеном жалеет. А мы бабушку разве плохо упаковали, а? Как вы скажете, бабушка?

Бабушка покорно улыбается пацанам, но у нее есть и пункты расхождения с ними:

– Упаковали вы хорошо, а где ваш завкол спать будет?

– Есть, – кричит Шурка. – В нашем отряде, в одиннадцатом, самое лучшее сено, пырей. Даже Эдуард Николаевич ругался, говорит: такое сено, разве можно спать? А мы спали, а после того Молодцу давали – лопает хиба ж так! Мы уложим, вы не бойтесь!

Значительная часть колонистов расположилась в квартирах воспитателей, изображая из себя опекунско-упаковочные организации. В комнате Лидочки штаб Коваля и Лаптя. Коваль, желтый от злости и утомления, сидит на подоконнике, размахивает кулаком и ругает железнодорожников:

– Чиновники, бюрократы! Акакии![196] Им говорю: дети, так не верят. Что, говорю, тебе метрики представить? Так наши сроду метрик не видели. Ну, что ты ему скажешь, когда он, чтоб ему, ничего не понимает? Говорит: при одном взрослом полагается один ребенок бесплатно, а если только ребенки… Я ему, проклятому, толкую: какие ребенки, какие ребенки, черт бы тебя

нянчил, – трудовая колония, и потом: вагоны ж товарные… Как пень! Щелкает, щелкает: погрузка, простой, аренда… Накопал каких-то правил: если кони да если домашняя мебель – такая плата, а если посевкампания – другая. Какая, говорю, домашняя мебель? Что это тебе, мещане какие-нибудь перебираются *что ли*, какая домашняя мебель?.. Такие нахальные, понимаешь, чинуши, до того нахальные, *морды бить надо*! Сидит себе, дрянь, волынит: мы не знаем никаких мещан-крестьян, мы знаем пассажиров или грузоотправителей. Я ему – классовый разрез, а он мне прямо в глаза: раз есть сборник тарифов, классовый разрез не имеет значения.

Коварные поступки железнодорожников слабее всего отражаются на настроении Лаптя. Он пропускает мимо ушей и трагическое повествование Коваля о железнодорожниках, и грустные мои рассказы о Куряже и все сворачивает на веселые местные темы, как будто нет никакого Куряжа, как будто ему не придется через несколько дней возглавлять совет командиров этой запущенной страны. Меня начинает печалить его легкомыслие, но и моя печаль разбивается вдребезги его искрящейся выдумкой. Я вместе со всеми хохочу и тоже забываю о Куряже. Сейчас, на свободе от текущих забот, вырос и расцвел оригинальный талант Лаптя. Он замечательный коллекционер; возле него всегда вертятся, в него влюблены, ему верят и поклоняются дураки, чудаки, одержимые, психические и из-за угла мешком прибитые. Лапоть умеет сортировать их, раскладывать по коробочкам, лелеять и перебирать на ладони. В его руках они играют тончайшими оттенками красок и кажутся интереснейшими экземплярами человеческой породы.

Бледному, молчаливо-растерянному Густоивану он говорит прочувствованно:

– Да… там церковь посреди двора. Зачем нам чужой дьякон? Ты будешь дьяконом.

Густоиван шевелит нежно-розовыми губами. Еще до колонии кто-то подсыпал в его жидкую душу лошадиную порцию опиума, и с тех пор он никак не может откашляться. Он молится по вечерам в темных углах спален, а шутки колонистов принимает как сладкие *крестные* страдания. Колесник Козырь не так доверчив:

– Зачем вы так говорите, товарищ Лапоть, Господи прости? Как может Густоиван быть дьяконом, если на него духовной благодати не возлил Господь?

Лапоть задирает мягкий веснушчатый нос:

– Подумаешь, важность какая – благодать! Наденем на него эту самую хламиду, ого! Такой дьякон будет!

– Благодать нужна, – музыкально-нежным тенором убеждает Козырь. – Владыка должен руки возложить.

Лапоть присаживается на корточки перед Козырем и пристально моргает на него голыми припухшими веками:

– Ты пойми, дед: владыка – значит «владеет», власть, значит… Так?

– Владыка имеет власть…

– А совет командиров, как ты думаешь? Если совет командиров руки возложит, это я понимаю!

– Совет командиров, голубчик мой, не может, нет у него благодати, – склоняет голову на плечо умиленный разговором Козырь.

Но Лапоть укладывает руки на колени Козыря и задушевно-благостно уверяет его:

– Может, Козырь, может! *Это ты не знаешь.* Совет командиров может такую благодать выпустить, что *твоему владыке и не снится.*

Старый добрый *святой* Козырь внимательно слушает сладкий, влезающий в душу говорок Лаптя и очень близок к уступке. Что ему дали владыки и все святые угодники? Ничего не дали. А совет командиров возлил на Козыря реальную, хорошую благодать: он защитил его от жены, дал светлую, чистую комнату, в комнате кровать *и стол*, ноги Козыря обул в крепкие, ладные сапоги, сшитые первым отрядом Гуда. Может быть, в раю, когда умрет старый Козырь, есть еще надежда получить какую-нибудь компенсацию от Господа Бога, но в земной жизни Козыря совет командиров абсолютно незаменим.

– Лапоть, ты тут? – заглядывает в окно угрюмая рожа Галатенко.

– Ага. А что такое? – отрывается Лапоть от благодатной темы.

Галатенко не спеша пристраивается к подоконнику и показывает Лаптю полную чашу гнева, от которого подымается медленный клубящийся пар человеческого страдания. Большие серые глаза Галатенко блестят тяжелой, густой слезой.

– Ты скажи ему, Лапоть, ты скажи… а то я ж могу ему морду набить…

– Кому?

– Таранцю.

Галатенко узнает меня в комнате и улыбается, вытирая слезы.

– Что случилось, Галатенко?

– Разве он имеет право? Он думает, как он командир четвертого, что ж с того? Ему сказали – зробыть станок для Молодця, а он говорит: и для Молодця зробыть и для Галатенко.

– Кому говорит?

– Та столярам своим, хлопцам.

– Ну?

– То ж станок для Молодця, чтоб из вагона не выскочил, а они поймали меня и мерку снимают, а Таранец каже: для Молодця с левой стороны, а для Галатенко – с правой.

– Что это?

– Та станок же.

Лапоть задумчиво чешет за ухом, а Галатенко терпеливо-пристально ждет, какое решение вынесет Лапоть.

– Да неужели ты выскочишь из вагона? Не может быть!

Галатенко за окном что-то выделывает ногами и сам оглядывается на свои ноги:

– Та чего ж я выскочу? Куды ж я буду выскакуваты? А он говорит: сделайте крепкий станок, а то он вагон разнесет.

– Кто?

– Та я ж…

– А ты не разнесешь?

– Та хиба я *такой сильный, як Молодец… чи нет?*

– Таранец тебя очень сильным считает… Ты не обижайся.

– Что я сильный, так это другое дело… А станок тут ни при чем.

Лапоть прыгает через окно и деловито спешит к столярной, за ним бредет Галатенко, *и вся его фигура полна тяжелой заботы: как трудно жить на земном шаре*.

В коллекции Лаптя и Аркадий Ужиков. Лапоть считает Аркадия чрезвычайно редким экземпляром и рассказывает о нем с искренним жаром, *даже щеки у него краснеют*:

– Такого как Аркадий за всю жизнь разве одного можно увидеть. Он от меня дальше десяти шагов не отходит, боится хлопцев. И спит рядом и обедает.

– Любит тебя?

– Ого! А только у меня были деньги, на веревки дал Коваль, так спер…

Лапоть вдруг громко хохочет и спрашивает сидящего на ящике Аркадия:

– Расскажи, чудак, где ты их прятал?

Аркадий отвечает безжизненно-равнодушно, не меняя позы, не смущаясь:

– Спрятал в твоих старых штанах.

– А дальше что было?

– А потом ты нашел.

– Не нашел, дружок, а поймал *тебя* на месте преступления. Так?

– Поймал.

Испачканные глаза Аркадия не отрываются от лица Лаптя, но это не человеческие глаза, это плохого сорта мертвые, стеклянные приспособления.

– Он и у вас может украсть, Антон Семенович. Честное слово, может! Можешь?

Ужиков молчит.

– Может! – с увлечением говорит Лапоть, и Ужиков так же равнодушно следит за его выразительным жестом.

Ходит за Лаптем и Ниценко. У него тонкая, длинная шея с кадыком и маленькая голова, сидящая на плечах с глупой гордостью верблюда. Лапоть о нем говорит:

– Из этого дурака можно всяких вещей наделать: оглобли, ложки, корыта, лопаты, *но лучше из него сделать дворника*. А он воображает, что он уркаган!

Я доволен, что вся эта компания тянется к Лаптю. Благодаря этому мне легче выделить ее из общего строя горьковцев. Неутомимые сентенции Лаптя поливают эту группу как будто дезинфекцией, и от этого у меня усиливается впечатление дельного порядка и собранности колонии. А это впечатление сейчас у меня яркое, и почему-то даже оно кажется новым *и неожиданным*.

Все колонисты спросили меня, как дела в Куряже, но в то же время я вижу, что на самом деле спрашивали они только из вежливости, как обычно спрашивают при встрече: «Как поживаете?» Живой интерес к Куряжу в каких-то дальних закоулках нашего коллектива присох и затерялся. Доминируют иные живые темы и переживания: вагоны, станки для Молодца и Галатенко, брошенные на заботу колонистов полные вещей воспитательские квартиры, ночевки на сене, «Блоха», скаредность Нестеренко, узлы, ящики, подводы, новые бархатные тюбетейки, грустные личики Марусь, Наталок и Татьян с Гончаровки и *Пироговки*, – свеженькие побеги любви, приговоренные к консервации. На поверхности коллектива ходят анекдоты и шутки, переливается смех и потрескивает *иногда* дружеское нехитрое зубоскальство. Вот так же точно по зрелому пшеничному полю ходят волны, и издали оно кажется легкомысленным и игривым. А на самом деле в каждом колосе спокойно грезят *молодые* силы, колос мирно пошатывается под ласковым ветром, ни одна легкая пылинка с него не упадет, и нет в нем никакой тревоги. И как не нужно колосу заботиться о молотьбе, так не нужно колонистам беспокоиться о Куряже. И молотьба придет в свое время, и в Куряже в свое время будет работа.

По теплым дорожкам колонии с замедленной грацией

ступают босые ноги колонистов, и стянутые узким поясом талии чуть-чуть колеблются в покое. Глаза их улыбаются мне спокойно, и губы еле вздрагивают в приветном салюте друга. В парке, в саду, на грустных, покидаемых скамейках, на травке, над рекой расположились группки; бывалые пацаны рассказывают о прошлом: *о войне*, о матери, о тачанках, о степных и лесных отрядах. Над ними притихшие кроны деревьев, полеты пчел, запахи «снежных королев» и белой акации.

В неловком смущении я начинаю различать идиллию. *Не может быть, обидно представить себе, что в наше советское время рассядется в тени дубрав такое простое, такое понятное счастье.* В голову лезут иронические образы пастушков, зефиров, любви. Но, честное слово, жизнь способна шутить, и шутит иногда нахально: под кустом сирени сидит курносый сморщенный пацан, именуемый «Мопсик», и наигрывает на сопилке. Не сопилка это, а свирель, конечно, а может быть, флейта, а у Мопсика ехидная мордочка маленького фавна. А на берегу луга девчата плетут венки, и Наташа Петренко в васильковом венчике трогает меня до слез сказочной прелестью. *И…* из-за пушистой стеночки бузины выходит на дорожку Пан, улыбается вздрагивающим седым усом и щурит светло-синие глубокие очи:

– А я тебя шукав, шукав. Говорили, ты будто в город ездив. Ну что, уговорив этих паразитов? Дитлахам[197] ехать нужно, придумали, адиоты, знущаються…

– Слушай, Калина Иванович, – говорю я, – пока здесь хлопцы, лучше будет тебе переехать в город к сыну. А то уедем, тебе будет труднее это сделать.

Калина Иванович роется в широких карманах пиджака, – *спешно* ищет трубку:

– Первым я сюда приехав, последним уеду. Граки меня сюда привезли, граки и вывезут, паразиты. Я уже и договорился с этим самым Мусием. А перевозить меня пустяковое дело. Ты читав, наверное, в книжках, сколько мир стоит? Так сколько за это время таких старых дураков перевозили и ни одного не потеряли. Перевезут, хэ-хэ…

Мы идем с Калиной Ивановичем по аллейке. Он пыхает трубкой и щурится на верхушки кустов, на блестящую заводь Коломака, на девушек в венках и на Мопсика с сопилкой.

– Када *бы* брехать умев, как некоторые паразиты, сказав бы: приеду, посмотрю на Куряж. А так прямо скажу: не приеду. Понимаешь ты, погано человек сделан, нежная тварь, не столько той работы, сколько беспокойства. Чи робыв, чи не робыв, а смотришь: теорехтически человек, а прахтически только на клей

годится. Когда люди поумнеют, они из стариков клей варить будут. Хороший клей может выйти…

После бессонной ночи и разъездов по городу у меня какое-то хрустальное состояние: мир потихоньку звенит и поблескивает кругами. Калина Иванович вспоминает разные *значительные* случаи жизни, а я способен ощущать только его сегодняшнюю старость и обижаться за нее *перед Богом*.

– Ты хорошую жизнь прожил, Калина…

– Я тебе так скажу, – остановился, выбивая трубку, Калина Иванович. – Я ж тебе не какой-нибудь адиот и понимаю, в чем дело. Жизнь – она плохо была стяпана, если так посмотреть: нажрався, сходив до ветру, выспався, опять же за хлеб чи за мясо…

– Постой, а работа?

– Кому же та работа была нужная? Ты ж понимаешь, какая механика: кому работа нужная, так тот же не робыв, паразит, а кому она вовсе не нужная, так те робылы и робылы, як чорни волы. *Жизнь, она была где? Я ж говорю: за столом, та в нужнике, та в кровати. Ну, кому это за удовольствие, ничего не скажешь. И собака такое удовольствие получает, только что она за стол, конечно, не садится и до ветру ходит в бурьян просто*…

Помолчали.

– Жалко, мало пожив при большевиках, – продолжал Калина Иванович. – Они, *паразиты*, все по-своему, и грубияны, конечно, а я не люблю, если человек грубиян. А только при них жизнь не такая стала. Он тебе говорит, хэ-хэ… чи ты поив, а може, не поив, а може, тебе куда нужно, все равно, а ты свою работу сделай. Ты видав такое? Стала работа всем нужная. Бывает такой адиот вроде меня и не понимает ничего, а робыть и обидать забувае, разве жинка нагонит. А ты разве не помнишь? Я до тебя прийшов раз и говорю: ты обидав? А уже вечер. А ты, хэ-хэ, стал тай думаешь, чи обидав, чи нет? Кажись, обидав, а может, то вчера было. Забув, хэ-хэ… Ты видав такое?

Мы до наступления темноты ходили с Калиной Ивановичем в парке. Когда на западе выключили даже дежурное освещение, прибежал Костя Шаровский и, похлопывая себя по босым ногам противокомариной веточкой, возмущался:

– Там уже гримируются, а вы все гуляете и гуляете! И хлопцы говорят, чтобы туда шли. Ой, и царь же смешной выходит! Лапоть царя играет: нос такой!..

В театре собрались все наши друзья из деревень и хуторов. Коммуна имени Луначарского пришла в полном составе. Нестеренко сидел за закрытым занавесом на троне и отбивался от пацанов, обвинявших его в скаредности, неблагодарности и

черствости. Оля Воронова намазывала перед зеркалом обличье царской дочери и беспокоилась:

– Они там моего Нестеренко замучат…

«Блоха» ставилась у нас не первый раз, но сейчас спектакль готовился с большим напряжением, так как главные гримировщики, Буцай и Горович, были в Куряже. Поэтому гримы получались чересчур *гротесковые*. Это, *впрочем*, никого не смущало: спектакль был только предлогом для прощальных приветствий. Во многих пунктах прощальный ритуал *не нуждался даже в сценическом* оформлении. Пироговские и гончаровские девчата возвращались в доисторическую эпоху, ибо в их представлении история начиналась со времени прихода на Коломак *веселых, культурных, красивых* горьковцев. По углам мельничного сарая, возле печек, потухших еще в марте, в притененных проходах за сценой, на случайных скамьях, обрубках, на разных театральных *хитростях* сидели девушки, и их платки с цветочками сползали на плечи, открывая грустные склоненные русые головы. Никакие слова, никакие звуки небес, никакие вздохи не в состоянии уже были наполнить радостью девичьи сердца. Нежные, печальные пальчики перебирали на коленях бахрому платков, и это тоже было ненужным, запоздавшим проявлением грации. Рядом с девушками стояли колонисты и делали вид, что и у них душа отравлена страданием. Из артистической уборной выглядывал иногда Лапоть, иронически морщил нос над трупиком *неудачного* амура и говорил нежным, полным муки голосом:

– Петя, голубчик!.. Маруся и без тебя помолчит, а ты иди готовься. Забыл, что ты коня играешь?

Петя мошеннически заменяет нахальный вздох облегчения деликатным вздохом разлуки и оставляет Марусю в одиночестве. Хорошо, что сердца Марусь устроены по принципу взаимозаменяемости частей. Пройдет два месяца, вывинтит Маруся износившийся ржавый образ Пети и, прочистив сердце керосином надежды, завинтит новую блестящую, *ни с чем не сравнимую* деталь – образ Панаса из Сторожевого, который сейчас в группе колонистов тоже грустно провожает хорошую дружбу с горьковцами, но который в глубине души мысленно уже прилаживается к резьбе Марусиного сердца. В общем, все хорошо на свете, и ролью своей, ролью коня в тройке атамана Платова, Петя тоже доволен.

Началась торжественно-прощальная часть. После хороших, теплых слов, напутствий, слов благодарности, слов трудового единства, *слов надежды и энергии* взвился занавес, и вокруг никчемного, глупого царя заходили ветхие генералы, и

чудаковатый, неповоротливый дворник подметает за ними просыпавшийся стариковский порох. Из задних дверей мельничного сарая вылетела тройка жеребцов. Галатенко, Корыто, Федоренко, закусив удила, мотая тяжелыми головами, разрушая театральную мебель, на натянутых вожжах кучера, Таранца, с треском вынесли на сцену, и затрещал старый пол наших подмостков. За пояс Таранца держится боевой, дурашливо вымуштрованный атаман Платов – восходящая звезда нашей сцены Олег Огнев. Публика придавливает большими пальцами последние искорки грусти и ныряет в омут театральной выдумки и красоты. В первом ряду сидит Калина Иванович и плачет, сбивая слезу сморщенным желтым пальцем, – так ему смешно!

Я вдруг вспомнил о Куряже.

Нет, ныне не принято молиться о снисхождении, и никто не пронесет мимо меня эту чашу. Я вдруг почувствовал, что устал и износился до отказа.

В уборной артистов было весело и уютно. Лапоть в царской одежде, в короне набекрень сидел в широком кресле Екатерины Григорьевны и убеждал Галатенко, что роль коня тот выполнил гениально:

– Я такого коня и в жизни не видел, а не то что в театре.

Оля Воронова сказала Лаптю:

– Встань, Ванька, пускай Антон Семенович отдохнет.

В этом замечательном кресле я и заснул, не ожидая конца спектакля. Сквозь сон слышал, как пацаны одиннадцатого отряда спорили оглушительными дискантами:

– Перенесем! Перенесем! Давайте перенесем!

Силантий, наоборот, шептал, уговаривая пацанов:

– Ты здесь это, не кричи, как говорится. Заснул человек, не мешай, и больше никаких данных… *А ты кричишь, как будто у тебя соображения нет.* Видишь, какая история.

[6] Пять дней

На другой день, расцеловавшись с Калиной Ивановичем, с Олей, с Нестеренко, я уехал. Коваль получил распоряжение точно выполнить план погрузки и через пять дней выехать с колонией в Харьков.

Мне было не по себе. В моей душе были нарушены какие-то естественные балансы, и я чувствовал себя неуютно. *Бывало раньше, возвращаешься в свою колонию и всегда немного волнуешься: сотня живых людей, да еще не умеющих жить, это все-таки довольно тяжелая штука. Поэтому я не люблю уезжать из колонии и всегда отказывался от отпуска, отпуск в колонии был невозможен, а вне колонии превращался в сплошную нервную настороженность и ежеминутное ожидание каких-то страшных известий. Но сейчас я уезжал из колонии, не беспокоясь о ней, потому что куряжская проблема закрывала собою все беспокойные темы. Но и за Куряж волноваться не было оснований, потому что – что особенно нового могло произойти в Куряже. Поэтому, подъезжая к Харькову, я находился в состоянии совершенно непривычного покоя, и от этого покоя было неуютно.* В Куряжский монастырь я пришел с Рыжовской станции около часу дня, и как только вошел в ворота, на меня сразу навалились так называемые неприятности, *величина которых была обратно пропорциональна неосновательному покою в пути*.

В Куряже сидела целая следственная организация: Брегель, Клямер, Юрьев, прокурор, и между ними почему-то вертелся бывший куряжский заведующий. *Все, за исключением Юрьева, разговаривали со мною высокомерно, старались даже не замечать моего присутствия и имели такой вид, как будто все происходящее в колонии просто не поддается описанию по своей мерзости, как будто их души переполнены отвращением и ужасом, но они сдерживаются в присутствии ребят, а для меня оставляют единственный путь – отвечать на все вопросы только судебному следователю.* Брегель сказала мне сурово:

– Здесь начались уже избиения.

– Кто кого избивает?

– К сожалению, неизвестно кто… и по чьему наущению…

Прокурор, толстый человек в очках, виновато глянул на Брегель и сказал тихо:

– Я думаю, случай… ясный. Наущения могло и не быть. Какие-то, знаете, счеты… Собственно говоря, побои легкого типа. Но все-таки интересно было бы посмотреть, кто это сделал. Вот теперь приехал заведующий… Вы здесь, может быть, что-нибудь

узнаете подробнее и нам сообщите.

Брегель была явно недовольна поведением прокурора. Не сказав мне больше ни слова, она уселась в машину. Юрьев стыдливо мне улыбнулся, *а остальные не сказали даже «до свидания». Следствие было закончено еще до моего приезда. В полутемной сырой «больничке» сидел старенький чужой доктор и давал наставления тоже чужой сестре, как нужно собрать и как отправить в город больного. Тут же лежал и больной – корявый мальчик… Дорошко, смотрел на доктора внимательно-сухим взглядом и упрямо заявлял:*

– Я никуда все равно не поеду.

– Голубчик, как это ты не поедешь? – говорил доктор устало.

– Все равно не поеду.

Доктор передернул плечами и снова обратился к сестре.

– Все это глупости. Через двадцать минут будет карета, сделайте так, как я сказал.

– Я не поеду, – закричал Дорошко, приподнимаясь на локте.

Доктор махнул рукой и вышел. Сестра подошла к кровати Дорошко.

– Ты очень болен…

– Ничего я не болен… отстаньте. Антон Семенович, я хочу вам сказать… только чтобы никто не слышал.

Сестра вышла.

Дорошко страстным придирчивым взглядом проводил сестру в движении закрывающейся двери и заговорил, не отрываясь от моего лица и даже не моргая:

– Тут приезжали… Все хотели, чтоб я сказал… кто меня избил. Я все равно не скажу. Пускай меня хоть убьют, не скажу. Какое их дело?

– Почему? Ты должен сказать!

– Я не скажу… Только смотрите – побили меня не ваши, не горьковцы, а они все хотят, чтоб горьковцы.

– Кто – они?

– А что приезжали!.. А кто меня побил, кому какое дело. А я говорю, не ваши побили, а они хотят вашим насолить. И в больницу не поеду. А если бы не ваши, меня убили бы. Тот… такой командир, он проходил, а те разбежались, пацаны…

– Кто тебя бил?

– Я не скажу.

Дорошко избили ночью во дворе в тот момент, когда он, насобирав по спальням полдюжины пар сравнительно новых ботинок, пробирался с ними к воротам. Все обстоятельства ночного происшествия доказывали, что избиение было хорошо организовано, что за Дорошко следили во время самой кражи.

Когда он подходил уже к колокольне, из-за кустов акации, растущей у соседнего флигеля, на него набросили одеяло, повалили на землю и избили… *Били сильно, палками и еще каким-то тяжелым орудием, может быть, молотком или ключом. Дорошко подняли во дворе уже под утро Ветковский и Овчаренко, собравшиеся выезжать в поле для вспашки. Состояние его было очень тяжелое: было в переломе два ребра, по всему телу кровоподтеки. Уложив пострадавшего в «больничку», Горович* сообщил о происшествии Юрьеву.

Приехавшая следственная комиссия во главе с Брегель повела дело энергично. Наш передовой сводный был возвращен с поля и подвергнут допросу поодиночке. Клямер в особенности искал доказательств, что избивали горьковцы. Ни один из воспитателей не был допрошен, с ними вообще избегали разговаривать и ограничились только распоряжением вызвать того или другого. Из куряжан вызвали к допросу в отдельную комнату только Ховраха и Перца, и то, вероятно, потому, что они кричали под окнами:

– Вы нас спросите! Что вы их спрашиваете? Они убивать нас будут, а пожаловаться некому.

Я спросил у Дорошко:

– Кто тебя бил? Откуда ты знаешь, что тебя били не горьковцы? Ведь ты не видел? Ведь на тебя что-то набросили? Одеяло?

Дорошко помолчал, уставясь в потолок, повернулся на бок, застонал и уставился взглядом на мои колени.

– Скажи…

– Я не скажу… Я не для себя крал. Мне еще утром сказал… тот…

– Ховрах?

Молчание.

– Ховрах?

Дорошко уткнулся лицом в подушку и заплакал. Сквозь рыдания я еле разбирал его слова:

– Он… узнает… Я думал… последний раз… я думал… хорошо буду жить… теперь… Я вчера поехал… с этим… с Витей вашим…

Я подождал, пока он успокоится, и еще раз спросил:

– Значит, ты не знаешь, кто тебя бил?

Он вдруг сел на постели, взялся за голову и закачался слева направо в глубоком горе. Потом, не отрывая рук от головы, полными еще слез глазами улыбнулся:

– Нет, как же можно? Это не горьковцы. Они не так били бы…

– А как?

– Я не знаю, как, а только они без этого – без одеяла…

С трудом уговорили Дорошко помириться с каретой «скорой помощи». И, укладываясь на носилки, он свои стоны пересыпал просьбами:

– Так вы же не думайте, что это горьковцы.

Отправив его в больницу[198], я начал собственное следствие.

Горович и Киргизов разводили руками и начинали сердиться. Иван Денисович пытался даже сделать надутое лицо и ежил брови, но на его физиономии давно уложены такие мощные пласты добродушия, что эти гримасы только рассмешили меня:

– Чего вы, Иван Денисович, надуваетесь?

– Как – чего надуваюсь? Они тут друг друга порежут, а я должен знать! Побили этого Дорошко, ну и что же, какие-то старые счеты…

– Я сомневаюсь, старые ли?

– Ну, а как же?

– Счеты здесь, вероятно, все же новые. А вот: уверены ли вы, что это не горьковцы?

– Та что вы, бог с вами! – изумился Иван Денисович. – На чертей это нашим нужно?

Волохов смотрел на меня зверски:

– Кто? Наши? Такую козявку? Бить? Да кто же из наших такое сделает? Если, скажем, Ховраха, или Чурила, или Короткова, – ого, я хоть сейчас, только разрешите! А что он ботинки спер? Так они каждую ночь крадут. Да и сколько тех ботинок осталось? Все равно, пока колония приедет, тут ничего не останется. Черт с ними, пускай крадут. Мы на это и внимания не обращаем. Работать не хотят – это другое дело…

Екатерину Григорьевну и Лидочку я нашел в их пустой комнате в состоянии полной растерянности. Их особенно напугал приезд следственной комиссии. Лидочка сидела у окна и неотступно смотрела на засоренный двор. Екатерина Григорьевна тяжело всматривалась в мое лицо.

– Вы довольны? – спросила она.

– Чем?

– Всем: обителью, мальчиками, начальством?

Я на минутку задумался: доволен ли я? А пожалуй, что же, какие у меня особенные основания быть недовольным? Приблизительно это все соответствовало моим ожиданиям.

– Да, – сказал я, – и вообще я не склонен пищать.

– А я пищу, – сказала без улыбки и оживления Екатерина Григорьевна, – да, пищу. Я не могу понять, почему мы так одиноки. Здесь большое несчастье, настоящий человеческий ужас, а к нам приезжают какие-то… бояре, важничают, презирают нас. В

таком одиночестве мы обязательно сорвемся. Я не хочу… И не могу.

Лидочка медленно застучала кулачком по подоконнику и начала ее уговаривать, на самой тоненькой паутинке удерживая *волны рыданий*:

– Я маленький, маленький человек… Я хочу работать, хочу страшно работать, может быть, даже… я могу подвиг *совершить*… Только я… человек… человек же, а не *лошадь*.

Она снова повернулась к окну, а я плотно закрыл двери и вышел на высокое шаткое крыльцо. Возле крыльца стояли Ваня Зайченко и Костя Ветковский. Костя смеялся:

– Ну, и что же? Полопали?

Ваня торжественно, как маркиз, повел рукой по линии горизонта и сказал:

– Полопали. Развели костры, попекли и полопали! И все! Видишь? А потом спать легли. И спали. Мой отряд работал рядом, мы кавуны сеяли. Мы смеемся, а ихний командир Петрушко тоже смеется… И все… Говорит, хорошо картошки поели печеной!

– Да что же, они всю картошку поели? Там же сорок пудов!

– Поели! Попекли и поели! А то в лесу спрятали, а то бросили в поле. И легли спать. А обедать тоже не пошли. Петрушко говорит: зачем нам обед, мы сегодня картошку садили. Одарюк ему сказал: ты свинья *и дурак*! И они подрались. А ваш Миша, он сначала там был, показывал, как садить картошку, а потом его позвали в комиссию.

Ваня сегодня не в длинных изодранных штанах, а в трусиках, и трусики у него с карманами, – такие трусики делались только в колонии имени Горького. Не иначе как Шелапутин или Тоська поделились с Ваней своим гардеробом. Рассказывая Ветковскому, размахивая руками, притопывая стройными ножками, Ваня прищурился на меня, и в его глазах проскакивали то и дело теплые точечки милой мальчишеской иронии.

– Ты уже выздоровел, Иван? – спросил я.

– Ого! – сказал Ваня, поглаживая себя по груди. – Здоров. Мой отряд сегодня был в «первом ка» сводном. Ха-ха, «первый ка» – кавуны, значит! Мы работали с Денисом, а потом его позвали, так мы без Дениса. Вот увидите, какие кавуны вырастут. А когда приедут горьковцы? Через пять дней? Ох, и интересно, какие все эти горьковцы? Правда ж, интересно.

– Интересно, – сказал я… и набрав полные легкие воздуха, бесстрашно нырнул в самые глубины беспризорной куряжской жизни. Холодные привычные волны заботы потащили меня вниз – туда, где с илистого дна растут древние, как ихтиозавр, проблемы

человеческого поведения. На длинныхпредлинных стеблях качаются среди водяных тростин красивые бледные цветы, прекрасные слова и мысли великих людей и великих педагогов.

По долгу службы и, кроме того, из приличия я обязан ходить вокруг этих цветов осторожно… оказывать им знаки почтения и время от времени убедительным голосом выражать восторг перед «вековым наследством»…

– Ваня, как ты думаешь, кто это побил Дорошко?

Ваня вдруг повернулся ко мне серьезным лицом и прицелился неотрывным взглядом к моим очкам. Потом поднял щеки, опустил, снова поднял и, наконец, завертел головой, заводил пальцем около уха и улыбнулся:

– Не знаю.

И быстро двинулся куда-то с самым деловым видом.

– Ваня, подожди! Ты знаешь и должен мне сказать.

У стены собора Ваня остановился, издали посмотрел на меня, на мгновение смутился, но потом, как мужчина, просто и холодновато сказал, подчеркивая каждое слово:

– Скажу вам правду: я там был, а кто еще был, не скажу! И пускай не крадет!

И я и Ваня задумались. Костя ушел еще раньше. Думали мы, думали, и я сказал Ване:

– Ступай под арест. В пионерской комнате. Скажи Волохову, что ты арестован до сигнала «спать».

Ваня поднял глаза, молча кивнул головой и побежал в пионерскую комнату.

Костя сказал:

– Чертенок… Когда наши придут?

– Через пять дней!

– Ну, пять дней подождем.

Подождать пришлось не пять дней, а двенадцать. Коваль вдогонку мне прислал телеграмму, что железная дорога раньше 19-го вагоны дать не может.

Эти пять дней я представляю *во всей* моей жизни как длинное черное тире. Тире, и больше ничего. Сейчас я с большим трудом вспоминаю кое-какие подробности моей тогдашней деятельности. В сущности, это не была деятельность, а какое-то внутреннее движение, а может быть, чистая потенция, покой крепко вымуштрованных, связанных сил, *в которых я был уверен, но которым не хотел давать ходу. Теперь я думаю, что все это делалось бессознательно, в порядке механики приложения моего большого педагогического опыта.* Тогда мне казалось, что я нахожусь в состоянии буйной работы, что я занимаюсь анализом, что я что-то решаю *и что все мое существо умеет отвечать на все*

впечатления радостью или страданием. А на самом деле я просто ожидал приезда горьковцев. *Мои внешние действия, и мысли, и страхи были не больше, как дань уважения к самому себе, как маленькая неточность в моей глубокой вере в коллектив, как крошечный бунт запоздавшего индивидуализма.*

Придирчивые педагогические критики и теперь могут меня упрекнуть: как это так – было вас шесть педагогов и десяток старых опытных колонистов, неужели вы не могли приступить к правильной педагогической работе, неужели для вас не нашлось уймы всякого полезного дела? О, разумеется, эти критики могут самым точным образом перечислить все признаки настоящего «советского метода», который просто нужно было применить к делу.

Чтобы не вступать в спор и никого не раздражать, – уже согласен. Могли применить «советский» метод, могли вызвать из города пятьдесят неизвестных нам комсомольцев, объяснить куряжанам все, что следует, выделить «актив», опереться на актив, ну и так далее. Могли и не сделали, значит, виноваты, виноваты и в том, что не заглянули в «вековое наследство», не использовали ни одного педагогического справочника, виноваты и в том, что не прислушались к довольно громкому слову Шульгина[199], – вообще виноваты.

Что мы все-таки делали?

Мы аккуратно вставали в пять часов утра. Аккуратно и терпеливо злились, наблюдая полное нежелание куряжан следовать нашему примеру. Передовой сводный в это время почти не ложился спать: были работы, которых нельзя откладывать. Шере приехал на другой день после меня. В течение двух часов он мерил поля, дворы, службы, площадки острым, обиженным взглядом, проходил по ним суворовскими маршами, молчал и грыз всякую дрянь из растительного царства. *Во время обеда зашел в столовую и обратился к притихшим куряжанам с серьезным вопросом:*

– Подымайте руки, кто хочет по-настоящему работать?

Куряжане в ответ только усилили темпы жевания и хлебания и сделали вид, что не заметили ни Шере, ни его вопроса. Вечером загоревшие, похудевшие, пыльные горьковцы начали расчищать площадку, на которой нужно было поместить наше огромное свиное стадо.

Кладбищенские ограды вокруг собора пригодились нам для того, чтобы устроить изгородь. Гранитные и мраморные плиты, украшенные золотыми эпитафиями и крестами, мы с великим трудом и криками отдирали от злачных и покойных мест вечного блаженства и сделали из них великолепную загородку для поросят.

Эта реконструктивная операция вызвала вмешательство церковного старосты и его штаба. В пионерскую комнату вошли пятеро бородатых людей в сюртуках, все с шарфами на шеях. Сам староста имел бороду седую, бороды остальных, очевидно, располагались по табелю о рангах, начиная от беловато-серой до чисто-черной. Староста вежливо поклонился, спросил, можно ли сесть; усевшись, вытер платком лысину, и только тогда приступил к изложению цели своего визита:

– Мы составляем церковный совет этого храма. Так как вы заведующий колонией имени Горького, нам придется вместе здесь, на одной, так сказать, территории, работать, и весьма желательно, чтоб не было никаких недоразумений. А вчера с вашего разрешения взяли надгробные плиты и решетки и стали из них делать свинарню. Верующие здесь на Подворках, которые этот храм получили для своих религиозных нужд, обижаются и протестуют.

Староста все это выговаривал медленно и строго, остальные так же строго стояли сзади его и гипнотизировали меня своими бородами, – я давно не видел столько хороших бород.

Тем не менее я сказал церковному совету:

– Вы эти шутки, старики, бросьте. Какое вам дело до кладбища? Какие там такие покойники? Генерал-майор Игнатьев, купец Пивоваров, купчиха Столбина, коллежский советник Примаков, так? Это что, ваши предводители, что ли?

– Да нет, – вдруг покраснел и заволновался староста, – эти нам ничего, а вот сняли ограду над владыкой Сергием…

– И плиту сняли, и оградку, и довольно вам с мертвыми владыками возиться. Если хотите жить мирно, с такими глупостями ко мне не приставайте.

Церковный совет прекратил тяжбу и удалился, но вечером сказал мне Боровой, что на селе собираются писать жалобу. Пишите.

Начали копать ямы для парников и оранжереи. Волохов в эти дни показал высокий класс командира и организатора. Он ухитрялся оставлять в поле при двух парах одного человека, а остальных бросал на другую работу. Петр Иванович Горович выходил утром в метровом бриле[200] с какой-то особенно восхитительной лопатой в руках и, потрясая ею, говорил кучке любопытных куряжан:

– Идем копать, богатыри!

«Богатыри» отворачивались и расходились по своим делам. По дороге они встречали черного, как ночь, Буцая в трусиках и так же застенчиво выслушивали его приглашение, оформленное в самых низких тонах регистра:

– Чертовы дармоеды, долго я на вас буду работать?..

По вечерам приезжал кое-кто из рабфаковцев и брался за лопату, но этих я скоро прогонял обратно в Харьков, – шутить было нельзя, у них шли весенние зачеты. Первый наш рабфаковский выпуск этой весной переходил уже в вузы. *Этот переход был для меня дороже всякого Куряжа.*

Вспоминаю: за эти пять дней много было сделано всякой работы и много было начато. Вокруг Борового, молниеносно закончившего просторные, без сквозняков, постройки особого назначения, сейчас работала целая бригада плотников, *работы этой специальности нашлось много*: погреба, школа, квартиры, парники, оранжерея – *везде требовали много разнообразных деталей из дерева*. В электростанции возилась тройка монтеров, такая же тройка занималась изысканиями в недрах земли: узнали мы у подворчан, что еще при монашеской власти был в Куряже водопровод. Действительно, на верхней площадке колокольни стоял солидный бак, а от колокольни мы довольно удачно начали раскапывать прокладки труб.

Весь двор Куряжа через два дня был завален досками, щепками, бревнами, изрыт канавами: начинался восстановительный период в полном смысле этого слова.

Мы очень мало сделали для улучшения санитарного положения куряжан, но, по правде сказать, мы и сами редко умывались. Рано утром Шелапутин и Соловьев отправлялись с ведрами к «чудотворному» источнику под горой, но, пока они карабкались по отвесному скату, падая и разливая драгоценную воду, мы спешили разойтись по рабочим местам, ребята выезжали в поле, и ведро воды без пользы оставалось нагреваться в нашей жаркой пионерской комнате. Точно так же и в других областях, близких к санитарии, у нас было неблагополучно. Десятый отряд Вани Зайченко, так безоглядно перешедший на нашу сторону, вне всяких планов и распоряжений перебрался в нашу комнату и спал на полу, на принесенных с собой одеялах. Несмотря на то что отряд этот состоял из хороших, милых мальчиков, он натащил в нашу комнату несколько поколений вшей.

С точки зрения мировых педагогических вопросов, *а также по сравнению, например, с проблемой воспитания гармонической личности*, это была не такая большая беда, однако Лидочка и Екатерина Григорьевна просили нас, по возможности, не заходить к ним в комнаты, а зайдя, по возможности, не пользоваться мебелью, не подходить близко к столам, кроватям и другим нежным предметам. Как они сами устраивались и откуда у них взялась такая придирчивость по отношению к нам, сказать затрудняюсь, а между тем в течение круглого дня они почти не

выходили из спален воспитанников, выясняя очень многие детали куряжского общежития по специальному программному заданию, выработанному нашей комсомольской организацией. *Мы довольно снисходительно отнеслись к этим свирепым требованиям, ибо, несмотря на наш педагогический энтузиазм, все же трезво смотрели на мир: в этом мире вода была где-то под горой и, чтобы ее добыть, необходимо быть квалифицированным альпинистом. К кузне привозили бочку воды, но, чтобы спасти эту воду для котла, приходилось мобилизовать все физические, нравственные и ораторские силы Миши Овчаренко, так как куряжане, несмотря на кажущуюся свою неорганизованность, набрасывались на эту бочку со страстью путешественников по Сахаре.*

Я намечал капитальную реорганизацию всех помещений колонии. Длинные комнаты бывшей монастырской гостиницы, называемой у куряжан школой, я намечал под спальни. Выходило так, что в одном этом здании я помещаю все четыре сотни воспитанников. Из этого здания не трудно было выбросить обломки школьной мебели и наполнить его штукатурами, столярами, малярами, стекольщиками. Для школы я назначил то самое здание без дверей, в котором помещался «первый коллектив», но, разумеется, ремонт здесь был невозможен, пока в нем гнездились куряжане.

Да, мы проявили незаурядную деятельность, но это была деятельность не педагогическая. В колонии не было такого угла, в котором не работали бы люди. Все чинилось, мазалось, красилось, мылось. Даже столовую мы выбросили на двор и приступили к решительному замазыванию ликов святых угодников мужского и женского пола. Только спален не коснулась идея восстановления.

В спальнях по-прежнему копошились куряжане, спали, переваривали пищу, кормили вшей, крали друг у друга всякие пустяки и что-то думали таинственное обо мне и о моей деятельности. Я перестал заходить в спальни и вообще *перестал* интересоваться внутренней жизнью всех шести куряжских «коллективов». С куряжанами у меня установились сурово-точные отношения. В семь часов, в двенадцать и в шесть часов вечера открывалась столовая, кто-нибудь из моих ребят тарабанил в колокол, и куряжане тащились на кормление. Впрочем, особенно медленно тащиться им было, пожалуй, и невыгодно, не потому только, что столовая закрывалась в определенное время, но и потому, что раньше пришедшие пожирали и свои порции, и порции опоздавших товарищей. Опоздавшие *товарищи* ругали меня, кухонный персонал и советскую власть, но на более энергичный протест не решались, так как комендантом нашего

питательного пункта по-прежнему был Миша Овчаренко.

Я научился с тайным злорадством наблюдать, с какими трудностями теперь приходилось куряжанам пробираться к столовой и расходиться после приема пищи по своим делам: на пути их были бревна, канавы, поперечные пилы, занесенные топоры, размешанные круги глины и кучи извести… и собственные души. В душах этих, по всем признакам, зачинались трагедии, трагедии не в каком-нибудь шутливом смысле, а настоящие шекспировские. Я убежден, что в это время многие куряжане про себя декламировали: «Быть или не быть? – вот в чем вопрос…»[201]

Они небольшими группами останавливались *около* рабочих *и молча переживали*, трусливо оглядывались на товарищей и виноватым, задумчивым шагом направлялись к спальням. Но в спальнях не оставалось уже ничего интересного, даже и украсть было нечего. Они снова выходили бродить поближе к работе, из ложного стыда перед товарищами не решались поднять белый флаг и просить разрешения хотя бы перенести что-нибудь с места на место. Мимо них пролетали по прямым линиям стремительные, как глиссер, горьковцы, легко подымаясь в воздух на разных препятствиях; их деловитость оглушала куряжан, и они снова останавливались в позах Гамлета или Кориолана[202]. Пожалуй, положение куряжан было трагичнее, ибо Гамлету никто не кричал веселым голосом:

– Не лазь под ногами, до обеда еще два часа!

С таким же непозволительным, конечно, злорадством я замечал замирание и перебои в сердцах куряжан при упоминании имени горьковцев. Члены передового сводного иногда позволяли себе произносить реплики, которые они, конечно, не произносили бы, если бы окончили педагогический вуз:

– Вот подожди, приедут наши, тогда узнаешь, как это на чужой счет жить…

Или:

– Думаешь, дам тебе дармоедничать. Двенадцатого приезжают горьковцы…

Из куряжан, кто постарше и поразвязнее, пробовали даже сомневаться в значительности предстоящих событий и вопрошали с некоторой иронией:

– Ну, так что ж такое страшное будет?

Денис Кудлатый на такой вопрос отвечал:

– Что будет? Ого! Собственно говоря, они тебя таким узлом завяжут… жениться будешь, так и то вспомнишь.

Миша Овчаренко, который вообще не любил недоговоренностей и темных мест, выражался еще понятнее:

– Сколько тут вас есть дармоедов, двести восемьдесят, чи сколько, столько и морд будет битых. Ох, и понабивают морды, смотреть страшно будет!

Слушает такие речи и Ховрах и цедит сквозь зубы:

– *Дорошку набили, кое-кому и посидеть придется.* Это вам не колония имени Горького. Это вам Харьков!

Миша считает поднятый вопрос настолько важным, что отвлекается от работы и ласково начинает:

– Милый человек! Что ты мне говоришь: не колония Горького, а Харьков и все такое… Ты пойми, дружок, кто это позволит тебе сидеть на его шее? Ну, на что ты кому сдался, кому ты, дружок, нужен? *Что из тебя может быть, кроме как хлебный токарь и брак советской власти.*

– *А из тебя что будет?*

– *Из меня, голубчик, уже ничего не будет, потому что я уже есть человек, и могу с таким дураком, как ты, поговорить, чтобы ты понял, как и что. И я тебе убедительно говорю: приедут горьковцы, разве они станут на тебя работать. Ну, на что ты им сдался, ну скажи мне, пожалуйста. Они тебя выгонят…*

– *Пусть меня лучше не трогают – твои горькие, – у Ховраха рыжая щетина на голове начинает топорщиться, – тронут, долго вспоминать будут…*

Миша нежно прищуривает глаза, но рот его презрительно растягивается:

– *Милый человек, говорю тебе по дружбе: не будут они тебя вспоминать. Покажут ворота и на другой день забудут, что был такой Ховрах на свете, скажите, пожалуйста.*

Миша возвращается к работе, и уже в руках у него какой-нибудь рабочий инструмент, а на устах заключительный аккорд:

– Как твоя фамилия?

Ховрах удивленно встряхивается:

– Что?

– Фамилия твоя как? Сусликов? Или как? Может, Ежиков?

Ховрах краснеет от смущения и обиды:

– Да какого ты черта?

– Скажи твою фамилию, тебе жалко, что ли?

– Ну, Ховрах…

– Ага! Ховрах… Верно. А я уже забывать начал, *понимаешь*. Лазит здесь, вижу, под ногами какой-то рыжий, пользы с тебя никакой… Если бы ты работал, дружок, смотришь туда-сюда, и бывает нужно сказать: «Ховрах, принеси то. Ховрах, ты скоро сделаешь? Ховрах, подержи, голубчик». А так, конечно, можно и забыть… Ну, иди, гуляй, дорогой, у меня, видишь, дело, надо эту штуковину проконопатить, а то возят одной бочкой и на суп, и на

чай, и на посуду. А тебя ж кормить нужно. Если тебя, понимаешь, не накормить, ты сдохнешь, вонять будешь тут, неприятно все-таки, да еще гроб тебе делать придется – тоже забота…

Миша был многословен, как свекровь, он мог часами развивать самую небольшую тему, в особенности, если она имела некоторое отношение к морали. Миша при этом никогда не смущался небольшой шепелявостью собственной речи, неясностью некоторых звуков. Может быть, он знал, что эти недостатки делали его речь особенно убедительной.

Ховрах, наконец, плюет и уходит. Мишино самолюбие нисколько не задевается нечувствительностью Ховраха к морали, Миша ласково говорит вслед:

– Иди погуляй, детка, погуляй, что ж.

Самая беда в том и заключается, что гулять для Ховраха как-то уже и неудобно. Неудобно гулять и для Чурила, и для Короткова, Поднебесного, Шатова и Перца, вообще для всей куряжской аристократии[203].

Кто его знает, убежден ли Ховрах в пользе свежего воздуха, убеждена ли вместе с ним в этом вся куряжская аристократия? В последние дни они стараются все-таки меньше попадаться на глаза, но я уже успел познакомиться с куряжской ветвью голубой крови. В общем, они хлопцы ничего себе, у них все-таки есть личности, а это мне всегда нравится: есть за что взяться. Больше всех мне нравится Перец. Правда, он ходит в нарочитой развалке, и чуб у него до бровей, и кепка на один глаз, и курить он умеет, держа цыгарку на одной нижней губе, и плевать может художественно. Но я уже вижу: его испорченное оспой лицо смотрит на меня с любопытством, и это – любопытство умного и живого парня.

Недавно я подошел к их компании вечером, когда компания сидела на могильных плитах нового поросячьего солярия, курила и о чем-то *сплетничала, вероятно, по моему адресу*. Я остановился против них и начал свертывать собачью ножку, рассчитывая у них прикурить. Перец весело и дружелюбно меня разглядывал и сказал громко:

– Стараетесь, товарищ заведующий, много, а курите махорку. Неужели советская власть и для вас папирос не наготовила?

Я подошел к Перцу, наклонился к его руке и прикурил. Потом сказал ему так же громко и весело, с самой микроскопической дозой приказа:

– А ну-ка, сними шапку!

Перец перевел глаза с улыбки на удивление, а рот еще улыбается.

– А что такое?

– Сними шапку, не понимаешь, что ли?

– Ну, сниму…

Я своей рукой поднял его чуб, внимательно рассмотрел его уже немного испуганную физиономию и сказал:

– Так… Ну, добре…

Перец снизу пристально уставился на меня, но я в несколько вспышек раскурил собачью ножку, быстро повернулся и ушел от них к плотникам.

В этот момент *на своей спине*, на каждом своем движении, *буквально на каждом элементе своей ухватки, походки, манере держать голову*, даже на слабом блеске моего пояса я *чувствовал* широко разлитый педагогический долг: надо этим хлопцам нравиться, надо, чтобы их забирала за сердце непобедимая, соблазнительная симпатия, и в то же время до зарезу нужна их глубочайшая уверенность, что мне на их симпатию наплевать, пусть даже обижаются, и кроют матом, и скрежещут зубами. *О, милые педагоги-критики, не радуйтесь и не разгоняйтесь на это место с вашими отравленными перьями: я уже поднял руки вверх, я уже сдался: разумеется, все это непедагогично, разумеется, на этом нельзя ничего строить, это почти разврат. Но, что поделаешь, так было, так может быть, хотя это все не менее возмутительно, чем греховное женское кокетство, правда? Утешьтесь. Как только я подошел к плотникам, я забыл о собственных развратных настроениях.*

Плотники кончали работу, и Боровой изо всех сил начал доказывать мне преимущество хорошего вареного масла перед плохим вареным маслом. Я так сильно заинтересовался этим новым вопросом, что не заметил даже, как меня дернули сзади за рукав. Дернули второй раз. Я оглянулся. Перец, *пристально улыбаясь*, смотрел на меня:

– Ну?

– *Слухайте*, скажите, для чего это вы на меня смотрели? А?

– Да ничего особенного… Так слушай, Боровой, надо все-таки достать масла настоящего…

Боровой с радостью приступил к продолжению своей монографии о хорошем масле. Я видел, с каким озлоблением смотрел на Борового Перец, ожидая конца его речи. Наконец Боровой с грохотом поднял свой ящик, и мы двинулись к колокольне. Рядом с нами шел Перец и пощипывал верхнюю губу. Боровой ушел вниз, в село, а я заложил руки за спину и стал прямо перед Перцем:

– Так в чем дело?

– Зачем вы на меня смотрели? Скажите.

– *Так… интересно было.*

– *Да скажите. Почему интересно?*

– Твоя фамилия Перец?

– Ага.

– А зовут Степан?

– А вы откуда знаете?

– Ты из Свердловска?

– Ну да ж… А откуда вы знаете?

– Я все знаю. Я знаю, что ты и крадешь, и хулиганишь, я только не знал, умный ты или дурак…

– Ну?

– Ты задал мне очень глупый вопрос, вот – о папиросах, очень глупый… прямо такой глупый, черт его знает! Ты извини, пожалуйста…

Даже в сумерках заметно было, как залился краской Перец, как отяжелели от крови его веки и как стало ему жарко. Он неудобно переступил и оглянулся:

– Ну, хорошо, чего там извиняться… Конечно… А только какая ж там такая глупость?

– Очень простая. Ты знаешь, что у меня много работы и некогда съездить в город купить папирос. Это ты знаешь. Некогда потому, что советская власть навалила на меня работу: сделать твою жизнь разумной и счастливой, твою, понимаешь?.. Или, может быть, не понимаешь? Тогда пойдем спать.

– Понимаю, – прохрипел Перец, царапая носком землю.

– Понимаешь?

Я презрительно глянул ему в глаза, прямо в самые оси зрачков. Я видел, как штопоры моей мысли и воли *с треском* ввинчиваются в эти самые зрачки. Перец опустил голову.

– Понимаешь, бездельник, а лаешь на советскую власть. Дурак, настоящий дурак!

Я повернул к пионерской комнате. Перец загородил мне путь вытянутой рукой:

– Ну, хорошо, хорошо, пускай дурак… А дальше?

– А дальше я посмотрел на твое лицо. Хотел проверить, дурак ты или нет?

– И проверили?

– Проверил.

– И что?

– Пойди посмотри на себя в зеркало.

Я ушел к себе и дальнейших переживаний Перца не наблюдал. *Только дня через два я заметил, как Перец со страхом нырнул в толпу ребят, вероятно, для того, чтобы я не заметил, какие усовершенствования произошли в его прическе.*

Куряжские лица становились для меня знакомее, я уже

научился читать на них кое-какие мимические фразы. Многие поглядывали на меня с нескрываемой симпатией и расцветали той милой, полной искренности и смущения улыбкой, которая бывает только у беспризорных. Я уже знал многих по фамилиям и умел различать некоторые голоса.

Возле меня часто вертелся невыносимо курносый Зорень, у которого даже вековые отложения грязи не могут прикрыть превосходного румянца щек и ленивой грации глазных мускулов. Зореню лет тринадцать, руки у него всегда за спиной, он всегда молчит и улыбается. Этот мальчишка красив. *Когда он открывает глаза, от его ресниц зачинается ветер.* Он медленно открывает их, осторожно включает какой-то далекий свет в черных глазах, не спеша задирает носик, молчит и улыбается. *Когда* я спрашиваю *его*:

– Зорень, скажи хоть словечко: какой у тебя голос, страшно интересно!

Он краснеет и обиженно отворачивается, протягивая хриплым шепотом:

– Та-а…

У Зореня друг, такой же румяный, как и он, и тоже красивый, *чернобровый*, круглолицый, – Митька Нисинов, добродушная, чистая душа. Из таких душ при старом режиме делали сапожных мальчиков и трактирных молодцов. Я смотрю на него и думаю: «Митька, Митька, что мы из тебя сделаем? Как мы разрисуем твою жизнь на советском фоне?»

Митька тоже краснеет и тоже отворачивается, но не хрипит и не такает, а только сдвигает прямые черные брови и шевелит губами. Но Митькин голос мне известен: это глубочайшего залегания контральто, голос холеной, красивой, балованной женщины, с такими же, как у женщины, украшениями и неожиданными элементами соловьиного порядка. Мне приятно слушать этот голос, когда Митька рассказывает мне о куряжских жителях:

– То вот побежал… Ах, ты черт, куда же это он побежал?.. Володька, смотри, смотри, то Буряк побежал… Так это же Буряк, разве вы не знаете? Он может выпить тридцать стаканов молока… это он на коровник побежал… А то – вредный парень, вон из окна выглядывает, ох, и вредный же! Вы понимаете, он такой подлиза, ну, это же прямо, знаете, масло. Он к вам, наверное, тоже подлизывается. О, я уже вижу, кто к вам подлизывается, честное слово, вижу!

– Ванька Зайченко, – обиженно отворачивается Зорень и… краснеет.

Митька умен, чертенок. Он виновато провожает курносую

обиду Зореня и взглядом просит меня простить товарищу бестактность:

– Нет, – говорит он, – Ванька нет! У Ваньки такая линия!

– Какая линия?

– Такая линия вышла, что ж…

Митька большим пальцем ноги начинает что-то рисовать на земле.

– Расскажи.

– Да что ж тут рассказывать? Ванька как пришел в колонию, так у него сейчас же эта самая компания завелась, видишь, Володька?.. Ну, конечно, их и били, а все-таки у них такая и была линия…

Я прекрасно понимаю глубокую философию Нисинова, которая «и не снилась нашим мудрецам…»[204].

Много здесь таких румяных, красивых и не очень красивых мальчиков, которым не посчастливилось иметь собственную линию. Среди еще чуждых мне, угрюмо-настороженных лиц я все больше и больше вижу таких детей, жизнь которых тащится по чужим линиям. Это обыкновенная в старом мире вещь – так называемая подневольная жизнь. *Здесь она организована в широком масштабе благодаря десятилетним усилиям дураков и мошенников с отвратительными физиономиями российского интеллигента.*

Подневольная жизнь не кончилась. Где-то еще торчат в Куряже какие-то центры, от которых протянулись во все стороны мелкие традиции, вездесущая мода и всемогущее общественное мнение.

Поэтому Зорень и Нисинов, и взлохмаченный острый Собченко, и серьезно-грустный Вася Гардинов, и темнолицый мягкий Сергей Храбренко бродят возле меня и грустно улыбаются, сдвигая брови, но прямо перейти на мою сторону не могут. Они жестоко завидуют компании Вани Зайченко, тоскливыми взглядами провожают смелые полеты ее членов по новым транспарантам жизни и… ждут.

Ждут все. Это так прозрачно и так понятно. Ждут приезда мистически нематериальных, непонятных, неуловимо притягательных горьковцев. С каждым часом приближается *что-то новое, совершенно новое – прибытие представителей иного мира*. Даже у девочек и то с каждым днем разгорается жизнь. Уже Оля Ланова сбила свой шестой, полный энергии отряд. Отряд деятельно копошится в своей спальне, что-то чинит, моет, белит, даже поет по вечерам. Туда ежеминутно пробегает захлопотанная Гуляева и прячет от меня сбитую на сторону, измятую блузку. Там частым гостем по вечерам сидит Кудлатый и откровенно

меценатствует. Только на полевые работы шестой отряд не выходит – боится, что куряжские традиции, взорванные таким выходом, похоронят отряд под обломками.

Ждет и Коротков. Это главный центр куряжской традиции. Он восхитительный дипломат. Никакого поступка, слова, буквы, хвостика от буквы нельзя найти в его поведении, которые позволили бы обвинить его в чем-либо. Он виноват не больше, чем другие: как и все, он не выходит на работу, и только. В передовом сводном все изнывают от злости, от ненависти к Короткову, от несомненной уверенности, что Коротков в Куряже главный наш враг.

Я потом уже узнал, что Волохов, Горьковский и Жорка Волков пытались покончить дело при помощи маленькой конференции. Ночью они вызвали Короткова на свидание на берегу пруда, *вызвали старым романтическим способом – запиской. Коротков пришел не один. С ним были Чурило и Ховрах. Волохов предложил Короткову со всем великолепием международной вежливости:*

– Вам здесь не светит. Убирайтесь из колонии к чертовой матери и все. На том и помиримся.

Но Коротков кокетливо передернул плечами, изнемог в гибкой талии и проворковал:

– Напрасно записку писали, товарищи комсомольцы. Нам убираться нет смысла.

Волохов сказал, как и все дипломаты говорят, когда призывают к мирному окончанию конфликта:

– А я говорю, убирайтесь, хуже будет.

Коротков и на это улыбнулся.

– Ну что ж! Такая значит наша судьба несчастная.

Тогда Волохов повернул дипломатично другим концом и сказал:

– Сволочь, я тебе сейчас вязи сверну.

И снова Коротков кокетливо передернул плечом.

– Сверни.

На том конференция и кончилась. *Хлопцы возвратились в пионерскую комнату бледные от ненависти.*

Со мною Коротков ни разу не говорил и вообще не выражал никакого интереса к моей личности. Но при встречах он очень вежливо приподымал щегольскую светлую кепку и произносил дружелюбным влажным баритоном:

– Здравствуйте, товарищ заведующий.

Его смазливое лицо с темными, прекрасно оттушеванными глазами внимательно-вежливо обращается ко мне и совершенно ясно семафорит: «Видите, наши дороги друг другу не мешают, продолжайте свое, а у меня есть свои соображения. Мое почтение,

товарищ заведующий».

Только после моей вечерней беседы с Перцем, на другой день, Коротков встретил меня во время завтрака у кухонного окна, внимательно отстранился, пока я давал какое-то распоряжение, и вдруг серьезно спросил:

– Скажите, пожалуйста, товарищ заведующий, в колонии Горького есть карцер?

– Карцера нет, – так же серьезно ответил я.

Он продолжал спокойно, рассматривая меня как экспонат:

– Говорят все-таки, что вы сажаете хлопцев под арест?

– Лично ты можешь не беспокоиться: арест существует только для моих друзей, – сказал я сухо и немедленно ушел от него, не интересуясь больше тонкой игрой его физиономии.

15 мая я получил телеграмму:

«Завтра вечером выезжаем все по вагонам Лапоть».

Я объявил телеграмму за ужином и сказал:

– Послезавтра будем встречать наших товарищей. Я очень хочу, очень хочу, чтобы встретили их по-дружески. Ведь теперь вы будете вместе жить… и работать.

Девочки испуганно притихли, как птицы перед грозой. Пацаны разных сортов закосили глазами по лицам товарищей, некоторое количество голов увеличили ротовое отверстие и секунду побыли в таком состоянии.

В углу, возле окна, там, где вокруг столов стоят не скамьи, а стулья, компания Короткова вдруг впадает в большое веселье, громко хохочет и, очевидно, обменивается остротами.

Вечером в передовом сводном состоялось обсуждение подробностей приема горьковцев и проверялись мельчайшие детали специальной декларации комсомольской ячейки. Кудлатый чаще, чем когда-нибудь, поднимал руку к «потылыце»:

– Честное слово, собственно говоря, аж стыдно сюда хлопцев везти. Открылась медленно дверь, и с трудом в нее пролез Жорка Волков.

Держась за столы, добрался до скамьи и глянул на нас одним только глазом, да и тот представлял собой неудобную щель в мясистом синем кровоподтеке.

– Что такое?

– Побили, – прошептал Жорка.

– Кто побил?

– Черт его знает? Граки. Я шел со станции. На переезде… встретили и… побили…

– Да постой, – рассердился Волохов. – Побили, побили!.. Мы и сами видим, что побили… Как дело было? Разговор какой был или как?

– Разговор был короткий, – ответил с грустной гримасой Жорка, – один только сказал: «А-а, комса?..» Ну… и в морду.

– А ты ж?

– Ну, и я ж, конечно. Только их было четверо.

– Ты убежал? – спросил Волохов.

– Нет, не убежал, – ответил Жорка.

– А как же?

– Ты видишь: и сейчас сижу на переезде.

Хлопцы разразились запорожским хохотом, и только Волохов с укором смотрел на искалеченную улыбку друга.

[7] Триста семьдесят третий бис

На рассвете семнадцатого я выехал встречать горьковцев на станцию Люботин, в тридцати километрах от Харькова. На грязненьком перроне станции было бедно и жарко, бродили ленивые, скучные селяне, измятые транспортными неудобствами, скрежетали сапогами по перрону неповоротливые, пропитанные маслом железнодорожники – деятели товарного движения. Все сегодня сговорились противоречить торжественной парче, в которую оделась моя душа. А может быть, это была и не парча, а что-нибудь попроще – «треугольная шляпа и серый походный сюртук»[205].

Сегодня день генерального сражения. Это ничего, что громоздкий дядя, носильщик, нечаянно меня толкнувший, не только не пришел в ужас от содеянного, но даже не заметил меня. Ничего также, что дежурный по станции недостаточно почтительно и даже недостаточно вежливо давал мне справки, где находится триста семьдесят третий бис. Эти чудаки делали вид, будто они не понимают, что триста семьдесят третий бис – это главные мои силы, это легионы *славных моих* маршалов Коваля и Лаптя, что вся их *жалкая* станция Люботин на сегодня *удостоена*, назначена быть плацдармом *великого* моего наступления на Куряж.

Эти жалкие люди самоуверенно воображали, будто для великих сражений совершенно необходимы гром пушек, и дым, и кровь, и, вообще, всякий беспорядок, будто после таких сражений обязательно должен какой-нибудь мужчина слезть с престола и поехать в далекое путешествие, а другой мужчина, соответственно, оклеить свою одежду разной блестящей дрянью, влезть на престол, и будет все это важно.

Как растолковать этим людям, что ставки моего сегодняшнего дня, честное слово, более величественны и значительны, чем ставки какого-нибудь Аустерлица[206]. *И, кроме того, надо же обратить внимание, что от меня требуется более тонкий и глубокий военный гений, чем, скажем, от Наполеона. Ему воевать было сравнительно легко: он имел право стрелять и рубить, снимать штаны с побежденных и награждать победителей титулами, деньгами, крестами. Я этого ничего не имею, да и, вообще, интересно было посмотреть, что получилось бы из Наполеона, если бы методы соцвоса были для него так же обязательны, как и для меня*[207].

Бродя по перрону, я поглядывал в сторону Куряжа и вспоминал, что неприятель сегодня утром показал некоторые

признаки слабости духа.

Все-таки почувствовали куряжане, что мои главные силы всего в тридцати километрах, и самое главное, что они не стоят на месте, а довольно быстро едут, и прямо в Куряж. Куряжане сегодня встали рано, умывались даже, даже подметали в спальнях. Целыми десятками они бродили поближе к нашему штабу, и на их лицах разлито было то невыразительное томление, которое всегда бывает у людей перед приездом нового начальника. Собираясь в Люботин, я вышел на крыльцо пионерской комнаты, окруженный орлами передового сводного, и увидел, что большинство куряжан не может, физически не в состоянии, удалиться от нашей группы больше, чем на пятьдесят метров. Они стоят у стен домов, у кустов сирени, у ворот монастыря, сидят на изгородях. Между ними с небывалой еще свободой летают, как ординарцы в военном стане, пацаны Вани Зайченко.

Я отметил тонкое чувство стиля в десятом отряде и в душе отсалютовал этой милой группе мальчиков, таких прекрасных и таких благородных, что, в сравнении с ними, благородство какого-нибудь дворянина просто отвратительное лицедейство.

Я заметил также, как принарядились сегодня девочки, из каких-то чудесных сундучков вытащили они свеженькие кофточки и новенькие румянца. Между ними я вижу и Гуляеву, которая приветствует меня праздничной улыбкой. Разве это враги? Но где-то на периферии моего поля зрения бродят многие хмурые фигуры, а в дверях клуба стоят коротковцы и с деловым видом что-то обсуждают. Пожалуйста, отступления все равно не будет. Я вынул из кармана фельдмаршальский жезл, основательно взмахнул им в воздухе и сказал Горовичу нарочито громко и повелительно:

– Петр Иванович, горьковцы войдут в колонию около двух часов дня. Выстроить воспитанников для отдачи чести знамени.

Петр Иванович щелкнул каблуками, чутко повел талией и поднял руку в спокойном уверенном ответе.

– Есть, товарищ заведующий.

Я не знаю, насколько я имел величественный вид, усаживаясь на тряскую, крикливую, дребезжащую чахоточную линейку, но туземцы смотрели на меня с глубоким почтением.

И все-таки я ни одной минутки не был уверен, что генеральный бой окончится в мою пользу. Ведь я нуждался вовсе не в знаках почтения, для меня необходимо было придушить весь этот дармоедческий стиль, для которого знаки почтения, как известно, вовсе не противопоказаны[208].

Наконец вышел из тайников станции Люботин добрый дух в образе угловатого сторожа и зазвонил в колокол. Отзвонив, он любезно открыл мне тайну этого символического действия:

– Запросился триста семьдесят третий бис. Через двадцать минут прибудет.

Мои переживания представят себе немногие. Нет, влюбленные тоже не смогут этого сделать. То напряжение, и радость, и надежды, и прочие чувства, которые обычно испытывают влюбленные, ожидая где-нибудь у памятника Котляревскому[209] *любимое существо, – пустяки по сравнению с переживаниями моими. Во-первых, приближалось не просто существо, а коллектив в сто двадцать человек, они везли с собою не какой-нибудь стандартный комплект: глаза, голос, формы и походка, а целое море граней и переливов личности, и какой личности: личности юной, не искаженной никаким эгоизмом: ни любовным, ни квартирным, ни карьерным. И, во-вторых, я готовил этому другу не объятия и поцелуи, не воркование любовной болтовни и не завтрак в кондитерской, а много довольно неприятных проблем, между которыми отсутствие спален не была самая неприятная.*

Вдруг намеченный план встречи неожиданно осложнился, и дальше все покатилось как-то по особенному запутанно, горячо и по-мальчишески радостно. Раньше чем прибыл триста семьдесят третий бис, из Харькова, *шутя и играя*, подкатил дачный, и из вагонов полился на меня комсомольско-рабфаковский освежающий душ. Белухин держал в руке букет *георгин, и на нем топорщился новый пиджак*.

– Это будем встречать пятый отряд, как будто дамы-*принцессы* приезжают. Мне, старику, можно.

Задоров торчал в окне вагона и заявлял, что он поедет дальше, Карабанов снизу уговаривал его:

– Куды ты к бигу поидеш, цему поезду нема дальше ходу.

В толпе пищала от избытка чувств златокудрая Оксана, и мирно нежилась под солнцем спокойная улыбка Рахили. Братченко размахивал руками, как будто в них был кнут, и твердил неизвестно кому:

– Ого! Я теперь вольный казак. Сегодня же на Молодца сяду.

Прибежал кто-то и крикнул:

– Та поезд уже давно тут!.. На десятом пути…

– Да что ты?

– Та на десятом пути… Давно стоит!..

Мы не успели опешить от неожиданной прозы этого сообщения. Из-под товарного вагона на третьем пути на нас глянула продувная физиономия Лаптя, и его припухший взгляд иронически разглядывал нашу группу.

– Дывысь! – крикнул Карабанов. – Ванька вже з-пид вагона лизе. На Лаптя набросились всей толпой, но он глубже залез под вагон и оттуда серьезно заявил:

– Соблюдайте очередь! И, кроме того, целоваться буду только с Оксаной и Рахилью, для остальных имею рукопожатие.

Но Карабанов за ногу вытащил *дробного* Лаптя из-под вагона, и его голые пятки замелькали в воздухе.

– Черт с вами, целуйте! – сказал Лапоть, опустившись на землю, и подставил веснушчатую щеку.

Оксана и Рахиль действительно занялись поцелуйным обрядом, а остальные бросились под вагоны.

Лапоть долго тряс мне руку и сиял непривычной на его лице *открытой* и искренней радостью.

– Как едете?

– Как на ярмарку, – сказал Лапоть. – Молодец только хулиганит: всю ночь колотил по вагону. Там от вагона только стойки остались. *Чи тут* долго будем стоять? Я приказал всем быть наготове. Если что, будем стоять, – умыться ж надо и вообще…

– Иди, узнавай.

Лапоть побежал на станцию, а я поспешил к поезду. В поезде было сорок пять вагонов. Из широко раздвинутых дверей и верхних люков смотрели на меня *целые букеты* горьковцев, смеялись, кричали, размахивали тюбетейками. Из ближайшего люка вылез до пояса Гуд, умиленно моргал глазами и бубнил:

– Антон Семенович, отец родной, хиба ж так полагается? Так же не полагается. Разве это закон? Это ж не закон.

– Здравствуй, Гуд, на кого ты жалуешься?

– На этого чертового Лаптя. Сказал, понимаете: кто из вагона вылезет до сигнала, голову оторву. Скорише принимайте команду, а то Лапоть нас уже замучил. Разве Лапоть может быть начальником? Правда ж не может?

Но за моей спиной *стоял* уже Лапоть и охотно *продолжил* симфонию в гамме Гуда:

– А попробуй вылезти из вагона до сигнала! Ну, попробуй! Думаешь, мне приятно с такими шмаровозами возиться? Ну, вылазь!

Гуд продолжает умильно:

– Ты думаешь, мне очень нужно вылазить? Мне и здесь хорошо. Это я принципиально.

– То-то! – сказал Лапоть. – Ну, давай сюда Синенького!

Через минуту из-за плеча Гуда выглянуло хорошенькое детское личико Синенького, недоуменно замигало заспанными глазенками и растянуло упругий яркий ротик:

– Антон Семенович…

– «Здравствуй» скажи, дурень! Чи ты не понимаешь? – зажурил Гуд.

Но Синенький всматривается в меня, краснеет и гудит растерянно:

– Антон Семенович… ну, а это что ж?.. Антон Семенович… смотри ты!.. Он затер кулачками глаза и вдруг по-настоящему обиделся на Гуда:

– Ты ж говорил: разбужу! Ты ж говорил… У, какой Гудище, а еще командир! Сам встал, смотри ты… Уже Куряж? Да? Уже Куряж?

Лапоть *расхохотался*:

– Какой там Куряж! Это Люботин! Просыпайся скорее, довольно тебе! Сигнал давай!

Синенький молниеносно посерьезнел и проснулся:

– Сигнал? Есть!

Он уже в полном сознании улыбнулся мне и сказал ласково:

– Здравствуйте, Антон Семенович, – и полез на какую-то полку за сигналкой.

Через две секунды он выставил сигналку наружу, подарил меня еще одной чудесной улыбкой, вытер губы голой рукой и придавил их в непередаваемо грациозном напряжении к мундштуку трубы. По станции покатился наш старый сигнал побудки.

Из вагонов запрыгали колонисты, и я занялся бесконечным рукопожатием. Лапоть уже сидел на вагонной крыше и возмущенно гримасничал по нашему адресу. *Потом он сказал такую речь*:

– Вы чего сюда приехали? Вы будете здесь нежничать? А когда вы будете умываться и убирать в вагонах? Или, может, вы думаете: сдадим вагоны грязными, черт с ними? Так имейте в виду, пощады не будет. И трусики надевайте новые. Где дежурный командир? А?

Таранец выглянул с соседней тормозной площадки. На его теле только сморщенные, полинявшие трусики, а на голой руке новенькая красная повязка.

– Я тут.

– Порядка не вижу! – заорал Лапоть. – Вода где, знаешь? И сколько стоять будет, знаешь? Завтрак раздавать, знаешь? Ну, говори!

Таранец влез к Лаптю на крышу и, загибая пальцы на руках, ответил, что стоять будем сорок минут, умываться можно возле той башни, а завтрак у Федоренко уже приготовлен и когда угодно можно *давать сигнал*.

– Чулы? – спросил у колонистов Лапоть. – А если чулы, так какого ангела гав[210] ловите?

Загоревшие ноги колонистов замелькали на всех

люботинских путях. По вагонам заскребли веники, и четвертый «У» сводный заходил перед вагонами с ведрами, собирая сор.

Из последнего вагона Шершнев и Осадчий вынесли на руках еще не проснувшегося Коваля и старательно приделывали его посидеть на сигнальном столбике.

– Воны ще не проснулысь, – сказал Лапоть, присев перед Ковалем на корточках.

Коваль свалился со столбика.

– Теперь воны вже проснулысь, – отметил *и* это событие Лапоть.

– Как ты мне надоел, Рыжий! – сказал серьезно Коваль и пояснил мне, подавая руку: – Чи есть на этого человека какой-нибудь угомон, чи нету? Всю ночь по крышам, то на паровозе, то ему померещилось, что свиньи показились. Если я чего уморился за это время, то хиба от Лаптя. Где тут умываться?

– А мы знаем, – сказал Осадчий. – Берем, Колька!

И они потащили Коваля к башне, а Лапоть сказал:

– А он еще недоволен… А знаете, Антон Семенович, Коваль, мабудь, за эту неделю первую ночь спал.

Через полчаса в вагонах было убрано, и колонисты в блестящих темно-синих трусиках и *белоснежных* сорочках уселись завтракать. Меня втащили в штабной вагон и заставили есть «Марию Ивановну».

Силантий Отченаш, зажимая мизинцем ломоть хлеба, большой палец все-таки приладил для жестикуляции:

– Хорошей смертью, здесь это, умерла Мария Ивановна, как говорится. К примеру, ты когда помрешь, здесь это, тебя просто червяки слопают, и больше никаких данных. А Марью Ивановну кушаешь на таком походе, видишь, какая история.

– Сколько поросят нам дала Мария Ивановна, а, Силантий? – спросил кто-то.

– Поросят, здесь это, штук шестьдесят, как говорится. Хорошая была свинья Марья Ивановна и такая, видишь, история, – и померла – хорошо. А ведь, здесь это, чистая была тебе англичанка.

Снизу, с путей, кто-то сказал громко:

– Лапоть, начальник станции объявил – через каких-нибудь *десять* минут поедем.

Я выглянул на знакомый голос. Грандиозные очи Марка Шейнгауза смотрели на меня серьезно, и по ним ходили темные волны *какой-то* страсти.

– Марк, здравствуй! Как это я тебя не видел?

– А я был на карауле у знамени, – строго сказал Марк.

– Как тебе живется? Ты теперь доволен своим характером?

Я спрыгнул вниз. Марк поддержал меня и, пользуясь случаем, зашептал напряженно:

– Я еще не очень доволен своим характером, Антон Семенович. Не очень доволен, хочу вам сказать правду.

– Ну?

– Вы понимаете: они едут, так они песни поют, и ничего. А я все думаю и думаю и не могу песни с ними петь. Разве *такой должен быть характер у большевика?*

– Вот чудак, – ответил я Марку, – что ж, по-твоему, все большевики должны быть на одну мерку? Они песни поют, а ты думаешь. Чем плохо?

– Так смотря о чем я думаю, вы посудите. Марк раз пять быстро взмахнул ресницами:

– Они не боятся, а я боюсь.

– Чего?

– Вы не думайте, что я боюсь за себя. За себя я ничуть не боюсь. А я боюсь за них. У них было хорошее счастье, а теперь им, наверное, будет плохо, и кто его знает, чем это кончится…

– А ты знаешь, Марк, какое у них было самое главное счастье? – задал я вопрос.

– Я думаю, что знаю. У них был хороший труд и, кроме того, свободный труд.

– Это еще мало, Марк. У них была готовность к борьбе, а теперь они идут на эту борьбу, потому они и счастливы.

– А вы скажите, для чего им было идти на борьбу, если им было и так хорошо?

Марк вдруг улыбнулся и я сразу понял, что не хватало этому юноше, чтобы быть большевиком. Но я не успел на этот раз ничего разъяснить ему, потому что над самым моим ухом Синенький оглушительно заиграл сигнал общего сбора. Я мгновенно сообразил – сигнал атаки!

И вместе со всеми бросился к вагону[211].

Взбираясь в вагон, я видел, как свободно, выбрасывая голые пятки, подбежал к своему вагону Марк, и подумал: сегодня этот юноша узнает, что такое победа или поражение. Тогда он станет большевиком.

Паровоз засвистел. Лапоть заорал на какого-то опоздавшего. Поезд тронулся.

Через сорок минут он медленно втянулся на Рыжовскую станцию и остановился на третьем пути. На перроне стояли Екатерина Григорьевна, Лидочка и Гуляева, и у них дрожали лица от радости.

Коваль подошел ко мне:

– Чего будем волынить? Разгружаться?

Он побежал к начальству. Выяснилось, что поезд для разгрузки нужно подавать на первый путь, к «рамке», но подать нечем. Поездной паровоз ушел в Харьков, а теперь нужно вызвать откуда-то специальный маневровый паровоз. На станцию Рыжов никогда таких составов не приходило, и своего маневрового паровоза не было.

Это известие приняли сначала спокойно. Но прошло полчаса, потом час, нам надоело томиться возле вагонов. Беспокоил нас и Молодец, который, чем выше поднималось солнце, тем больше бесчинствовал в вагоне. Он успел еще ночью разнести вдребезги всю вагонную обшивку и теперь добивал остальное. Возле его вагона уже ходили какие-то чины и в замасленных книжках что-то подсчитывали. Начальник станции летал по путям, как на ристалищах[212], и требовал, чтобы хлопцы не выходили из вагонов и не ходили по путям, по которым то и дело пробегали пассажирские, дачные, товарные поезда.

– Да когда же будет паровоз? – пристал к нему Таранец.

– Я не больше знаю, чем вы! – почему-то озлился начальник. – Может быть, завтра будет.

– Завтра? О! Так я тогда больше знаю…

– Чего больше? Чего больше?

– Больше знаю, чем вы.

– Как это вы знаете больше, чем я?

– А так: если нет паровоза, мы сами перекатим поезд на первый путь.

Начальник махнул рукой на Таранца и убежал. Тогда Таранец пристал ко мне:

– Перекатим, Антон Семенович, вот увидите. Я знаю. Вагоны легко катаются, если даже груженые. А нас приходится по три человека на вагон. Пойдем поговорим с начальником.

– Отстань, Таранец, глупости какие!

И Карабанов развел руками:

– Ну, такое придумал, поезд он перекатит! Это ж нужно аж до семафора подавать, за все стрелки.

Но Таранец настаивал, и многие ребята его поддерживали. Лапоть предложил:

– О чем нам спорить? Проиграем сейчас на работу и попробуем. Перекатим – хорошо, не перекатим – не надо, будем ночевать в поезде.

– А начальник? – спросил Карабанов, у которого глаза уже заиграли *задором*.

– Начальник! – ответил Лапоть. – У начальника есть две руки и одна глотка. Пускай себе размахивает руками и кричит. Веселей будет.

– Нет, – сказал я, – так нельзя. Нас на стрелках может накрыть какой-нибудь поезд. Такой каши наделаете!

– Н-ну, это мы понимаем! Семафор закрыть нужно!

– Бросьте, хлопцы!

Но хлопцы окружили меня целой толпой. Задние влезли на тормозные площадки и крыши и убеждали меня хором. Они просили у меня только одного: передвинуть поезд на два метра.

– Только на два метра и – стоп. Какое кому дело? Мы никого не трогаем! Только на два метра, а потом сами скажете.

Я наконец уступил. Тот же Синенький заиграл на работу, и колонисты, давно усвоившие детали задания, расположились у стоек вагонов. Где-то впереди пищали девочки.

Лапоть вылез на перрон и замахнулся тюбетейкой.

– Стой, стой! – закричал Таранец. – Сейчас начальника приведу, а то он больше меня знает.

Начальник выбежал на перрон и воздел руки:

– Что вы делаете? Что вы делаете?

– На два метра, – сказал Таранец.

– Ни за что, ни за что!.. Как это можно? Как можно такое делать?

– Да на два метра! – закричал Коваль. – Чи вы не понимаете, чи как?

Начальник тупо влепился взглядом в Коваля и забыл опустить руки. Хлопцы хохотали у вагонов. Лапоть снова поднял руку с тюбетейкой, и все прислонились к стойкам, уперлись босыми ногами в песок и, закусив губы, поглядывали на Лаптя. Он махнул тюбетейкой, и, подражая его движению, начальник мотнул головой и открыл рот. Кто-то сзади крикнул:

– Нажимай!

Несколько мгновений мне казалось, что ничего не выйдет – поезд стоит неподвижно, но, взглянув на колеса, я вдруг заметил, что они медленно вращаются, и сразу же после этого увидел и движение поезда. Но Лапоть заорал что-то, и хлопцы остановились. Начальник станции оглянулся на меня, вытер лысину и улыбнулся милой старческой, беззубой улыбкой:

– Катите… что ж… бог с вами! Только не придавите никого. Он повертел головой и вдруг громко рассмеялся:

– Сукины сыны, ну, что ты скажешь, а? Ну, катите…

– А семафор?

– Будьте покойны.

– Го-то-о-овсь! – закричал Таранец, и Лапоть снова поднял свою тюбетейку.

Через полминуты поезд катился к семафору, как будто его толкал мощный паровоз. Хлопцы, казалось, просто шли рядом с

вагонами и только держались за стойки. На тормозных площадках сидели каким-то чудом выделенные ребята, чтобы тормозить на остановке.

От выходной стрелки нужно было прогнать поезд по второму пути в противоположный конец станции, чтобы уже оттуда подать его обратно к рамке. В тот момент, когда поезд проходил мимо перрона и я полной грудью вдыхал в себя соленый воздух аврала, с перрона меня окликнули:

– Товарищ Макаренко!

Я оглянулся. На перроне стояли Брегель, Халабуда и товарищ Зоя. *У товарища Зои даже щеки тряслись от испуга, и она казалась такой маленькой, как будто карлицей служила у графа Соцвоса.* Брегель возвышалась на перроне в сером широком платье и напоминала мне памятник Екатерине Великой – такая Брегель была величественная.

И так же величественно она вопросила меня со своего пьедестала:

– Товарищ Макаренко, это ваши воспитанники?

Я виновато поднял глаза на Брегель, но в этот момент на мою голову упало целое екатерининское изречение:

– Вы жестоко будете отвечать за каждую отрезанную ногу.

В голосе Брегель было столько железа и дерева, что ей могла позавидовать любая самодержица. К довершению сходства ее рука с указующим *перстом* протянулась к одному из колес нашего поезда, *под которым, впрочем, я не увидел ни одной отрезанной ноги.*

Я приготовился возразить в том смысле, что ребята очень осторожны, что я надеюсь на благополучный исход, но товарищ Зоя помешала честному порыву моей покорности. Она подскочила ближе к краю перрона и затараторила быстро, кивая огромной головой в такт своей речи:

– Болтали, болтали, что товарищ Макаренко очень любит своих воспитанников… Надо показать всем, как он их любит.

Из моей груди покатился к горлу какой-то ком, вероятно, такой ком перекатывается у собак, когда они собираются зарычать и вцепиться кому-нибудь в горло. Очень возможно, что я и на самом деле зарычал, но в то время мне казалось, что я очень сдержанно и вежливо сказал:

– О, товарищ Зоя, вас нагло обманули! Я настолько черствый человек, что здравый смысл всегда предпочитаю самой горячей любви.

Зеленые глаза товарища Зои с ненавистью «выслушали» мой ответ, но сдаваться они и не думали:

– Да? И только при помощи здравого смысла вы рассчитываете

справиться с Куряжем? – спросила она, лязгая зубами.

Я улыбнулся:

– Попробую. Любовь, кажется, там уже применяли? Или что-нибудь другое?

– Вам лучше знать.

Товарищ Зоя прыгнула бы на меня с высоты перрона, и, может быть, там и окончилась бы моя антипедагогическая поэма, если бы Халабуда не сказал просто, по-рабочему:

– А здорово, стервецы, покатили поезд! Ах, ты, карандаш, смотри, смотри, Брегель… Ах, ты, поросенок!..

Халабуда уже шагает рядом с Васькой Алексеевым, сиротой множества родителей. О чем-то он с Васькой перемолвился, и не успели мы пережить еще нашей злости, как Халабуда уже надавил руками на какой-то упор в вагоне. Я мельком взглянул на окаменевшее величие памятника Екатерине *Великой*, перешагнул через лужу желчи, набежавшую с товарища Зои, и тоже поспешил к вагонам.

Через двадцать минут Молодца вывели из полуразрушенного вагона, и Антон Братченко карьером полетел в Куряж, далеко за собой оставляя полосу пыли и нервное потрясение рыжовских собак.

Оставив сводный отряд *для разгрузки* под командой Осадчего, мы быстро построились на вокзальной маленькой площади. Брегель с подругой залезли в автомобиль, и я имел удовольствие еще раз позеленить их лица звоном труб и громом барабанов нашего салюта знамени, когда оно, завернутое в шелковый чехол, плавно прошло мимо наших торжественных рядов на свое место. Занял свое место и я. Коваль дал команду, и, окруженная толпой станционных мальчишек, колонна горьковцев тронулась к Куряжу. Машина Брегель, обгоняя колонну, поравнялась со мной, и Брегель сказала:

– Садитесь!

Я удивленно пожал плечами и приложил руку к сердцу. *Товарищ Зоя вздрогнула от отвращения и еще чуточку позеленела. Зато Халабуда сказал громко:*

– А ты думаешь, Зойка, с тобой ехать приятнее, чем идти с ними? Ты ничего не понимаешь.

Автомобиль унесся вперед, и я долго обижался, что нам в новых трусиках и сорочках приходится идти в полосе пыли, которую он протянул за собою.

Было тихо и жарко. Дорога проходила через луг и мостик, переброшенный над узенькой захолустной речкой. Шли по шесть в ряд: впереди четыре трубача и восемь барабанщиков, с ними я и дежурный командир Таранец, а за нами знаменная бригада.

Чувствовалось особенно серьезное напряжение оттого, что знамя было в чехле, и от сверкающей его верхушки свешивались и покачивались над головой Лаптя золотые кисти. За Лаптем сверкал свежестью белых сорочек и молодым ритмом голых ног строй колонистов, разделенный в центре четырьмя рядами девчат в синих юбках.

Выходя иногда на минутку из рядов, я видел, как вдруг посуровели и спружинились фигуры колонистов. Несмотря на то что мы шли по безлюдному лугу, они строго держали равнение и, сбиваясь иногда на кочках, заботливо спешили поправить ногу. Гремели только барабаны, рождая где-то далеко у стен Куряжа отчетливое сухое эхо. Сегодня барабанный марш не усыплял и не уравнивал игры сознания. Напротив, чем ближе мы подходили к Куряжу, тем рокот барабанов казался более энергичным и требовательным, и хотелось не только в шаге, но и в каждом движении сердца подчиниться его строгому порядку.

Колонна вошла в Подворки. За плетнями и калитками стояли жители, прыгали на веревках злые псы, потомки древних монастырских собак, когда-то охранявших его богатства. *Впрочем*, в этом селе не только собаки, но и *многие* люди были выращены на тучных пастбищах монастырской истории. Их зачинали, выкармливали, *выращивали все на тех же* пятаках и алтынах, выручаемых за спасение души, за исцеление от недугов, за слезы Пресвятой Богородицы и за перья из крыльев архангела Гавриила. *Я уже знал, что* в Подворках много задержалось разного преподобного народа: бывших попов и монахов, послушников, конюхов и приживалов, монастырских поваров, *кустарей* и проституток.

И поэтому, проходя через село, я остро чувствовал враждебные взгляды и *в шепоте* сбившихся за плетнями групп точно угадывал и мысли, и слова, и добрые пожелания по нашему адресу.

Вот здесь, на улицах Подворок, я вдруг ясно *ощутил* великое историческое значение нашего марша, хотя он и выражал только, *может быть*, одно из молекулярных явлений нашей эпохи. Представление о колонии имени Горького вдруг освободилось у меня *и* от предметных форм, и *специфической* раскраски *педагогики*. Уже не было у меня ни излучин Коломака, ни старательных построек старого Трепке, ни двухсот розовых кустов, ни свинарни пустотелого бетона. Присохли также и где-то рассыпались по дороге хитрые проблемы педагогики. Остались только чистые люди, люди нового опыта и новой человеческой позиции на равнинах земли. И я понял вдруг, что наша колонна выполняет сейчас, *может быть*, и маленькую, но

острополитическую задачу.

Шагая по улицам Подворок, мы проходили, *собственно говоря*, по *враждебной* стране, где в живом еще содрогании сгрудились и старые люди, и старые интересы, и старые жадные паучьи приспособления. И в стенах монастыря, который уже показался впереди, сложены целые штабели ненавистных для меня идей и предрассудков: слюноточивое интеллигентское идеальничанье, будничный, бесталанный формализм, дешевая бабья слеза и умопомрачительное канцелярское невежество. Я представил себе огромные площади этой безграничной свалки: мы уже прошли по ней столько лет, столько тысяч километров, и впереди еще она смердит, и справа, и слева, мы окружены ею со всех сторон. Поэтому такой ограниченной в пространстве кажется маленькая колонна горьковцев, у которой сейчас нет ничего материального: ни коммуникации, ни базы, ни родственников – Трепке оставлено навсегда, Куряж еще не завоеван.

Ряды барабанщиков тронулись в гору – ворота монастыря были уже перед нами. Из ворот выбежал в трусиках Ваня Зайченко, на секунду остолбенел на месте и стрелой полетел к нам под горку. Я даже испугался: что-нибудь случилось, но Ваня круто остановился против меня и взмолился со слезами, прикладывая палец к щеке:

– Антон Семенович, я пойду с вами, я не хочу там стоять.

– Иди здесь.

Ваня выровнялся со мной, внимательно поймал ногу и задрал голову. Потом поймал мой внимательный взгляд, вытер слезу и улыбнулся горячо, выдыхая облегченно волнение.

Барабаны оглушительно рванулись в колокольном тоннеле ворот. Бесконечная масса куряжан была выстроена в несколько рядов, и перед нею замер и поднял руку для салюта Горович.

[8] Гопак

Строй горьковцев и толпа куряжан стояли друг против друга на расстоянии семи-восьми метров. Ряды куряжан, наскоро сделанные Петром Ивановичем, оказались, конечно, скоропортящимися. Как только остановилась наша колонна, ряды эти смешались и растянулись далеко от ворот до собора, загибаясь в концах и серьезно угрожая нам охватом с флангов и даже полным окружением.

И куряжане и горьковцы молчали: первые – в порядке некоторого обалдения, вторые – в порядке дисциплины в строю при знамени. До сих пор куряжане видели колонистов только в передовом сводном, всегда в рабочем костюме, достаточно изнуренными, пыльными и немытыми. Сейчас перед ними протянулись строгие шеренги внимательных, спокойных лиц, *белоснежных сорочек*, блестящих поясных пряжек и ловких коротких трусиков над линией загоревших ног.

В нечеловеческом напряжении, в самых дробных долях секунды я хотел ухватить и запечатлеть в сознании какой-то основной тон в выражении куряжской толпы *в этот момент*, но мне не удалось этого сделать. Это уже не была монотонная, тупая толпа первого моего дня в Куряже. Переходя взглядом от группы к группе, я встречал все новые и новые выражения, часто даже совершенно неожиданные. Только немногие смотрели в равнодушном нейтральном покое, *что-то переваривая в желудках и вспоминая о былых пастбищах и прошлогодних стойлах*. Большинство малышей открыто восхищались – так, как восхищаются они игрушкой, которую хочется взять в руки и прелесть которой не вызывает зависти и не волнует самолюбия. Нисинов и Зорень стояли, обнявшись, и смотрели на горьковцев, склонив друг к другу головы, о чем-то мечтая, может быть, о тех временах, когда и они станут в таком же пленительном ряду и так же будут смотреть на них замечтавшиеся «вольные» пацаны. Было много лиц, глядевших с тем неожиданно серьезным вниманием, когда толпятся на месте возбужденные мускулы лица, а глаза ищут скорее удобного поворота, *и мозг требует немедленного объяснения*. На этих лицах жизнь пролетала бурно; через десятые доли секунды эти лица уже что-то рассказывали от себя, выражая то одобрение, то удовольствие, то сомнение, то зависть. Зато медленно-медленно растворялись ехидные мины, заготовленные заранее, мины насмешки и презрения. Еще далеко заслышав наши барабаны, эти люди засунули по карманам руки и изогнули талии в лениво-снисходительных позах. Многие из них сразу были

сбиты с позиций великолепными торсами и бицепсами первых рядов горьковцев: Федоренко, Корыто, Нечитайло, против которых их собственные фигуры казались жидковатыми. Другие смутились, *потому что слишком разительна была живая связь в колонии, слишком было ясно*, что из этих ста двадцати самого маленького нельзя было тронуть безнаказанно. И самый маленький – Синенький Ванька – гордо стоял впереди, поставив трубу на колено, и стрелял глазами с такой свободой, будто он не вчерашний беспризорный, а путешествующий принц, а за ним почтительно замер щедрый эскорт, которым снабдил его *славный* папаша король.

Только секунды продолжалось это *первое* молчаливое *противостояние двух лагерей. Моим делом было* немедленно уничтожить и семиметровое расстояние между *ними* и *это* взаимное разглядывание.

– Товарищи! – сказал я. – С этой минуты мы все, четыреста человек, составляем один коллектив, который называется: трудовая колония имени Горького. Каждый из вас должен всегда это помнить, каждый должен знать, что он – горьковец, должен смотреть на другого горьковца как на своего ближайшего товарища и первого друга, обязан уважать его, защищать, помогать во всем, если он нуждается в помощи, и поправлять его, если он ошибается. У нас будет строгая дисциплина, *и вы должны гордиться нашей строгой дисциплиной*. Дисциплина нам нужна потому, что дело наше трудное и дела у нас много. Мы его сделаем плохо, если у нас не будет дисциплины.

Я еще *говорил много* о стоящих перед нами задачах, о том, как нам нужно богатеть, учиться, пробивать дорогу и для себя и для будущих горьковцев, что нам нужно жить правильно, как настоящим пролетариям, и выйти из колонии настоящими комсомольцами, чтобы и после колонии строить и укреплять *советскую власть* и пролетарское государство.

Я был удивлен неожиданным вниманием куряжан к моим словам. Как раз горьковцы слушали меня несколько рассеянно, может быть, потому, что мои слова не открывали уже для них ничего нового, все это давно сидело крепко в каждой крупинке мозга, *в каждой капле крови всех колонистов*.

Но почему те же куряжане две недели назад мимо ушей пропускали мои обращения к ним, гораздо более горячие и убедительные, *может быть, даже более талантливые? Все-таки, черт его знает*, какая трудная наука эта педагогика! Нельзя же допустить, что они слушали меня только потому, что за моей спиной стоял горьковский легион, или потому, что на правом фланге этого легиона неподвижно и сурово стояло знамя в

атласном чехле, *и страшно любопытно было снять чехол и посмотреть, какое там у горьковцев, у нас, знамя? Такие допущения противоречили* бы всем аксиомам и теоремам педагогики.

Я кончил речь и объявил, что через полчаса будет общее собрание колонии имени Горького; за эти полчаса колонисты должны познакомиться друг с другом, пожать, обязательно пожать, друг другу руки и прийти вместе на собрание. А сейчас, как полагается, отнесем наше знамя в помещение…

Коваль подал команду, загремели барабаны, затрубили трубы, и Таранец повел знамя прямо на толпу куряжан. Испуганно толкаясь, куряжане хлынули в сторону, уступая знамени широкую дорогу.

– Разойдись!

Мои ожидания, что горьковцы подойдут к куряжанам и подадут им руки, не оправдались. Они разлетелись из строя, как заряд дроби, и бросились бегом к спальням, клубам и мастерским. Куряжане не обиделись таким невниманием и побежали вдогонку, только Коротков стоял среди своих приближенных, и они о чем-то потихоньку разговаривали. У стены собора сидели на могильных плитах Брегель и товарищ Зоя. Я подошел к ним.

– Ваши одеты довольно кокетливо, – сказала Брегель.

– А спальни для них приготовлены? – спросила товарищ Зоя.

– Обойдемся без спален, – *неохотно дал я ответ и поспешил заинтересовать* новым явлением.

Окруженное колонистами *славного* ступицынского отряда, в ворота монастыря медленно и тяжело входило наше свиное стадо. Оно шло тремя *отрядами*: впереди *пятьдесят маток*, за ними *триста молодняка* и сзади папаши. Их встречал, осклабясь в улыбке, Волохов со своим штабом, и Денис Кудлатый уже любовно почесывал за ухом у нашего общего любимца, пятимесячного Чемберлена, названного так в память о знаменитом ультиматуме этого деятеля.

Стадо направилось к приготовленным для него загородкам, и в ворота вошли занятые увлекательной беседой Ступицын, Шере и Халабуда. Халабуда размахивал одной рукой *по направлению к житному полю*, а другой прижимал к сердцу самого маленького и самого розовенького поросенка.

– Ох, и свиньи ж у них! – сказал Халабуда, подходя к нашей группе. – Если у них и люди такие как свиньи, толк будет, будет, я тебе говорю.

Брегель поднялась с могильного камня и сказала строго:

– Вероятно, все-таки товарищ Макаренко главную свою

заботу обращает на людей?

– Сомневаюсь, – сказала Зоя, – для свиней место приготовлено, а для детей – обойдутся…

Брегель вдруг заинтересовалась таким оригинальным положением:

– Да, Зоя верно отметила. Интересно, что скажет товарищ Макаренко, при этом не свиновод Макаренко, а педагог Макаренко?

Я был очень поражен откровенной неприязнью этих слов, но не захотел в этот день отвечать такой же откровенной грубостью:

– Разрешите этим двум деятелям ответить, так сказать, коллективно.

– Пожалуйста.

– Видите ли, колонисты здесь хозяева, а свиньи – подопечные.

– А вы кто? – спросила Брегель, глядя в сторону.

– Если хотите, я ближе к хозяевам.

– Но для вас спальня обеспечена?

– Я тоже обхожусь без спальни.

Брегель досадливо передернула плечами и сухо предложила товарищу Зое:

– Прекратим эти разговоры. Товарищ Макаренко любит острые положения.

Халабуда громко захохотал:

– Что ж тут плохого? И правильно делает, ха – острые положения. А на что ему тупые положения?

Я нечаянно улыбнулся, и поэтому Зоя на меня снова напала:

– Я не знаю, какое это положение, острое или тупое, если людей нужно воспитывать по образцу свиней.

Я внимательно присмотрелся к этому заблудшему существу и попытался ей ласково растолковать:

– Товарищ Зоя, если наше воспитание будет вообще успешным, вы же не станете протестовать?

– Смотря какой успех, и для кого он кажется успехом.

– Как для кого кажется? Для вас и для меня.

– Наверное, у нас разные вкусы, товарищ Макаренко. По-моему мнению, воспитание должно быть основано на науке, а по вашему – на здравом смысле и на правилах свиноводства.

– Но какой это науке? – спросил я уже не так ласково.

– Ах, вы даже не знаете, на какой науке? Да, я и забыла, что вы не читаете педагогической литературы. Вероятно, поэтому ваш идеал воспитания – свинья.

Товарищ Зоя так покраснела, так была некрасива и так очевидно для меня глупа, что я получил возможность снова возвратиться к ласковому тону.

– Нет, идеал у меня другой.

– Не свинья?

– Нет.

– А кто?

– Вы.

Брегель бесшабашно треснула об землю своей важностью и расхохоталась.

Зеленая товарищ Зоя включила какие-то сердитые моторы, и выпуклые глаза ее засверлили мое существо со скоростью двадцати тысяч оборотов в секунду. Я даже испугался. Но в эту минуту прибежал со своей трубой румяный, возбужденный Синенький и залепетал приблизительно с такой же скоростью:

– Там. Лапоть сказал… а Коваль говорит: подожди. А Лапоть ругается и говорит: я тебе сказал, так и делай, да… А еще говорит: если будешь волынить… и хлопцы тоже… Ой, спальни какие, ой-ой-ой, и хлопцы говорят: нельзя терпеть, а Коваль говорит – с вами посоветуется…

– Я понимаю, что говорят хлопцы и что говорит Коваль, но никак не пойму, чего ты от меня хочешь?

Синенький застыдился:

– Я ничего не хочу… А только Лапоть говорит…

– Ну?

– А Коваль говорит: посоветуемся…

– Что именно говорит Лапоть? Это очень важно, товарищ Синенький.

Синенький так увлекся красотой моего вопроса, что даже не расслышал его:

– А?

– Что сказал Лапоть?

– Ага… Он сказал: давай сигнал на сбор.

– Вот это и нужно было сказать с самого начала.

– Так я ж говорил вам…

Товарищ Зоя взяла двумя пальцами румяные щеки Синенького и обратила его губы в милый розовый бантик:

– Какой прелестный ребенок!

Синенький недовольно вырвался из ласковых рук Зои, вытер рукавом рубашки рот и обиженно закосил на Зою:

– Ребенок… Смотри ты!.. А если бы я так сделал?.. И вовсе не ребенок… А колонист вовсе.

Халабуда легко поднял Синенького на руки вместе с его трубой.

– Хорошо сказал, честное слово, хорошо, а все-таки ты поросенок.

Синенький с удовольствием принял предложенную *игру* и

против поросенка не заявил протеста. Товарищ Зоя и это отметила:

– Кажется, звание поросенка у них наиболее почетное.

– Да брось! – сказал недовольно Халабуда и опустил Синенького на землю.

Собирался разгореться *прежний бестолковый* спор, но пришел Коваль, а за Ковалем и Лапоть.

Коваль по-деревенски стеснялся начальства и моргал из-за плеча Брегель, предлагая мне отойти в сторонку и поговорить. Лапоть начальства не стеснялся:

– Он, понимаете, думал, Коваль, что для него здесь пуховые перины приготовлены. А я считаю – ничего не нужно откладывать. Сейчас *соберем* собрание, и прочитаем им нашу декларацию.

Коваль покраснел от необходимости говорить при начальстве, да еще при «бабском», которое он в глубине души всегда считал начальством второго сорта, но от изложения своей точки зрения не отказался. *Говорил он всегда туговато и кругло, постукивая согнутым указательным пальцем правой руки по нарочно подставленной ладони левой:*

– На что мне твои перины, и не говори глупостей!.. А только – чи заставим мы их подчиниться нашей декларации? И как ты его заставишь? Чи за комир[213] его брать, чи за груды?

Коваль опасливо глянул на Брегель, но настоящая опасность грозила с другой стороны:

– Как это: за груды? – тревожно спросила товарищ Зоя.

– Да нет, это ж только так говорится, – еще больше покраснел Коваль. – На что мени ихние груды, хай им! Я завтра пойду в горком, нехай меня завтра на село посылает…

– А вот вы сказали: «мы заставим». Как это вы хотите заставить?

Коваль от озлобления сразу потерял уважение к начальству и даже удалился в другую сторону:

– Та… ну его к… Якого черта! Чи тут работа, чи теревени[214] бабськи… К чертову дьяволу!..

И быстро ушел к клубу, пыльными сапогами выворачивая из куряжской почвы остатки монастырских кирпичных тротуаров. Лапоть развел руками перед Зоей:

– Я вам это могу объяснить, как заставить. Заставить – это значит… Ну, значит, заставить, тай годи!

– Видишь, видишь? – подпрыгнула товарищ Зоя перед Брегель. – Ну, что ты теперь скажешь?

– Синенький, играй сбор, – приказал я.

Синенький вырвал сигналку из рук Халабуды, задрал ее к

крестам собора и разорвал тишину отчетливым, задорно-тревожным стаккато. Товарищ Зоя приложила руки к ушам:

– Господи, трубы эти!.. Командиры!.. Казарма!..

– Ничего, – сказал Лапоть, – зато, видите, вы уже поняли, в чем дело.

– Звонок гораздо лучше, – мягко возразила Брегель.

– Ну, что вы: звонок! Звонок – дурень, он всегда одно и то же кричит. А это разумный сигнал: общий сбор. А есть еще «сбор командиров», «спать», а есть еще тревога. Ого! Если бы вот Ванька затрубил тревогу, так и покойник на пожар выскочит, и вы побежите.

Из-за углов флигелей, сараев, из-за монастырских стен показались группы колонистов, направлявшиеся к клубу. Малыши часто срывались на бег, но их немедленно тормозили разные случайные впечатления. Горьковцы и куряжане уже смешались и вели какие-то беседы, по всем признакам имевшие характер нравоучения. Большинство куряжан все же держалось в стороне, *и движение в этих местах было замедленнее*.

В пустом прохладном клубе стали все тесной толпой, но белые сорочки горьковцев отделились ближе к алтарному возвышению, и я заметил, что это делалось по указаниям Таранца, *очевидно, сознательно*, на всякий случай концентрировавшего силы.

Бросалась в глаза малочисленность ударного кулака горьковцев. На четыреста человек собрания их было десятков пять: второй, третий и десятый отряды возились с устройством скота, да у Осадчего на Рыжове осталось человек двадцать, не считая рабфаковцев. Кроме того, наши девочки в счет не шли. Их очень ласково, почти трогательно, с поцелуями и причитаниями приняли куряжские девчата и разместили в своей спальне, которую недаром Оля Ланова с таким увлечением приводила в порядок.

Перед тем как открыть собрание, Жорка Волков спросил у меня шепотом:

– Значит, действовать прямо?

– Действуй прямо, – ответил я.

Жорка вышел на алтарное возвышение и приготовился читать то, что мы все шутя называли декларацией. Это было постановление комсомольской организации горьковцев, постановление, в которое Жорка, Волохов, Кудлатый, Жевелий и Горьковский вложили пропасть инициативы, остроумия, широкого русского размаха и скрупулезной арифметики, прибавив к этому умеренную дозу нашего горьковского перца, хорошей товарищеской любви и любовной товарищеской

жестокости.

«Декларация» считалась до сих пор секретным документом, хотя в обсуждении ее принимали участие очень многие – она обсуждалась несколько раз на совещании членов бюро в Куряже, а во время моей поездки в колонию была еще раз просмотрена и проверена с Ковалем и комсомольским активом.

Жорка сказал небольшое вступительное слово:

– Товарищи колонисты, будем говорить прямо: черт его знает, с чего начинать. Но вот я вам прочитаю постановление ячейки комсомола, и вы сразу увидите, с чего начинать и как оно все пойдет. *Только вот что я хотел сказать. Тут некоторые куряжане, может быть, обижаться будут: с какой стати и откуда приехали сюда такие распоряжаться. Можно, конечно, спорить, откуда и что, а только, дорогие товарищи, не надо спорить, давайте прямо скажем – мы вас кое-чему хорошему научили, потому ты смотри: не было бы советской власти, ходил бы ты вместе с собаками за панским стадом, а теперь ты можешь как свободный гражданин работать и даже будешь членом партии пролетариата, видишь?* А ты не работаешь, и не комсомолец, и не пионер, черте-шо, сидишь в грязи, и что ты такое есть в самом деле? С какой точки тебя можно рассматривать? Прямо с такой точки: ты есть продовольственная база для клопов, вшей, тараканов, блох и всякой сволочи.

– А мы виноваты, что ли! – крикнул *из толпы Ховрах*.

– Ага? – обрадовался Жорка. – А кто виноват? Дяди и тети виноваты, Пушкин виноват? Ты на них, товарищ, не сворачивай, мало ли кому чего хочется? Скажем, Чемберлену[215] *захочется побить советскую власть. Так ты будешь сидеть и хныкать? Скажи: какой этот несимпатичный Чемберлен, набил мне морду, гад?*

Куряжане хотя и не знакомы были с Чемберленом и его желаниями, засмеялись и ближе переступили к Жорке.

– Вы виноваты, – строго протянул руку вперед оратор. – Вы виноваты, и здорово виноваты. Какое вы имеете право расти дармоедами, и занудами, и сявками? Не имеете права. Не имеете права, и все! И грязь у вас в то же время. Какой же человек имеет право жить в такой грязи? Мы свиней каждую неделю с мылом моем, надо вам посмотреть. Вы думаете, какая-нибудь свинья не хочет мыться или говорит: «Пошли вы вон от меня с вашим мылом»? Ничего подобного: кланяется и говорит: «Спасибо». А у вас мыла нет два месяца…

– Так не давали, – сказал с горькой обидой кто-то из толпы.

Круглое лицо Жорки, еще не потерявшее синих следов ночной встречи с классовым врагом, нахмурилось и поострело.

– А кто тебе должен давать? Здесь ты хозяин. Ты сам должен считать, как и что.

– А у вас кто хозяин? Может, Макаренко? – спросил кто-то и спрятался в толпе.

Головы повернулись в сторону вопроса, но только круги таких же движений ходили на том месте, и несколько лиц в центре довольно ухмылялись.

Жорка широко улыбнулся:

– Вот дурачье! Антону Семеновичу мы доверяем, потому что он наш, и мы действуем вместе. А это здоровый дурень у вас спросил. А только пусть он не беспокоится, мы и таких дурней научим хозяйничать, а то, понимаете, сидит и смотрит по сторонам: где ж мой хозяин?

В клубе грохнули хохотом: очень удачно Жорка сделал глупую морду растяпы, ищущего хозяина.

Жорка продолжал:

– *А кто в Советской стране хозяин? Не знаете, несчастные? Пролетариат хозяин, и, конечно, не все скопом командуют, а доверяют самым настоящим людям, а кому нельзя доверить, на то есть контроль, и по шапке.* Вы тут сидели на казенных харчах, гадили под себя, а политической сознательности у вас, как у петуха.

Я уже начинаю беспокоиться: не слишком ли Жорка дразнит куряжан, не мешало бы поласковее. И в этот же момент тот же неуловимый голос крикнул:

– Посмотрим, куда вы гадить будете!

По клубу прошли волны сдержанного, вредного смеха и довольных, понимающих улыбок.

– Можешь свободно смотреть, – серьезно-приветливо сказал Жорка. – Я тебе могу даже кресло возле уборной поставить, сиди себе и смотри. И даже очень будет для тебя полезно, а то и на двор ходить не умеешь. Это все-таки хоть и маленькая квалификация, а знать каждому нужно.

Хоть и краснели куряжане, а не могли отказаться от смеха, держались друг за друга и пошатывались от удовольствия. Девочки пищали, отвернувшись к печке, и обижались на оратора. Только горьковцы деликатно сдерживали улыбку, с гордостью посматривая на Жорку.

Куряжане пересмеялись, и взоры их, направленные на Жорку, стали теплее и вместительнее, точно и на самом деле они выслушали от Жорки вполне приемлемую и полезную программу.

Я заметил, как стреляли глазами во все стороны многие живые морды, и это было для меня понятно: очень важное значение имеет программа в жизни человека. Даже самый

никчемный человечишка, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, оврагами, болотами и кочками, а пусть и самую скромную перспективу – дорожки или дороги с поворотами, мостиками, посадками и столбиками, – начинает и себя раскладывать по определенным этапикам, веселее смотрит вперед, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной: то – левая сторона, то правая, то – ближе к дороге, а то – дальше.

Мы сознательно рассчитывали на великое значение всякой перспективности, даже такой, в которой нет ни одного пряника, ни одного грамма сахара. Так именно и была составлена декларация комсомольской ячейки, которую, наконец, Жорка начал читать перед собранием. *Я считаю необходимым привести эту декларацию полностью, так как она чрезвычайно сжато излагает план нашей деятельности в Куряже:*

«Постановление ячейки ЛКСМ при колонии имени *Максима* Горького от

15 мая 1926 года

1. Считать все отряды старых горьковцев и новых в Куряже распущенными и организовать немедленно новые двадцать отрядов в таком составе… *(Приводится распределение всех колонистов по двадцати отрядам).*

2. Назначить командирами отрядов 1-го сапожников – Гуда
2-го коровников – Воскобойников
3-го портных – Горьковского
4-го электростанция и водопровод – Волохов
5-го девчат – Нат. Петренко
6-го девчат – Ольгу Ланову
7-го девчат – Елену Репину
8-го столяр. – Федоренко
9-го столяр. – Таранца
10-го столяр. – Митьку Жевелия
11-го столяр. (…)
12-го столяр. (…)
13-го свинарей – Тупицына
14-го кузнецов – Лешего
15-го хозяйственников – Д. Кудлатого
16-го слесарей (…)
17-го слесарей (…)
18-го слесарей – Ваню Зайченко
19-го слесарей (…)
20-го слесарей (…)

Секретарем совета командиров назначается товарищ Лапоть,

заведующим хозяйством – Денис Кудлатый и кладовщиком Алексей Волков.

3. Совету командиров предлагается провести в жизнь все намеченное в этом постановлении и сдать колонию в полном порядке представителям Наркомпроса и Окрисполкома в день первого снопа, который отпраздновать *торжественно в конце июля*.

4. Немедленно, то есть до вечера 17 мая, отобрать у воспитанников бывшей куряжской колонии всю их одежду и белье, все постельное белье, одеяла, матрацы, полотенца и прочее, не только казенное, но, у кого есть, и свое, сегодня же сдать в дезинфекцию, а потом в починку.

5. Всем воспитанникам выдать трусики и голошейки, сшитые девочками в старой колонии, а вторую смену выдать через неделю, когда первая будет отдана в стирку.

6. Всем воспитанникам, кроме девочек, остричься под машинку и получить немедленно бархатную тюбетейку.

7. Всем воспитанникам сегодня выкупаться, где кто может, а прачечную предоставить в распоряжение девочек.

8. Всем отрядам не спать в спальнях, а спать на дворе, под кустами или где кто может, там, где выберет командир, до тех пор, пока не будет закончен ремонт и оборудование новых спален в бывшей школе.

9. Спать на тех матрацах, одеялах и подушках, которые привезены старыми горьковцами, а сколько придется этого на отряд, делить без спора, много или мало, все равно.

10. Никаких жалоб и стонов, что не на чем спать, чтобы не было, а находить разумные выходы из положения.

11. Обедать в две смены целыми отрядами и из отряда в отряд не лазить.

12. Самое серьезное внимание обратить на чистоту.

13. До 1 августа мастерским не работать, кроме швейной, *а провести такие работы*:

Разобрать монастырскую стену и из кирпича строить свинарню на 300 свиней.

Покрасить везде полы, окна, двери, перила, кровати.

Полевые и огородные работы.

Отремонтировать всю мебель.

Произвести генеральную уборку двора и всего ската горы во все стороны, провести дорожки, устроить цветники и оранжерею.

Пошить всем колонистам хорошую пару костюмов и купить к зиме обувь, а летом ходить босиком.

Очистить пруд и купаться.

Насадить новый сад на южном склоне горы.

Приготовить станки, материалы и инструмент в мастерских для работы с августа».

Несмотря на свою внешнюю простоту, декларация *явилась сокрушительным и неожиданным ударом на куряжан*. Даже нас, ее авторов, она поражала жестокой определенностью и требовательностью действия. Кроме того, – это потом особенно отмечали куряжане – она вдруг показала всем, что наша бездеятельность перед приездом горьковцев прикрывала крепкие намерения и тайную подготовку, с пристальным учетом разных фактических явлений.

Комсомольцами замечательно были составлены новые отряды. Гений Жорки, Горьковского и Жевелия позволил им развести куряжан по отрядам с аптекарской точностью, принять во внимание узы дружбы и бездны ненависти, характеры, наклонности, стремления и уклонения. Недаром в течение двух недель передовой сводный ходил *между куряжанами. Во всяком случае Жорка мог ответить на любой вопрос, почему он того или другого мальчика зачислил в определенный отряд.*

С таким же добросовестным вниманием были распределены и горьковцы: сильные и слабые, энергичные и шляпы, суровые и веселые, люди настоящие, люди приблизительные *и шпана вроде Ужикова* – все нашли себе место в зависимости от разных соображений: *какой в отряде командир, кто с кем в дружбе, кто близок к выпуску, у кого какие производственные стремления.*

Даже для многих горьковцев решительные положения декларации были новостью; куряжане же встретили Жоркино чтение в полном ошеломлении. Во время чтения кое-кто еще тихонько спрашивал соседа о плохо расслышанном слове, кое-кто удивленно поднимался на носки и *с большим оживлением* оглядывался *на лица товарищей,* кто-то сказал даже: «Ого!» в самом сильном месте декларации, но, когда Жорка кончил, в зале стояла тишина, и в тишине этой тонким паром подымались еле заметные, *несмелые*, молчаливые вопросики: «Что делать? Куда броситься? Подчиниться, протестовать, бузить? Аплодировать, смеяться или крыть *матом*?»

Жорка скромно сложил листик бумаги *и кивнул Лаптю*. Лапоть иронически-внимательно провел по толпе своими припухлыми веками и ехидно растянул рот. *Постучал пальцем по груди:*

– Мне…

Тишина обратилась в гробовую, или абсолютную тишину.

– Мне… думаете это нравится? Скажите, пожалуйста, я старый горьковец, я имел свою кровать, *свою* постель, свое

одеяло, *свою спальню*? А теперь я должен спать под кустиком. А где этот кустик? Кудлатый, ты мой командир, скажи, где этот кустик?

– Я для тебя уже давно выбрал.

– На этом кустике хоть растет что-нибудь? Может, этот кустик с вишнями или яблоками? И хорошо б соловья… Там есть соловей, Кудлатый?

– Соловья пока нету, горобцы есть.

Лапоть недовольно сморщился:

– Горобцы? Мне лично горобцы мало подходят. Поют они бузово, и потом – неаккуратные. Хоть чижика какого-нибудь посади.

– Хорошо, посажу чижика! – хохочет Кудлатый *на алтарном возвышении*.

– Дальше… – Лапоть страдальчески оглянулся. – Наш отряд третий… Дай-ка список… Угу… Третий… Старых горьковцев раз, два, три… восемь. Значит, восемь одеял, восемь подушек и восемь матрацев, а хлопцев в отряде двадцать два. Мне это *(снова дурашливый палец Лаптя со смешной важностью тычется в грудь)* мало нравится. Кто тут есть? Ну, скажем, Стегний. Где тут у вас Стегний? Подыми руку. А ну, иди сюда! Иди, иди, не бойся!

На алтарное возвышение вылез со времен каменного века не мытый и не стриженный пацан, с головой, выгоревшей вконец, и с лицом, на котором румянец, загар и грязь давно обратились в сложнейшую композицию, успевшую уже покрыться трещинами. Стегний смущенно переступал на возвышении черными ногами и неловко скалил на толпу неповоротливые глаза и ярко-белые большие зубы.

– Так это я с тобой должен спать под одним одеялом? А скажи, ты ночью здорово брыкаешься?

Стегний пыхнул слюной, хотел вытереть рот кулаком, но застеснялся своего черного кулака и вытер рот бесконечным подолом полуистлевшей рубахи.

– Не…

– Так… Ну, а скажи, товарищ Стегний, что мы будем делать, если дождь пойдет?

Стегний охотно ответил:

– Тикать, ги-ги…

– Куда?

Стегний подумал и сказал:

– А хто его знае.

Лапоть озабоченно оглянулся на Дениса:

– Денис, куда тикатымем по случаю дождя?

Денис выдвинулся вперед и по-хохлацки хитро прищурился

на собрание:

– Не знаю, как другие товарищи командиры думают на этот счет, и в декларации, собственно говоря, в этом месте упущение. От же, я так скажу: если в случае дождь или там другое что – третьему отряду бояться нечего. Речка близко, поведу отряд в речку. Собственно говоря, если в речку залезть, так дождь ничего, а если еще нырнуть, ни одна капля не тронет. И не страшно, и для гигиены полезно.

Денис невинно взглянул на Лаптя и отошел в сторону, *а Лапоть печально опустил голову*:

– В речку? Вот видите, товарищи, какой с ними разговор, с командирами…

Лапоть вдруг рассердился и закричал на задремавшего в созерцании великих событий Стегния:

– Ты чув? Чи ни?

– Чув, – *показал зубы* Стегний.

– Ну, так смотри, спать вместе будем, на моем одеяле, черт с тобой. Только я раньше тебя выстираю в этой самой речке и срежу у тебя шерсть на голове. Понял?

– Та понял, – оскалился Стегний.

Собрание слушало представление Лаптя с широко открытыми ртами и влюбленными взглядами, но Лапоть *вдруг* сбросил с себя дурашливую маску и придвинулся ближе к краю помоста:

– Значит, все ясно?

– Ясно! – закричали в разных местах.

– Ну, раз ясно, будем говорить прямо: постановление это не очень, конечно, такое… *бархатное*. А надо все-таки принять нашим общим собранием, другого хода нет.

Он вдруг взмахнул рукой безнадежно и с неожиданной горькой слезой сказал:

– Голосуй, Жорка!

Собрание закатилось смехом. Жорка вытянул руку вперед:

– Голосовать нужно так: кто согласен с постановлением комсомольской ячейки, тот поднимет руку вверх. Поняли?

Лапоть снова вмешался в дело:

– Рука так подымается, смотрите. Вот она у тебя висит, как будто ей никакого дела нет. А если ты согласен с постановлением, ты на руку так посмотри и начинай ее поднимать. Поднимай, поднимай, аж пока тебя не пересчитают. Видишь?

– Да знаем, – закричали кое-где в клубе.

– Голосую, – сказал Жорка. – Поднимите руки, кто согласен?

Лес рук, вытянутых вверх по рецепту Лаптя, вырос над головами. Жорка начал считать.

Я внимательно пересмотрел ряды всей моей громады.

Голосовали все, в том числе и группа Короткова у входных дверей. Девочки подняли розовые ладони с торжественной нежностью и улыбались, склонив набок головы. Я *все-таки* был очень удивлен: почему голосовали коротковцы? Сам Коротков стоял, прислонившись к стене, и терпеливо держал *приподнятую* руку, спокойно рассматривая *красивыми* глазами нашу *группу* на сцене.

Торжественность этой минуты была *немного* нарушена появлением Борового. Он ввалился в зал в настроении чрезвычайно мажорном, споткнулся о двери, оглушительно рыкнул огромной гармошкой и заорал:

– А, хозяева приехали? Сейчас… постойте… туш сыграю, я знаю такой… туш.

Коротков опустил руку на плечо Борового и о чем-то засигналил ему *по-прежнему красивыми* глазами. Боровой задрал голову, открыл рот и затих, но гармошку продолжал держать с *таким фасоном, что* ежеминутно можно было ожидать самой настойчивой музыки.

Жорка объявил результаты голосования:

– За принятие предложения ячейки комсомола *триста пятьдесят четыре голоса*. Против – ни одного. Значит, будем считать, что принято единогласно.

Горьковцы, улыбаясь и переглядываясь, захлопали, куряжане с загоревшимся чувством подхватили эту непривычную для них форму выражения, и, может быть, первый раз со времени основания монастыря под его сводами раздались радостные легкие звуки аплодисментов человеческого коллектива. Малыши хлопали долго, отставляя пальцы. *Хлопали*, то задирая руки над головой, то перенося их к уху, хлопали до тех пор, пока *не поднял* руку Задоров.

Я не заметил, *откуда он взялся, – я потерял его еще на станции*. Видимо, он что-то привез с Рыжова, потому что и лицо и костюм его были измазаны белым. *Впрочем, он и теперь*, как и всегда, вызывал у меня ощущение незапятнанной чистоты и открытой простой радости. Он и сейчас прежде всего предложил вниманию собрания свою пленительную улыбку.

– Друзья, хочу сказать два слова. Вот что: я самый первый горьковец, самый старый и когда-то был самый плохой. Антон Семенович, наверное, это хорошо помнит. А теперь я уже студент первого курса *Харьковского* Технологического института. Поэтому слушайте: вы приняли сейчас хорошее постановление, замечательное, честное слово, только трудное ж, прямо нужно говорить, ой, и трудное ж!

Он завертел головой от трудности. В зале рассмеялись

любовно.

– Но все равно. Раз приняли – *конец*. Это нужно помнить. Может быть, кто подумает сейчас: принять можно, а там будет видно. Это не человек, нет, это хуже гада – это, понимаете, гадик. *Ко-нец! Вы думаете, это пустяк? Ого.* По нашему закону, если кто не выполняет постановления общего собрания – одна дорога: в двери, за ворота!

Задоров крепко сжал *белые* губы, поднял кулак над головой.

– Выгнать! – сказал резко, опуская кулак.

Толпа замерла, ожидая новых ужасов, но сквозь толпу уже пробирался Карабанов, тоже измазанный, только уже во что-то черное, и спросил в тишине удивления:

– Кого тут выгонять нужно? Я зараз!

– Это вообще, – пропел безмятежно Лапоть.

– Я могу и вообще и как угодно. А только, чего вы тут стоите и понадувалысь, як пип на ярмарку? *А?*

– Та мы ничего, – сказал кто-то.

– О так! Приехали, тай головы *повисылы*? Га? А музыка *дэ*?

– А есть, есть музыка, как же! – в восторге закричал Боровой и рявкнул гармошкой.

– О! И музыка! Давай круг! А ну, девчата, годи там биля печи греться, кто гопака? *А ну*, Наталко, серденько! *Дывись*, хлопцы, *яка* у нас Наталка!

Хлопцы с веселой готовностью уставились на лукаво-ясные очи Наташи Петренко, на ее косы и на косой зубик в зарумянившейся ее улыбке.

– Гопака, значит, заказуете, товарищ? – с изысканной улыбкой маэстро спросил Боровой и снова рявкнул гармошкой.

– *Ну, а тоби чего хочется?*

– Я могу и вальс, и падыпатынер, и дэспань, и все могу.

– Падыпатынер, папаша, потом, а зараз давай гопак.

Боровой снисходительно улыбнулся хореографической нетребовательности Карабанова, подумал, склонил голову и вдруг растянул свой инструмент и заиграл какой-то особенный, дробный и *подзадоривающий* танец. Карабанов размахнулся руками и с места в карьер бросился в стремительную, безоглядную присядку. Наташины ресницы вдруг *затрепетали* над вспыхнувшим лицом и опустились. Не глядя ни на кого, она неслышно отплыла от берега, чуть-*чуть* волнуя отглаженную в складках, парадно-скромную юбку. *Но* Семен ахнул об пол каблуком и пошел вокруг Наташи с нахальной улыбкой, рассыпая по всему клубу отборный частый перебор и выбрасывая во все стороны десятки ловких, разговорчивых ног. Наташа *неожиданно вздернула* ресницы и глянула на Семена тем особенным лучом,

который употребляется только *во время гопака* и который переводится на русский язык так: «Красивый ты, хлопче, и танцуешь хорошо, а только смотри, осторожнее!..»

Боровой прибавил *какого-то* перца в *своей* музыке, Семен прибавил *пару*, прибавила Наташа радости: уже и юбка у нее не чуть волнуется, а целыми хороводами складок и краев летает вокруг Наташиных ножек. Куряжане шире раздвинули круг, спешно вытерли носы рукавами, *крепче завинтили огоньки в глазах*, загалдели о чем-то. Дробь, и волны, и стремительность гопака пошли кругом по клубу, подымая к высокому потолку забористый ритм гармошки.

Тогда откуда-то из глубины толпы протянулись две руки, безжалостно раздвинули пацанью податливую икру, и Перец, избоченившись, стал над самым водоворотом танца, подергивая ногой и подмигивая Наталке. Милая, нежная Наташа гордо повела на Переца *кристальным, кокетливым огоньком*, перед самым его носом шевельнула вышитым чистеньким плечиком и вдруг улыбнулась ему просто и дружески, как товарищ, умно и понятливо, как *горьковец*, только что протянувший Перцу руку помощи.

Перец не выдержал этого взгляда. В бесконечном течении мгновения он тревожно оглянулся во все стороны, взорвал в себе какие-то башни и бастионы и, взлетев *на воздух*, хлопнул старой кепкой об пол и бросился *в пучину гопака*. Семен оскалил зубы, Наташа еще быстрее, качаясь, поплыла мимо носов куряжан. Перец танцевал что-то свое, дурашливо ухмыляющееся, издевательски остроумное и немножко блатное.

Я глянул. Затененные глаза Короткова серьезно прищурились, еле заметные тени пробежали с *красивого* лба на встревоженный рот. Он кашлянул, оглянулся, заметил мой внимательный взгляд и вдруг начал пробираться ко мне. Еще отделенный от меня какой-то фигурой, он протянул мне руку и сказал хрипло:

– Антон Семенович, *здравствуйте!* Я с вами сегодня еще не здоровался.

– Здравствуй, – улыбнулся я, разглядывая его глаза.

Он повернул лицо к танцу, заставил себя снова посмотреть на меня, вздернул голову и хотел сказать весело, но сказал по-прежнему хрипло:

– А здорово танцуют, сволочи!..

[9] Преображение

Около двух тысяч лет назад на такой же святой горе, как Куряж, Иисус Христос с двумя ассистентами организовал такой же фокус с переодеванием, как и мы в Куряже. Тогда несколько олухов, бесплатных зрителей этого фокуса, сидевших под горкой, придумали термин «преображение». У нас преображение сделано было квалифицированнее. Во-первых, в нашем преображении участвовали не три человека, а четыреста. Это очень важно. Во-вторых, мы прекрасно освоили технику преображения, в то время как наши палестинские предшественники не имели никакого понятия, как оно делается. Это именно упущение позволило на протяжении сотен лет и десятков поколений тысячам попов морочить головы сотням миллионов олухов, которые были настолько простодушны, что не требовали от батюшек даже повторения фокуса, а довольствовались простой и малохудожественной информацией. Беззастенчивые и нахальные батюшки, прекрасно понимая, насколько технически слабо обставлена вся эта операция, прибавили к ней освящение яблок. Доверчивые глупцы жадно ухватились за эту процедуру и потащили к храмам целые мешки этих плодов, не обращая внимания на очевидные белые нитки: между фокусом с переодеванием и освящением яблок невозможно найти ничего общего. И во время нашего фокуса присутствовали два-три глупца, но мы не пытались воспользоваться их доверчивостью и не содрали с них ни одного килограмма яблок.

Преображение началось немедленно после общего собрания и продолжалось часа три – срок для всякого преображения рекордный.

Когда Жорка махнул рукой в знак того, что собрание закрывается, в клубе начался *невообразимый* галдеж. Стоя на цыпочках, командиры орали во всю глотку, призывая *собираться к ним* членов своих отрядов. В клубе *сразу* возникло два десятка течений, и минут *десять* эти течения, сталкиваясь и пересекаясь, бурлили в старых стенах архиерейской церкви. По отдельным углам клуба, за печками, в нишах и *посредине* начались отрядные митинги, и каждый из них представлял *сгрудившуюся* грязно-серую толпу оборванцев, среди которых не спеша поворачивались белые плечи горьковцев.

Потом из дверей клуба повалили колонисты во двор и к спальням. Еще через пять минут и в клубе и во дворе стало тихо, и только отрядные меркурии[216], *не касаясь земли*, пролетали *с какими-то* срочными поручениями, трепеща крылышками на

ногах.

Я могу немного отдохнуть, *генеральное сражение, собственно говоря, было закончено.*

Я подошел к группе женщин на церковной паперти и с этого возвышения наблюдал дальнейшие события. Мне хотелось молчать и не хотелось ни о чем думать. Екатерина Григорьевна и Лидочка, радостные и успокоенные, слабо и лениво отбивались от каких-то вопросов товарища Зои. Брегель стояла у пыльной решетки паперти и говорила *возбужденной, раскрасневшейся* Гуляевой:

– Как же это можно. Именно сейчас воспитатели должны быть с ними. Там что угодно может произойти, а вы все здесь сидите.

Гуляева оглянулась на меня:

– Антон Семенович, *в самом деле!*

– Не нужно, – ответил я через силу.

Массивная серая фигура Брегель тяжело оттолкнулась от решетки и двинулась *ко мне*. Я за спиной сжал кулаки, но *Брегель* откуда-то из-за воротника вытащила кустарно сделанную *приветливую* улыбку и не спеша надела ее на лицо, как близорукие надевают очки. *Я хотел посоветовать ей раньше протереть эту улыбку чистым платком, ибо она показалась мне несколько запыленной, но от лени не посоветовал.*

– Товарищ Макаренко, только не злитесь. Все-таки объясните мне, почему не нужно, какую роль играют у вас воспитатели?

Мне не хотелось говорить и думать, я с трудом ответил:

– Он не играет роль надзирателя.

– Но вы знаете, что у вас сейчас делается в колонии? Может быть, там везде недоразумения, ссоры, какое-нибудь насилие.

– Нет, ничего такого нет.

– Вы знаете, что там делается?

– Знаю.

– Расскажите.

Для того чтобы рассказать, не нужно было думать.

– Пожалуйста. В спальнях ребята складывают кровати, вытряхивают солому из матрацев и подушек, связывают все это в узлы. В узлах – одеяла, простыни, старые и новые ботинки, все.

– Дальше.

– В каретном сарае Алешка Волков принимает все это барахло, записывает и направляет в дезкамеру.

– Здесь есть дезкамера?

– Нет. Пригласили из города. На колесах. Дезкамера работает на току, и распоряжается там Денис Кудлатый.

– Интересно, дальше.

– На противоположной паперти, с той стороны собора, Дмитрий Жевелий выдает командирам отрядов или их уполномоченным по списку новую одежду – трусики, белые рубахи и спецовки. Тюбетейки.

– Здесь выдает? Вы уверены?

– Конечно.

– Пойдемте посмотрим.

– Не надо. Не нужно мешать Жевелию. Он отвечает за свою работу.

– Я пойду посмотрю.

Я промолчал. Брегель, переваливаясь, спустилась с паперти. Я снова начал отдыхать и, оглянувшись, заметил тот прекрасный предмет, который издавна называется миром. Было около двух часов дня. На небе стояли неподвижно белые резервные облачка, на ступенях паперти сидела Гуляева – у нее нежная, красивая шея над белоснежным воротником блузки. По ту сторону пруда под солнцем нагревался соломенный лишайник села, а дальше прекрасное пространство земли с лесами, полями, дорогами, и еще дальше то же небо и те же белые, спокойные тучки, остановившиеся здесь по какому-то расписанию, впредь до распоряжения.

Опираясь на колени, на паперть поднялась Брегель. Из-за ее спины вдруг выпорхнул озабоченный Синенький и, протягивая свою трубу в сторону, заторопился:

– Сказал Таранец сигналить сбор командиров в столовой.

– Давай!

Синенький зашуршал невидимыми крылышками и перепорхнул к дверям столовой. Остановившись в дверях, он несколько раз проиграл короткий, из трех звуков сигнал.

Брегель внимательно рассмотрела Синенького и обернулась ко мне:

– В таком случае, почему этот мальчик все время спрашивает вашего разрешения давать… эти самые… сигналы? *Вы здесь кому-то не доверяли?*

– У нас есть правило: если сигнал дается вне расписания, меня должны поставить в известность. Я должен знать…

– Так. Это все, конечно… довольно организованно. Там у этого Жевелия целый магазин: ведра, тряпки, веники. Но у него их никто не получает…

– Значит, командиры еще не кончили подготовки… еще рано…

К столовой начали пробегать захлопотанные командиры.

– Для чего они собираются? – спросила Брегель, провожая пристальным взглядом каждого мальчика.

– Таранец будет распределять столы между отрядами. Столы

в столовой.

– Кто такой Таранец?

– Сегодняшний дежурный командир.

– Очередной дежурный?

– Да.

– Он часто дежурит?

– Приблизительно два раза в месяц.

Брегель возмущенно наморщила подбородок.

– Серьезно, товарищ Макаренко, вы, вероятно, просто шутите. Я прошу вас серьезно со мной говорить. Или я действительно ничего не понимаю. Как это так? Мальчик-дежурный распределяет столовую, а вы спокойно здесь стоите. Вы уверены, что Таранец ваш все это сделает правильно, никого не обидит? Наконец… он может просто ошибиться.

Гуляева снизу посмотрела на нас и улыбнулась. И я улыбнулся ей.

– Это, видите ли, не так трудно. Таранец – старый колонист. И, кроме того, у нас есть очень старый, очень хороший закон.

– Интересно. Закон…

– Да, закон. Такой: все приятное и все неприятное или трудное распределяется между отрядами по порядку их номеров.

– Как это? Что т-такое: не понимаю.

– Это очень просто. Сейчас первый отряд получает самое лучшее место в столовой, за ним второй и так далее.

– Хорошо. А «неприятное», что это такое?

– Бывает очень часто так называемое неприятное. Ну, вот, например, если сейчас нужно будет проделать какую-нибудь срочную внеплановую работу, то будет вызван первый отряд, за ним второй. Когда будут распределять уборку, первому отряду в первую очередь дадут чистить уборные. Это, конечно, относится к работам очередного типа.

– Это вы придумали такой ужасный закон?

– Нет, почему я? Это хлопцы. Для них так удобнее: ведь такие распределения делать очень трудно, всегда будут недовольные. А теперь это делается механически. Очередь передвигается через месяц.

– Так, значит, ваш двадцатый отряд будет чистить уборные только через двадцать месяцев?

– Конечно. Но и лучшее место в столовой он займет тоже через двадцать месяцев.

– Кошмар! Но ведь через двадцать месяцев в этом отряде будут уже новые дети. Ведь так же?

– Да, отряд значительно обновится. Но это ничего не значит. Вы же поймите. Отряд – это коллектив, у которого свои

традиции, история, заслуги, если хотите, слава. До нашего перехода сюда отряды просуществовали по пяти лет. Мы стараемся, чтобы отряд был длительным коллективом.

– Не понимаю. Все это какие-то выдумки. Все это знаете… несерьезно. Какое имеет значение отряд, слава, если там новые люди? Какое?!..

Глаза Брегель, выпуклые и круглые, смотрели на меня ошарашенно и строго, лоб наморщился, напряглись полные щеки.

Гуляева вдруг громко рассмеялась и, опираясь рукой на ступеньку, подняла к нам возбужденное мыслью лицо:

– Знаете, товарищи, я вас слушаю, и никак сначала не могла разобрать: ваша беседа что-то мне напоминает, а что, никак не вспомню. А сейчас вдруг вспомнила. Такая книга есть, наверное, читали. Написал Беллами[217], а называется «В царстве будущего» или в этом роде. Там что-то такое через сто лет или через двести. Помните? Кто-то спал, спал, проснулся – ничего не понимает. Ему все показывают, рассказывают, все новое и не такое!

Брегель крепко сжала губы, рассматривая красивую, воодушевленную головку Гуляевой.

– Это, выходит, я проснулась?

– Да… нет. Но так похоже. Антон Семенович будто провожает вас по новому миру и объясняет.

Я серьезно сказал Гуляевой:

– Для меня много чести будет быть проводником в новом мире. Но… я бы очень хотел… Новый мир до зарезу нужен.

Брегель рассердилась.

– Какой новый мир? Вот эти выдумки, да? Традиции двадцатого отряда? Это называется социалистическим воспитанием? На что это похоже? Для него дороги не люди, а какой-то… абстрактный двадцатый отряд. На что это похоже?

– Это похоже на Чапаевскую дивизию, – сказал я отчетливо и сухо.

– Что? На Чапаевскую дивизию?

– Да. Уже нет тех людей и нет Чапаева[218]… И новые люди. Но они несут на себе славу и честь Чапаева и его полков, понимаете или нет. Они отвечают за славу Чапаева… А если они опозорятся, через двадцать лет новые люди будут отвечать за их позор.

Брегель немного растерялась:

– Не понимаю, для чего это вам нужно?

– Это все, конечно… довольно… я все-таки скажу… атрибутно! Но это же только внешность. Вы этого не думаете?

Я начинал злиться. С какой стати они пристали ко мне

именно сегодня? И кроме того, чего они, собственно, хотят? Может быть, им жаль Куряжа?

– Ваши знамена, барабаны, салюты – все это ведь только внешне организует молодежь.

Я хотел сказать: «Отстань!» – но сказал немного вежливее:

– Вы представляете себе молодежь, или, скажем, ребенка в виде какой-то коробочки: есть внешность, упаковка, что ли, а есть внутренность – требуха. По вашему мнению, мы должны заниматься только требухой? Но ведь без упаковки вся эта драгоценная требуха рассыплется.

Брегель злым взглядом проводила пробежавшего к столовой Ветковского.

– Все-таки у вас очень похоже на кадетский корпус…

– Знаете что, Варвара Викторовна, – по возможности приветливо сказал я, – давайте прекратим. Нам очень трудно говорить с вами без…

– Без чего?

– Без переводчика.

– Переводчики найдутся, товарищ Макаренко.

– Подождем.

От ворот подошел первый отряд, и его командир Гуд, быстро оглядев паперть, спросил громко:

– Так ты говоришь, через эту дверь не ходят, Устименко?

Один из куряжан, смуглый мальчик лет пятнадцати, протянул руку к дверям:

– Нет, нет… Говорю тебе верно. Никто не ходит. Они всегда заперты. Ходят на те двери и на те двери, а на эти не ходят, верно тебе говорю.

– У них там в середине шкафы стоят. Свечи и всякое… – сказал кто-то сзади.

Гуд вбежал на паперть, повертелся на ней, засмеялся:

– Так чего нам нужно? Ого! Тут шикарно будет. На чертей им такое шикарное крыльцо? И навес есть, если дождь… А только твердо будет. Чи не очень твердо?

Карпинский, старый горьковец и старый сапожник отряда Гуда, весело присмотрелся к каменным плитам паперти:

– Ничего не твердо: у нас шесть тюфяков и шесть одеял. А может, еще что-нибудь найдем.

– Правильно, – сказал Гуд.

Он повернулся лицом к пруду и объяснил:

– Чтобы все знали: это крыльцо занято первым отрядом. И никаких разговоров! Антон Семенович, вы свидетель.

– Добре!

– Значит, приступайте… кто тут?.. Стой!

Гуд вытащил из кармана список:

– Слива и Хлебченко, какие вы будете, покажитесь.

Хлебченко – маленький, худенький, бледный. Черные прямые волосы растут у него почему-то не вверх, а вперед, а нос в черных крапинках. Грязная рубаха у него до колен, а оторванная кромка рубахи спускается еще ниже. Он улыбается неумело и оглядывается. Гуд критически его рассматривает и переводит глаза на Сливу. Слива такой же худой, бледный и оборванный, как и Хлебченко, но отличается от него высоким ростом. На тонкой-претонкой шее сидит у него торчком узкая голова, и поражают полные румяные губы. Слива улыбается страдальчески и посматривает на угол паперти.

– Черт его знает, – говорит Гуд, – чем вас тут кормят? Чего вы все такие худые… как собаки. Отряд откормить нужно, Антон Семенович! Какой же это отряд? Разве может быть такой первый отряд? Не может! Пищи у нас хватит? Ну а как же! Лопать умеете?

В отряде смеются. Гуд еще раз недоверчиво проводит взглядом по лицам Сливы и Хлебченко и говорит нежно:

– Слушайте, голубчики, Слива и Хлебченко. Сейчас это крыльцо нужно начисто вымыть. Понимаете, чем нужно мыть? Водой. А куда воду наливать? В ведро. Карпинский, быстро, на носках: получи у Митьки наше ведро и тряпку! И веник! Умеете мыть?

Слива и Хлебченко кивают. Гуд поворачивается к нам, *галантно* стаскивает с головы тюбетейку и отводит руку далеко в сторону:

– Просим извинить, дорогие товарищи: территория занята первым отрядом, и ничего не поделаешь. На том основании, что здесь будет генеральная уборка, я вам покажу хорошее место, там есть и скамейки. А здесь – первый отряд.

Первый отряд с восхищением следит за этой галантерейной процедурой. Я благодарю Гуда за хорошее место и скамейки и отказываюсь.

Прибежал, гремя ведром, Карпинский. Гуд отдал последние распоряжения и махнул весело рукой:

– А теперь стричься, бриться!

Спускаясь с паперти, Брегель *сурово*, молчаливо-внимательно следит, как ее собственные ноги ступают по ступеням. *И она и Зоя надоели мне с самого утра, и* мне страшно хочется, чтобы они уехали. У той самой паперти, где работает магазин Жевелия и где уже стоит очередь отрядных уполномоченных и группки их помощников и носильщиков накладывают на плечи синие стопки трусиков и белые стопки рубах, звенят ведрами, зажимают под

мышками коричневые коробки с мылом, стоит и фиат окрисполкома. Сонный, скучный шофер с тоской поглядывает на Брегель.

Мы идем к воротам и молчим. Я не знаю, куда нужно идти. Если бы я был один, я улегся бы на травке возле соборной стены и продолжал бы рассматривать мир и его прекрасные детали. До конца нашей операции остается еще больше часа, тогда меня снова захватят дела. Одним словом, я хорошо понимаю тоскливые взгляды шофера.

Но из ворот выходит оживленно-говорливая, смеющаяся группа, и на душе у меня снова радостно. Это восьмой отряд, потому что впереди его я вижу прекрасной лепки фигуру Федоренко, потому что здесь Корыто, Нечитайло, Олег Огнев. Мои глаза с невольным недоумением упираются в совершенно новые фигуры, противоестественно несущие на себе привычные для меня *признаки* горьковцев – *синие трусики и белые сорочки*. Наконец я начинаю соображать: здесь все бывшие куряжане. Это и есть то самое преображение, на организацию которого мы истратили две недели. Свежие, вымытые лица, еще не потерявшие складок бархатные тюбетейки на свежеостриженных головах мальчиков. И самое главное, самое приятное: *веселые и доверчивые взгляды*, только что зародившаяся грация чисто одетого, освободившегося от вшей человека.

Федоренко со свойственной ему величественно-замедленной манерой отступает в сторону и говорит, округленно располагая солидные баритонные слова:

– Антон Семенович, можете принять восьмой отряд Федоренко в полном, как полагается, порядке.

Рядом с ним Олег Огнев растягивает длинные, интеллигентно чуткие губы и сдержанно кланяется в мою сторону.

– Крещение сих народов совершилось и при моем посильном участии. Отметьте *это в вашей душе* на случай каких-нибудь моих не столь удачных действий.

Я дружески сжимаю плечи Олега, и делаю это потому, что мне непростительно хочется его расцеловать и расцеловать Федоренко и всех остальных моих *молодых*, моих *великолепных* пацанов. Трудно мне что-нибудь отмечать сейчас в своей душе. *Душа моя полна образами, торжественными хоралами и танцевальными ритмами.* Я еле успеваю поймать что-нибудь за хвостик, как это пойманное исчезает в толпе, и что-нибудь новое кричит, привлекая мое внимание. «Крещение и преображение, – по дороге соображаю я, – все какие-то религиозные штуки». Но улыбающееся лицо Короткова мгновенно затирает и эту

оригинальную схему. Да, ведь я сам настоял на зачислении Короткова в восьмой отряд. На лету поймав мою остановку на Короткове, гениальный Федоренко обнимает его за плечи и говорит, чуть-чуть вздрагивая зрачками серых глаз:

– Хорошего колониста дали нам в отряд, Антон Семенович. Я уже с ним поговорил. Хороший командир будет по прошествии некоторого времени.

Коротков серьезно смотрит мне в глаза и говорит приветливо:

– Я хочу потом с вами поговорить, хорошо?

Федоренко весело-иронически всматривается в лицо Короткова:

– Какой ты чудак! Зачем тебе говорить! Говорить не надо. Для чего это говорить?

Коротков тоже внимательно приглядывается к хитрому Федоренко:

– Видишь… у меня особое дело…

– Никакого у тебя особенного дела нет. Глупости!

– Я хочу, чтобы меня… тоже можно было под арест… сажать.

Федоренко хохочет:

– О, чего захотел!.. Скоро, брат, захотел!.. Это надо получить звание колониста, – видишь, значок! А тебя еще нельзя под арест. Тебе скажи: под арест, а ты скажешь: «За что? Я не виноват».

– А если и на самом деле не виноват?

– Вот видишь, ты этого дела и не понимаешь. Ты думаешь: я не виноват, так это такое важное дело. А когда будешь колонистом, тогда другое будешь понимать, как бы это сказать?.. Значит, важное дело – дисциплина, а виноват ты или, там, не виноват это – по-настоящему не такое важное дело. Правда ж, Антон Семенович?

Я кивнул Федоренко. Брегель рассматривала нас, как уродцев в банке, и ее щеки начинали принимать бульдожьи формы. Я поспешил отвлечь ее внимание от неприятных вещей:

– А это что за компания? Кто же это?

– А это тот пацан… – говорит Федоренко. – Боевой такой. Говорят, побили его крепко.

– Верно, это восемнадцатый отряд Зайченко, – узнаю и я.

– Кто его побил? – спрашивает Брегель.

– Избили ночью… здешние, конечно.

– За что? Почему вы не сообщили? Давно?

– Варвара Викторовна, – сказал я сурово, – здесь, в Куряже, на протяжении ряда лет издевались над ребятами. Поскольку это мало вас интересовало, я имел основание думать, что и этот случай недостоин вашего внимания… тем более что я заинтересовался им лично.

Брегель мою суровую речь поняла как приглашение уезжать. Она сказала сухо:

– До свидания.

И направилась к машине, из которой уже выглядывала голова товарища Зои.

Я вздохнул свободно. Я пошел навстречу восемнадцатому отряду Вани Зайченко.

Ваня вел отряд *с открытой торжественностью*. Мы восемнадцатый отряд нарочно составили из одних куряжан; это придавало отряду и Ваньке блеск особого значения. Ванька это понял. Федоренко громко расхохотался:

– Ах ты, шкеты такие!..

Восемнадцатый отряд приближался к нам, щеголяя военной выправкой. Двадцать пацанов шли по четыре в ряд, держали ногу и даже руками размахивали *по-строевому*. *Неизвестно было*, когда это Зайченко успел добиться такой милитаризации, *наверно, на реке репетировали*. Я решил поддержать военный дух *славного* восемнадцатого отряда и приложил руку к козырьку фуражки *и крикнул*:

– Здравствуйте, товарищи!

Но восемнадцатый отряд не был готов к такому *сложному* маневру. Ребята загалдели как попало, и Ваня обиженно махнул рукой:

– Вот еще… граки!

Федоренко в восторге хлопнул себя по коленям:

– Смотри ты, уже научился!

Чтобы как-нибудь разрешить положение, я сказал:

– Вольно, восемнадцатый отряд! Расскажите, как купались…

Петр Маликов улыбнулся светло *и радужно*:

– Купались? Хорошо купались. Правда ж, Тимка?

Одарюк отвернулся и сказал кому-то в плечо сдержанно:

– С мылом…

Ванька поднялся на цыпочки, оглядел всех командирским взглядом и сказал строго:

– Теперь каждый день с мылом будем. У нас завхоз Одарюк, видите?

Он показал на *жестяную* коробку в руках Одарюка.

– Два куска сегодня мыла вымазали: аж два куска! Ну, так это для первого дня только. А потом меньше. А вот у нас какой вопрос, понимаете… Конечно, мы не пищим… Правда ж, мы не пищим? – обратился он к своим.

– Ах, ты, чертовы пацаны! – восхитился Федоренко.

– Не пищим! Нет, мы не пищим! – крикнули пацаны.

Ваня несколько раз обернулся во все стороны:

– А только вопрос такой, понимаете?

– Хорошо. Я понимаю: вы не пищите, а только задаете вопрос.

Ваня вытянул губы и напружинил глаза:

– Вот-вот. Задаем вопрос: в других отрядах есть старые горьковцы, хоть три, хоть пять. Так же? А у нас нету. Нету, и все!

Когда Ваня произносил слово «нету», он повышал голос до писка и делал восхитительное движение вытянутым пальцем от правого уха в сторону.

– *А значит…*

В Ванькиных глазах заиграли зайчики, он вдруг звонко засмеялся:

– Одеял нету! Нету, и все! И тюфяков. Ни одного! Нету!

Ваня еще веселее захохотал, засмеялись *радостно* и члены восемнадцатого *и восьмого отрядов*.

Я написал командиру восемнадцатого записку к Алешке Волкову: немедленно выдать шесть одеял и шесть матрацев.

По дороге к речке началось большое движение. Отряды колонистов заходили по ней, как на маневрах. *К речке шли темные, бесформенные группы, от речки приходили, показывая талии и сияя на солнце белыми рубахами.*

За конюшней, среди зарослей бурьяна, расположились четыре парикмахера, привезенные из города еще утром. Куряжская корка по частям отваливалась с организмов куряжан, подтверждая мою постоянную точку зрения: куряжане оказались обыкновенными мальчиками, оживленными, говорливыми и вообще «радостным народом»[219], – *Пушкин в свое время хорошо разобрался в мальчишеской сущности. Какая жалость, что в настоящее время в ней не разбираются многие «высококвалифицированные» умы. В этот день мне то и дело приходила в голову кощунственная мысль: если самого выдержанного моралиста освободить от денег, пиджака, галстука, семьи, квартиры, в течение месяца продержать в Куряже в качестве воспитанника, не брить и не стричь, раза два отколотить, раза три поиздеваться, честное слово, какие интересные наблюдения можно было бы после этого производить над выдержанным моралистом!*

У меня только на короткий миг пробегали сомнения: радуются новой одежде, может быть, завтра потащат ее на базар. Но немедленно на эту гадкую мысль набегали целые отряды молодых бодрых мыслишек: потащить на базар трусики и сорочку – небольшой доход, а в чем остаться? Кроме того, я видел, с какой искренней радостью осматривают хлопцы свой новый костюм, с каким неожиданным кокетством расправляют складки рубах, вертят в руках тюбетейки. Остроумный Алешка Волков, разобравшись в бесконечной ярмарке всяких вещей,

расставленных вокруг собора, прежде всего вытащил на поверхность единственное наше трюмо, и его в первую очередь приладили два пацана на *алтарном* возвышении. И возле трюмо сразу образовалась толпа желающих увидеть свое отражение в мире и полюбоваться им. *Кстати, нужно сказать*, среди куряжан нашлось очень много красивых ребят, да и остальные должны были похорошеть в самом непродолжительном времени, ибо красота есть функция труда и питания.

У девочек было особенно радостно. Горьковские девчата привезли для куряжских девчат специально для них сшитые роскошные наряды: синяя сатиновая юбочка, заложенная в крупную складку, хорошей ткани белая блузка, голубые носки и так называемые балетки. Кудлатый разрешил девичьим отрядам затащить в спальню швейные машины, и там началась обыкновенная женская вакханалия: перешивка, примерка, прилаживание. Куряжскую прачечную на сегодняшний день мы отдали в полное распоряжение девчат. Я встретил Перца и сказал ему строго:

– Переоденься в спецовку и нагрей девчатам котел в прачечной. Только, пожалуйста, без волынки: одна нога здесь, другая там.

Перец вытянул ко мне поцарапанное свое лицо, ткнул себя в грудь и спросил:

– Это… чтобы я нагрел девчатам воды?

– Да.

Перец выпятил живот, надул щеки и заорал на весь монастырь, козыряя рукой, как обыкновенно козыряют военные:

– Есть нагреть воды!

Вышло это у него достаточно нескладно, но энергично. Но после такого парада Перец вдруг загрустил:

– Так… А где ж я возьму спецовку? Наш девятый отряд еще не получил…

Я сказал Перцу:

– Детка! Может быть, нужно взять тебя за ручку и повести переодеть? И, кроме того, скажи, сколько еще времени ты будешь здесь болтать языком?

Окружающие нас ребята захохотали. Перец завертел башкой и закричал уже без всякой парадности:

– Сделаю!.. Сделаю, будьте покойны!

И убежал.

Лапоть снова трубил совет командиров, на этот раз на паперти собора, где уже устроил свою спальню отряд Гуда.

Стоя на паперти, Лапоть сказал:

– Командиры, усаживаться не будем, на минутку только.

Пожалуйста, сегодня же растолкуйте пацанам, как нужно носы вытирать. Что это такое, ходят по всему двору, «сякаются»! Потом другое: *за обедом, чтобы мясо резали ножом, а не рвали, как собаки прямо зубами, и* насчет уборной скажите, – говорил же Жорка на собрании. И дальше: Алешка ведь уже поставил сорные ящики, *надо все ненужное в ящики бросать, а не куда попало*.

– Да ты не спеши, раньше вон всякую гадость прибрать нужно, какие там ящики! – улыбнулся Ветковский.

Лапоть надул губы.

– Как ты, Костя, не понимаешь, одно дело – прибрать, а другое – аккуратно чтоб. Раз он будет знать, что нельзя бросать, так он и уберет охотно, а зачем ему убирать, если завтра опять набросают?.. А еще путешественник.

– Да это я так, – смутился Костя.

– Да не забудьте, чтобы все знали. Наше правило, на пол не плевать. Все знаете правило?

– Да знаем.

– Повторить хором.

Лапоть задирижировал рукой, и смеющиеся командиры *шутливо-басовитыми голосами* устроили хоровую декламацию:

– «Раз плюнешь – три дня моешь!»

Ротозеи-пацаны из куряжан, внимавшие совету командиров со священным трепетом новоиспеченных масонов, ойкнули и прикрыли рты ладонями. Лапоть распустил совет, а пацаны понесли новый лозунг по временным отрядным логовам. Донесли его и до Халабуды, который неожиданно для меня вылез из коровника, в соломе, в пыли, в каких-то кормовых налетах, и забасил:

– Чертовы бабы, бросили меня, теперь пешком на станцию. Да. Раз плюнешь – три дня моешь! Здорово!.. Витька, пожалей старика, ты здесь лошадиный хозяин, запряги какую клячонку, отвези на станцию.

Витька оглянулся на маститого Антона Братченко, а Антон тоже мог похвастаться басом:

– Какую там клячонку? Запряги Молодца в кабриолет, отвези старика, он сегодня сам Зорьку вычистил. Давайте вас теперь вычистим.

Ко мне подошел взволнованный Таранец в повязке дежурного:

– Там… агрономы какие-то живут… Отказались очистить спальни и говорят: никаких нам не нужно отрядов, *сами будем отрядом*.

– У них, кажется, чисто?

– Был сейчас у них. Осмотрел кровати и так… барахло на

вешалке. Вшей много. И клопов.

– Пойдем.

В комнате агрономов был полный беспорядок: видно, давно уже не убиралось. Воскобойников, назначенный командиром второго отряда коровников, и еще двое, зачисленных в его отряд, подчинились постановлению, сдали свои вещи в дезинфекцию и ушли, оставив в агрономическом гнезде зияющие дыры, брошенные обрывки и куски ликвидированной оседлости. В комнате было несколько человек. Они встретили меня угрюмо. Но и я и они знали, на чьей стороне победа, вопрос мог стоять только о форме их капитуляции.

Я спросил:

– Не желаете подчиниться постановлению общего собрания?

Молчание.

– Вы были на собрании?

Молчание. Таранец ответил:

– Не были.

– У вас было достаточно времени думать и решать… *Сейчас здесь колония имени Горького.* Кем вы себя считаете: колонистами или квартирантами?

Молчание.

– Если вы квартиранты, я могу вам разрешить жить в этой комнате не больше десяти дней. Кормить не буду.

– А кто нас будет кормить? – сказал Сватко.

Таранец улыбнулся:

– Вот чудаки!

– *Это меня не интересует. Кто хочет, пусть кормит, – сказал я.* – Я не буду.

– И сегодня обедать не дадите?

– Нет.

– Вы имеете право?

– Имею.

– А если мы будем работать?

– Здесь будут работать только колонисты.

– Мы будем колонистами, только будем жить в этой комнате.

– Нет. *Кто не знает дисциплины, тот не колонист.*

– Так что ж нам делать?

Я достал часы:

– Пять минут можете подумать. Скажите дежурному ваше решение.

– Есть! – сказал Таранец.

Через полчаса я снова проходил мимо флигеля агрономов. Алешка Волков запирал дверь флигеля на замок. Таранец торчал тут ex officio.

– Выбрались?

– Ого! – засмеялся Таранец. – *Еще как!*

– Они все в разных отрядах, *да?*

– Да, по одному в разных отрядах.

– *Здорово! Выбрались!*

Через полтора часа за парадными столами, накрытыми белыми скатертями, в неузнаваемой столовой, которую передовой сводный еще до зари буквально вылизал, украсив ветками и ромашками, и где, согласно диспозиции, немедленно по прибытии с вокзала Алешка Волков повесил портреты Ленина, Сталина, Ворошилова[220] и Горького, а Шелапутин с Тоськой растянули под потолками лозунги и приветствия, между которыми неожиданным торчком становилось в голове у зрителя:

НЕ ПИЩАТЬ!

состоялся торжественный обед.

Подавленные, вконец деморализованные куряжане, все остриженные, вымытые, все в белых новых рубахах, вставлены в тоненькие изящные рамки из горьковцев и выскочить из рамок уже не могут. Они тихонько сидят у столов, сложив руки на коленях, и с глубоким уважением смотрят на горки хлеба на блюдах и хрустально-прозрачные графины с водой.

Девочки в белых фартучках, Жевелий, Шелапутин и Белухин в белых халатах, передвигаясь бесшумно, переговариваясь шепотом, поправляют последние ряды вилок и ножей, что-то добавляют, для кого-то освобождают место. Куряжане подчиняются им расслабленно, как больные в санатории, и Белухин поддерживает их, как больных, осторожно.

Я стою на свободном пространстве, у портретов, и вижу до конца весь оазис столовой, неожиданным чудом выросший среди испачканной монастырской пустыни. *Мне улыбаются одними глазами милые наши, прелестные женщины Е. Г., Л. П. и Гуляева, гениально поместившиеся в самых далеких углах, между самыми забытыми фигурами.* В столовой стоит поражающая слух тишина, но на румянце щек, на блеске глаз, на неловкой грации смущения она отражается, как успокоенная *радость*, как таинство рождения чего-то нового, *чего-то прекрасного*.

Так же бесшумно, почти незамеченные, в двери входят один за другим трубачи и барабанщики и, тихонько оглядываясь, озабоченно краснея, выравниваются у стены. Только теперь увидели их все, и все неотрывно привязались к ним взглядом, позабыв об обеде, *о непривычной чистоте столов. В своей душе я ощущаю сложную тонкую машину, от которой проведены невидимые провода к глазам, к мозгам, к мускулам и нервам, к совести, к классовому чутью всех этих четырехсот колонистов.*

Одним только прикосновением к той или иной кнопке я разрешаю и создаю целые страницы переживаний у этих маленьких людей. Я ощущаю в себе неизмеримое могущество и рядом с ним ощущаю что-то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей, во все стороны, то, что является основанием и моего могущества – СССР. Все это я ощущаю в духовной тесноте и в духовном просторе и в тот же самый момент отмечаю направленный на меня взгляд Веры Березовской. Я думаю: «Да, вот Вера… Надо с ней сегодня же поговорить, как она себя чувствует… очень важно». И о другом думаю. Передо мной, как живая, встает красивая талия тонкого сукна вицмундира, ослепительно-элегантный пластрон[221]*, синий покрой бархатного воротника и серебряная звездочка в петлице статского советника, а над всем этим выхоленное лицо, мешки под глазами и порожние холостые глаза, смотрящие на меня не потому, что я человек, и не потому, что я работник, а только «на основании существующих законоположений и вследствие занимаемой мною должности». Какая волнующая разница между тогдашней моей позой чинуши и сегодняшним моим творческим простором!*

И четыреста праздничных детей, государственных детей, собранных в этой столовой, таких еще сырых и диких, сколько несут в себе высокопринципиальных различий от моих давних учеников, не испивших в своем детстве ключевых бурлящих нарзанов коллектива! Даже самое слово это в то время не существовало.

Таранец показался в дверях:

– Под знамя встать! Смирно!

Горьковцы привычно вытянулись. Ошарашенные командой куряжане еле успели оглянуться и упереться руками в доски столов, чтобы встать, как были вторично ошарашены громом нашего *примитивного оркестра. Целые очереди движений – естественных, подражательных и движений неуверенности – затолпились у дверей их сознания и насилу… навели в этих очередях сносный порядок.*

Таранец ввел наше знамя, уже без чехла, уверенно играющее бодрыми складками алого шелка. Знамя замерло у портретов, сразу придав нашей столовой выражение нарядной советской торжественности.

– Садитесь.

Я сказал колонистам короткую речь, в которой не *напоминал* уже им ни о работе, ни о дисциплине, в которой не призывал их ни к чему и не сомневался ни в чем. Я только поздравил их с новой жизнью и высказал уверенность, что эта жизнь будет прекрасна, как только может быть прекрасна человеческая жизнь.

Я сказал колонистам:

– Мы будем красиво жить, и радостно, и разумно, потому что мы люди, потому что у нас есть головы на плечах и потому что мы так хотим. А кто нам может помешать? Нет тех людей, которые могли бы отнять у нас наш труд и наш заработок. Нет в нашем Союзе таких людей. А посмотрите, какие люди есть вокруг нас? Смотрите, среди вас целый день сегодня был старый рабочий, партизан товарищ Халабуда. Он с вами перекатывал поезд, разгружал вагоны, чистил лошадей. Посчитать трудно, сколько хороших людей, больших людей, наших вождей, наших большевиков думают о нас и хотят нам помочь. Вот я сейчас прочитаю вам два письма. Вы увидите, что мы не одиноки, вы увидите, что вас любят, о вас заботятся.

Письмо Максима Горького председателю Харьковского исполкома *тов. Гаврилину*.

Разрешите от души благодарить Вас за внимание и помощь, оказанные Вами колонии имени Горького.

Хотя я знаком с колонией только по переписке с ребятами и заведующим, но мне кажется, что колония заслуживает серьезнейшего внимания и деятельной помощи.

В среде беспризорных детей преступность все возрастает и наряду с превосходнейшими здоровыми всходами растет и много уродливого. Будем надеяться, что работа таких колоний, как та, которой Вы помогли, покажет пути к борьбе с уродствами, выработает из плохого хорошее, как она уже научилась это делать.

Крепко жму Вашу руку, товарищ. Желаю здоровья, душевной бодрости и хороших успехов в вашей трудной работе.

М. Горький

Ответ Харьковского исполкома Максиму Горькому

Дорогой товарищ! Президиум Харьковского окрисполкома просит Вас принять глубокую благодарность за внимание, оказанное Вами детской колонии, носящей Ваше имя.

Вопросы борьбы с детской беспризорностью и детскими правонарушениями привлекают к себе наше особенное внимание и побуждают нас принимать самые серьезные меры к воспитанию и приспособлению их к здоровой трудовой жизни.

Конечно, задача эта трудна, она не может быть выполнена в короткий срок, но к ее разрешению мы уже подошли вплотную.

Президиум исполкома убежден, что работа колонии в новых условиях прекрасно наладится, что в ближайшее же время эта

работа будет расширена и что общим дружным усилием ее положение будет на той высоте, на которой должна стоять колония Вашего имени.

Позвольте, дорогой товарищ, от всей души пожелать Вам побольше сил и здоровья для дальнейшей благотворной деятельности, для дальнейших трудов.

Читая эти письма, я через верхний край бумаги поглядывал на ребят. Они слушали меня, и душа их, *бросив без присмотра все другие части и дела*, вся целиком столпилась в глазах, удивленных и обрадованных, но в то же время не способных обнять всю таинственность и широту нового мира. Многие привстали за столом и, опершись на локти, приблизили ко мне свои лица. Рабфаковцы, стоя у стены, улыбались мечтательно, девочки начинали уже вытирать глаза, и на них потихоньку оглядывались мужественные пацаны, *кое-как ликвидируя волнение в расстроенных носах*. За правым столом сидел Коротков и думал, нахмурив красивые брови. Ховрах, *запустив пятерню в рыжую шевелюру*, смотрел в окно, страдальчески поджав щеки.

Я кончил. Пробежали за столами первые волны движений и слов, но Карабанов поднял руку:

– Знаете что? Что ж тут говорить? Тут… черт его знает… тут спивать надо, а не говорить. А давайте мы двинем… знаете, только так, по-настоящему… «Интернационал».

Хлопцы закричали, засмеялись, но я видел, как многие из куряжан смутились и притихли, – я догадался, что они не знали слов «Интернационала».

Лапоть влез на скамью:

– Ну! Девчата, забирайте звонче!

Он взмахнул рукой, и мы запели.

Может быть, потому, что каждая строчка «Интернационала»[222] сейчас так близка была к нашей сегодняшней куряжской жизни, пели мы наш гимн весело и улыбаясь. Хлопцы косили глазами на Лаптя и невольно подражали его живой, горячей мимике, в которой Лапоть умел отразить все человеческие идеи. А когда мы пели:

Чуеш, сурмы загралы,
Час разплаты настав…

Лапоть выразительно показал на наших трубачей, вливающих в наше пение серебряные голоса корнетов.

Кончили петь. Матвей Белухин махнул белым платком и зазвенел по направлению к кухонному окну:

– Подавать гусей-лебедей, мед-пиво, водку-закуску и

мороженое по полной тарелке!

Ребята громко засмеялись, глядя на Матвея возбужденными глазами, и Белухин ответил им, осклабясь в шутке, сдержанно расставленным тенором:

– Водки, закуски не привезли, дорогие товарищи, а мороженое есть, честное слово! А сейчас лопайте борщ!

По столовой пошли хорошие дружеские улыбки. Следя за ними, я неожиданно увидел *широко* открытые глаза Джуринской. Она стояла в дверях столовой, и из-за ее плеча выглядывала улыбающаяся физиономия Юрьева. Я поспешил к ним.

Джуринская рассеянно подала мне руку, будучи не в силах оторваться от линий остриженных голов, белых плеч и дружеских улыбок.

– Что это такое? Антон Семенович… Постойте!.. Да нет! – У нее задрожали губы:

– Это все ваши? А эти… где? Да рассказывайте, что здесь у вас происходит?

– Происходит? Черт его знает, что здесь происходит… Кажется, это называется преображением. А впрочем… это все наши.

[10] У подошвы Олимпа

Май и июнь в Куряже были нестерпимо наполнены работой. Я не хочу сейчас об этой работе *рассказывать как о некоторой форме счастья. Тенденция рассматривать труд только как приятное переживание, только как блаженство и горный полет существует преимущественно у людей, которые сидят за письменными столами, но ничего не пишут и ни о чем даже не думают, а только разговаривают.*

Спасибо профессору Павлову[223]*, в настоящее время появилась надежда, что скоро механизмы этих людей будут изучены и всем станет ясно, что ничего особенно хитрого в этих механизмах нет. У собаки, если ей показать мясо, происходит слюнотечение. У этих людей в таком же самом порядке происходит словотечение, как только им показывают некоторые определенные предметы: студента педагогического вуза или техникума, заведующего колонией или детским домом, карточку беспризорного или даже простой лист бумаги, испещренный письменами какими угодно, но чтобы сверху было написано что-либо определенное, заранее обусловленное для возбуждения словотечения, привычное. Если, скажем, сверху будет написано: «Основные принципы организации детского коллектива» или «Ребенок и общественно полезный труд», то словотечение обязательно будет наблюдаться в очень сильной степени. Замечено при этом, что в словотечении участвуют не все слова русского языка, а только некоторые, при этом связанные в определенные комплексы, и таких комплексов немного. До сих пор, например, никому еще не удавалось наблюдать в этих комплексах таких, казалось бы, общеупотребительных слов, как «целесообразность», «выгода», «разумно», «польза», «своевременность»; совершенно не участвуют слова «мера», «килограмм», «метр», «сантиметр», «минута», «секунда», «сутки», вообще названия единиц измерения; очень редко можно встретить слова «план», «отчет», «контроль ответственности», «уголовная ответственность».*

Зато, если уже вытекло слово «труд», то за ним обязательно вытекут и слова: «радостный», «коллективный», «преобразующий», «наслаждение», «удовлетворение», «личность», «интерес», «творчество», «инициатива».

Как уже было сказано, словотечение наблюдается при показывании определенных предметов. Показывание каких угодно других предметов не вызывает словотечения. Например, сколько угодно можно показывать исследуемому лицу его собственного ребенка, исследуемое лицо в этом случае ничем не будет

отличаться от других людей. Живой беспризорный также не вызывает рефлекса словотечения, в этом случае исследуемое лицо обычно произносит слово «милиционер» или два слова «караул, грабят».

Если к работе или к труду подходить трезво, то необходимо признать, что много есть работ тяжелых, неприятных, неинтересных, многие работы требуют большого терпения, привычки преодолевать болевые угнетающие ощущения в организме; очень многие работы только потому и возможны, что человек привык страдать и терпеть.

Если у этого человека есть семья, которую нужно кормить, если его работа сопровождается заработком, человеку легче заставить свои мускулы работать, преодолевая и боль и усталость, иногда и отвращение. Если человек принадлежит к коллективу, интересы которого зависят от его работы и работы других членов коллектива, в этом случае преодоление мускульного сопротивления совершается не так легко, ибо эффект этого сопротивления кажется не столь решающим.

А что можно сказать о детях, у которых нет семьи, труд которых не сопровождается заработком, а представление о коллективе находится в эмбриологическом состоянии? При помощи каких институтов в этом случае преодолевается тяжесть труда, его физическая непривлекательность? Будущая настоящая педагогика когда-нибудь, может быть даже очень скоро, разработает этот вопрос, разберет механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нем воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как все это конструируется с деталями чистого сознания, убежденности разума.

Преодолевать тяжесть труда, его физическую непривлекательность люди научились давно, но мотивации этого преодоления нас теперь не всегда удовлетворяют. Снисходя к слабости человеческой природы, мы терпим и теперь некоторые мотивы личного удовлетворения, мотивы собственного благополучия, но мы неизменно стремимся воспитывать широкие мотивации коллективного интереса. Однако многие проблемы в области этого вопроса очень запутанны, и в Куряже приходилось решать их почти без помощи со стороны.

Когда-нибудь настоящая педагогика разработает этот вопрос, разберет механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нем воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как все это комбинируется с явлениями чистого сознания, убежденности, разума. Мой опыт, между прочим, решительно утверждает, что расстояние между

элементами чистого сознания и прямыми мускульными расходами довольно значительно и что совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов.

Первые месяцы в Куряже для меня были полны крупных и мелких задач в области именно этой проблемы. Я сам находился в положении довольно трудном. Предыдущая работа в колонии имени М. Горького была построена на иных математических отношениях. В начале колонии, совершенно безоружный педагогически, я разрешил задачу организации человеческого усилия при помощи крайнего волевого давления, в самых простых его формах – в формах насилия. В дальнейшем мне повезло. Колония росла в количестве колонистов очень медленно, вновь прибывающие ее члены составляли ничтожную часть целого, и я мог спокойно допустить очень постепенное и длительное освоение новичков, уверенно ожидая того момента, когда сложнейшая система внутриколлективных мотиваций окончательно захватит новичка и вооружит его многими приспособлениями и привычками, необходимыми в борьбе с мускульным сопротивлением.

В Куряже я оказался в ином положении. В день приезда горьковцев в Куряже очень счастливо был *решен* вопрос о сознании. Куряжская толпа была в течение одного дня приведена к уверенности, что приехавшие отряды привезли ей лучшую жизнь, что *впервые* к куряжанам прибыли люди с опытом и помощью, что нужно идти дальше с этими людьми. Здесь решающими не были даже соображения выгоды, здесь *было*, конечно, *прежде всего* коллективное внушение, здесь решали не расчеты, а глаза, уши, голоса и смех. Все же в результате этого дня куряжане безоглядно захотели стать членами горьковского коллектива, хотя бы уже и потому, что это был коллектив, еще не испробованная сладость в их жизни.

Но я приобрел на свою сторону только сознание куряжан, а этого было страшно мало. На другой же день это обнаружилось во всей своей сложности. Еще с вечера были составлены сводные отряды на разные работы, намеченные в декларации комсомола, почти ко всем сводным были прикреплены воспитатели или старшие горьковцы, настроение у куряжан с самого утра было прекрасное, и все-таки к обеду выяснилось, что работают очень плохо. После обеда многие уже не вышли на работу, где-то попрятались, часть по привычке потянулась в город и на Рыжов.

Я сам обошел все сводные отряды – картина была везде одинакова. Вкрапления горьковцев казались везде очень незначительными, преобладание куряжан бросалось в глаза, и нужно было опасаться, что начнет преобладать и стиль их работы,

тем более что среди горьковцев было очень много новеньких, да и некоторые старики, растворившись в куряжской пресной жидкости, грозили просто исчезнуть как активная сила.

Взяться за внешние дисциплинарные меры, которые так выразительно и красиво действуют в сложившемся коллективе, было опасно. Нарушителей было очень много, возиться с ними было делом сложным, требующим много времени, и неэффективным, ибо всякая мера взыскания только тогда производит полезное действие, когда она выталкивает человека из общих рядов и поддерживается несомненным приговором общественного мнения. Кроме того, внешние меры слабее всего действуют в области организации мускульного усилия.

Менее опытный человек утешил бы себя такими соображениями: ребята не привыкли к трудовому усилию, не имеют «ухватки», не умеют работать, у них нет привычки равняться по трудовому усилию товарищей, нет той трудовой гордости, которая всегда отличает коллективиста; все это не может сложиться в один день, для этого нужно время. К сожалению, я не мог ухватиться за такое утешение. В этом пункте давал себя знать уже известный мне закон: в педагогическом явлении нет простых зависимостей, здесь менее всего возможна силлогистическая формула, дедуктивный короткий бросок.

В майских условиях Куряжа постепенное и медленное развитие трудового усилия грозило выработать общий стиль работы, выраженный в самых средних формах, и ликвидировать быструю и точную ухватку горьковцев.

Область стиля и тона всегда игнорировалась педагогической «теорией», а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания. Стиль – самая нежная и скоропортящаяся штука. За ним нужно ухаживать, ежедневно следить, он требует такой же придирчивой заботы, как цветник. Стиль создается очень медленно, потому что он немыслим без накопления традиций, то есть положений и привычек, принимаемых уже не чистым сознанием, а сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени! Неудача многих детских учреждений происходила оттого, что у них не выработалось стиля и не сложились привычки и традиции, а если они и начинали складываться, переменные инспектора наробразов регулярно разрушали их, побуждаемые к этому, впрочем, самыми похвальными соображениями. Благодаря этому соцвосовские «ребенки» всегда жили без единого намека на какую бы то ни было преемственность – не только «вековую», но даже и годовалую.

Побежденное сознание куряжан позволяло мне стать в более близкие и доверчивые отношения к ребятам. Но этого было мало. Для настоящей победы от меня требовалась теперь педагогическая техника. В области этой техники я был так же одинок, как и в 1920 году, хотя уже не был так юмористически неграмотен. Одиночество это было одиночеством в особом смысле. И в воспитательском, и в ребячьем коллективе у меня уже были солидные кадры помощников, *я бы сказал – хороших педагогических техников*; располагая ими, я мог смело идти на самые сложные операции. Но все это было на земле.

На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического «Олимпа»[224], всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью, *и в области образования там забавлялись и играли действительно как боги, т. е. без присмотра, без ответственности и без практических соображений, играли в комплекс.*

Развивая работу в колонии, я сейчас не мог быть так естественно безоглядным, как раньше, ибо тучи клубились над самой моей головой и из них то и дело гремели громы и сверкали молнии.

Уже и раньше на меня косо смотрели с «небес», но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих светил, да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооруженным глазом, и спрятаться от них со всей своей техникой я был не в состоянии.

Боги были разные – партийные и беспартийные. Впоследствии оказалось, что почти все они состоят в близком родстве с некоторыми земнородными, – Троцким[225]*, Петлюрой*[226]*, Ефремовым*[227]*, но в то время они умели казаться непогрешимыми.*

Трудно сказать, отражалось ли указанное родство на педагогических доктринах богов? Для этого нужно специальное исследование. Я тогда квалифицировал программу «Олимпа» как довольно хитро составленную композицию из революционной терминологии, толстовства, кусочков анархизма, совершенно нематериальных остатков эсеровского «хождения в народ», барской высокомерной благотворительности и интеллигентского обычного «вяканья». Все это каким-то снадобьем склеивалось вместе, я долго не мог разобрать, что это за снадобье, а потом-таки догадался: это было обыкновенное христианство, не какой-нибудь там дезинфицированный, очищенный экстракт, не какая-нибудь паутинка из его этических волокон, вообще не «неохристианство», а обыкновенное бабское православие, с любовью к ближнему, с воскрешением Лазаря, с нечистой силой и со всеми десятью

заповедями.

«Олимп», например, запрещал мне вовсе начислять воспитанникам зарплату и даже выдавать небольшие карманные деньги. При этом, захватив меня на этом грехе, олимпийцы в ужасе круглили глаза, тайно крестились и очерчивали себя кругом. В Москве в то время сидел известный проповедник и…

Между мною и «Олимпом» не было ни одной общей точки, а разговор о педагогической технике иногда даже не начинался, ибо, как только я произносил «те»… меня бросали в котел с горячей святой водой, и начиналась длительная и очень неприятная для меня процедура изгнания беса. На Олимпе ребенок рассматривался как существо, наполненное особого состава *тонким паром*, название которому даже не успели придумать. Впрочем, это была все та же старомодная душа, над которой упражнялись еще апостолы.

Предполагалось, что *душа эта обладает* способностью саморазвиваться, *стоит только создать для нее благоприятные условия. О том, какие именно условия должны быть созданы, существовало целое учение, довольно многословное, но* в сущности повторяющее изречения Руссо:

«Относитесь к детству с благоговением…»

«Бойтесь помешать природе…»

Учение это отличалось чисто сектантской припадочной верой в то, что только в таком случае из души вырастет настоящая коммунистическая личность. Насколько все это неряшливо делалось, можно судить из того, что никому в голову не приходило составить список признаков настоящей коммунистической личности и проверить, вырастает такая личность или не вырастает.

На самом деле в условиях чистой природы вырастало только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян, но это никого не смущало – для небожителей были дороги принципы и идеи. Мои указания на практическое несоответствие получаемого бурьяна заданным проектам коммунистической личности называли делячеством, а если хотели подчеркнуть мою настоящую сущность, говорили:

– Макаренко – хороший практик, но в теории он разбирается очень слабо.

Между тем я всегда честно старался разобраться в теории, но с первых ее строчек у меня немедленно разжижались мозги, и я не знал даже, как квалифицировать всю эту теорию: бред сумасшедшего, сознательное вредительство, гомерическая, дьявольская насмешка над всем нашим обществом или простая биологическая тупость. Я не мог понять, как это так случилось,

что огромной практической важности вопрос о воспитании миллионов детей, то есть миллионов будущих и при этом советских рабочих, инженеров, военных, агрономов, решается при помощи простого, темного кликушества и при этом на глазах у всех.

Главные бои с «Олимпом» происходили, конечно, по вопросу о дисциплине. Базой так называемой теории в этом вопросе у моих противников были два слова, часто встречающихся у Ленина: «сознательная дисциплина»[228].

Для всякого здравомыслящего человека в этих словах заключается простая, понятная и практически необходимая мысль: дисциплина должна сопровождаться пониманием ее необходимости, полезности, обязательности, ее классового значения. *Нет, оказывается, это делячество. «Сознательная дисциплина» – это значит: дисциплина должна вырастать из чистого сознания, из голой интеллектуальной убежденности, из пара души, из идей. Надо сообщить человеку эти идеи, то есть попросту рассказать о них, и пар его души немедленно, по свойственным ему химико-физическим качествам, начнет так действовать, что не успеешь оглянуться, уже вырос дисциплинированный человек. Настоящее воскрешение Лазаря. Некоторые пошли еще дальше и не рекомендовали даже много разговаривать, разговоры – это уже вмешательство взрослых, это натаскивание и почти насилие.*

В течение нескольких лет, подробно анализируя всякие воображения и пути, ведущие к освобождению личности от всех неприятностей дисциплинирования, деятели «Олимпа» наконец пришли к заключению, что дисциплина, даже «сознательная», не подходит для паркетной чистоты их принципов, а нужна «самодисциплина». Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни было организация детей, а нужна «самоорганизация». На самой верхушке «Олимпа» сидел такой Шульгин[229]*. Ему удалось воспользоваться недосмотром наборщиков и выпустить книжку под названием «Основы социального воспитания». Эта книжка на протяжении ряда лет для таких работников, как я, сделалась чем-то, напоминающим дыбу графа Толстого в застенках так называемой тайной канцелярии Петра Великого*[230] *и его преемников. Опираясь на нее, провинциальные небожители действительно жилы выматывали из всякого человека, заподозренного в том, что он практический работник. Насколько неудобно было для нас мучиться на этой штуке, может показать любая страница этого изуверского приспособления. В главе о самоуправлении Шульгин достигал вершин кровожадности, и никакой Дмитрий Толстой*[231] *не может сравниться с ним в*

утонченных приемах пытки. Шульгин не признавал детского самоуправления, если в его организации участвовали воспитатели, и такое самоуправление называл шкрабьим. Для того чтобы самоуправление было настоящим по принципу «самоорганизации» и «самодисциплины», он требовал, чтобы оно обязательно проходило стадию подполья.

Привязанный к дыбе, с вывернутыми руками, я понимал Шульгина только до приведенного места. Что было дальше, то я не могу более полно изложить всю эту теорию, могу только догадываться. Вероятно, для детской колонии нужно было подбирать персонал, состоящий из отъявленных мерзавцев, чтобы действительно «подполье» возникало. Эти мерзавцы само собою должны были давить «подполье», преследуя его участников. Чем все это могло кончиться и какая награда полагалась таким мерзавцам за наиболее боевое подполье, я так и не знаю, вообще в теории разбираюсь слабо. В такой же мере, несмотря на неоднократное колесование, я обнаружил полную неспособность и в других частях теории. «Нельзя хулигана удалить из класса, а нужно бороться с условиями, создающими хулиганство». Замученный до потери сознания, я уже не хотел даже спорить и сопротивляться и соглашался бороться с условиями, создающими хулиганство, но в простоте душевной полагал, что одним из таких условий является проповедь Шульгина, и, таким образом, снова оказывалось, что в теории я разбираюсь слабо.

А в глубине души я был убежден, что мне нужна не теория, а техника, что теория мне известна и что она очень проста. Надо воспитать человека, способного быть активным деятелем революционного нашего общества. Вот и вся теория. Мало-мальски грамотный человек сумеет эту короткую формулу разложить и уточнить. И ни для кого не секрет, каким быть должен этот воспитанный человек. Любой наш рабочий без затруднений ответит на любой вопрос об этом человеке.

Он должен быть грамотным? Он должен быть смелым? Коллективистом? Шкурником? Честным? Он должен ощущать свою принадлежность к классу? Должно быть для него сознание пролетарского долга?..

Для кого эти вопросы могут составить затруднения?

Следовательно, затруднения не в вопросе, что нужно сделать, а как сделать.

А это вопрос педагогической техники. *Я хочу особенно нажать на это место.* Техника – *это то, что* можно вывести только из опыта. Законы резания металлов не могли бы быть выведенными, если бы в опыте человечества никто никогда металлов не резал. *И стружка дерева не могла бы привести к*

фуговальному станку, если бы не было обыкновенного стругалика.

Только тогда, когда есть технический опыт, *возможно приложение к нему математики*, возможны изобретение, усовершенствование, отбор и браковка.

Наше педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди, *а в последнее время даже не моральной, а абстрактно-психологической*. Это особенно заметно в области собственно воспитания, в школьной работе как-то легче.

Именно потому у нас просто отсутствуют все важнейшие отделы производства: технологический процесс, учет операций, конструкторская работа, применение кондукторов и приспособлений, нормирование, контроль, допуски и браковка.

Когда подобные слова я несмело произносил у подошвы «Олимпа», боги швыряли в меня кирпичами и кричали, что это механическая теория[232].

А я, чем больше думал, тем больше находил сходства между процессами воспитания и обычными процессами на материальном производстве, и никакой особенно страшной механистичности в этом сходстве не было. Человеческая личность в моем представлении продолжала оставаться человеческой личностью со всей ее сложностью, богатством и красотой, но мне казалось, что именно поэтому к ней нужно подходить с более точными измерителями, с большей ответственностью и с большей наукой, а не в порядке простого темного кликушества. Очень глубокая аналогия между производством и воспитанием не только не оскорбляла моего представления о человеке, но, напротив, заражала меня особенным уважением к нему, потому что нельзя относиться без уважения и к хорошей сложной машине.

Во всяком случае, для меня было ясно, что очень многие детали в человеческой личности и в человеческом поведении можно было сделать на прессах, просто штамповать в стандартном порядке, но для этого нужна особенно тонкая работа самих штампов, требующих скрупулезной осторожности и точности. Другие детали требовали, напротив, индивидуальной обработки в руках высококвалифицированного мастера, человека с золотыми руками и острым глазом. Для многих деталей необходимы были сложные специальные приспособления, требующие большой изобретательности и полета человеческого гения. А для всех деталей и для всей работы воспитателя нужна особая наука. Почему в технических вузах мы изучаем сопротивление материалов, а в педагогических не изучаем сопротивление личности, когда ее начинают воспитывать? А ведь

для всех не секрет, что такое сопротивление имеет место. Почему, наконец, у нас нет отдела контроля, который мог бы сказать разным педагогическим портачам:

– У вас, голубчики, девяносто процентов брака. У вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебока и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалованья.

Почему у нас нет никакой науки о сырье и никто толком не знает, что из этого материала следует делать – коробку спичек или аэроплан?

С вершин олимпийских кабинетов не различают никаких деталей и частей работы. Оттуда видно только безбрежное море безликого детства, а в самом кабинете стоит модель абстрактного ребенка, сделанная из самых легких материалов: идей, печатной бумаги, маниловской мечты[233]. Когда люди «Олимпа» приезжают ко мне в колонию, у них не открываются глаза и живой коллектив ребят им не кажется новым обстоятельством, вызывающим прежде всего техническую заботу. А я, провожая их по колонии, уже поднятый на дыбу теоретических соприкосновений с ними, не могу отделаться от какого-нибудь технического пустяка.

В спальне четвертого отряда сегодня не помыли полов, потому что ведро для мытья полов куда-то исчезло. *В этом случае меня беспокоит, конечно, не столько местонахождение материальной субстанции ведра, сколько* техника его исчезновения. Ведра выдаются в отряды под ответственность помощника командира, который устанавливает очередь уборки, а следовательно, и очередь ответственности. Вот эта именно штука – ответственность за уборку, и за ведро, и за тряпку – есть для меня технологический момент.

Эта штука подобна самому захудалому, старому, без фирмы и года выпуска, токарному станку на заводе. Такие станки всегда помещаются в дальнем углу цеха, на самом замасленном участке пола и называются «козами». На них производится разная детальная шпана: шайбы, крепежные части, прокладки, какие-нибудь болтики. И все-таки когда такая «коза» начинает заедать, по заводу пробегает еле заметная рябь беспокойства, в сборном цехе нечаянно заводится «условный выпуск», на складских полках появляется досадная горка неприятной продукции – «некомплект».

Ответственность за ведро и тряпку для меня такой же токарный станок, пусть и последний в ряду, но на нем обтачиваются крепежные части для важнейшего человеческого атрибута: чувства ответственности. Без этого атрибута не может

быть никакого коммунистического человека, будет «некомплект».

Олимпийцы презирают технику. Благодаря их *многолетнему* владычеству давно захирела в наших педвузах педагогически-техническая мысль, в особенности в деле собственно воспитания.

Вся моя работа и работа педагогического персонала в течение всего рабочего дня, месяца, года есть работа, прежде всего, техническая. Именно за эту работу меня всегда презирали олимпийцы и считали ее делячеством.

Во всей нашей советской жизни нет более жалкого технического состояния, чем в области воспитания. И поэтому до самого последнего дня воспитательное дело есть дело кустарное, а из кустарных производств – самое отсталое, *даже производство кваса в техническом отношении стоит выше*. Именно поэтому до сих пор действительной остается жалоба Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»:

«Нет хуже служить по ученой части, всякий мешается, всякий хочет показать, что он тоже умный человек».

И это не шутка, не гиперболический трюк, а простая прозаическая правда. «Кому ума недоставало»[234] решать любые воспитательные вопросы? Стоит человеку залезть за письменный стол, и он уже вещает, связывает и развязывает. Какой книжкой можно его обуздать? Зачем книжка, раз у него у самого есть ребенок? А в это время профессор педагогики, специалист по вопросам воспитания, пишет записку в ГПУ или НКВД, *товарищу Броневому или товарищу Осовскому*[235]:

«Мой мальчик несколько раз меня обкрадывал, дома не ночует, обращаюсь к вам с горячей просьбой…»

Спрашивается, почему чекисты должны быть более высокими педагогическими техниками, чем профессора педагогики?

На этот захватывающий вопрос я ответил не скоро, а тогда, в 1926 году, я со своей техникой был не в лучшем положении, чем Галилей со своей трубой. Передо мной стоял короткий выбор: или провал в Куряже, или провал на «Олимпе» и изгнание из рая. Я выбрал последнее. Рай блистал над моей головой, переливаясь всеми цветами теории, но я вышел к сводному отряду куряжан и сказал хлопцам:

– Ну, ребята, работа ваша дрянь… Возьмусь за вас сегодня на собрании. К чертям собачьим с такой работой!

Хлопцы покраснели, и один из них, повыше ростом, ткнул сапкой в моем направлении и обиженно прогудел:

– Так сапки тупые… Смотрите…

– Брешешь, – сказал ему Тоська Соловьев, – брешешь. Признайся, что сбрехал. Признайся…

– А что, острая?

– А что, ты не сидел на меже целый час? Не сидел?

– Слушайте, – сказал я сводному. – Вы должны к ужину закончить этот участок. Если не закончите, будем работать после ужина. И я буду с вами.

– Та кончим, – запел владелец тупой сапки. – Что ж тут кончать?

Тоська засмеялся:

– Ну и хитрый!..

В этом месте оснований для печали не было: если люди отлынивают от работы, но стараются придумать хорошие причины для своего отлынивания, это значит, что они проявляют творчество и инициативу – вещи, имеющие большую цену на «олимпийском» базаре. Моей технике оставалось только притушить это творчество, и все, зато я с удовлетворением мог отметить, что демонстративных отказов от работы почти не было. Некоторые потихоньку прятались, смывались куда-нибудь, но эти смущали меня меньше всего: для них была всегда наготове своеобразная техника у пацанов. Где бы ни гулял прогульщик, а обедать волей-неволей приходил к столу своего отряда. *За этим столом он и принуждаем был переживать все техническое неудобство отлынивания.* Куряжане, *правда*, встречали его сравнительно безмятежно, иногда только спрашивали наивным голосом:

– Разве ты не убежал с колонии?

У горьковцев были языки и руки впечатлительнее. Прогульщик подходит к столу и старается сделать вид, что человек он обыкновенный и не заслуживает особенного внимания, но командир каждому должен воздать по заслугам. Командир строго говорит какому-нибудь Кольке:

– Колька, что же ты сидишь? Разве ты не видишь? Криворучко пришел, скорее место очисти! Тарелку ему чистую! Да какую ты ложку даешь, какую ложку?!

Ложка исчезает в кухонном окне.

– Наливай ему самого жирного!.. Самого жирного!.. Петька, сбегай к повару, принеси хорошую ложку! Скорее! Степка, отрежь ему хлеба… Да что ты режешь? Это граки едят такими скибками, ему тоненькую нужно… *Панычи не могут*… Да где же Петька с ложкой?.. Петька, скорее там! Ванька, позови Петьку с ложкой!..

Криворучко сидит перед полной тарелкой действительно жирного борща и краснеет прямо в центр борщевой поверхности. Из-за соседнего стола кто-нибудь солидно спрашивает:

– Тринадцатый, что, гостя поймали?

– Пришли, как же, пришли, обедать будут… Петька, давай же ложк у, некогда!..

Дурашливо захлопотанный Петька врывается в столовую и протягивает обыкновенную колонийскую ложку, держит ее в двух руках парадно, как подношение. Командир свирепеет:

– Какую ты ложку принес?! Тебе какую сказали? Принеси самую большую…

Петька изображает оторопелую поспешность, как угорелый мечется по столовой и тычется в окна вместо дверей. В столовой начинается сложная мистерия, в которой принимают участие даже кухонные люди. Кое у кого сейчас *притихает* дыхание, потому что и они, собственно говоря, случайно не сделались предметом такого же горячего гостеприимства. Петька снова влетает в столовую, держа в руках какой-нибудь саженный дуршлаг или огромный кухонный половник. Столовая покатывается со смеху. *Но гость уже переполнен чувствами, и ложка едва ли ему пригодится. Тогда начинается второй акт драмы, самый сердцещипательный и ужасный.* Из-за своего стола медленно вылезает Лапоть и подходит к месту происшествия. Он молча разглядывает всех участников мелодрамы и строго посматривает на командира. Потом его строгое лицо на глазах у всех принимает окраски растроганной жалости и сострадания, то есть тех именно чувств, на которые Лапоть заведомо для всех неспособен. Столовая замирает в ожидании самой высокой и тонкой игры артистов! Лапоть орудует нежнейшими оттенками фальцета и кладет руку на голову Криворучко:

– Детка, кушай, детка, не бойся… *Что же такое?* Зачем издеваетесь над мальчиком? А? *Товарищ командир, отсидишь полчаса под домашним за такое дело…* Кушай, детка… – Что, ложки нет? Ах, какое свинство, дайте ему какую-нибудь… Да вот эту, что ли…

Но детка не может кушать. Она ревет на всю столовую и вылезает из-за стола, оставляя нетронутой тарелку самого жирного борща. Лапоть *молча* рассматривает страдальца, и по *его* лицу видно, как тяжело и глубоко умеет переживать *Лапоть*.

– Это как же? – чуть не со слезами говорит Лапоть. – Что же, ты и обедать не будешь? Вот до чего довели человека!

Лапоть оглядывается на хлопцев и беззвучно хохочет. Он обнимает плечи Криворучко, вздрагивающие в рыданиях, и нежно выводит его из столовой. Публика заливается хохотом. Но есть и последний акт мелодрамы, который публика видеть не может. Лапоть привел гостя на кухню, усадил за широкий кухонный стол и приказал повару подать и накормить «этого человека» как

можно лучше, потому что «его, понимаете, обижают». И когда еще всхлипывающий Криворучко доел борщ и у него находится достаточно *свободы*, чтобы заняться носом и слезами, *и другими остатками волнения*, Лапоть наносит последний тихонький удар, от которого даже Иуда Искариотский обратился бы в голубя:

– Чего это они на тебя? Наверное, на работу не вышел? Да?

Криворучко кивает, икает, вздыхает и вообще больше сигнализирует, чем говорит.

– Вот чудаки!.. Ну, что ты скажешь!.. Да ведь ты последний раз? Последний раз, правда? Так чего ж тут въедаться? Мало ли что бывает? Я, как пришел в колонию, так семь дней на работу не ходил… А ты только два дня. А дай, я посмотрю твои мускулы… Ого!.. Конечно, с такими мускулами надо работать… Правда ж?

Криворучко снова кивает и принимается за кашу. Лапоть уходит в столовую, оставляя Криворучко неожиданный комплимент:

– Я сразу увидел, что ты свой парень…

Достаточно было одной-двух подобных мистерий, чтобы уход из рабочего отряда сделался делом невозможным.

Гораздо распространеннее были легальные причины: плохая сапка, не знал, куда назначили, ходил на перевязку. В этом методе неожиданно оказался большим специалистом Ховрах. Уже на второй день у него начались солнечные удары, и он со стонами залезал под кусты и укладывался отдыхать.

Хлопцы еще могли прощать трудовые слабости пацанам, но простить Ховраху, против которого и так накипело, они не могли. Я тоже собирался с Ховрахом поступить строго, но меня предупредил в разговоре Таранец:

– Не нужно прижимать, мы сами сделаем.

Ховрах работал в самом большом сводном отряде на посадке картофеля. Сводный отряд работал под лесом у самого края поля. В жаркое, застойное утро из сводного отряда прибежал ко мне пацан и шепнул:

– Таранец зовет, говорит, солнечный удар произошел…

Я отправился к отряду. Человек двадцать ребят рассыпались по всему полю, еле-еле успевая за несколькими плугами, Таранец подошел ко мне:

– Лежит бедный Ховрах. Пойдемте.

Ховрах лежал на опушке леса и стонал. Я и раньше знал, что он симулирует, и теперь еще раз уверился в этом, взяв его пульс. Но Ховрах закрывал глаза и вообще валял дурака. Таранец с презрением смотрел на него:

– Значит, ты болен?

– Ты, может, не веришь?

– Как не верю? Верю, еще и как… Сейчас тебе поможем…

Ховрах, у которого были все основания не сомневаться в изобретательности Таранца, поднялся на локте, но было уже поздно. От колонии полной рысью летел Молодец, а за его крупом прыгал на каком-то странном экипаже сам Антон Братченко. Высоко над экипажем реял в небе белый флаг с красным крестом, да и весь экипаж, представлявший из себя высокий деревянный ящик, поставленный на линейку, был испещрен красными крестами на белом фоне. В ящике сидели не меньше полдесятка хлопцев, и все они были в халатах, и все были украшены красными крестами. Кузьма Леший был только без спасательной формы, но зато он держал в руке целый кузнечный мех и еще издали направлял его в Ховраха. Увидев все это дьявольское приспособление, Ховрах вскочил на ноги и бросился в лес, но он выпустил из виду, что имел дело с Таранцом. В лесу Ховрах сразу уперся на его подручных. Сам Федоренко положил Ховраха на землю, а Кузьма Леший мгновенно *установил* против больного свой мех, и несколько человек *заработали им* с искренним увлечением. Они *обдули* Ховраха во всех местах, где *предполагали* притаившийся солнечный удар, и *поволокли* к карете «*скорой помощи». Я насилу остановил их рвение и просил отпустить Ховраха на работу.*

– Так куда ж ему работать? – серьезно сказал Таранец, – больной же человек, разве не видно.

Карета медленно, шагом двинулась в колонию, а у сводного отряда утроились силы, любят пацаны такие штуки.

Так же медленно Ховраха провезли по колонии и сгрузили перед больничкой. Затем вызвали фельдшерицу и предъявили ей больного. Старенькая наша Елена Михайловна повозилась с Ховрахом три минуты и только открыла рот для того, чтобы выразить удивление, как Ховрах сам сказал диагноз:

– Да чего там… Отпустите, хлопцы…

– А побежишь бегом в поле? – спросил Таранец.

– Бегом? Аж туда, на картошку?..

– Ну да, на картошку…

– Так жарко ж, хлопцы… Бегом бегать… Та ну его к черту…

– Ну, тогда едем в город…

– Чего в город?

– А в больницу?

– Та бросьте, хлопцы… Честное слово…

– Повезем.

– Ну хорошо… Так далеко ж…

– Дрянь, – сказал Таранец. – Ты знаешь, сколько ты вреда делаешь. На тебя пацаны смотрят… Марш на работу…

Ховрах поплелся к сводному. Никто не подгонял его бежать,

потому что и так лучи его былой славы были безжалостно сломаны.

Таким и другими способами ребята уничтожали всякие легальные поводы для лени, но оставалась еще самая страшная лень, бесповодная, отравлявшая само рабочее движение. Здесь борьба была гораздо труднее потому, что все решительно двести восемьдесят человек работать не привыкли и работали кое-как.

Мускульные привычки у куряжан приходили очень медленно, но еще меньше развивались психические установки труда, вот то самое желание сделать как можно скорее и как можно лучше, которое только и нужно, чтобы человечество было счастливо… Горьковцы были замечательными техниками в области индивидуальной обработки, но в этой сфере требовались широкозадуманные и глубокие операции.

Я и приступил к ним с первого дня.

И тогда и теперь, после моей пятнадцатилетней работы во главе нового детского коллектива, в области организации трудового усилия я считаю, что решающим методом является не метод, направленный прямо на личность…

Есть два метода в области организации трудового усилия. Первый из них заключается в прямом воздействии на личность при помощи регулярного воздействия на ее материальные интересы. Но такой способ мне был запрещен еще со времен «конкуренции» сводных отрядов Федоренко и Корыта. Несмотря на мои частные представления, также решительно запрещались мне самые невинные виды зарплаты. Как только дело доходило до самого незначительного количества рублей, которые можно было выдать воспитанникам либо в виде зарплаты, либо в виде карманных денег, пропорциональных производительности труда, на «Олимпе» поднимался настоящий скандал. Эти небесные существа были глубоко убеждены, что деньги от дьявола, одно только представление о детской колонии, в которой дети получают и тратят деньги, доводило их до самых глубоких обмороков. И в самом деле: с одной стороны, как будто дети, а с другой:

«Люди гибнут за металл,
Сатана там правит бал»[236].

Дети должны были воспитываться в глубоком отвращении к сребролюбию. Вообще в своих поступках они должны руководствоваться исключительно альтруистическими побуждениями. Что я мог поделать с этим ханжеством?

Как ни тяжело было для Ховраха подвергнуться описанной медицинской процедуре, но еще тяжелее ему возвратиться в

сводный и в молчании принимать дозы новых лекарств в виде самых простых вопросов:

– Что, Ховрах, помогло? Хорошее средство, правда?

Разумеется, это были партизанские действия, но они вытекали из общего тона и из общего стремления коллектива наладить работу. А тон и стремления – это были настоящие предметы моей технической заботы.

Основным технологическим моментом оставался, конечно, отряд. Что такое отряд, на «Олимпе» так и не разобрали до самого конца нашей истории. А между тем я из всех сил старался растолковать олимпийцам значение отряда и его определяющую полезность в педагогическом процессе. Но ведь мы говорили на разных языках, ничего нельзя было растолковать. Я привожу здесь один разговор, который произошел между мною и профессором педагогики, заехавшим в колонию, очень аккуратным человечком в очках, в пиджаке, в штанах, человечком мыслящим и добродетельным. Он прицепился ко мне с вопросом, почему столы в столовой между отрядами распределяет дежурный командир, а не педагог.

– Серьезно, товарищ, вы, вероятно, просто шутите. Как это так: дежурный мальчик распределяет столовую, а вы спокойно здесь стоите…

– Распределить столовую не так трудно, – отвечаю я профессору, – кроме того, у нас есть старый и очень хороший закон: все приятное и все неприятное или трудное распределяется между отрядами по порядку их номеров…

Так он и не понял, этот профессор. Что я мог сделать?

В первые дни Куряжа в отрядах совершалась очень большая работа. К двум-трем отрядам издавна был прикреплен воспитатель. На ответственности воспитателей лежало возбуждать в отрядах представление о коллективной истории и коллективной чести и лучшем, достойном месте в колонии. Новые благородные побуждения коллективного интереса приходили, конечно, не в один день, но все же приходили сравнительно быстро, гораздо быстрее, чем если бы мы надеялись только на индивидуальную обработку.

Вторым нашим весьма важным институтом была система перспективных линий. Есть, как известно, два пути в области организации перспективы, а следовательно, и трудового усилия. Первый заключается в оборудовании личной перспективы, между прочим, при помощи воздействия на материальные интересы личности. Это последнее, впрочем, решительно запрещалось тогдашними педагогическими мыслителями… Их отношение к зарплате и к деньгам было настолько паническое, что не

оставалось места ни для какой аргументации. Здесь могло помочь только окропление святой водой, но я этим средством не обладал.

А между тем зарплата – очень важное дело. На получаемой зарплате воспитанник воспитывает уменье координировать личные и общественные интересы, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально становится на позиции, общие со всяким другим рабочим. Наконец приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Но ничего нельзя было поделать, на этом лежало «табу»[237].

Я имел возможность пользоваться только вторым путем – методом повышения коллективного тона и организации сложнейшей системы коллективной перспективы. *Учение о перспективе сделается когда-нибудь самым важным делом коллективного воспитания и жизни коллектива вообще. Я, конечно, не обладаю никаким учением, но некоторые небольшие разведки в этой важной области были мною сделаны, и я мог даже в своей практике пользоваться кое-какими формулами.*

Собственно говоря, человек не может жить на свете, если у него впереди нет ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость *представляется* одним из важнейших объектов работы, *причем работа эта направляется по двум линиям. Первая линия заключается в самой радости, в подборе ее внешних форм и выражений. Вторая линия состоит в регулярном настойчивом претворении более простых видов радости в более сложные и человечески значительные.* Здесь проходит самая интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь дешевым пряником до глубокого чувства долга.

От этого метода не так пахло нечистой силой, и «олимпийцы» терпели здесь многое, хотя и ворчали иногда подозрительно.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, – это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшним, есть человек самый слабый. *Человек, поступки которого равняются по самой далекой перспективе, допустим, в стремлении накопить денег и приобрести имение, есть человек сильный, и он будет тем сильнее, чем большие препятствия преодолевает, то есть, чем дальше становятся его перспективы. И красота человека заключается в его отношении к*

перспективе. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, *тем он невзрачнее, обыкновеннее, иногда тем он гаже*. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для него перспективами личными, тем человек красивее и выше. *Имея на своей педагогической заботе только беспризорных, я тем не менее обязан всегда стоять в плоскости только что приведенных теорем. Организация перспективы и претворение перспектив с личных форм на формы общественные является главной моей работой. Но всякая радостная перспектива, если уже она организована, неизменно повышает тон всей жизни и прежде всего повышает способность человека к работе. В этом вопросе не всегда наблюдается применение строго эгоистической логики. Здесь дело решается не столько логикой, сколько повышением какого-то общего модуса жизни. Зарплата не потому только повышает производительность труда, что человек хочет как можно больше заработать, но главным образом потому, что представление о будущем заработке и связанных с ним перспективах неизменно повышает общее ощущение личности, ее энергию, улучшает ее отношение к миру.*

Это еще более заметно в области перспективы коллективной. Завтрашняя радость коллектива не может никаким образом логически связаться с сегодняшней работой отдельной личности. Она связывается с нею только эмоционально, и эти эмоции часто гораздо плодотворнее какой угодно меркантильной логики.

Правильно воспитывать коллектив – это значит окружить его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образы завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшний день.

Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза.

Ближайшей коллективной перспективой после завоеваний Куряжа сделался праздник первого снопа.

Но я должен отметить один исключительный вечер, сделавшийся почему-то переломным в трудовом усилии куряжан. Я, впрочем, не рассчитывал на такой результат, я хотел сделать только то, что необходимо было сделать, вовсе не из практических намерений.

Новые колонисты не знали, кто такой Горький. В ближайшие дни по приезде мы устроили вечер Горького. Он был сделан очень скромно. Я сознательно не хотел придавать ему характер концерта или литературного вечера. Мы не пригласили гостей. На скромно убранной сцене поставили портрет Алексея Максимовича.

Я рассказал ребятам о жизни и творчестве Горького, рассказал подробно. Несколько старших ребят прочитали отрывки из «Детства».

Новые колонисты слушали меня, широко открыв глаза: они не представляли себе, что в мире возможна такая жизнь. Они не задавали мне вопросов и не волновались до той минуты, пока Лапоть принес папку с письмами Горького.

– Это он написал? Сам писал? Он писал колонистам? А ну, покажите…

Лапоть бережно обнес по рядам развернутые письма Горького. Кое-кто задержал руку Лаптя и постарался глубже проникнуть в содержание происходящего:

– Вот видишь, вот видишь: «Дорогие мои товарищи». Так и написано…

Все письма были прочитаны на собрании. Я после этого спросил:

– Может, есть желающие что-нибудь сказать?

Минуты две не было желающих. Но потом, краснея, на сцену вышел Коротков и сказал:

– Я скажу новым горьковцам… вот, как я. Только я не умею говорить… Ну, все равно. Хлопцы! Жили мы тут, и глаза у нас есть, а ничего мы не видели… Как слепые, честное слово. Аж досадно – сколько лет пропало! А сейчас нам показали одного Горького… Честно слово, у меня все в душе перевернулось… не знаю, как у вас…

Коротков придвинулся к краю сцены, чуть-чуть прищурил серьезные красивые глаза:

– Надо, хлопцы, работать… По-другому нужно работать… Понимаете?

– Понимаем, – закричали горячо пацаны и крепко захлопали, провожая со сцены Короткова.

На другой день я их не узнал. Отдуваясь, кряхтя, вертя головами, они честно, хотя и с великим трудом, пересиливали извечную человеческую лень. Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности.

[11] Первый сноп

Последние дни мая по очереди приносили нам новые подарки: новые площадки двора, новые двери и окна, новые запахи во дворе и новые настроения. Последние припадки лени *и отвращения к труду* теперь легко уже сбрасывались *с пацаньих плеч, как никому не нужная шелуха*. Все сильнее начинал блестеть впереди праздник нашей победы, *еще в декларации комсомола названный «Днем первого снопа»*. Из недр монастырской горы, из глубин бесчисленных келий выходил на поверхность последний чад прошлого, и его немедленно подхватывал летний услужливый ветер и уносил куда-то далеко, на какие-то свалки истории.

Ветру теперь нетрудно было работать: упорные ломы сводных за две недели своротили к черту вековую саженную стену. Коршун, Мэри и посвежевшие кони Куряжа, получившие в совете командиров приличные имена: Василек, Монах, Орлик, – развезли кирпичный прах куда следует: что покрупнее и поцелее – на постройку свинарни, что помельче – на дорожки, овражки, ямы. Другие сводные с лопатами, тачками, носилками расширили, расчистили, утрамбовали крайние площадки нашей горы, раскопали спуски в долину, уложили ступени, а бригада Борового уже наладила десяток скамеек, чтобы поставить их на специальных террасках и поворотах. В нашем дворе стало светло и просторно, прибавилось неба, и зеленые украшения и привольные дали горизонта *стали теперь и нашими украшениями, и нашими далями. Юрьев приехал в колонию в последний день мая и ахнул:*

– Ну и здорово! Вы знаете, до чего это замечательно! Смотри ж ты, какая прелесть!

И во дворе и вокруг горы давно уничтожили останки соцвосовских миллионов, и наш садовник Мизяк, человек молчаливый и сумрачный, какими часто бывают некрасивые мужья красавиц, уже вскапывал с ребятами обочины двора и дорожек и складывал в аккуратные кучки износившиеся кирпичики монашеских тротуаров. *Еще заняли кое-где канавы водопровода, и в них гремели металлом измазанные в глине мастера, но это были последние беспорядки восстановления.*

На северном краю двора делали фундамент для свинарни. Свинарня делалась настоящая, с хорошими станками, *с бетонным полом, с вынесенным за ее стены сливом*. Шере уже не похож на погорельца, сейчас и он почувствовал архимедовский восторг: ежедневно выходили на работу больше тридцати сводных отрядов. *Как только наладилось дело с рабочим усилием, мы сразу*

ощутили, что в наших руках находится огромная сила. И я вдруг увидел, какие страшные запасы рабочего аппетита заложены в Шере. Он еще больше похудел от жадности: работы много, рабочей силы много, только в нем самом имеют пределы силы организатора. Эдуард Николаевич уменьшил сон, удлинил как будто ноги, вычеркнул из распорядка дня разные излишества вроде завтраков, обедов и ужинов – и все-таки не успевал всего сделать. *Он просыпался раньше дежурных командиров и улетал в поле. Только Таранец придумал, как нужно кормить Шере: он наловчился на ходу засовывать в его карман завернутый в бумагу бутерброд, а часов в восемь посылал своего помощника, какого-нибудь Петьку или Тоську, с приказом:*

– Найди Шере и повякай немножко, чтоб он пошамал: там у него в кармане.

Через пятнадцать минут помощник дежурного находил Шере в самых невероятных местах возле леса или в котловане свинарни и начинал дергать его за рукав, терпеливо ожидая, пока Шере прервет нужный разговор и спросит:

– Ну, что такое?

– Вы посмотрите, что у вас в кармане, Эдуард Николаевич?

– Что такое в кармане?

– Шамовка! Сказал дежурный, чтобы я не уходил от вас, пока вы не пошамаете.

Припертый к стене Шере начинал завтракать, норовя в то же время поделиться куском с тем же самым помощником, чтобы скорее избавиться от докучливого бутерброда и бежать на капустное поле к речке.

И теперь и тогда я с восхищением и благодарностью думаю об Эдуарде Николаевиче. Если он теперь на каких-нибудь советских полях уменьшил темпы, если он женился, обзавелся оседлостью, ревматизмом и пижамой, я скорблю, потому что в общем технологическом процессе жизни для таких как Шере имеются определенные графики. Надо, чтобы в каждой детской колонии был такой Эдуард Николаевич. Стоит ему первый раз прикоснуться к земле на колонистской территории, как вокруг точки прикосновения все трогается с места, самые заядлые потенции открывают глаза, самые сонные характеры ощущают беспокойство. С каждой минутой это движение делается быстрее и правильнее, постепенно переходя к вихревому порядку типа циклона. Эдуардов Николаевичей надо беречь и холить, надо засовывать им бутерброды в карманы, надо платить им какое угодно жалованье, хотя и о жалованьи они обычно не разговаривают.

Шере был большого класса агроном, с широкой мыслью и с

постоянным броском в будущее и в то же время с неослабным вниманием к каждой крупинке почвы. Шере не мог пробежать мимо и не устроить маленькую орбиту вокруг любой точки, где копошатся и работают люди. И по этим бесчисленным своим орбитам он носится не как сверкающий бездельный метеор, а как бесшумный, молчаливый челнок в основе, он не делает ни одного лишнего движения, не произносит ни одного лишнего слова, от него не отскакивает ни одна лишняя искра.

Поэтому не было такой области в колонии, где бы Шере не принимал участия, и все больше и больше он втягивался в работу наших мастерских.

На нашей сотне гектаров Шере хотел в полтора месяца пройти тот путь, который на старом месте мы проходили шесть лет. Он бросал большие сводные на прополку полей, на выщипывание самой ничтожной травки, он без малейшего содрогания перепахивал неудачные участки и прилаживал к ним какие-то особенные поздние культуры.

По полям прошли прямые, как лучи, межи, очищенные от сорняка и украшенные, как и раньше, визитными карточками «королей андалузских» и «принцесс» разных сортов. На центральном участке, у самой полевой дороги, Шере раскинул баштан, снисходя к моим педагогическим перспективам. В совете командиров отметили это начинание как весьма полезное, и Лапоть немедленно приступил к учету разной заслуженной калечи – *малокровных, истощенных и утомленных*, чтобы из ее элементов составить специальный отряд баштанников.

Как ни много было работы у Шере, а хватило сил наших и на сводный отряд для очистки пруда. Командиром сводного назначили Карабанова. Сорок голых хлопцев, опоясав бедра самыми негодными трусиками, какие только нашлись у Дениса Кудлатого, приступили к спуску воды. На дне пруда нашлось много интересных вещей, *по всем признакам имеющим отношение к революционной эпохе. В метровой толще или грязи нашли ребята несколько десятков винтовок, обрезов, револьверов, видно, какой-то боевой организации в этом месте приходилось развивать такую быстроту военной операции, что оружие делалось слишком тяжелой обузой.* Карабанов говорил:

– Если тут хорошо поискать, то и штаны найдутся. Я так думаю, что сюда и штаны бросали, бо без штанов тикать *гораздо* легче…

Оружие из грязи вытащить было не трудно, но вытащить самую грязь оказалось очень тяжелым делом. Пруд был довольно большой, выносить грязь ведрами и носилками – когда кончишь работу? Только когда приспособили к делу четверку лошадей и

специально изобретенные дощатые лопасти, толща грязи начала заметно уменьшаться.

«Особый второй сводный» Карабанова во время работы был исключительно красив. Вымазанные до самой макушки, хлопцы сильно походили на чернокожих *дикарей*, их трудно было узнавать в лицо, вся их толпа казалась только что прибывшей из неизвестной далекой страны. *Карабанов мастер был усиливать самый пустячный игровой элемент, поэтому* уже на третий день мы получили возможность любоваться зрелищем, абсолютно невозможным в наших широтах: хлопцы вышли на работу, украсив бедра стильными юбочками из листьев акации, дуба и подобных тропических растений. На шеях, на руках, на ногах у них появились соответствующие украшения из проволоки, полосок листового железа, жести. Многие ухитрились пристроить к носам поперечные палочки, а на ушах развесить серьги из шайб, гаек, гвоздиков *и других «драгоценных» предметов*.

Эти чернокожие, конечно, не знали ни русского, ни украинского языков и изъяснялись исключительно на неизвестном колонистам туземном наречии, отличающемся чрезвычайной крикливостью и преобладанием непривычных для европейского уха гортанных звуков. К нашему удивлению, члены особого второго сводного не только *прекрасно* понимали друг друга, но и отличались чрезвычайной словоохотливостью, и над всей огромной впадиной пруда целый день стоял невыносимый гомон. Залезши по пояс в грязь, чернокожие с криком прилаживают Стрекозу или Коршуна к нескладному дощатому приспособлению в самой глубине ила и орут благим матом:

– *Ххиргарши – майя гекащихи! Разровоу, ракрошу!*

Карабанов, блестящий и черный, как и все, сделавший из своей шевелюры какой-то выдающегося безобразия кок, вращает огромными белыми глазами и скалит страшные зубы:

– Каррамба! *Гархша! Гархша!*

Десятки пар таких же диких и таких же белых глаз устремляются в одну точку, куда показывает вся в браслетах экзотическая рука Карабанова, кивают головами и ждут. *Семен снова им* орет:

– Пхананяй, пхананяй!

Дикари стремглав бросаются на приспособление и тесной дикой толпой с напряжением и воплем помогают Стрекозе вытащить на берег целую тонну густого, тяжелого ила.

Эта этнографическая возня особенно оживляется к вечеру, когда на склоне нашей горы рассаживается вся колония и голоногие пацаны с восхищением ожидают того сладкого момента, когда Карабанов заорет: «Горлы резыты!..» и чернокожие

с свирепыми лицами кровожадно бросятся на белых. Белые в ужасе спасаются во двор колонии, из дверей и щелей выглядывают их перепуганные лица. Но чернокожие не преследуют белых, и вообще дело до каннибальства не доходит, ибо хотя дикари и не знают русского языка, тем не менее прекрасно понимают, что такое домашний арест за принос грязи в жилое помещение.

Только один раз счастливый случай позволил дикарям действительно покуражиться над белым населением в окрестностях столичного города Харькова.

В один из вечеров после сухого жаркого дня с запада пришла грозовая туча. Заворачивая под себя клокочущий серый гребень, туча поперек захватила небо, зарычала и бросилась на нашу гору. Особый второй сводный встретил тучу с восторгом, дно пруда огласилось торжествующими криками, *дикой пляской и поднятыми руками*. Туча заколотила по Куряжу из всех своих батарей тяжелыми тысячетонными взрывами и вдруг, не удержавшись на шатких небесных качелях, свалилась на нас, перемешав в дымящемся вихре полосы ливня, громы, молнии и остервенелый гнев. Особый второй сводный ответил на это душу раздирающим воплем и исступленно заплясал в самом центре хаоса.

Но в этот приятный момент на край горы в сетке дождя вынесся строгий, озабоченный Синенький и заиграл закатисто-разливчатый сигнал тревоги. Дикари *мгновенно* потушили пляски и вспомнили русский язык:

– Чего дудишь? А? У нас?.. Где?

Синенький молча ткнул трубой на Подворки, куда уже спешили в обход пруда вырвавшиеся из двора колонисты. *Чернокожие оглянулись.* В сотне метров от берега жарким обильным костром полыхала хата, и возле нее торжественно ползали какие-то элементы процессии. Все сорок чернокожих во главе с вождем, *действительно африканской ордой*, бросились к хате. Десятка полтора испуганных баб и дедов в этот момент наладили против прибежавших раньше колонистов заграждение из икон, и один из бородачей кричал:

– Какое ваше дело? Господь бог запалил, господь бог и потушит…

Но, оглянувшись, и бородач и другие верующие *увидели вдруг*, что не только господь бог не проявляет никакой пожарной заботы, но, *напротив, самое активное участие в катастрофе* попустительством божиим предоставлено нечистой силе: на них с дикими криками несется толпа чернокожих, потрясая мохнатыми бедрами и позванивая железными украшениями. Черномазые

лица, исковерканные носовыми палками и увенчанные безобразными коками, не оставляли никакого места для сомнений: у этих существ не могло быть, конечно, иных намерений, как захватить всю процессию и утащить ее в пекло. Деды и бабы пронзительно закричали, *бросили иконы* и затопали по улице в разные стороны[238]. Ребята бросились к конюшне и коровнику, но было уже поздно: животные погибли. Разгневанный *неудачей* Семен первым попавшимся в руки поленом высадил окно и полез в хату. *Мы были страшно удивлены, когда из окна* вдруг показалась седая бородатая голова, и Семен закричал из хаты:

– Принимай дида, хай ему…

Пока мы приняли деда, Семен выскочил в другое окно и запрыгал по зеленому мокрому двору, *выражая самый дикий восторг*[239]. Один из чернокожих понесся в колонию за линейкой. *Я был ошеломлен бурей, пожаром, бегом и волнением и уже с трудом ощущал границу между нашим культурным миром и какой-нибудь Огненной Земли. Колонисты растаскивали догорающую хату, и толпа их еле помещалась в тесном дворе, но из жителей не было никого. И наши голые чернокожие в поясах стыдливости подчеркивали в моих глазах всю эту дичь, притаившуюся под самой столицей.*

Туча уже унеслась на восток, растянув по небу черный широкий хвост. Из колонии прилетел на Молодце Антон Братченко:

– Линейка сейчас будет… А граки ж где? Чего тут одни хлопцы?

Только когда за линейкой, на которую мы уложили *стонущего* деда, *мы* потянулись в колонию, *из калитки*, из-за ворот и плетней на нас смотрели неподвижные лица и одними взглядами предавали нас анафеме. Село *вообще* относилось к нам очень холодно, хотя и доходили до нас слухи, что народившаяся в колонии дисциплина жителями *в общем и целом* одобряется.

Со своей стороны, у нас было столько внутреннего своего дела, что нам и в голову не приходило заняться делами Подворок, хотя много было обстоятельств, которые предсказывали, что в самом ближайшем будущем нам придется заняться вплотную кое-какими сельскими вопросами. Ребята очень хорошо помнили приключение Жорки Волкова на переезде. Вероятно, это событие и на селе в некоторых кругах будоражило совесть. Не забыли мы также и каинов, в свое время собиравших дань с социального воспитания. До первого снопа совет командиров категорически запретил колонистам бывать на селе, и на подходящем пункте день и ночь дежурил наш пост, наблюдающий за исполнением этого приказа. Только по субботам и воскресеньям наш двор наполнялся

верующими. В церковь обычно заходили только старики, молодежь предпочитала прогуливаться вокруг храма. Наши сторожевые сводные и этим формам общения – *трудно сказать с кем*, с нами или с богами? – положили конец. На время богослужения выделялся патруль, надевал голубые повязки и предлагал верующим такую альтернативу:

– Здесь вам не бульвар. Или проходите в церковь, или вычищайтесь со двора. Нечего здесь носиться с вашими религиозными предрассудками.

Большинство верующих предпочитали вычищаться. До поры до времени мы не начинали наступления против религии. Напротив, намечался даже некоторый контакт между идеалистическим и материалистическим мировоззрением. Церковный совет иногда заходил ко мне для разрешения мелких погранвопросов. И однажды я не удержался и выразил некоторые свои чувства церковному совету:

– Знаете что, деды? Может быть, вы выберетесь в ту церковь, что над этим самым… чудотворным источником, а? Там теперь все очищено, вам хорошо будет…

– Гражданин начальник, – сказал староста, – как же мы можем выбраться, если то не церковь, а часовня вовсе? Там и престола нет… А разве мы вам мешаем?

– Мне двор нужен. У нас повернуться негде. И обратите внимание: у нас все покрашено, побелено, в порядке, а ваш этот собор стоит ободранный, грязный… Вы выбирайтесь, а я собор этот в два счета раскидаю, через две недели цветник на том месте будет.

Бородатые улыбаются, мой план им по душе, что ли…

– Раскидать не штука, – говорит староста. – А построить как? Хе-хе! Триста лет тому строили, трудовую копейку на это дело не одну положили, а вы теперь говорите: раскидаю. Это вы так считаете, значит: вера как будто умирает. А вот увидите, не умирает вера… народ знает…

Староста основательно уселся в апостольское кресло, и даже голос у него зазвенел, как в первые века христианства, но другой дед остановил старосту:

– Ну, зачем вы такое говорите, Иван Акимович? Гражданин заведующий свое дело наблюдает, он как советская власть, выходит, ему храм, можно так сказать, что и без надобности. А только внизу, как вы сказали, так то часовня. Часовня, да. И к довершению, место осквернённое, прямо будем говорить…

– А вы святой водой побрызгайте, – советует Лапоть.

Старик смутился, почесал в бороде:

– Святая вода, сынок, не на каждом месте пользует.

– Ну… как же не на каждом!..

– Не на каждом, сынок. Вот, если, скажем, тебя покропить, не поможет ведь, правда?

– Не поможет, пожалуй, – сомневается Лапоть.

– Ну, вот видишь, не поможет. Тут с разбором нужно.

– Попы с разбором делают?

– Священники наши? Они понимают, конечно. Понимают, сынок.

– Они-то понимают, что им нужно, – сказал Лапоть, – а вы не понимаете. Пожар вчера был… Если бы не хлопцы, сгорел бы дед. Как тепленький, сгорел бы…

– Значит, господу угодно так. Сгореть такому старому, может, уготовано было от господа бога…

– А хлопцы впутались и помешали…

Старик крякнул:

– Молодой ты, сынок, об этих делах размышлять… *А только этот храм нельзя оставить, нельзя.*

– Ага?

– А только под горой часовня. Часовня, да, и престола не имеет…

Деды ушли, смиренно попрощавшись, а на другой день нацепили на стены собора веревки и петли, и на них повисли мастера с ведрами. Потому ли, что устыдились ободранных стен храма, потому ли, что хотели доказать живучесть *народной* веры, но церковный совет ассигновал на побелку собора четыреста рублей. *Тем не менее, в деле приведения колонии в порядок получался* контакт.

Колонисты до поры до времени к собору относились без особенной вражды, скорее с любопытством. Пацаны обратились ко мне с просьбой:

– Ведь можно же нам посмотреть, что они там делают в церкви?

– Посмотрите.

Жорка предупредил пацанов:

– Только, смотрите, не хулиганить. Мы боремся с религией убеждением и перестройкой жизни, а не хулиганством.

– Да что мы, хулиганы, что ли? – обиделись пацаны.

– И вообще нужно, понимаете, не оскорблять никого, там… Как-нибудь так, понимаете, деликатнее. Так…

Хотя Жорка делал это распоряжение больше при помощи мимики и жестов, пацаны его поняли:

– Да знаем, все хорошо будет.

Но через неделю ко мне подошел старенький сморщенный попик и зашептал:

– Просьба к вам, гражданин начальник. Нельзя, конечно, ничего сказать, ваши мальчики ничего такого не делают, только, знаете… все-таки соблазн для верующих, неудобно как-то… Они, правда, и стараются, боже сохрани, ничего такого не можем сказать, а все-таки распорядитесь, пусть не ходят в церковь.

– Хулиганят, значит, понемножку?

– Нет, боже сохрани, боже сохрани, не хулиганят, нет. Ну а приходят в трусиках, в шапочках этих… как они… А некоторые крестятся, только, знаете, левой рукой крестятся и, вообще, не умеют. И смотрят в разные стороны, не знают, в какую сторону смотреть, повернется, знаете, то боком к алтарю, то спиной. Ему, конечно, интересно, но все-таки дом молитвы, а мальчики – они же не знают, как это молитва, и благолепие, и страх божий. В алтарь заходят, скромно, конечно, смотрят, ходят, иконы трогают, на престоле все наблюдают, а один даже стал, понимаете, в царских вратах и смотрит на молящихся. Неудобно, знаете.

Я успокоил попика, сказал, что мешать ему больше не будем, а на собрании колонистов объявил:

– Вы, ребята, в церковь не ходите, поп жалуется.

Пацаны возмутились:

– Что? Ничего такого не было. Кто заходил, не хулиганил, пройдет… там это… и домой. Это он врет, водолаз!

– А для чего вы там крестились? Зачем тебе понадобилось креститься? Что ты, в бога веришь, что ли?

– Так говорили ж не оскорблять. А кто их знает, как с ними нужно? Там все какие-то психические. Стоят, стоят, а потом бах на колени и крестятся. Ну, и наши думают, чтобы не оскорблять, *как умеют, конечно*!

– Так вот, не ходите, не надо.

– Да что ж? Мы и не пойдем… А и смешно ж там! Говорят как-то чудно. И все стоят, а чего стоят? А в этой загородке… как она… ага, алтарь, так там чисто, коврики, пахнет так, а только, ха, поп там здорово работает, руки вверх так задирает… Здорово!..

– А ты и в алтаре был?

– Я так зашел, а водолаз как раз задрал руки и лопочет что-то. А я стою и не мешаю ему вовсе, а он говорит: иди, иди, мальчик, не мешай. Ну, я и ушел, что мне…

Ребята были очень заинтересованы, как Густоиван относится к церкви, и он действительно один раз отправился в церковь, но возвратился оттуда очень разочарованный. Лапоть спрашивает его:

– Скоро будешь дьяконом?

– Не-е… – говорит, улыбаясь, Густоиван.

– Почему?

– Та… это, хлопцы говорят, контра… и в церкви там ничего нет… одни картины…

В середине июня колония была приведена в полный порядок, *все поправлено, где нужно выкрашено, выбелено. Поля Эдуарда Николаевича блестели, как паркет*. Десятого июня электростанция дала первый ток, керосиновые лампочки отправили в кладовку. Водопровод заработал несколько позже.

В середине же июня колонисты перебрались в спальни. Кровати были сделаны почти наново в нашей кузнице, положили новые тюфяки и подушки, но на одеяла у нас не хватило, а покрыть постели разным старьем *очень нам* не хотелось. На одеяла нужно было истратить до десяти тысяч рублей. Совет командиров несколько раз возвращался к этому вопросу, но решение всегда получалось одинаковое, которое Лапоть формулировал так:

– Одеяла купить – свинарни не кончим. Ну их к свиньям, одеяла!

В летнее время одеяла были нужны только для парада, очень хотелось всем, до зарезу хотелось на праздник первого снопа приготовить нарядные спальни. А теперь спальни стояли белым пятном на нашем радужном бытии. Но нам везло.

Хадабуда часто приезжал в колонию, ходил по спальням, ремонтам, постройкам, *полям*, гуторил с хлопцами, был очень польщен, что его жито мы собирались снимать торжественно. *Халабуду полюбили. Он умел разговаривать с хлопцами о предметах нужных и интересных, умел искренно горячиться и спорить, умел помочь ребятам не только советом, но и работой. Коллектив колонистов очень полюбился Халабуде*, он говорил:

– Там наши бабы болтают языками: то, понимаете, не так, то неправильно, я никак не разберу, хоть бы мне кто-нибудь объяснил, какого им хрена нужно? Работают ребята, стараются, ребята хорошие, комсомольцы. Ты их там дразнишь, что ли?

Но, отзываясь горячо на все злобы дня *колонии*, Халабуда холодел, как только разговор заходил об одеялах. Лапоть с разных сторон подъезжал к Сидору Карповичу.

– Да, – вздыхает Лапоть, – у всех людей есть одеяла, а у нас нет. Хорошо, что Сидор Карпович с нами. Вот увидите, он нам подарит…

Халабуда отворачивается и недовольно рокочет:

– Тоже хитрые, подлецы… «Сидор Карпович подарит…»

На другой день Лапоть прибавляет в ключе один бемоль:

– Выходит так, что и Сидор Карпович не поможет. Бедные горьковцы!

Но и бемоль не помогает, хотя мы и видим, что на душе у Сидора Карповича становится «моторошно», как говорят украинцы.

Однажды под вечер Халабуда приехал в хорошем настроении, хвалил поля, горизонты, свинарню, свиней. Порадовался в спальне отшнурованным постелям, прозрачности вымытых оконных стекол, свежести полов и пухлому уюту взбитых подушек. Постели, правда, резали глаза ослепительной наготой простынь, но я уже не хотел надоедать старику одеялами. Халабуда по собственному почину загрустил, выходя из спален, и сказал:

– Да, черт его дери… Одеяла нужно… тот, как его… достать.

Когда мы с Халабудой вышли во двор, все четыреста колонистов стояли в строю: был час гимнастики. Петр Иванович Горович в полном соответствии со строевыми правилами колонии подал команду:

– Товарищи колонисты, смирно! Салют!

Четыреста рук вспыхнули движением и замерли над рядами повернувшихся к нам *оживленно дружеских* лиц. Взвод барабанщиков закатил далеко к горизонтам четыре такта частой *гулкой* дроби приветствия. Горович подошел с рапортом и вытянулся перед Халабудой:

– Товарищ председатель комиссии помощи детям! В строю колонистов колонии имени Горького на занятиях гимнастикой триста восемьдесят девять, отсутствуют на дежурстве три, в сторожевом сводном шесть, больных два.

По всем правилам бывалый кавалерист Петр Иванович сделал шаг в сторону и открыл глазам Сидора Карповича раздвинутый на широкие спортивные интервалы, замерший в салюте очаровательный строй горьковцев.

Сидор Карпович взволнованно дернул ус, посерьезнел раз в десять против обычного, стукнул суковатой палкой о землю и сказал громко неизменным своим басом:

– *Ну! Что ж!* Здорово, хлопцы!

Сидору Карповичу пришлось основательно *попятиться и сильно моргнуть* глазами, когда звонкий хор четырехсот молодых веселых глоток ответил *Сидору Карповичу*:

– Дра!!

Халабуда не выдержал, улыбнулся, оглянулся и смущенно рокотнул:

– Ишь, стервецы! До чего насобачились! *Ну что ж!* Это… я вот скажу им… одну вещь скажу.

– Вольно стоять!

Колонисты отставили правую ногу, забросили руки за спину,

колыхнули талией и улыбнулись *Сидору Карповичу*.

Сидор Карпович еще раз стукнул палкой о землю, еще раз дернул за *правый* ус:

– Я, знаете, *хлопцы*, речей не люблю говорить, а сейчас скажу, что ж. Вот видите – молодцы, прямо в глаза вам говорю: молодцы. И все это у вас идет по-нашему, по-рабочему, хорошо идет, прямо скажу: был бы у меня сын, пусть будет такой, как вы, пусть такой будет. А что там бабы разные говорят, не обращайте внимания. Я вам прямо скажу: вы свою линию держите, потому, я, старый большевик и рабочий тоже старый, я вижу. У вас это все по-нашему. *Вот!* Если кто скажет не так, не обращайте внимания, вы себе прите вперед. Понимаете, вперед. Вот! А я в знак того прямо вам говорю: одеяла я вам дарю, укрывайтесь одеялами!

Хлопцы рассыпали кристаллы строя и бросились к нам. Лапоть выскочил вперед, присел, взмахнул руками, крикнул:

– Что? Так, значит… Сидор Карпович, ура!

Мы с Горовичем еле успели отскочить в сторону. Халабуду подняли на руках, подбросили несколько раз и потащили в клуб, торчала только над толпой его суковатая палка, *которой он боялся кого-нибудь поранить*.

У дверей клуба Халабуду опустили на землю. Встрепанный, покрасневший и взволнованный, он смущенно поправлял пиджак и уже удивленно зацепился за какой-то карман, когда к нему подошел Таранец и скромно сказал:

– Вот ваши часы, а вот кошелек и еще ключи.

– Все выпало? – спросил удивленно Халабуда.

– *Нет*, не выпало, – сказал Таранец, – а я принял, а то могло выпасть и потеряться… бывает, знаете…

Халабуда взял из рук Таранца свои ценности, и Таранец *так же скромно* отошел в толпу. *Держа в руках и часы, и бумажник, и ключи, и палку, Сидор Карпович имел вид довольно растерянный. Наконец он пришел в себя, повертел головой:*

– Народ, я тебе скажу!.. Честное слово!

И вдруг расхохотался:

– Ах, вы… Ну, что это такое в самом деле… Где этот самый… который «принял»?

Он уехал в город растроганный *и довольный жизнью*.

Я был поэтому прямо уничтожен на другой день, когда тот же Сидор Карпович в собственном богатом кабинете встретил меня недоступно холодно и не столько говорил со мной, сколько рылся в ящиках стола, перелистывал какие-то блокноты и сморкался.

– Одеял у нас нет, – сказал он, – нет!

– Давайте деньги, мы купим.

– И денег нет… денег нет… И потом, сметы такой тоже нет.

– А как же вчера?

– Ну, мало ли что? Что там… разговоры. Если нет ничего, что ж…

Я представил себе среду, в которой живет Халабуда, вспомнил Чарльза Дарвина[240], приложил руку к козырьку и вышел.

В колонии известие об измене Сидора Карповича встретили с *небывалым* раздражением. Даже Галатенко возмущался:

– Дывысь, какой человек! Ну, так теперь же ему в колонию нельзя приехать. А он говорил: «На баштан буду приезжать. И сторожить буду…»

Но у нас был Крайник, студент первого курса социально-экономического факультета. Он мыслил юридически и сказал:

– А знаете что, Антон Семенович! Надо на него в суд подать.

Хлопцы это предложение приняли как шутку, но вечером Лапоть, Карабанов и Задоров пригласили меня посидеть над обрывом и посоветоваться. Советовались исключительно о том, как Халабуду заставить выполнить обещание. Задоров, небывало серьезный, утверждал:

– Вот увидите. В суд, если подать, одеяла наши будут. Не в законах дело, а, понимаете, тут коллектив, а Халабуда большевик все-таки, зачем так обещает.

Я колебался недолго, и на другой день…

На другой день я отвез в арбитражную комиссию жалобу на председателя помдета, в которой напирал не на юридическую сторону вопроса, а на политическую: не можем допустить, чтобы большевик не держал слово.

К нашему удивлению, на третий день вызвали в арбитраж меня и Лаптя. Перед судейским красным столом стал Халабуда и начал что-то доказывать. За его спиной притаились представители окружающей среды в очках, с гофрированными затылками, с американскими усиками, и о чем-то перешептывались между собою. Председатель, в черной косоворотке, лобатый и кареглазый, положил растопыренную пятерню на какую-то бумажку и перебил Халабуду:

– Подожди, Сидор. Скажи прямо: обещал одеяла?

Халабуда покраснел и развел руками:

– Ну… разговор был такой… Мало ли что!

– Перед строем колонистов?

– Это верно… в строю были мальчишки…

– Качали?

– Да, мальчишки!.. Качали… что ты им сделаешь?

– Плати…

– Как?

– Плати, говорю. Одеяла нужно дать, так и постановили.

Судьи улыбались. Халабуда повернулся к окружающей среде и что-то забубнил угрожающее. *На нас он и смотреть не хотел – обиделся.*

Мы подождали несколько дней, и Задоров поехал к Халабуде получать одеяла или деньги. Сидор Карпович не пустил Задорова к себе в кабинет, а его управляющий разъяснил:

– Не понимаю, как могло прийти в голову вам *и вашему заведующему* судиться с нами? Что это за порядок? Ну, вот, пожалуйста, у меня лежит постановление арбитражной комиссии. Видите, лежит?

– Ну?

– Ну и все! И, пожалуйста, сюда не ходите. Может быть, мы еще решим обжаловать. В крайнем случае мы внесем в смету будущего года. Вы думаете, как: поехали на базар и купили четыреста одеял? Это вам серьезное учреждение…

Задоров возвратился из города очень расстроенный. В совете командиров кипели и бурлили целый вечер и *постановили* написать письмо Григорию Ивановичу Петровскому[241]. Но на другой день нашелся выход, такой простой и естественный, такой даже веселый, что вся колония от неожиданности хохотала и прыгала и мечтала о той счастливой минуте, когда в колонию приедет Халабуда и колонисты будут с ним разговаривать. Выход состоял в том, что *я поехал к судебному исполнителю и* наложил арест на текущий счет помдета. Прошло еще два дня: меня вызвали в тот самый высокий кабинет, и тот же бритый товарищ, который в свое время интересовался, почему мне не нравятся *сорок* сорокарублевых воспитателей, сидел в широком кресле и наливался веселой кровью *от смеха*, наблюдая за шагающим по кабинету Халабудой, тоже налитым кровью, но уже другого сорта.

Я молча остановился у дверей, и бритый поманил меня пальцем, с трудом удерживая смех:

– Иди сюда… Как же это? Как же это ты, брат, осмелился, а? Это не годится, надо снять арест, а то… вот он ходит тут, а его в собственный карман не пускают. Он пришел ко мне на тебя жаловаться. Говорит: не хочу работать, меня обижает заведующий горьковский.

Я молчал, потому что не понимал, какая здесь спираль закручивается бритым.

– Арест надо снять, – сказал серьезно хозяин. – Что это еще за новости, аресты какие-то!

Он вдруг снова не удержался и закатился в своем кресле. Халабуда заложил руки в карманы и обиженно смотрел в окно на площадь.

– Прикажете снять арест? – спросил я.

– Да ведь вот в чем дело: приказывать не имею права. Слышишь, Сидор Карпович, не имею права! Я ему скажу: сними арест, а он скажет: не хочу! У тебя, я вижу, в кармане чековая книжка. Выпиши чек, на сколько там: на десять тысяч? Ну вот…

Халабуда отвалился от окна, вытащил руку из кармана, тронул рыжий ус и улыбнулся:

– Ну, и народ же сволочной, что ты скажешь?

Он подошел ко мне, хлопнул меня по плечу:

– Молодец, так с нами и нужно! Ведь мы кто? Бюрократы! Так и нужно!

Бритый снова взорвался смехом и даже платок вытащил. Халабуда, улыбаясь, достал книжку и написал чек.

Первый сноп праздновался пятого июля.

Это был наш старый праздник, для которого давно был выработан *ритуал* и который давно сделался важнейшей вехой в нашем годовом календаре. Но сейчас *сельскохозяйственное значение праздника сильно забивалось его новым значением – это был наш отчет перед всем харьковским обществом о проделанной операции. Нам удалось захватить этой идеей* самого последнего колониста, и поэтому подготовка к празднику проходила «без сигналов», в глубоком захвате *широких идей и самых узеньких мелочей, колонисты копошились как пчелы, сводными отрядами и в одиночку, инстинктивно бросаясь на недоделанные места. Впрочем,* недоделанных мест почти и не было. *Задачи последних дней заключались уже в наведении последних блесков, в организации приема гостей и в шлифовке всяких деталей ритуала.* На кроватях теперь лежали красные новые одеяла, пруд блестел *зеркальной гладью*, на склоне горы протянулись семь террас *для нового сада*. Было сделано все. Силантий резал кабанов, сводный отряд Буцая развешивал гирлянды и лозунги. Над воротами на белом фоне свода Костя Ветковский старательно расположил:

И ВОДРУЗИМ НАД ЗЕМЛЕЮ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА!

а на внутренней стороне ворот коротко:

ЕСТЬ!

Второго числа разряженный тринадцатый сводный под командой Жевелия развез по городу приглашения.

В день праздника с утра намеченный к жатве полугектар ржи обнесен рядами красных флагов, дорога к этому месту украшена также флагами и гирляндами. У въездных ворот *покрытый белой*

скатертью стол гостевой комиссии. Над обрывом у пруда поставлены столы на шестьсот мест, и праздничный заботливый ветерок шевелит углы белых скатертей, лепестки букетов, *белые* халаты *хозяйственной* комиссии.

За воротами, внизу на дороге, дежурят верхом на Молодце и Мэри одетые в красные трусики и рубашки, в белых кавказских шляпах Синенький и Зайченко. За плечами у них развеваются белые полуплащи с красной звездой, отороченные по краям настоящим кроличьим мехом. Ваня Зайченко в неделю изучил все наши девятнадцать сигналов, и командир бригады сигналистов Горьковский признал его заслуживающим чести быть дежурным трубачом на празднике. Трубы повешены у них через плечо на атласной ленте.

В десять часов показались первые гости – пешеходы с Рыжовской станции. Это представители харьковских комсомольских организаций. Всадники подняли трубы, развесив по плечам атласные ленты, крепче уперлись в стремена и три раза протрубили *наш знаменный салют – привет гостям. С давних времен нашим знаменным салютом является наш сигнал на работу.*

Начался праздник. В воротах гостей встречает гостевая комиссия в голубых повязках, каждому прикалывает на груди три колоска ржи, перевязанные красной ленточкой, и передает особый билетик, на котором написано, к примеру:

11-й отряд колонистов приглашает вас обедать за его столом.

К-р отряда Д. Жевелий.

Гостей ведут осматривать колонию, а снизу уже раздаются новые звуки привета наших великолепных всадников.

Двор и помещения колонии наполняются гостями. Приходят представители харьковских заводов, сотрудники окрисполкома и наробраза, сельсоветов соседних сел, корреспонденты газет, на машинах подъезжают к воротам Джуринская, Юрьев, Клямер, Брегель и товарищ Зоя, члены партийных организаций, приезжает и бритый товарищ. Приезжает на своем форде и Халабуда. Халабуду встречает специально для этого собравшийся совет командиров, вытаскивает из машины и сразу же бросает в воздух. С другой стороны машины стоит и хохочет бритый. Когда Халабуду поставили на землю, бритый спрашивает:

– Что они из тебя сейчас выкачали?

Халабуда обозлился:

– А ты думаешь, не выкачали? Они всегда выкачают.

– Да ну? А что?

– Трактор выкачали! Дарю трактор – фордзон… Ну, черт с вами, качайте, только теперь уже все.

Пришлось Халабуде еще полетать по воздуху, *но теперь уже колонистам помогали и гости, сбежавшиеся к месту происшествия.*

Прикоснувшись к земле, Халабуда ухватился за карманы и ахнул:

– Опять? Где этот самый?..

И снова Таранец скромно протянул Сидору Карповичу часы и бумажник. Ключей не было. Халабуда покраснел, оглянулся и ничего никому не сказал. Только Таранец сказал ему тихо:

– Нельзя иначе. У вас это все снаружи. Упадет и растопчут.

– Спасибо, спасибо, брат, – покраснел еще больше Сидор Карпович.

Халабуду куда-то утащили.

Во дворе колонии становилось людно, как на главной улице города. Колонисты, украшенные бутоньерками *из колосьев*, широкими нарядными рядами ходят по дорожкам с приезжими, улыбаются им алыми губами, освещают их лица то смущенным, то открытым сиянием глаз, на что-то указывают, куда-то увлекают. *Особенно уже дружелюбно и знакомо окружили шефскую комиссию. Шефская комиссия давно уже приезжает в колонию чуть не ежедневно. Это очень дружная компания, даром что она представляет целых шесть предприятий. Здесь Надежда Андреевна Белецкая – председатель комиссии – молодая, красивая женщина, румяная, разговорчивая, полюбившая колонистов, «как сорок тысяч братьев любить не могут»*[242], *здесь и товарищ Яковлев, с холеной шевелюрой над рабочим лицом – от харьковской электростанции, и товарищ Перетц, старичок с табачной фабрики, человек убежденный, что колония имени Горького стоит его стариковской работы. И в шефском комитете неисповедными путями провидения оказалась и Галя Подгорная – черниговка с черными глазами, которые и сейчас не дают покоя черным глазам Карабанова. Черниговка связала колонию родственными узами с шефами, и поэтому в этом отделе гостей все были не только приветливы, но и остроумны, и просты.*

В двенадцать часов во двор въехали Синенький и Зайченко, наклонившись с седел пошептались с дежурным командиром Наташей Петренко, и Синенький, разгоняя смеющихся гостей и колонистов, галопом ускакал на хозяйственный двор. Через минуту оттуда раздались поднебесные звуки общего сбора, который всегда играется на октаву выше всякого другого сигнала. Ваня *Зайченко* подхватил *сигнал. Перекликаясь между собой, эти два пацана наполнили двор колонии торопящимися, сталкивающимися звуками…* Колонисты, бросив гостей, сбегались к главной площадке, и, не успел улететь к Рыжову последний

трубный речитатив, они уже вытянулись в одну линию, и на левый фланг, высоко подбрасывая пятки и умиляя гостей, пронесся с зеленым *треугольным* флажком Митя Нисинов. Я начинаю каждым нервом ощущать свое торжество. Этот радостный мальчишеский строй, сине-белой лентой вдруг выросший рядом с линией цветников, уже ударил по глазам, по вкусам и по привычкам собравшихся людей, уже потребовал к себе уважения. Лица гостей, до этого момента доброжелательно-покровительственные, какие бывают обыкновенно у взрослых, великодушно относящихся к ребятам, вытянулись вдруг и заострились вниманием. Юрьев, стоящий сзади меня, сказал громко:

– Здорово, Антон Семенович! Так их!..

Колонисты озабоченно заканчивали равнение, *почти не отрываясь от меня взглядом. Не оглядываясь, будучи уверен, что везде все готово, я* не задержал следующей команды:

– Под знамя, смирно!

Ахнули по земле рокоты и звоны салюта, замерли над лицами подброшенные розовые на солнце руки колонистов. Из-за стены собора, строго подчиняя свое движение темпам салюта, вышла *дежурная* Наташа Петренко и повела к правому флангу знаменную бригаду, *умеющую носить знамя без напряжения, без торопливости, подчеркнуто почтительно и торжественно важно.*

Я обратился к колонистам с двумя словами, поздравил с праздником, поздравил с победой.

– А теперь отдадим честь лучшим нашим товарищам, восьмому сводному первого снопа отряду Буруна. *Смирно!*

Снова колонисты вытянулись и подняли руки. Снова заиграли трубы привет. Из далеких, широко открытых ворот хозяйственного двора вышел восьмой сводный. О, дорогие гости, я понимаю ваше волнение, я понимаю ваши неотрывные, пораженные взгляды, потому что уже не в первый раз в жизни я сам поражен и восхищен высокой торжественной прелестью восьмого сводного отряда! Пожалуй, я имею возможность больше вашего видеть и чувствовать.

Впереди *восьмого сводного* Бурун, маститый, заслуженный Бурун, *не в первый раз* водящий вперед рабочие отряды колонии. У него на богатырских плечах высоко поднята сияющая отточенная коса с грабельками, украшенная крупными ромашками. Бурун величественно красив сегодня, особенно красив для меня, потому что я знаю: это не только декоративная фигура впереди живой картины, это не только колонист, на которого стоит посмотреть, это прежде всего действительный командир, который знает, кого ведет за собой и куда ведет. В

сурово-спокойном лице Буруна я вижу мысль о задаче: он должен сегодня в течение тридцати минут убрать и заскирдовать полгектара ржи. Гости не видят этого. Гости не видят и другого: этот сегодняшний командир косарей студент медицинского института, в этом сочетании особо убедительно струятся линии нашего советского стиля. Да мало ли чего не видят гости и даже не могут видеть, потому хотя бы, что не только же на Буруна смотреть. За Буруном идут по четыре в ряд шестнадцать косарей в таких же белых рубахах, с такими же расцветшими косами. Шестнадцать косарей! Так легко их пересчитать! Но из этих *шестнадцати* сколько славных имен: Карабанов, Задоров, Белухин, Шнайдер, Георгиевский! Только последний ряд составлен из молодых горьковцев: Воскобойников, Сватко, Перец и Коротков.

За косарями шестнадцать девушек. На голове у каждой венок *из ромашек*, и в душе у каждой венок из прекрасных наших советских дней. Это вязальщицы.

Восьмой сводный отряд подходит уже к нам, когда из ворот на рысях выносятся две жатки, запряженные каждая двумя парами лошадей. И у каждой в гриве и на упряжи цветы, цветами убраны и крылья жаток. На правых конях ездовые в седлах, на сиденье первой машины сам Антон Братченко, на второй – Горьковский. За жатками конные грабли, за граблями бочка с водой, а на бочке Галатенко, самый ленивый человек в колонии, но совет командиров, не моргнув глазом, премировал Галатенко участием в восьмом сводном отряде. Сейчас можно видеть, с каким старанием, как не лениво украсил цветами свою бочку Галатенко. Это не бочка, а благоухающая клумба, даже на спицах колес цветы, и, наконец, за Галатенко – линейка под красным крестом, а на линейке Елена Михайловна и Смена – все может быть на работе.

Восьмой сводный остановился против нашего строя. Из строя выходит Лапоть и говорит:

– Восьмой сводный! За то, что вы хорошие комсомольцы, колонисты и хорошие товарищи, колония наградила вас большой наградой: вы будете косить наш первый сноп. Сделайте это как полагается и покажите еще раз всем пацанам, как нужно работать и как нужно жить. Совет командиров поздравляет вас и просит вашего командира товарища Буруна принять командование над всеми нами.

Эта речь, как и все последующие речи, неизвестно кем сочинена. Они произносятся из года в год в одних и тех же словах, записанных в совете командиров. И именно поэтому они выслушиваются с особенным волнением, и с особым волнением

все колонисты затихают, когда подходит ко мне с косой Бурун, пожимает руку и говорит тоже традиционно необходимое:

– Товарищ заведующий, разрешите вести восьмой сводный отряд на работу и дайте нам на помощь этих хлопцев.

Я должен отвечать так, как я и отвечаю:

– Товарищ Бурун, веди восьмой сводный на работу, а хлопцев этих бери на помощь.

С этого момента командиром колонии становится Бурун. Он дает ряд команд к перестроению, и через минуту колония уже в марше. За барабанщиками и знаменем идут косари и жатки, за ними вся колония, а потом гости. Гости подчиняются общей дисциплине, строятся по четыре в ряды и держат ногу *по дороге в поле*. Халабуда идет рядом со мной и говорит британому:

– Черт!.. С этими одеялами!.. А то и я был бы в строю… вот, с косой!

Я киваю Силантию, и Силантий летит на хозяйственный двор. Когда мы подходим к намеченному полугектару, Бурун останавливает колонну и, нарушая традиции, спрашивает колонистов:

– Поступило предложение назначить в восьмой сводный отряд в бригаду Задорова пятым косарем Сидора Карповича Халабуду. Чи есть возражения?

Колонисты смеются и аплодируют. *Веселее всех хлопает в ладоши бритый и оглядывается на колонистов.* Бурун берет из рук Силантия украшенную косу и передает ее Халабуде. Сидор Карпович быстро, по-юношески, снимает с себя пиджак, бросает его на межу, потрясает косой:

– Спасибо!

– А косить умеете? – тихо спрашивает Бурун.

– Пошел ты к черту! – улыбается Халабуда, – а чем отбивать буду?

– Поделимся, – говорит Бурун.

Халабуда становится в ряд косарей пятым у Задорова. Задоров грозит ему пальцем:

– Смотрите же, не воткните в землю! Позор нашей бригаде будет.

– Отстань, – говорит Халабуда, – я еще вас научу…

Строй колонистов выравнивается на одной стороне поля. *К главному флангу* выносится знамя – здесь будет связан первый сноп. К знамени подходят Бурун, Наташа, и наготове держится Зорень, как самый младший член колонии.

– Смирно!

Бурун начинает косить. В несколько взмахов косы он укладывает к ногам Наташи порцию высокой ржи. У Наташи из

первого накоса готово перевесло. Сноп она связывает двумя-тремя ловкими красивыми движениями, двое девчат надевают на сноп цветочную гирлянду, и Наташа, розовая от работы и удачи, передает сноп Буруну. Бурун подымает сноп на плечо и говорит курносому серьезному Зореню, высоко задравшему носик, чтобы слышать, что говорит Бурун:

– Возьми этот сноп из моих рук, работай и учись, чтобы, когда вырастешь, был комсомольцем, чтобы и ты добился той чести, которой добился я, – косить первый сноп.

Ударил жребий Зореня. Звонко-звонко, как жаворонок над нивой, отвечает Зорень Буруну:

– Спасибо тебе, Грицько! Я буду учиться и буду работать. А когда вырасту и стану комсомольцем, добуду и себе такую честь – косить первый сноп и передать его *самому* младшему пацану.

Зорень берет сноп и весь утопает в нем. Но уже подбежали к Зореню пацаны с носилками, и на цветочное ложе их укладывает Зорень свой богатый подарок. Под гром салюта знамя и первый сноп переносятся на правый фланг.

Бурун подает команду:

– Косари и вязальщицы – по местам!

Колонисты разбегаются по намеченным точкам и занимают все четыре стороны поля.

Поднявшись на стременах, Синенький трубит сигнал на работу. По этому знаку все семнадцать косарей пошли кругом поля, откашивая широкую дорогу для жатвенных машин.

Я смотрю на часы. Проходит пять минут, и косари подняли косы вверх. Вязальщицы довязывают последние снопы и относят их в сторону.

Наступает самый ответственный момент работы. Антон и Витька и откормленные, отдохнувшие кони готовы.

– Рысью… ма-а-арш!

Жатки с места выносятся на прокошенные дорожки. Еще две-три секунды, и они застрекотали по житу, идя уступом одна за другой. Бурун с тревогой прислушивается к их работе. За последние дни много они передумали с Антоном и Шере, много повозились над жатками, два раза выезжали в поле. *Сегодня* будет большим скандалом, если кони откажутся от рыси, если нужно будет на них кричать, если жатка заест и остановится.

Но лицо Буруна постепенно светлеет. Жатки идут по полю с ровным механическим звуком, лошади свободно набирают рысь, даже на поворотах не задерживаются, хлопцы неподвижно сидят в седлах. Один, два круга. В начале третьего жатки так же красиво проносятся мимо нас, и серьезный Антон бросает Буруну:

– Все благополучно, товарищ командир!

Бурун повернулся к строю колонистов и поднял косу:

– Готовься! Смирно!

Колонисты опустили руки, но внутри у них все рвется вперед, мускулы уже не могут удержать задора.

– На поле… бегом!

Бурун опустил косу. Три с половиной сотни ребят ринулись в поле. На рядах скошенной ржи замелькали их руки и ноги. С хохотом опрокидываясь друг через друга, как мячики, отскакивая в сторону, они связали скошенный хлеб и погнались за жатками, по трое, по четверо наваливаясь животами на каждую порцию колосьев:

– Чур пятнадцатого отряда!..

Гости хохочут, вытирая слезы, и Халабуда, уже вернувшийся к нам, строго смотрит на Брегель:

– А ты говоришь… Ты посмотри!..

Брегель улыбнулась:

– Ну, что же… я смотрю: работают прекрасно и весело. Но ведь это только работа…

Халабуда произнес какой-то звук, что-то среднее между «б» и «д», но дальше ничего не сказал Брегель, а посмотрел на бритого свирепо и заворчал:

– Поговори с нею…

Бритый строго оглядел Брегель и ничего не сказал.

Возбужденный, счастливый Юрьев жал мне руку и уговаривал Джуринскую:

– Нет, серьезно… вы подумайте!.. Меня это трогает, и я не знаю почему. Сегодня это, конечно, праздник, конечно, это не рабочий день… Но знаете, это… это мистерия труда. Вы понимаете?

Бритый внимательно смотрит на Юрьева:

– Мистерия труда? *М-может быть. Но зачем это так усложнять?* По-моему, тут что хорошо: они счастливы, они организованы и они умеют работать. На первое время, честное слово, довольно. Как вы думаете, товарищ Брегель?

Брегель не успела подумать, потому что перед нами осадил Молодца Синенький и пропищал:

– Бурун прислал… Копны кладем! Собираться всем к копнам.

Я посмотрел на часы, прошло 25 минут. Уже стояло несколько «полукопен», ребята копошились, складывая остальные. Пока мы шли к ним, на скошенном участке стояло десять половин копен и на средней уже развевалось знамя. Рядом с ним встал Лапоть и поднял руку. Потом он опустил ее, и мы запели «Интернационал».

Начался митинг. Говорили многие, говорили растроганные и самим праздником, и близким небом, и бодрой живостью ребят, и

стрекотаньем кузнечиков в поле.

Возвратившись с поля, обедали вперемешку, забыв, кто кого старше и кто кого важнее. *Красивый, не отравленный ничьим аппетитом труд примирил все противоречия и потушил все споры.* Даже товарищ Зоя сегодня *была благосклонная и умиротворенная*.

Праздник продолжался долго. Еще играли в лапту, и в «довгои лозы», и в «масло». Халабуде завязали глаза, дали в руки жгут и заставили безуспешно ловить юркого пацана с колокольчиком. Еще водили гостей купаться в пруду, еще пацаны представляли феерию[243] на главной площадке, *которая* начиналась хоровой декламацией:

Что у нас будет через пять лет?
Тогда у нас будет городской свет,
Новый цех во дворе,
Новый сад по всей нашей горе,
И мы очень бы хотели,
Чтоб у нас были электрические качели.

А заканчивалась феерия пожеланием:

И колонист будет, как пружина,
А не как резиновая шина.

После фейерверка на берегу пруда пошли провожать гостей на Рыжов. На машинах уехали раньше, и, прощаясь со мной, бритый – «хозяин» – сказал:

– Ну что ж? Так держать, товарищ Макаренко!

– Есть так держать, – ответил я.

[12] Жизнь покатилась дальше

И снова пошли один за другим строгие и радостные рабочие дни, полные забот, маленьких удач и маленьких провалов, за которыми мы не видим часто крупных ступеней и больших находок, надолго вперед определяющих нашу жизнь. И как и раньше, в эти рабочие дни, а больше поздними затихшими вечерами складывались думы, подытоживались быстрые дневные мысли, прощупывались неуловимо-нежные контуры будущего.

Но приходило будущее, и обнаруживалось, что вовсе оно не такое нежное и можно было бы обращаться с ним бесцеремоннее. Мы недолго скорбели об утраченных возможностях, кое-чему учились и снова жили уже с более обогащенным опытом, чтобы совершать новые ошибки и жить дальше.

Как и раньше, на нас смотрели строгие глаза, ругали нас и доказывали, что ошибок мы не должны совершать, что мы должны жить правильно, что мы не знаем теории, что мы должны… вообще, мы были кругом должны.

Мы выслушивали их и прекрасно понимали, чего они хотят. Их желания были обычными человеческими – не больше; собственно говоря, они хотели, чтобы мы совершали ошибки, которые совершают они, не имея, впрочем, ни нашего опыта, ни наших обожженных пальцев. Мало находилось людей, которые уважали наш опыт и наши старые раны, а если они находились, то строгие глаза обращались к нам и начинали выделывать ужасающие сигналы.

Мы давно привыкли к этой технике жизни педагога и были поэтому терпеливы. Мы находили силы в глубокой уверенности, что строгие глаза вклеены в самые обыкновенные головы российских интеллигентов. Это вымирающее племя все равно не имеет будущего. Собственно говоря, оно уже изгнано из всех областей жизни, может быть, его оставили для музея или для заповедной рощи, и чтобы оно не погибло с голоду, позволили ему кормиться самой дешевой пищей – педагогами. Но ведь и педагоги когда-нибудь понадобятся. Тогда вымирающее племя интеллигентов, потомство Онегиных, Карамазовых и «Идиотов» будет переведено на еще более дешевый корм и, может быть, незаметно… исчезнет.

Так мы верили. Будущее показывало, что мы не ошиблись. Только благодаря нашей вере мы легко перепрыгивали через заговоренные круги, через многочисленные «табу» и еще более многочисленные речи, и подвигались вперед.

Но наша жизнь была тяжела. Колония богатела, в ней рос

коллектив, росли стремления, росли возможности и, самое главное, росло знание наше и наше техническое умение. Но мы были запакованы в узкие железные рамки и над нами всегда стоял Некто в сером, замахивался на нас палкой и вопил, что мы совершаем государственное преступление, если на полсантиметра высунем нос за пределы рамки. Некто в сером назывался иначе – финотделом. (Над нами еще стоял чиновник из финотдела, существо еще более древней формации, бесславно протащившее свою историю через века и поколения, тот самый «ярыга», который основательно засел в российские печенки еще при московских великих государях.) Это был настоящий организатор и вдохновитель соцвосовской педагогики, истинный хозяин всех наших идеалов, принципов и идей. Растрачивая в год десятки миллионов, он зорко следил, чтобы они были именно растрачены, проедены, прожиты в той норме нищеты, которую он считал наиболее подходящей и которую стремился сделать стабильной. Это был сущий сказочный Кощей – сухой, худой, злобный и, кроме того, принципиально бессмертный. Как и все Кощеи, он вечно ворчал, что денег тратится много, что все это никуда не годится, и в то же время он изо всех сил старался, чтобы они были истрачены. Больше всего боясь партизанского вложения его капиталов в настоящее дело, Кощей Бессмертный выдавал нам деньги полумесячными долями, и его зеленые глаза торчали над каждым нашим карманом:

– Как же это? – скрипел он. – Как же вы допускаете такое своеволие: вам было выдано сто пятнадцать рублей на обмундирование, а вы купили на них какие-то доски? На обмундирование вам было выдано! На доски вам ничего не полагается.

– Товарищ Кощей, с обмундированием мы можем подождать, а доски – это материал, мы из него сделаем вещи, продадим и будем иметь прибыль, потому что в доски мы вложили труд, и труд будет оплачен.

– Не говорите это, не говорите. Какие там доски и какие там прибыли? Вам выдано на обмундирование…

– Но лучше же будет, если эти сто пятнадцать рублей мы обернем в нашем производстве. Мы обратим их в триста рублей, и триста рублей истратим на обмундирование…

– Вы не можете истратить больше, чем вам разрешено. Вам разрешено двадцать семь рублей в год на человека. Если вы получите прибыль, мы все равно сократим вашу смету.

Великий ученый и великий мыслитель Чарльз Дарвин. Он был бы еще более великим, если бы наблюдал нас. Он бы увидел совершенно исключительные формы приспособления, мимикрии,

защитной окраски, поедания слабейших, естественного отбора и прочих явлений настоящей биологии. Он бы увидел, с какой гениальной приспособляемостью мы все-таки покупали доски и делали кое-что, как быстро и биологически совершенно мы все-таки обращали сто пятнадцать рублей в триста и покупали поэтому не бумажные костюмы, а суконные, а потом, дождавшись очередной сутолоки у Кощея Бессмертного, мы представляли ему каллиграфически выписанный отчет и окрашивались в зеленый цвет, цвет юности, надежды и соцвоса, притихали на общем фоне наркомпросовской зелени и, затаив дыхание, слушали кащеевские громы, угрозы начетами и уголовной ответственностью, мы даже видели, как, распростершись на сухих крючковатых крыльях, Кощей Бессмертный ширял над нами и клевал наших коллег, защитная окраска которых была хуже сделана, чем у нас.

Заведующий колонией, вообще, существо недолговечное. Где-то у Дарвина, а может быть, у Тимирязева[244]*, а может, еще у кого-нибудь третьего, подсчитано, какое большое потомство у мухи и у одуванчика и какой грандиозный процент его погибает в борьбе за существование. К мухам и одуванчикам нужно обязательно приписать нас, заведующих детскими колониями. Одни из нас погибали от непосредственной бедности и неприспособленности соцвоса, их десятками проглатывали кооперативные, торговые и другие организации; других в самые первые моменты после рождения поедала сама мамаша, родившая их, – есть такие мамаши, и такой мамашей часто бывал Наркомпрос; третьих клевал Кощей Бессмертный; четвертых лопали иные птицы: народный суд, милиция. Очень немногие выживали и продолжали ползать на соцвосовских листьях, но и из них большинство предпочитало своевременно окуклиться и выйти из кокона нарядной и легкомысленной бабочкой в образе инспектора или инструктора. А таких как я были сущие единицы, и во всем Союзе, может быть, я – единственный человек, который в течение восьми лет сидел на беспризорной капусте. Почему я оказался более приспособленным, не знаю, но тем не менее до поры до времени мы жили.*

В колонии скоро завелось настоящее производство. Разными правдами и неправдами мы организовали деревообделочную мастерскую с хорошими станками: строгальным, фуговальным, пилами, сами изобрели и сделали шипорезный станок. Мы заключали договоры, получали авансы и дошли до такого нахальства, что открыли даже в банке текущий счет.

Колонисты с большой охотой пошли на производственную работу, они не испугались машин, не испугались разделения труда. Нам запрещалась зарплата, но и в этом вопросе мы обходили

камни идеализма и тоже приспособились: вместо зарплаты мы ввели разные формы вещевого и бытового поощрения, и, когда к нам приставали с вопросом, почему «не всем одинаково», мы поднимали глаза к небу и отвечали благочестиво:

– Мы бедны, мы не в состоянии всем сразу. Мы по очереди: сначала этим, а потом тем…

– А может быть, у вас опять конкуренция? А?

Мы божились, крестились, плевались и кое-как отодвигали от себя хотя бы пятьдесят процентов грязных подозрений.

Делали мы дадановские ульи. Эта штука оказалась довольно сложной, требующей большой точности, но *скоро* мы насобачились на этом деле и стали выпускать их сотнями. Делали мебель, зарядные ящики и еще кое-что. *Потом* мы открыли и металлообрабатывающую мастерскую, но в этой отрасли не успели добиться успехов, нас настигла катастрофа.

В колонии завелись деньги в таком количестве, что мы получили возможность не окрашиваться в зеленый, защитный цвет и не прятаться в листве. Мы пошли по другой биологической линии: сделались пухлой, яркой гусеницей, по всем признакам, настолько ядовитой и вредной, что, увидев нас, сам Кощей Бессмертный остановился бы пораженный, чихнул, взъерошился и, отлетев в сторону, подумал бы:

– Стоит ли трогать эту гадость? Проглотишь, сам не рад будешь. Лучше я клюну вот эту богодуховскую колонию.

Так проходили месяцы. Отбиваясь направо и налево, приспособляясь, прикидываясь, иногда рыча и показывая зубы, иногда угрожая настоящим ядовитым жалом, а часто даже хватая за штаны чью-нибудь подвернувшуюся ногу, мы продолжали жить и богатеть.

Богатели мы и друзьями. Кроме Джуринской и Юрьева в самом Наркомпросе нашлось много людей, обладающих реальным умом, естественным чувством справедливости, положительным хотеньем задуматься над деталями нашего трудного дела. Но еще больше было друзей в широком нашем обществе, в партийных и окружных органах, в печати, в рабочей среде. Только благодаря им и *сложившемуся вокруг них общественному мнению* для нашей работы хватало кислорода, *и до некоторого времени мы имели возможность терпеливо выдерживать гипнотизирующие ненавидящие взгляды, направленные на нас с высот педагогического «Олимпа».*

Колония в это время неустанно крепила коллектив, находила для него новые, более усовершенствованные формы, применяясь к все возрастающей силе и влиянию комсомола, постепенно уменьшала авторитарное значение заведующего. Уже наш

комсомол, достигший к этому времени полутораста членов, начинал играть заметную роль не только в колонии, но и в городских комсомольских организациях. Рядом с этим и благодаря этому пошла вглубь культурная работа колонии. Школа уже доходила до шестого класса. *Отбиваясь от безумного бездельного комплекса, мы все-таки не называли нашу школу никакими официальными названиями, а шла она у нас под флагом подготовительных к рабфаку групп. Это позволяло нам в школе сильно нажимать на грамотность. Разумеется, это лишало наших учеников всякой возможности вкусить сладостей и высот «развитого ассоциативного мышления», но зато синица в руки нам всегда попадалась прекрасная: экзамены в рабфак наши ребята всегда выдерживали с честью.*

Появился в колонии и Василий Николаевич Перский, человек замечательный. Это был Дон Кихот, облагороженный веками техники, литературы и искусства. У него и рост и худоба были сделаны по Сервантесу[245], и это очень помогало Перскому «завинтить» и наладить клубную работу. Он был большой выдумщик и фантазер, и я не ручаюсь, что в его представлении мир не населен злыми и добрыми духами. Но я всем рекомендую приглашать для клубной работы только донкихотов. Они умеют в каждой щепке увидеть будущее, они умеют из картона и красок создавать феерии, с ними хлопцы научаются выпускать стенгазеты длиною в сорок метров, в бумажной модели аэроплана различать бомбовоза и разведчика, *изобретать собственные игры* и до последней капли крови отстаивать преимущество металла перед деревом. Такие донкихоты сообщают клубной работе необходимую для нее страсть и силу, горение талантов и рождение творцов. Я не стану здесь описывать всех подвигов Перского, скажу коротко, что он *совершенно* переродил наши вечера, наполнил их стружкой, точкой, клеем, спиртовыми лампами и визгом пилы, шумом пропеллеров, хоровой декламацией и пантомимой.

Много денег стали мы тратить на книги. На алтарном возвышении уже не хватало места для шкафов, а в читальном зале – для читающих.

Но главных достижений было два.

Первое – оркестр! На Украине, а может быть и в Союзе, наша колония первой завела эту *прекрасную* вещь. *Кощей Бессмертный только шипел в своем логове, когда мы отвалили четыре тысячи рублей на это дело,* товарищ Зоя потеряла последние сомнения в том, что я – бывший полковник, *более солидные небожители еще раз воздели руки по поводу такого «соцвосохульства»*, но зато совет командиров был доволен. Правда, заводить оркестр в колонии –

очень большая нагрузка для нервов, потому что в течение четырех месяцев вы не можете найти ни одного угла, где бы не сидели на стульях, столах, подоконниках баритоны, басы, тенора и не выматывали вашу душу и души всех окружающих непередаваемо отвратительными звуками. Но Первого мая мы вошли в город с собственной музыкой. Сколько в этот день было ярких переживаний, слез умиления и удивленных восторгов у харьковских интеллигентов, старушек, газетных работников и уличных мальчишек!

И вот что удивительно: принципиально все оркестр отвергали, но когда он заиграл, всем захотелось получить его на торжественный вечер, на встречи, на похороны, на проводы и на праздничные марши. И если раньше мне грозили бичи и скорпионы за то, что я заводил оркестр, теперь мне начали грозить за то, что я отказывал в оркестре, жалея хлопцев. Угрозы раздавались больше по телефону:

– Алло! Говорят из секции горсовета. Срочно пришлите ваш оркестр. Сегодня в пять часов похороны нашего сотрудника.

– Я не пришлю.

– Как?

– Не пришлю, – говорю.

– Это говорят из секции горсовета.

– Все равно, не пришлю.

– По какому праву?

– Не хочется.

– Как вы так говорите? Как вы можете так говорить?

– Давно научился.

– Мы будем жаловаться.

– Жалуйтесь!

– Вы будете отвечать!

– Есть отвечать!

– Хорошо, товарищ!

– Ничего хорошего!

И жаловались, обвиняли в общественном индифферентизме, в зловредном воспитании юношества. Нужно, впрочем, сказать, что на жалобы эти никто не обращал внимания и вполне соглашались с нашими доводами: нельзя же ни за что ни про что гонять ребят в город, заставлять их пять километров носить тяжелые трубы, дуть, ходить, отрываться от работы, от книги, от школы.

Вторым достижением было кино. Оно позволило нам по-настоящему вцепиться в работу капища, стоявшего посреди нашего двора. Как ни плакал церковный совет, сколько ни угрожал, мы начинали сеансы точно по колокольному перезвону к вечерне. Никогда этот старый сигнал не собирал столько

верующих, сколько теперь. И так быстро. Только что звонарь слез с колокольни, батюшка только что вошел в ворота, а у дверей нашего клуба уже стоит очередь в две-три сотни человек. Пока батюшка нацепит ризы, в аппаратной киномеханик нацепит ленту, батюшка заводит «Благословенно царство…», киномеханик заводит свое. Полный контакт!

Этот контакт для Веры Березовской кончился скорбно. Вера – одна из тех моих воспитанниц, себестоимость которых в моем производстве очень велика, сметным начертаниям *Кощея Бессмертного* она никогда даже не снилась.

В первое время после «болезни почек» Вера притихла и заработалась. Но чуть-чуть порозовели у нее щеки, чуть-чуть на какой-нибудь миллиметр прибавилось подкожного жирка, Вера заиграла всеми красками, плечами, глазами, походкой, голосом. Я часто ловил ее в темноватых углах рядом с какой-нибудь неясной фигурой. Я видел, каким убегающим и неверным сделался серебряный блеск ее глаз, каким отвратительно-неискренним тоном она оправдывалась:

– Ну, что вы, Антон Семенович! Уже и поговорить нельзя.

В деле перевоспитания нет ничего труднее девочек, побывавших в руках. Как бы долго ни болтался на улице мальчик, в каких бы сложных и незаконных приключениях он ни участвовал, *как бы ни возмутительны и ни дики были его привычки, тон, блатное геройство*, если у него есть – пусть самый небольшой – интеллект, в хорошем коллективе из него всегда выйдет человек. Это потому, что мальчик этот, в сущности, только отстал, его расстояние от нормы можно всегда измерить и заполнить. Девочка, рано, почти в детстве начавшая жить половой жизнью, не только отстала – и физически и духовно, она несет на себе глубокую травму, очень сложную и болезненную. *Черт его знает, когда у нас установится на таких девочек здоровый простой взгляд?* Со всех сторон на нее направлены «понимающие» глаза мужчин, то трусливо-похабные, то нахальные, то сочувствующие, то слезливые. Всем этим взглядам одна цена, всем одно название: преступление. Они не позволяют девочке забыть о своем «*падении*», они *всегда* поддерживают вечное самовнушение в собственной неполноценности. И в одно время с усекновением личности у этих девочек уживается примитивная глупая гордость. Другие девушки – зелень против нее, девчонки, в то время когда она уже женщина, уже испытавшая то, что для других тайна, уже имеющая над мужчинами особую власть, знакомую ей и доступную. В этих сложнейших переплетах боли и чванства, бедности и богатства, ночных слез и дневных заигрываний нужен дьявольский характер, чтобы наметить линию и идти по ней

[ним], создать новый опыт, новые привычки, новые формы осторожности и такта.

Даже по отношению к мальчикам я никогда не придавал особенного веса эволюционным путям. В опыте своем я убедился, что как бы ни хорошо был организован общий порядок, как бы здорово, радостно и правильно ни жил коллектив, никогда нельзя полагаться только на спасательное значение одной эволюции, на постепенное становление человека. Во всяком случае, самые тяжелые характеры, самые убийственные комплексы привычек никогда эволюционно не разрешаются. Очень возможно, что в эволюционном порядке собираются, подготовляются какие-то предрасположения, намечаются какие-то изменения в духовной структуре, но все равно для реализации их нужны какие-то более острые моменты, взрывы, потрясения, берега бездны, то, что в биологии называется мутацией[246]*. Я не имел никогда возможности нарочито организовать широкий опыт в этом направлении, я не имел права организовывать такие взрывы, но когда они происходили в естественном порядке, я видел и научился учитывать их великое значение. Я много, очень много думал по этому вопросу, потому что это один из центральных вопросов педагогики перевоспитания. К сожалению, я имел очень ограниченные возможности проверить свои предчувствия лабораторным порядком.*

Что такое взрыв? Я представляю себе технику этого явления так. Общая картина запущенного «дефективного» сознания не может быть определена в терминах одного какого-нибудь отдела психики. И вообще, дефективность сознания – это, конечно, не техническая дефективность личности, это дефективность каких-то социальных явлений, социальных отношений, одним словом, это прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества. Как эта дефективность отношений проектируется в самочувствии личности, разумеется, очень сложный вопрос, который здесь неуместно разрешить, но в общем можно сказать, что это отражение, в последнем счете, принимает форму пониженного знания, пониженных представлений о человеческом обществе вообще. Все это составляет очень глубокую, совершенно непроходимую толщу конфликтных соприкосновений личности и общества, которую почти невозможно раскопать эволюционно. Невозможно потому, что здесь две стороны, и обе эти стороны активные, следовательно, эволюция, в сущности, приводит к эволюции дефективной активности личности. Так это и бывает всегда, когда мы все надежды возлагаем на эволюцию.

Так как мы имеем дело всегда с отношением, так как именно

отношение составляет истинный объект нашей педагогической работы, то перед нами всегда и стоит двойной объект – личность и общество. Выключить личность, изолировать ее, вынуть ее из отношений совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения. Но если отношение в самом начале дефективно, если оно в отправной точке уже испорчено, то всегда есть страшная опасность, что эволюционировать будет и развиваться именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, то есть чем более активной стороной она является в общей картине конфликта. Единственным методом в таком случае является не оберегать это дефективное отношение, не позволять ему расти, а уничтожить его, взорвать.

Взрывом я называю доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос: или быть членом общества, или уйти из него. Последний предел, крайний конфликт может выражаться в самых разнообразных формах: в формах решения коллектива, в формах протеста коллектива, в формах коллективного гнева, осуждения, бойкота, отвращения, важно, чтобы все эти формы были выразительны, чтобы они создавали впечатление крайнего сопротивления общества. Вовсе не нужно при этом, чтобы это были выражения толпы или обязательно общих собраний. Вполне даже допустимо, чтобы это были выражения отдельных органов коллектива или даже уполномоченных лиц, если заранее известно, что они безоговорочно поддерживаются общественным мнением. Но чрезвычайно важно, чтобы эти выражения сопровождались проявлениями общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами. Выраженный в ярких, эмоционально насыщенных высказываниях решительный протест коллектива, неотступное его требование является тем самым категорическим императивом, который так давно разыскивала идеалистическая философия.

Для меня в этой операции очень важным моментом является следующий: в составе коллектива никогда не бывает только одно дефективное отношение, их всегда бывает очень много, разных степеней конфликтности от близких к пределу противоречий до мелких трений и будничных отрыжек… Было бы физически невозможно разрешать все эти конфликты, возиться с ними, изучать и доводить до взрывов. Конечно, в таком случае вся жизнь коллектива превратилась бы в сплошную трескотню, нервную

горячку, и толку от этого было бы очень мало. Меньше всего коллектив нужно нервировать, колебать и утомлять. Но это и не требуется.

Я всегда выбирал из общей цепи конфликтных отношений самое яркое, выпирающее и убедительное, для всех понятное. Разваливая его вдребезги, разрушая самые его основания, коллективный протест делается такой мощной, такой все сметающей лавиной, что остаться в стороне от нее не может ни один человек. Обрушиваясь на голову одного лица, эта лавина захватывает очень многие компоненты других дефективных отношений. Эти компоненты в порядке детонации переживают одновременно собственные местные взрывы, ибо коллектив бьет и по ним, представляя их взору тот же образ полного разрыва с обществом, угрозу обособления, и перед ними ставит тот же категорический императив. Уже потрясенные в самой сущности своих отношений к обществу, уже поставленные вплотную перед его силой, они не имеют, собственно говоря, никакого времени выбирать и решать, ибо они несутся в лавине, и лавина их несет без спроса о том, чего они хотят или чего не хотят.

Поставленные перед необходимостью немедленно что-то решить, они не в состоянии заняться анализом и в сотый, может быть, раз копаться в скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других. Подчиняясь в то же время эмоциональному внушению коллективного движения, они наконец действительно взрывают в себе очень многие представления, и не успеют обломки их разлететься в воздухе, как на их месте уже становятся новые образы, представления о могучей правоте и силе коллектива, ярко ощутимые факты собственного участия в коллективе, в его движении, первые элементы гордости и первые сладкие ощущения собственной победы.

Тот же, кого в особенности имеет в виду весь взрывной момент, находится, конечно, в более тяжелом и опасном положении. Если большинство объектов взрывного влияния несутся в лавине, если они имеют возможность пережить катастрофу внутри себя, главный объект стоит против лавины, его позиция действительно находится на краю бездны, в которую он необходимо полетит при малейшем неловком движении. В этом обстоятельстве заключается формально опасный момент всей взрывной операции, который должен оттолкнуть от нее всех сторонников эволюции. Но позиция этих сторонников не более удачна, чем позиция врача, отказывающегося от операции язвы желудка в надежде на эволюцию болезни, ибо эволюция болезни есть смерть. Надо прямо сказать, что взрывной маневр – вещь

очень болезненная.

Такой трудной для *перевоспитания* оказалась Вера Березовская. Она много огорчала меня после нашего переезда, и я подозревал, что в это время она прибавила много петель и узлов на нитке своей жизни. Говорить с Верой требовало особой деликатности. Она легко обижалась, капризничала, старалась скорее от меня убежать куда-нибудь на сено, чтобы там наплакаться вдоволь. Это не мешало ей попадаться все в новых и новых парах, разрушать которые только потому было нетрудно, что мужские их компоненты больше всего на свете боялись стать на середине в совете командиров и отвечать на приглашение Лаптя:

– Стань смирно и давай объяснения, как и что!

Но наша жизнь бежала вперед и прибежала наконец к разным неприятностям.

Вера наконец сообразила, что колонисты неподходящий народ для романов, и перенесла свои любовные приключения на менее уязвимую почву. Возле нее завертелся молоденький телеграфист из Рыжова, существо прыщеватое и угрюмое, глубоко убежденное, что высшее выражение цивилизации на земном шаре – его желтые канты. Вера начала ходить на свидания с ним в рощу. Хлопцы встречали их там, протестовали, но нам уже надоело гоняться за Верой, *и я согласен был уже записать, что бороться с Вериной натурой бесполезно*. Единственное, что можно было сделать, сделал Лапоть. Он захватил в уединенном месте телеграфиста Сильвестрова и сказал ему:

– Ты Верку с толку сбиваешь. Смотри: женим!

Телеграфист отвернул в сторону прыщеватую подушку лица *и усомнился*:

– *Так вы меня и женили!*

– Смотри, Сильвестров, не женишься, вязы свернем на сторону, ты ведь нас знаешь… Ты от нас и в своей аппаратной не спрячешься, и в другом городе найдем.

Вера махнула рукой на все этикеты и улетала на свидание в первую свободную минуту. При встрече со мной она краснела, поправляла что-то в прическе и убегала в сторону. *Я делал вид, что ничего особенного в таких встречах нет.*

Наконец пришел час и для Веры. Поздно вечером она пришла в мой кабинет, развязно повалилась на стул, положила ногу на ногу, залилась краской и опустила веки, но сказала громко, высоко держа голову, сказала неприязненно *и сухо*:

– У меня есть к вам дело.

– Пожалуйста, – ответил я ей так же официально.

– Мне необходимо сделать аборт.

– Да?

– Да. И прошу вас: напишите записку в больницу.

Я молчал, глядя на нее. Она опустила голову:

– Ну… и все.

Я еще чуточку помолчал. Вера пробовала посматривать на меня из-за опущенных век, и по этим взглядам я понял, что она сейчас бесстыдна: и взгляды эти, и краска на щеках, и манера говорить.

– Будешь рожать, – сказал я *сурово*.

Вера посмотрела на меня кокетливо-косо и завертела головой:

– Нет, не буду!

Я не ответил ей ничего, запер ящики стола, надел фуражку. Она встала, смотрела на меня по-прежнему боком, неудобно.

– Идем! Спать пора, – сказал я.

– Так мне нужно… записку. Я не могу ожидать! Вы же должны понимать!..

Мы вышли в темную комнату совета командиров и остановились.

– Я тебе сказал серьезно и своего решения не изменю. Никаких абортов! У тебя будет ребенок!

– Ах! – крикнула Вера, убежала, хлопнула дверью.

Дня через три она встретила меня за воротами, когда поздно вечером я возвращался из села, и пошла рядом со мной, начиная мирным искусственно-кошачьим ходом:

– Антон Семенович, вы все шутите, а мне вовсе не до шуток.

– Что тебе нужно?

– У, не понимают будто!.. Записка нужна, чего вы представляетесь?

Я взял ее под руку и повел на полевую дорогу:

– Давай поговорим.

– О чем там говорить!.. Вот еще, господи! Дайте записку, и все!

– Слушай, Вера, – сказал я. – Я не представляюсь и не шучу. Жизнь – дело серьезное, играть в жизни не нужно и опасно. В твоей жизни случилось серьезное дело: ты полюбила человека… Вот выходи замуж.

– На чертей он мне сдался, ваш человек? Замуж я буду выходить, такое придумали!.. И еще скажете: детей нянчить! Дайте мне записку, *и говорить не о чем*. И никого я не полюбила!

– Никого не полюбила? Значит, ты развратничала?

– Ну, и пускай развратничала! Вы, конечно, все можете говорить!

– Я вот и говорю: я тебе развратничать не позволю! Ты

сошлась с мужчиной, теперь *родишь ребенка и* будешь матерью!

– Дайте записку, я вам говорю! – крикнула Вера уже со слезами. – И чего вы издеваетесь надо мною?

– Записки я не дам. А если ты еще будешь просить об этом, я поставлю вопрос на совете командиров.

– Ой, Господи! – вскрикнула она и, опустившись на межу, принялась плакать, жалобно вздрагивая плечами и захлебываясь.

Я стоял над ней и молчал. С баштана к нам подошел Галатенко, долго рассматривал Веру на меже и произнес не спеша:

– Я думал, что это тут скиглит?[247] А это Верка плачет… А то все смеялась… А теперь плачет…

Вера затихла, встала с межи, аккуратно, *по-деловому*, отряхнула платье, так же деловито последний раз всхлипнула и пошла к колонии, размахивая рукой и рассматривая звезды.

Галатенко сказал:

– Пойдемте, Антон Семенович, в курень. От кавуном угощу! Царь-кавун называется! Там и хлопцы сидят.

Прошло два месяца. Наша жизнь катилась, как хорошо налаженный поезд: кое-где полным ходом, на худых мостах потихоньку, под горку – на тормозах, на подъемах – отдуваясь и фыркая. И вместе с нашей жизнью катилась, *увлекаемая общей инерцией*, и жизнь Веры Березовской, но она ехала зайцем на нашем поезде.

Что она беременна, не могло укрыться от колонистов, да, вероятно, и сама Вера с подругами поделилась секретом, а какие бывают секреты у ихнего брата, всем известно. Я имел случай отдать должное благородству колонистов, в котором, впрочем, и раньше был уверен. Веру не дразнили и не травили. Беременность и рождение ребенка в глазах ребят не были ни позором, ни несчастьем. Ни одного обидного слова не сказал Вере ни один колонист, не бросил ни одного презрительного взгляда. Но о Сильвестрове – телеграфисте – шел разговор особый. В спальнях и в «салонах», в сводном отряде, в клубах, на току, в цеху, видимо, основательно проветрили все детали вопроса, потому что Лапоть предложил мне эту тему, как совсем готовую:

– Сегодня в совете командиров поговорим с Сильвестровым, *ничего не имеете против*?

– Я не возражаю, но, может быть, Сильвестров возражает?

– Его приведут. Пускай не прикидывается комсомольцем!

Сильвестрова вечером привели Жорка и Волохов, и, при всей трагичности вопроса, я не мог удержаться от улыбки, когда поставили его на середину и Лапоть завинтил последнюю гайку:

– Стать смирно!

Сильвестров до холодного пота боялся совета командиров. Он не только вышел на середину, не только стал смирно, но готов был совершать какие угодно подвиги, разгадывать какие угодно загадки, только бы вырваться целым и невредимым из этого ужасного учреждения. Неожиданно все повернулось таким боком, что загадки пришлось разгадывать самому совету *командиров*, ибо Сильвестров мямлил на середине:

– Товарищи колонисты, разве я какой оскорбитель… или хулиган?.. Вы говорите – жениться. Я готов с удовольствием, так что ж я сделаю, если она не хочет!

– Как не хочет? – подскочил Лапоть. – Кто тебе сказал?

– Да она ж сама и сказала… Вера.

– А ну, давай ее в совет! Зорень!

– Есть!

Зорень с треском вылетел в дверь, но через две минуты снова ворвался в кабинет и закивал носиком на Лаптя, правым ухом показывая на какие-то дальние области, где сейчас находилась Вера:

– Не хочет!.. Понимаешь… я говорю… а она говорит: иди ты!

Лапоть обвел взглядом совет командиров и *одними глазами кивнул* Федоренко. Федоренко солидно поднялся с места, дружески-небрежно подбросил *к носу* руку, сочно и негромко сказал «есть» и двинулся к дверям. Под его рукой прошмыгнул в двери Зорень и с паническим грохотом скатился с лестницы. Сильвестров бледнел и замирал на середине, наблюдая, как на его глазах колонисты сдирали кожу с поверженного ангела любви.

Я поспешил за Федоренко и остановил его во дворе:

– Иди в совет, я пойду к Вере.

Федоренко молча уступил мне дорогу.

Вера сидела на кровати и терпеливо ожидала пыток и казней, перебирая в руках белые большие пуговицы. Зорень делал перед ней настоящую охотничью стойку и вякал дискантом:

– Иди! Верка, иди!.. А то Федоренко… Иди!.. Лучше иди! – Он зашептал: – Иди! А то Федоренко… на руках понесет.

Зорень увидел меня и исчез, только на том месте, где он стоял, подскочил синенький вихрик воздуха.

Я присел на кровать Веры, кивнул двум-трем девочкам, чтобы вышли.

– Ты не хочешь выходить замуж за Сильвестрова?

– Не хочу.

– И не надо. Это правильно.

Продолжая перебирать пуговицы, Вера сказала не мне, а пуговицам:

– Все хотят меня замуж выдать! А если я не хочу!.. И сделайте мне аборт!

– Нет!

– А я говорю: сделайте! Я знаю: если я хочу, не имеете права.

– Уже поздно!

– Ну, и пусть поздно!

– Поздно. Ни один врач не может это сделать.

– Может! Я знаю! Это только называется кесарево сечение.

– Ты знаешь, что это такое?!

– Знаю. Разрежут, и все.

– Это очень опасно. Могут зарезать.

– *И пусть!* Пусть лучше зарежут, чем с ребенком! Не хочу!

Я положил руку на ее пуговицы. Она перевела взгляд на подушку.

– Видишь, Вера. Для врачей тоже есть закон. Кесарево сечение можно делать только тогда, если мать не может родить.

– Я тоже не могу!

– Нет, ты можешь. И у тебя будет ребенок!

Она сбросила мою руку, поднялась с постели, с силой швырнула пуговицы на кровать:

– Не могу! И не буду рожать! Так и знайте! Все равно – повешусь или утоплюсь, а рожать не буду!

Она повалилась на кровать и заплакала.

В спальню влетел Зорень:

– Антон Семенович, Лапоть говорит, чи ожидать Веру или как? И Сильвестрова как?

– Скажи, что Вера не выйдет за него замуж.

– А Сильвестрова?

– А Сильвестрова гоните в шею!

Зорень молниеносно трепыхнул невидимым хвостиком и со свистом пролетел в двери.

Что мне было делать? Сколько десятков веков живут люди на земле, и вечно у них беспорядок в любви! *Антоний и Клеопатра*, Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона, Онегин и Татьяна, Вера и Сильвестров. Когда это кончится? Когда наконец на сердцах влюбленных будут поставлены манометры, амперметры, вольтметры и автоматические быстродействующие огнетушители? Когда уже не нужно будет стоять над ними и думать: повесится или не повесится? *Неужели ничего нельзя изобрести в этой области! Говорят, за изобретение* ‹…› *для алюминия заплатили где-то миллион франков!*

Я обозлился и вышел. Совет уже выпроводил жениха. Я попросил остаться девочек-командиров, чтобы поговорить с ними о Вере. Полная краснощекая Оля Ланова выслушала меня

приветливо-серьезно и сказала:

– Это правильно. Если бы сделали ей это самое, совсем пропала бы. *И ничего, не повесится!*

Наташа Петренко, *давно уже возмужавшая и научившаяся говорить, следила* за Олей спокойными умными глазами и молчала.

– Наташа, какое твое мнение?

– Антон Семенович, – сказала Наташа, *прищурившись*, – если человек захочет повеситься, ничего не сделаешь. И уследить нельзя. Девочки говорят: будем следить. Конечно, будем, но только не уследим.

Мы разошлись. Девчата пошли спать, а я – думать и ожидать стука в окно.

В этом полезном занятии я провел несколько ночей. Иногда ночь начиналась с визита Веры, которая приходила растрепанная, заплаканная и убитая горем, усаживалась против меня и несла самую возмутительную чушь о пропащей жизни, о моей жестокости, о разных удачных случаях кесарева сечения.

Я пользовался возможностью преподать Вере некоторые начала необходимой жизненной философии, которых она была лишена в вопиющей степени.

– Ты страдаешь потому, – говорил я, – что ты очень жадная. Тебе нужны радости, развлечения, удовольствия, утехи. Ты думаешь, что жизнь – это бесплатный праздник. Пришел человек на праздник, его все угощают, с ним танцуют, все для его удовольствия?

– А по-вашему, человек должен всегда мучиться?

– По-моему, жизнь – это не вечный праздник. Праздники бывают редко, а больше бывает труд, разные у человека заботы, обязанности, так живут все трудящиеся. И в такой жизни больше радости и смысла, чем в твоем празднике. Это раньше были такие люди, которые сами не трудились, а только праздновали, получали всякие удовольствия. Ты же знаешь: мы этих людей просто выгнали. *На черта мы их будем кормить, дармоедов.*

– Да, – всхлипывает Вера, – по-вашему, если трудящийся, так он должен всегда страдать.

– Зачем ему страдать? Работа и трудовая жизнь – это тоже радость. Вот у тебя родится сын, ты его полюбишь, будет у тебя семья и забота о сыне. Ты будешь, как и все, работать и иногда отдыхать, в этом и заключается жизнь. А когда твой сын вырастет, ты будешь часто меня благодарить за то, что я не позволил его уничтожить.

– *Не хочу я никакого сына.*

– *А чего ты хочешь? Ты хочешь ходить по рукам от одного*

мужчины к другому? Ты считаешь, что это удовольствие? Но ведь ты не знаешь, к чему это приводит? Это приводит только к горю, к слезам, к страшной жизни.

Очень, очень медленно Вера начинала прислушиваться к моим словам и посматривать на свое будущее без страха и отвращения. Я мобилизовал все женские силы колонии, и они окружили Веру специальной заботой, а еще больше специальным анализом жизни. Совет командиров выделил для Веры отдельную комнату. Кудлатый возглавил комиссию из трех человек, которая стаскивала в эту комнату обстановку, посуду, разную житейскую мелочь. Даже пацаны начали проявлять интерес к этим сборам, но, разумеется, они не способны были отделаться от своего постоянного легкомыслия и несерьезного отношения к жизни. Только поэтому я однажды поймал Синенького в только что сшитом детском чепчике:

– Это что такое? Ты почему это нацепил?

Синенький стащил с головы чепчик и тяжело вздохнул.

– Где ты это взял?

– Это… Вериного ребенка… чепа… Девчата шили…

– Чепа!.. Почему она у тебя?

– Я там проходил…

– Ну?

– Проходил, а она лежит…

– Это ты в швейной мастерской… проходил?

Синенький понимает, что «не надо больше слов», и поэтому молча кивает, глядя в сторону.

– Девочки пошили для дела, а ты изорвешь, испачкаешь, бросишь… Что это такое?

Нет, это *возмутительное* обвинение выше слабых сил Синенького. *Он решительно протестует, он даже оскорблен, его яркие губы начинают энергичную защиту:*

– Та нет, Антон Семенович, вы разберите… Я взял, а Наташа говорит: «До чего ты распустился». Я говорю: «Это я отнесу Вере». А она сказала: «Ну, хорошо, отнеси». Я побежал к Вере, а Вера пошла в больничку. А вы говорите – порвешь…

Еще прошел месяц, и Вера примирилась с нами, и с такой же самой страстью, с какой требовала от меня кесарева сечения, она бросилась в материнскую заботу. В колонии снова появился Сильвестров, и Галатенко, на что уже человек расторопный, и тот развел руками:

– Ничего нельзя понять: обратно женятся!

Наша жизнь катилась дальше, *и в стуке ее колес я снова не различал ничего тревожного. Только в сельских наших делах иногда что-то цеплялось и царапало, требовало осторожности и*

регулярного досмотра. Село было плохое, и селяне были особые. Земли у них почти не было, и землей занимались немногие. Командовали и задавали тон бородачи, которые сами ничего не делали, возились с церковью и писали на нас разные жалобы. У них было множество братьев и сыновей, промышлявших в городе извозом, спекуляцией и другими делами, по нашим сведениям, более темного колера. Именно эта группа и хулиганила на селе, по праздникам напивалась, ссорилась между собою, и в нашу больничку часто приводили грязных, истерзанных дракой людей с ножевыми ранами. Ко мне приехал инспектор милиции и просил помощи. Коваль этими делами специально занялся, но успех приходил медленно. Наши комсомольские патрули, правда, охватили Подворки своими щупальцами, при помощи нашего кино и театра мы привлекли к себе рабочую молодежь, большею частью служившую на железной дороге, появились в Подворках преданные нам друзья и помощники, но монастырь недаром просидел на горе триста лет: сельское наше общество слишком глубоко было поражено вековой немощью почти первобытной дикости, церковного тупого ритуала и домашнего домостроевского хамства. Мы начали строить в селе хату-читальню, но и в сельсовете засели церковники, и постройка поэтому проходила мучительно, сопровождалась хищением строительных материалов и даже денег. Стариковская часть села, выглядывая из-под железных крыш и из-за основательных заборов, недвусмысленно ворчала, а молодежь встречала наши патрули открыто враждебно, затевала столкновения по самым пустячным поводам, угрожала финками. Мы не доводили дело до прямой борьбы, желая предварительно закрепить за собою значительную часть сторонников и точнее разобраться в сложных селянских отношениях. Но совершенно отказаться от военных действий было невозможно.

Давно кончился день. Только в окне сторожевого отряда ярко горит электрическая лампа. По прохладной земле еле слышно проходит охрана, если там нет Миши Овчаренко. Миша всегда что-нибудь напевает, не обнаруживая, впрочем, в своем пении ни приятного голоса, ни чрезмерного уважения к неприкосновенности песенного мотива. Поэтому многие просят Мишу не петь по ночам, но я люблю, когда Миша поет. Мишино пение обозначает полное благополучие в колонии – поезд почти бесшумно бежит по рельсам, станция еще далеко, можно спать спокойно. Но и Мишино пение бывает обманчиво. В одну из таких спокойных ночей я сквозь сон начинаю различать огни незнакомой чужой станции. В мои двери бьют изо всех сил, и не слышно никакого мирного пения. Кое-как одеваюсь, выскакиваю. Миша и Галатенко стоят на крыльце, но их привычные фигуры нарисованы не на знакомом фоне колонистской

ночи, а черт его знает на чем: ночь наполнена отчаянным воплем, я даже не разбираю сразу, откуда идут эти ужасные крики.

– Что это такое? – спрашиваю я.

– Вы понимаете? – говорит Миша.

Мы подходим к обрыву горы. Вопль стоит такой многоголосный, такой всепокрывающий, что у меня не возникает никаких сомнений: на село напала банда, здесь почти под нашими ногами происходит поголовная азиатская резня. Я начинаю различать стоны умирающих, последние взвизги жертв, когда нож уже полоснул по горлу, панический, бесполезный вой беглецов, на которых уже напали, над которыми уже занесен меч или кривая татарская сабля.

– Давай тревогу, – кричу я Мише и сам бегом спешу за револьвером. Через полминуты я снова над обрывом, вопли еще шире, еще отчаяннее. Я подаю в дуло патрон и почти теряюсь: что делать? Но из спален глухо доносится сигнал, и сейчас же вырывается на двор, оглушая меня, нестерпимая песня тревоги. Я спускаюсь по лестнице, и меня немедленно обгоняют низвергающиеся вниз, как лавина, колонисты. Что они там будут делать с голыми руками?

Но я не успел дойти до пруда, как крики мгновенно прекратились. Значит, колонисты что-то сделали. Мы с Галатенко побежали вокруг пруда.

На огромном дворе Ефима Хорунженко собралась вся колония. Таранец берет меня за руку и подводит к центральному пункту события. Между крыльцом и стеной хаты забилось в угол и рычит, и хрипит, и стонет живое существо. Таранец зажигает спичку, и я вижу свернувшуюся в грязный комок, испачканную кровью, взлохмаченную голую женщину. С крыльца прыгает Горьковский и подает женщине какую-то одежду. Она неожиданно вытянувшейся рукой вырывает у Витьки эту вещь и, продолжая рычать и стонать, натаскивает ее на себя.

– Да кто это кричал?

Таранец показывает на плетень вокруг двора. Он весь унизан белыми пятнами бабских лиц.

С другой стороны крыльца колонисты насилу удерживают повисшую на руках широкоплечую, размазанную в темноте фигуру. Фигура источает уже охрипшие матерные проклятия и густые волны перегара.

– Пустите! Пустите! Какое ваше дело сюда мешаться? Все равно убью, б…ь!

Это член церковного совета Ефим Хорунженко. Когда я подхожу к нему, он на меня выливает целое ведро отборной матерщины, плюется и рычит.

– Колонии позаводили! Народ грабите, байстрюков годуете! Иди с моего двора, сволочь, жидовская морда! Эй, люди! Спасите, гоните их, сукиных сынов!

Хлопцы хохочут и спрашивают:

– Эй, дядя, может, купаться хочешь? Пруд близко, смотри, поплаваешь.

Хорунженко вдруг затихает и перестает вырываться из рук.

Я приказываю ребятам отвести его в колонию. Хорунженко вдруг начинает просить:

– Товарищ начальник, простите, бывает же в семействе…

Ночь продержали Хорунженко в клубе, а наутро отправили в милицию. Я упросил прокурора судить его показательным судом, и это обстоятельство прибавило для меня новые заботы. Дня не стало, чтобы в колонию не приходили бабы с жалобами на мужей, свекрух, свекров. Я не уклонялся от нагрузки, тем более что в моем распоряжении имелось замечательное средство – совет командиров.

Обвиняемые в дерзком обращении с женами, люди с запутанными бородами и дикими лохмами на голове послушно являлись в назначенный час выходили покорно «на середину» и оправдывались, отказываясь от труда удовлетворительно объяснить, почему они обязаны отвечать на вопрос какого-нибудь командира восемнадцатого Вани Зайченко:

– А за что это вы побили вашего Федьку?

– Когда я его побил?

– Когда? А в субботу? Скажете, нет? Да?

В нашем поезде прибавилось жизни, и он летел вперед, обволакивая пахучим, веселым дымом широкие поля советских бодрых дней. Советские люди смотрели на нашу жизнь и радовались. По воскресеньям к нам приезжали гости: студенты вузов, рабочие экскурсии, педагоги, сотрудники газет и журналов. На страницах газет и двухнедельников они печатали о нас простые дружеские рассказы, портреты пацанов, снимки свинарни и деревообделочной мастерской. Гости уходили от нас чуточку растроганные скромным нашим блеском, жали руки новым друзьям и на приглашение еще приходить салютовали и говорили «есть».

Все чаще и чаще начали привозить к нам иностранцев. Хорошо одетые джентльмены вежливо щурились на примитивное наше богатство, на древние монастырские своды, на бумажные спецовки ребят. Коровником нашим мы тоже не могли их удивить. Но живые хлопчачьи морды, деловой сдержанный гомон и чуть-чуть иронические молнии взглядов, направленные на рябые чулки и куцые куртки, на выхоленные лица и крошечные

записные книжечки, удивляли гостей.

К переводчикам они приставали с вредными вопросами и ни за что не хотели верить, что мы разобрали монастырскую стену, хотя стены и на самом деле уже не было. Просили разрешения поговорить с ребятами, и я разрешал, но категорически требовал, чтобы никаких вопросов о прошлом ребят не было. Они настораживались и начинали спорить. Переводчик мне говорил, немного смущаясь:

– Они спрашивают: для чего вы скрываете прошлое воспитанников? Если оно было плохое, тем больше вам чести.

И уже с полным удовольствием переводчик переводил мой ответ:

– Нам эта честь не нужна. Я требую самой обыкновенной деликатности. Мы же не интересуемся прошлым наших гостей.

Гости расцветали в улыбках и кивали дружелюбно:

– Иес, иес!

Гости уезжали в дорогих авто, а мы продолжали жить дальше. Осенью ушла от нас новая группа рабфаковцев. Зимою в классных комнатах, кирпич за кирпичом, мы снова терпеливо складывали строгие пролеты школьной культуры.

И вот снова весна! Да еще и ранняя. В три дня все было кончено. На твердой аккуратной дорожке тихонько доживает рябенькая сухая корочка льда. По шляху кто-то едет, и на телеге весело дребезжит пустое ведро. Небо синее, высокое, нарядное, *умытое*. Алый флаг громко полощется *на флагштоке* под весенним теплым ветром. Парадные двери клуба открыты настежь, в непривычной прохладе вестибюля особенная чистота и старательно разостлан после уборки половик.

В парниках давно уже кипит работа. Соломенные маты днем сложены в сторонке, стеклянные крыши косят на подпорках. На краях парников сидят пацаны и девчата, вооруженные острыми палочками, пикируют рассаду и неугомонно болтают о том о сем. Женя Журбина, человек выпуска тысяча девятьсот двадцать четвертого года, первый раз в жизни свободно бродит по земле, заглядывает в огромные ямы парников, опасливо посматривает на конюшню, потому что там живет Молодец, и тоже лепечет по интересующим ее вопросам*, потешая ребят своим оригинальным выговором: вместо «л» она почему-то произносит «р»:*

– А кто это сдерар стекро? Это хропцы, да?

Селяне праздновали Пасху. Целую ночь они толкались на дворе, носились с узлами, со свечками. Целую ночь тарабанили на колокольне. Под утро разошлись, разговелись и забродили пьяные по селу и вокруг колонии. Но тарабанить не перестали, лазили на колокольню по очереди и трезвонили. Дежурный

командир наконец *потерял терпение и* тоже полез на колокольню и высыпал оттуда в село целую кучу музыкантов. Приходили в праздничных пиджаках члены церковного совета, их сыновья и братья, размахивали руками, смелее были, чем всегда, и вопили:

– Не имеет права! Советская власть дозволяет святой праздник! Открывай колокольню! Праздников праздник! Кто может запретить звонить?

– Ты и без звона мокрый, – говорит Лапоть.

– Не твое дело, что мокрый, а почему нельзя звонить?

– Папаша, – отвечает Кудлатый, – собственно говоря, надоело, понимаешь? По какому случаю торжество? Христос воскрес? А тебе какое до этого дело? На Подворках никто не воскресал? Нет! Так чего вы мешаетесь не в свое дело!

Члены церковного совета шатаются на месте, подымают руки и галдят:

– Все равно! Звони! И все дело!

Хлопцы, смеясь, составили цепь и вымели эту пасхальную пену в ворота.

На эту сцену издали смотрит Козырь и неодобрительно гладит бороденку:

– До чего народ разбаловался! Ну и празднуй себе потихоньку. Нет, ходит и ругается, Господи, прости!

Вечером по селу забегали с ножами, закричали, завертели подворскими конфликтами перед глазами друг друга и повезли к нам в больничку целые гроздья порезанных и избитых. Из города прискакал наряд конной милиции. У крыльца больнички толпились родственники пострадавших, свидетели и сочувствующие, все те же члены церковного совета, их сыновья и братья. Колонисты окружают их и спрашивают с ироническими улыбками:

– Папаша, звонить не надо?

После Пасхи долетели к нам слухи: по другую сторону Харькова ГПУ строит новый дом, и там будет детская колония, не наробразовская, а ГПУ. Ребята отметили это известие как признак новой эпохи:

– Строят новый дом, понимаете! Совсем новый!

До нас доходили рассказы о болшевской коммуне, кое-что мы и читали о ней и о Погребинском[248]. *Нашлись пацаны, бывшие в Болшеве*[249]. *Они говорили:*

– Не колония, а коммуна! Не так, как в наробразе, а сами хозяева, как у нас, честное слово!..

В середине лета в колонию прикатил автомобиль, и человек в малиновых петлицах сказал мне:

– Пожалуйста, если у вас есть время, поедем. Мы заканчиваем

дом для коммуны имени Дзержинского. Надо посмотреть… с педагогической точки зрения.

Поехали.

Я был поражен. Как? Для беспризорных? Просторный солнечный дворец? Паркет и расписные потолки?

Человек в малиновых петлицах, кажется, забыл, что педагогическая точка зрения ничего другого не видела в своей жизни, кроме монастырских и дворянских гнезд.

Но недаром я мечтал семь лет. Недаром мне снились будущие дворцы педагогики. С тяжелым чувством зависти и обиды я развернул перед чекистом «педагогическую точку зрения». Он доверчиво принял ее за плод моего опыта и поблагодарил.

А я уехал домой в отчаянии: когда же я начну строить для пацанов заслуженное ими жилище? Когда я поставлю перед ними блестящие никелем станки?

Но разве можно отчаиваться, когда вокруг вас сверкают грани ребячьего коллектива, шумит жизнь, и на ваших глазах растет и украшается новой культурой новый человек? Разве это не дороже паркета и расписных потолков? Пусть себе ГПУ строит дворец. Настоящие трудности оно узнает тогда, когда начнет строить коллектив. И, если ему удастся начихать на «Олимп» и на Кощея Бессмертного, может быть, станет легче и нам – «подвижникам соцвоса».

Мы поехали дальше[250].

В сентябре Вера родила сына. Приехала в колонию товарищ Зоя, закрыла двери и вцепилась в меня *костистым взглядом*:

– У вас девочки рожают?

– Почему множественное число? И чего вы так испугались?

– Как «чего испугалась?» Девочки рожают детей?

– Разумеется, детей… Что же они еще могут рожать?

– Не шутите, товарищ!

– Да я и не шучу!

– Надо немедленно составить акт.

– Загс уже составил все, что нужно.

– То загс, а то мы.

– Вас никто не уполномочил составлять акты рождения.

– Не рождения, а… хуже!

– Хуже рождения? Кажется, ничего не может быть хуже… Шопенгауэр[251] или кто-то другой говорит…

– Товарищ, оставьте этот тон.

– Не оставлю!

– Не оставите? Что это значит?

– Сказать вам серьезно? Это значит, что надоело, понимаете,

вот надоело, и все! Уезжайте, никаких актов вы составлять не будете!

– Хорошо!

– Пожалуйста!

Она уехала, и из ее «хорошо» так ничего и не вышло. Вера обнаружила незаурядные таланты матери, заботливой, любящей и разумной. Что мне еще нужно? Она получила работу в нашей бухгалтерии, *это не мешало ей прижиматься ко мне всей душой при каждой нашей встрече*.

Давно убрали поля, обмолотились, закопали что нужно, набили цеха материалом, приняли новеньких.

Рано-рано выпал первый снег. Накануне еще было тепло, а ночью неслышно и осторожно закружились над Куряжем снежинки.

Женя Журбина вышла утром на крыльцо, таращила глазенки на белую площадку двора и, удивляясь, сказала:

– *Кто это посорир земрю?..* Мама!.. Это, наверное, *хропцы*!

[13] «Помогите мальчику»

Сразу за первым снегом события пошли такими ускоренными темпами, каких еще не было в моей жизни. Было похоже, как будто мы понеслись не по рельсам, а по корявой булыжной дороге. Нас подбрасывало, швыряло в стороны, мы еле-еле держались за какие-то ручки. В то же время никогда не было в колонии такой простой дисциплины, такого прямодушного доверия. Именно в это время я получил возможность испытать закаленность коллектива горьковцев, которую он сохранил до последнего момента. Мы неслись вперед, потеряв точные покойные рельсы.

Впереди нас мелькали то особенно радужные дали, то тревожно-серые клубы туманов. Двадцать отрядов горьковцев сурово вглядывались в них, но почти механически выслушивали будничные простые слова решений и спокойно бросались туда, куда нужно, не оглядываясь и не следуя за соседом.

Здание коммуны имени Дзержинского было закончено. На опушке молодого дубового леса, лицом к Харькову, вырос красивый серый, искрящийся терезитом дом. В доме высокие светлые спальни, нарядные залы, широкие лестницы, гардины, портреты. Все в коммуне было сделано с умным вкусом, вообще, не в стиле наробраза.

Для мастерских предоставлено два зала. В углу одного из них я увидел сапожную мастерскую и очень удивился.

Мы рассказываем ребятам об индустриализации, о Днепрострое, об автомобильных заводах. Даем им газету, в которой они читают о технике, а работать заставляем в сапожной и столярной мастерских, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и строгать шерхебелем. А этот самый беспризорный давно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках совсем не так работают. Он стремится на завод, он хочет быть механиком, металлистом, шофером, радистом, летчиком или электромонтером, а мы ему даем архаическое сапожное шило или заставляем делать вручную табуретки, которые сейчас никто уже вручную не делает. А потом обвиняем беспризорного в лени. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники умели по крайней мере заставить «мальчика» «сучить дратву», а нас такое положение не удовлетворяет: нам обязательно нужно, чтобы мальчик сам увлекся этой «захватывающей» работой.

Но зато в деревообделочной мастерской коммуны были прекрасные станки. Все же в этом отделе чувствовалась некоторая

неуверенность организаторов.

Строители коммуны поручили мне и колонии Горького подготовку нового учреждения к открытию. Я выделил Киргизова с бригадой. Они по горло вошли в новые заботы, *и день и ночь занимались шлифовкой нарождающегося бытия коммуны*.

Коммуна имени Дзержинского рассчитана была всего на сто детей, но это был памятник Феликсу Эдмундовичу, и украинские чекисты вкладывали в это дело не только личные средства, но и все свободное время, все силы души и мысли. Только одного они не могли дать новой коммуне. Чекисты слабы были в педагогической теории. Но педагогической практики они почему-то не боялись.

Меня *поэтому* очень интриговал вопрос, как товарищи чекисты вывернутся из трудного положения. Они-то, пожалуй, могут игнорировать теорию, но согласится ли теория игнорировать чекистов? *Я очень интересовался, например, таким пунктом в этом новом, таком основательном деле, не уместно ли будет применить последние слова педагогической науки, ну, скажем, положение Шульгина о том, что самоуправление не должно быть шкрабьим и обязано пройти стадию подполья. Паркет, зеркала, роспись стен и потолков, хорошая мебель будет ли принесена в жертву ненасытному идолу педагогической науки, или чекисты из узкоматериальных соображений откажутся от последних выводов науки. Этот захватывающий вопрос был скоро разрешен, и, увы, разрешен без достаточного уважения к науке.* Товарищ *Барт* усадил меня в глубокое кресло в своем кабинете и сказал:

– Видите, какая у меня к вам просьба: *коммуна – это памятник Дзержинскому. Он сделан так, как надо, вы знаете, мы поставили там самое лучшее и дорогое. Если мы возьмем ребят прямо с улицы, пока мы их не воспитаем, там ничего не останется. А коммуна, конечно, нужна и пригодится надолго для тех же беспризорников. Мы знаем, у вас хороший, дисциплинированный коллектив, хоть и правонарушителей, а главное – дисциплинированный. Так вот мы решили*, вы нам дайте для начала человек *сорок*-пятьдесят, а потом мы уже будем пополнять с улицы. Вы понимаете? У них сразу *будут* и самоуправление и порядок. Понимаете?

Еще бы я не понимал! Я прекрасно понял, что этот *бритый носатый* человек никакого *понятия* не имеет о педагогической науке. Собственно говоря, в этот момент я совершил преступление: *я сознательно* скрыл от товарища *Барта*, что существует педагогическая *теория, я* ни словом не обмолвился о «подпольном самоуправлении»[252]. Я сказал «есть» и тихими

шагами удалился, оглядываясь по сторонам и улыбаясь коварно.

Мне было приятно, что горьковцам поручили основать новый коллектив, *но только придя в колонию, я заметил, что в этом деле заключены для меня и трагические моменты. Кого выделить? Выделить самых лучших, значит, обессилить колонию, выделить иных, значит, не выполнить поставленную Бартом задачу. А кроме того, хотелось, чтобы в коммуну ушли ребята, заслужившие эту честь.*

Работа бригады Киргизова заканчивалась. В наших мастерских делали для коммуны мебель, в швейной начали шить для будущих *воспитанников* одежду. Чтобы сшить ее по мерке, надо было сразу выделить пятьдесят «дзержинцев».

В совете командиров к задаче отнеслись серьезно. Лапоть сказал:

– В коммуну нужно послать хороших пацанов, а только старших не нужно. Пускай старшие, как были горьковцами, так и останутся. Да им скоро и в жизнь выходить все равно.

Командиры согласились с Лаптем, но когда подошли к спискам, начались крупные разговоры. *Командиры ни за что не хотели отдавать лучших ребят. Так ничего и не решили, а поручили выбор сделать мне и Лаптю:*

– Вы по справедливости сделаете!

Мы просидели до глубокой ночи и наконец составили список сорока мальчиков и десяти девочек. В список вошли оба Жевелия, Горьковский, Ванька Зайченко, Маликов, Одарюк, Зорень, Нисинов, Синенький, Шаровский, Гардинов, Оля Ланова, Смена, Васька Алексеев, Марк Шейнгауз. Исключительно для солидности прибавили Мишу Овчаренко. *Отряд девочек возглавила Оля Ланова.* Я еще раз просмотрел список и остался им очень доволен: хорошие и крепкие пацаны, хоть и молодые.

Назначенные в коммуну начали готовиться к переходу. Они не видели своего нового дома, тем больше грустили, расставаясь с товарищами. Кое-кто даже говорил:

– Кто его знает, как там будет? Дом хороший, а люди смотря какие будут.

К концу ноября все было готово к переводу. Я приступил к составлению штата новой коммуны. В виде хороших дрожжей направлял туда Киргизова.

Все это происходило на фоне *не только отрицательного, но и почти презрительного отношения ко мне, которое в последнее время установилось со стороны «мыслящих педагогически» кругов тогдашнего Наркомпроса. И круги эти были как будто всем понятные, а все же как-то так получилось, что спасения для меня почти не было:*

– Этот Макаренко все-таки странный какой-то тип.

Я в то время обладал великим терпением, я умел в течение месяцев молчаливо отбрасывать в сторону самые неприятные впечатления, мешающие работать. Но и моему терпению упорно ставился предел, и я начинал даже нервничать.

Не проходило и дня, чтобы то по случайным, то по принципиальным поводам мне не показывали, насколько я низко пал. У меня самого начинало уже складываться убеждение, что я представляю из себя очень подозрительный тип, что необходимо будет в ближайшее время пересмотреть себя самого и проверить, каких гадостей натащило в мое существо беспардонное и безжалостное время.

Казалось бы, что может быть проще и понятнее, и приятнее задачи[253]: в Харькове происходит съезд «Друзей детей»[254], колония идет их приветствовать. Условились, что мы подходим к месту съезда ровно в три часа. *Оказывается, что в таком деле я напутал.*

Колонии нужно пройти маршем десять километров. Мы идем не спеша, я по часам проверяю скорость нашего движения, иногда задерживаю колонну, позволяю ребятам отдохнуть, напиться воды, поглазеть на город. Такие марши для колонистов – приятная вещь.

На улицах нам оказывают внимание, во время остановок окружают нас, расспрашивают, знакомятся. Нарядные, веселые колонисты шутят, отдыхают, чувствуют красоту своего коллектива. Все хорошо *как будто*, и только немного волнует нас цель нашего похода – *«друзей детей», – в сущности, это не так плохо*. На моих часах стрелки показывают три, когда наша колонна с музыкой и развернутым знаменем, *по шести в ряд, радостная и подтянутая*, подходит к месту съезда. Но навстречу нам выбегает *группа разгневанных олимпийцев и протестует*:

– Почему вы так рано пришли? Теперь детей будете держать на улице?

Я показываю на часы.

– Мало ли что!.. Надо же приготовиться.

– Было условлено в три.

– У вас, товарищ, всегда с фокусами.

Колонисты не понимают, в чем они виноваты. Не *понимают*, почему на них посматривают с *нескрываемым* презрением.

– А зачем взяли маленьких?

– Колония пришла в полном составе.

– Но разве можно, разве это допустимо – тащить таких малышей *пешком* десять *верст*! Нельзя же быть таким жестоким только потому, что вам хочется блеснуть!

– Малыши были рады прогуляться… А после встречи мы идем в цирк, – как же можно было оставить их дома?

– В цирк? *А* из цирка когда?

– Ночью.

– Товарищ, немедленно отпустите малышей!

«Малыши» – Зайченко, Маликов, Зорень, Синенький – бледнеют в строю, и их глаза смотрят на меня с последней надеждой.

– Давайте их спросим, – предлагаю я.

– И спрашивать нечего, вопрос ясен. Немедленно отправляйте их домой.

Я принужден идти на самый возмутительный конфликт.

– Извините меня, но я не подчиняюсь вашему распоряжению.

– Да?

– Да. Как раз потому, что это слишком жестоко по отношению к малышам.

– В таком случае, я сама распоряжусь.

Кое-как скрывая улыбку, я говорю:

– Пожалуйста.

Она подходит вплотную к нашему левому флангу:

– Дети!.. Вот эти!.. Сейчас же идите домой!.. Вы устали, наверное…

Ее ласковый голос никого не обманывает. *«Малыши» смотрят на нее с недоумением.* Кто-то говорит:

– Как же домой? Не-е…

– И в цирк вы не пойдете… Будет поздно…

«Малыши» смеются. Зорень играет глазами, как на танцевальном вечере:

– Ой, и хитрая, смотри ты… Антон Семенович, вы смотрите, какая хитрая!

Неловко мне вступать в спор с Зоренем и убеждать его, что как раз хитрости у этой женщины никогда не было.

Ваня Зайченко одному ему свойственным движением торжественно протягивает руку по направлению к знамени:

– Вы не так говорите… В строю не так надо говорить… Надо так: раз, два… Видите, у нас строй и знамя… Видите?

Она смотрит с сожалением на этих окончательно заказарменных детей и уходит.

Такие столкновения не имели, конечно, никаких горестных результатов для текущего дела, но они *оставляли меня в невыносимом организационном одиночестве, в котором человек работать не может. Я так привык к этому одиночеству, что каждый новый случай встречал с угрюмой готовностью, мне не хотелось даже вступать в спор и кому-либо что-то доказывать, а*

если и огрызался иногда, то, честное слово, из одной вежливости, ибо нельзя же с начальством просто не разговаривать[255].

В октябре случилось несчастье с Аркадием Ужиковым, которое положило между мной и «ими» последнюю, непроходимую пропасть.

На выходной день приехали к нам погостить рабфаковцы. Мы устроили для них спальню в одной из классных комнат, а днем организовали гулянье в лесу. Пока ребята развлекались, Ужиков проник в их комнату и утащил портфель, в котором рабфаковцы сложили только что полученную стипендию.

Колонисты любили рабфаковцев, *как только могут любить младшие братья старших, и* нам всем было нестерпимо стыдно, *что их так мерзко обидели*. До поры до времени похититель оставался неизвестным, а для меня это обстоятельство было самым важным. Кража в тесном коллективе не потому ужасна, что пропадает вещь, и не потому, что один бывает обижен, и не потому, что другой продолжает воровской опыт *и укрепляется в нем*, а главным образом потому, что она разрушает общий тон благополучия, уничтожает доверие товарищей друг к другу, вызывает к жизни *рост самых несимпатичных инстинктов* подозрительности, беспокойства за личные вещи, осторожный, притаившийся эгоизм. Если виновник кражи не разыскан, коллектив раскалывается сразу в нескольких направлениях: по спальням ходят шепоты, в секретных беседах называют имена подозреваемых, *а так как секреты всегда делаются общим достоянием, целые* десятки характеров подвергаются самому тяжелому испытанию, и как раз таких характеров, которые хочется беречь, которые и так еле-еле налажены. Пусть через несколько дней вор будет найден, путь он понесет заслуженное возмездие, – все равно это не залечит ран, не уничтожит обиды, *не вернет* многим *прежнего* покойного места в коллективе. В такой, казалось бы, одинокой краже *всегда лежит начало* печальнейших затяжных процессов вражды, *озлобленностей, уединенности и* настоящей мизантропии. Кража принадлежит к тем многочисленным явлениям в коллективе, *которые являются носителями невероятно могучих влияний, но* в которых нет субъекта влияния, в которых больше химических реакций, чем зловредной воли.

Поэтому я был всегда сторонником беспощадных мер по отношению к кражам, самых решительных средств для их предотвращения. Кража не страшна только там, где нет коллектива и общественного мнения; в этом случае дело разрешается просто: один украл, другой обокраден, остальные в стороне. Кража в коллективе вызывает к жизни раскрытие тайных

дум, уничтожает необходимую деликатность и терпеливость коллектива, что особенно гибельно в обществе, состоящем из «правонарушителей».

Горьковское общество всегда отдавало себе отчет в вопросе о кражах, колонисты всегда рассматривали кражу как определенно-враждебный акт по отношению ко всем, и интересы всех всегда открыто ставили против интересов личности, как бы они ни были священны.

Преступление Ужикова было раскрыто только на третий день. Я немедленно посадил Ужикова в канцелярии и на дверях поставил стражу, чтобы предотвратить самосуд. Совет командиров постановил передать дело товарищескому суду. Такой суд собирался у нас очень редко, так как хлопцы обычно доверяли решению совета. *По отношению к Ужикову сам совет отказался судить, и это значило, что Ужикову ничего хорошего ожидать нельзя.* Выборы судей происходили в общем собрании, которое единодушно остановилось на пяти фамилиях: Кудлатый, Горьковский, Ваня Зайченко, Ступицын и Перец. *Первые трое обеспечивали самый жестокий приговор, обещали полную невозможность мягкости или снисхождения. Ступицын входил как представитель пролетарской мудрости, славился справедливостью, а Перец – как представитель новых горьковцев. Перца выбрали, чтобы не обижать куряжан.*

Во всем этом деле совет командиров вел определенную политику: по нашей традиции мое участие в суде ограничивалось ролью обвинителя, совещались судьи в закрытой комнате, значит, опасность моего смягчающего влияния устранялась совершенно, тем более что, по нашей же традиции, я как обвинитель обязан был дать только анализ поступка, требование наказания в моем положении считалось неприличным.

Суд начался вечером при полном зале, бурлящем негодованием. В зале были Брегель и Джуринская, приехавшие специально к этому делу.

Ужиков сидел на отдельной скамейке. *Сегодня он был бледен и почему-то казался более чистоплотным, чем всегда.* Все эти дни он держался нахально, грубил мне и колонистам, посмеивался и вызывал к себе настоящее отвращение. Аркадий прожил в колонии больше года и за это время, несомненно, эволюционировал, но направление этой эволюции всегда оставалось сомнительным. Он стал более аккуратен, прямее держался, нос его уже не так сильно перевешивал все на лице, он научился даже улыбаться. И все же это был прежний Аркадий Ужиков, человек без малейшего уважения к кому бы то ни было и тем более к коллективу, человек, живущий только своей

сегодняшней жадностью. *Я даже думал, что колония скорее испортит Ужикова, чем исправит.*

Раньше Ужиков побаивался отца или милиции. В колонии же ему ничего не грозило, кроме совета командиров или общего собрания, а эта категория явлений Ужиковым просто не ощущалась. Инстинкт ответственности у Ужикова еще более притупился, а отсюда пошли и новая его улыбка, и новая нахальная мина.

Но сейчас Ужиков бледен: очевидно, товарищеский суд ему несколько импонирует.

Дежурный командир приказал встать, вошел суд. Кудлатый *был хорошим председателем: серьезным, разумным и кратким*. Начал допрос свидетелей и потерпевших. Их показания были полны и сурового осуждения и насмешки *над Ужиковым. Только Задоров от имени седьмого сводного сказал иначе:*

– Вы судите его, как хотите, только не говорите, пожалуйста, что он позорит колонию. Мы не считаем его ни колонистом, ни даже человеком. Это домашнее животное, как собака или кошка, только бесполезное и вредное. Но выгонять его не нужно. Нужно построить для него будку и кормить. Может быть, из него что-нибудь и выйдет. Может быть, он хоть «гавкать» научится.

Это была очень оскорбительная и уничтожающая речь. Ваня Зайченко хохотал за судейским столом. Аркадий *Ужиков* серьезно повел глазом на *Задорова*, покраснел и отвернулся.

Но в этот момент неожиданно попросила слова Брегель. Кудлатый предложил ей:

– Может быть, вы после хлопцев?

Брегель настаивала, и Денис уступил. Брегель вышла на сцену и сказала пламенную речь, *очень убедительную и даже красивую. Кое-какие сильные* места этой речи *я и* сейчас помню:

– Вы судите этого мальчика за то, что он украл у *товарищей* деньги. Все здесь говорят, что он виноват, что его нужно крепко наказать, а некоторые требуют увольнения. Он, конечно, виноват, но еще больше виноваты колонисты.

Колонисты затихли в зале и вытянули шеи, чтобы лучше рассмотреть человека, который утверждает, что они виноваты в краже Ужикова.

– Он у вас прожил больше года и все-таки крадет. Значит, вы плохо его воспитывали, вы не подошли к нему как следует, по-товарищески, вы не объяснили ему, как нужно жить. Здесь говорят, что он плохо работает, что он и раньше крал у товарищей. Это все доказывает, что вы не обращали на Аркадия должного внимания.

Зоркие глаза пацанов, наконец, увидели опасность и

беспокойно заходили по лицам товарищей. *Если отбросить хитроумные домыслы ажурной педагогической науки*, необходимо признать, что пацаны не напрасно тревожились, ибо, *конечно*, в этот момент *их* коллектив стал перед *серьезной, большой* угрозой. Но Брегель не увидела тревоги в собрании. С настоящим пафосом она закончила:

– Наказывать Аркадия – значит мстить, а вы не должны унижаться до мести. *Напротив*, вы должны понять, что Аркадий сейчас нуждается в вашей помощи, *что* он в тяжелом положении, потому что вы поставили его против всех, здесь приравнивали его к животному. Надо выделить хороших парней, которые должны взять Аркадия под свою защиту и помочь ему.

Конечно, после речи Брегель необходимо было бы выступить переводчику. Большинство колонистов просто не разобрали в чем дело, поэтому, когда Брегель сошла со сцены, в рядах завертелись, загалдели, заулыбались пацаны. Кто-то серьезно-звонко спросил:

– Чего это она говорила? А?

А другой голос ответил немного сдержаннее, но в форме довольно ехидной:

– Дети, помогите Ужикову!

В зале засмеялись. Судья Ваня Зайченко отвалился на спинку стула и стукнул ногами в ящик стола. Кудлатый сказал ему *возмущенно*:

– Ванька, собственно говоря, какой ты судья?

Ужиков сидел, сидел, склонившись к коленям, и вдруг прыснул смехом, но немедленно же взял себя в руки и еще ниже опустил голову. Кудлатый что-то хотел сказать ему, но не сказал, покачал только головой и поколол немного Ужикова взглядом.

Брегель, кажется, не заметила этих мелких событий, она о чем-то оживленно говорила с Джуринской.

Кудлатый дал слово мне, и мое положение было трудное. Не затевать же бой с Брегель в присутствии всей колонии. Я поэтому ни слова не сказал о возможном наказании Ужикова, но кратко насел на кражу. В таких случаях всегда полезно говорить о законах коллективной жизни, предпочтительно, перед темами индивидуальными.

Кудлатый объявил, что суд удаляется на совещание. Мы знали, что меньше часа судьи не истратят на юридические препирательства и писание приговора. Я пригласил гостей в кабинет.

Джуринская забилась в угол дивана, спряталась за плечо Гуляевой и тайком рассматривала остальных, видимо, искала правду. Брегель была уверена, что сегодня она преподала нам

урок «настоящей воспитательной работы». *Я предчувствовал приговор и предвкушал злобное упрямство моего торжества. Нет, торжествовать уже не хотелось. Скорее упрямство горечи и беспросветность моей работы. В этот вечер я остро почувствовал, вдруг понял, что этим людям не нужны никакие колонии, никакие жизни пацанов, никакие качества будущих людей. Я понял, что вся моя работа все равно будет осуждена. Я был почти приговорен. Поэтому у меня не было желания ни спорить, ни убеждать*[256].

Брегель спросила:

– Вы, конечно, не согласны со мной?

Я ответил ей:

– Хотите чаю?

Горович начал что-то доказывать ей, я не хотел даже слушать, но поневоле в сознании пробивались отдельные слова, утверждения, логические цепочки.

Ну конечно, у этих людей гипертрофия силлогизма. Первое средство хорошее, второе средство плохое, следовательно, нужно употреблять первое средство. А почему оно называется хорошим? Где-нибудь оно проверено? Где-нибудь исчислены его результаты? Нет. Только потому оно хорошее, что в его словесном определении есть два-три хороших слова: человек, труд, коммунизм.

Представлять себе воспитательную работу как простую цель логических категорий просто неграмотно. Сказать, что это средство хорошо, а это плохо – просто безобразие.

Необходимо, чтобы кто-нибудь вошел в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда проходящих, так сказать, инкубационный период.

Всякая такая операция представляет очень сложную картину, так как она должна иметь в виду и воспитательное влияние на целый коллектив, и влияние на данную личность, и влияние на окружающую среду, и сбережение материальных ценностей, наконец, она должна ставить и меня и воспитательский коллектив в наиболее выгодное положение.

Идеально проведенной операцией будет такая, при которой все указанные цели достигаются. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер

гармонии, нужно бывает пережить огромное напряжение. В таком случае задача требует от меня сверхъестественной изворотливости и мудрости, широкого точного маневра, а иногда сложной игры, настоящей сценической игры.

Чего добилась Брегель своей блестящей речью? Представим себе, что суд уступит ей и учредит помощь и покровительство Ужикову. Колонисты остаются в положении виноватых. Коллектив переживает неясную напряженность действия, опыт общественного бессилия, а Ужиков останется в колонии на прежней позиции стояния против всех, да еще усложненной тем обстоятельством, что теперь на целые годы в нем будут видеть точку приложения брегелевского тормоза.

Дежурный пригласил нас в зал.

В полной тишине, стоя, колонисты выслушали приговор.

Приговор[257]

«Как врага трудящихся и вора, Ужикова нужно с позором выгнать из колонии. Но, принимая во внимание, что за него просит Наркомпрос, товарищеский суд постановил:

1. Оставить Ужикова в колонии.

2. *Объявить ему бойкот* на один месяц, исключить из отряда, не назначать в сводные отряды, запретить всем колонистам *и воспитанникам* разговаривать с ним, помогать ему, есть за одним столом, спать в одной спальне, играть с ним, сидеть рядом и ходить рядом.

3. Считать его под командой прежнего командира Дмитрия Жевелия, и он может говорить с командиром только по делу, а также, если заболеет, – с врачом.

4. Спать Ужикову в коридоре спален, а есть за отдельным столом, где укажет ССК, а работать, если захочет, в одиночку, по наряду командира.

5. Всякого, кто нарушит это постановление, немедленно выгнать из колонии распоряжением ССК.

6. Приговор вступает в силу сразу после утверждения заведующим колонией».

Приговор немедленно был одобрен аплодисментами собрания. Кузьма Леший обратился к нам:

– От-то здорово! Вот это поможет. А то говорят: помогите бедному мальчику, сделайте ему отмычки, хе!

Простодушный Кузьма говорил все это в лицо Брегель и не соображал, что говорит дерзости. Брегель с *великим* осуждением посмотрела на лохматого Лешего и сказала мне официально:

– Вы, конечно, не утвердите это постановление?

– Надо утвердить, – ответил я.

Джуринская потерялась совершенно. С одной стороны, она

чувствовала какую-то истину в событии, с другой – приговор казался ей ужасным. В пустой комнате совета командиров Джуринская отозвала меня в сторону:

– Я хочу с вами поговорить. Что это за постановление? Как вы на это смотрите?

– Постановление хорошее, – сказал я. – Конечно, бойкот – опасное средство, и его нельзя рекомендовать как широкую меру, но в данном случае он будет очень полезен.

– Вы не сомневаетесь?

– Нет. Видите ли, этого Ужикова в колонии очень не любят, презирают. Бойкот, во-первых, на целый месяц вводит новую, узаконенную *систему* отношений. Если Ужиков бойкот выдержит, уважение к нему должно повыситься. *И для самого* Ужикова *очень* достойная задача. *Я люблю такие наказания, которые разрешают конфликт до конца.*

– *Ну* а если не выдержит?

– *Поверьте, Ужикову терять нечего. Хуже быть не может. Если он не выдержит,* ребята его выгонят.

– И вы поддержите?

– Поддержу.

– Но как же это можно?

– А как же можно иначе? Коллектив имеет право защищать себя?

– Ценою Ужикова?

– Ужиков поищет другое общество. И это для него будет полезно.

Джуринская улыбнулась грустно:

– Как назвать такую педагогику?

Я не ответил ей. Она вдруг сама догадалась:

– Может быть, педагогикой борьбы?

– Может быть.

В кабинете Брегель собралась уезжать. Лапоть пришел с приказом:

– Утверждаем, Антон Семенович?

– Конечно. Прекрасное постановление.

– Вы доведете мальчика до самоубийства, – сказала Брегель.

– Кого? Ужикова? – удивился Лапоть. – До самоубийства? Ого! Если бы он повесился, не плохо было бы… Только он не повесится.

– Кошмар какой-то! – процедила Брегель и уехала.

Эти *дамы* плохо знали Ужикова и колонию. И колония и Ужиков приступили к бойкоту с увлечением. Действительно колонисты прекратили всякое общение с Аркадием, но ни гнева, ни обиды, ни презрения у них уже не осталось к этому дрянному

человеку. Как будто приговор суда все это взял на свои плечи. Колонисты издали посматривали на Ужикова с большим интересом и между собою без конца судачили обо всем происшедшем и обо всем будущем, ожидающем Ужикова. Многие утверждали, что наказание, наложенное судом, никуда не годится. Такого мнения держался и Костя Ветковский.

– Разве это наказание? Ужиков героем ходит. Подумаешь, вся колония на него смотрит! Стоит он того!

Ужиков действительно ходил героем. На его лице появилось явное выражение тщеславия и гордости. Он проходил между колонистами, как король, к которому никто не имеет права обратиться с вопросом или с беседой. В столовой Ужиков сидел за отдельным маленьким столиком, и этот столик казался ему троном.

Но увлекательная поза героя должна была скоро израсходоваться. Прошло несколько дней, и Аркадий почувствовал тернии позорного венца, надетого на его голову товарищеским судом. Колонисты быстро привыкли к исключительности его положения, *но* изолированность *от коллектива* все-таки осталась. Аркадий начал переживать тяжелые дни совершенного одиночества, дни эти тянулись пустой, однообразной очередью, целыми десятками часов, не украшенных даже ничтожной теплотой человеческого общения. А в это время вокруг Ужикова, как всегда, горячо жил коллектив, звенел смех, плескались шутки, искрились характеры, мелькали огни дружбы и симпатии, *высоко к небу подымались прожекторы обычной человеческой мечты о завтрашнем дне*. Как ни беден был Ужиков, а эти радости для него уже были привычны.

Через семь дней его командир Жевелий *пришел ко мне*:

– Ужиков просит разрешения поговорить с вами.

– Нет, – сказал я, – говорить с ним я буду тогда, когда он с честью выдержит испытание. Так ему и передай.

И скоро я увидел с радостью, что брови Аркадия, до того времени *совершенно* неподвижные, научились делать на его челе еле заметную, но *ощутимую* складку. Он начал подолгу заглядываться на *толпу* ребят, задумываться и мечтать о чем-то. Все отметили разительную перемену в его отношении к работе. Жевелий назначал его большею частью на уборку двора. Аркадий с неуязвимой точностью выходил на работу, подметал наш большой двор, очищал сорные урны, поправлял изгороди у цветников. *Мы в особенности обратили внимание на то, что* часто и *вечером* он появлялся во дворе со своим совком, поднимая случайные бумажки и окурки, проверяя чистоту клумб. Целый вечер однажды он просидел *в клубе* над большим листом бумаги,

а наутро он выставил этот лист на видном месте:

КОЛОНИСТ, УВАЖАЙ ТРУД ТОВАРИЩА, НЕ БРОСАЙ *ОКУРКИ* НА ЗЕМЛЮ.

– Смотри ты, – сказал Горьковский, – *правильно написал. Он считает себя товарищем.*

На *средине* испытания Ужикова в колонию приехала товарищ Зоя. Был как раз обед. Зоя прямо подошла к столику Ужикова и в затихшей столовой спросила его с тревогой:

– Вы Ужиков? Скажите, как вы себя чувствуете?

Ужиков встал за столом, серьезно посмотрел в глаза Зои и сказал приветливо:

– Я не могу с вами говорить: нужно разрешение командира.

Товарищ Зоя бросилась искать Митьку. Митька пришел, оживленный, бодрый, черноглазый.

– А что такое?

– Разрешите мне поговорить с Ужиковым.

– Нет, – ответил Жевелий.

– Как это – «нет»?

– Ну… не разрешаю, и все!

Обозлившаяся товарищ Зоя бросилась ко мне, наговорила мне *обычного* вздора.

– Как это так? А вдруг он имеет жалобу? А вдруг он стоит над пропастью? *Что это такое?*

– Ничего не могу сделать, товарищ Зоя.

Товарищ Зоя на крыльях ненависти рванулась и улетела в Харьков.

На другой день на общем собрании колонистов Наташа Петренко взяла слово:

– Хлопцы, давайте уже простим Аркадия. Он хорошо работает и наказание выдерживает с честью, как полагается колонисту. Я предлагаю амнистировать.

Общее собрание сочувственно зашумело:

– Это можно…

– Ужиков здорово подтянулся…

– Ого!

– Пора, пора…

– Поможем мальчику!

Потребовали отзыва командира. Жевелий сказал:

– Прямо *скажу*: другой человек стал. И вчера приехала… эта самая… Да знаете ж!

– Знаем!

– Она к нему: мальчик, мальчик, а он – молодец, не поддался. Я сам раньше думал, что с Аркадия толку не будет, а теперь скажу: у него *это есть*… есть что-то такое… наше…

Лапоть осклабился:

– Выходит так: амнистируем.

– Голосуй, – сказали колонисты.

А Ужиков в это время притаился у печки и опустил голову. Лапоть оглянул поднятые руки и сказал весело:

– Ну, что ж… единогласно выходит. Аркадий, где ты там? Поздравляю, свободен!

Ужиков вышел на сцену, посмотрел на собрание, открыл рот и… заплакал.

В зале взволновались. Кто-то крикнул:

– Он завтра скажет…

Но Ужиков провел по глазам рукавом рубахи, и, приглядевшись к нему, я увидел, что *сейчас* он страдает. *Это было похоже на человека. И* Аркадий, наконец, сказал:

– Спасибо, хлопцы… И девчата… И Наташа… Я… тот… все понимаю, вы не думайте… Пожалуйста.

– Забудь, – строго сказал Лапоть.

Ужиков покорно кивнул головой. Лапоть закрыл собрание, и на сцену к Ужикову бросились хлопцы. Их сегодняшние симпатии *к Аркадию* были оплачены чистым золотом. Я вздохнул свободно, как врач после трепанации черепа.

В декабре *1927 года* открылась коммуна имени Дзержинского. Это вышло очень торжественно и очень тепло.

Незадолго до этого, пухлым снежным днем назначенные в коммуну первые пятьдесят *колонистов* оделись в новые, *пошитые для них* костюмы, *вырядились* в пушистые бобриковые пальто, простились с товарищами и потопали через город в свое новое жилище. Собранные в кучку, они казались нам очень маленькими и похожими на хороших черненьких цыплят. Они пришли в коммуну, покрытые хлопьями снега, как пухом, радостные и румяные. Так же, как цыплята, они бодро забегали *по блестящему паркету коммуны* и застучали клювами по разным оргвопросам. *Было страшно любопытно смотреть на них*, уже через пятнадцать минут у них был совет командиров, и третий сводный отряд приступил к *расстановке* кроватей, *они умело и весело подражали старшим, так же четко салютовали и говорили «есть», так же любовно подчинялись распоряжениям только что избранного ССК Митьки Жевелия. Я побыл с ними около часа и поспешил в Горьковскую, где все было сложнее, труднее и беспокойнее.*

На открытие коммуны горьковцы пришли строем, с музыкой и знаменем. Они теперь были в гостях у товарищей, которые с этого дня стали носить новое, непривычно торжественное имя коммунаров. Среди собравшихся четырехсот бывших беспризорных группа чекистов, самых ответственных, самых

занятых, самых заслуженных деятелей, вовсе не казалась группой благотворителей. Между теми и другими сразу установились отношения дружеские и теплые, но в этих отношениях ярко была видна и разница поколений *и какое-то новое наше* советское уважение, *и любовь* ребят к старшим. Но в то же время ребята эти выступали не просто как подопечная мелочь – у них была своя организация, свои законы и своя деловая сфера, в которых было и достоинство, и ответственность, и долг.

Само собой как-то вышло, что заведование коммуной поручалось мне, хотя об этом не было ни договорено, ни объявлено.

Первое время коммуна меня почти не отягчала. Коммунары жили счастливо, в сияющей чистоте и в разумном комфорте. Киргизов прекрасно справлялся с небольшим коллективом. Я приезжал к коммунарам раза два в неделю, ночевал у них, и мы общими силами разрешали разные текущие вопросы, которых, впрочем, все прибавлялось и прибавлялось.

По сравнению с коммуной, Горьковская колония казалась неизмеримо более сложным и более трудным делом. *На освободившиеся 50 мест немедленно прислали с улицы пятьдесят новых колонистов, народ все столичный, видавший виды и угрозыски, побывавший и в огне, и в воде, и в медных трубах.* Как и раньше бывало, новые быстро усваивали *колонистскую* дисциплину *и открыто признавали наши* традиции, *но культура и настоящая глубокая коллективная жизнь прививались гораздо* медленнее. *Впрочем, все это было привычно для меня и для колонистов и никого не пугало.*

В это время колонисты заканчивали борьбу на последнем фронте, в Подворках. На рождественских святках Ховрах был пьян, ночевал на селе, что-то продавал. В совете командиров Ховраху сделали капитальный ремонт, и он снова пошел в работу, но за село комсомольцы принялись основательно. Заручившись разрешением милиции и ее искренним сочувствием, бригада Жорки Волохова в несколько ночей разгромила питейные притоны, каморы каинов и хулиганские шайки церковных сынков. Надеясь, что мы пойдем на большой скандал, селянские герои вытащили из-за голенищ финки, но мы на скандал не пошли. Коротков, принимавший самое активное участие в этой борьбе, однажды вечером, возвращаясь с Рыжова, подвергся нападению целой толпы, был ранен ножевым ударом и еле-еле убежал в колонию. Ночью мы, вызвав на помощь наряд милиции, арестовали главных деятелей подворской контрреволюции, и больше они в село не возвращались. В Наркомпросе мне сказали:

– Вы там… ссоритесь с крестьянами, куда это годится.

Я ничего не сказал, а когда вышел на улицу, плюнул…

Впереди у нас были хорошие дали: мы начинали мечтать о собственном рабфаке, о новом корпусе машинного отделения, о новых выпусках в жизнь. А скоро мы прочитали в газетах, что наш Горький приезжает в Союз.

[14] Награды

Это время – от декабря [1927-го] до июля [1928-го] было замечательным временем. В это время мой корабль сильно швыряло в шторме, но на этом корабле было два коллектива, и каждый из них по-своему был прекрасен.

Дзержинцы очень быстро довели свой состав до полутораста человек. К ним пришли тремя группами по тридцать человек новые силы, все беспризорные первого сорта, все народ на подбор. *Бытовое богатство и блеск коммуны дзержинцев сильно задирали пацанов за живое, а первоначальный кулак горьковцев давал им готовые нормы и требования, так что очень просто обходилось дело без подполья.* Жизнь коммунаров, *обставленная хорошими спальнями, клубами, множеством воды и электричества, была счастливой жизнью, дышала уютом, довольством, мирными отношениями*, и со стороны казалось, что коммунарам можно только завидовать. Многие и в самом деле завидовали, и при этом отнюдь не беспризорные.

Дзержинцы появлялись на людях в хороших суконных костюмах, украшенных широкими белыми воротниками. У них был оркестр духовых инструментов из белого металла, и на их трубах стояли знаки знаменитой пражской фабрики. Коммунары были желанными гостями в рабочих клубах и в клубе чекистов, куда они приходили солидно-элегантные, розовые и приветливые. Их коллектив имел всегда такой высококультурный вид, что *для многих голов, обладающих* мозговым аппаратом облегченного образца, *это обстоятельство послужило даже для сентенций, развенчивающих всю работу коммуны.*

– *Еще бы*, набрали хороших детей, одели и показывают. Вы возьмите *настоящих* беспризорных!

До того все перевернулось в этих головах, что пьянство, воровство и дебош в детском учреждении они уже стали считать признаками успеха воспитательной работы и заслугой ее руководителей. Более печального фона и более грустного положения для моего самочувствия я никогда в жизни не встречал. То, что являлось прямым результатом разума, практичности, простой любви к детям, наконец, результатом многих усилий и моего собственного каторжного труда, то, что должно было ошеломляюще убедительным образом вытекать из правильности организации и доказывать эту правильность, – все это объявлялось просто не существующим. Правильно организованный детский коллектив, очевидно, представлялся таким невозможным чудом, что в него просто не верили, даже когда наблюдали его в живой

действительности.

Я истратил очень немного времени, чтобы разводить руками и удивляться. Коротко я отметил в своем сознании, что по всем признакам у меня нет никакой надежды убедить олимпийцев в моей правоте. Теперь уже было ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будет вражда и ненависть ко мне и к моему делу. Во всяком случае, я понял, что моя ставка на аргументацию опытом была бита: опыт объявлялся не только не существующим, но и невозможным в реальной действительности.

Но у меня не было времени скорбеть по этому поводу. Я еле успевал в течение суток проделать все необходимые дела. Я переносился из одного коллектива в другой на паре лошадей, и истраченный на дорогу час казался мне обидным прорывом в моем бюджете времени. *По моим расчетам, такое трудное положение должно было продолжаться месяца три. Воспитательский персонал, очень небольшой там и там, тоже выбивался из сил. Можно было удивляться, отчего это происходило. Коллективы ребят жили как будто благополучно, без потрясений и провалов, почему в самом деле они требуют такого количества энергии? Сказывалось известное правило, что аппетит приходит во время еды.*

В *то* время я пришел к тезису, который исповедываю и сейчас, каким бы парадоксальным он ни казался. Нормальные дети или дети, приведенные в нормальное состояние, являются наиболее трудным объектом воспитания. У них тоньше натуры, сложнее запросы, глубже культура, разнообразнее отношения. Они требуют от вас не широких размахов воли и не *простой*, бьющей в глаза эмоции, а сложнейшей тактики *и настоящего, высокой квалификации знания. Они больше читают, больше мыслят. И если в нездоровом коллективе вы рады первому элементарному благополучию, и каждый шаг вперед есть уже достижение, то здесь на ваших глазах и на вашей ответственности развернуты сотни полноценных жизней, и каждая из них должна быть обслужена вами.*

И колонисты и коммунары давно перестали быть группами людей, уединенных от общения *в порядке социальной санитарии*. У тех и у других сложные общественные связи: комсомольские, пионерские, спортивные, военные, клубные. Между *ними* и городом проложено множество путей и тропинок, по ним передвигаются не только люди, но и мысли, идеи, и влияния.

И поэтому общая картина педагогической *заботы* давно уже приобрела новые краски. Дисциплина и бытовой порядок давно перестали быть *главной* моей заботой. *Они сделались основной традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня*

и за которой наблюдает уже не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке такого же инстинкта, как стремление к теплу и пище[258].

Но как ни трудно мне было, *как ни обидно было в то же время знать, что это все нужно делать в одиночестве*, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. *Я не нахожу слов для описания тех совершенно исключительных форм радости, которые* испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями.

До поры до времени коллектив горьковцев был для меня роднее коммунаров. В нем были крепче и глубже дружеские связи, больше людей с высокой себестоимостью, острее борьба. И горьковцам я был нужнее. Дзержинцам с первого дня выпало счастье иметь таких шефов, как чекисты, а у горьковцев, кроме меня и небольшой группы воспитателей, близких людей не было. И поэтому я никогда не думал, что настанет время и я уйду от горьковцев. Я вообще неспособен был представить себе такое событие. Оно могло быть только предельным несчастьем в моей жизни.

Приезжая в колонию, я приезжал домой, и в общем собрании колонистов, и в совете командиров, даже в тесноте сложнейших коллизий и трудных решений я отдыхал по-настоящему. В это время закрепилась надолго одна из моих привычек: я потерял умение работать в тишине. Только когда рядом, у самого моего стола, звенел ребячий галдеж, я чувствовал себя по-настоящему уютно, моя мысль оживала и веселее работало воображение. И за это в особенности я был благодарен горьковцам.

Но коммуна Дзержинского требовала от меня все больше и больше. *С каждым днем яснее становились те особенные условия, в которых находилась коммуна. С одной стороны, они требовали особой заботы, с другой – открывали перспективы для моей педагогики прямо-таки невиданные.*

Что *было особенно ново для меня и неожиданно – это коллектив чекистов. Прежде всего* – это *был* коллектив, чего уже никак нельзя *было* сказать о сотрудниках наробраза. И чем больше я присматривался к этому коллективу, чем больше входил в рабочие отношения, тем ярче открывалась предо мною одна замечательная новость. Как это вышло, честное слово, не знаю, но коллектив чекистов обладал теми самыми качествами, которые я в течение восьми лет хотел воспитать в коллективе колонии. Я вдруг увидел перед собой образец, который до сих пор заполнял только мое воображение, который я логически и художественно

выводил из всех событий и всей философии революции, но которого я никогда не видел и потерял надежду увидеть, *ибо наробразы и педагогические круги в моем представлении не имели никакого отношения к революции*.

Это мое открытие было настолько для меня дорого и значительно, что больше всего я боялся разочароваться. Я держал его в глубокой тайне, ибо я не хотел, чтобы мои отношения к этим людям сделались сколько-нибудь искусственными.

Я сделал это открытие точкой отправления для моего нового педагогического мышления.

Меня особенно радовало, что качества коллектива чекистов очень легко и просто разъясняли многие неясности и неточности в том воображаемом образце, который до сих пор направлял мою работу. *Так, например, я стал в тончайших деталях уяснять себе до сих пор таинственную для меня область: у чекистов очень высокий интеллект и образование никаким образом не принимали ненавистных для меня особенностей российской интеллигентщины*[259]. Я и раньше знал, что это должно быть так, но как это выражается в живых движениях личности, представить было трудно. А теперь я получил возможность изучить речь, пути логических ходов, новую форму интеллектуальной эмоции, новые диспозиции вкусов, новые структуры *нервов* и – самое главное – новую форму использования идеала. Как известно, у наших интеллигентов идеал похож на нахального квартиранта: он занял чужую жилплощадь, денег не платит, ябедничает, въедается всем в печенки, все пищат от его соседства и стараются выбраться подальше от идеала. Теперь я видел другое: идеал не квартирант, а хороший администратор, он уважает соседский труд, он заботится о ремонте, об отоплении, у него всем удобно и приятно работать. Во-вторых, меня заинтересовала структура принципиальности. Чекисты очень принципиальные люди, но у них принцип не является повязкой на глазах, как у некоторых моих «приятелей». У чекистов принцип – измерительный прибор, которым они пользуются так же спокойно, как часами, без волокиты, но и без поспешности угорелой кошки. Я увидел наконец нормальную жизнь принципа и убедился окончательно, что мое отвращение к принципиальности интеллигентов было правильное. Ведь давно известно: когда интеллигент что-нибудь делает из принципа, это значит, что через полчаса и он сам, и все окружающие должны принимать валерьянку.

Увидел я и много других особенностей *и отдельной личности и коллектива*: и всепроникающую бодрость, и немногословие, и отвращение к штампам, *и четкость в работе и в движении*, и неспособность разваливаться на диване или укладывать живот на

стол, *и даже маленькую дозу военизации*, и, наконец, веселую, но безграничную работоспособность, без жертвенной мины и ханжества, без намека на отвратительную повадку «святой жертвы». И наконец, я увидел и ощутил осязанием то драгоценное вещество, которое не могу назвать иначе, как социальным клеем: это чувство общественной перспективы, умение в каждый момент работы видеть всех членов коллектива, это постоянное знание о больших всеобщих целях, знание, которое все же никогда не принимает характера доктринерства и болтливого, пустого вяканья. И этот социальный клей не покупался в киоске на пять копеек только для конференций и съездов, это не форма вежливого, улыбающегося трения с ближайшим соседом, это действительная общность, это единство движения и работы, ответственности и помощи, это единство традиций.

Становясь предметом особой заботы *коллектива* чекистов, дзержинцы попадали в счастливые условия: им оставалось только смотреть. А мне уже не нужно было *продолжать* с разгону биться головой о стену, чтобы убеждать начальство, *что человек должен уметь пользоваться носовым платком.*

Мое удовлетворение было высоким удовлетворением. Стараясь привести его к краткой формуле, я *наконец* понял: я близко познакомился с настоящими большевиками, я *наконец* окончательно уверился в том, что моя педагогика – педагогика большевистская, что тип человека, который всегда стоял у меня как образец, не только моя красивая выдумка и мечта, но и настоящая реальная действительность, тем более для меня ощущаемая, что она стала частью моей работы.

В стенах коммуны педагогика начала создаваться и совершенствоваться по непривычным для меня путям – не от книги и превыспренних мыслей, а от бытия и требования здравого смысла[260].

Жизнь коммунаров оказалась вовсе не такой богатой и беззаботной, как думали окружающие. *Коммуна не имела и не хотела иметь никакого отношения к Кощею Бессмертному и его скудному кошельку.* Чекисты отчисляли из своего жалованья известный процент на содержание коммунаров, но этого было *очень мало, и это вообще не нравилось ни нам, ни чекистам*.

Уже через три месяца коммуна начала испытывать настоящую нужду. Мы задерживали жалованье, затруднялись даже в расходах на питание. *Наши* мастерские давали очень незначительные доходы, *ребята работать еще не умели, и мы не нашли настоящего типа работы. Все-таки нам приходилось все больше и больше рассчитывать на их заработок. С каждым днем становилось очевиднее, что долго мы не выдержим. Мастерские, по сути, были*

мастерскими учебными. Правда, сапожную мастерскую мы с хлопцами в первые же дни затащили в темный угол и удушили, навалившись на нее с подушками. Чекисты сделали вид, будто они не заметили этого убийства. Но в других мастерских мы никак не могли раскачаться на работу, приносящую доход.

Однажды меня пригласил *Барт*, нахмурился, задумался, положил на стол чек и сказал:

– Все.

Я понял:

– Сколько здесь?

– Десять тысяч. Это последнее. Это вперед взяли за год. Больше не будет, понимаете? Используйте этого… он человек энергичный…

– Понимаю, – ответил я.

Я понял: шутить довольно. Чекисты это тоже хорошо знали. Последние остатки сомнений нужно было выбросить из головы.

Через несколько дней по коммуне забегал человек отнюдь не педагогического типа – Соломон Борисович Коган. Соломон Борисович уже стар, ему под шестьдесят, у него больное сердце, и одышка, и нервы, и грудная жаба, и ожирение. Но у этого человека внутри сидит демон деятельности, и Соломон Борисович ничего с этим демоном поделать не может. Соломон Борисович не принес с собой ни капиталов, ни материалов, ни изобретательности, но в его рыхлом теле без устали носятся и хлопочут силы, которые ему не удалось истратить при старом режиме: дух предприимчивости, оптимизма и напора, знание людей и маленькая простительная беспринципность, странным образом уживающаяся с растроганностью чувств и преданностью идее. Очень вероятно, что все это объединялось обручами гордости, потому что Соломон Борисович любил говорить:

– Вы еще не знаете Когана! Когда вы узнаете Когана, тогда вы скажете.

Он был прав. Мы узнали Когана, и мы говорим: это человек замечательный. Мы очень нуждались в его жизненном опыте. Правда, проявлялся этот опыт иногда в таких формах, что мы часто только холодели и не верили своим глазам. *Смотришь*, Соломон Борисович из города привез воз бревен. Зачем это?

– Как зачем? А складочные помещения? Я взял заказ на мебель для строительного института, так надо же ее куда-нибудь складывать.

– Никуда ее не надо складывать. Сделаем мебель и отдадим ее строительному институту.

– Хе-хе! Вы думаете, *это* в самом деле институт? Это фигели-мигели, а не институт. Если бы это был институт, стал бы я с ним

связываться!

– Это не институт?

– Что такое институт? Пускай себе он как хочет называется. Важно, что у них есть деньги. А раз есть деньги, так им хочется иметь мебель. А для мебели нужна крыша. Вы же знаете. А крышу они еще будут строить, потому что у них еще и стен нет.

– Все равно, мы не будем строить никаких складочных помещений.

– Я им то же самое говорил. Они думают, коммуна Дзержинского – это так себе… Это образцовое учреждение. Оно будет заниматься какими-то складами?! Есть у нас для этого время!

– А они что?

– А они говорят: стройте! Ну, если им так хочется, так я сказал: это будет стоить двадцать тысяч. А если вы говорите: не нужно строить, пусть будет по-вашему. Для чего мы будем строить складочные помещения, если нам нужен вовсе сборный цех?..

Через две недели Соломон Борисович начинает строить сборный цех. Закопали столбы, начали плотники складывать стены.

– Соломон Борисович, откуда у вас деньги на этот самый сборный цех?

– Как откуда? Разве я вам не говорил? Нам перевели двадцать тысяч…

– Кто перевел?

– Да этот самый институт…

– Почему?

– Как почему? Им хочется, чтобы были складочные помещения… Ну, так что? Мне жаль, что ли?

– Постойте, Соломон Борисович, но ведь вы строите не складочные помещения, а сборный цех…

Соломон Борисович начинает сердиться:

– Мне очень нравится! А кто это сказал, что не нужны складочные помещения? Это же вы сказали?

– Надо возвратить деньги.

Соломон Борисович брезгливо морщится *и говорит дружески*:

– Послушайте, нельзя же быть таким непрактичным человеком. Кто же это возвращает наличные деньги? Может быть, у вас такие здоровые нервы, так вы можете, а я человек больной, я не могу рисковать своими нервами… Возвращать деньги!

– Но ведь они узнают.

– Антон Семенович, вы же умный человек. Что они могут узнать? Ну, пожалуйста, пускай себе завтра приезжают: люди

строят, видите? А разве где написано, что это сборный цех?

– А начнете работать?

– Кто мне может запретить работать? Строительный институт может запретить мне работать? А если я хочу работать на свежем воздухе или в складочном помещении? Есть такой закон? Нет такого закона.

Логика Соломона Борисовича не знала никаких пределов. Это был сильнейший таран, пробивающий все препятствия. До поры до времени мы ей не сопротивлялись, ибо попытки к сопротивлению были с самого начала подавлены.

Весной, когда наша пара лошадей стала ночевать на лугу, Витька Горьковский спросил меня:

– А что это Соломон Борисович строит в конюшне?

– Как строит?

– Уже строит! Какой-то котел поставил и трубу делает.

– Зови его сюда!

Приходит Соломон Борисович, как всегда, измазанный, потный, запыхавшийся.

– Что вы там строите?

– Как что строю? Литейную, вы же хорошо знаете.

– Литейную? Ведь литейную решили делать за баней.

– Зачем за баней, когда есть готовое помещение?

– Соломон Борисович!

– Ну, что такое – Соломон Борисович?

– А лошади? – спрашивает Горьковский.

– А лошади побудут на свежем воздухе. Вы думаете, только вам нужен свежий воздух, а лошади, значит, пускай дышат всякой гадостью? Хорошие хозяева!

Мы, собственно говоря, уже сбиты с позиций. Витька все-таки топорщится:

– А когда будет зима?

Но Соломон Борисович обращает его в пепел *своей неумолимой логикой*:

– Как вы хорошо знаете, что будет зима!

– Соломон Борисович! – кричит пораженный Витька.

Соломон Борисович чуточку отступает:

– А если даже будет зима, так что? Разве нельзя построить конюшню в октябре? Вам разве не все равно, *что строить: конюшню, литейную или еще что*? Или вам очень нужно, чтобы я истратил сейчас две тысячи рублей?

Мы печально вздыхаем и покоряемся. Соломон Борисович из жалости к нам поясняет, загибая пальцы:

– Май, июнь, июль, тот, как его… август, сентябрь…

Он на секунду сомневается, но потом с *особенным* нажимом

продолжает:

– Октябрь… Подумайте, шесть месяцев! За шесть месяцев две тысячи рублей сделают еще две тысячи рублей. А вы хотите, чтобы конюшня стояла пустая шесть месяцев. Мертвый капитал, разве это можно допустить?

Мертвый капитал даже в самых невинных формах для Соломона Борисовича был невыносим.

– Я не могу спать, – говорил он. – Как это можно спать, когда столько работы, каждая минута – это же операция. Кто это придумал, столько спать?

Мы диву давались: только недавно мы были так невыносимо бедны, а сейчас у Соломона Борисовича горы леса, металла, станки; в нашем рабочем дне только мелькает: авизовка, чек, аванс, фактура, десять тысяч, двадцать тысяч. В совете командиров Соломон Борисович с сонным презрением выслушивал речи хлопцев о трехстах рублях на штаны и говорил:

– Какой может быть вопрос? Мальчикам же нужны штаны… И не нужно за триста, это плохие штаны, а нужно за тысячу… *Сделайте такое постановление, и все.*

– А деньги? – спрашивают хлопцы.

– У вас же есть руки и головы. Вы думаете, для чего у вас головы? Для того, чтобы фуражку надевать? Ничего подобного! Прибавьте четверть часа в день в цехе, я вам сейчас достану тысячу рублей, а может, и больше, сколько там заработаете.

Старыми, дешевыми станками заполнил Соломон Борисович свои легкие цехи, очень похожие на складочные помещения, заполнил их самым бросовым материалом, связал все веревками и уговорами, но коммунары с восторгом окунулись в этот рабочий хлам. Делали *мы* все: клубную мебель, кроватные углы, масленки, трусики, ковбойки, парты, стулья, ударники для огнетушителей, но делали все это в несметном количестве, потому что в производстве Соломона Борисовича разделение труда *было* доведено до апогея:

– Разве ты будешь столяром? Ты же все равно не будешь столяром, ты же будешь доктором, я знаю. Так делай себе проножку, для чего тебе делать целый стул? Я плачу за две проножки копейку, ты в день заработаешь пятьдесят копеек. Жены у тебя нет, детей нет…

Коммунары хохотали на совете командиров и ругали Соломона Борисовича за «халтуру», но у нас уже был промфинплан, а промфинплан – дело священное.

Зарплата в коммунарском *коллективе* была введена с такой миной, как будто *на свете* нет никакой педагогики, нет никакого дьявола и его соблазнов. Когда воспитатели предлагали

вниманию Соломона Борисовича педагогическую проблему зарплаты, Соломон Борисович говорил:

– Мы же должны воспитывать, я надеюсь, умных людей. *А* какой же он будет умный человек, если он работает без зарплаты!

– Соломон Борисович, а идеи, по-вашему, ничего не стоят?

– Когда человек получает жалованье, так у него появляется столько идей, что их некуда девать. А когда у него нет денег, так у него одна идея: у кого бы занять. Это же факт…

Соломон Борисович оказался чрезвычайно полезными дрожжами в нашем трудовом коллективе. Его логика *всегда казалась нам чужой и смешной логикой*, но в своем напоре она весело и больно била по многим предрассудкам, *и сильно подчеркивала возможность нового* производственного стиля. *Поэтому* полный хозрасчет коммуны Дзержинского пришел просто и почти без усилий и для нас самих уже не казался такой значительной победой. Соломон Борисович недаром говорил:

– Что такое? Сто пятьдесят коммунаров не могут заработать себе на суп? А как же может быть иначе? Разве им нужно шампанское? Или, может, у них жены любят наряжаться?

Наши квартальные промфинпланы коммунары брали один за другим широким общим усилием. Чекисты бывали у нас ежедневно. Они вместе с ребятами въедались в каждую мелочь, в каждый маленький прорывчик, в халтурные тенденции Соломона Борисовича, в низкое качество продукции, в брак. С каждым днем осложняясь, производственный опыт коммунаров начал критически покусывать Соломона Борисовича, и он возмущался:

– Что это такое за новости? Они уже все знают? Они мне говорят, как делается на ХПЗ[261], – они что-нибудь понимают в ХПЗ?

Впереди вдруг засветился общепризнанный лозунг: «Нам нужен настоящий завод».

О заводе стали говорить все чаще *и чаще*. По мере того как на нашем текущем счету прибавлялась одна тысяча за другой, общие мечты о заводе разделились на более близкие и более возможные подробности. Но это уже происходило в более позднюю эпоху.

Дзержинцы часто встречались с горьковцами. По выходным дням они ходили в гости друг к другу целыми отрядами, сражались в футбол, волейбол, городки, вместе купались, катались на коньках, гуляли, ходили в театр.

Очень часто колония и коммуна объединялись для разных походов – комсомольских, пионерских маневров, посещений, приветствий, экскурсий. Я особенно любил эти дни, они были днями моего настоящего торжества. А я уже хорошо знал, что это торжество последнее.

В такие дни по колонии и коммуне отдавался общий приказ, указывались форма одежды, место и время встречи. У горьковцев и у дзержинцев была одинаковая форма: полугалифе, гамаши, широкие белые воротники и тюбетейки, *только у дзержинцев было немного дороже сукно*. Обыкновенно я с вечера оставался у горьковцев, поручив коммуну Киргизову. Мы выходили из Куряжа с расчетом истратить на дорогу три часа. Спускались с Холодной горы в город. Встреча всегда назначалась на площади Тевелева, на широком асфальте у здания ВУЦИКа.

Как всегда, колонна горьковцев в городе имела вид великолепный. Наш широкий строй по шести занимал почти всю улицу, захватывая и трамвайные пути. Сзади нас становились в очередь десятки вагонов, вагоновожатые нервничали, и неутомимо звенели звонки, но малыши левого фланга всегда хорошо знали свои обязанности: они важно маршируют, немного растягивая шаг, бросают иногда хитрый взгляд на тротуары, но ни трамваев, ни вагоновожатых, ни звонков не удостаивают вниманием. Сзади всех *марширует со своим* треугольным флажком *флаженер левого фланга* Петро Кравченко. На него с особенным любопытством и симпатией смотрит публика, вокруг него с особенным захватом вьются мальчишки, поэтому Петро смущается и опускает глаза. Его флажок трепыхается перед самым носом вагоновожатого, и Петро не идет, а плывет в густой волне трамвайного оглушительного трезвона.

На площади Розы Люксембург колонна наконец освобождает трамвайные пути. Вагоны один за другим обгоняют нас, из окон смотрят люди, смеются и грозят пальцами пацанам. Пацаны, не теряя равнения и ноги, улыбаются вредной мальчишеской улыбкой. Почему бы им и не улыбаться? Неужели нельзя пошутить с городской публикой, устроить ей маленькую каверзу? Публика своя, хорошая, не ездят по нашим улицам бояре и дворяне, не водят барынь под ручку раскрашенные офицеры, не смотрят на нас с осуждением лабазники. И мы идем, как хозяева, по нашему городу, идем не «приютские мальчики» – колонисты-горьковцы. *Это ведь* недаром впереди *между двумя строгими штыками неподвижно* плывет наше красное знамя, недаром медные трубы наши играют «Марш Буденного».

Мы поворачиваем на площадь Тевелева, чуть-чуть подымаемся в горку и уже видим *у здания ВУЦИКа* верхушку знамени дзержинцев. А вот и длинный ряд белых воротников, и внимательные родные лица, команда Киргизова, вздернутые руки и музыка. Дзержинцы встречают нас знаменитым салютом. Еще секунда – и наш оркестр, прервав марш, грохнул ответное приветствие. *Поднимаем вверх руки.*

– Стой! Налево!

Только одну секунду, пока Киргизов отдает рапорт, мы стоим в строгом молчании друг против друга. И когда рушится строй и ребята бросаются к друзьям, жмут руки, смеются и шутят, я думаю о докторе Фаусте: пусть этот хитрый немец позавидует мне. Ему здорово не повезло, этому доктору, плохое он для себя выбрал столетие и неподходящую общественную структуру. *А сколько он истратил пороха и сил. И ведь у него был такой удачный Мефистофель, окружающая меня нечистая сила гораздо слабее и бесталаннее. И все-таки очень много имею мгновений высокого наслаждения, а бедный Фауст так и остался ни с чем.*

Если мы встречались под выходной день, часто, бывало, ко мне подходил Митька Жевелий и предлагал:

– Знаете что? Пойдем все к горьковцам. У них сегодня «Броненосец “Потемкин”[262]. А шамовка *у них есть*…

И в эти дни поздним вечером мы будили Подворки маршами двух оркестров, долго шумели в столовой, в спальнях, в клубе, старшие вспоминали штормы и штили прошлых лет, молодые слушали и завидовали.

С апреля месяца главной темой наших дружеских бесед сделался приезд Горького. Алексей Максимович написал нам, что в июле специально приедет в Харьков, чтобы пожить в колонии три дня. Переписка наша с Алексеем Максимовичем *с каждым днем делалась роднее*. Не видя его ни разу, колонисты ощущали его личность в своих рядах и радовались ей, как радуются дети образу матери. Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унес с собою в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит – забота и ласка большого человека, человека богатого и щедрого сердцем.

Горьковцы не умели выражать чувства нежности, ибо они слишком высоко ценили нежность. Я прожил с ними восемь лет, многие ко мне относились любовно, но ни разу за эти годы никто из них не был со мною нежен в обычном смысле. Я умел узнавать их чувства по признакам, мне одному известным: по глубине взгляда, по окраске смущения, *по вниманию издали*, из-за угла, по *немного* охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи. И я поэтому видел, с какой невыносимой нежностью ребята говорили о Горьком, с какой жадностью обрадовались его коротким словам о приезде.

Приезд Горького в колонию – это *был высокий венец*, в наших собственных глазах, *он, конечно, не был заслужен. И этот венец надевали на чело колонии в то время*, когда весь Союз поднял знамена для встречи великого *человека*, когда наша маленькая

община *свободно* могла затеряться среди волн широкого *советского моря*.

Но она не затерялась *в душе Алексея Максимовича*, и это трогало нас и нашей жизни сообщало *особую цену*.

Подготовка к встрече Горького началась немедленно после получения *от него* письма. Впереди себя Алексей Максимович послал щедрый подарок, благодаря которому мы могли залечить последние раны, которые еще оставались от старого Куряжа.

Как раз в это время меня потребовали к отчету[263]. Я должен был сказать ученым мужам и мудрецам педагогики, в чем состоит моя педагогическая вера и какие принципы соцвоса исповедую. Повод для такого отчета *был достаточный: колония имени Горького и коммуна Дзержинского пользовались широким общественным вниманием, о них много говорили и писали, в самом деле, надо было проверить, какие идеи заложены в этих делах.*

Я бодро подготовился к отчету, хотя и не ждал для себя ни пощады, ни снисхождения.

В просторном высоком зале я увидел наконец в лицо весь сонм пророков и апостолов. Это *было высокое учреждение* – синедрион[264], не меньше. Высказывались здесь вежливо, округленными любезными периодами, от которых шел еле уловимый приятный запах мозговых извилин, старых книг и просиженных кресел. Но пророки и апостолы не имели ни белых бород, ни маститых имен, ни великих открытий. С какой стати они носят нимбы и почему у них в руках Священное Писание? Это были довольно юркие люди, а на их усах еще висели крошки только что съеденного советского пирога.

Больше всех орудовал профессор Чайкин, тот самый Чайкин, который несколько лет назад напомнил мне один рассказ Чехова[265]. *Чайкина я знаю. Не он ли недавно просил меня взять его сына в коммуну, ибо, оказывается, «семью мальчик перерос». Почему-то буйный рост молодого Чайкина выражался в терминах уголовного кодекса, но Чайкину, очевидно, было виднее.*

В своем заключении Чайкин ничего от меня не оставил. *Все ударные места моего доклада были разгромлены этим воителем наголову.*

– Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. *С развернутым понятием долга мы встречаемся в развитии торгового капитала.* Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка. Советская педагогика стремится

воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга.

«С глубокой печалью и удивлением мы услышали сегодня от уважаемого руководителя двух образцовых учреждений призыв к воспитанию чувства чести. Мы не можем не заявить протест против этого призыва. Советская общественность также присоединяет свой голос к науке, она также не примиряется с возвращением этого понятия, которое так ярко напоминает нам офицерские привилегии, мундиры, погоны, *презрение к низшим классам*».

«Мы не можем входить в обсуждение всех заявлений автора, касающихся производства. Может быть, с точки зрения материального обогащения колонии это и полезное дело, но педагогическая наука не может в числе факторов педагогического влияния рассматривать производство и тем более не может одобрить такие тезисы автора, как “промфинплан есть лучший воспитатель”. Такие положения есть не что иное, как вульгаризирование идеи трудового воспитания».

Многие еще говорили, и многие молчали с осуждением. Я наконец обозлился и сгоряча вылил в огонь ведро керосина.

– Пожалуй, вы правы, мы не договоримся. Я вас не понимаю. По-вашему, например, инициатива есть какое-то наитие. Она приходит неизвестно откуда, из чистого, ничем не заполненного безделья. Я вам третий раз толкую, что инициатива придет тогда, когда есть задача, ответственность за ее выполнение, ответственность за потерянное время, когда есть требование коллектива. Вы меня все-таки не понимаете и снова твердите о какой-то выхолощенной, освобожденной от труда инициативе. По-вашему, для инициативы достаточно смотреть на свой собственный пуп…

Ой, как оскорбились, как на меня закричали, как закрестились и заплевали апостолы! И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что все рубиконы далеко позади, что терять все равно нечего, что все уже потеряно, я сказал:

– Вы не способны судить ни о воспитании, ни об инициативе, в этих вопросах вы не разбираетесь.

– А вы знаете, что сказал Ленин об инициативе?

– Знаю.

– Вы не знаете!

Я вытащил записную книжку и прочитал внятно:

«Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину», – *из речи Ленина*[266] на Одиннадцатом съезде РКП(б) 27 марта 1922 года.

Апостолы только на мгновение опешили, а потом закричали:

– Так при чем здесь отступление?

– Я хотел обратить ваше внимание на отношение между дисциплиной и инициативой. А кроме того, мне необходимо в порядке отступить…

Апостолы похлопали глазами, потом бросились друг к другу, зашептали, зашелестели бумагой. Постановление синедрион вынес единодушное:

«Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская».

В собрании было много моих друзей, но они молчали. Была группа чекистов. Они внимательно выслушали прения, что-то записали в блокнотах и ушли, не ожидая приговора.

В колонию мы возвращались поздно ночью. Со мной были воспитатели и несколько членов комсомольского бюро. Жорка Волков всю дорогу плевался:

– Ну как они могут так говорить! Как это, по-ихнему: нет, значит, чести, нет, значит, такого – честь нашей колонии? По-ихнему, значит, этого нет?

– Не обращайте внимания, Антон Семенович, – сказал Лапоть. – Собрались, понимаете, зануды, *нечего им делать. Вы не обращайте внимания.*

– *Да* я и не обращаю, – утешил я хлопцев.

В комсомольской организации начались бурные дни. Темы моего доклада и решения ученых горячим взрывом покатились по колонии. До сих пор я крепко скрывал от колонистов свое отношение к «Олимпу». Сейчас для меня стало очевидным, что единство тона и уверенности в колонии уже невозможны. Я не мог допустить, чтобы традиции и формы колонии в глазах самих колонистов становились сомнительными и тем более «не советскими». С другой стороны, я не мог позволить образования в среде комсомольцев какой бы то ни было «моей» группы или «партии», требования общественной дисциплины обязательны были прежде всего для меня.

Но вопрос был уже решен.

Не содрогнувшись и не снижая общего тона работы, я начал свертывание коллектива. Нужно было как можно скорее вывести из колонии моих друзей. Это было необходимо и для того, чтобы не подвергать их испытанию при новых порядках, и для того, чтобы не оставлять в колонии никаких очагов протеста.

Заявление об уходе я подал Юрьеву на другой же день. Он *побледнел, задергался*, молча пожал мне руку. Когда я уже уходил от него, он вдруг спохватился:

– Постойте!.. А как же… Горький приезжает.

– Неужели вы думаете, что я позволю кому-нибудь принять Горького вместо меня?

– Вот-вот…

Он забегал по кабинету и забормотал:

– К черту!.. К чертовой матери!..

– Чего это?

– Ухожу к чертовой матери.

Я оставил его в этом благом намерении. Он догнал меня в коридоре:

– Голубчик, Антон Семенович, вам тяжело, правда?

– Ну, вот тебе раз! – засмеялся я. – Чего это вы? Ах, интеллигент!.. Так я уезжаю из колонии *на другой день после* отъезда Горького. Заведование сдам Журбину, а вы, как хотите там…

– Так…

В колонии я о своем уходе никому не сказал, и Юрьев дал слово молчать.

Я бросился на заводы, к шефам, к чекистам. Так как вопрос о выпуске колонистов стоял уже давно, мои действия никого в колонии не удивили. Пользуясь помощью друзей, я почти без труда устроил для горьковцев рабочие места на харьковских заводах и квартиры в городе. Екатерина Григорьевна и Гуляева позаботились о небольшом приданом, в этом деле они уже имели опыт. До приезда Горького оставалось два месяца, времени было достаточно.

Один за другим уходили в жизнь старики. Они прощались с нами со слезами разлуки, но без горя: мы еще будем встречаться. Провожали их с почетными караулами и музыкой, при развернутом горьковском знамени. Так ушли Таранец, Волохов, Гуд, Леший, Галатенко, Федоренко, Корыто, Алешка и Жорка Волковы, Лапоть, Кудлатый, Ступицын, Сорока и многие другие. Кое-кого, сговорившись с Ковалем, мы оставили в колонии на платной службе, чтобы не лишать колонию верхушки. Кто *готовился* на рабфак, тех до осени я перевел в коммуну Дзержинского. Воспитательский *персонал* должен был остаться на некоторое время в колонии, чтобы не создавать паники. Только Коваль *не захотел остаться и*, не ожидая конца, ушел в район.

И в сиянии наград, выпавших на мою долю в это время, одна заблестела даже неожиданно: нельзя свернуть живой коллектив в четыреста человек. На место ушедших в первый же момент становились новые пацаны, такие же бодрые, такие же остроумные и мажорные. Ряды колонистов смыкались, как во время боя ряды бойцов. Коллектив не только не хотел умирать, он не хотел даже думать о смерти. Он жил полной жизнью, быстро

катился вперед по точным, гладким рельсам, торжественно и нежно готовился к встрече Алексея Максимовича.

Дни шли и теперь были прекрасными, счастливыми днями. Наши будни, как цветами, украшались трудом и улыбкой, ясностью наших дорог, *пружинным ходом коллектива*, дружеским горячим словом. Так же радугами стояли над нами заботы, так же крепко упирались в небо прожекторы нашей мечты.

И так же доверчиво-радостно, как и раньше, мы встречали наш праздник, *величайший* праздник в нашей истории.

Этот день наконец настал.

С утра вокруг колонии табор горожан, машины, начальство, целый батальон сотрудников печати, фотографов, кинооператоров. На зданиях флаги и гирлянды, на всех наших площадках цветы. Далеко протянулся на широких интервалах строй пацанов, на Ахтырском шляху – верховые, во дворе – почетный караул *с оркестром и знаменем*.

В белой фуражке, высокий взволнованный Горький, человек с лицом мудреца и с глазами друга, вышел из авто, оглянулся, провел по богатым рабочим усам дрожащими пальцами, улыбнулся:

– Здравствуй. Это… твои хлопцы?.. Да!.. Ну, идем!..

Знаменный салют оркестра, шелест пацаньих рук, пацаньи горячие очи, наши открытые души разложили мы, как ковер, перед гостем.

Горький пошел по рядам…

[15] Эпилог

Прошло семь лет. В общем все это было *очень* давно.

Но я теперь *очень* хорошо помню, помню до самого последнего движения тот день, когда *на харьковском вокзале* только *что* отошел поезд, увозивший Горького. Мысли наши и чувства еще стремились за поездом, еще пацаньи глаза искрились прощальной теплотой, а в моей душе стала на очередь маленькая «простая» операция. Во всю длину перрона протянулись горьковцы и дзержинцы, блестели трубы двух оркестров, верхушки двух знамен. У соседнего перрона готовился дачный на Рыжов. Журбин подошел ко мне:

– Горьковцев можно в вагоны?

– Да.

Мимо меня пробежали в вагоны колонисты, пронесли трубы. А вот и наше старое шелковое знамя, вышитое шелком. Через минуту во всех окнах поезда показались бутоньерки из пацанов и девчат. Они щурили на меня глаза и кричали:

– Антон Семенович, идите в наш вагон.

– А разве вы не поедете? Вы с коммунарами, да?

– А завтра к нам?

Я в то время был сильным человеком, и я улыбался пацанам. А когда ко мне подошел Журбин, я передал ему приказ, в котором было сказано, что вследствие моего ухода «в отпуск» заведование колонией передается Журбину.

Журбин растерянно посмотрел на приказ:

– Значит, конец?

– Конец, – сказал я.

– Так как же… – начал было Журбин, но кондуктор оглушил его своим свистком, и Журбин ничего не сказал, махнул рукой и ушел, отворачиваясь от окон вагонов.

Дачный поезд тронулся. Бутоньерки пацанов поплыли мимо меня, как на празднике. Они кричали «до свиданья» и шутя приподымали тюбетейки двумя пальцами. У последнего окна стоял Коротков. Он молча салютнул и улыбнулся.

Я вышел на площадь. Дзержинцы ожидали меня в строю. Я подал команду, и мы через город пошли в коммуну.

В Куряже я больше не был.

С тех пор прошло семь советских лет, а это гораздо больше, чем, скажем, семь лет *великороссийских*. За это время наша страна прошла славный путь первой пятилетки, большую часть второй, за это время восточную равнину Европы научились уважать

больше, чем за триста романовских лет. За это время выросли у наших людей новые мускулы и *каким-то чудом ухитрилась вырасти* новая наша интеллигенция.

Мои горьковцы тоже выросли и разбежались по всему советскому свету, для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймаешь инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовешь на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисинов и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов. И Шелапутин не ошибался, когда утверждал, что он будет летчиком; в летчики выходит и Шурка Жевелий, не желая подражать старшему брату, выбравшему для себя штурманский путь в Арктике.

В свое время меня часто спрашивали залетавшие в колонию *останки российской интеллигенции*:

– Скажите, говорят, среди беспризорных много даровитых, творчески, так сказать, настроенных… Скажите, есть у вас писатели или художники?

Писатели у нас, конечно, были, были и художники, без этого народа ни один коллектив прожить не может, без них и стенной газеты не выпустишь. Но здесь я должен с прискорбием признаться: из горьковцев не вышли ни писатели, ни художники, и не потому не вышли, что таланта у них не хватило, а по другим причинам: *захватили их стройки, монтажи, непривычная для россиянина и украинца новая блестящая никелем техника*.

Не вышло и из Карабанова агронома, *его горячее сердце так и не успокоилось после волнений молодости*. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно:

– Хай ему, с тем хлеборобством! Не можу без пацанов буты. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле *паробыли*, так и мне *не грех*.

Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семену жребий труднее, чем всякому другому подвижнику. Женился Семен на черниговке, и вырос у них трехлетний сынок, такой же, как мать, черноглазый, такой же, как батько, жаркий. И этого сына среди бела дня зарезал один из воспитанников Семена, присланный в его дом «для трудных», *больной человек*, психопат, уже совершивший *раньше* подобное *преступление*. И после этого не дрогнул Семен и не бросил нашего *дела*, не скулил и не

проклинал никого, только написал мне короткое письмо, в котором не столько *прочитал*, сколько *увидел я стиснутые губы мужественного героя.*

Не дошел до вуза и Белухин Матвей. Вдруг получил я от него письмо:

«Я нарочно это так сделал, Антон Семенович, не сказал вам ничего, уж вы простите меня за это, а только какой из меня инженер выйдет, когда я по душе моей есть военный. А теперь я в военной кавалерийской школе. Конечно, это я, *прямо* можно сказать, как свинья, поступил: рабфак бросил. Нехорошо как-то получилось. А только вы напишите мне письмо, а то, знаете, на душе как-то скребет».

Когда скребет на душе таких как Белухин, жить еще можно. И можно еще долго жить, если перед советскими эскадронами станут такие командиры, как Белухин. И я поверил в это еще крепче, когда приехал ко мне Матвей уже с кубиком[267], высокий, сильный, готовый человек, *без малейшей царапинки коммунистическая личность*, «полный комплект».

И не только Матвей, приезжали и другие, всегда непривычно для меня взрослые люди: и Осадчий – технолог, и Мишка Овчаренко – шофер, и мелиоратор за Каспием Олег Огнев, и педагог Маруся Левченко, и вагоновожатый Сорока, и монтер Волохов, и слесарь Корыто, и мастер МТС Федоренко, и партийные деятели Алешка Волков, Денис Кудлатый и Волков Жорка, и с настоящим большевистским характером, по-прежнему чуткий Марк Шейнгауз, и многие, многие другие.

Но многих я и растерял за семь лет. Где-то в лошадином море завяз и не откликается Антон, где-то потерялись *Бурун*, жизнерадостный Лапоть, хороший сапожник Гуд и великий конструктор Таранец. Я не печалюсь об этом и не упрекаю этих *людей* в забывчивости. Жизнь наша слишком заполнена, а капризные чувства отцов и педагогов не всегда нужно помнить. Да и «технически» не соберешь всех. Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат, не названных здесь, но таких же живых, таких же знакомых и таких же друзей. После смерти горьковского коллектива прошло семь лет, и все они заполнены тем же неугомонным прибоем ребячьих рядов, их борьбой, поражениями и победами, и блеском знакомых глаз, и игрой знакомых улыбок.

Коллектив дзержинцев и сейчас живет полной жизнью, и об этой жизни можно написать десять тысяч поэм, *и еще больше книг можно написать о других коллективах*.

О коллективе в Советской стране будут писать книги, потому

что Советская страна по преимуществу страна коллективов. Будут писать книги, и книги, конечно, более умные *и живые*, чем писали мои приятели – «олимпийцы», которые определяли коллектив так: «Коллектив есть группа взаимодействующих индивидов, совокупно реагирующих на те или иные раздражители»[268].

Меня всегда оскорбляли такие определения, ибо в них нет ничего человеческого. Колония полипов вполне удовлетворяет этому определению, но ни одно человеческое общество не согласится «совокупно реагировать» и ни один порядочный человек не согласится признать постановление нашей партии или декрет Совнаркома или, скажем, соседство Гитлера только «раздражителем». Нет, другие люди напишут новые слова о коллективе, и они прежде всего напишут о том, как коллектив нужно беречь, как нужно его воспитывать для борьбы и как нужно дорожить его счастливой жизнью.

Ибо коллективы, как и люди, могут умирать не только от старости, они могут погибать в полном развороте сил, надежд и мечты, их так же в течение одного дня могут задушить бактерии, как они могут задушить человека. И в будущих книгах напишут, какие порошки и дезинфекции нужно употреблять против этих бактерий. Уже и сейчас известно, что самая малая доза НКВД очень хорошо действует в подобных случаях. Я сам имел возможность видеть, как быстро издох профессор Чайкин, как только приблизился к нему уполномоченный ГПУ, как быстро сморщилась его ученая мантия, как отвалился от его головы позолоченный нимб и, звеня, покатился по полу, и как легко профессор обратился в обыкновенного библиотекаря. На мою долю выпало счастье наблюдать, как закопошился и начал расползаться «Олимп», спасаясь от едких порошков чекистской дезинфекции, как дрыгали сухие ножки отдельных козявок, как по дороге к щелям или к сырому углу они замирали без единой сентенции. Я не сожалел и не корчился от сострадания, ибо в это время я уже догадался: то, что я считал «Олимпом», было не что иное, как гнездо бактерий, несколько лет назад уничтожившее мою колонию.

Наша жизнь сильнее бактерий. Пусть умер горьковский коллектив, пусть на его месте, на вековых площадках Куряжа, пытались зародиться новые коллективы, пусть много этих зародышей на отравленной почве погибли, – коллектив горьковцев не умер бесследно. Не только люди живут в потомстве, есть потомство и у коллективов, и дети их живут красивее, богаче и счастливее отцов.

Только пятьдесят пацанов-горьковцев пришли в пушистый

зимний день в красивые комнаты коммуны Дзержинского, но они принесли с собой полный комплект *коллективных* находок, традиций и приспособлений, целый ассортимент *жизненной* техники, молодой техники освобожденного от *барина* человека. И на здоровой новой почве, окруженная заботой чекистов, каждый день поддержанная их энергией, *опытом, смелостью* и талантом, коммуна выросла в коллектив ослепительной прелести, подлинного трудового богатства, высокой социалистической культуры, почти не оставив ничего от смешной проблемы «исправления человека».

Семь лет жизни дзержинцев – это тоже семь лет борьбы, семь лет больших напряжений.

И так же, как когда-то у горьковцев, каждый наш день был счастливым днем, так же быстро катились мы по стальным гладким рельсам, так же играли над нами радуги нашей заботы, так же упирались в небо прожекторы нашей мечты.

Давно, давно забыты, разломаны, сожжены в кочегарке фанерные цехи Соломона Борисовича. И самого Соломона Борисовича заменил десяток инженеров, из которых многие стоят того, чтобы их имена назывались среди многих достойных имен в Союзе.

Еще в тридцать первом году построили коммунары свой первый завод – завод электроинструмента. В светлом высоком зале, украшенном цветами и портретами, *встали* десятки хитрейших станков: «Вандереры», «Самсон Верке», «Гильдемейстеры», «Рейнекеры», «Мараты». Не трусики и не кроватные углы уже выходят из рук коммунаров, а изящные сложные машинки, в которых сотни деталей и «дышит интеграл».

И дыхание интеграла так же волнует и возбуждает коммунарское общество, как давно когда-то волновали нас бураки, симментальские коровы, *«Чемберлены»*, «Васильи Васильевичи» и «Молодцы».

Когда выпустили в сборном цехе большую сверлилку «ФД-3»[269] и поставили ее на пробный стол, давно возмужавший Васька Алексеев включил ток, и два десятка голов, инженерских, коммунарских, рабочих, с тревогой склонились над ее жужжанием, главный инженер Горбунов сказал с тоской:

– Искрит…

– Искрит, проклятая! – сказал Васька.

Скрывая под улыбками печаль, потащили сверлилку снова в цех, три дня разбирали, проверяли, орудовали радикалами и логарифмами, шелестели чертежами. Шагали по чертежам циркульные ноги, чуткие шлифовальные «Келенбергеры» снимали с деталей последние полусотки, чуткие пальцы пацанов

осторожно собирали самые нежные части, чуткие их *производственные* души с тревогой ожидали новой пробы.

Через три дня снова поставили «ФД-3» на пробный стол, снова два десятка голов склонились над ней, и снова главный инженер Горбунов сказал с тоской:

– Искрит…

– Искрит, дрянь! – сказал Васька Алексеев.

– Американка не искрила, – завистливо вспомнил Горбунов.

– Не искрила, – вспомнил и Васька.

– Да, не искрила, – подтвердил еще один инженер.

– Конечно, не искрила! – сказали все пацаны, не зная, на кого обижаться: на себя, на станки, на сомнительную сталь номер четыре, *на сборщиков коллектора, пацанов или* на девчат, обмотчиц якоря, или на *одного главного* инженера Горбунова.

А из-за толпы ребят поднялся на цыпочки, показал всем рыжую веснушчатую физиономию Тимка Одарюк, прикрыл глаза *вздрагивающими* веками, покраснел и сказал:

– Американская точь-в-точь искрила.

– Откуда ты знаешь?

– Я помню, как пускали. И должна искрить, потому вентилятор здесь такой.

Американку давно разобрали на образцы, давно растащили по конструкторским столам.

Не поверили Тимке, снова потащили сверлилку в цех, снова заработали над ней мозги, станки и нервы. В коллективе заметно повысилась температура, в спальнях, в клубах, в классах поселилось беспокойство.

Вокруг Одарюка целая партия сторонников:

– Наши, конечно, дрейфят, потому что первая машинка. А только американки искрят еще больше.

– Нет!

– Искрят!

– Нет!

– Искрят!

И наконец не выдержали наши нервы. Послали в Москву, ахнули поклоном старшим:

– Дайте одну «Блек и Деккер»![270] Дали.

Привезли американку в коммуну, поставили на пробный стол. Уже не два десятка голов склонились над столом, а над всем цехом склонились триста коммунарских тревог. Побледневший Васька включил ток, затаили дыхание инженеры. И на фоне жужжания машинки неожиданно громко сказал *Тимка* Одарюк:

– Ну вот, говорил же я…

И в тот же момент поднялся над коммуной облегченный вздох и улетел к небесам, а на его месте закружились торжествующие рожицы и улыбки:

– Тимка правду говорил!

Давно мы забыли об этом взволнованном дне, потому что давно машинки выходят по пятьдесят штук в день и давно перестали искрить, ибо хотя и правду говорил Тимка, но была еще другая правда – в дыхании интеграла и *в голове* у главного инженера Горбунова:

– Не должна искрить!

Забыли обо всем этом потому, что набежали новые *дела, и прожекторы нашей мечты осветили новые площадки неба.*

В 1932 году было сказано в коммуне:

– Будем делать «лейки»[271]!

Это сказал *Броневой*[272]. *Броневой* – чекист, революционер и рабочий, а не инженер, и не оптик, и не фотоконструктор. И другие чекисты, революционеры и большевики, сказали:

– Пусть коммунары делают «лейки»!

Коммунары в эти моменты не волновались:

– «Лейки»? Конечно, будем делать «лейки»!

Но сотни людей, инженеров, оптиков, конструкторов ответили:

– «Лейки»? Что вы! Ха-ха…

И началась новая борьба, сложнейшая советская операция, каких много прошло в эти годы в нашем Отечестве. В этой борьбе тысячи разных дыханий, полетов мысли, полетов на советских самолетах, чертежей, опытов, лабораторной молчаливой литургии, строительной кирпичной пыли и… атак, повторных, еще раз повторенных атак, отчаянно упорных ударов коммунарских рядов в цехах, потрясенных прорывом. А вокруг те же вздохи сомнений, те же прищуренные стекла очков:

– «Лейки»? Мальчики? Линзы с точностью до микрона? Хе-хе!

Но уже пятьсот мальчиков и девчат бросились в мир микронов, в тончайшую паутину точнейших станков, в нежнейшую среду допусков, сферических аберраций и оптических кривых, смеясь, оглянулись на чекистов, *на спокойное лицо Броневого*:

– Ничего, пацаны, не бойтесь, – *сказал Броневой.*

– *А мы разве боимся? Нет…*

Развернулся в коммуне блестящий, красивый завод «ФЭД» ов, окруженный цветами, асфальтом, фонтанами, *настоящий советский завод. «ФЭДы», конечно, не сразу вышли хорошими, и первые потребители наши, конечно, обижались. И тогда снова в последний раз пропищали сомнения:*

– Мы же говорили! Как это можно! Беспризорные! Хи-хи.

Но это прошло. На днях коммунары положили на стол наркома[273] десятитысячный «ФЭД», безгрешную изящную машинку.

Много уже прошло, и много уже забывается. *Уже не знают коммунары, что это значит, «сучить дратву». Токари, револьверщики, лекальщики до 7-го разряда, мастера, начальники цехов, знающие, образованные люди, они не имеют ни времени, ни свободной души, чтобы вспоминать о дратве, разве из-под какой-нибудь захолустной подворотни отсыревший старосветский потомок олимпийцев вякнет спросонок:*

– Э… э… как же это? «ФЭД»! Почему «ФЭД»? А как же политехнизация?

Он даже начинает шуршать какими-то брошюрами, которые сам написал и в которых доказывает, что политехническая школа – это значит полное невежество во всех областях техники. Но никто на него уже не обращает внимания, ибо на него жаль истратить даже баночку далматского порошка.

Давно забылся и первобытный героизм, блатной язык и другие отрыжки. Каждую весну коммунарский рабфак выпускает в вузы десятки студентов, и много десятков их уже подходят к окончанию вуза: будущие инженеры, врачи, историки, геологи, летчики, судостроители, радисты, педагоги, музыканты, актеры, певцы. Каждое лето собирается эта интеллигенция в гости к своим рабочим братьям: токарям, револьверщикам, фрезеровщикам, лекальщикам, и тогда – начинается поход. Ежегодный летний поход – это новая традиция. Много тысяч километров прошли коммунарские колонны, по-прежнему по шести в ряд, *как всегда, со знаменем впереди и знаменитым своим оркестром. Прошли Крым, Волгу, Кавказ, побывали в Одессе, Москве, Баку, Тифлисе, много видели, многому научились.*

Но и в коммуне, и в летнем походе, *на всех исторических ступенях коммуны, в дни, когда «искрит»*, и в дни, когда тихо плещется трудовая жизнь коммунаров, то и дело выбегает на крыльцо круглоголовый, ясноокий пацан, подымает сигналку к небу и играет короткий сигнал «сбор командиров». И так же, как давно, рассаживаются командиры под стенами, стоят в дверях любители, сидят на полу пацаны. И так же ехидно-серьезный ССК говорит очередному неудачнику:

– Выйди на середину!.. Стань смирно и давай объяснение, как и что!

И так же бывают разные случаи, так же иногда топорщатся характеры, и так же временами, как в улье, тревожно гудит коллектив и бросается в опасное место. И все такой же трудной и

хитрой остается наука педагогика.

Но уже легче. Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой-маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы. Уже легче. Уже во многих местах Советского Союза завязались крепкие узлы серьезного педагогического дела, уже последние удары наносит партия по последним гнездам *бактерий, по последним очагам разболтанного*, деморализованного детства.

И, может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы», а напишут простую деловую книжку: «Методика советского воспитания»[274].

Харьков, 1925–1935 гг.

Вклейка

А. С. Макаренко – студент Полтавского учительского института. 1914 г.

Родители Антона Семеновича: Татьяна Михайловна и Семен Григорьевич. 1913 г.

Слева направо: **Татьяна Михайловна Макаренко с дочерью Наташей на руках, сестра Татьяны Михайловны – Пелагея Михайловна, Александра Семеновна (старшая сестра А. С.), Семен Григорьевич Макаренко с сыном Антоном, муж Пелагеи Михайловны с сыном Василием. 1894 г.**

А. С. Макаренко с учителями и ученицами Крюковского высшего железнодорожного училища. 1910–1911 гг.

Справа налево: **А. С. Макаренко, Е. Ф. Григорович и Н. Е. Кислова. Кременчук. 1911 г.**

Галина Стахиевна Рогаль-Левицкая (Салько). 1914 г. (Фотография в рамке стояла на письменном столе А. С. Макаренко.)

А. С. Макаренко (сидит) с братом Виталием Семеновичем и учащимися Долинского железнодорожного училища. Празднование нового 1914 года.

А. С. Макаренко на военной службе. Киев. 1916 г.

А. М. Горький и А. С. Макаренко со старшими колонистами. 8–9 июня 1928 г.

А. С. Макаренко с колонистами

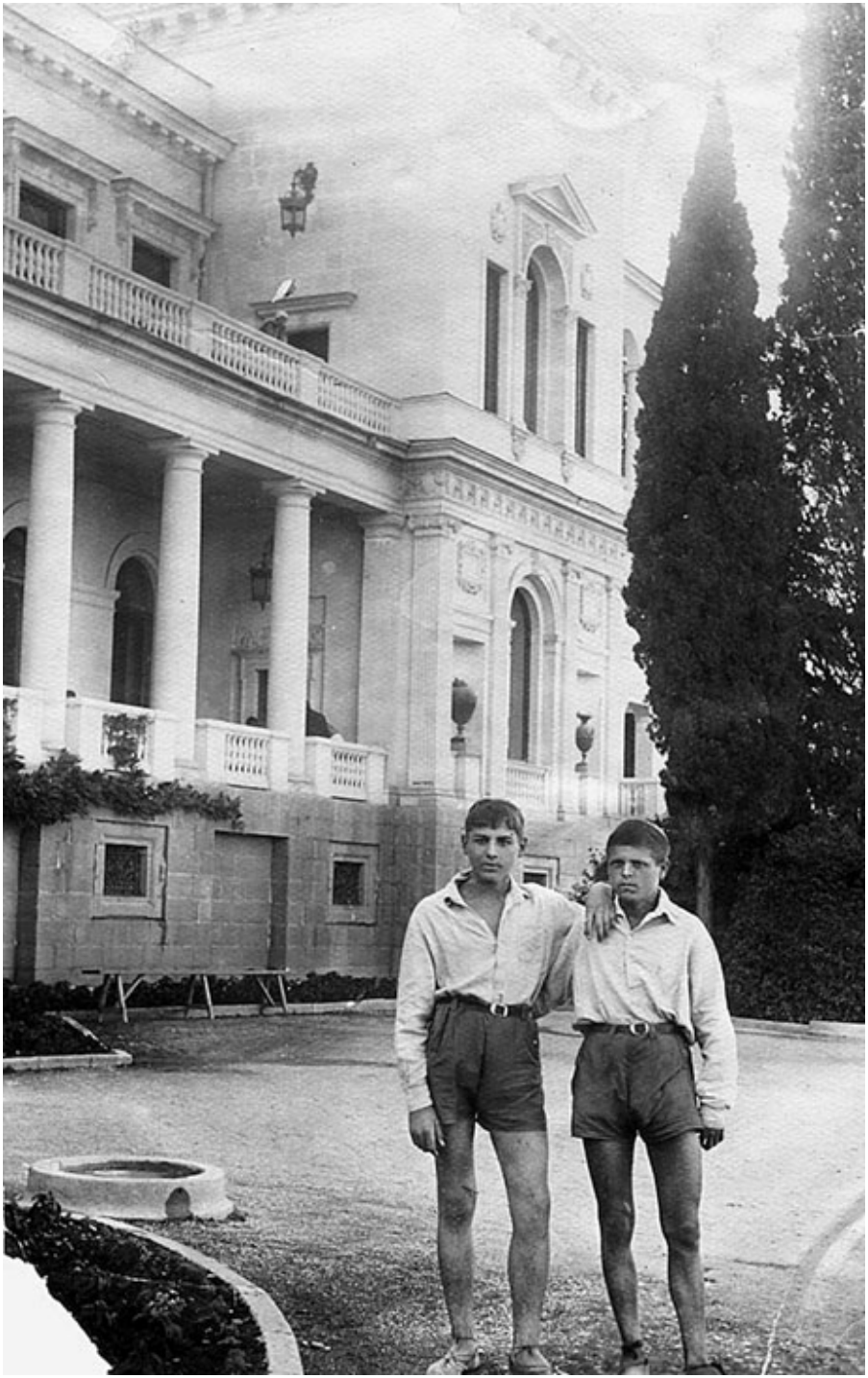
Чтение в спальне колонистов. Слева стоит А. С. Макаренко. 1921 г.

Флигель колонии им. М. Горького

А. С. Макаренко – заведующий колонией им. М. Горького. 1923 г.

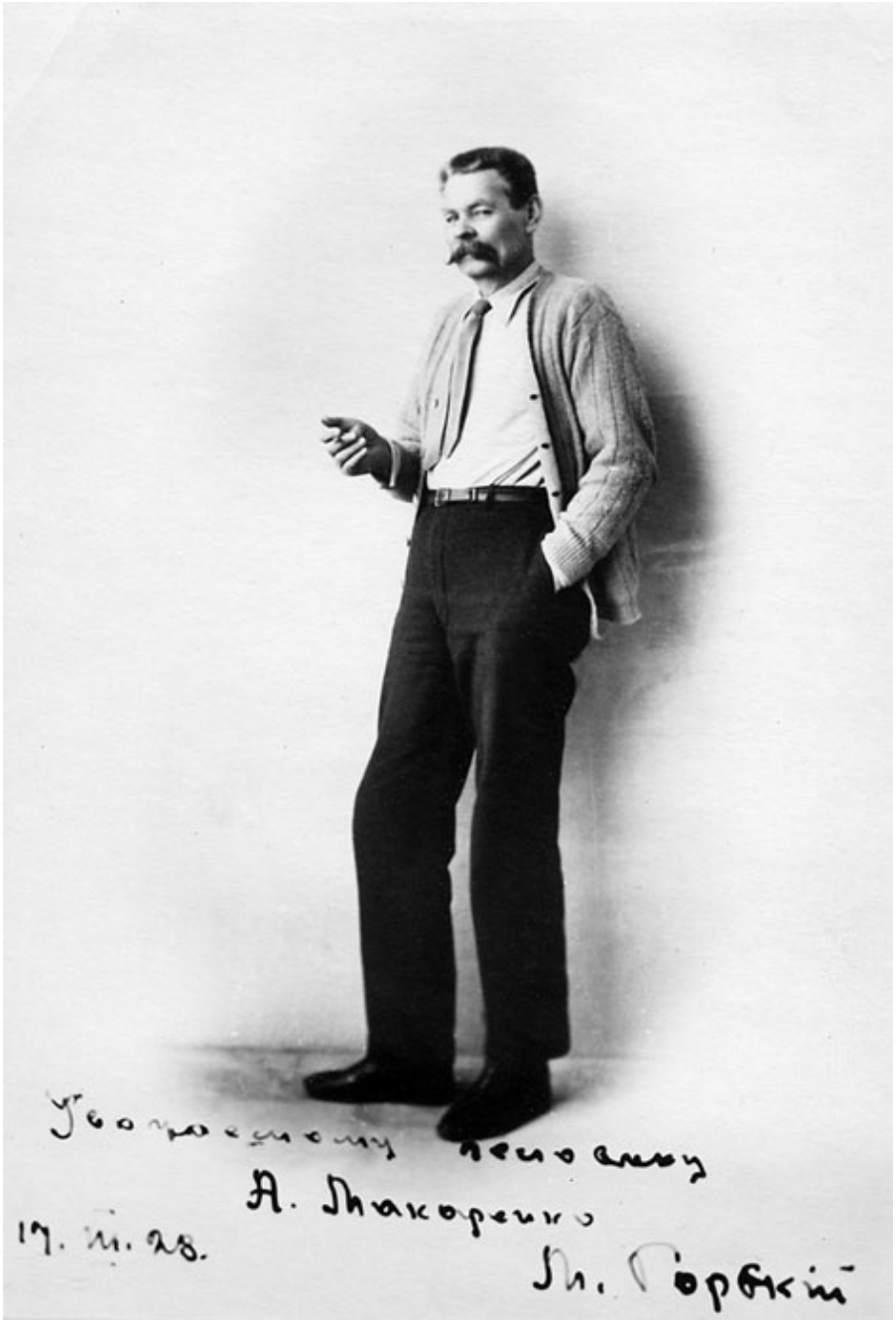
Рабочий стол А. С. Макаренко в московской квартире

(Лаврушинский пер., д. 17/19). 1937–1939 гг.



Слева: Лева Салько. Ливадия. Крымксий поход коммунаров

Лев Салько – студент Московского авиационного института (МАИ)

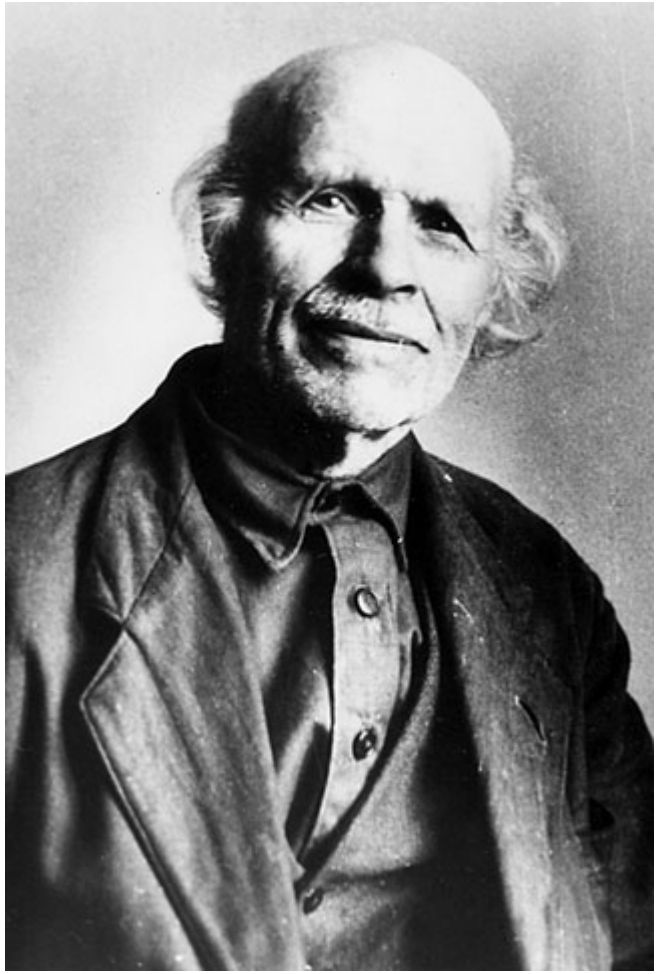


Алексей Максимович Горький. Фотография с дарственной надписью, 1928 г.

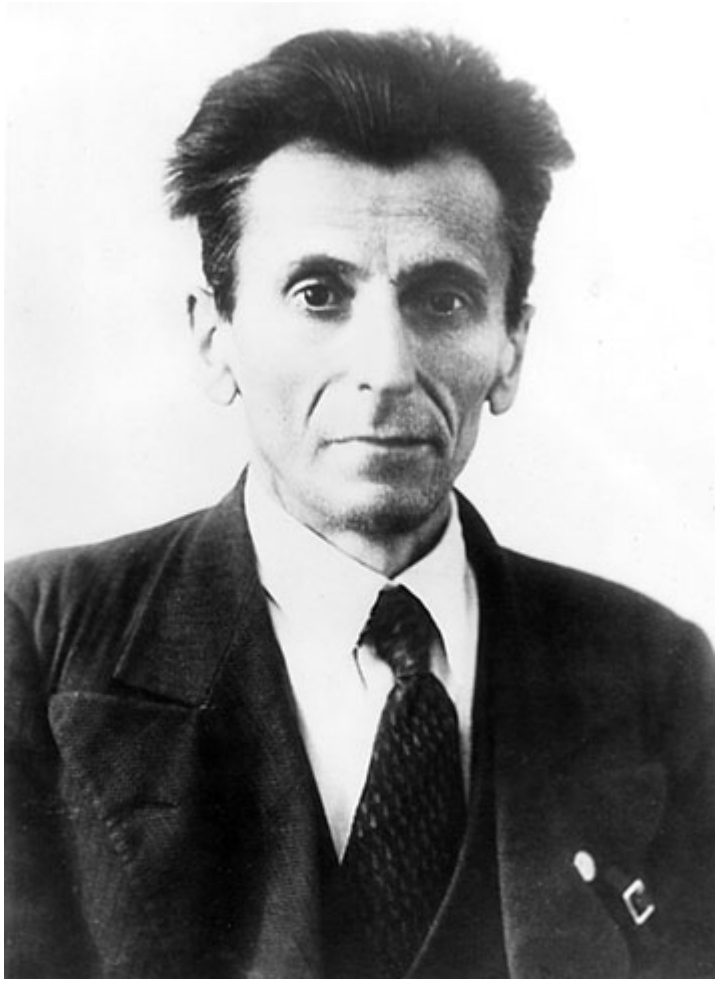
Воспитанницы А.С. Макаренко. Слева направо: Надежда Колодезникова-Стебловская и Тамара Мороз. 1933 г.

С. А. Калабалин с детьми и с супругой Галиной Константиновной (прототип Гали Черниговки) в «Педагогической поэме»)

Студенты юридического факультета, бывшие коммунары. 1939 г. *Сидят:* первый справа В. Н. Терский, второй – А. С. Макаренко.



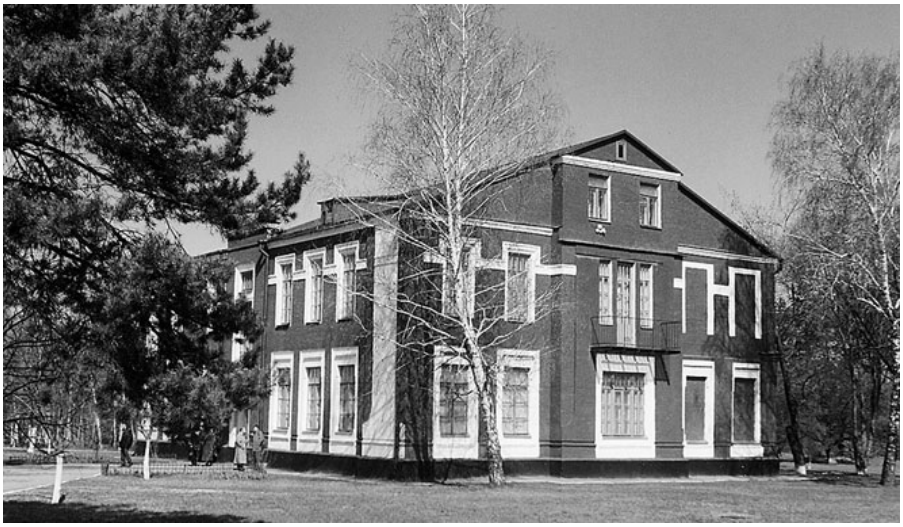
К. И. Сердюк – завхоз колонии им. М. Горького. В «Педагогической поэме» А. С. Макаренко пишет, что завхоз Калина Иванович напоминает врубелевского Пана.



Виктор Николаевич Терский (1898–1965) – воспитатель, художник, клубный работник колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Фото 1945 г.

А. С. Макаренко. 1932 г.

Спальня коммунаров.



Главное здание колонии им. М. Горького («В» – «Красный дом») в усадьбе, где размещались зал, столовая, классы, мастерские, кабинет. В настоящее время – Музей-заповедник А. С. Макаренко.

А. С. Макаренко. Фото из альбома коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 1932 года с надписью: «Макаренко Антон Семенович. Комментарии излишни».

notes

Сноски

1

На разных берегах… Судьба братьев Макаренко. / Составление и комментарии Г. Хиллига. – М.: Издательский центр «Витязь», 1998. С. 24.

2

Там же. С. 167.

3

Там же. С. 25.

Там же. С. 29.

Там же. С. 25.

Там же. С. 31.

7

Там же.

8

Там же.

9

Там же.

Там же. С. 32.

11

Там же. С. 32.

12

Степанченко Л. Антон Семенович Макаренко в моей жизни. // Жизнь и педагогическая деятельность А. С. Макаренко в дореволюционной России. Серия «Неизвестный Макаренко». Вып. 7. / Составитель и автор вступительной статьи С. С. Невская. – М.: НИИ Семьи, 1988. С. 21–22, 26–27.

13

На разных берегах… Судьба братьев Макаренко. / Составление и комментарии Г. Хиллига. – М.: Издательский центр «Витязь», 1998. С. 63.

14

Воспитание гражданина в педагогике А. С. Макаренко: В 2 ч. / Автор монографии, примечаний, редактор-составитель С. С. Невская – М.: Академический Проект, Альма Матер. 2006. Ч.2. С. 443–445.

15

Лукин Ю. А. С. Макаренко. – М.: Советский писатель, 1954. С. 54–55.

16

Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко. – Марбург, 1997. С.2.

17

Ты научила меня плакать… (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939). В 2 т. – Т. 1 / Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. – М.: Издательский центр «Витязь», 1994. С. 120–122.

18

Там же. С. 137.

Там же. С. 17–20.

20

Там же.

Там же. С. 21–22.

Там же. С. 66–67.

23

Макаренко А. С. Педагогическая поэма / Сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. Невская. – М.:ИТРК, 2003. С. 686.

Там же. С. 686–689.

Там же. С. 686–690.

Там же. С. 690.

27

Там же. С. 689.

28

Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание / Под ред. Г. Хиллига при участии С. С. Невской, Марбург, 1990. С. 152–153.

29

Архив Горького, ПГ-рл 21а 1 148.

30

Архив Горького. ПГ-рл-48-15-26.

31

Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание / Под ред. Г. Хиллига при участии С. С. Невской, Марбург, 1990. С. 66.

32

Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание / Под ред. Г. Хиллига при участии С. С. Невской, Марбург, 1990. С. 75.

33

Архив Горького. Кк-рл 10 2 8.

34

Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание, Марбург, 1990. С. 75.

Там же. С. 77–79.

Там же. С. 80.

37

Архив Горького. Кк-рп 10-2-5.

38

Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание, Марбург, 1990. С. 83–84.

Там же. С. 85–88.

Там же. С. 89–90.

Там же. С. 93–95.

Там же. С. 95–96.

43

Архив Горького. Пг-рл 20-9-1.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма» / Сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. Невская. М.: ИТРК, 2003.

Губнаробраз – Губернский отдел народного образования.

46

Речь идет о втором городском начальном училище им. Куракина в г. Полтаве (школа размещалась в здании губернского отдела народного хозяйства на Соборной площади, 10; занятия проходили во второй половине дня), которым заведовал А. С. Макаренко с августа 1919 г. до перехода на работу в колонию в Трибах.

Реформаторумы – детские тюрьмы, учреждения для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Социальное воспитание (Соцвос) – имеется в виду концепция общественного воспитания для всех детей.

49

Сто пятьдесят миллионов – имеются в виду денежные знаки 1920 г.

50

Пан – в греческой мифологии бог лугов, полей, покровитель пастухов, охотников и рыболовов. А. С. Макаренко имеет в виду картину *М. А. Врубеля* (1856–1919) с изображением Пана, написанную художником в 1899 г. («Пан»).

51

Речь идет об особой продовольственной комиссии по снабжению Первой запасной армии во время Гражданской войны.

52

Соцвосовский – речь идет о «выговоре» (проникновенной речи), типичном для сотрудников соцвоса (социальное воспитание).

53

Речь идет о *Кие*, первом легендарном правителе г. Киева, и его братьях *Щеке* и *Хориве*. По преданию, они основали город.

Рятуйте (*укр.*) – помогите, спасите, караул.

55

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – барон, российский генерал-лейтенант (1918 г.); с апреля 1920 г. возглавлял Добровольческую (белую) армию на Юге России. В конце 1920 г. эмигрировал.

Имеются в виду националистические настроения среди украинских кулаков; желто-блакитное (желто-голубое) знамя (символ петлюровцев) было у контрреволюционных националистов на Украине.

Допр – дом принудительных работ – закрытое учреждение для заключенных Наркомюста УССР; в РСФСР – исправительно-трудовой дом.

Бурса – в дореволюционной России название общежития при духовных училищах и семинариях с казенным содержанием.

59

Имеется в виду Комиссия по делам несовершеннолетних правонарушителей при отделах народного образования. Эти комиссии, организованные на основании Декрета СНК РСФСР от 9 (22) января 1918 г. и состоящие из председателя в лице педагога, юриста и врача, занимались разбором дел несовершеннолетних правонарушителей.

Утермарковские печи – печи из кирпича в форме вертикальных цилиндров, обшитые железом.

61

Опера *Александра Сергеевича Даргомыжского* (1813–1869) «Русалка» (1855 г.).

Губпродком губюротдела – продовольственная комиссия губернского юридического отдела.

Подорвать – убежать.

Урки, уркаганы (*блатн., жарг.*) – воры.

Сявки (*блатн., жарг.*) – мелкий воришка, низкий, трусливый, лишенный достоинства человек.

66

Мак-Кинли, Уильям (1843–1901) – 25-й президент США (1897–1901 гг.).

Завкол – заведующий колонией.

Рижен – колышек на краю саней.

69

Цитата из Библии (Матфей, 7, 7; Лука, 11, 9).

70

Цитата (речь Луки) из пьесы Максима Горького «На дне» (1902 г.).

Комнезам – Комитет незаможних (неимущих) крестьян-бедняков (в РСФСР – комбеды).

Анархизм – общественно-политическое течение, которое выступало за немедленное уничтожение всякой государственной власти.

73

Имеется в виду голод в Поволжье и на Юге России в 1921–1922 гг.

74

Речь идет о «полках» украинских политических деятелей: *Симона Васильевича Петлюры* (1879–1926), с февраля 1919 г. глава Директории (правительства Украины), в 1920 г. был выслан в Польшу; и *Нестора Ивановича Махно* (1889–1934) – анархист, в 1921 г. эмигрировал в Румынию.

Освиченный (*укр.*) – образованный.

Не чипай (*укр.*) – не тронь.

Дуже – очень.

Грак (*укр.*) – грач, в переносном смысле – некультурный, жадный, грубый человек.

Ось! – Вот!

Ледащо – лодырь.

81

Мамай (?–1380) – татарский темник, фактический правитель Золотой Орды; потерпел поражение от московского князя *Дмитрия Донского* в битвах на р. Вожа (1378 г.) и на Дону (Куликовская битва 1380 г.). *Макаренко* ошибочно или в шутку называет *Мамая* казаком.

Втручение – вмешательство.

83

Хист – талант.

Скокарь (*жарг.*) – грабитель.

85

Гринько Григорий Федорович (1890–1938) – нарком просвещения УССР в 1920–1922 гг.

Кат (*укр.*) – палач.

87

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский писатель и поэт, родоначальник новой русской литературы, создатель русского литературного языка; *Короленко Владимир Галактионович* (1853–1921), русский писатель и публицист, почетный академик Петербургской АН (1900–1902), почетный академик Российской АН (1918); *Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович* (*настоящая фамилия Мамин*) (1852–1912), русский писатель; *Вересаев Викентий Викентьевич* (*настоящая фамилия Смидович*) (1867–1945), русский, советский писатель; *Горький Максим* (*настоящие имя и фамилия Алексей Максимович Пешков*) (1868–1936), русский, советский писатель, общественный деятель, литературный критик и публицист, инициатор создания и первый председатель Правления Союза писателей СССР.

Имеется в виду уничтожение самогонных аппаратов у хуторян.

89

Имеется в виду скульптура *Праксителя* (ок. 390–330 гг. до н. э.) – мифического героя *Геракла*.

Выженэм (*укр.*) – выгоним.

91

Имеется в виду роман *Ивана Сергеевича Тургенева* (1818–1883) «Дворянское гнездо» (1859 г.).

92

Имеется в виду рассказ *Федора Михайловича Достоевского* (1821–1881) «Мальчик у Христа на елке» (1876 г.).

93

Свободное воспитание – направление в педагогике второй половины XIX – начала XX в., отвергавшее право взрослых на систематическое и планомерно организованное воспитание, образование и обучение ребенка в рамках обязательного учебного процесса.

94

Имеется в виду мысль *Льва Николаевича Толстого* (1829–1910) о «непротивлении злу насилием».

Не важил (*укр.*) – не взвешивал.

Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827), выдающийся швейцарский педагог, автор педагогического романа «Лингард и Гертруда» (1781–1787 гг.); *Жан Жак Руссо* (1712–1778), знаменитый французский просветитель, философ, писатель, педагог, автор романа в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» (1761 г.), романа-трактата «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.); *Пауль Наторп* (1854–1924), известный немецкий философ и педагог; *Павел Петрович Блонский* (1884–1941), русский, советский педагог, психолог, историк философии, профессор, доктор педагогических наук.

97

О габерсупе речь идет в пьесе русского писателя *Николая Васильевича Гоголя* (1809–1852) «Ревизор» (пост. 1836 г.), 1 акт, 3 действие.

98

Аракчеевщина – политика крайней реакции, политического деспотизма, проводившаяся *Алексеем Андреевичем Аракчеевым* (1769–1834) – русским государственным деятелем.

99

Педология – наука о ребенке, возникшая в конце XIX – начале XX в. в США, имеющая практико-ориентированный характер и ставящая задачу всестороннего изучения ребенка и составления целостного представления о его жизни и психическом развитии. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» фактически наложило запрет на исследования в области возрастной психологии и педагогического поиска экспериментального характера.

100

ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.

Зозулястая (*укр.*) – пестрая, рябая, похожая на кукушку.

Псувати (*укр.*) – портить, пакостить.

Коллектор – учреждение, в которое поступали беспризорные дети и где их распределяли по детским домам, интернатам и колониям.

Спидныця (*укр.*) – юбка.

106

Речь идет о знаменитом романе американского писателя *Марка Твена* (настоящее имя Сэмюэл Клеменс) (1835–1910), написанном в 1876 г.

107

Говорится о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Всевобуч – Всеобщее военное обучение.

109

Имеется в виду имущество без хозяина.

Старцюйте (*укр.*) – нищенствуйте.

111

Речь идет об Октябрьской железной дороге (бывшая Николаевская), соединяющей напрямую Москву и Ленинград.

112

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) – украинский поэт, основоположник новой украинской литературы и национального литературного языка.

113

Речь идет о «светящихся колоннах» из декорации постановки Московским Художественным театром одного из актов пьесы бельгийского драматурга *Мориса Метерлинка* (1862–1949) «Синяя птица» (1908 г.).

ВЭК – Всеобщая электрическая компания.

115

Словосочетание *«клейкие листочки»* произносит Иван Карамазов (*«Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь…»*) – один из главных персонажей романа *Достоевского* «Братья Карамазовы» (1879–1880 гг.).

116

Речь идет о главном персонаже трагедии «Фауст» (1808–1832 гг.) немецкого писателя, основоположника немецкой литературы нового времени *Иоганна Вольфганга Гёте* (1749–1832).

Предстательство – ходатайство.

Пер. с укр.: Так как это дело требует безотлагательного решения, нельзя терять времени, уважаемый товарищ Братченко.

Знущатися (*укр.*) – измываться, потешаться.

Флаженером называли младшего колониста с небольшим флажком в руке, замыкающего строй горьковцев.

Репет (*укр., разг.*) – крик, вопль.

122

Имеется в виду комиссия по улучшению жизни детей (Помдет), которая была организована в декабре 1921 г. при Всероссийском центральном исполнительном комитете, на которую возлагалась охрана жизни и здоровья детей; такая же комиссия была создана на Украине – Укрпомдет.

Постылыця (*укр.*) – затылок.

Заручины – сговор, обручение.

Скородить – бороновать.

126

Доминанты (*от лат. dominans – господствующий*) – в физиологии временно господствующий рефлекс. Учение о доминанте было создано физиологом *Алексеем Алексеевичем Ухтомским* (1875–1942); в 1923 г. он ввел термин и представление о доминанте как общем принципе работы нервных центров, исследовал процессы возбуждения, торможения и механизм лабильности.

Кендюх – сорт колбасы.

Трохи – немного.

129

«Бунт машин» – пьеса *Алексея Николаевича Толстого* (1882/83–1945).

«Товарищ Семивзводный» – пьеса *В. Голичникова*.

131

«Азеф» – пьеса *А. Н. Толстого* и *Павла Елисеевича Щеголева* (1877–1931).

132

Созонов Евгений Сергеевич (1879–1910) – эсер; 15.7.1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. Был приговорен к пожизненной каторге; покончил с собой в Горном Зерентуе.

133

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – министр внутренних дел, шеф отдела корпуса жандармов (1902–1904 гг.).

Незаможник – крестьянин-бедняк на Украине.

135

Цитата из стихотворения русского поэта *Федора Ивановича Тютчева* (1803–1873) «Люблю глаза твои, мой друг…».

136

Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель, автор более 1000 изобретений (в области электротехники).

Кортити (*укр.*) – сильно, не терпится.

138

Имеется в виду *Диоген Синопский* (ок. 400 – ок. 325 до н. э.) – древнегреческий философ, практиковал крайний аскетизм, отвергал достижения цивилизации; по преданию, жил в бочке.

139

Лука – луг.

Нехвороща (*укр.*) – полунь.

Лобода – лебеда.

142

Рюрик – основатель династии Рюриковичей. По летописной легенде, Рюрик был начальником варяжского военного отряда. Он был призван ильменскими славянами княжить в Новгороде вместе со своими братьями *Синеусом* и *Трувором*.

143

Вигвам – жилище индейцев Северной Америки: по овалу (кругу) втыкаются в землю гибкие стволы деревьев, концы их сгибаются в свод, а остов вигвама покрывается ветками, корой, циновками.

Саж (*укр.*) – хлев, садок для откармливания животных.

Пляшка (*укр.*) – бутылка.

146

Наполеон (*Наполеон Бонапарт*) (1769–1821) – французский император в 1804–1814 гг. и в марте – июне 1815 г.; из династии Бонапартов, уроженец Корсики; последние годы жизни провел на острове Святой Елены как пленник англичан.

Кнур (*укр.*) – кабан, хряк.

148

Командир сводного отряда (четыре).

149

На отказ не рассчитываем. Родственники невесты, по украинскому обычаю, отказывая сватам, преподносили им тыкву (*укр.* – гарбуз).

Пручатися (*укр.*) – артачиться.

151

Тричі (*укр.*) – трижды.

152

Райграс (*англ.*) – название трав семейства злаковых, которыми засеваются газоны.

153

Стопорщик (*жарг.*) – один из участников ограбления.

ССК – секретарь совета командиров.

Благбаз – Благовещенский базар (старый харьковский рынок).

156

Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – в 1919–1923 гг. – командир 1-й Конной армии, в 1924–1937 гг. – инспектор кавалерии РККА, в 1939–1941 гг. – заместитель наркома обороны СССР. Маршал Советского Союза (1935 г.).

157

Выкручуете – хитрите.

Курень – название войскового подразделения у запорожцев; колонисты называли свои отряды куренями, *пятый курень* – пятый отряд девочек.

159

Речь идет об обряде, когда представители всех куреней избирали атамана запорожского войска (кошевого) и голову избранника посыпали землей.

Клейноды (*укр.*) – атрибуты гетманской власти: бунчук и булава.

161

Строки из «Песни о Соколе» *Максима Горького*.

162

Имеется в виду *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918).

163

Жито (*укр.*) – рожь.

Стрибати, стрибнути (*укр.*) – прыгать.

165

Речь идет о председателе Всеукраинского ЦИКа (в 1919–1938 гг.) *Петровском Григории Ивановиче* (1878–1958).

Злякати (*укр.*) – испугать.

167

Слова Чацкого из пьесы «Горе от ума» (1822–1824 гг., действие 1, явление 7) *Александра Сергеевича Грибоедова* (1790 или 1795?–1829).

Рушати (*укр.*) – двигаться, трогаться.

169

Речь идет об ученых Украинского Научно-исследовательского института педагогики (УНИИП), которые критически отнеслись к проектам А. С. Макаренко по организации воспитательной работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (март 1928 г.).

170

Имеется в виду член коммуны имени Луначарского. *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875–1933) – нарком просвещения РСФСР и СССР (с 1917 г.).

171

Орлеанская дева – *Жанна д'Арк* (ок. 1412–1431), народная героиня Франции, возглавила борьбу против английских захватчиков (Столетняя война 1337–1453 гг.). В 1429 г. освободила Орлеан от осады, ее стали называть Орлеанской девой. В 1430 г. оказалась в плену у бургундцев, которые продали ее англичанам. Жанну д'Арк предали церковному суду; объявив колдуньей, ее сожгли на костре в Руане. Католическая церковь канонизировала Орлеанскую деву в 1920 г.

Шерхебель – вид рубанка, который используется для первоначального, грубого строгания древесины.

173

Барка – палка, к которой прикрепляются постромки.

174

Имеется в виду правление *Анатолия Ивановича Деникина* (1872–1947). Деникинщина – режим с апреля 1918 по 1920 г. на Северном Кавказе, Дону и Украине.

175

Конград – сокращенное название украинского города Константинограда, с 1922 г. – Красноград.

176

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – русский художник, Заслуженный деятель искусств РСФСР (1942 г.), создал картины: «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890 гг.), «На Руси» (1916 г.), портрет «И. П. Павлов» (1935 г.) и др.

177

Каульбах Вильгельм фон (1805–1874) – немецкий художник, представитель позднего романтизма и академизма, иллюстрировал произведения И. Гёте и Ф. Шиллера.

178

Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский художник и архитектор; в портретах создал идеальный образ человека Возрождения («Б. Кастильоне», 1515 г.).

«Вісти ВУЦВК» – центральная правительственная газета УССР (с 1919 по 1941 г.).

«Кирпичики» – популярная песня 1920-х годов.

181

Имеется в виду первая часть (*«Ад»*) поэмы «Божественная комедия» (1307–1321 гг., издана в 1472 г.) итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321).

«Нива» – дореволюционный иллюстрированный еженедельный журнал, который издавался с конца 1869 г.

183

Соколянский Иван Афанасьевич (1889–1960) – профессор, дефектолог, занимался вопросами сурдо– и тифлопедагогики, разработал систему обучения слепоглухонемых.

Став, ставок (*укр.*) – пруд.

185

Карл Маркс (1818–1883) – основоположник последовательно научного мировоззрения – диалектического и исторического материализма, пролетарской политэкономии и научного социализма.

186

Речь идет о предложенном СССР «Положении об агрессоре» Женевской конференции о разоружении 6 февраля 1933 г.

187

В рукописи было иначе: «Но Ваня помог ему это сделать. Он поднял глаза к Мише и попросил просто, невинно, играя прелестными трелями мальчишеского дисканта:

– Миша, мы тебя очень просим, дай ему по морде. У тебя это очень хорошо выходит» (ГРАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 4).

188

Заключительные слова драмы *А. С. Пушкина* «Борис Годунов» (1825 г.).

189

Спон – социально-правовая охрана несовершеннолетних детей.

190

Имеется в виду классификация личности *Александра Федоровича Лазурского* (1874–1917) – российского психолога, в основе которой лежал принцип приспособления личности к социальной среде в зависимости от одаренности индивида: прирожденного запаса духовных и физических сил, нервно-психической энергии и психической активности. Ученый считал, что преобладание в структуре личности внешних (*экзопсихика*) и внутренних (*эндопсихика*) источников развития позволяет проводить деление людей по их проявлениям или отношениям на две большие группы – *экзопсихическая и эндопсихическая*. К *экзопсихическим* проявлениям личности ученый относил отношения субъекта к окружающей его среде, к *эндопсихическим* элементам личности – характер, темперамент, умственную одаренность человека, способность к восприятию, внимание, память, мышление, воображение, эмоционально-волевую устойчивость, психомоторику (т. е. «как бы внутренний механизм человеческой личности»).

191

Архимед (ок. 287–212 до н. э.) – древнегреческий ученый, автор многочисленных изобретений.

Не барятся – не задерживаются.

193

Вакула – персонаж из рассказа *Николая Васильевича Гоголя* «Ночь перед Рождеством» (1832 г.).

194

Дарий Гистасп – *Дарий I*, царь персидского государства Ахеменидов в 522–486 гг. до н. э., при котором начались Греко-персидские войны. В армии Дария I были отряды всадников на боевых слонах, которые наводили ужас на противника.

195

«Блоха» – пьеса русского писателя Евгения Ивановича Замятина (1884–1937) по произведению *Лескова Николая Семеновича* (1831–1895) «Левша», написанному им в 1881 г.

196

Имеется в виду персонаж повести *Н. В. Гоголя* «Шинель» (1842 г.) – Акакий Акакиевич Башмачкин, чье имя стало нарицательным.

Дитлахи (*укр., разг.*) – детишки, ребятишки.

198

Выделенный курсивом текст печатался иначе:

«В больничке лежал корявый мальчик лет шестнадцати, Дорошко, смотрел на меня внимательным сухим взглядом и шептал:

– Я давно хотел вам сказать…

– Кто тебя побил?

– А что приезжали?.. А кто меня бил, кому какое дело! А я говорю, не ваши побили, а они хотят – ваши. А если бы не ваши, меня убили бы. Тот… такой командир, он проходил, а те разбежались пацаны…

– Это кто же?

– Я не скажу… Я не для себя крал. Мне еще утром сказал… тот…

– Ховрах?

Молчание.

– Ховрах?

Дорошко уткнулся лицом в подушку и заплакал. Сквозь рыдания я еле разбирал его слова:

– Он… узнает… Я думал… последний раз… я думал…

Я подождал, пока он успокоится, и еще раз спросил: –Значит, ты не знаешь, кто тебя бил?

Он вдруг сел на постель, взялся за голову и закачался слева направо в глубоком горе. Потом, не отрывая рук от головы, с полными еще слез глазами улыбнулся: –Нет, как же можно? Это не горьковцы. Они не так били бы…

– А как?

– Я не знаю как, а только они без одеяла… Они не могут с одеялом…

– Почему ты плачешь? Тебе больно?

– Нет, мне не больно, а только… я думал, последний раз… И вы не узнаете…

– Это ничего, – сказал я. – Поправляйся, все забудем…

– Угу… Пожалуйста, Антон Семенович, вы забудьте…

Он наконец успокоился». (Пед. соч., т. 3, с. 347.)

199

Шульгин Виктор Николаевич (1894–1965) – историк, деятель педагогической науки и народного образования, профессор. В 1918 г. был назначен зам. заведующего отделом единой трудовой школы Наркомпроса РСФСР; в 1922–1932 гг. возглавлял Институт методов школьной работы; в 1929–1932 гг. состоял членом коллегии Наркомпроса.

Бриль (*укр.*) – широкополая соломенная шляпа.

201

«Быть или не быть? – вот в чем вопрос…» – цитата из трагедии «Гамлет» (1601 г.) английского драматурга и поэта *Уильяма Шекспира* (1564–1616).

202

Кориолан – герой одноименной трагедии *Шекспира* (написана в 1607 г.).

203

Выделенный курсивом диалог ранее печатался иначе, в сокращенном варианте: «Ховрах, наконец, вырывается из Мишиных объятий и уходит. Миша ласково говорит ему вслед:

– Иди, подыши свежим воздухом… Очень полезно, очень полезно…» (Пед. соч., т. 3, с. 352–353.)

204

Слова Гамлета из одноименной трагедии *Шекспира* («Бывают чудеса, друг Горацио, которые *и не снились нашим мудрецам*»).

205

Строки из стихотворения *Михаила Юрьевича Лермонтова* (1814–1841) «Воздушный корабль» (1840 г.).

206

Аустерлицкое сражение – сражение между русско-австрийскими и французскими войсками 20.11 (2.12) 1805 г. в районе г. Аустерлица, в котором французская армия, возглавляемая Наполеоном, одержала победу.

207

Выделенный курсивом текст ранее печатался иначе: «Солнце Наполеона едва ли способно было затмить мою сегодняшнюю славу. А ведь Наполеону гораздо легче было воевать, чем мне. Хотел бы я посмотреть, что получилось бы из Наполеона, если бы методы соцвоса для него были так же обязательны, как для меня». (Пед. соч., т. 3, с. 358.)

208

Выделенный курсивом текст ранее печатался в другом варианте: «Как ни рано я встал, а в колонии уже было движение. Почему-то многие толкались возле окон пионерской комнаты, другие, гремя ведрами, спускались к «чудотворному» источнику за водой. У колокольных ворот стояли Зорень и Нисинов.

– А когда приедут горьковцы? Утром? – спросил серьезно Митька.

– Утром. Вы сегодня рано поднялись.

– Угу… Не спится как-то…Они на Рыжов приедут?

– На Рыжов. А вы будете здесь встречать.

– А скоро?

– Успеете умыться.

– Пойдем, Митька, – медленно реализовал Зорень мое предложение.

Я приказал Горовичу для встречи колонны горьковцев и салюта знамени выстроить куряжан во дворе, не применяя для этого никакого особенного давления:

– Просто пригласите». (Пед. соч., т. 3, с. 358.)

209

Котляревский Иван Петрович (1769–1838) – украинский писатель, автор поэмы «Энеида» (опубликована в 1798 г.), пьес «Наталка-Полтавка» и «Солдат-чародей», постановка которых состоялась в 1819 г. (Украинский композитор *Лысенко Николай Витальевич* (1842–1912) написал в 1889 г. оперы «Наталка-Полтавка», «Энеида» в 1910 г.)

Гава – ворона.

211

Выделенный курсивом текст ранее печатался иначе: «Разве это характер.

– О чем ты думаешь?

– Почему они не боятся, а я боюсь…

– За себя боишься?

– Нет, зачем мне бояться за себя? За себя я ничуть не боюсь, а я боюсь и за вас, и за всех, я вообще боюсь. У них была хорошая жизнь, а теперь, наверное, будет плохо, и кто его знает, чем это кончится?

– Зато они идут на борьбу. Это, Марк, большое счастье, когда можно идти на борьбу за лучшую жизнь.

– Так я же вам говорю: они счастливые люди, потому они и песни поют. А почему я не могу петь, а все думаю?

Над самым моим ухом Синенький оглушительно заиграл сигнал общего сбора.

«Сигнал атаки», – сообразил я и вместе со всеми поспешил к вагону». (Пед. соч., т. 3, с. 361.)

Ристалище – площадь для состязаний, представлений, скачек.

213

Комир – воротник.

Теревени – болтовня.

215

Чемберлен Остин (1863–1937) – министр иностранных дел Великобритании в 1924–1929 гг.; консерватор, в 1927 г. был одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР.

Меркурий – в римской мифологии бог торговли, дорог, покровитель путешественников, вестник богов; изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе и с жезлом в руках. В колонии имени Горького были свои связные, которых называли «отрядные меркурии».

217

Беллами Эдуард (1850–1898) – американский писатель, общественный деятель. В 1887 г. написал социально-утопический роман «Looking backward 2000–1887» («Взгляд назад»), который принес ему мировую известность. На русский язык роман неоднократно переводился под разными названиями: «Через сто лет» (СПб., 1890), «Чудный сон» (СПб., 1893).

218

Чапаев Василий Иванович (1887–1919) – герой Гражданской войны, с 1918 г. командовал отрядом, бригадой и 25-й стрелковой дивизией, погиб в бою против армии адмирала *Колчака Александра Васильевича* (1873–1920).

219

Строки из 4 главы романа *А. С. Пушкина* «Евгений Онегин» («Мальчишек *радостный народ* коньками звучно режет лед»).

220

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский государственный, партийный и военный деятель, нарком по военным и морским делам с 1925 г., нарком обороны СССР с 1934 г.

221

Пластрон (*фр.*) – туго накрахмаленная грудь мужской верхней сорочки.

222

«Интернационал» – в 1918–1943 гг. – национальный гимн СССР (текст Э. Потье, музыка П. Дегейтера, впервые исполнен лилльским хором рабочих в 1888 г.).

223

Павлов Иван Петрович (1849–1936) – русский ученый-физиолог, создавший учение о высшей нервной деятельности.

«Олимп» – гора в Греции, где, по представлениям древних греков, жили боги.

225

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – партийный деятель. В 1929 г. эмигрировал, убит в Мексике.

226

Петлюра Симон Васильевич (см. п. 30) – один из руководителей украинской буржуазно-националистической контрреволюции, лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии; с февраля 1919 г. – глава Центральной рады. В 1920 г. эмигрировал, в 1926 г. убит в Париже.

227

Ефремов Сергей Александрович (1876–1939) – политик, публицист и литературовед, был главным обвинителем по «делу СВУ» («Союз освобождения Украины»).

228

Сохранились выписки *А. С. Макаренко* из произведений *В. И. Ленина* (1870–1924) по вопросам воспитания и дисциплины (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 99).

229

«На верхушке «Олимпа» сидел такой Шульгин». – В письме редактору «Педагогической поэмы» альманаха «Год XVIII» *Е. М. Коростелевой* от 3.12.1935 г. *А. С. Макаренко* писал: «Здесь в Держлітвидаві» собираются выпустить третью часть на рідній мові. Но они ужасно напуганы главой «У подошвы Олимпа», прямо дрожат и требуют: «выкреслиты». Между прочим, они указывают, что Шульгин жив и даже состоит в партии. Конечно, Шульгин не контрреволюционер, может быть, не стоит его обижать? Как Вы думаете?»

(Пед. соч., т. 8, с. 58.) В письмах от 9 и 15 декабря 1935 г. Е. М. Коростелева сообщала: «Шульгина – вычеркну, – если бы не задержка по независимым от редакции обстоятельствам – быть бы Шульгину напечатанным… Не помню, печатается ли Шульгин в других главах, кроме Олимпа? Будьте добры, сообщите, а то нет возможности просмотреть сейчас всю рукопись – часть ее уже печатается». «Шульгина вычеркиваю, придется, возможно, несколько связанных с ним фраз изменить, постараюсь сделать только необходимое». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 59, лл. 13, 13 об., 14.)

230

Петр I Великий (1672–1725) – русский царь с 1682 г.; правил с 1689 г., император Всероссийский с 1721 г., сын царя *Алексея Михайловича*. Государственный, военный и культурный деятель России.

231

А. С. Макаренко допускает ошибку, на которую указывает редактор Е. М. Коростелева в письме автору 15.12.1935 г.: «…Вы упоминаете графа Дмитрия Толстого. При Петре начальником Тайной канцелярии был Петр Андреевич Толстой, а граф Дмитрий Толстой был министром внутренних дел при Александре II, основателе классических гимназий и т. д. Мы переделали Дмитрия на Петра, т. к. это проще, чем Петра I на Александра II – дело происходит уже в верстке». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 59, лл. 14, 15).

«Механическая теория» в данном случае употребляется как противопоставление диалектической теории. В начале 1930 г. была проведена дискуссия в области философии.

233

Имеются в виду мечты персонажа поэмы-романа *Н. В. Гоголя* «Мертвые души» (1842 г.) – Манилова.

234

Конец цитаты из пьесы *Грибоедова Александра Сергеевича* (1795–1829) «Горе от ума»: «Но чтоб иметь детей, *кому ума недоставало?*»

235

Имеется в виду *Броневой Александр Осипович* (1898–1940) – сотрудник ГПУ УССР и коллега А. С. Макаренко по отделу трудколоний НКВД УССР (1935–1936 гг.) – *Георгий Моисеевич Осовский*.

236

Строки из либретто оперы «Фауст» (1859 г.) французского композитора Шарля Гуно (1818–1893) по одноименной трагедии *Иоганна Гёте*.

237

Табу – запрещение.

238

Данное предложение печаталось иначе: «Деды и бабы пронзительно закричали и затопали по улице в разные стороны, прижимая иконы под мышками». (Пед. соч., т. 3, с. 401.)

239

Данное предложение печаталось иначе: «Ребята приняли деда, а Семен выскочил в другое окно и запрыгал по зеленому мокрому двору, спасаясь от ожогов». (Пед. соч., т. 3, с. 401.)

240

Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, создатель дарвинизма. В документе «Вместо коллоквиума» (1922 г.) *А. С. Макаренко* писал: «Солидные знания имею в общей *биологии*. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [проявлениями] дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое». (Пед. соч., т. 1, с. 9.)

241

Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – председатель Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК)

242

Слова из трагедии Шекспира «Гамлет».

243

Феерия – фантастическое литературно-музыкальное представление с декорациями, костюмами, трюками. Тексты феерии о жизни колонии, а позже коммуны, обычно писал сам *А. С. Макаренко*.

244

Тимирязев Климентий Аркадьевич (1843–1920) – русский естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской научной школы физиологии растений.

245

Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616) – испанский писатель, автор знаменитого романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («Дон Кихот», 1605 г., ч. 1; 1615 г., ч. 2).

Мутации – изменения наследственных свойств организма в результате перестроек и нарушений в генетическом материале организма – хромосомах и генах. В результате открытия мутаций возникла мутационная теория, согласно которой резкие, внезапные мутации явились решающими факторами эволюции, сразу ведущими к возникновению новых видов; естественному отбору отводилась подсобная роль.

Скиглити (*укр.*) – (о собаке, /разг./ о человеке) скулить.

248

Погребинский Матвей Самойлович (1896–1937) – ответственный работник ВЧК– ГПУ, организатор трудкоммун, в том числе в Болшеве и Люберцах под Москвой.

249

Речь идет о трудкоммуне бывших правонарушителей им. ОГПУ № 1, открытой в 1924 г. *М. С. Погребинский* написал книгу о коммуне «Фабрика людей» (М., 1928 г.); в 1936 г. вышла книга «Болшевцы» под редакцией А. *М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина*, на которую *А. С. Макаренко* написал рецензию под тем же названием (опубликована в «Литературной газете», 27 августа, 1936 г.).

250

Выделенный курсивом текст ранее печатался иначе и в сокращенном варианте: «Я возвращался в колонию, скомканный завистью. Кому-то придется работать в этом дворце? Нетрудно построить дворец, а есть кое-что и потруднее. Но я грустил недолго. Разве мой коллектив не лучше любого дворца?» (Пед. соч., т. 3, с. 423.)

251

Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ-иррационалист. В сочинении «Мир как воля и представление» сущность мира (кантовская «вещь в себе») Шопенгауэр представляет как неразумную волю, как бесцельное влечение к жизни.

А. С. Макаренко полемизирует с *В. Н. Шульгиным* по поводу детского самоуправления. В авторских материалах 1927–1928 гг. *Макаренко* писал: «Есть такая книжка Шульгина под заглавием “Основные вопросы социального воспитания”. К сожалению, вопросы, разбираемые Шульгиным в его книжке, так и остались вопросами… По мнению Шульгина, на Западе самоуправление построено по монархическому принципу, и это очень плохо, а у нас по советскому, и это очень хорошо… Было бы понятно, если бы Шульгин писал книгу на французском языке, или, скажем, немецком, со специально похвальной целью обдурить немецкую братию. Ведь пишется по-русски, для русских педагогов. Спрашивается, для чего тогда нужно Шульгину вставлять очки российским педагогам?

А вставляются очки по двум линиям: во-первых, у нас с самоуправлением совсем не хорошо, а отвратительно и мерзко, об этом все хорошо знают. Во-вторых, когда же это у нас конституция вытекала из условий детской жизни и не была дана сверху? При помощи какого чуда так получилось, что у нас по всему Союзу все те же рекомендуемые Шульгиным учкомы, деткомы, детисполкомы. Какая обязательная борьба нужна Шульгину для организации конституции, кто должен принять участие в этой борьбе, какие факты привели к созданию того, что Шульгин воображает существующим?

В особенности интересует меня этот вопрос о борьбе. Стоит на нем остановиться подробнее. Лучшего примера невежества, ханжества и преступления перед всем нашим делом я, пожалуй, не найду. А пример не только хороший, но и замечательно характерный.

Как представляет себе Шульгин в наших условиях после Октябрьской революции борьбу в детском доме для завоевания самоуправления? Если эта борьба, по мнению Шульгина, необходима для того чтобы самоуправление было правильное, то как должен отнестись к этой борьбе воспитатель? Вероятно, он должен и сам принять в ней участие в качестве противной стороны. Как он это должен делать – искренно бороться со стремлением детей к самоуправлению или “с понтом”, как говорят наши воспитанники. Очевидно, что искренно он не может это сделать, ибо в таком случае его в шею нужно гнать из детского дома, даже не ожидая окончательной победы детского самоуправления. А если “с понтом”, то очевидно т. Шульгину придется написать еще одну книгу примерно под таким

заглавием: «Как нужно педагогу валять дурака в детском доме», – так, однако, чтобы из сего была польза, а не вред? В этой книге Шульгину нужно будет обязательно хорошенько облюбовать одну важную главу, в которой должна быть преподана маленькая методика, поучающая нашего педагога, как в процессе этой борьбы довести детей до такого состояния и совершенства, чтобы они не только завоевали самоуправление, но чтобы это самоуправление обязательно состояло из учкомов и деткомов и вообще было таким, каким положено по книжке т. Шульгина, иначе нечем ему будет покрыть монархически буржуазную европейскую педагогику…». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, лл. 48–49 об.)

253

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «Все это происходило на фоне почти полного моего разрыва с “мыслящими педагогическими кругами” тогдашнего Наркомпроса Украины. В последнее время отношение ко мне со стороны этих кругов было не только отрицательное, но и почти презрительное. И круги эти были как будто неширокие, и люди там были как будто понятные, а все же как-то так получалось, что спасения для меня не было. Не проходило дня, чтобы то по случайным, то по принципиальным поводам мне не показывали, насколько я низко пал. У меня самого начинало уже складываться подозрение к самому себе.

Самые хорошие, приятные события вдруг обращались в конфликты. Может быть, действительно я кругом виноват». (Пед. соч., т. 3, с. 425.)

254

Речь идет о добровольном обществе «Друзья детей» (в РСФСР – «Друг детей»), которое возникло в 1924 г. на базе комиссий по охране интересов детей; в 1925–1933 гг. общество издавало ежемесячный журнал «Друг детей»; в 1935 г. общество прекратило свою деятельность.

255

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «…создавали вокруг меня невыносимое организационное одиночество, к которому, впрочем, можно и привыкнуть. Я уже научился понемножку каждый новый случай встречать с угрюмой готовностью перетерпеть, как-нибудь пережить. Я старался не вступать в споры, а если и огрызался иногда, то, честное слово, из одной вежливости, ибо нельзя же с начальством просто разговаривать». (Пед. соч., т. 3, с. 426–427.)

256

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «Я чувствовал в себе страшное упрямство, не упрямство прямоты, не упрямство торжества, нет, упрямство горечи и какой-то неопределенной беспросветности моей работы». (Пед. соч., т. 3, с. 429.)

257

В рукописи сохранился текст первоначального варианта приговора: «Приговор.

Товарищеский суд колонии имени Горького считает: Ужиков поступил как подлый враг трудящихся колонистов. Работает сам он всегда плохо, а жить хочет лучше трудящихся, он смотрит на колонию как чужой человек и только и думает, чего бы украсть в колонии. Наши лучшие друзья-рабфаковцы, которые построили нашу колонию и показывают нам путь вперед, – они живут бедно и стипендию получают маленькую. Кто их может обокрасть? Это может сделать только наш общий и коварный враг, которого нужно беспощадно истреблять и гнать из Советского Союза. Ужиков заслуживает того, чтобы выгнать его из колонии, пусть живет где хочет, а если и пропадет, нам не будет жалко.

Но товарищеский суд еще раз дает Ужикову возможность сделаться честным трудящимся». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 8.)

258

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «Они сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и который наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке требований коллективного инстинкта, я бы сказал». (Пед. соч., т. 3, с. 434.)

259

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «Я получил возможность в мельчайших деталях представить себе многие, до сих пор таинственные для меня области. У чекистов очень высокий интеллект в соединении с образованием и культурой никогда не принимал ненавистного для меня выражения русского интеллигента». (Пед. соч., т. 3, с. 435.)

260

Выделенный курсивом текст печатался иначе: «А моя работа в коммуне, не отравленная никаким кликушеством, была работа хоть и трудная, но посильная человеческому рассудку». (Пед. соч., т. 3, с. 436.)

ХПЗ – Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна.

262

«Броненосец „Потемкин“» – художественный фильм известного советского режиссера *Сергея Михайловича Эйзенштейна* (1898–1948), впервые вышедший на экраны 18 января 1926 г.

263

Речь идет о заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП) 13 и 14 марта 1928 г., на котором обсуждались документы, подготовленные *А. С. Макаренко*: «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» и “Конституция” трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского».

Синедрион – совет старейшин, высшее религиозное, правительственное и судебное учреждение в древней Иудее.

265

Чехов Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель, почетный академик Петербургской АН (1900–1902 гг.).

В записной книжке (март 1935 г., санаторий, Одесса) *А. С. Макаренко* писал: «А. Чехов. Рассказы 1886 г. (Чехонте. “Осколки”) “ЧУЖАЯ БЕДА”. (Молодые покупают имение, но видят горе продающих. Муж здесь хвастун, жена тонко чувствует – лучший фрагмент чеховских женщин). ТЫ и ВЫ (Следователь и мужик. Тема плохая, но в некоторых словах мужика уже чувствуется большое умение Чехова передавать синтаксис речи мужиков). МУЖ (Пришел полк. Акцизный уводит жену с бала. Очень хорошо и сильно). РОЗОВЫЙ ЧУЛОК (Жена малограмотная, но муж утешается ее “семейной приспособленностью”). По-моему, вовсе не плохо! НЕСЧАСТЬЕ (История измены жены. Растянуто. Действительно есть шаблонные места. И, конечно, несправедливо преувеличено животное тяготение жены). СТРАДАЛЬЦЫ (По теме очень талантливый набросок: жена чего-то съела, больна, простак муж в испуге, но рад, что видит жену. Она любительница). ПАССАЖИР 1 класса (Об известных людях).

Отмечаю: 1. Темы почти везде чеховские, темы лучше исполнения. Всегда прекрасный живой, верный диалог. Замечательная простота и художественность композиции, большое чутье и мера. Заплаканные глаза вместо всей плачущей женщины. Но в описаниях (у Чехова они мне всегда не нравятся) беспомощность». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 26.)

Позже (декабрь 1938 г.) *А. С. Макаренко* записал: «Тема. Довольно комично. После статьи Бойма (отнюдь не моей, моей никто не читал) все обиделись на меня за Чехова – как это можно сказать, что Чехов не детский писатель. И все бросились защищать Чехова – страшно смешно!» (Там же, ед. хр. 34.)

См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 110.

267

Кубики – знаки различия среднего командного состава в Красной армии до 1943 г.

268

Цитата из книги профессора *Александра Самойловича Залужного* (1885–1938) «Учение о коллективе. Методология. Детский коллектив» (Работник просвещения. М. – Л., 1930): «… коллективом мы будем называть группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражители» (с. 79).

На полях книги *А. С. Залужного А. С. Макаренко* сделал следующие пометки. Глава 1 («Процесс эволюции и мировые законы»): «Безграмотно» (с. 5); «Почему новых методов? Почему?» (с. 8); «Это можно изложить проще и убедительнее» (с. 17); «Все это изложено довольно невнятно и плохим языком. Что, собственно, противопоставлено цитате из Бехтерева? Ничего. И что обозначает выражение «новые методы» (с. 22). Глава («Действия или состояния»): «Начал с Аристотеля! О, ученость!» (с. 23); «Интересно, в какой связи с поведением ставят теперь работу [тела] внутренней секреции?» (с. 33). Кроме того, *Макаренко* делал пометы на полях книги значком «NS», а также подчеркивал заинтересовавшие его места. (Музей Центра внешкольной работы им. А. С. Макаренко, Москва).

269

«ФД-3» – марка электросверлилки («Феликс Дзержинский»), цифра 3 – номер модели.

«Блек и Деккер» – марка американской переносной электросверлилки.

271

«*Лейка*» – портативный фотоаппарат с ленточной фотопленкой.

Броневой А. С. с сентября 1932 г. был председателем Правления коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

273

Имеется в виду руководитель наркомата внутренних дел УССР *Всеволод Аполлонович Балицкий* (1892–1937).

В других изданиях книги: «Методика коммунистического воспитания» (Собр. соч., т. 3, с. 250).